Татьяна Молчанова

Лермонтовы
1613–2013

Книга выпущена при поддержке ассоциации
«Лермонтовское наследие» (Россия, Москва)

*Книга разработана, сверстана и подготовлена к печати
в издательском доме «Жигульский»
www.zhp.ru*

Жигульский

***Татьяна
Молчанова***

**РОССИЙСКИЙ РОД
ШОТЛАНДСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

*ООО «Издательство «Волант»
Москва 2014*

Об авторе

Татьяна Павловна Молчанова родилась в Екатеринбурге в 1945 году. Ее мать Людмила Ивановна Молчанова, урожденная Ильина, врач по образованию, в 1963–1985 годах возглавляла Московское отделение Российского Красного Креста. Отец Павел Васильевич Молчанов – горный инженер, кандидат технических наук, в 1955–1968 годах – ученый секретарь Института горного дела АН СССР. С 1946 года семья проживала в Москве.

Татьяна Молчанова с отличием окончила школу, с красным дипломом – Институт тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова, в 1981 году защитила диссертацию с присуждением ученой степени кандидата биологических наук. В 1974–1991 годах Т. П. Молчанова работала в Гематологическом научном центре ведущим научным сотрудником по созданию в России нового направления молекулярной диагностики наследственных заболеваний крови – гемоглобинопатий. Одновременно работала в Институте молекулярной биологии АН СССР, занимаясь фундаментальными исследованиями роли динамической структуры белков в функционировании макромолекул. В 1991 году Татьяна Павловна Молчанова была приглашена на работу в Международный гематологический центр в США. Впоследствии работала в фармацевтических компаниях и в Национальном институте здоровья в Бетэзде (штат Мэриленд, США). Постоянно сотрудничала с Аргонской национальной лабораторией (Иллинойс, США) директора Института молекулярной биологии АН СССР академика А. Д. Мирзабекова по разработке микрочипов для молекулярной диагностики наследственных заболеваний. За время карьеры опубликовала более 120 научных работ в международных журналах. Результаты ее исследований широко цитируются в крупных научных изданиях.

Татьяна Молчанова – двоюродная сестра Лидии Георгиевны Лермонтовой-Молчановой, жены Юрия Григорьевича Лермонтова (1910–2005). Со своими родственниками Лермонтовыми, проживавшими в США, ей удалось впервые встретиться лишь в 1991 году – после демократических преобразований в России. История семьи Молчановых и Лермонтовых (www.tatianamolchanova.com) захватила внимание Татьяны Молчановой. С 2004 года она стала изучать историю рода Лермонтовых, которая уходила в глубь веков в далекую, загадочную Шотландию. Она познакомилась с англичанином Рексом Лермонтом, интересовавшимся историей шотландского рода Лермонтов. Татьяна и Рекс быстро стали соавторами и настоящими друзьями. Татьяна Молчанова в 2005 и 2006 годах путешествовала по историческим местам в Шотландии, связанным с именем Лермонтов. С 2005 года Татьяна Молчанова стала членом ассоциации «Лермонтовское наследие». При ее активном участии проходили международные съезды Лермонтов и Лермонтовых: в 2007 году в усадьбе Середниково; в 2009 году в Австралии; в 2011 году в Великобритании.

Татьяна Молчанова участвовала в подготовке празднования 200-летия со дня рождения гениального русского поэта М. Ю. Лермонтова, которое проходило в библиотеке конгресса США 24 апреля 2014 года, организатор мероприятия – Американо-российский культурный фонд. Татьяна Молчанова – автор более двадцати публикаций и четырех книг на русском и английском языках о роде Лермонтов и Лермонтовых. В личности и творчестве великого поэта М. Ю. Лермонтова она находит глубокую мудрость познания человеческой души и философское понимание жизни. Татьяна Павловна твердо убеждена, что для осмысления своего места в жизни и обществе необходимо понимать законы природы и знать историю своих предков. Эти знания приводят к изучению и пониманию истории и культуры своего Отечества, а также приобщают к пониманию истории народов мира. Ее любимый философ – Иммануил Кант, дальний родственник Лермонтовых, моральному принципу которого – «нравственный закон внутри нас» – она старается следовать.

Татьяна Молчанова замужем за Юрием Постниковым, кандидатом биологических наук, имеет сына.

Содержание

От автора

Дорогие читатели!

Эта книга посвящается юбилеям: 400-летию рода Лермонтовых и 200-летию со дня рождения великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Род Лермонтовых – древнейшая российская династия, ведущая начало с 1057 года от шотландского предка – рыцаря Лермонта [1]. Российский род Лермонтовых насчитывает более восьмисот человек пятнадцати прямых поколений [2]. В одной книге впервые представлена уникальная информация о наиболее знаменитых представителях рода.

Прочитав книгу, вы узнаете историю рода Лермонтовых и вспомните значимые исторические события, начиная с 1613 года и до наших дней. В книге нет выдуманных историй – она основана на фактах и документах. Перед вами откроются судьбы многих поколений, радеющих об укреплении и процветании семьи, сильные характеры, доблестные защитники и служители Отечества. Все представители рода гордились своим знаменитым родственником поэтом. К сожалению, Михаил Юрьевич в силу обстоятельств его жизни был мало знаком с родней. Нет сомнения, что он мог бы ими гордиться.

История династии Лермонтовых не могла бы быть восстановлена без энтузиазма и инициативы российской международной ассоциации «Лермонтовское наследие». Ассоциация стала своего рода фундаментом не только для единения рода Лермонтовых, но и для обозначения исторической и социальной роли известнейшей династии в жизни России.

На базе ассоциации и благодаря активной деятельности ее президента М. Ю. Лермонтова – полного тезки великого предка – под Москвой, в усадьбе Середниково, был создан мемориальный музей поэта. Сегодня в России нет такого литературного лермонтовского события, в котором ассоциация не принимала бы участие.

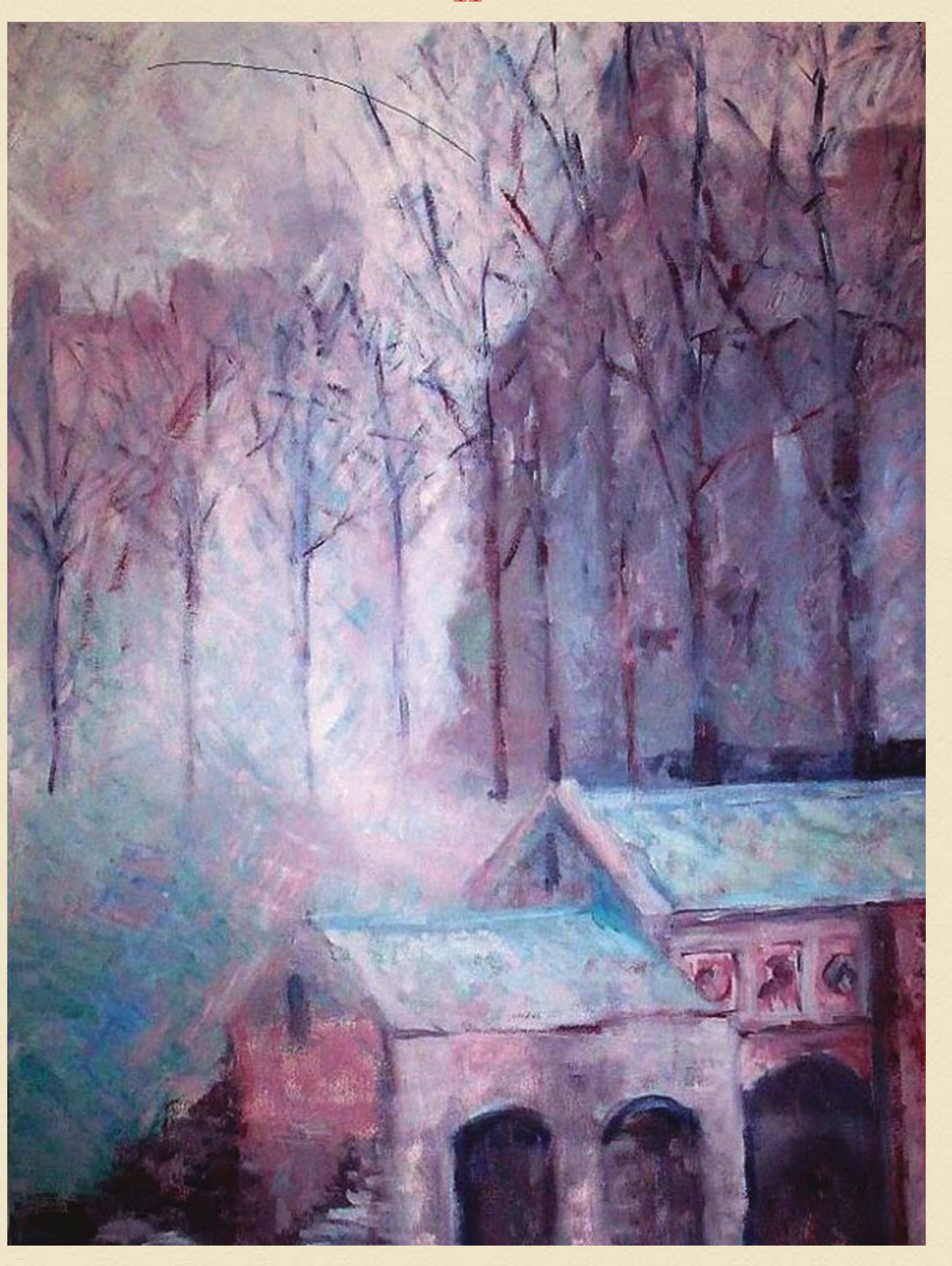
Описывая историю четырехсотлетнего дома Лермонтовых, понимаешь, что связь времен, прерванная годами советской власти, восстановилась. Носить фамилию, быть причастной к роду Лермонтовых – значит быть в единении не только с памятью предков, защищавших Отечество и приумножавших его достояние и славу, но и осмысливать судьбу и деяния конкретных людей, родственников поэта.

Шотландские корни российского рода Лермонтовых

Лермонтов – фамилия шотландского происхождения [1]. Первое упоминание датируется 1057 годом: некто рыцарь Лермонт, сражавшийся в войске шотландского короля Малькома против Макбета. К этому роду, а по шотландской классификации клану, принадлежал легендарный шотландский поэт-пророк Томас Лермонт (1220–1299), мистическая история которого о посещении царства фей уже почти тысячу лет занимает наше воображение.

Георг Лермонт (George Leirmont) происходил из знатного рода Лермонтов из графства Файф, бывшего в родстве с шотландским королем Джеймсом (Яковом) V (годы правления – 1512–1542) и королевой Марией Стюарт (годы правления – 1542–1587). Лермонты на протяжении 135 лет (1473–1608) держали в руках административную власть в качестве мэров религиозного центра Шотландии Сэнт-Эндрюс. Лермонтам принадлежали два знаменитых замка в графстве Файф: замок Дэрси и замок Бэлкоми.

Замок Дэрси в графстве Файф, Шотландия. Фотография автора, 2006



Замок Бэлкоми в графстве Файф, Шотландия. Картина Грега Лермонта, 2009

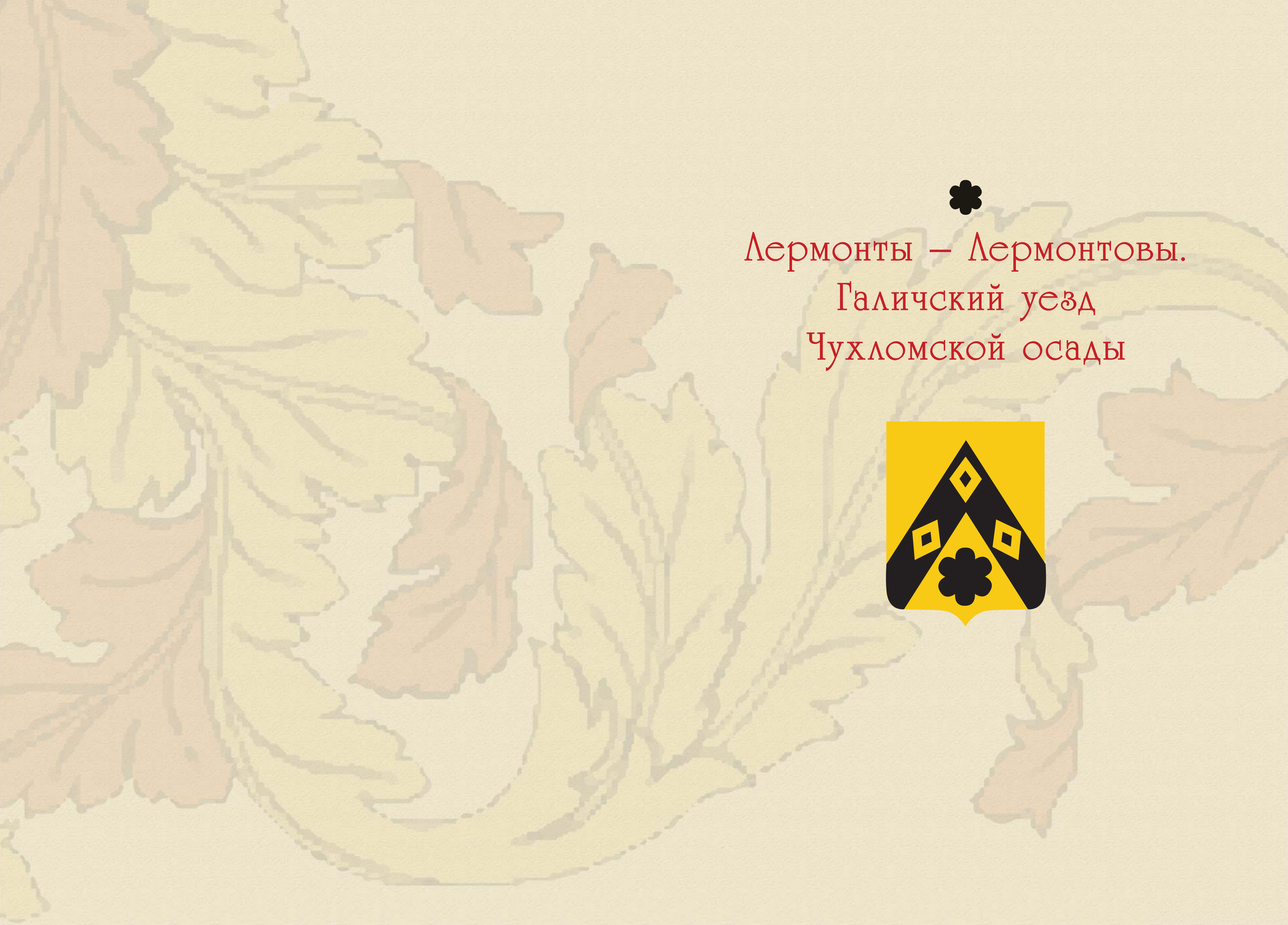
Вверху – герб Лермонтов 1529 года в бенедиктинском аббатстве Плускарден (Pluscarden Abbey) в Шотландии, слева – герб Лермонтов (в современной версии), справа – герб Лермонтовых, внизу – лермонтовский тартан

Герб Лермонтов в наши дни хранится в замке Дэрси, в замке Бэлкоми, в Сэнт-Эндрюсе, в бенедиктинском аббатстве Плускарден (Pluscarden Abbey) в Шотландии [1]. К 1700-м годам ветвь рода Лермонтов из графства Файф в Шотландии перестала существовать [3]. Но остались потомки фамилии в российском роде Лермонтовых [4]. Символика на гербе рода шотландских Лермонтов из графства Файф и рода Лермонтовых идентична.

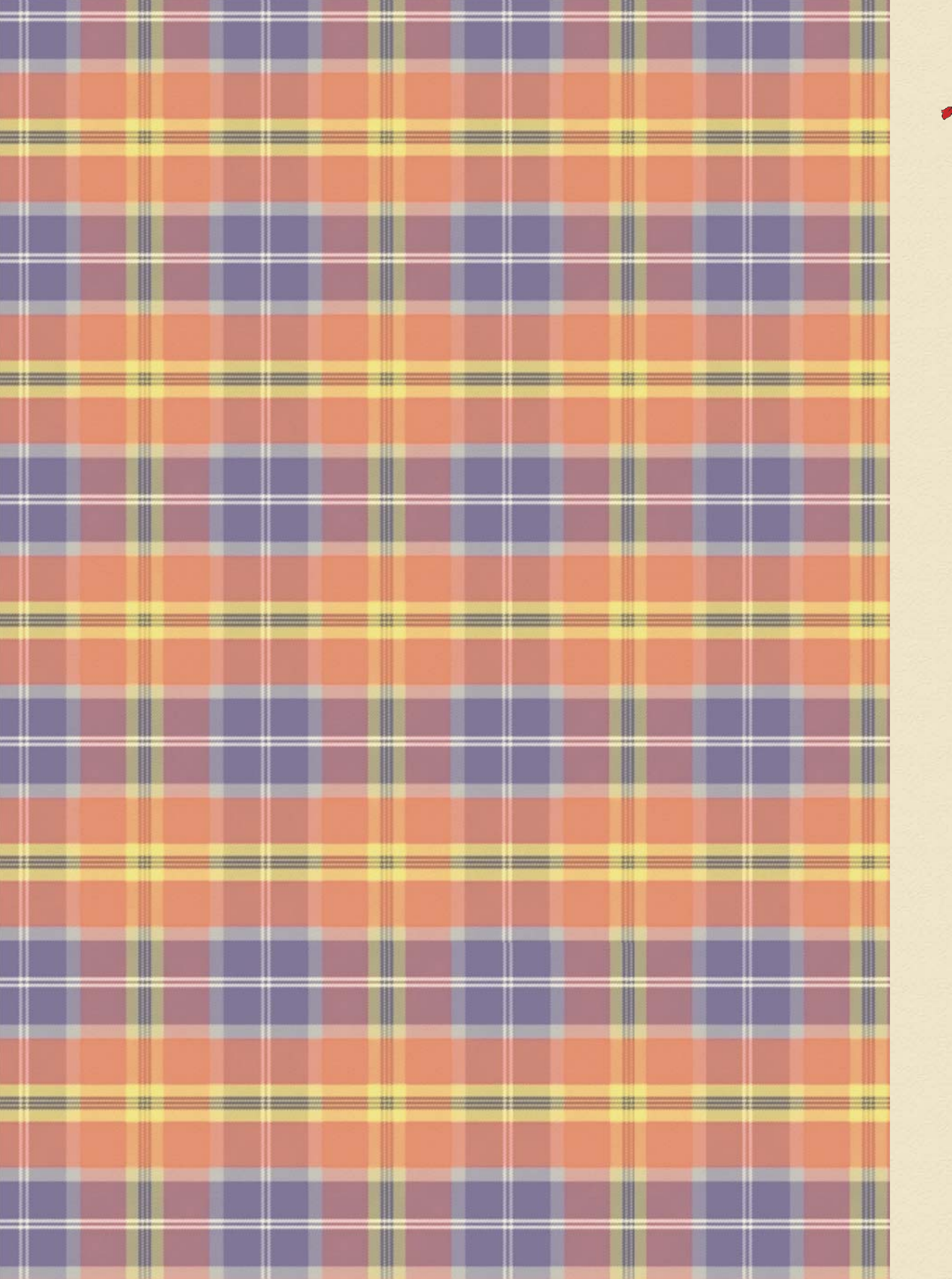
Дополнение на гербе Лермонтовых – черный шестилепестковый цветок. Он символизирует память обрусевших Лермонтовых о покинутой родине. Лермонты принесли в Россию на щите своего родового герба цвета, означающие христианские добродетели (веру, справедливость, милосердие и смирение) и такие качества, как знатность и богатство, – золотой цвет. Мудрость, осторожность, стойкость в испытаниях, образованность символизирует черный цвет. В 2007 году роду Лермонтовых вручили символ шотландских родов – тартан.

Тартан – шерстяная ткань в клетку, обычно называемая шотландкой. Исторически из тартана шили одежду шотландских воинов высокогорья. С начала XIX века тартан становится символом шотландского клана наряду с геральдическими атрибутами. Тартан каждого клана имеет свой уникальный узор. Его разрабатывают дизайнеры по заказу руководителя клана или его полномочного представителя, с приведением доказательств древности и прямого наследования полномочий. Подлинность тартана обязательно подтверждается занесением в регистр шотландских тартанов (Scottish Tartan Authority) и регистрацией в высшем органе геральдии Шотландии (Lord Lyon King of Arms) [5, 6]. Лермонтовский тартан занесен в регистр шотландских тартанов за № 6493 1 декабря 2004 года, дизайнер Брайан Вильтон*.

* http://www.tartanregister.gov.uk.



Лермонты — Лермонтовы. Галичский уезд Чухломской осады



Смутное время

Полувековое царствование Ивана Грозного закончилось в 1584 году, оставив глубокий и довольно мрачный след в истории России. Со смертью сыновей Ивана Грозного, Дмитрия (1591) и Федора (1598), правящая династия пресеклась. В России началось Смутное время – выдвинулись другие боярские роды. Законно выбранный Земским собором царь Борис Годунов правил с 1598 по 1605 год. Первый царь не из династии Рюриковичей, Годунов чувствовал шаткость своего положения. В 1601 году по ложному доносу пострадали Романовы и их родственники. Преследования со стороны Годунова вызывали в народе сочувствие к его жертвам. В 1601–1603 годах в России был великий голод, по стране прокатилась волна народных бунтов. В начале 1604 года поползли слухи, что у казаков находится чудом спасшийся царевич Дмитрий и на московской земле скоро случатся большие несчастья. Осенью 1604 года Лжедмитрий I двинулся на Москву, но был остановлен войсками, посланными Годуновым. В России начался период самозванцев, выдававших себя за погибшего царевича Дмитрия. Ситуация для Годунова осложнялась еще и состоянием его здоровья. 13 апреля 1605 года Борис Годунов скончался. Самозванец Лжедмитрий I, официально именовавший себя царевичем Дмитрием Ивановичем, правил с 1 июня 1605 по 17 мая 1606 года. 17 мая 1606 года Лжедмитрий I был убит – на престол взошел В. И. Шуйский с условием ограничения власти. Вскоре появляется Лжедмитрий II. В январе 1608 года его войско направилось к Москве. К июню Лжедмитрий II вошел в подмосковное село Тушино, где и обосновался. В России образовалось две столицы: бояре, купцы, чиновники работали на два фронта, иногда даже получали жалованье от обоих царей. Шуйский заключил договор со Швецией, и Речь Посполитая начала захватнические военные действия. Лжедмитрий II бежал в Калугу. Шуйский был пострижен в монахи и увезен в Чудов монастырь. В России наступило междуцарствие – семибоярщина (совет семи бояр). Боярская дума пошла на сделку с польскими интервентами, и 17 августа 1610 года Москва присягнула польскому королю Владиславу. В конце того же года был убит Лжедмитрий II, но борьба за российский престол не окончилась. Третий период Смуты характеризуется борьбой с иноземными захватчиками. После смерти Лжедмитрия II русские объединились против поляков. Война приобрела национальный характер. В августе 1612 года народные ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского дошли до Москвы. И уже 26 октября польский гарнизон сдался. Москва была освобождена.

Освобождение столицы от поляков стало первым этапом борьбы за возрождение русского государства. Необходима была сильная централизован-

ная власть. В самом начале 1613 года был созван Земский собор для избрания нового царя. Претендентов на престол было несколько. Окончательно чаша весов в пользу Михаила склонилась тогда, когда некий дворянин из Галича подал на собор бумагу, в которой доказывалось, что именно этот отпрыск рода Романовых является ближайшим родственником последнего законного царя Федора Ивановича. Немалую роль сыграло и то, что Романовы были одними из наиболее знатных и уважаемых бояр.

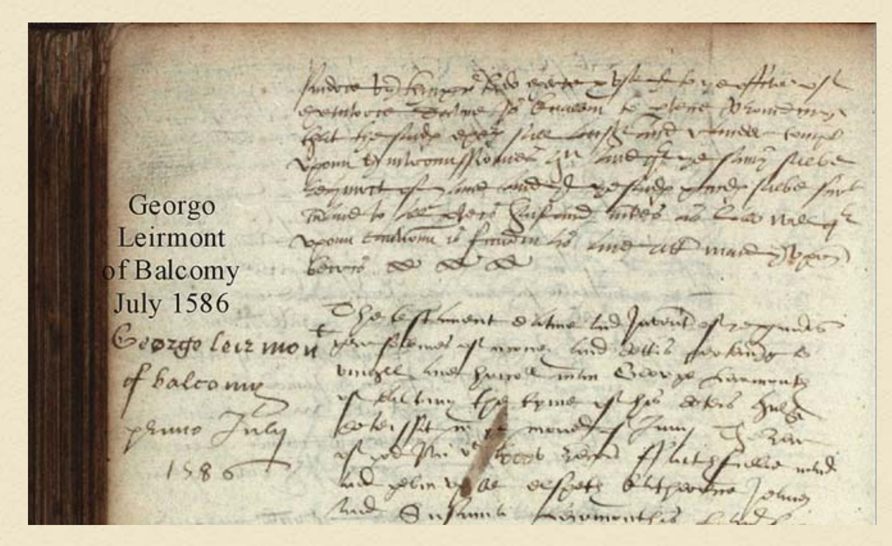
21 февраля 1613 года собор избрал на царство Михаила Романова, положив начало новой династии. Торжественный въезд в столицу нового царя состоялся 2 мая 1613 года. Венчание на царство – 11 июля, в канун именин молодого царя. В церемонии главные роли играли представители разных кругов: самый знатный князь, родственники царя, полководцы-освободители, служилый дворянин. Новый царь хотел примирить всех и оказать им честь [7].

Избранный окружением царя путь возрождения страны оказался верным. Вступив на престол, Михаил оставил на своих местах всех должностных лиц; не было ни одной опалы, ни одного отстранения от должности. Такой курс во многом способствовал всеобщему примирению. Михаил приблизил к себе многочисленных родственников: Салтыковых, Черкасских, Лыкова, Шереметьева, Морозовых и других [7].

Джордж Лермонт (George Leirmont) – шотландский воин на службе российского государства

Наибольшую опасность для России в 1613 году представляла Польша. Король Сигизмунд III и его сын Владислав помнили о том, что московский престол почти был у них в руках. Можно было ожидать новых попыток захватить Москву. Кроме того, у поляков оставалось много русских пленных, в том числе отец Михаила Филарет. В марте 1613 года по постановлению собора двинули войска против литовских людей. Сначала, в июле, удача не сопутствовала русским войскам. Государь говорил на соборе с духовенством и боярами, как ему над литовскими людьми и черкасами промышлять, и приговорил идти на них стольникам: князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и Михайле Матвеичу Бутурлину. Когда воеводы пришли под Калугу, то литовские люди и черкасы, послышав об их приходе, ушли из серпейских и мещовских мест к Вязьме и Дорогобужу. Воеводы пошли за ними, заняли покинутые литовцами Вязьму и Дорогобуж и подступили к крепости Белой. Литовцы сделали было из нее сильную вылазку, но были побиты и в августе 1613 года принуждены были сдаться [8, т. 9, гл. 1].

Среди сдавшихся в Белой, «бельских сидельцев», по версии Василия Сторожева, было не менее шестидесяти наемных иностранцев. Это были английские выходцы, шотландцы и ирландцы, состоявшие на польской службе. Они вышли из Белой на государево имя и таким образом вступили в ряды московских войск, которые московское правительство с большою



*Подпись Георга Лермонта в российских документах идентична подписи Джорджа Лермонта Бэлкоми на его завещании 1586 года**

охотой пополняло вымуштрованными иноземцами. По версии Олега Скобелкина, «бельских сидельцев» было не менее ста двадцати человек. После «бельской сдачи» они поступили на русскую военную службу, образовав по национальному признаку две роты, ирландскую и шотландскую. В дальнейшем служили вместе, и в русских документах того времени за ними прочно закрепилось название «бельские немцы» [9, с. 71–85; 10, с. 14–21].

В этих списках был и ***Джордж Лермонт*** (George Leirmont) – основатель рода Лермонтовых в России. По одним спискам он числился как «прапорщик Юрья Лермантъ» «шкотской роты», а по другим – «шляхтич Юрья Лерман» [10, с. 14–21], то есть благородного происхождения. George Leirmont – такое правописание обнаружил в документах В. Н. Сторожев [11, с. 24; 12;13]. И это было собственноручное написание фамилии Георгом Лермонтом, что само по себе свидетельствует о его грамотности, довольно редкой в те времена для наемного офицера. Грамотность в Шотландии в конце XVI века была привилегией клириков и состоятельного сословия. Аналогичная запись сохранилась в Варшавских архивах – Jerzy Leirmont [12, 13]. В челобитной Джордж Лермонт записал себя как Юшко Лермонтъ – через «о», что соответствовало звучанию его фамилии на английском языке – Leirmont [11, с. 20; 24]. Впоследствии правописание «Лермантъ» с характерным московским аканьем закрепилось на долгие годы. Фамилия Лермонтов в официальных документах вплоть до середины XIX века писалась через «а» – Лермантов.

Таким образом, Георг Лермонт, записанный как Юрья Лермант, был благородного происхождения, прапорщиком из шляхтичей. Правописание фа-

* Official government source of genealogical data for Scotland: www.scotlandspeople.gov.uk.

милии Leirmont (современное – Learmonth) было принято в начале XVII века в Шотландии. В шотландских 1586 года и российских 1618 года архивах правописание фамилии Лермонт идентичное. Последний документ – завещание сэра Джорджа Лермонта Бэлкоми из графства Файф в Шотландии.

Георг Лермонт (здесь и далее – орфография, соответствующая современной норме), как его стали называть в России, был принят на русскую службу – вышел на государево имя – в 1613 году воеводами Д. М. Черкасским и М. М. Бутурлиным. Оба они в то время имели очень сильное влияние при дворе царя Михаила Федоровича, а князь Д. М. Черкасский к тому же был родственником государя. Будучи принятым на службу в русскую армию, Георг Лермонт был поверстан окладом, то есть ему назначили жалованье. В российской литературе за иноземным отрядом, принятым на русскую службу, закрепилось прозвище «шкотские немцы» или «бельские сидельцы».

С момента перехода на русскую сторону в 1613–1616 годах один отряд «бельских сидельцев» во главе с капитаном Мутром приводил к покорности мятежное казачество. Другой отряд под командованием В. Дюри был в Туле и отбивал татарские набеги. На основании челобитной Георга Лермонта от 1628 года, где он, перечисляя свои воинские заслуги, писал, что бился с татарами, можно полагать, что он был в роте В. Дюри под Тулой. Эта рота выступала под командованием князя Василия Куракина. Тульская служба была жестокой и кровавой, немало русских и шотландцев полегло в боях. Однако Георг Лермонт выжил.

В 1617 году, минуя должности и писаря и пятидесятника, Георга Лермонта с одобрения роты назначают прапорщиком на место умершего Давыда Едворта.

В сентябре 1617 года выступил против Москвы (читай: русского государства) Владислав вместе с гетманом Ходкевичем. Страх напал на воевод московских, когда они узнали, что дорогобужский воевода сдал свой город Владиславу как царю московскому. Вязьма была также покинута воеводами и сдана интервентам. Но не сдалась Калуга, защищенная князем Димитрием Михайловичем Пожарским.

29 июня 1618 года происходила большая битва за Можайск. Оборону Можайска держали князь Дмитрий Михайлович Пожарский, пришедший из-под Калуги, и прибывшие из Москвы князья Лыков и Черкасский. ***В войске князя Лыкова оборону Можайска держал Георг Лермонт.*** Вот его собственноручное свидетельство, оставленное в 1619 году в челобитной царю Михаилу Федоровичу: «И на твоей царской службе в Можайске с твоим государственным боярином и воеводой с князем Борисом Михайловичем были, как государь, был бой с польскими, и с литовскими, и с немецкими людьми под Можайском на Петров день; и мы, холопы твои, в том тебе, государю, служили, с польскими, и с литовскими, и с немецкими людьми бились явственно, не щадя голов своих за тебя, государя» [11, с. 20–22].

В войске Владислава при захвате можайской крепости против русских и Георга Лермонта сражался другой Лермонт – Питер Лермонт. Он состоял с 1603 года сначала на службе в шведской армии, а потом на службе у Сигизмунда III. По поводу личности этого Питера Лермонта в литературе нет точных сведений. Известно только, что он происходил из шотландского рода Лермонтов [14].

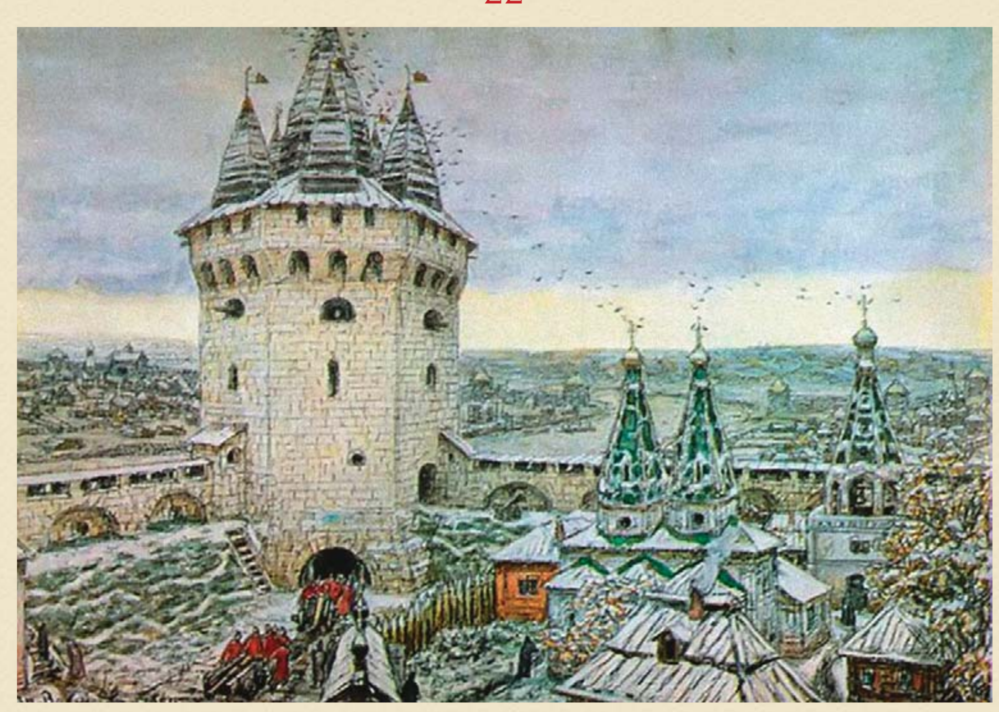
В сентябре 1618 года Пожарский и Лыков, снабдив Можайск свежими военными силами и продовольствием, под покровом ночи со своим войском покинули можайскую крепость. Вместе с ними ушел и Георг Лермонт, о чем он сам писал: «И с того бою мы, холопы твои, последние многих твоих государевых и детей боярских и всяких служилых людей отводили. Да и на всех боях под Можайском мы, холопы твои, тебе, государю, служили верою и правдою, и были на твоей царской службе под Можайском до боярского отходу к Москве, и с твоей царской службы не бегали, и не съезжали, и в измене не бывали никто нигде» [11, с. 20–22]. Можайский историк Валентин Иванович Горохов писал: «Оборона Можайска способствовала общему подъему духа русских людей… А в Москве успели хорошо подготовиться к обороне»*.

Битва с поляками за Москву

В сентябре 1618 года Владислав решился двинуться прямо к Москве. Георг Лермонт был в это время уже в Москве в отряде стольника и воеводы князя Василия Семеновича Куракина. В ночь на 1 октября 1618 года он дрался у Арбатских ворот против войск королевича Владислава, пытавшихся приступом взять Москву. Военный отряд, защищавший Арбатские ворота, не только выдержал натиск неприятеля, прорвавшего передний городок, но и успел сделать удачную вылазку. На этом приступе шотландцы потеряли поручика Петра Юля. На место убитого был назначен Георг Лермонт. В челобитной царю в 1619 году Георг Лермонт так описывает это событие: «И как, государь, пришли к Москве (имеется в виду из-под Можайска. – *Прим. авт.*) к тебе, к государю, и грехом нашим пришел под Московское государство твой, государев, недруг королевич литовский с польскими, и с литовскими, и с немецкими людьми, со многими своими с ратными, – и мы, холопы твои, в ту пору на Москве в осаде были и на твоей царской службе с твоими, государевыми, стольниками и воеводою с князем Василием Семеновичем Куракиным у Арбатских ворот; и как был польскими, литовскими и немецкими людьми приступ к острошку и к Арбатским воротам, а мы, холопы твои, были в острошке и на том приступе, мы, холопы твои, тебе, государю, служили, с польскими, литовскими и немецкими людьми бились явственно, не щадя голов своих, кровь свою проливали за тебя, государя, и многие наши братья на том приступе побиты» [11, с. 20–23].

В честь победы русского войска над войском Владислава и казаками Сагайдачного царь Михаил Федорович в 1619 году приказал построить в дворцовом селе Рубцове (теперь Покровское) деревянный храм Покрова Пресвятой Богородицы. ***Церковь является памятником всем воинам, в том числе и Георгу Лермонту, сражавшемуся за честь российского***

* http://www.voskres.ru.



Угловая Алексеевская (Семиверхая или Семишатровая) башня Белого города (в наше время здесь стоит храм Христа Спасителя), картина А. Васнецова

Отечества в 1618 году. В 1627 году по указу государя здесь же выстроили великолепную каменную церковь Покрова, сохранившуюся доныне.

В роду Лермонтовых много интересных совпадений. Великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 года, то есть сразу после дня Покрова, который отмечают 1 октября. Практически тогда же, когда двести лет назад его предок Георг Лермонт сражался за Москву у Арбатских ворот, и главным образом в результате [14] этого сражения принял решение остаться жить в России. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Рубцове находится в 3–5 км от храма Трех Святителей (теперь на этом месте высотное здание, Садовая-Спасская улица, д. 21/1), где 11 октября 1814 года крестили поэта. Символично, не правда ли?

В сентябре 1618 года Георг Лермонт получает повышение и становится во главе «шкотской роты». На тот момент его звание согласно чинам частей иноземного строя* [15] соответствовало уряднику среднего ранга. Более того, за пять лет воинской службы в России (1613–1618) благодаря регулярным прошениям на имя царя Михаила Федоровича его жалованье выросло в пять раз. На повышение воинского чина и жалованья повлияли не только его личные качества, но и участие в судьбоносных для России сражениях под командованием высокопоставленных, влиятельных воевод.

* http://armor.kiev.ua.

Восстановленный храм Покрова Пресвятой Богородицы в Рубцове – православный храм Богоявленского благочиния Московской епархии. Храм в районе Басманный Центрального административного округа города Москвы (Бакунинская улица, д. 83)

Георг Лермонт. Обустройство на российской земле

В результате Деулинского перемирия 1 июня 1619 года на реке Поляновке (около Вязьмы) произошел обмен пленными. Филарет Никитич и те члены великого посольства, которые дожили до этого дня, вернулись на родину. В середине июня, через две недели после освобождения, Филарет Никитич приехал в Москву, а 24 июня он был возведен в патриархи.

Как бы ни были болезненны условия мира со Швецией (1617) и перемирия с Польшей (1618), эти два договора дали Московии передышку, в которой она отчаянно нуждалась. Начало восстановительного периода русского государства стало возможным только после заключения этих мирных договоров.

24 августа 1619 года Филарет Никитич благословил сына, царя Михаила Федоровича, на поездку в Кострому, на родину предков, к святым местам. Поддержал отец сына и в привлечении к службе бояр, дворян и иноземцев, пожелавших остаться на Москве. Раздача поместных земель проходила главным образом за «Московское сидение», а именно за оборону Москвы в 1618 году. В Костромской земле в том году много земель было отдано боярам Шереметьевым, Львовым, Мстиславским, Салтыковым и другим [16].

В 1619 году поручик Георг Лермонт пишет прошение на имя государя. Он перечисляет свои службы в интересах московского царя, которые нес не щадя

головы и крови своей. Цель челобитной – быть поверстанным помещичьими и денежными окладами. Это означало, что из кормовых, то есть временно наемных солдат в московском войске, Георг Лермонт желал превратиться в московского служивого дворянина, привязанного к государству российскому землею, а по земле – службою. Резолюция была получена в соответствии с текущей политикой государя. «У нас иноземцев в царскую службу неволею не берут, силою никого не женят и в Московском государстве неволею не оставляют никого; а кто царскому величеству бьет челом в службу, таких великий государь не оскорбляет, ко всяким иноземцам милость свою показывает и от своего царского жалованья не отгоняет» [17]. Землями могли быть поверстаны только те иноземцы, которые пожелали остаться в Московском государстве. В Разряде, книге приказов, был составлен список из 47 человек, пожелавших остаться в Московском государстве и стать русскими помещиками. Среди них был и поручик Георг Лермонт [11, с. 20].

Решение Георга Лермонта остаться в России определило будущее рода русских Лермонтовых.

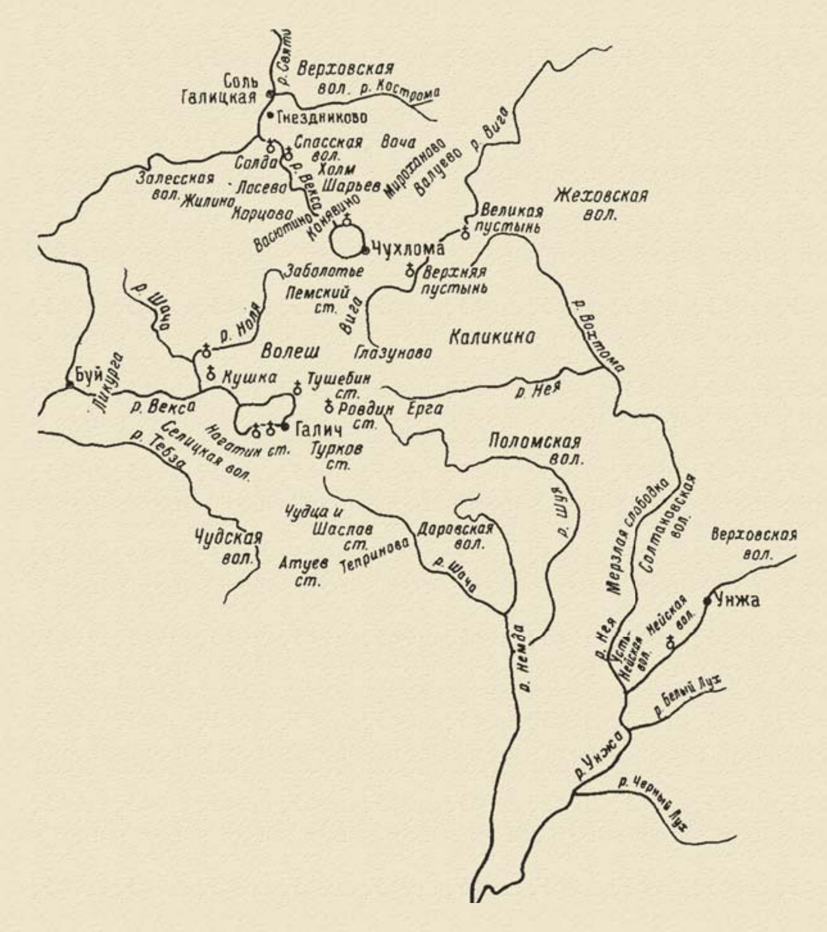
Именно в то время, когда царь Михаил Федорович путешествовал по Костромской земле, Георг Лермонт в 1621 году получил поместья в Костромской губернии, Галичском уезде Чухломской осады Заболотской волости. Интересно отметить, что Заболотская волость числилась тогда за матерью царя Марфой Ивановной. В то время чухломские земли составили собственную административно-территориальную единицу – Чухломскую осаду, в центре которой был город Чухлома. По-видимому, в те времена Чухломской осадой управляли из Галича. По крайней мере, в 1643 году Чухломской посад управлялся галичским воеводой.

Что же это за край такой, Чухломской и Галичский? Современное поколение, возможно, слышало о небольшом провинциальном городке Галиче, где много полуразрушенных церквей.

Почему род Лермонтовых так гордится своим происхождением из этого лесистого края, где в 1621 году согласно поместному приказу царя Михаила Федоровича, первого из династии Романовых, получил земли за верную службу Московскому государству шотландец Георг Лермонт – основатель рода Лермонтовых?

Галичские земли лежат в Заволжском крае. В I тысячелетии в лесном Заволжье и в восточной части междуречья Волги и Оки обитали финно-угорские племена чудь и меря. Они же обитали и на берегах Галичского и Чухломского – тогда Чудского – озер [18]. Начиная с IX века в мерянскую землю стали заселять славянские племена, в основном из Новгорода и Смоленска, возможно, из Киева. Предприимчивых новгородцев привлекали богатые пушниной леса, окружавшие поселения Чуди и Мери, вместе со своими товарами несли они местным жителям и христианское учение [19].

Название города Чухлома и Чухломского озера происходят от слова «чудь» – собирательного названия всех финно-угорских племен, которые с доисторических времен населяли север современной России. Согласитесь, «чудь» звучит и благозвучно и романтично, почти как чудо.



Галичский уезд. Начало XVII века [21]

Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых…
Александр Блок, 1910

На берегу двух озер и возникли славянские города Галич и Чухлома. В отличие от южного Галича, расположенного на Днестре, летописцы назвали этот город Галичем Мерьским, то есть находящимся на мерянской земле. Известный русский историк В. Н. Татищев писал, что первые упоминания о Галиче Мерьском в летописях стали встречаться со времен княжения Юрия Долгорукого, то есть с середины XII века. Годом основания города Чухломы на южном берегу Чухломского озера считается 1381-й. Чухлома входила в состав Галицкого княжества, потом Галичского уезда и до конца XIX века была уездным городом. На древних картах России (1648) вы обязательно найдете города Чухлому и Галич, но можете не найти Кострому [18, 20].

В XVI веке Галичский уезд оставался центральным в Заволжье. Отдавая должное значимости Галичского уезда для управления Галичем и его землями, в Москве был создан особый приказ – Галицкая четь, или четверть. Галицкие земли почти не тронула поместная реформа Ивана Грозного. Они оставались черными волостями и станами. Черносошные крестьяне, обрабатывавшие землю, облагались государственной податью. Крестьяне работали как бы на себя и платили в казну тягло (подать). Такие наделы называли черной землей, или тягловой. Крепостное право тогда не тронуло Галицкие земли.

Земли, полученные Лермонтом за службу от российского царя Михаила Романова

Ввозную грамоту на Галицкое поместье Георг Лермонт получал 9 марта 1621 года. Грамота была подписана думным дьяком Поместного приказа дворянином Иваном Кирилловичем Грязьевым, известным государственным деятелем при царе Михаиле Федоровиче. Сведения о владениях Лермонта можно найти в различных источниках [11, 21, 22], но наиболее полно они представлены в Чухломской «Писцовой книге» за 1628 год [16].

Список владений Георга Лермонта в 1628 году по сравнению с состоянием тех же деревень в 1615 году [16, 23].

Деревня Кузнецово. За поручиком Юрием Лермантом в поместье усадище (усадьба), что была деревня Кузнецово, а в нем двор помещиков Юрия Лерманта да двор людской, а в нем живут люди его: Архипко Федосеевич да крестьянин, во дворе Четвертунка Тихонов, во дворе Микитка Постников. Пашни паханые средние земли 22 чети с осьминою да перелогом и лесом поросло 35 четей в поле, а во дву по тому же, сена по лугам 100 копен, лесу не пашенного, болота 6 десятин.

С 1615 года в деревне Кузнецово остался Четвертунка Тихонов. В 1615: пашни паханы 12 четей, да перелогом и лесом поросло 4 чети в поле, а во дву по тому же, сена 30 копен, лесу пашенного 2 десятины (4 чети).

Деревня Усольцово на речке на Масленке, а в ней крестьян: в. Михалко Кудрин с сыном с Сенькою, в. Якушко Дмитриев с сыном с Ивашком, в. Климко Яковлев с сыном с Ивашком, пашни паханы середния земли 10 четей, да перелогом и лесом поросло 35 четей в поле, а во дву по тому же, сена по речке по Масленке и по лушком 30 копен.

С 1615 года в д. Усольцово остался Якушко Дмитриев. В 1615: пашни паханы 6 четей, лесу пашенного 10 десятин (20 четей) и по лушком 20 копен, лесу не пашенного 2 десятины (4 чети).

Деревня Черемисиново на речке Масленке, рядом с Усольцово, а в ней крестьяне: в. Калинка Терентьев, в. Гурка Терентьев, в. Юрка Иванов, бобыль Харитонко. Пашни паханы середния земли 10 четей, да перелогом и лесом поросло 24 чети в поле, а во дву по тому же, сена 50 копен, лесу не пашенного 2 $^{1}/_{2}$ десятины (5 четей).

С 1615 года в д. Черемисиново не осталось ни одного крестьянина. В 1615: пашни паханы 5 четей, да перелогом и лесом поросло 9 четей, а во дву тому, сена косят 20 копен, лесу пашенного 8 десятин (16 четей) в поле, а в дву по тому же, да и не пашенного лесу болото 2 десятины (4 чети).

Деревня Филино на речке на Исчезе, а в ней крестьяне: в. Ивашко Панфилов, в. Шумилко Панфилов, в. Илейка Панфилов, в. Неустройко Евсевьев, в. Панька Федоров сын Кудрин. Пашни паханы середния земли 10 четей, да перелогом и лесом поросло 38 четей в поле, а во дву по тому же, сена 30 копен, лесу не пашенного 2 $^{1}/_{2}$ десятины (5 четей).

С 1615 года в д. Филино остался в. Ивашко Панфилов. В 1615: пашни паханы 9 четей, да перелогом и лесом поросло 3 чети, а во дву тому сена косят 20 копен, лесу пашенного 4 десятины (16 четей) в поле, а во дву по тому же, да и не пашенного лесу 2 десятины (4 чети).

Деревня Ревякино на речке на Мокше, а в ней крестьяне: в. Калинка Тихонов, в. Ивашка Ильин, в. Панкрашка Самсонов, в. Антонко Васильев, в. Якушко Микитин, в. бобыль Гаврилко Микитин. Пашни паханы середния, земли 10 четей, да перелогом и лесом поросло 32 чети с осьминое поле, а во дву по тому же, сена 30 копен, лесу не пашенного 2 $^{1}/_{2}$ десятины (5 четей).

С 1615 года в д. Ревякино остался в. Якушко Микитин, в. Иванко Ильин. В 1615: пашни паханы 7 четей да перелогом и лесом поросло 3 чети, а во дву тому же, сена косят 20 копен, лесу пашенного 8 десятин (16 четей) в поле, а во дву по тому же, да и не пашенного лесу 2 десятины (4 чети).

Деревня Семенково на речке на Мокше, а в ней крестьяне: в. Федька Игнатьев, Карпунка Иванов, в. бобыль Гришка Микитин, в. бобыль Петрушка Юрьев. Пашни паханы середния земли 14 четей, да перелогом 20 четей в поле, а во дву по тому же, сена 30 копен, лесу не пашенного 2 $^{1}/_{2}$ десятины (5 четей).

В Дозорной книге 1615 года д. Семенково не числится.

Деревня Копылово (на прудах в 1861, недалеко от деревни Привалкино, между трактом Чухлома – Буй и границей первого стана), а в ней крестьяне: в. Меркушка Власьев с детьми, с Елизаркой да с Оничкою, в. Ивашка Рогозин, в. Петрушка Захаров, в. Путилка Кононов, в. бобыль Юрка Степанов. Пашни паханы середния земли 16 четей, да с перелогом и лесом поросло 49 четей в поле, а во дву по тому же, сена 30 копен, лесу не пашенного 6 десятин (12 четей).

С 1615 года в д. Копылово остался в. Меркушка Власьев. В 1615: пашни паханы 6 четей да перелогом и лесом поросло 4 чети, а во дву тому же, сена косят 20 копен, лесу пашенного 6 десятин (12 четей) в поле, а во дву по тому же, да и не пашенного лесу 6 десятин (12 четей).

Деревня Острожниково на речке на Пенке (между западным берегом Чухломского озера, границей второго стана Чухломского уезда и Солигалическим уездом). А в ней крестьяне: в. Поздейко Сергеев с сыном Степанком, в. Минька Иванов с детьми, с Маркушкою и с Микиткою. В. Маркушка Марков, в. Андрюшка Афанасьев с сыном Афонкою, в. Гришка Клементьев,

в. бобыль Васька Фатьев, в. Кирилко да Савенко Антипьевы. Пашни паханы середния земли 10 четей с полуосьмушкою да с перелогом и лесом поросло 23 чети с осьмушкою в поле, а во дву по тому же, сена 40 копен, лесу не пашенного 2 $^{1}/_{2}$ десятины (5 четей).

С 1615 года в д. Острожниково остался в. Минька Иванов. В 1615: пашни паханы 24 чети да перелогом и лесом поросло 4 чети, а во дву по тому же, сена косят 40 копен, лесу пашенного 4 десятины (12 четей) в поле, а во дву по тому же, да и пашенного лесу 4 десятины (8 четей).

Деревня Привалкино (в 1861 на источнике недалеко от деревни Копылово, между трактом Чухлома – Буй и границей первого стана Чухломского уезда), а в ней крестьяне: в. Степанко Фомин, в. Митька Захарьев с братьями, с Федькою да с Борискою, в. Еуфимка Иванов с пасынком с Сенькою, в. Лукашка Микифоров, в. Еремка Алферьев с братом Шумилкою. Пашни паханы середния земли 10 четей, да с перелогом и лесом поросло 45 четей в поле, а во дву по тому же, сена 60 копен, лесу не пашенного, болото 10 десятин (20 четей).

С 1615 года в д. Привалкино остался в. Шумилка Алферьев. В 1615: пашни паханы 12 четей да перелогом и лесом поросло 4 чети, а во дву тому же, сена косят 30 копен, лесу пашенного 3 десятины (6 четей) в поле.

Деревня Окатово (деревня Окатово уже не числится в списках Чухломского уезда в 1861 году. Она находилась где-то между Острожниковым Привалкино и Кузнецово). А в ней крестьянин в. Оторушка Окинфеев, в. Посничко Васильев с сыном Игнашкою. Пашни паханы середния земли 12 четей, да с перелогом и лесом поросло 34 чети в поле, а во дву по тому же, сена 15 копен.

С 1615 года в д. Окатово не осталось крестьян. В 1615: пашни паханы 8 четей, да перелогом и лесом поросло 32 чети, а во дву тому же, сена косят 20 копен, лесу пашенного 10 десятин (20 четей) в поле.

Пустоши

Полпустоши Жаворонкова

Три жеребья пустоши Ершовы. Пустошь Ершовы делили: Юрья Лермант, князь Иван Долгорукий, князь Василий Амашухович Черкасский.

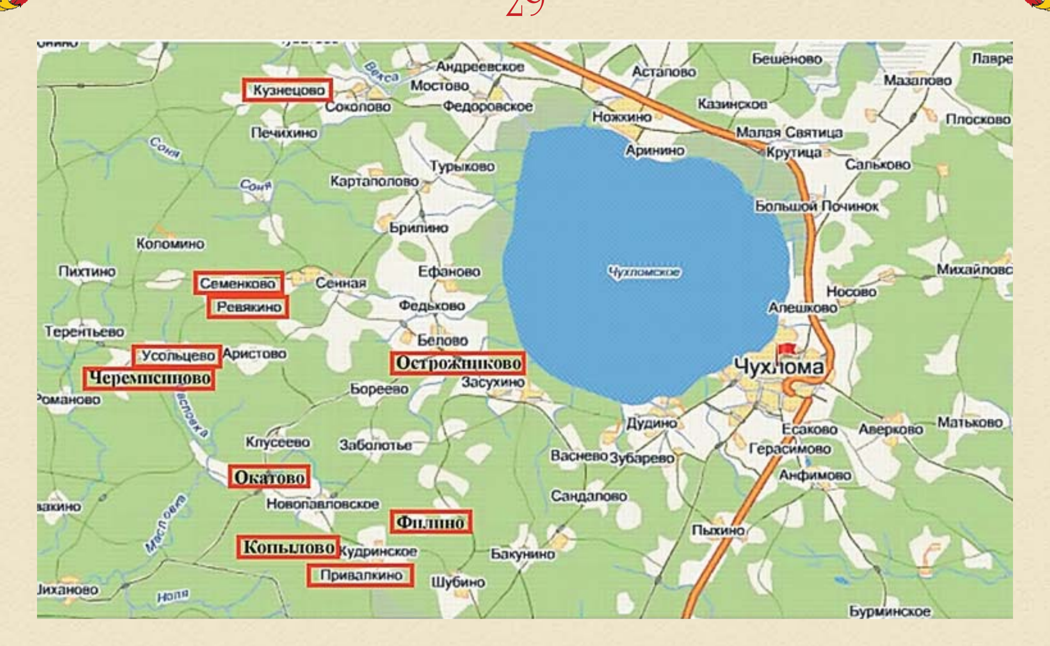
Полпустоши Подольные на реке Пенке. Пустошь Подольные делили: Юрья Лермант, князь Андрей Волконский, князь Тимофей Волконский.

Четь пустоши Шишкина (в составе усадьбы Кузнецово) делили: поручик Юрья Лермант, князь Федор Волконский, князь Григорий Волконский, Василий Никитич Пушкин, князь Иван Долгорукий.

Пустошь Козуйково Козьево.

Треть пустоши Старово.

И всего за поручиком за Юрьем Лермантом в поместье: усадище да 9 деревень жилых, да пустошь, да 3 жеребья пустоши, да в двух пустошах по полупустоши, да треть пустоши, да четь пустоши, в усадище двор помещиков, всего 37 дворов крестьянских, 53 человека; 6 дворов бобыльских, в них 6 человек; количество пашни – 576 четей (294 десятины = 321 га), количество копен сена 628 (62,8 десятин), лесу 70 десятин. **Всего владений – 44 двора (включая усадьбу), 59 крестьян (м. п.), 427 десятин (466, 5 га) земли.**



Владения Георга Лермонта на современной карте Чухломского района

Деревни Георга Лермонта располагались вдоль всей западной полуокружности Чухломского озера на расстоянии 7–10 верст от Чухломского озера. В соответствии с нормами Соборного уложения 1649 года мелкими считались поместья до 70 четвертей, средними – от 70 до 200 четвертей и крупными – свыше 200 четвертей. Так что поместье Георга Лермонта было более чем крупное [24].

Анализ состояния перечисленных земель показывает, что из всех деревень наилучшим образом развивалась деревня Кузнецово. В ней был первый двор с барским домом, построенным Георгом Лермонтом в России, и в нем жила его семья. Во всех деревнях, которыми стал владеть Лермонт, с 1621 года по сравнению с 1615 годом увеличилось количество вспаханной земли и число копен сена, последнее свидетельствовало об улучшении развития скотоводства. Если в 1615 году в деревнях оставалось 23 крестьянина, то в 1628 году во владениях Лермонта жило 53 человека.

В числе соседей Лермонта в Чухломской осаде Заболотской волости в 1628 году были именитые люди: князья Волконские, князь Долгорукий, боярин Пушкин. Самыми близкими соседями были братья Арист (Эрнест) и Андрей Фамендины, по-видимому, получившие земли за Московскую осаду 1618 года. Юрий Фамендин, Потомок Андрея Фамендина, был в приятельских отношениях с Патриком Гордоном и был сподвижником Петра Великого. Возможно, именно через Фамендиных, своих соседей по поместьям в Чухломе, Лермонтовы познакомились с Патриком Гордоном, который поставил свою подпись под родословной Лермонтовых в 1688 году. Интересно, что фон Менгдена – потомок Фамендина – стал прообразом Алексея Александровича Каренина, героя романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

В 1620–1625 годах Георг Лермонт женился во второй раз – на русской женщине Екатерине Федоровне NN. У них родилась дочь Екатерина приблизительно в 1623–1625 годах. Отношения с русской женой у него были, по-видимому, весьма хорошие: жена приняла его детей от первого брака, но официально называла их пасынками. Интересно отметить, что Екатерина Федоровна ни словом не упоминала Вилима. Известно, что Вилим самостоятельно находился на службе в Московии. Это косвенно указывает на то, что в то время он был в возрасте, пригодном для военной службы. В 1628 году материальное положение Лермонта было более чем благополучное, такое, что его «женишка с детишками» по дворам ходить отнюдь не станут [11, с. 13].

Хозяйство Георга Лермонта

В 1618–1630 годах в российском государстве наступил спад напряженности. Помещики могли заняться своими хозяйствами, а опустошенные поляками края стали вновь обустраиваться. Но даже к 1628 году, например, в Галиче одна треть дворов еще продолжала пустовать. Так что Георг Лермонт с семьей, поселившись на чухломских землях в сложный для России исторический период и будучи иноземцем, должен был проявлять чудеса трудолюбия и мастерство хозяйственника, чтобы поддерживать семью в сытости, а поместье в благоустройстве.

Можно себе представить, что в те далекие 1620–1630-е годы Георг Лермонт, объезжая свое поместье, раздумывал, что теперь ему придется налаживать и поддерживать хозяйство по чинам и четям и с дальним прицелом обеспечения подрастающего поколения. К 1628 году Лермонты прожили в Чухломской осаде уже около семи лет и уразумели, что климат в этих краях суровый. Зима длится долго, с октября по май, снегу выпадает много, в среднем до полутора метров. Крепкие морозы до –20 °С могут длиться неделями, бывает и холоднее. Весна короткая, но, после того как в конце апреля вскроются реки и озеро, наступают ясные дни. Летний, пригодный для земледелия период продолжается около двух-трех месяцев. Лето довольно жаркое и более сухое, чем влажное, со средней температурой +17–18 °С. Вообще, в этих местах здоровый для жизни климат, люди крепкие, работящие и приветливые.

Лермонты, поселившись в 1620-х годах на берегу Чухломского озера, безусловно, пользовались его разнообразными рыбными дарами. Чухломское озеро – ледникового происхождения, его возраст около 20 000 лет, с мощными иловыми отложениями. Наибольшая длина – 8,6 км, ширина – 7,5 км, площадь – 5000 га. Во времена первых Лермонтов глубина озера была 10 м, сейчас уменьшилась до 4,5 м. На протяжении столетий озеро имело промысловое значение: карась, линь, язь, окунь, щука и ерш – основное рыбное достояние озера. Рыбы вылавливалось до нескольких тысяч пудов за год. В зимнюю пору жители в довольстве ловили рыбу относительно простым способом. Зимой рыбе под водой становится душно, и она подплывает к прорубям или к промоинам. И тогда ее просто вычерпывают сетками и складывают на возы. На одного ловца, как правило, приходилось по возу рыбы. Главная ценность озера – золотой карась, который отличался отменными вкусовыми качествами, кроме того, быстрым воспроизводством численности. Некоторые караси достигали полуметра в длину и весили 3–4 кг. Считалось, что караси в Чухломском озере особенные, каких нет нигде в мире. Этих карасей с незапамятных времен доставляли к царскому столу. В XVII веке, с 1629 года, озером владели бояре Морозовы, у которых был дом на посаде в Чухломе. После их смерти в 1662 году озеро перешло во владение царя Алексея Михайловича. В 1797 году по указу Павла I его передали Авраамиево-Городецкому монастырю, который и владел им вплоть до 1917 года. До революции за ловлю рыбы в Чухломском озере платили оброк, натуральный или деньгами.

По характеру земельного богатства Чухломская осада (впоследствии Чухломской уезд) оценивалась: лесов – 64 %, полей – 27 %, лугов – 4,6 %, неудобной земли – 1,6 % и под водой – 2 % (данные 1857 года). Леса неравномерно покрывают территорию Заболотской волости, где были расположены деревни Георга Лермонта, пересеченная оврагами местность полого спускается с возвышенности к Чухломскому озеру. Леса здесь лиственные, то есть дровяные. К северу от деревни Привалкино местность большею частью лесистая и возвышенная, а у истоков реки Ноли болотистая. Это, пожалуй, единственный болотистый участок во владениях Лермонта.

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.
Сергей Есенин, 1910

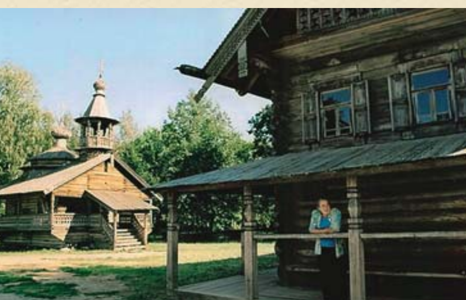
Земледелие и скотоводство во времена Георга Лермонта были единственными доходными статьями семьи. Земли, затопляемые по весне разливами рек Масленки, Пенки, Сони, Вексы чухломской, оставляли преимущественно под сенокосами. В поместьях Лермонта земли по своей природе подзолистые, а по характеру глинистые и суглинистые. В соседних с Лермонтом деревнях, Ножкино, Андреевское и в Дор, почва была рыхлая и легкая для обработки, ее пахали косулею (тип сохи усовершенствованной) на

Русское поле, Чухлома

одной лошади, много заливных лугов. Мужики были богатые, угодьев вдоволь, луга хорошие, рыбная ловля такова, что рыбу руками черпали [25]. Поместье Лермонта Кузнецово располагалось в десяти верстах от деревни Ножкино, в пяти с половиной верстах от села Андреевское и в восьми верстах от деревни Дор. Поэтому можно полагать, что такие же условия земледелия и выпаса были и в деревне Георга Лермонта Кузнецово. Ведь недаром он построил свой первый дом именно в этой деревне. Озимая рожь составляла тогда главный предмет хлебопашества. Яровую пшеницу сеяли в основном на огнищах (срубленный и спаленный лес, для распашки). Сеяли также овес, ячмень, гречиху, коноплю, лен. Система хлебопашества была и оставалась веками трехпольная.

Интересно отметить, что в неурожайные годы Чухломской и Галичский уезды страдали менее всего в Костромской губернии и даже продавали хлеб в Вологодскую губернию [26]. Скотоводство имело большое значение с точки зрения продовольственного обеспечения, но в большей степени как тягловая сила, средство передвижения и источник удобрения почвы. Недаром в 1628 году в писцовых книгах указывалось, сколько копен сена заготовлено в поместье. У Георга Лермонта их было заготовлено 628. Каждая копна весила в среднем 12 пудов. Таким образом, в поместье Георга Лермонта заготавливалось около 7500 пудов сена. Имея такие запасы сена, семья Лермонта могла содержать одновременно, например, до 20 лошадей, 30–50 овец, коз и свиней. На прокорм коров, видимо, шла солома после обработки хлебов. Таким образом, даже по средней оценке хозяйство Лермонта было значительным. Георг Лермонт любил свое хозяйство и был рачительным хозяином.

Чухломская осада (уезд) имела огромные площади строевого леса, а мастера деревообработчики славились на всю Россию своими художественными работами [27]. Можно полагать, что дом семьи Лермонтовых в по-



Деревянные дома в Костромской области. Может быть, дом Георга Лермонта был похож на один из них?

местье Кузнецово был выстроен в традициях древней деревянной культуры этого края. Ни одной усадьбы Лермонтовых в Галичском уезде вы не найдете сегодня. Ушла культура создания образного строя сооружений из дерева, утрачена и высокая культура ландшафтной архитектуры [28].

На протяжении XVII века в приказном делопроизводстве широкое распространение получает новое тогда написание слова «усадище» – «усада», смысл которого сводится к месту в селении, занятому господским двором и земельным участком. Георг Лермонт был первым владельцем усадьбы в роду Лермонтовых. Как мы увидим позже, традиция Лермонтовых – усадебное хозяйство – сохранилась до настоящего времени, до XXI века, приобретя не частнособственническое, а историческое значение.

Вера всегда была важным, влияющим на уклад жизни моментом. Георг Лермонт поселился в крае с древними христианскими традициями. Самым значительным и влиятельным религиозным центром был Авраамиево-Городецкий монастырь (Костромской и Галичской епархии) в селе Ножкине Чухломской осады. Он был основан в конце XIV века преподобным Авраамием Галичским (Чухломским, Городецким) на месте заброшенного «городка» («городца»), на северном берегу Чухломского озера. Авраамиево-Городецкий монастырь находился в десяти верстах от усадьбы Кузнецово Георга Лермонта. В 1608 году «по вере и обещанию» царя Василия Иоанновича Шуйского в монастыре был заложен первый каменный пятиглавый двухстолпный собор в честь Покрова Пресвятой Богородицы с особым Ильинским приделом над гробницей преподобного Авраамия (преставившегося в день пророка Илии). Из-за свержения в 1610 году царя Василия Шуйского и дальнейших событий Смутного времени строительство Покровского собора было закончено лишь в 1631 году.

Огромное количество паломников каждый год приходили к стенам монастыря. Величественный собор Авраамиево-Городецкого монастыря, строившийся на глазах Георга Лермонта, вереница паломников, глубокая набожность местного населения и жены Екатерины Федоровны не могли не отразиться на душевном состоянии христианина, хотя и протестантской веры, Георга Лермонта. Нет сомнения, что дети Лермонта воспитывались в духе православия.

Кроме Авраамиева монастыря в писцовых книгах Чухломского уезда 1628–1635 годов перечислены двадцать шесть церквей. Церкви, посвящен-

Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий мужской монастырь, Чухломской район. Фотография Вячеслава Нечаева

ные христианским святым, строились православными местными зодчими с любовью с учетом художественных народных особенностей, с одними и теми же названиями в одних и тех же местах на протяжении четырех веков. Их разрушали чужеземцы, после набегов которых храмы горели, но их вновь восстанавливали на том же месте. Советская власть варварски уничтожила большинство церквей.

Обустраивая свое поместное хозяйство, Георг Лермонт осознавал, что на военную службу он должен являться по чинам и четям. Поместные дворяне составляли основу русского войска. На войну брали по одному конному человеку с 300 четвертей земли, «добрых и оружных». В походы они обязаны были подниматься за свой счет «домовых запасов». Собраться на «государеву службу» и прибыть на сборный пункт к назначенному времени они должны были «с людьми, и конями, и с доспехом».

У нас нет данных о военной службе Лермонта в 1621–1630 годах. Можно лишь предполагать на основании существовавших в то время законов, что Георг Лермонт мог участвовать в защите южных границ российского государства, которые продолжали подвергаться набегам татар [9, 10].

Последняя битва Георга Лермонта за Россию

В 1620–1630-е годы Московское государство переживало трудное время становления власти династии Романовых. Особенно были оскорбительны для царя Михаила грамоты пограничных польских державцев: поляки грозят самозванцем; турки побуждают царя к войне с Польшей. Готовясь к войне с Польшей, ожидаемой по окончании срока Деулинского перемирия, 1 июля 1633 года, московское правительство уделяло особое внимание модернизации армии за счет иностранных специалистов. Формирование первых двух русских полков иноземного строя было начато в апреле 1630 года. Выдающимся офицером, кому было доверено формирование первых полков нового типа, оказался шотландец полковник Александр Лесли. Из письма Яна Вуда, «бельского немца», соратника и соседа по имениям Георга Лермонта, следует, что «бельские немцы» были хорошо знакомы со своим земляком Александром Лесли [29]. Поэтому вполне закономерно, что в это же время были призваны иноземцы старого въезда. В 1632 году началось создание первого российского рейтарского* полка под руководством полковника Шарля Самуила де Эберта. В конце XVII столетия рейтарские полки составляли лучшую и наиболее многочисленную часть кавалерии. В России рейтары принадлежали к войскам иноземного строя. В первом российском рейтарском полку две трети личного состава были русские, одна треть – иностранные инструкторы [30].

Одним из таких инструкторов был выбран князем Иваном Борисовичем Черкасским Георг Лермонт. Он получил чин капитана (ротмистра) и жалованье в соответствии с чином – 100 рублей на месяц. Оклады командиров полков рейтарского строя были выше окладов военнослужащих полков солдатского строя. Во время Смоленской войны 1632–1635 годов подполковник получал оклад 100 рублей в месяц. Судя по окладу, статус Георга Лермонта как инструктора рейтарского полка приравнивался к статусу подполковника. Рейтарский полк по указу имел 2000 ратных людей и делился на 12 рот по 167 человек в каждой. Логично предположить, что в соответствии с воинским званием Георг Лермонт командовал рейтарской ротой. По описанию рейтара вполне можно представить обязанности и внешний вид Георга Лермонта – капитана рейтарской роты в 1632 году.

Под началом ротных капитанов находились: поручик, прапорщик, три сержанта (пятидесятника), квартирмейстер (окольничий), каптенармус (дозорщик над ружьем), шесть капралов (есаулов), лекарь, подьячий, два толмача, три барабанщика и 200 рядовых солдат, из них 120 пищальников (мушкетеров) и 80 копейщиков. Военнослужащие конных полков «нового строя» (солдаты, рейтары и драгуны) имели в качестве уставного защитного вооружения единообразные стальные латы в виде «досок», к поясу которых с помощью железных крюков крепились пластинчатые (у рейтар) или чешуйчатые (у солдат) полки, защищавшие живот воина. Солдатские латы отличались от рейтарских также формой пол. На них не было характерного выреза, облегчавшего кавалеристу посадку в седле. Дополняли эти доспехи стальные ожерелья (ошейники), оплечники и «железные шапки» (шиша-

* Рейтар – от нем. Reiter, всадник.

ки), имевшие низкий гребень, прямые и узкие поля, позволявшие без особых помех брать на плечо мушкет, целиться и стрелять из него. Объясняя необходимость ношения мушкетерами шишаков, Вальгаузен писал, что они защищают солдата «не одно что от посеку, но и на приступах от камения и от горячей воды и от иных мер». Такие шлемы должны были иметь «у наушков завяски, чем тот шишак под бородою привязывати, чтобы шишак з головы не спал». Рейтарские шишаки имели чешуйчатые наушники. Полные латы требовались копейщикам (пикинерам). Однако их старались изготовлять нетяжелыми, чтобы не обременять солдат. Пикинерам также выдавали шлемы «от посеку, и от камени, и от стрелы, и от иных не згод». Солдатские латы вводятся в России при учреждении полков «нового строя» накануне русско-польской войны 1632–1634 годов. Стоимость лат и шишаков, изготовленных на предприятиях Петра Марселиса, составляла в середине XVII века 2 руб. Марселис Петр Гаврилович (? –1672) – промышленник, инженер, сын купца. В России проживал с 1629 года; реконструировал металлургические заводы в Туле, основал четыре новых завода в Каширском уезде и других районах России; вел поиски железных и медных руд [31, 32].

Интересно отметить, что в это же время, в мае 1632 года, среди новых наемных иноземцем в полку Якуба Вильсона числился прапорщиком Томас Лермонт. К сожалению, ни Сторожеву (1884), ни профессору Федосову*, ни мне не удалось найти документов, подтверждающих, что Лермонты были знакомы. Личность Томаса Лермонта, однако, можно установить. Он, по всей вероятности, был сыном Елизабет Миртон и Джона Лермонта, владельца замка Бэлкоми в графстве Файф. Мы полагаем, что Томас Лермонт был братом Георга Лермонта и воспользовался оказией, чтобы приехать в Москву с целью найти (увидеть) своего брата [1].

Седьмого сентября 1632 года 30-тысячная армия под командованием боярина Михаила Борисовича Шеина осадила Смоленск. Однако затянувшаяся на восемь месяцев осада не позволила воспользоваться благоприятной внешнеполитической ситуацией, которая сложилась к началу кампании. В течение нескольких месяцев обстановка коренным образом изменилась: кончился период безвластия и хаоса в Польше; новый польский король Владислав IV двинул войска под Смоленск и перерезал коммуникации армии М. Б. Шеина с тылами. Битва за Смоленск была долгой, изматывающей, с огромными потерями с русской стороны. Всего вышло из-под Смоленска с Шеиным 8056 человек, из этого числа многие повезены больные и в дороге умерли, другие оставлены в Дорогобуже, Вязьме и Можайске. Больных осталось под Смоленском 2004 человека. Однако Владислав IV не сумел достичь коренного перелома в войне. Согласно Вечному докончанию, т. е. мирному договору, заключенному на реке Поляновке, Смоленская и Чернигово-Северская земли остались у Польши, Владислав отказался от претензий на московский престол, признав царем Михаила Федоровича (1634) [8, кн. 2, т. VI–X, с. 1197–1212; 33, т. 9, гл. 3].

* 1996, Steve Murdoch database, ID:2911.

Деревянная часовня, построенная на средства ассоциации «Лермонтовское наследие» в 1991 году у стен чухломского Свято-Покровского Авраамиево-Городецкого мужского монастыря по проекту Михаила Александровича Лермонтова

Георг Лермонт погиб во второй Смоленской войне, отважно защищая русскую землю. Точная дата его смерти не известна, ориентировочно это конец 1633 – начало 1634 года. В память о Георге Лермонте и других представителях рода Лермонтовых, захороненных у стен чухломского Авраамиева монастыря, представители международной ассоциации «Лермонтовское наследие» в 1991 году построили на территории монастыря деревянную часовню по проекту Михаила Александровича Лермонтова, потомка Георга Лермонта.

Георг Лермонт – российский подданный

Подробно описывая русскую службу шотландца Георга Лермонта, основателя рода Лермонтовых, хотелось бы представить читателям не формальный образ, а живую личность. Молодой шотландец из дворянской семьи Лермонтов в трудные времена борьбы католиков и протестантов в Шотландии в начале 1600-х годов покинул родину в поисках приключений

и заработка. Его братья и родственники в 1600-х годах служили в наемных войсках в Европе, это была почетная и престижная служба, как говорили в семье. Так почему же и Георгу не попробовать своего счастья, тем более что протекцию ему мог составить дядя, уже тогда известный дипломат и военный Джеймс Спенс, находящийся на службе в Швеции. Поступив в шведскую армию, Георг Лермонт очень быстро оказался в войсках, сражавшихся на стороне России против Польши. Такова была политика Швеции – поддерживать Россию в войне против католической и сильной Речи Посполитой. Георгу Лермонту понравился русский народ, приветливый и добрый, отчаянно и храбро сражавшийся за свое Отечество. Но неудачная для русских и шведов битва под Клушиным в 1610 году на некоторое время изменила судьбу Георга Лермонта: по молодости и неопытности он попал в плен к полякам. Будучи наемным солдатом, Лермонт честно воевал в польском войске. Но судьба неотступно направляла его в Россию. В 1613 году в крепости Белая – северо-западном форпосте – Георг Лермонт и вся шотландская рота без упорного боя переходят на сторону русских войск. Выбор был сделан в пользу России. Как всякого молодого человека, шотландца Георга Лермонта привлекало все новое и необычное, а Россия тем более, ведь о ней в Европе было почти ничего не известно. Именно в 1613 году в России был избран молодой царь, почти ровесник Лермонта, свободным волеизъявлением народа – можно было ожидать преобразований и новых порядков в стране. Россия приняла их, иностранцев, приветливо и сразу определила на военную службу, положив жалованье. Георг уже успел полюбить русский народ. Россия была огромной страной с неизведанными землями и богатством, где можно было получить земли и вести собственное хозяйство. Военная служба в России стала привычной для Георга Лермонта. Он быстро делает военную карьеру, успешно и умело продвигаясь по службе: грамотность оказалась хорошим подспорьем, а честность и ответственность ему были привиты с детства. Военный профессионализм, отвага и преданность русскому государю помогают Лермонту в самых ответственных сражениях, среди которых битва за Москву в 1618 году стала кульминацией. К этому времени Лермонт уже зрелый муж, который решает принять российское подданство, что определило не только его последующую жизнь, но и судьбу рода Лермонтовых. Свои первые помещичьи земли Лермонт получает в престижном тогда Костромском крае. С этими местами у молодого российского царя Михаила Федоровича Романова и его матери Марфы Ивановны связано много сентиментальных воспоминаний. Лермонт получает большое поместье: земли хорошие, лугов достаточно, лес богат пушниной, да и рыбы в Чухломском озере в избытке. Народ хоть и измучен войной и разорением, но трудолюбивый и охоч до плотничества, избы строит крепкие, с узорами да выдумкой. Прагматичность и доброжелательность Лермонта быстро помогли ему наладить быт на новом месте. Крестьяне споро работали на нового хозяина и не чуждались его иноземного происхождения. За семь лет (1621–1628) число крестьян в поместье Лермонта выросло вдвое. Дом отстроили вместе с новой русской женой, дочкой обзавелись. Да и трое старших сыновей при деле, любит их Екатерина Федоровна. Скоро новый храм в Авраамиевом монастыре закончат строить и освящать будут. Нравились Лермонту русские церкви своей теплотой и необыкновенной святостью. Окончательно обрусевшим человеком становится шотландец Джордж Лермонт. Эх, если бы не служба да не война за Отечество, жить бы и добра наживать. Но служба – это долг перед государем и новой Отчизной. Вскоре государь по достоинству оценил своего нового подданного, доверив ему в 1630 году обучение ратному делу русских людей. Лермонт был горд вновь оказаться на службе, да еще вместе с соотечественниками и уже прославленным полковником Александром Лесли, тоже шотландцем. Поместное хозяйство Лермонта было настолько справно, что он не волновался за жену с детьми. Сам он пришел на службу в полном обмундировании, с лошадьми и дворовыми, как полагалось по закону. Большое дело для России делали выходцы из Шотландии – поднимали военное мастерство и строевой порядок российского войска. За такую службу им хорошо платили и уважали. Проверенные делом связи Георга Лермонта с воеводами, князьями да с боярами, его личная доблесть, воинская честь и профессионализм на долгие годы укрепили имя Лермонтов, а потом Лермонтовых в ряду блестящих военных в России.

Становление дворянского рода Лермонтовых в России

Второе поколение Лермонтов

У Георга Лермонта было три сына, до того как он женился на Екатерине Федоровне, и названы они были английскими (шотландскими) именами: Вильям, Питер, Эндрю (Генри). Предположительно все они родились до 1613 года, когда Георг Лермонт служил в Польше или же жил в Шотландии. В России сыновей Георга Лермонта называли Вилим, Петр и Андрей. Интересно отметить, что русская жена Георга Лермонта Екатерина Федоровна в документах называет в качестве пасынков только среднего Петра и младшего Андрея, но ни словом не упоминает Вилима [11]. Из чего следует, что Вилим не жил со второй семьей отца, то есть находился на службе и жительствовал самостоятельно.

Генеалогия Георга Лермонта и его потомков

Старший сын Георга Лермонта – Вилим Лермонт. В 1634 году старший сын Георга Лермонта Вилим Юрьев служил в рейтарском полку. Князь Иван Борисович Черкасский верстал его поместным окладом в 300 четей и денежным окладом в 20 рублей, что было довольно высоким жалованьем для того времени [11, с. 16]. Рассмотрев жалованье служилых дворян (новик – подросток из дворян, детей боярских и городовых казаков в России в XVI–XVII века, поступивший на военную службу по достижении 15-летнего возраста, то есть на современном языке новобранец [30]), можно сделать вывод, что Вилим родился до того, как Георг Лермонт поступил на службу в России. Вилим

Лермонт служил рейтаром в полках «нового строя», и если судить по его денежному окладу, то Вилим Лермонт был в чине поручика, а в целом жаловался как выходец из дворян без поместных владений [31, с. 15–25; 32, с. 156].

С 1636 года имя Вилима Лермонта не числится среди тех, кому выдавали жалованье. На этом основании Василий Сторожев полагает, что к 1636 году Вилим Лермонт погиб на полях сражений.

Младший сын Георга Лермонта – Андрей (Андрю, Эндрю, Генри) Лермонт. Дата его рождения не известна. В иноземском приказе от 1641 года он упоминается в разделе «ротмистровых детей» немецкого старого выезда из галичских помещиков. В это время Андрей и его старший брат Петр служили рядовыми в роте Тимофея Бордовикова [11, с. 17]. Тимофей Ульянов-Бордовиков был московский служилый немчина, выходец из древнего голштинского рода, имевший поместье в Нижегородской губернии [34]. В 1652 году в челобитной поместного приказа мачеха Андрея Лермонта, Екатерина Федоровна, писала, что она живет с пасынками Петром и Андреем и их единокровной сестрой Катериной. Петр и Андрей своими стараниями к этому времени успели сестру вскормить и выдать замуж.

Андрей Лермонт был женат на Елене NN, у него была дочь Анна. Фамилия Лермонт не имела продолжения по этой линии. Андрей Лермонт умер в 1652 году. Его жена и дочь получили на «пропитание усадище» – усадьбу из земель, пожалованных Георгу Лермонту.

Средний сын Георга Лермонта – Петр сын Юрьев Лермонта, или Петр Юрьевич Лермонтов, продолжатель рода. Именно Петр Лермонт стал продолжателем рода Георга Лермонта. Дата его рождения не известна. После смерти Георга Лермонта в 1634 году его сыновья, Петр и Андрей, разделили поместные земли отца и получили по 230 четей пахотной земли, обязуясь кормить мачеху и выдать замуж сестру. В 1659 году, после смерти брата и родственников, Петр Лермонт получил все земли своего отца Георга Лермонта. Карьера Петра Лермонта, так же как и его брата Андрея, началась с рядового в роте Тимофея Бордовикова в 1641 году. В 1652 году Петр Лермонт, находясь на государевой службе, имел поместный оклад в 400 четей и 21 рубль денежного жалованья [11, с. 32].

В 1645 году умер царь Михаил Федорович Романов и престол занял его сын – шестнадцатилетний Алексей Михайлович Романов. Царь был глубоко верующим человеком, умен и образован. Его воспитателем был боярин Борис Иванович Морозов (1590–1662), человек образованный и набожный. Морозов с детских лет находился на житье в царском дворце при Михаиле Федоровиче. За верную службу он был пожалован огромными наделами и был одним из самых богатых людей своего времени. Борис Морозов удостоился чести быть посаженым отцом на свадьбе царя Алексея Михайловича (1629–1676) с Марьей Ильиничной Милославской [35]. Борис Морозов стал свояком молодому царю, когда женился на сестре царицы Анне Милославской, упрочив таким образом свое влияние и близость к монарху.

Боярину Борису Ивановичу Морозову с 1629 года принадлежало Чухломское озеро, в непосредственной близости от которого были владения

Лермонтов [36, с. 478–481]. Так же как и Георг Лермонт, Борис Морозов отличился во время обороны Москвы в 1618 году. За доблесть получил земли, в том числе и в Чухломской осаде. У Морозова был богатый дом на посаде в Чухломе. Такое близкое соседство владений Лермонтов и Морозова не исключает их личного знакомства.

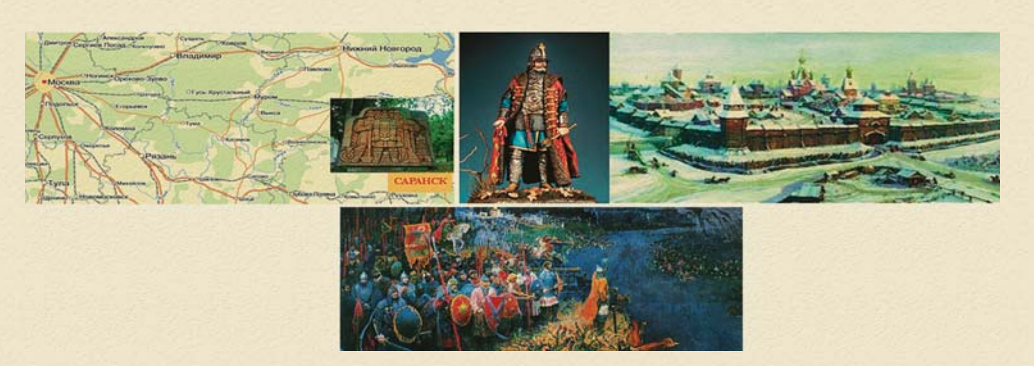
Важным шагом в жизни и карьере Петра Лермонта стало принятие православия и крещение по православному обряду в 1653 году. Петр Лермонт жил в окрестностях религиозного центра Авраамиево-Городецкого монастыря. Поскольку царь Алексей Михайлович отличался необыкновенной набожностью, российская власть всячески способствовала крещению иностранцев, находящихся на русской службе, в православную веру. Крестившиеся получали вознаграждения. После крещения знатные иноземцы удостаивались чести видеть ясные государевы очи и челом ему бить, при этом они вновь получали награды и поощрения.

Таинству крещения иноземцев в те времена предшествовало довольно продолжительное приготовление, не менее шести недель, в одном из монастырей. Возможно, что для Петра Лермонта такое приготовление происходило в Авраамиево-Городецком монастыре [37].

Петр Лермонт крестился в православную веру летом 1653 года. 16 июня 1653 года, сразу после крещения, Петру Лермонту по государеву указу было пожаловано звание капитана. Он был приписан к полку полковника Даниила Краферта (Крауфорта). 6 августа 1653 года Петр Лермонт был у государевой руки царя Алексея Михайловича и видел государевы очи. Этот факт свидетельствует о том, что его принимали как знатного иноземца или как сына знатного чужестранца. Через неделю, 12 августа 1653 года, Петр Лермонт по указу государя вновь получил повышение по службе. Он был произведен в майоры полка полковника Краферта, входившего в состав войска воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого, и пожалован поместным окладом. Теперь поместный оклад Петра Лермонта состоял из 600 четей и денежный – 40 рублей [11, с. 17]. Таким образом, поместный оклад Петра Лермонта был сравним с окладом его отца. Однако денежный оклад у него был все-таки вдвое ниже, чем у Георга Лермонта в 1632 году.

В 1655 году Петр Юрьевич Лермонт был назначен воеводой Саранска. Он управлял городом до 1659 года. Городские воеводы тогда назначались указами царя [38, с. 98].

Саранск – один из старейших русских городов Среднего Поволжья – основан на пересечении больших трактов, соединявших Москву с Астраханью, Казань с Крымом. Плодородные почвы, заливные луга, леса вокруг Саранска, богатые зверем и птицей, привлекали многих. Город строили как военную крепость в 1641 году, хотя предания связывают его основание со временами Ивана Грозного. Неудивительно, что вокруг крепости очень скоро возник большой посад, и уже в 1651 году Саранск получил статус уездного города. Крепость в Саранске представляла собой типичную цитадель квадратной формы, укрепленную со всех сторон земляным валом, деревянные стены со сторожевыми башнями по углам. С внешней сторо-



Петр Лермонт, воевода в Саранске

ны вала тянулись глубокие рвы. В крепости была приказная изба, склады и погреба с вооружением, конюшни и другие постройки. Типичное для того времени воеводское подворье, где мог жить Петр Лермонт с семьей, выглядело следующим образом: две большие избы, соединенные широкими сенями, с парадным входом. Нижний этаж занимали слуги, верхний – непосредственно воевода и его родственники. Там же находилась столовая, спальни, горница. На дворе были конюшенный и каретный сараи, сарай для дров, баня, поварня для выгонки вина и пива. Все подворье было предусмотрительно огорожено высоким забором, постройки украшены резьбой. Парадный вход отличался особо богатой отделкой. Часть приказной избы занимала канцелярия воеводы, где он работал в судейской комнате, рядом была комната подьячего и его писцов [38, с. 156–162; 39].

Петр Лермонт был воеводой в Саранске исключительно долгий срок в те воистину смутные времена – четыре года. Городовым воеводам поручалось следить за военной подготовкой и вооружением своих подчиненных и готовить им в помощь резервные отряды из посадских и уездных людей. По служебному положению Петр Лермонт правил не только саранской крепостью, но и «по черте иные города с пригородами воевод и голов». За это время Петр Лермонт отражает наиболее крупные за историю города набеги южных кочевников на мордовские земли [11, с. 16; 40].

Петр Лермонт скончался в 1679 году. Своей службой и мудростью он значительно упрочил имя Лермонтов в российском государстве. Он был женат, но имя его жены осталось неизвестным. У Петра Лермонта было четверо детей: сыновья Евтихий (Юрий) и Петр, дочери Марфа и Евдокия.

Третье поколение Лермонтов – Лермонтовых

Начнем повествование с дочерей Петра Лермонта. Их замужества свидетельствуют о престижном положении и высокородных связях в обществе семьи Лермонтов в конце XVII века. Дочери, однако, не могли быть продолжателями фамилии.

Марфа Петровна Лермонт была выдана замуж за князя Василия Федоровича Елецкого в 1678 году. Князь Елецкий был стольником и числился по боярским спискам в Кашине, в Ярославле, в Дмитрове, на Кошире, на Резани, на Костроме, на Белеозере и в Галиче*. Князья Елецкие принадлежали к древнему княжескому роду, из Рюриковичей. После присоединения Елецкого княжества к Москве в конце XV века князья Елецкие служили московским государям воеводами, стольниками, окольничими, боярами.

Евдокия (Авдотья) Петровна Лермонт была выдана замуж за стольника Ивана Ивановича Мещеринова до 1685 года. Иван Иванович Мещеринов имел земли в Галичском уезде, а в одной из царских грамот в 1685 году его называют «стольник наш Иван Иванович Мещеринов» [41, с. 33], что ставит его в разряд царедворцев. Стольник Иван Иванович Мещеринов приходился племянником Ивану Алексеевичу Мещеринову, которого называют воеводой, усмирителем соловецкого мятежа старообрядцев [41, с. 15–19; 42]. Несмотря на жесткую расправу с бунтарями и судебное разбирательство, дело кончилось для Мещеринова благополучно. В 1688 году он состоял в свите царицы Натальи Кирилловны, урожденной Нарышкиной, матери Петра Великого [43]. Вероятно, брак Евдокии Лермонт с царедворцем Иваном Мещериновым имел целью приближение Лермонтов к царскому двору.

Известный историк, исследователь костромского дворянства, в частности Лермонтовых, Александр Александрович Григоров особо интересовался родом Мещериновых [44, 45]. Интерес этот обоснован фактом, что Мещеринова Мария Афанасьевна, из симбирских Мещериновых, являлась прабабушкой поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, а Владимир, Афанасий и Петр Мещериновы были его друзьями**.

Продолжатели рода – Евтихий и Петр Лермонтовы

Евтихий Петрович Лермонтов, старший сын Петра Лермонта, получил отставку от службы в стольниках по старости в Москве в 1706 году, умер в 1708 году. Достоверно известно, что Петр Петрович Лермонтов, младший сын Петра Лермонта, умер в 1707 году*** [2, с, 16; 46].

Благодаря заслугам деда и отца служба обоих братьев начинается с чина жильцов – категории служилых людей по отечеству, то есть имеющих поместные земли. Чин жильца являлся связующим звеном с московскими чинами. Его давали выходцам из дворянских семей с высоким статусом. Начинающие служивую карьеру с жильца при соответствующем усердии быстро становились стряпчими, стольниками, воеводами.

* Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» / Под ред. А. В. Захарова.
** www.tatianamolchanova.com.
*** Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» / Под ред. А. В. Захарова (Боярский список: 1706 г., л. 20; л. 71; 1707 г., л. 73; URL: http://zaharov.csu.ru).

Евтихий Петрович появился в «жилецких списках» с 1667 года и числился с поместьем в Галичском уезде, полученным от отца. В 1673 году он был поверстан поместным окладом в 400 четей и 10 рублями денег. В «жилецких списках», составленных по указанию царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича в 1692 году, отмечалось, что, по данным 1673 года, за Евтихием Лермонтом в Галиче часть села Туровское с деревнями в 13 дворов, вотчины в Галичском уезде, усадьба Измайлово с деревнями в 12 дворов, всего 25 дворов. В январе 1679 года Евтихий Лермонт был пожалован в стряпчие. Стряпчий – это придворный чин, дворцовый слуга (выполнявший различные обязанности в дворцовом доме). А в 1681 году Евтихия Лермонта назначают в стольники. По росписи чинов XVII века стольник был высокий придворный чин. В разряде придворных чинов стольники занимали пятое место после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков. Стольников назначали на приказные, воеводские, посольские и другие должности. Энергичный и целеустремленный Евтихий Петрович Лермонт успешно сочетал служивую карьеру с личной жизнью и управлением своими помещичьими землями.

Родовая усадьба Лермонтовых Измайлово в Костромской губернии

Архивные источники свидетельствуют о том, что с 1673 года за Евтихием Петровичем Лермонтовым числилась вотчина в Галиче: усадище Измалково (усадьба Измайлово) с деревнями Мерлино, Тупикино, Жеребцово, Лежнино и др. – всего 12 дворов [11, с. 34]. Ему также принадлежала в это время часть села Туровское на берегу Галичского озера, последнее в 1630-х годах принадлежало Перелешиным [18, с. 15]. Первой женой Евтихия Лермонтова была Фекла Матвеевна, урожденная Перелешина. Она упоминается как жена Евтихия Петровича в 1673 году [2, с. 16]. В 1688 году в поколенной росписи Лермонтовых только Петр записан как сын Евтихия Петровича Лермонтова [47, т. 7, с. 547–556]. Владимир Васильевич Никольский [47, т. 8, с. 810] пишет, что Петр Евтихиевич (Юрьевич) был сыном Евтихия Петровича от первой жены, урожденной Перелешиной, а остальные дети были от второй жены – Прасковьи Михайловны Белкиной (из соседнего с лермонтовскими поместья Желинское), на которой он женился после 1688 года.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Евтихий Петрович Лермонтов не мог получить усадьбу Измайлово в приданое за второй женой, Прасковьей Михайловной Белкиной, как утверждал Александр Александрович Григоров [45, с. 142]. Ошибка А. А. Григорова теперь путешествует из издания в издание.

Петр Юрьевич Лермонтов, сын Евтихия Петровича и Феклы Матвеевны Лермонтовых, родился в середине 1670-х годов, а не в 1698 году, как указано в «Лермонтовской энциклопедии». Умер он в 1740-х годах.

Игорь Васильевич Воронцов указывает дату смерти – 1753 год [2, с. 18], а Серафима Алексеевна Панфилова в родословной Лермонтовых [48] – 1734 год.

После смерти Евтихия Петровича Лермонтова в 1708 году именно Петр Юрьевич Лермонтов, родной сын Евтихия, получил по разделу земель усадьбу Измайлово. Было бы странно, если бы вторая жена Евтихия Петровича Лермонтова – Прасковья Михайловна Белкина – при разделе земель отдала бы пасынку Петру усадьбу Измайлово, якобы полученную ею в приданое. Именно Петр Юрьевич Лермонтов, офицер лейб-гвардии Преображенского полка – первого военного детища царя-преобразователя Петра Великого, стал основателем Измайловской ветви рода Лермонтовых, о чем будет сказано далее. Усадьба Измайлово из поколения в поколение передавалась по наследству старшему сыну Измайловской ветви вплоть до 1791 года. В 1791 году Петр Юрьевич Лермонтов (1741–1799), дед поэта, продал усадьбу Измайлово.

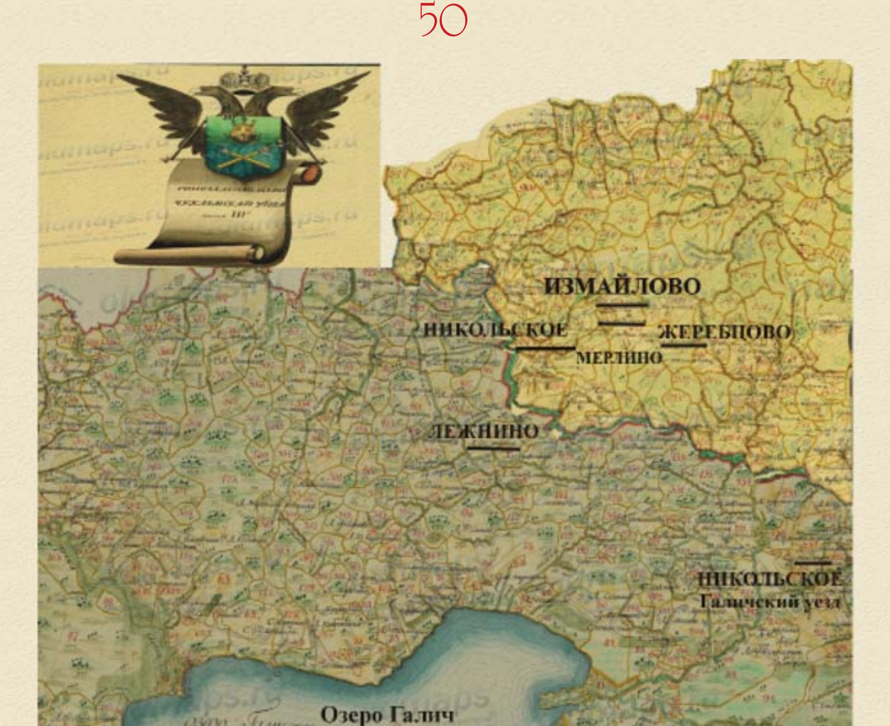
Таким образом, факты и расчеты показывают, что прапрапрабабкой поэта Михаила Юрьевича Лермонтова была не Прасковья Михайловна Белкина, а Фекла Матвеевна Перелешина. Усадьбу Измайлово Евтихий Петрович если и получил в качестве приданого, то не за Белкиной, а за Перелешиной, наиболее же вероятно, он ее получил как поместное владение за службу в 1673 году.

Вопрос о расположении усадьбы Измайлово возник в связи с тем, что в 1997–1999 годах И. В. Воронцов в отчете ассоциации «Лермонтовское наследие» и в публикации «Лермонтов и его потомки» [49] высказал мнение, что усадьба Измайлово находилась в деревне Измайлово под Судаем (в настоящее время – Чухломской район Костромской области). Мнение Воронцова было подхвачено исследователями рода Лермонтовых: Игорем Павловичем Белавкиным [50] и Александром Николаевичем Крюковым, краеведом, историком, заместителем председателя Костромского землячества в Санкт-Петербурге [51].

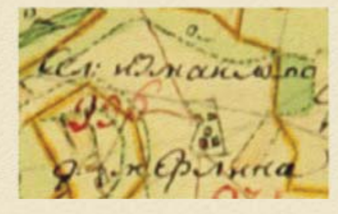
Вернемся к известным фактам, которые всегда помогают избежать ошибочных выводов. Василий Николаевич Сторожев в 1894 году представил достоверные архивные данные о том, что в 1673 году вотчина Евтихия Петровича Лермонтова, состоявшая из усадьбы Измайлово и четырех деревень – Мерлино, Тупикино, Жеребцово, Лежнино, – находилась в Галиче. В XVII веке под Галичем подразумевали весь Галицкий уезд.

Исследователь Костромского края Дмитрий Федорович Белоруков (1912–1991) об усадьбе Измайлово писал следующее: «Это была родовая усадьба Лермонтовых – предков поэта М. Ю. Лермонтова. В описании 1780 года значится: «Сельцо Измайлово с деревнями. В Измайлове господский деревянный дом, при нем сад регулярный с плодовыми деревьями». Белоруков определил местоположение усадьбы Измайлово в Степановском сельском совете Галичского района [36, с. 86–90].

Достоверные сведения о местонахождении усадьбы Измайлово в конце XVIII – начале XIX века можно получить, исследуя карты межевания



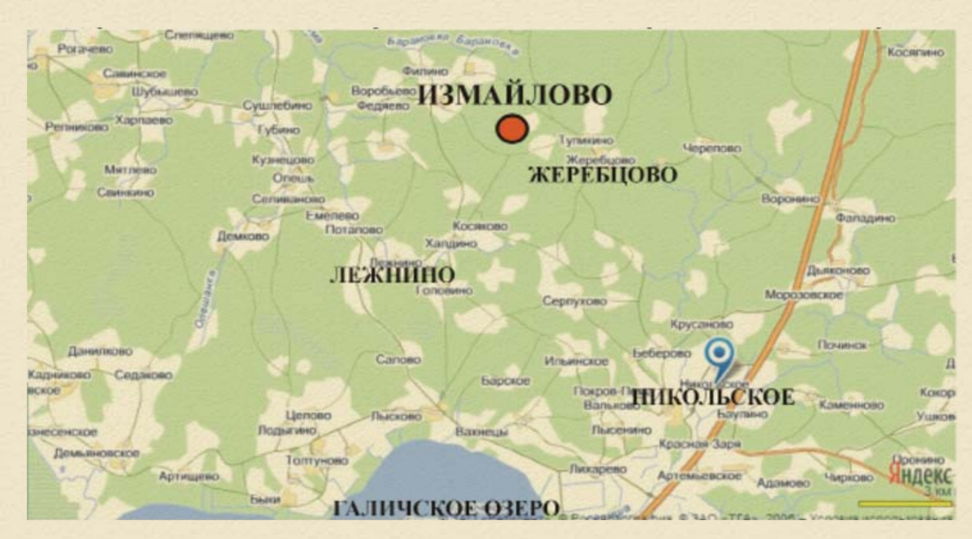
Усадьба Измайлово на карте межевания Чухломского (желтый цвет) и Галичского (зеленый цвет) уездов в 1788–1792 годах



Увеличенный фрагмент карты с указанием села Измайлова и деревни Мерлино

Костромской губернии в 1770–1790 годах [52]. На составленной мною карте межевания части Галичского и Чухломского уездов село Измайлово, отвечающее описаниям Сторожева и Белорукова как усадьба Лермонтовых, находилось в Чухломском уезде. Усадьба – земельный участок, на котором находится Измайлово, – включает деревни Мерлино, Жеребцово, Бакунино, Лежнино. Лермонтовская родовая усадьба Измайлово находится приблизительно в 10–12 км к северу от Галичского озера. Таким образом, в 1790-х годах в состав усадьбы Измайлово входили деревни, которыми владел в 1680-х годах Евтихий Петрович Лермонтов. Именно эта усадьба Измайлово является родовой усадьбой Лермонтовых – прямых предков поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

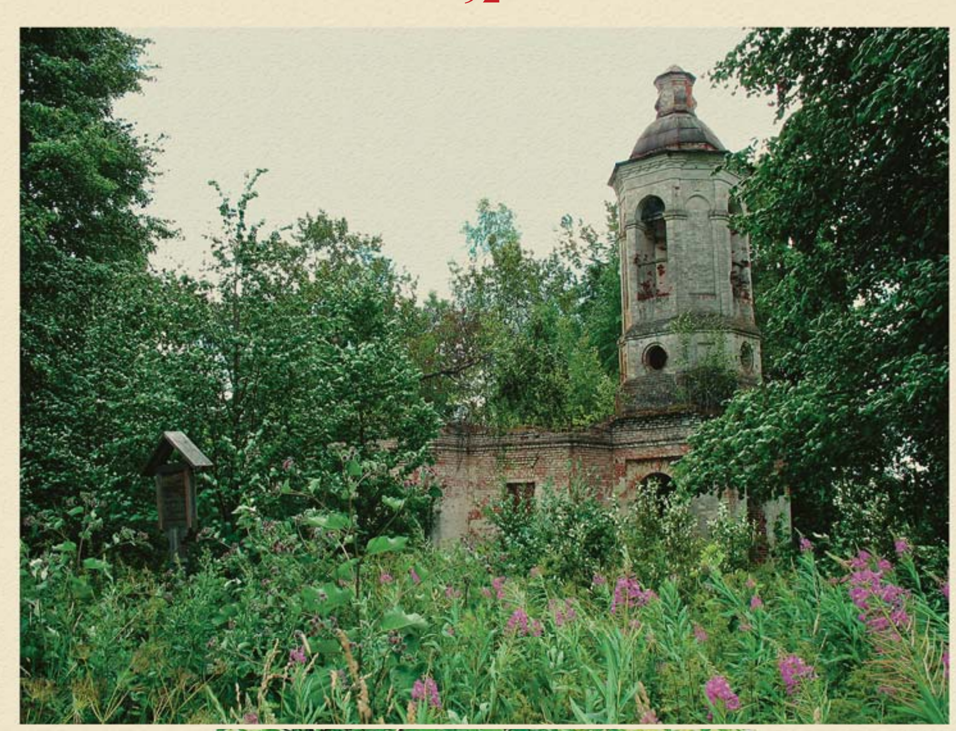
Часть плана административного деления Костромской губернии в 1907 году: усадьба Измайлово (красный кружок), деревня Измайлово (зеленый квадрат)



Местоположение усадьбы Измайлово на современной карте Чухломского – Галичского районов

В настоящее время места, где находилась родовая усадьба Лермонтовых, в полном запустении. Отец поэта, Юрий Петрович Лермонтов (1787–1831), родился в усадьбе Измайлово, крестили его 26 декабря 1787 года в деревянной церкви Николая Чудотворца в селе Никольском Галичского уезда. Церковь в 1930-х годах была закрыта.

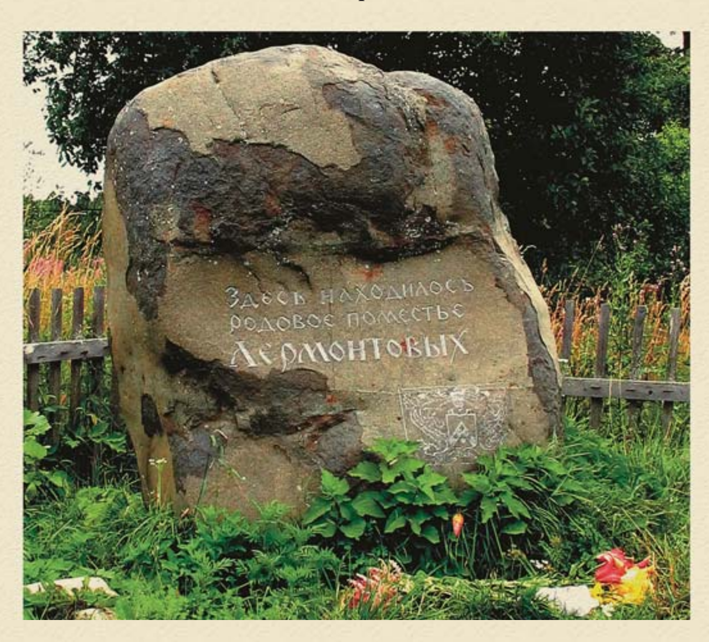
Деревня Измайлово под Судаем в настоящее время находится в Судайском сельском поселении на севере Чухломского района Костромской области. На картах межевания Костромской губернии 1788–1790 годов деревня Измайлово под Судаем находилась в Георгиевской волости Соли-



Село Никольское Галичского уезда. Церковь Николая Чудотворца, в которой крестили отца поэта

галического уезда Костромской губернии. В 1858 году деревня Измайлово под Судаем принадлежала Григорию Николаевичу Лермонтову [53; 54, с. 48]. Григорий Николаевич Лермонтов (1814–1872) – представитель Острожниковской ветви лермонтовского рода – имел с поэтом Михаилом Юрь-

Село Измайлово под Судаем в Чухломском районе, ошибочно принимаемое за родовое имение предков поэта. Исследователь А. Н. Крюков



Камень памяти

евичем Лермонтовым общего предка – Петра Лермонта, сына Георга Лермонта, основателя рода Лермонтовых в России.

По инициативе А. Н. Крюкова и при активном участии школьников Судайской средней общеобразовательной школы имени Н. Ф. Гусева Чухломского муниципального района Костромской области в селе Измайлово под Судаем, что в 25 км на север от Чухломы, теперь установлен памятный камень с надписью: «Здесь находилось родовое поместье Лермонтовых».

Крюков и судайские школьники ошибочно считают, что именно в этом месте была родовая усадьба Измайловской ветви рода Лермонтовых. Имя Лермонтовых (Григория Николаевича Лермонтова), владевших некогда деревней Измайлово под Судаем, побудило школьников к глубокому изучению творчества поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Ассоциация «Лермонтовское наследие» одобряет и поддерживает интерес и любовь ребят к гениальному поэту, желает им успехов и новых исторических находок.

Усадьба Колотилово

С именем Евтихия Петровича связано появление в роду Лермонтовых еще одной усадьбы – Колотилово. В январе 1692 года Евтихий Петрович выменял четверть пустоши Шишкино (часть усадьбы Кузнецово), доставшейся ему от деда, на пустошь Колотилово, владельцем которой был Иван Михайлович Перелешин, по-видимому родственник первой жены Евтихия Петровича. На пустоши Колотилово Евтихий Петрович планировал выстроить усадьбу и даже дал ей название Новая. О чем говорит это название? Естественно, о новшествах и преобразованиях в армии молодого царя Петра I, о его стремлении к реформам, ко всему новому. Но название Новая не прижилось. Не пришлось и Евтихию Петровичу пожить в новой усадьбе. Видимо, занятость на службе не оставляла времени на свое собственное хозяйство. После его смерти в Колотилове в 1717 году был только скотный двор. Впоследствии усадьба Колотилово принадлежала младшему сыну Евтихия Петровича, Матвею Юрьевичу Лермонтову, и его потомкам. Они благоустроили усадьбу и жили там большой и дружной семьей. С 1827 года и до революции усадьба Колотилово принадлежала дворянам Катениным и исторически более известна как усадьба Колотилово Катениных [45, с. 172–179].

Евтихий Петрович в 1680-х годах в придачу к своим немалым владениям приобрел на реке Шуе деревни Воронино, Бараново и Елизарово. Эти владения перешли как приданое его сестре Авдотье (Евдокии, замужем за И. И. Мещериновым). После смерти И. И. Мещеринова и его жены усадьба Воронино с деревнями возвратилась к Лермонтовым. Затем ими владел прапрадед поэта Петр Юрьевич Лермонтов. Прапрадед поэта усадьбу Воронино отдал в приданое за своей дочерью Феклой Юрьевной, вышедшей замуж за Ф. Ф. Шипова, а после бездетного Ф. Ф. Шипова усадьба Воронино перешла к Петру Юрьевичу Лермонтову, деду поэта [2, с. 16, 21, 27].

Карьера братьев Лермонтов

Продвижение по службе Евтихия Петровича и Петра Петровича происходило практически синхронно. Создается впечатление, что братья были очень дружны и помогали друг другу.

Петр Петрович Лермонтов (середина 1600-х – 1707) был записан в жильцы в июне 1671 года, с поместными землями, полученными в Галичском уезде за отцом. В сентябре 1677 года ему пожалован придворный чин стряпчего, а в 1691 году он уже стольник. В 1703 году в боярских списках есть запись: «Стольник отставной с 1703 года в Москве для посылок». По разделу земель отца, Петра Юрьевича Лермонтова, Петру Петровичу Лермонтову отошло поместье Кузнецово, деревня Острожниково и ряд других деревень, полученных еще Георгом Лермонтом. Петр Петрович Лермонтов был женат на Устинье Васильевне, урожденной Головиной [55].

Евтихий Петрович и Петр Петрович Лермонты служили России во времена царствования Алексея Михайловича Романова (1645–1676), Федора Алексеевича Романова (1676–1682) и двух его младших братьев, вступивших на престол после смерти Федора Алексеевича в 1682 году: Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича Романовых. Они пережили период нововведений и реформ православной церкви патриарха Никона (1652–1666); восстание Степана Разина 1670–1671 годов, когда массовое антиправительственное движение казаков, крепостных крестьян, посадских людей, народов Поволжья (чувашей, мари, мордвы, татар) на Дону, в Поволжье и Заволжье докатилось и до их родных чухломских поместий; они пережили времена усмирения старообрядцев и были близкими родственниками воеводы и царедворца, усмирителя соловецких старообрядцев (1667–1676) Ивана Алексеевича Мещеринова. Но ни смена царей, ни восстания не помешали им целеустремленно укреплять свое социальное и экономическое положение.

Родословная роспись рода Лермонтовых 1688 года

Именно Евстихий Петрович и Петр Петрович Лермонтовы 10 февраля 1688 года представили в Палату родословных дел Разрядного приказа первую поколенную роспись рода Лермонтовых. Этот шаг закреплял полные права Лермонтовых как русского дворянского рода.

Поколенная роспись и родословная легенда были представлены Лермонтами в связи с созданной царем Федором Алексеевичем Палатой родословных дел* [56]. Представленная Лермонтами родословная легенда написана в соответствии с духом того времени. В ней конкретно указан год – 1057-й и историческое событие в связи с появлением Лермонтов в шотландской истории. Более того, даны ссылки на документы: «История Шотландии» Лесли и Боэсе. Оба источника используются шотландцами как исторически достоверные при составлении родословных и в наше время. Такой фундаментальный подход Лермонтовых к родословной очень характерен для потомков шотландского рода. В 1688 году Лермонты конкретно указали, что их родственники владели землями

* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. – М.: Университетская тип. И. Новикова, 1787. Опубликована в Интернете, http://barhat.genealogia.ru. Материал любезно предоставлен председателем УИРО Ю. В. Коноваловым.

Приложенiе XII.

XII. Поколѣнная роспись рода Лермонтовыхъ, поданная въ Разрядъ внуками Георга Лермонта 10 февраля 1688-го года.

Родъ Лермонтовыхъ.

Выѣхалъ дѣдъ нашъ *Юрья Ондрѣевъ сынъ Лермантъ* исъ Шкотскіе земли въ Польшу на Бѣлую, а зъ Бѣлые исъ Польши выѣхалъ въ московское государство. И какъ дѣдъ нашъ выѣхалъ въ *московское государство*, и въ которомъ году, и при которомъ государѣ—и то написано въ Иноземскомъ приказѣ въ книгѣ, въ прошломъ въ 141-мъ году, розныхъ вѣръ и государствъ иноземцовъ.

За приписью *дьяка Григорья* Нечаева написано въ книгѣ иноземцовъ: старого выѣзду *бѣлской* нѣмчинъ ротмистръ *Юрья Лермантъ* служилъ блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Михаилѣ Ѳедоровичу всея Русіи самодержцу. А по его государеву указу велѣно *быть* у *него Юрья* въ ученьи дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, и новокрещенымъ нѣмцомъ старого и нового выѣзду, и татаромъ въ конскомъ рейтарскомъ *строю*; да ему жъ дѣду нашему *Юрью Лерманту* по указу же *великого государя* и по уговору боярина князя Ивана Борисовича Черкаскаго государева жалованья давано по сту рублевъ на мѣсяцъ, вычитая треть за крестьянскіе дворы.

И у дѣда нашего у *Юрья Ондрѣева сына Лерманта* былъ сынъ *Вилимъ*, да сынъ *Петръ*, да сынъ *Ондрѣй*. И Вилимъ и Ондрѣй умре бездѣтны. А отецъ нашъ *Петръ Юрьевичъ* во 164-мъ и пятомъ годѣхъ по указу блаженные памяти великого государя, царя и великого князя *Алексѣя Михайловича...* (тит.) былъ въ Саранску воеводою, да ему же отцу нашему велѣно было вѣдать по чертѣ иные городы съ пригородки воеводъ и головъ.

А у *Петра*, отца нашего, дѣти—сынъ *Ефтифей* да сынъ *Петръ*, служили великимъ государемъ въ стольникѣхъ, а у *Евтифея*—сынъ *Петръ*.

А въ Шкотской землѣ родственнику нашему дано.

Въ лѣтѣ отъ Рождества Христова 1057-мъ прямова наслѣдника Шкотскіе земли Милколумбуса (т. е. Малькольмуса; срв. у г. *Никольскаго* 3-ье прим. на 550-й стр.) изогналъ тиранъ Макбѣтусъ и отца Милколумбусова Данкавуса третьяго тѣмъ именемъ исгубилъ.

И Милколумбусъ, получивши пріятство у аглинскаго короля Эдвардуса, что онъ повелѣлъ ему всякихъ людей принимати, которые похотятъ съ нимъ идти доставати его природнаго королевства.

И съ нимъ Милколумбусомъ поѣхали многіе породные люди Аглинскіе земли, и Французскіе земли, и иныхъ земель, и ему помогли того тирана Макбѣтуса побити и королевство его Шкоцкую землю ему очистили.

И онъ за такіе ихъ службы пожаловалъ вотчинами, а Лерманту дано въ вотчину господинство Рарси, которымъ господинствомъ и нынѣ владѣютъ наслѣдники его. А свидѣтельствуетъ о томъ Гекторъ Боецыевъ, Яганусъ Леслѣусъ и иные лѣтописцы и кроники [9]).

[9]) Подъ тѣмъ написано тако, к рука енерала и поручика Петра Иванова сына Гордона, и иныхъ полковниковъ, на противу оного, по нѣмецки написано двумя руками.

Поколенная роспись и «выезд», или родословная легенда, поданные внуками Георга Лермонта в разряд 10 февраля 1688 года

Рарси (читай: Дарси) в графстве Файф. Это согласуется с современными представлениями об истории Лермонтов из графства Файф [1]. Остается объяснить, как мог попасть текст из «Истории Шотландии» Лесли и Боэсе в руки внуков Георга Лермонта в 1688 году. На том основании, что шотландцы уважительно относятся к своей генеалогии, можно предложить несколько версий. Георг Лермонт, являясь выходцем из благородной семьи Лермонтов Дарси и Бэлкоми, имел при себе записанную историю своего рода, которой его могли снабдить родственники, когда он отправлялся в дальние страны. Второй вариант – Георг Лермонт, будучи человеком грамотным, сам читал одну из «Историй Шотландии», переписал текст, касающийся его предка в 1057 году, и взял с собой, отправляясь в путешествие. Третий – под родословной Лермонтовых 10 февраля 1688 года поставил свою подпись российский генерал шотландского происхождения Петр Иванович Гордон. Гордон в 1669–1670 годах и в 1686 году путешествовал в Шотландию как посол из Москвы. В 1686 году он в последний раз был на родине*. Гордон мог оказать услугу своим землякам Лермонтовым и найти в «Истории Шотландии» Боэсе и Лесли отрывок текста, подтверждающий древность рода Лермонтовых. Кстати, имя Гордонов также есть в списке сторонников Малькома III в летописях истории Шотландии.

В качестве главного вывода можно утверждать, что Лермонтовы, внуки Георга Лермонта, подали в Палату родословных дел в 1688 году легенду о «выезде» из Шотландии, в целом соответствующую истории рода Лермонтов из графства Файф в Шотландии. Вторично русские Лермонтовы официально подтвердили свою связь с Лермонтами Дарси и Бэлкоми в 1797 году, представив герб Лермонтовых в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи [57].

Евтихий и Петр Лермонты на службе у Петра I

В 1689 году в России произошли события, в результате которых царствование Петра I было на грани катастрофы. Во время соцарствования братьев Ивана и Петра Алексеевичей их сестра, царевна Софья Алексеевна, организовала второй Стрелецкий бунт, направленный против нововведений, которые начинал проводить восемнадцатилетний Петр. Софья замыслила убить царственного брата, его мать и сжечь потешные села Петра. Поддержку она рассчитывала найти у преданных ей стрельцов. Однако среди стрельцов нашлись храбрецы, и Петр был предупрежден о готовящемся на него покушении. В ночь с 7 на 8 августа 1689 года Петр вместе с матерью, Натальей Кирилловной, отправился в Троице-Сергиеву лавру. В числе лиц, последовавших за государем, был генерал Петр Иванович Гордон. На защиту Петра прибыл стрелецкий полк в составе 1200 профессионально подготовленных стрельцов полковника Лаврентия Панкратьевича Сухарева. Этот стрелецкий полк в конце XVII века охранял Сретенские ворота и был единственным стрелецким полком, перешедшим на сторону молодого царя 8 августа 1689 года. В результате дело Софьей было проиграно. Участь ее известна: она пострижена в Новодевичьем монастыре, а соучастники заговора казнены.

Сухарева (Сухаревская) башня

Царь Петр Великий был благодарен преданным ему людям. В 1692–1695 годах на площади, на пересечении Садового кольца и улицы Сретенки, воздвигли новые ворота, не похожие на все другие. То были высокие, в два

* Официальный сайт истории Шотландии: http://www.electricscotland.com.

А

Б

В

Г

А. Современная карта Москвы, на которой выделен район, где проживал Евтихий Лермонт в 1692 году и где родился Михаил Юрьевич Лермонтов.
Б. Выделенный район в увеличенном масштабе: 1 – Сретенский тупик; 2 – Сухарева башня; 3 – дом, где родился поэт; 4 – церковь, где его крестили.
В. Сухарева башня, Ф. Бенуа, 1846.
Г. Красные ворота, слева от них дом, где родился поэт, справа – церковь Трех Святителей. Литография по рисунку Д. М. Струкова, 1850 (объекты не сохранились)

яруса палаты, с проездными арками и башней. Башню стали называть Сухаревой (Сухаревской) – по имени командира полка, защищавшего жизнь Петра I. Новая башня выглядела как ратуша европейских городов. За 240 лет существования роль Сухаревой башни, в которой сначала размещалась петровская Математическая и навигационная школа, трудно описать и невозможно переоценить. Башня была стерта с лица земли в 1935 году по личному распоряжению Сталина.

Сретенское подворье Лермонтов

Во время строительства Сухаревской башни, в 1692 году, Евтихий Петрович и Петр Петрович Лермонтовы имели собственное подворье на Сретенке, в Тупом переулке (ныне Сретенский тупик). По этому же адресу пребывал полк воеводы Лаврентия Сухарева, в нескольких десятках метров от строящейся башни [41, с. 66]. Документ, свидетельствующий об этом, подписан подьячим стольника и полковника Лаврентия Сухарева. Чин стольника, в котором пребывали оба Лермонтова в 1692 году, предусматривает их личное знакомство с героем событий 1689 года стольником Лаврентием Сухаревым, ответственным за земли, где квартировался вверенный ему полк. В те же годы Лермонтовы были знакомы и с генералом Петром Ивановичем Гордоном, также участником спасения Петра I в 1689 году. Близким родственником Лермонтовых был царедворец стольник Иван Алексеевич Мещеринов, служивший в свите вдовствующей царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, матери Петра I. Поскольку стольники назначались на приказные, воеводские, посольские и другие должности, можно предполагать, что Лермонты имели подворье в месте строительства такого важного для царствования Петра I сооружения, как Сухарева башня, не случайно, а были назначены на определенные должности Петром I для обеспечения строительства. Было бы смело предполагать, но вполне вероятно, что, имея высокородных родственников, Лермонты участвовали в спасении Петра I и в подавлении Стрелецкого бунта. Сто двадцать лет спустя великий поэт, потомок Петра Лермонта, писал: «На крутой горе, усыпанной низкими домиками, среди коих изредка лишь проглядывает широкая белая стена какого-нибудь боярского дома, возвышается четвероугольная, сизая, фантастическая громада – Сухарева башня. Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее мшистом челе! Ее мрачная физиономия, ее гигантские размеры, ее решительные формы – все хранит отпечаток другого века, отпечаток той грозной власти, которой ничто не могло противиться» (Михаил Юрьевич Лермонтов. «Панорама Москвы», 1834).

Это период становления Лермонтовых в России как дворянской российской семьи. К 1700-м годам у дворян Лермонтовых были обширные владения в Костромской губернии, придворные чины и соответствующие им должности при царском дворе и в Российском государстве, они установили связи с престижными российскими дворянскими фамилиями.

Формирование четырех ветвей рода Лермонтовых

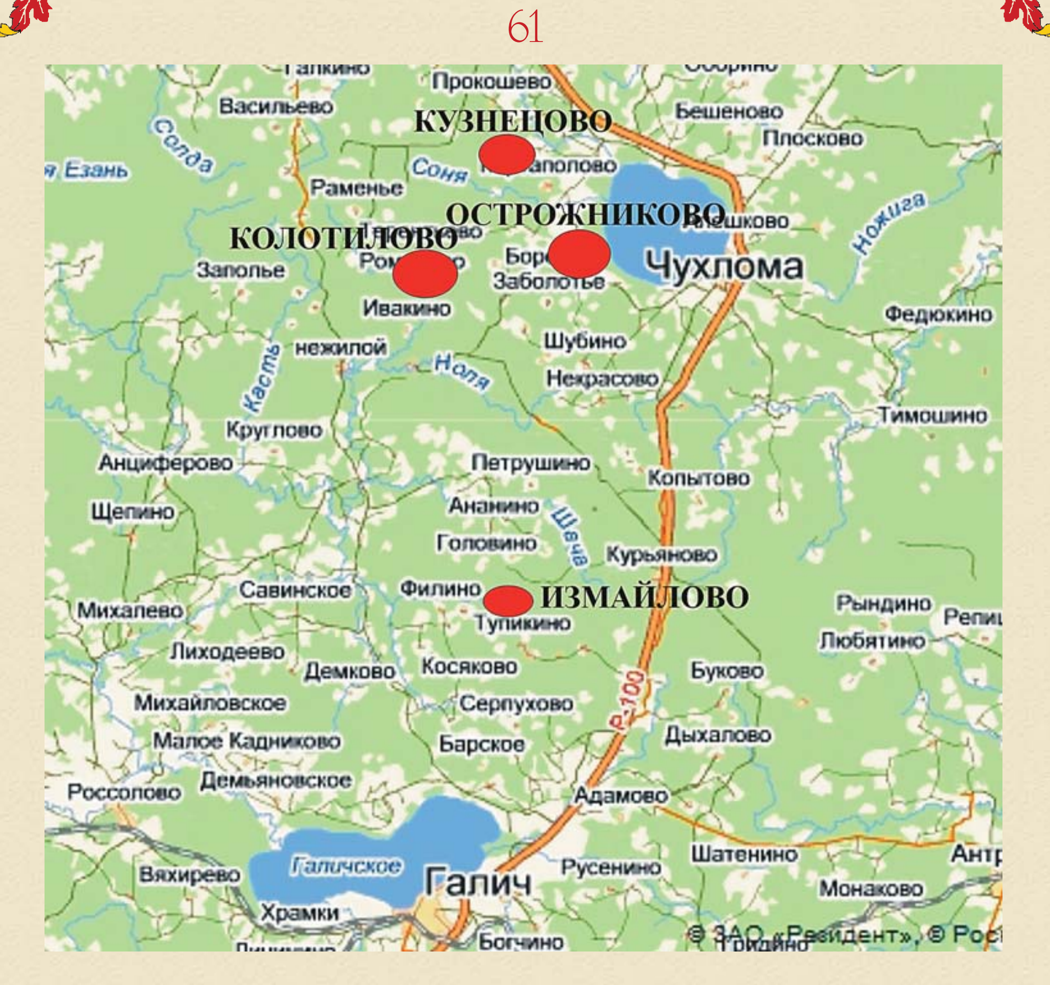
Дети Евтихия Петровича и Петра Петровича Лермонтовых родились в русской дворянской семье и получили в наследство поместья с деревнями и угодьями. С полным списком потомков Евтихия и Петра Лермонтовых

Четыре ветви рода Лермонтовых

можно ознакомиться в книге «Поколенная роспись рода Лермонтовых» Игоря Васильевича Воронцова (Москва, 2004). Наследники Евтихия и Петра Лермонтовых – четверо сыновей – получили по разделу земель четыре поместья: Кузнецово, Острожниково, Измайлово и Колотилово, от названия которых произошли четыре лермонтовские ветви, которые впоследствии развивались самостоятельно. И в настоящее время Лермонтовы используют названия этих ветвей, когда хотят подчеркнуть свое происхождение.

Кузнецовская ветвь

Поместье Кузнецово Георг Лермонт получил в 1619 году. Кузнецово досталось в наследство сыну Петра Петровича Лермонтова – Матвею Петровичу Лермонтову. Он служил во флоте, в 1737 году в чине поручика был воево-



Усадьбы Лермонтовых в Костромской области, от названия которых образовались ветви рода Лермонтовых

дой в Чухломе. Матвей Петрович был дважды женат. Но из его наследников по мужской линии известен только незаконнорожденный от крепостной крестьянки помещика Апухтина сын Николай, которому Матвей Лермонтов дал свою фамилию. Имение Кузнецово не могло быть передано по наследству Николаю Матвеевичу Лермонтову из-за возражений родственников. Оно отошло дочерям Матвея Петровича, а потом окончательно было утеряно лермонтовским родом, переходило к Скрипициным, Готовцевым и другим фамилиям. Так что эта ветвь Лермонтовых оказалась самой немногочисленной и прекратилась в начале XVIII века [2, 45].

Острожниковская ветвь

Поместье Острожниково Георг Лермонт также получил в 1619 году. Острожниково досталось в наследство сыну Петра Петровича Лермонтова (1634–1707) Михаилу Петровичу Лермонтову. К сожалению, ни о Михаиле

Петровиче Лермонтове, ни о его жене нет никаких подробных сведений. Известно только, что он был в чине капитана. Можно предполагать, что статус его отца, стольника Петра Петровича Лермонтова, позволял Михаилу Петровичу служить в одном из царских полков, Преображенском или Семеновском. У Михаила Петровича было четверо детей: Михаил, Анна, Елизавета и Мария. Острожниковская ветвь Лермонтовых оказалась самой многочисленной и дала России много храбрых военных – защитников Отечества, талантливых ученых и просто достойных людей. Их потомки и теперь живут в России и за рубежом.

Измайловская ветвь

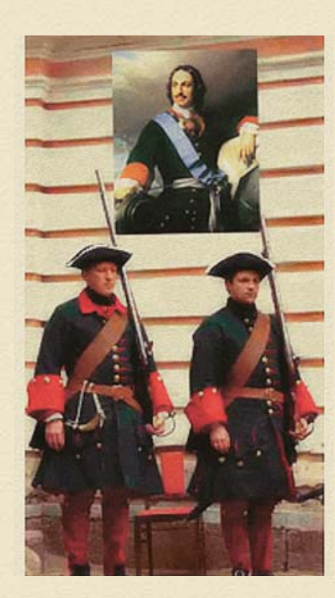
Ее основателем был Петр Юрьевич (Евтихиевич) Лермонтов – правнук Георга Лермонта и сын Евтихия Петровича Лермонтова. Усадьба Измайлово (Галичского уезда, Чухломской осады, Пемского стана) принадлежала Лермонтовым почти 120 лет (1673–1791). Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) принадлежал к Измайловской ветви рода.

Основатель Измайловской ветви рода Лермонтовых Петр Юрьевич Лермонтов (1670–1680 – ноябрь 1729), прапрадед поэта, служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Ушел в отставку в чине капитана, то есть командира роты [2, с. 18]. Служба в его величества царя Петра I лейб-гвардии Преображенском полку была в те времена наиболее престижной и почетной. Сыновья дворян, стольников получали приоритетное наследственное право быть зачисленными в Преображенский полк, а Петр Юрьевич был сыном стольника.

К 1692 году бывшие потешные войска царя – Преображенский и Семеновский полки – были вполне сформированы и обучены. Во главе первого стоял полковник Юрий фон Менгден, или Юрий Андреевич Фамендин (1628–1702), а полковником второго был Иван Чамберс, «родом москвич шкотской породы». Шефом Преображенского полка был сам Петр I.

Полковник Юрий Фамендин был сыном Андрея Фамендина, соседа Лермонтова по имению в Чухломской осаде [16, с. 232]. Юрий Андреевич Фамендин был близким другом генерала Петра Ивановича Гордона и пользовался личным и сердечным расположением царя Петра I. Оба они, Фамендин и Гордон, относились к близкому царскому окружению. Вероятно, и стольник Евтихий Лермонтов, будучи знаком с Гордоном и, несомненно, с Юрием Андреевичем Фамендиным, принадлежал к тому же кругу. Тогда служба Петра Юрьевича Лермонтова в лейб-гвардии Преображенском полку становится естественным фактом [58].

При Петре I гвардейские офицеры быстро стали элитой государства. Лейб-гвардии Преображенский полк участвовал во всех основных войнах и сражениях Петра Великого: в Северной войне (1700–1721), при этом в неудачной битве при Нарве в начале войны благодаря стойкости Преображенского полка российская армия была спасена от полного поражения; в Полтавской битве



Мундиры Преображенского полка

(1709); в Прутском походе (1711) и окончательном пленении остатков шведской армии; в Персидском походе (1722–1724). Полагаем, что Петр Юрьевич Лермонтов участвовал во всех этих походах, так как высокий чин капитана лейб-гвардии Преображенского полка предполагал профессионализм, смелость, отвагу и высокую оценку военных достоинств сослуживцами и командующими. Производство в чины в петровской армии происходило постепенно, в строгом порядке. Патенты на все чины до 1724 года выдавались за личной подписью государя [59]. Так что патент капитана лейб-гвардии Преображенского полка Петра Юрьевича Лермонтова с личной подписью Петра Великого мог бы быть уникальной реликвией в Измайловской ветви рода Лермонтовых.

Тот факт, что Петр Юрьевич служил в Преображенском полку, дает уникальную возможность составить представление о внешнем виде предка великого русского поэта. Гвардейские полки Петра были охраной царя и школой воспитания офицеров армейских полков. В гвардию отбирали по внешнему виду. По сложившейся традиции в Преображенский полк зачисляли только высоких русых молодцев [60]. Видимо, отец поэта Юрий Петрович, которого называли «красавцем блондином», унаследовал породистые черты своего прадеда. По происхождению и родовитости Измайловская ветвь никак не может рассматриваться как захудалая.

Петр Юрьевич Лермонтов был дважды женат. Первая жена – Мария Ивановна, урожденная N, и от нее дети: Фекла, Анна, Александр. Вторая жена – Маремьяна (Матрена) Гавриловна, в первом браке вдова Михаила Саввича Ларионова, урожденная Багракова, от которой родились: Юрий (прадед М. Ю. Лермонтова), Михаил, Дмитрий [46]. Баграковы – дворянский род; в 1526 году Федор Багракова был боярином при царе Василии III.

Колотиловская ветвь

Название пошло от усадьбы Колотилово в Галичском уезде, Чухломской осады, Заболоцкой волости. Основатель этой ветви – Матвей Юрьевич (Евтихиевич) Лермонтов, младший сын Евтихия Петровича Лермонтова (родился после 1688-го, умер в 1760-х годах) и его второй жены Прасковьи Михайловны, урожденной Белкиной. По литературным источникам, Матвей Юрьевич умер в 1790 году, что не согласуется с возрастом его отца. Полагаю, что опубликованная дата его смерти ошибочна.

Матвей Юрьевич и его старший брат Яков Юрьевич – помещики Чухломского уезда, после смерти отца и матери получили в наследство Колотилово, Черемисиново, Усольцево и другие деревни и угодья. До 1723 года Колотилово принадлежало Матвею Юрьевичу. Потом произошел раздел земель между братьями, и Колотилово, где уже был построен помещичий двор, отошло к Якову Юрьевичу.

Военную карьеру Матвей Юрьевич Лермонтов начинал в Рижском драгунском полку, который ранее был драгунским гренадерским полком полковника Гаврилы Кропотова, а в 1727 году получил название Рижского полка. Драгуны (фр. dragon – драгун, букв. «дракон») – солдаты и офицеры кавалерийских частей, способные участвовать как в конных, так и в пеших военных действиях. Гренадеры – драгуны, вооруженные тяжелыми ручными гранатами. Впоследствии гренадерами стали называться элитные части тяжелой пехоты, а потом конницы. Было замечено, что высокие, рослые солдаты часто оказывались более выносливыми, поэтому гренадеров начали специально отбирать по росту, установив планку не ниже 170 сантиметров. Так что Матвей Юрьевич Лермонтов, как и его старший брат Петр Юрьевич, должен был быть относительно высокого роста. Матвей Юрьевич Лермонтов к 1730 году был в чине вахмистра в Рижском драгунском полку (вахмистр – от немецкого Wachtmeister) – чин и должность унтер-офицерского состава в кавалерии и конной артиллерии русской армии. Вахмистр – первый помощник командира эскадрона [61]. В 1736 году Матвей Юрьевич служил в чине поручика в кирасирском Миниховом полку. Полк тяжелой кавалерии в латах (кирасиры) был впервые сформирован в 1731 году по предложению фельдмаршала Миниха из Выборгского драгунского полка. После отставки Матвей Юрьевич получил статский чин коллежского асессора, то есть чиновника VIII класса в Табели о рангах, соответствующий майору [62, 63].

В 1708 году Галицкий уезд, где находились родовые поместья Лермонтовых (их уже было по крайней мере четыре) был включен в состав Архангелогородской губернии [64]. Указом Сената от 4 февраля 1737 года Матвей Юрьевич Лермонтов был назначен товарищем Архангелогородского губернатора генерал-майора князя Михаила Юрьевича Щербатова [65, 66]. Архангелогородская губерния была самой обширной в Европейской России, занимала всю ее северную часть – от Финляндии до Урала, на севере граничила с Северным Ледовитым океаном и Белым морем. На современной

1. Губернии России по разделу Петра Великого, 1708
2. Архангелогородская губерния, 1727

карте России площади Архангелогородской губернии соответствуют территории Мурманской области, Ненецкого автономного округа, северных частей Карелии, Архангельской области, Республики Коми.

Надо было быть энергичным, трудолюбивым и добросовестным администратором, каким был Матвей Юрьевич, чтобы ездить по такой огромной губернии, знакомясь с положением дел. Матвей Юрьевич Лермонтов был известен в губернии как радетель взимания подушных и недоимочных денег. Видимо, в связи с этой деятельностью у инициативного Лермонтова возникли трения с губернатором, ибо последний 10 февраля 1738 года запрашивает у Сената указания об обязанностях губернаторского товарища. В мае 1738 года, по донесению Лермонтова, вышел указ крикс-комиссариатской конторы «О неослабном взыскании

недоимок подушного окладного сбора с самих помещиков и их крестьян». А 22 июля 1738 года в Архангельске умер губернатор Щербатов. Заняв на короткое время пост губернатора, Лермонтов проявил себя способным управленцем. Вскоре после смерти князя Щербатова проводится проверка оставшейся в наличии «ефимочной казны» – прихваченный в дорогу «валютный резерв» в виде серебряных монет, «ефимок», с помощью которых улаживались мелкие текущие проблемы. Эта ревизия стала началом конфликта между претендующим на пост губернатора обер-комендантом бригадиром Андреем Яковлевичем Лицкиным и законно исполняющим обязанности губернатора Матвеем Юрьевичем Лермонтовым. Много сил и времени заняла у вице-губернатора Лермонтова тяжба с архангелогородским обер-комендантом Лицкиным. Обвинив Лермонтова в злоупотреблениях при сборе налогов, Лицкин добился по суду отстранения его от дел и сам взял на себя управление губернией. В ноябре 1738 года началось следствие над Лермонтовым, продолжавшееся до лета 1740 года. Вызванный в суд в Архангелогородскую губернскую канцелярию (в то время высшее судебное место губернии), Матвей Юрьевич гордо заявил, что он «королевской крови», поэтому он неподсуден данному суду. Относительно «королевской крови» Матвей Юрьевич был абсолютно прав [1]. Долго тянулась судебная тяжба, связанная с тяжелыми хлопотами и стоившая здоровья Матвею Юрьевичу. В 1742 году он подает в отставку и уходит с поста архангелогородского вице-губернатора, уезжает из Архангельска [65–67].

В 1748 году умер Яков Юрьевич Лермонтов, не оставив потомства. В последние годы жизни Яков Юрьевич Лермонтов, секунд-майор, офицер Белгородского гарнизона, был архангелогородским ревизором. В 1745 году при губернаторе А. М. Пушкине Яков Юрьевич Лермонтов переписал на Курострове, в деревне Мишанинской, семью М. В. Ломоносова. Так на северной земле пересеклись имена Пушкина, Лермонтова и Ломоносова [65].

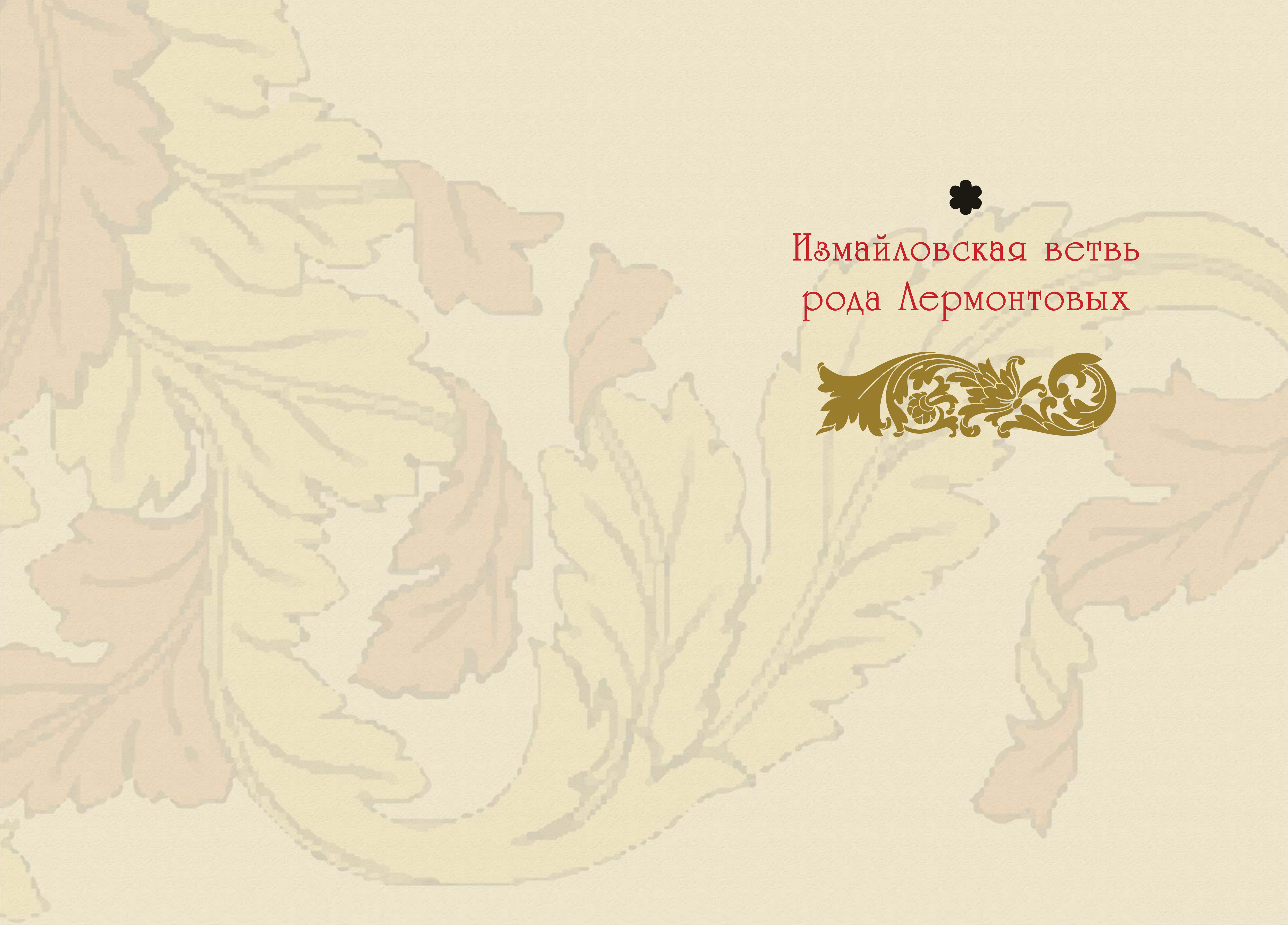
Принадлежавшая Якову Юрьевичу усадьба Колотилово после его смерти была поделена между наследниками: одна четверть досталась жене Афимье, в девичестве Чихачевой, три четверти – Матвею Юрьевичу Лермонтову. После смерти Афимьи Лермонтовой ее брат полковник Чихачев посчитал себя наследником части Колотилова. Не дожидаясь формального вступления в наследство, Чихачев продал четверть усадьбы своему соседу генерал-аншефу сенатору и президенту статс-конторы в Петербурге Петру Михайловичу Шипову, владевшему усадьбой Михайловское на берегу Чухломского озера. Вполне естественно, что законный наследник Колотилова Матвей Юрьевич Лермонтов опротестовал такую продажу как незаконную. Лермонтовы были образованными людьми и знали российские законы. Тяжба длилась долго. Окончательное ее решение в пользу Лермонтовых уже было принято после смерти Матвея Юрьевича Лермонтова. В 1763 году в Колотилове поселился сын Матвея Юрьевича – Юрий Матвеевич Лермонтов [45, с. 174–175].

Возможно, эта тяжба за усадьбу Колотилово, хотя и справедливая со стороны Лермонтова, не лучшим образом повлияла на отношения Лермонтовых Измайловской и Острожниковской линий с Лермонтовыми Колотиловской линии. Дочери Петра Юрьевича (Евстихиевича) Лермонтова, Прасковья и Фекла, в 1750-х годах в первом браке были замужем за Андреем Афанасьевичем Шиповым и Фадеем Федоровичем Шиповым – родственниками сенатора Петра Михайловича Шипова. Впоследствии за Федором Петровичем Шиповым, сыном сенатора, была замужем Елизавета Михайловна Лермонтова из Острожниковской ветви.

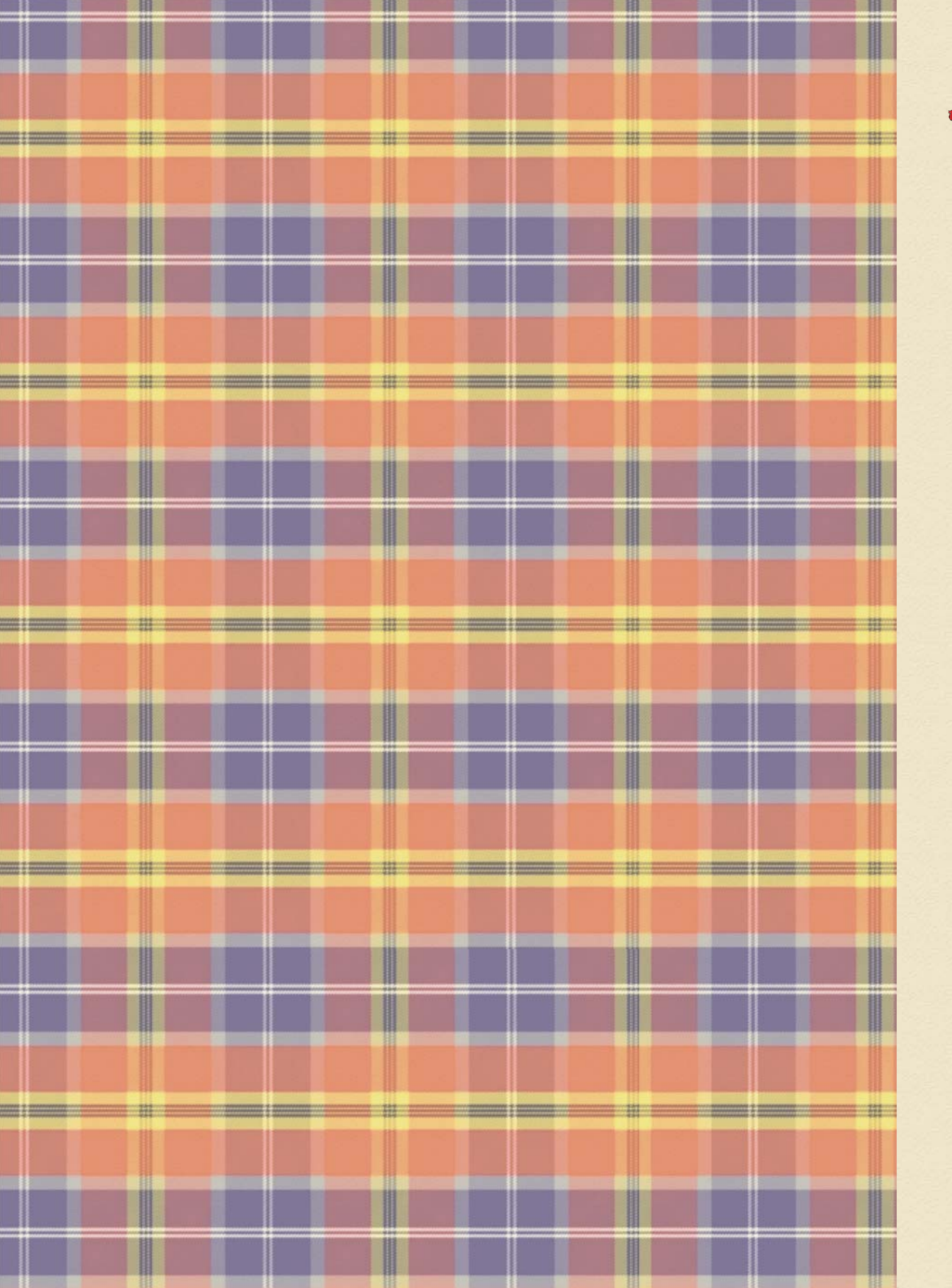
Матвей Юрьевич Лермонтов был женат дважды, на дочерях костромских дворян: на Анисье Васильевне Готовцевой (князья Готовцевы – родственники царя Михаила Федоровича) и на Ирине Петровне Бизюкиной. У него было три сына: Юрий, Иван и Пармен и четыре дочери: Анна, Елизавета, Павла и Наталья. Дочери были выданы замуж за известных чухломских, солигаличских, кологривских помещиков: Куприянова, Баскакова, Черевина и Юрьева.

Матвей Юрьевич Лермонтов – предок трех Гайдаров: писателя, журналиста и реформатора. Его дочь Елизавета Матвеевна вышла замуж за Никиту Яковлевича Баскакова [68]. Его внучка Марфа Никитична вышла замуж за Ивана Васильевича Салькова, прадеда Натальи Аркадьевны Сальковой – матери Аркадия Петровича Гайдара. О родстве Лермонтова и Гайдаров пишет генеалог Д. Ф. Белоруков, костромской краевед А. А. Григоров и другие современные исследователи.

К середине 1700-х годов в роду Лермонтовых сформировались четыре ветви. Присматриваясь к личным чертам ранних Лермонтовых, можно заметить, что все они были людьми энергичными, предприимчивыми, сметливыми, грамотными и трудолюбивыми. Они не позволяли унижать себя и готовы были законным путем отстоять свою честь, достоинство и собственность. Будучи иноземного происхождения, Лермонтовы могли в некоторых случаях не встретить понимания таких их качеств русскими помещиками. И действительно, случались ситуации, когда Лермонтовых называли неуживчивыми и гордыми. А им было чем гордиться. Лермонтовы смогли выжить и сделать карьеру в новой, неизвестной им стране с несформировавшимся государственным строем, приняли новую для них православную веру и получили российское дворянство, выстроили крепкие поместья в не очень плодородном крае, обеспечили свое потомство. Всего этого они достигли менее чем за восемьдесят лет. Не каждому иноземцу удавалось сделать успешную карьеру в России в XVII веке, а тем более добиться становления нового российского рода иностранного происхождения.



Измайловская ветвь рода Лермонтовых



Прадед поэта Юрий Петрович Лермонтов (1722–1779)

Измайловская ветвь рода Лермонтовых идет от Петра Юрьевича Лермонтова, сына Евтихия Петровича Лермонтова. Петр Юрьевич – профессиональный офицер лейб-гвардии Преображенского полка, первого военного детища царя-преобразователя Петра Великого.

Сыновья от второго брака Петра Юрьевича Лермонтова, Дмитрий и Михаил, – оба кадровые военные, закончили карьеру в 1750-х годах в чине сержанта и прапорщика соответственно. Потомок Михаила Петровича Лермонтова продолжал жить в Чухломском уезде в 1834 году.

Дочери Анна и Фекла от первого брака Петра Юрьевича Лермонтова, как уже было сказано, вышли замуж за соседей по имениям. Фекла Петровна Лермонтова – за Фадея Федоровича Шипова. В 1747 году за ней числятся доли из имения матери Марии Ивановны и отца Петра Евтихиевича (прапрадеда М. Ю. Лермонтова). В 1755 и 1757 году она показана вдовой полковника Шипова с дочерью Марией Фадеевной Шиповой, внучкой Петра Евтихиевича Лермонтова. Анна Петровна Лермонтова, родная сестра капитана Александра Петровича и сводная по отцу сестра Юрия Петровича (прадеда М. Ю. Лермонтова), вышла замуж за офицера лейб-гвардии Семеновского полка Феодора Дмитриевича Нелидова, с приданым – долей в имении отца и матери в Ярославском уезде. Это подтверждено сестрой Феклой и братьями: Александром, Михаилом, Дмитрием и Юрием Петровыми, детьми Лермонтовыми [46].

Александр Петрович Лермонтов, сводный брат по отцу Юрия Петровича Лермонтова, к 1753 году был в чине капитана и проживал в усадьбе Никольское, которая располагалась к северо-востоку от Галичского озера и непосредственно граничила с поместьем Измайлово его сводного брата Юрия Петровича. Александр Петрович Лермонтов был женат на Матрене Ивановне Баграковой, происходящей из того же рода, что и его мачеха Маремьяна Гавриловна. Скончался в 1782 году. Усадьба Никольское перешла к его вдове. Мария Александровна Лермонтова, дочь Александра Петровича, вышла замуж за надворного советника Чагина [45, с. 145].

Юрий Петрович Лермонтов, прадед великого поэта, был старшим сыном от второго брака Петра Юрьевича Лермонтова. Полагают, что он родился в 1722 году, а в мае 1740 года, когда еще правила Анна Иоанновна, Юрий Петрович поступил в Сухопутный шляхетский кадетский корпус в Санкт-Петербурге [2, с. 22].

Это было третьим высшим учебным заведением для дворян, основанным в Санкт-Петербурге в 1732 году [69] (первые два: Морская академия – 1715 год, Академия наук – 1724 год). Вместе с Юрием Петровичем

Георг Лермонт
(1590-е - 1634)

Петр / Питер Лермонт
Воевода в Саранске
(... - 1679)

Евтихий / Юрий
Лермонт / Лермонтов
(... - 1708)
Стольник

Петр Лермонт
(... - 1707)
Стольник

Матвей Юрьевич / Евтихиевич
(... - 1760-е годы)
Основатель
Колотиловской
ветви рода
Лермонтовых

Петр Юрьевич / Евтихиевич
((1660-1670) - 1729)
Основатель
Измайловской
ветви рода
Лермонтовых

Михаил Петрович
Основатель
Острожниковской
ветви рода
Лермонтовых

Матвей Петрович
(1684 - после 1752)
Основатель
Кузнецовской
ветви рода
Лермонтовых
Потомства
не осталось

Александр Петрович (... - 1782)

Прасковья, или Анна, Фекла

Юрий Петрович
(1722-1779)
Секунд-майор
Прадед ПОЭТА

Михаил Петрович

Дмитрий Петрович

Ирина
Екатерина

Петр Юрьевич
(1752-1799)
Поручик
Дед ПОЭТА

Юрий Петрович
(1787-1831)
Капитан
Отец ПОЭТА

Авдотья (1779 г. р.)
Наталья (1782 г. р.)
Александра (1783 г. р.)
Варвара (1785 г. р.)
Мария (1793 г. р.)
Елена (1795 г. р.)

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ
(1814-1841)

Генеалогия Измайловской ветви рода Лермонтовых

Лермонтовым в 1740 году в корпус поступили: князь Александр Алексеевич Вяземский – будущий русский государственный деятель, один из ближайших сановников Екатерины II; князь Павел Шаховской; Михаил Иванович Мордвинов – будущий генерал-инженер; четыре месяца проучился с Лермонтовым будущий российский герой граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский [70].

В указе императрицы Анны Иоанновны говорилось, что дворян «обучать арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии,

Юрий Петрович Лермонтов, прадед поэта. Работа неизвестного художника

шпажному действу, на лошадях ездить и прочим воинскому искусству потребным наукам. А понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, тогож и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение, того ради иметь при том учителей чужеземных языков, истории, географии, юриспруденции, танцевания, музыки и прочих полезных наук, дабы, видя природную склонность, по тому б и к учению определить...» [69]. В регламенте корпуса предусматривалось, что после его окончания кадеты по свидетельству начальников поступают на службу унтер-офицерами и прапорщиками, а те, которые отличились в образовании, – подпоручиками и поручиками [69].

В 1745 году Юрий Петрович Лермонтов за болезнью получил отставку из Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в чине отличившегося в образовании подпоручика [71]. По свидетельству Нила Петровича Колюпанова (писатель, историк, 1827–1894), в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе по тем временам давали очень хорошее образование [72].

С 1745 года прадед поэта в основном проживал в своей родовой усадьбе Измайлово. Он также владел и несколькими другими селениями в Галичском уезде. К 1767 году он был в чине секунд-майора, что соответствовало статскому званию коллежского асессора (от лат. assessor – заседатель). Юрий Петрович Лермонтов был заметной и уважаемой персоной в Галичском уезде. В 1767 году он был выбран галичским дворянством депутатом в комиссию по разработке нового уложения.

В 1767 году Екатерина созвала уложенную комиссию, призванную разработать новый свод законов. Ей была придана форма, как Земских соборов, так и Европейского парламента одновременно. Депутаты избирались от всех сословий, кроме помещичьих крестьян. Подавляющее большинство мест в комиссии принадлежало дворянам и горожанам. От Чухломского уезда в работе комиссии принимал участие прапорщик Михайло Лермонтов (1716–1769), представитель Острожниковской ветви Лермонтовых. Комиссию по разработке нового уложения открыла 30 июля 1767 года Екатерина II, был торжественный прием в Кремле. Комиссия заседала в Кремле, в Грановитой палате. Первое заседание со-

стоялось 31 июля 1767 года. Лермонтов подавал в комиссию мнения по вопросам:

- о представляемых священниками метрических ведомостях;
- об упразднении юстиц-коллегии и ее конторы;
- о наложении запрещения на недвижимое имение ответчиков и о посылке уездных комиссаров за ними для явки в суд;
- об учреждении дворянских судов для разбора споров по вотчинным делам и по делам о бесчестье и увечьям.

Юрий Петрович представлял наказ от галицкого дворянства [73]. В отчетах о работе комиссии имя секунд-майора Юрия Петровича Лермонтова часто встречается, свидетельствуя о его активном участии. Юрий Петрович выступал в прениях по дворянскому вопросу [74, с. 153–155]. Лермонтов поддержал предложения по укреплению социального и политического положения дворянства, выдвинутые Иваном Петровичем Чаадаевым, депутатом от Муромского дворянства*. Впоследствии эти предложения нашли отражение в Жалованной грамоте дворянству. Грамота на права вольности и преимущества благородного российского дворянства – это свод дворянских привилегий, оформленный законодательным актом Екатерины II от 21.04. 1785 года [75].

Мало кто знает о том, что **Юрий Петрович Лермонтов первым в России выдвинул идею о необходимости создания частных банков.** Он на пятьдесят лет предвосхитил предложения по тому же вопросу известного экономиста Н. С. Мордвинова. На этот факт обратил внимание Василий Алексеевич Бильбасов (1838–1904), историк и журналист, знаток Екатерининской эпохи [76].

Идея создания частных банков была высказана Юрием Петровичем Лермонтовым на 28-м заседании комиссии 25 сентября 1767 года в связи с обсуждением вопроса о положении государственных банков в России, учрежденных в Москве и С.-Петербурге в 1754 году по указу императрицы Екатерины II. Юрий Петрович Лермонтов, «обращая внимание на то, что все дворяне не могут быть удовлетворены ссудами из учрежденных банков, предложил устроить банки в провинциальных городах из частных капиталов». Он предложил проект заключения купчих, закладных между дворянами и другие законодательные акты, продемонстрировав глубокие знания юриспруденции. Идея частных банков почти пятьдесят лет спустя, в 1813 году, была развита Николаем Семеновичем Мордвиновым (1754–1845), адмиралом, экономистом, государственным деятелем, в работе «Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков». Идеи Мордвинова даже в 1813 году были новинкой не только для России, но и для Европы. Что уж тогда говорить о предложении Юрия Петровича Лермонтова в 1767 году? Оно, видимо, было настолько неординарным, что не могло быть воспринято российской экономической и законодательной системой, да и сама им-

* Племянник Ивана Петровича Чаадаева – Петр Яковлевич Чаадаев приобрел мировую известность своими «Философскими письмами».

ператрица к этому была не готова. Более того, на предложение Мордвинова в 1813 году, посланное им сподвижнику Сперанскому в Пензу, он получил ответ, что в Пензе никто понятия о банках не имеет [74, с. 202; 76, 77].

История брака Марии Михайловны Арсеньевой с Юрием Петровичем Лермонтовым обсуждалась в семье Столыпиных. Николай Семенович Мордвинов был близким родственником Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, а Сперанский – другом Мордвинова и пензенских дворян Столыпиных, особенно Елизаветы Алексеевны. Фамилия Лермонтов должна была быть известна и Мордвинову и Сперанскому. Но, по-видимому, ни Сперанский, ни Мордвинов в 1813 году ничего не знали об идее Юрия Петровича Лермонтова, прадеда поэта, об организации частных банков в России, высказанной им еще в 1767 году. И хотя полные материалы заседаний комиссии были опубликованы в 1889–1905 годах, квалифицированный экономист, каким был Мордвинов, мог бы и знать историю вопроса о частых банках в России и обратить внимание на фамилию Лермонтов.

Юрий Петрович Лермонтов был женат на Анне Ивановне Боборыкиной. Этот брак исторически связал очень дальним родством Лермонтовых и Пушкиных. Анна Ивановна была дочерью капитана Ивана Герасимовича Боборыкина и Евдокии Федоровны Пушкиной, дочери казненного Петром I стрелецкого заговорщика Федора Матвеевича Пушкина. Федор Матвеевич приходился прапрадеду Пушкина, стольнику Петру Петровичу, шестиюродным братом [78]. По линии Федора Пушкина Михаил Юрьевич Лермонтов был шестиюродным племянником Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной [79].

У Юрия Петровича и Анны Ивановны Лермонтовых было трое детей: Ирина, Петр и Екатерина. Юрий Петрович Лермонтов скончался в 1779 году. Анна Ивановна Лермонтова в 1787 году стала крестной матерью отца поэта – Юрия Петровича Лермонтова.

Дед поэта Петр Юрьевич Лермонтов (1752–1799)

Петр Юрьевич Лермонтов, сын Юрия Петровича и Анны Ивановны Лермонтовых (мать – урожденная Боборыкина, внучка Федора Матвеевича Пушкина), родился в 1752 году в родовой усадьбе Измайлово. В 1760 году его отдали на военную службу фузилером (солдатом) в артиллерийский полк. Тогда в этом не было ничего зазорного. Так, например, князь Николай Леонтьевич Шаховской в 1769 году двенадцати лет поступил на службу солдатом в Первый фузилерный полк [81]. В 1772 году Петр Юрьевич получил чин поручика Первого артиллерийского фузилерного полка [82, 83]. В январе 1774 года Петр Юрьевич за болезнью [82] вышел в отставку в чине поручика артиллерии и мог рассчитывать на гражданскую должность губернского секретаря.

Что могла означать формулировка «за болезнями»? По свидетельствам того времени, служба в артиллерийских войсках была физически очень тя-

Петр Юрьевич Лермонтов, дед поэта. Работа неизвестного художника [80, с. 18]

желой. Передвижение громоздких орудий, боеприпасов осуществлялось главным образом человеческой тягловой силой. Грохот и пороховой дым приводили к нарушению слуха, легочным и ревматическим заболеваниям [83]. Можно полагать, что после четырнадцати лет службы в артиллерии (1760–1774) Петр Юрьевич нажил себе один из таких распространенных недугов, как ревматическая болезнь. Когда Петр Лермонтов вышел в отставку, его отец Юрий Петрович (1722–1779) был еще жив.

В феврале 1779 года Петр Юрьевич Лермонтов подает прошение на имя императрицы Екатерины Алексеевны о зачислении его на службу в межевую канцелярию Костромской губернии [82]. «Во время обязательной службы дворянство тянулось в деревни. После ее отмены оно потянулось на государственную службу: чин продолжал быть честнее сословия, а чин главным образом давался государственной службою, и в России редко можно было встретить дворянина, который бы не служил» [85, с. 491]. Лермонтов получает назначение в Костромскую межевую комиссию на должность начальника партии землемеров с жалованьем 350 рублей, что в те годы соответствовало жалованью высококлассного землемера. Например, должность уездного казначея в 1780 году оплачивалась в 250 рублей в год [86] (для сравнения: старший профессор Академии в 1782 году получал 600 рублей в год [87]). Реформа межевания была одним из прогрессивных преобразований, проводимых Екатериной II в 1770-х годах. Землемерам в губерниях и уездах отводилась важная законодательная, экономическая и практическая роль [88].

Петр Юрьевич Лермонтов, будучи начальником партии, проводил межевание сначала в Варнавинском, потом в Солигаличском уездах. Работа Лермонтову предстояла трудная и хлопотная, с постоянными перемещениями по огромной территории. Варнавинский уезд в 1779 году был вновь учрежденным административным образованием. Общая площадь Варнавинского уезда равнялась 911 470 десятин с населением 35 900 человек [89]. В 1779 году в Варнавинском уезде проводилась большая работа по межеванию государственных лесов. При генеральном межевании много земель вдоль Ветлуги, выше и ниже Варнавина было пожаловано высоким сановникам, например фельдмаршалу Борису Шереметьеву [89]. Землемерам приходилось иметь дело не только с жалобами крестьян

и мелкопоместных дворян, но и учитывать интересы властной верхушки государства. Так что Петр Юрьевич Лермонтов получил значительный практический и юридический опыт, проработав четыре года в межевой конторе Костромской губернии [82]. В 1783 году Петр Юрьевич подал прошение об отставке от должности, которое было удовлетворено [82].

Женитьба

В 1778 году в возрасте двадцати шести лет Петр Юрьевич женился на Анне Васильевне Рыкачевой, дочери коллежского советника Василия Ивановича Рыкачева и его жены Авдотьи Васильевны, урожденной княжны Макуловой [90, с. 14–22; 45, с. 148–149]. А. А. Григоров ошибочно назвал прабабушку поэта Авдотью Васильевну Рыкачеву – Авдотьей Ивановной. Ошибку обнаружил лермонтовед Дмитрий Анатольевич Алексеев, но она продолжает путешествовать из одного издания в другое.

Рыкачевы – известный еще с XVI века русский дворянский род. Василий Иванович Рыкачев (1709–1776) с 1732 года служил флигель-адъютантом генерал-лейтенанта Леонтьева. Участвовал в первом и втором походах в Крым. Ушел в отставку по болезни 19 октября 1748 года с переименованием в коллежского асессора. В 1770-х годах был товарищем сибирского губернатора генерал-майора Д. И. Чичерина. Владел землями в Поламском стане Волоколамского уезда [90, с. 14–22]. Жена Василия Ивановича Рыкачева – Авдотья Васильевна (1723–1799), урожденная княжна Макулова, прабабушка поэта, владела землями в Сологинской волости Поламского стана Волоколамского уезда [91]. Авдотья Васильевна также была владелицей дома в Москве, в приходе Спиридона Чудотворца (Никитский сорок), что за Никитскими воротами, на Козихе, в восьмой части (Арбатской части), в четвертом квартале, за № 464. Дом находился в непосредственной близости от Патриарших прудов. В этом доме она жила в 1777–1799 годах [90, с. 14–22; 92].

Когда Анна Васильевна Рыкачева выходила замуж за Петра Юрьевича Лермонтова, то договор об их женитьбе осуществляла ее мать Авдотья Васильевна Рыкачева (Василий Иванович Рыкачев к тому времени скончался). За Анной Васильевной дали 18 душ крепостных крестьян из усадьбы Власово Поламского стана Волоколамского уезда, которые были направлены в усадьбу Измайлово, как следует из ревизской сказки по усадьбе Измайлово в 1782 году [45, с. 148–149].

Один из самых знаменитых представителей рода Рыкачевых – Марк Иванович Рыкачев, двоюродный прадед поэта, внук стольника Матвея Ивановича и родной брат Василия Ивановича Рыкачева, отца бабушки Лермонтова. Он был известен, во-первых, тем, что прожил без малого сто лет (1716–1814). Марк Иванович Рыкачев в 1737 году получил чин полковника. В чине генерал-майора, что соответствует гражданскому чину действительного тайного советника, участвовал в комиссии уложения 1767–1768 годов. Рыкачев выступал в прениях по дворянскому вопросу одновременно с Юрием Петровичем Лермонтовым. Мнения Рыкачева и Лермонтова по существу совпадали в вопро-

се о получении дворянства за заслуги перед Отечеством [74, ч. 1, с. 155, 164]. Можно полагать, что Лермонтов и Рыкачев были знакомы по делам комиссии уложения. Марк Иванович мог рекомендовать сына Лермонтова в мужья своей племяннице Анне Рыкачевой. В 1766–1781 годах генерал-майор Рыкачев занимал пост главного судьи канцелярии конфискаций [93, 94].

Первый ребенок Анны Васильевны и Петра Юрьевича Лермонтовых – дочь Авдотья, названная в честь бабушки, родилась 5 февраля 1779 года в Москве. Крещение проходило в церкви Спиридона Чудотворца, что за Никитскими воротами. Крестным отцом Авдотьи был Марк Иванович Рыкачев, а крестной матерью – бабушка, вдова Авдотья Васильевна Рыкачева [90, с. 14–22]. Лермонтовы в это время жили в доме Авдотьи Васильевны Рыкачевой в Арбатской части, у Патриарших прудов. Генерал-поручик Марк Иванович Рыкачев имел дом в Москве, в девятой Сретенской части Москвы, в приходе церкви Спаса на Песках (Медвежий переулок, второй квартал, дом № 189) [92, ч. 2, с. 208].

У Анны Васильевны и Петра Юрьевича Лермонтовых было еще много детей: дочери Наталья (1782), Александра (1783), Варвара (1785); сын Юрий (26 декабря 1787), крестили Юрия Петровича в селе Никольском Галичского уезда, и восприемницей была его бабушка со стороны отца Анна Ивановна Лермонтова, урожденная Боборыкина [45, с. 145]; Мария (4 марта 1793), родилась в Москве [95], восприемники – Юрий Петрович Лермонтов (родной брат, 6 лет) и Авдотья Петровна Лермонтова (родная сестра, 14 лет); Елена (6 мая 1795), родилась в Москве, восприемники – Юрий Петрович Лермонтов (родной брат, 8 лет) и Авдотья Васильевна Рыкачева (бабушка Юрия Петровича Лермонтова); Екатерина.

Факт рождения детей Лермонтовых в Москве указывает на то, что семья с 1779 по 1799 год подолгу жила в Москве, в Арбатской части (приход церкви Спиридона Чудотворца). Лермонтовы сначала гостили у матери Анны Васильевны, Авдотьи Васильевны Рыкачевой, а потом, вероятно, приобрели свой дом по соседству. В 1793–1799 годах Петр Юрьевич Лермонтов числится владельцем дома [90, с. 19]. Долгое проживание в Арбатской части прямых предков Михаила Юрьевича Лермонтова по линии его отца – это новая страница в биографии поэта [90, с. 14–21]. Она помогает по-новому представить семью его отца.

Лермонтовы и район Патриаршие пруды

Ах, Арбат, мой Арбат...

Элитный в настоящее время микрорайон Москвы – Патриаршие пруды – хранит истории многих поколений великих людей России, литературные легенды, ставшие частью нашей жизни. Мало кому известно, что в 1779–1799 годах у Патриарших прудов жила семья Лермонтовых: прабабушка поэта, бабушка, дед, отец и многочисленные тетки Михаила Юрьевича.

Угрим Рыкачев
▼
Петр Рыкачев
▼
Федор Рыкачев
Умер в 1643 году. Владел землями в Бежецком уезде за отцом
▼
Иван Рыкачев (1621-1680)
Сотник. Полуголова стрельцов
Владел многими землями
▼
Матвей Рыкачев (умер в 1703 году)
Стольник
▼
Иван Меньшой Рыкачев. Бригадир
Имел дом в 1755 году в Арбатской части,
приход церкви Спиридона Чудотворца
В 1738-1745 годах в Арбатской части на Спиридоньевке
имел дом его двоюродный брат
Богдан Иванович Рыкачев - капитан Брянского полка
▼
Василий Иванович Рыкачев (1709 - (1770-1776))
Капитан. Прадед поэта Михаила Юрьевича Лермонтова
Владел землями в Волоколамском уезде
Женат на Анне Васильевне,
в девичестве княжне Макуловой (1723 (1727?) - 1799)
С 1777 по 1799 год вдова Анна Васильевна Рыкачева жила в доме
у Патриарших прудов вместе с дочерью Анной Васильевной Рыкачевой -
будущей бабушкой поэта
▼
Анна Васильевна Рыкачева (1756-1827)
Замужем за Петром Юрьевичем Лермонтовым (1752-1799) -
дедом поэта Михаила Юрьевича Лермонтова
Жил с женой подолгу в Москве у Патриарших прудов в 1779-1799 годах
▼
Юрий Петрович Лермонтов (1787-1841), капитан, отец поэта
Родился в усадьбе Измайлово Галичского уезда
Подолгу жил с родителями в Москве в доме бабушки
у Патриарших прудов (1793-1798)
▼
Поэт Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-1841)

Генеалогия Рыкачевых

По-видимому, только в силу обстоятельств отец поэта родился не в Москве, у Патриарших прудов, а в усадьбе Измайлово Галичского уезда.

Землю в Арбатской части Москвы получил за службу полуголова московских стрельцов, прадед поэта в четвертом поколении Иван Рыкачев (1621–1680), поскольку стрелецкая слобода находилась северо-западнее старой Арбатской улицы. Рыкачевы имели дома в Москве, у Патриарших прудов, по крайней мере с 1755 года [96].

Единственная в Москве церковь Спиридона Чудотворца на Козихе, у Патриарших прудов, в которой в 1777–1799 годах исповедовались прабабушка, бабушка, прадед, дед и отец поэта. Церковь снесена в 1930-е годы

Богдан Иванович Рыкачев – капитан Брянского драгунского полка, двоюродный брат прадеда поэта Василия Ивановича Рыкачева – имел дом на Быковской улице (сейчас это часть Большого Козихинского переулка, от Палашевского переулка до Большой Бронной улицы) [97, 98]. Иван Матвеевич Рыкачев – внук полуголовы московских стрельцов Ивана Рыкачева и прапрадед поэта, бригадир, числится в исповедальных книгах прихода церкви Спиридония Чудотворца в 1755 году [99]. Прабабушка поэта Авдотья Васильевна Рыкачева рано овдовела и жила в собственном доме у Патриарших прудов, видимо доставшемся ей в наследство от мужа капитана Василия Ивановича Рыкачева (1709–1776). Дом находился в приходе церкви Спиридона Чудотворца в Арбатской части Москвы, в четвертом квартале, на Козихе, за № 464, где она жила с 1777 по 1799 год [92, с. 206]. В этом доме стала часто бывать и подолгу жить семья Лермонтовых, когда в 1778 году единственная дочь Авдотьи Васильевны Анна вышла замуж за привлекательного поручика артиллерии Петра Юрьевича Лермонтова. Семья Лермонтовых имела и свой дом в этом районе, по соседству: с 1793 по 1799 год Петр Юрьевич Лермонтов числился владельцем дома в Арбатской части, приход Спиридона Чудотворца [90, с. 14, 19]. Достоверно известно, что три дочери Лермонтовых – Авдотья (1779), Мария (1793) и Елена (1795) родились в Москве и были крещены в церкви Спиридона Чудотворца в Арбатской части Москвы. Отец поэта Юрий Петрович Лермонтов также жил в Москве, у Патриарших прудов, в 1793–1795 годах, так как был восприемником (крестным отцом) при крещении своих сестер [90, с. 14].

Часть плана Москвы, 1796

Местоположение домов: 1 – Рыкчеевых – Лермонтовых (1777– 1779); 2 – Б. И. Рыкчеева (1742); 3 – М. И. Рыкчеева

Местоположение дома Рыкачевых – Лермонтовых в 1790-х годах в Арбатской части Москвы можно установить, сопоставив «Указатель Москвы 1793 года», «Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы 1852–1855», составленный А. Хотевым, и карту плана Москвы 1852–1855 годов [100].

В районе Патриарших прудов, по соседству с Лермонтовыми, владели домами многие титулованные особы: князь Волконский, княгиня Дашкова, граф Мусин-Пушкин, княгиня Черкасская, княгиня Шаховская, князья Урусовы, князья Гагарины, князья Долгоруковы [92]. Неподалеку от Лермонтовых, в приходе церкви Вознесения Господня на Большой Никит-

Ф. Я. Алексеев. Москва до пожара 1812 года

ской улице, № 300 (сейчас улица Большая Никитская, д. 42), до 1806 года жила супруга великого русского полководца Александра Васильевича Суворова (1730–1800) [101]. Соседство Лермонтовых с представителями привилегированного класса указывает на их высокий социальный статус.

Москва, существовавшая до пожара 1812 года, – это исчезнувший город. Пожар уничтожил три четверти города. «Москва до пожара 1812 года являла яркое, незабываемое зрелище. Ее обширность, множество памятников древней архитектуры, обилие садов, живописный ландшафт удивляли современников, и прежде всего иностранцев, впервые оказавшихся в России», – так описывает столицу, основываясь на воспоминаниях современников и работах художников, на которых изображена допожарная Москва, историк Наталья Скорнякова [102]. Проникнуться очарованием и мощью нашей столицы конца XVIII века помогают замечательные работы русского художника Федора Яковлевича Алексеева (1753–1824), первого в русской живописи мастера городского пейзажа.

Арбатская, или восьмая, часть в конце 1790-х годов граничила на севере с Тверской улицей и на юге – с Арбатской (в наши дни – улица Арбат, или, как говорят москвичи, Старый Арбат). Все четыре пруда Земляного города Москвы – самый большой из них Патриарший – находились в четвертом квартале Арбатской части [103]. В районе, прилегающем к Патриаршему пруду, в 1793 году насчитывалось около 90 домов. Арбатскую часть обслуживали свои административные учреждения, такие как полицейский участок – полицейская съезжая изба, совестный суд, в компетенцию

Тверской бульвар, 1825. Литография по рисунку О.-А. Кадоля

Новинское гулянье, 1797. Гравюра по рисунку Ж. Делабарта

которого входило решение конфликтных ситуаций до суда. Оба учреждения находились рядом с церковью Спиридона Чудотворца. В приходе церкви в 1793 году числилось около 35 домов [92]. Конечно, Арбатская часть не была центром столицы, какой она является в наше время. Даже Арбатская площадь была плохо вымощена, и кареты в дождливую погоду застревали в грязи, ломались колеса, приходилось вытаскивать волоком. Однако каж-

дый провинциал, попадавший в Москву в конце XVIII века, мог быть счастлив. От своего жилища он мог добраться до Кремля за час, а не за две-три недели на перекладных, как из Галича или из Чухломы.

Характер местности около Патриарших прудов позволяет предположить, что здесь строили усадьбы с садами и огородами. Веяния времени конца XVIII века преобразили архитектурный стиль. Даже небольшие деревянные дома среднепоместного дворянства, к которым относились семьи Рыкачевых и Лермонтовых, строились относительно комфортными [104]. Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) в 1803 году тонко подметил влияние развития садового искусства на просвещение московского общества в целом: «Так, на моей памяти образовалась в нашей столице новая отрасль торговли: на моей памяти стали продавать здесь ландыши... Из чего мы, философы, заключаем, что московские жители просветились, ибо любовь к сельским цветам есть любовь к натуре; а любовь к натуре предполагает вкус нежный, утонченный искусством. ...Булевары, каковы оне ни есть, доказывают успехи нашего вкуса» [105]. В 1796 году был официально открыт первый и тогда единственный московский бульвар, который по имени улицы стали называть Тверским [106]. Бульвар привлекал внимание и интерес дворянства разных поколений и разного социального положения [106]. Тверской бульвар находился не более чем в 700 метрах от дома Лермонтовых, и можно быть уверенным, что он был излюбленным местом прогулок семей Рыкачевых и Лермонтовых. Тема Тверского бульвара и в целом Москвы 1812 года не раз звучала у Пушкина, Лермонтова, Дмитриева. В конце XVIII века вблизи Арбата и в двух километрах от Патриарших прудов на Святую неделю – Светлую Пасхальную седмицу – происходили Новинские гулянья. Местом гуляний была местность около упраздненного в 1764 году Новинского монастыря на пересечении Большого Девятинского и Новинского переулков [107].

На Иванов день, или праздник Рождества Ионна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня, 24 июня, проходили гулянья на Трех Горах (сейчас это район Рочдельской улицы и Трехгорных переулков) – обширной местности, пересеченной холмами, находящейся в трех километрах от Патриарших прудов и рядом с Пресненскими прудами [108]. Естественно, что семья дворянина из Галичского уезда Петра Юрьевича Лермонтова не могла устоять от соблазна жить в столице и участвовать в ее развлечениях. Вероятно, Лермонтовы также посещали театр Столыпина на Знаменке [109]. Рыкачевы и Лермонтовы могли приобщаться к литературной жизни Москвы в конце 1790-х годов. Об этом можно косвенно судить на основании их близкого родства и общения с Дмитрием Марковичем Рыкачевым. Дмитрий Рыкачев был сыном генерал-майора Марка Ивановича Рыкачева, родного дяди Анны Васильевны Лермонтовой – бабушки поэта, и, следовательно, приходился ей двоюродным братом. В 1799 году Дмитрий Маркович Рыкачев служил в должности надворного советника и жил в Москве, в доме Лермонтовых у Патриарших прудов [90, с. 14]. Дмитрий Рыкачев сотрудничал в качестве переводчика с издательством Николая Ивановича Новикова (1744–1818). Тогда Новиков собрал в своих журналах лучшие силы литературного сообщества, среди которых В. Прянишников, Е. и Н. Свиньины, В. Майков, М. Муравьев [110]. Вероятно, что и юный Юрий Петрович Лермонтов, отец поэта, мог в детстве, до поступления в кадетский корпус в 1798 году, слышать в московском доме дискуссии о поэзии, литературных новинках, о спектаклях и актерах, приобщаясь к культурной жизни.

В целом складывается впечатление, что в конце XVIII века Лермонтовы не были архаичными провинциальными дворянами. Посмотрите на портрет Петра Юрьевича Лермонтова. Он выглядит скорее франтом, чем суровым и важным провинциалом, каким выглядел его отец Юрий Петрович Лермонтов. Облик Петра Юрьевича Лермонтова наполнен гордым изяществом, у него привлекающий внимание взгляд, тонкая усмешка на губах. Все это говорит о принадлежности к изысканному столичному обществу. Сын Петра Юрьевича и отец поэта – Юрий Петрович Лермонтов унаследовал привлекательные внешние черты.

В 1786 году Лермонтовы жили в поместьях в Галичском уезде. В тот год Петр Юрьевич был выбран предводителем дворянства Галичского уезда и в этом статусе возглавлял дворянскую опеку [111]. До жалованной дворянству грамоты 1785 года [75] в каждой губернии уже складываются губернские дворянские общества. «Дворянская опека заведовала малолетними дворянами-сиротами и их именем; заботилась также и о дворянских вдовах и их делах, а важнейшим деятелем в ней был уездный предводитель дворянства» [85, с. 422].

В 1785 году, 21 апреля, Петр Юрьевич Лермонтов получил документ, подтверждавший его дворянское происхождение, что явствует из дворянской грамоты его сына Юрия Петровича 1829 года [112, с. 469–470]. Однако Петр Юрьевич не был внесен в основной список дворян Костромской губернии по Галичскому уезду, а числился «в дворянах по имению». В списке таких дворян в Костромской губернии в 1785–1857 годах было 430. Петр Юрьевич Лермонтов попал в этот список потому, что его дворянство было утверждено в 1801 году, уже после его смерти [113].

Юрий Петрович, единственный сын Петра Юрьевича и Анны Васильевны Лермонтовых, родился в 1787 году в родовой усадьбе Измайлово в Чухломском уезде. Он был крещен в церкви села Никольское Галичского уезда. В детские годы Юрий Петрович подолгу жил в Москве, в доме у Патриарших прудов, с родителями и бабушкой Авдотьей Васильевной Рыкачевой.

После 1787 года – шестилетний перерыв в рождении детей в семье Лермонтовых. Именно в этот период в семье Лермонтовых происходят важные изменения. В 1791–1796 годах Петр Юрьевич Лермонтов продает свои поместья в Костромской губернии. В литературе и архивах нет свидетельств, объясняющих причины продажи владений Петром Юрьевичем. Можно только предполагать, что они были достаточно серьезными: он продал родовое имение Измайлово (по некоторым данным, галичскому помещику Ивану Ивановичу Чалееву) и земли, доставшиеся Петру Юрьевичу от предков и принадлежавшие Лермонтовым более 150 лет.

В том же 1791 году его супруга Анна Васильевна Лермонтова приобретает у Дмитрия Петровича Беклемишева поместье Кропотово, оно же Любашевка, по реке Любашевке, в Ефремовском уезде Тульской губернии [90, с. 14–22; 114–116]. То, что имение Кропотово было оформлено на Анну Васильевну Лермонтову, а не на Петра Юрьевича Лермонтова, могло означать, что Лермонтовы пытались скрыть истинные доходы или долги. Такая практика ведения финансовых семейных дел была принята в России в XVIII веке.

В 1796 году Петр Юрьевич продает последние земли в Кологривском уезде, село Воронино с деревнями Бараново и Елизарово, бригадиру Павлу Николаевичу Радилову [45, с. 145]. Следует отметить, что Петр Юрьевич Лермонтов владел селом Воронино в доле со своей дочерью Екатериной Петровной Березниковой, урожденной Лермонтовой [117].

Как уже было сказано, истинные причины, по которым дед поэта продал родовое имение Измайлово и все принадлежавшие ему земли в Костромской губернии, не известны. Сведения и рассуждения, приведенные ниже, помогут понять ситуацию в семье Петра Юрьевича. Лермонтовы начиная с 1779 года подолгу жили в Москве, по-видимому, имели свой дом и понимали преимущества и радости жизни в бывшей столице Российской империи. Содержание московского дома и проживание в нем с детьми требовало больших расходов. Имение в Костромской губернии и земли также нуждались в надзоре, чтобы иметь с них доход. Поэтому Лермонтовым, видимо, приходилось часто ездить в Галичские поместья.

Галичский уезд находился значительно дальше от Москвы, чем Ефремовский уезд. Расчет Петра Юрьевича, очевидно, был и на то, что от имения в земледельческой Тульской губернии, в отличие от Костромской, можно было ожидать большего дохода [30].

Выбор именно Тульской губернии мог быть также связан и с тем, что с 1777 года в губернском магистрате Тульской губернии служил надворный советник Василий Васильевич Рыкачев, родной брат Анны Васильевны Лермонтовой, урожденной Рыкачевой. Он занимал должность председателя первого департамента Тульского губернского магистрата [118, 119]. Василий Васильевич Рыкачев мог быть в ту пору влиятельным лицом в Тульской губернии и оказать помощь семье Лермонтовых в приобретении и благоустройстве Кропотова. В соседней Тамбовской губернии жил двоюродный брат Анны Васильевны Рыкачевой – Петр Маркович Рыкачев, сын генерал-майора Марка Ивановича Рыкачева [120].

Имение Лермонтовых Любашевка – Кропотовка (1350 десятин земли, или 1467,4 га) относилось к среднепоместным имениям, как все имения лермонтовских семей в Костромской губении [121]. Оно находилось в 21 версте от уездного города Ефремов. В 1827 году в Кропотове насчитывалось «мужеска 160, женска полов 170 душ». Пашенной земли – 822 десятины, остальная земля находилась под селением, огородами, гуменником, лесами и лугами. Севооборот был трехпольный. Имение приносило 10 000 рублей доходу в год, из них 50 рублей приносили сады. В 1836 году имение было оценено в 60 000 рублей [122]. После покупки имения Кропотово Лермонтовы не все время проводили в своей усадьбе. Дочери Мария и Елена родились в Москве, в 1793 и в 1795 годах соответственно.

Петр Юрьевич Лермонтов скончался в промежуток 27 января – 9 мая 1799 года в возрасте 47 лет, то есть еще нестарым человеком [123], оставив Анну Васильевну многодетной вдовой. В том же 1799 году умерла мать Анны Васильевны, Авдотья Васильевна Рыкачева. Анна Васильевна пережила своего мужа на двадцать семь лет, и ей еще удалось увидеть своего знаменитого внука. С 1799 года Лермонтовы уже не живут в Москве – перебрались в Кропотово.

Отец поэта Юрий Петрович Лермонтов (1787–1831)

Единственный сын Петра Юрьевича и Анны Васильевны Лермонтовых родился 26 декабря 1787 года в имении Измайлово Галичского уезда Костромской губернии.

Детство

Усадьба Измайлово занимала большую территорию недалеко от великорусского озера Галич. Как всякая русская усадьба, она была окружена регулярным садом. Что за счастье маленькому Юрию по осени полакомиться сочными, хрустящими яблоками, а потом скатиться вниз по отлогому душистому холму в высокую, еще не скошенную траву да и забыться там сладким детским сном. Мать, вечно хлопочущая, подолгу аукала своего единственного ненаглядного сына. Так было о чем хлопотать. Осенью семья, как правило, перебиралась в Москву, в свой городской дом у Патриарших прудов. Конечно, Москва сулила мальчику новые развлечения. Московский дом Лермонтовых всегда был шумным, суматошным. Четыре старшие сестры Юрия – Авдотья, Наталья, Александра и Варвара – были немногим старше его самого. Их бабушка, властная и величественная Авдотья Васильевна Рыкачева, жила по соседству. Дом Лермон-

Портрет Юрия Петровича Лермонтова

товых особенно оживал в праздники, на Рождество и Пасху. Тогда их навещали не только бабушка, но и брат деда, важный сановник генерал-майор Марк Иванович Рыкачев. Марк Иванович казался очень старым, но крепким дедом, воплощавшим все достоинство государства российского. Другое дело, кода забегал его сын Дмитрий Маркович – веселый балагур, знавший все литературные новости столицы благодаря своей дружбе с известным издателем Николаем Ивановичем Новиковым. Даже серьезные и почти всегда озабоченные родители Юрия не могли сдержать улыбки, а порой так просто заливались хохотом от очередной каверзы Дмитрия по поводу светских развлечений столичной публики.

Кадетский корпус

В 1798 году Юрия Лермонтова определили в престижное столичное военное учреждение – Первый кадетский корпус, тогда еще называвшийся Сухопутным шляхетским кадетским корпусом [45, с. 145]. Петр Юрьевич сопроводил поступление сына в корпус документом – заявлением, в котором указан социальный статус Юрия Лермонтова: «На основании изданного о кадетском корпусе устава честь имею препроводить для определения в число кадет сына моего Юрия, крещенного в веру греческого исповедания, с тем, что до истечения положенных лет в том уставе просить и требовать его обратно и ниже на временные отпуска не буду, а что он действительно законный сын мой, когда родился и где крещен, равно и о дворянстве прилагаю при сем свидетельство. Оспа на нем привитая. Священник же и отец его крестный волею Божиею померли, почему свидетельство ими не подписано. К сему объявлению артиллерии поручик Петр Юрьев сын Лермонтов подписуюсь. Февраля … дня 1798 года». Петр Юрьевич знал устав корпуса, с сыном был строг и обещал не требовать его из корпуса.

Юрию нравилось в Петербурге, хотя на его московский вкус этот город казался ему строгим, как будто вымуштрованным. Даже красивые дома выстроились по линейкам. Учеба в корпусе казалась Юрию несложной, но и не очень его увлекала. Досаждали лишь постоянные требования аккуратности и порядка, к которым Юрий не очень был приучен. Мать и сестры баловали его, все-таки единственный наследник. Спасибо отцу, который позаботился о том, чтобы за мальчиком в корпусе присматривал старинный приятель Лермонтовых Никита Васильевич Арсеньев [124, с. 142–204]. Никита Васильевич был ротным Лермонтова, добрым и заботливым. Выросший в основном в окружении женщин – семи сестер, матери и бабушки, Юрий Лермонтов имел черты характера юноши несколько избалованного, но покладистого, привыкшего доверять тем, кто решает его судьбу, а именно – заботе близких людей. С 1799 года, после смерти отца Петра Юрьевича Лермонтова, Никита Васильевич становится фактическим опекуном кадета Лермонтова во время его тринадцатилетнего пребывания в Первом кадетском корпусе [124, с. 142–204].

Юрий Петрович Лермонтов, не отличаясь какими-либо выдающимися способностями, оказался среди кадетов, которые были на хорошем счету у начальства. Исполнительность, почти покорность, привитые в корпусе субординация и необходимость следовать приказам начальства могли послужить хорошей основой для служебной карьеры Юрия Петровича.

Природа одарила Юрия Петровича Лермонтова замечательными внешними данными. В молодости он был стройный, подтянутый, среднего роста блондин с выразительными карими глазами. Образование, полученное в кадетском корпусе, означало знание французского и немецкого языков, владение навыками фехтовального боя, профессиональные навыки верховой езды, обходительные манеры, умение сделать несколько непринужденных па вальса в любой петербургской гостиной. «Добрый малый», «как вы да я, как целый свет…»

Никита Васильевич Арсеньев, брат Михаила Васильевича Арсеньева – отца матери поэта, благословил молодого прапорщика Юрия Петровича Лермонтова, приняв у него присягу в 1804 году по окончании кадетского корпуса, и направил его служить в Кексгольмский мушкетерский полк, но ненадолго. Через десять месяцев, непосредственно перед началом военных действий против Наполеона в 1805 году, восемнадцатилетний Юрий Петрович в чине подпоручика был отозван на службу в свой родной кадетский корпус на единственную освободившуюся позицию офицера – наставника кадетов. Это назначение он получил не без протекции Никиты Васильевича Арсеньева. Облик Юрия Петровича как нельзя лучше соответствовал правилу принятия на должность в кадетский корпус, введенному еще при Екатерине Великой в 1766 году: «Успех воспитательного заведения зависит преимущественно от удачного выбора начальствующих и учителей, одаренных здравым разумом и благонравием, а не заразившихся надутым видом и угрюмостью…» [125, с. 52]. Судьба, Арсеньев, просьбы матери и сестер не участвовать в военных действиях, возможно, уберегли Юрия Петровича от неминуемой гибели. Кексгольмский полк, переправляясь через Балтийское море к месту назначения в Штральзунде (приморский город на севере Германии), попал в шторм, люди страдали от морской болезни, несколько кораблей потерпели крушение, несколько десятков офицеров погибли.

Первый кадетский корпус занимал территорию и здания бывшего роскошного дворца Меншикова на Васильевском острове. Юрий Петрович Лермонтов, как все офицеры-воспитатели и другие чины, с 1805 года жил в квартире при корпусе, вероятно, неподалеку жил и его денщик. Квартиры корпусных чинов были расположены в левом корпусе дворца, окна которого выходили на плац кадетского корпуса, впоследствии реконструированного в Румянцевскую площадь с садом. По другую сторону от кадетского плаца, на берегу Невы, радовало глаз здание Императорской академии художеств [125; 126, т. 1; 127].

Традиционно значительную часть корпусных офицеров набирали из числа выпускников кадетского корпуса, хорошо представляющих особенности быта и психологии кадет и поэтому легко находящих с ними об-

щий язык, без каких-либо осложнений устанавливающих тесные, доверительные контакты. Офицер-воспитатель, в должности которого Юрий Петрович служил в Первом кадетском корпусе семь лет, с 1805 по 1811 год, должен был иметь много такта, терпения и хладнокровия, чтобы уметь ладить с кадетами. В его обязанности входило практически непрерывное наблюдение за вверенными ему питомцами, особенно в то время, когда он назначался дежурным [128]. Юрий Петрович назначался дежурным по роте генерал-майора Клингера (1805–1809), а потом по гренадерской роте Его Величества великого князя Константина Павловича (1810–1811), в среднем 70 раз в год, то есть каждые пять дней. Остальные дежурства приходились на несение караула, проверки караулов. В обязанность офицера-наставника входило пребывание с кадетами в летних лагерях в Петергофе, которое тогда называли «практическим походом». Юрий Петрович был в таких походах дважды, в 1810 и 1811 году. В 1810 году Лермонтов пребывал с кадетами в практическом походе со 2 июля по 19 августа. На смотре Его Императорское Величество высоко оценил подготовку кадет, найдя «совершенную исправность кадет и доведение их до настоящего познания службы» [124, с. 142–204]. Юрий Петрович был удостоен высочайшей благодарности и премиального жалованья.

Лермонтов учился и служил в кадетском корпусе в столичном Санкт-Петербурге, когда внутри корпуса и в России происходили чрезвычайные события. В 1800–1801 годах Павел I назначил директором корпуса князя Платона Александровича Зубова, бывшего фаворита Екатерины Великой, у которого была сложная история взаимоотношений с Павлом I. В марте 1801 года Платон Зубов стал ключевой фигурой в заговоре против Павла I, закончившегося трагически – убийством императора. Весь Петербург знал об участии братьев Зубовых в убийстве Павла I. Конечно, эти слухи доходили и до кадет корпуса. Юрию Петровичу Лермонтову в 1801 году было 14 лет. Находясь в Петербурге, он мог быть очевидцем своеобразного празднования на улицах столицы «кончины императора». Однако начальство корпуса и офицеры-воспитатели, соблюдая устав и верноподданническое уважение к государям российским, должны были развеять в сердцах кадет сомнения по поводу такой странной реакции петербургской публики. Вероятно, что эти трагические воспоминания юности о возможном насилии над человеческой личностью, тем более над личностью императора России, оставили глубокий след в душе Юрия Петровича. Можно предположить, что полученная душевная травма наложила отпечаток на его отношения с тещей Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, женщиной расчетливой и властной.

Федор Иванович Клингер

Три последних года обучения, а потом еще семь лет службы Юрия Петровича Лермонтова в кадетском корпусе прошли при директоре Федоре Ивановиче Клингере. Более того, Юрий Петрович в 1805–1809 годах служил в корпусе

в роте генерал-майора Клингера. Можно полагать, что офицер-воспитатель Лермонтов за пять лет службы неоднократно лично общался со своим ротным командиром, докладывая о поведении кадет, о ходе строевой подготовки.

Федор Иванович Клингер

Клингер был настолько противоречивой личностью, что, безусловно, вызывал любопытство не только у офицеров и кадет корпуса, непосредственно с ним общавшихся. Он остался загадкой и для современных исследователей.

Федор Иванович Клингер (Friedrich Maximilian von Klinger, 1752–1831) – немец по происхождению, литератор и философ по призванию, воспитанный на произведениях Руссо [129], прозванный современниками «немецким Вольтером», и военный по службе [130]. В молодости Ф. И. Клингер видел себя актером, поэтом и драматургом. Его карьера началась в России в 1780 году. Будучи офицером Русской императорской армии при Екатерине Великой, Павле I и Александре I, находясь на высоких постах в самодержавной России, он оставался известным либеральным писателем и философом [131]. Князь Адам Чарторыйский, как и Клингер, вовлеченный в 1801 году императором Александром I в подготовку реформ образования в России, хорошо знал Клингера еще по Дерптскому университету, где Клингер был попечителем. В своих мемуарах князь дал весьма лестную характеристику Федору Ивановичу: «Это был порядочный человек, известный немецкий писатель, немного болтливый, либерал до утопичности, что не мешало ему состоять на службе у больших деспотов, впрочем, человек благонамеренный, преисполненный стремления служить процветанию и распространению наук. Эксцентричные и химерические взгляды, высказываемые им в очень резкой форме, чисто по-немецки, создали ему репутацию человека откровенного и энергичного. Все эти качества расположили в его пользу Александра» [132].

Клингер был близким другом Гете (1790–1831) и вел с ним переписку вплоть до своей кончины в 1831 году. Клингер – основатель всемирно известного литературного направления «Буря и натиск», к которому принадлежали молодые Гете и Шиллер [133]. Клингер еще до появления «Фауста» Гете в 1791 году написал свой роман «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад». Современный литературовед Лагутина полагает, что в «Фаусте» Клингера просматривается образ России того времени [134].

Поэзия молодых Шиллера, Гете и представителей «Бури и натиска» в оригиналах и переводах была хорошо известна в России во второй по-

ловине XVIII века. Драматургию Клингера высоко ценил Карамзин [133]. Клингер, будучи приближенным ко двору вдовствующей императрицы Марии Федоровны, был частым посетителем ее гостиной в Павловске, где она собирала кружок ученых и литераторов. В Павловске Клингер встречался с известными российскими литераторами своего времени: Карамзиным, Жуковским, Крыловым, Дмитриевым, Нелединским, Гнедичем, Шторхом, Аделунгом, Виламовым [135]. Василий Андреевич Жуковский в письмах к Александру Ивановичу Тургеневу с теплотой писал о Клингере и дал высокую оценку библиотеке, собранной Клингером за время его директорства в кадетском корпусе [136].

При императоре Александре I система образования подверглась реформации. Кадетским корпусам теперь отводилась роль исключительно воспитания будущих российских офицеров. В 1805 году император Александр I одобрил введение в устав кадетских корпусов наказание розгами. Директор Первого кадетского корпуса генерал-майор Клингер стал проводником идей царствующего императора [137]. Знаменитый писатель и философ, друг Гете, офицер российской армии, преданный императору, стал тем человеком, который практиковал телесные наказания. «Русских надо менее учить, а более бить», – любимая поговорка директора Ф. И. Клингера [138–140].

В такой противоречивой атмосфере проходили служебные годы Юрия Петровича Лермонтова. С одной стороны, в корпусе еще помнили «золотую эру» графа Ангальта (1786–1794) – отца всех кадет, нежно о них заботившегося и воспитывавшего в кадетах боевой дух и любовь к Отечеству [126, т. 1, с. 70–98]. В корпусе еще преподавали учителя, сохранившие традиции старой школы. С другой стороны, холодная и мрачноватая атмосфера директорства Клингера. Лица, стоявшие во главе заведений, задавали направление и определяли характер воспитания согласно своим индивидуальным качествам [141].

Могла ли атмосфера «палочной дисциплины» повлиять на относительно мягкий и несколько безвольный характер Юрия Петровича Лермонтова? Вероятно, могла, судя по тому, что крестьяне вспоминали его как человека доброго, но вспыльчивого. За «вспыльчивостью» может скрываться привычный в те времена стиль общения барина с крепостными – телесное наказание провинившегося.

Петербург

Дух литературного творчества кадет и офицеров практически исчез из стен корпуса при директорстве Клингера, несмотря на его личную увлеченность литературой. Но в корпусе накопилась богатейшая библиотека: произведения Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье, Лессинга, Гельвеция. В конце XVIII века эта библиотека была в числе достопримечательностей Санкт-Петербурга [142]. В корпусе также работала типография.

Юрий Петрович Лермонтов пользовался кадетской библиотекой, судя по короткому замечанию заведующего корпусной библиотекой надворного советника Фоларта в октябре 1804 года [124, с. 159].

Пребывание в столице России, Санкт-Петербурге, сулило много развлечений молодому офицеру Лермонтову. Булгарин, учивший в Первом кадетском корпусе в начале XIX века, создал довольно яркую картину столичных времяпровождений: «В Петербурге были превосходные театральные труппы: русская, французская, немецкая, итальянская опера ...и, наконец, знаменитая балетная труппа. На русской сцене давали трагедии, комедии, водевили и оперы; на французской также трагедии, комедии, водевили и комические оперы; на немецкой сцене – трагедии и комедии. Итальянская опера была отличная. ...Словом, в отношении изящества Петербург не уступал Парижу. ...Дешевизна была удивительная! Тогда вся молодежь лучших фамилий и все гвардейские офицеры ходили в партер. Французских и английских товаров была бездна» [143].

Мог ли себе позволить офицер-воспитатель кадетского корпуса такие развлечения? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Жалованье Лермонтова в 1810 году составляло около 500 рублей в год. Для сравнения: жалованье штатского учителя в корпусе составляло 200–300 рублей в год. Если учесть, что корпусные офицеры были на казенном обеспечении: квартира, обмундирование, питание, свечи, дрова – и они не были обременены семьей, то, вероятно, они могли себе позволить такие вольности, как театр, вечеринка с друзьями и вином и прочее. При экономной жизни можно было посылать деньги семье в Кропотово [144].

Отставка

Юрий Петрович Лермонтов, по-видимому, не строил планы насчет военно-преподавательской карьеры в Первом кадетском корпусе, как это делали многие дворяне из семей среднего достатка. Вместе с Юрием Петровичем в корпусе служили поручики и капитаны, которые впоследствии сделали весьма приличную карьеру как в стенах корпуса, так и вне его [124, с. 142–203]. Лермонтов подал прошение на высочайшее Его Императорского Величества имя об увольнении со службы 9 ноября 1811 года в связи с частыми болезненными припадками. В списках о выдаче жалованья Юрию Петровичу начиная с 1805 года значатся вычеты на лазарет. Так, в 1805 и в 1811 году он провел в лазарете месяц. С 13 сентября по 14 декабря 1806 года Лермонтов по его прошению был уволен на три месяца в отпуск в деревню Любашевку Ефремовского уезда Тульской губернии.

Вместе с прошением об увольнении Юрий Петрович представил медицинскую аттестацию от 5 ноября 1811 года. От полагающейся ему по службе пенсии по неизвестным причинам он отказался [124, с. 152–203]. Приказ об увольнении со службы в Первом кадетском корпусе Юрия Петровича Лермонтова был подписан 27 ноября 1811 года военным мини-

стром Барклаем де Толли, а 28 ноября 1811 года был подписан приказ по корпусу генерал-лейтенантом Клингером. В Государственную военную коллегию был подан формулярный список. Формулярный список – один

Формулярный список [145] уволенному из Первого кадетского корпуса за болезнями от службы из поручиков капитаном и с мундиром Лермантову

	Декабря 4 дня 1811 года
Чин имя и фамилия	Капитан Юрий Петров сын Лермантов
Сколько от роду лет	24
Из каких чинов	Из дворян
Когда в службу вступил и в оной какими чинами и где именно происходил	Произведен из кадет Первого кадетского корпуса прапорщиком и определен в Кексгольмский мушкетерский полк – 1804 октября 29. Подпоручиком с определением в Первый кадетский корпус – 1805 сентября 4. По Высочайшему повелению считается старшинство против армейских одним чином выше с 1810-го апреля 18-го. Поручиком – 1810 мая 28. Объявлено с прочими господами штаб- и обер-офицерами – 1808 августа 10. Высочайшее удовольствие и благодарность – 1810 августа 18. Объявлено Высочайшее удовольствие и Всемилостивейше пожаловано Третное не в зачет жалованье за бывшее ученье в Петергофе – 1811 июля 26. Уволен за болезнями от службы капитаном и с мундиром – 1811 ноября 27.
Во время прохождения службы был ли в походах против неприятеля	Не бывал
Российская грамота, читать, писать и другие какие науки знает ли?	Российскому, немецкому и французскому языкам, временной и долговременной фортификации, алгебре и истории и рисовать.
В домовых отпусках был ли, когда именно. На какое время и явился ли на срок?	В отпуску был уволен 1806 сентября с 19-го на три месяца, на срок, явился. И 1809 ноября с 21-го на 28 дней, но по приключившейся болезни явился 19 февраля 1810 года.
Не был ли в штрафах и если был, то за что именно?	Не бывал
Женат или холост	Холост
В комплекте или сверхкомплекта при корпусе состоял	Состоял в комплекте
К повышению чина достоин ли	Достоин

из немногих документов, характеризующих Юрия Петровича Лермонтова перед его женитьбой.

В документах кадетского корпуса нет особых отметок о наставнике кадет Юрии Петровиче Лермонтове. Офицеры, окончившие Первый кадетский корпус в 1806–1811 годах, а это около шестисот человек ежегодно, не оставили воспоминаний об офицере Лермонтове. Вероятно, Юрий Петрович не обладал запоминающимися чертами характера: не отличался особой добротой или жестокостью по отношению к кадетам. Поэтому о том, как проходила его служба, можно судить только по формальным источникам, собранным Дмитрием Анатольевичем Алексеевым: повышение в чине, отсутствие взысканий, благодарности начальства, из которых следует, что Юрий Петрович был исполнительным, соблюдающим устав унтер-офицером – ротным воспитателем. Он нес службу с честью, его карьера была вполне успешна, но ординарна.

Конкретные документальные подтверждения факта, что Юрий Петрович подал в отставку в связи с расстроенными финансовыми делами по управлению имением Кропотово, отсутствуют. Имеются лишь косвенные указания на возможность такого хода событий.

В 1809 году Анна Васильевна Лермонтова оказалась в трудном положении, связанном с необходимостью выплаты долга по закладной 1799 года. Анна Васильевна обратилась за помощью к своим близким друзьям, иначе трудно объяснить то обстоятельство, что заемные письма регистрированы в относительно далеком от Кропотово, около 350 км, Чембарском уезде. В феврале 1809 года Анна Васильевна Лермонтова заняла 1000 рублей ассигнациями у Наумовой и 500 рублей ассигнациями у капитанши Дарьи Васильевны Скирлятовой, родной сестры Никиты Васильевича Арсеньева и Михаила Васильевича Арсеньева [146; 147, с. 53–55].

Юрий Петрович брал отпуск с 21 ноября 1809 года на 28 дней. Отпуск он просрочил и явился в корпус 19 февраля 1810 года. По официальным документам он был болен, но, возможно, занимался урегулированием денежного долга матери. Дело о взыскании долга с Анны Васильевны Лермонтовой было прекращено 23 декабря 1810 года.

Арсеньевы

Все Арсеньевы из усадьбы в селе Васильевском могли получить сведения об образовании, о службе и о характере Юрия Петровича со слов Никиты Васильевича Арсеньева. А поскольку Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, тесно общалась с васильевскими Арсеньевыми, то она могла составить свое впечатление о Юрии Петровиче еще до его знакомства с Марией Михайловной Арсеньевой. Елизавета Алексеевна, по всей видимости, также знала и о финансовых затруднениях в семье Лермонтовых еще в 1809 году.

Знакомство с Марией Михайловной Арсеньевой

После отставки из кадетского корпуса Юрий Петрович, вероятно, был дома в конце декабря 1811 – в начале января 1812 года. Привлекательный блондин, образованный, веселый и обходительный, со столичными манерами молодой человек мог бы быть завидным женихом для многих провинциальных барышень, даже состоятельных. Но зачем искать невесту, если мать, Анна Васильевна Лермонтова, уже присмотрела богатую семнадцатилетнюю барышню на выданье – родственницу близких друзей Арсеньевых Машу Арсеньеву из поместья Тарханы Чембарского уезда? Или мать Маши, Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, богатая помещица, имела виды на молодого человека приятной наружности и со столичными манерами в качестве жениха для своей дочери, о чем была осведомлена мать Юрия Петровича. Возможно, Елизавета Алексеевна присматривалась к Юрию Петровичу Лермонтову как к будущему жениху Марии Михайловны именно из-за его характера [148]. Маше мог приглянуться хорошо воспитанный, образованный молодой человек, а Елизавете Алексеевне мог импонировать покладистый, немного инфантильный характер Юрия Петровича, о чем она, как женщина практичная, могла осведомиться у Никиты Васильевича Арсеньева. Такого зятя легко прибрать к рукам, а слабую здоровьем дочь оставить под присмотром в своем же комфортном и богатом имении.

Мария Михайловна Арсеньева, в замужестве Лермонтова (1795–1817), мать поэта

С этой точки зрения кажется совершенно невероятной характеристика Юрия Петровича как «совершенно необузданного человека», повторяемая лермонтоведами почти два века. Никита Васильевич Арсеньев прекрасно знал Лермонтова по кадетскому корпусу на протяжении тринадцати лет и мог бы предупредить Елизавету Алексеевну о таких особенностях характера будущего зятя [149].

Мария Михайловна Арсеньева

Мария Михайловна Арсеньева – дочь Михаила Васильевича Арсеньева (1768–1810), елецкого помещика Орловской губернии, и Елизаветы Алексеевны, урожденной Столыпиной (1773–1845), владелицы поместья Тарханы Пензенской губернии. Мария Михайловна родилась в Москве 17 марта 1795 года, в доме Анны Сергеевны Волконской, жены подпоручика лейб-гвардии Преображенского полка князя Дмитрия Александровича Волконского, по адресу: седьмая Пречистенская часть Москвы, третий квартал, Мертвый переулок, дом № 247 [92, ч. 1, с. 114–115]. Марию Михайловну крестили 20 марта 1795 года в церкви Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах Пречистенского сорока Москвы.

Восприемниками были: секунд-майор Дмитрий Емельянович Столыпин, дядя Елизаветы Алексеевны; бригадир Василий Дмитриевич Арсеньев (1755–1826) – сын Дмитрия Васильевича Арсеньева (1728–1806), брата Василия Васильевича Арсеньева, и двоюродный брат Михаила Васильевича Арсеньева; восприемницы: Афимья Никитична Арсеньева, жена Василия Васильевича Арсеньева (1731 – после 1798) и мать Михаила Васильевича Арсеньева; Марья Афанасьевна Столыпина – мать Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной [150]. Через два с половиной месяца молодые супруги Арсеньевы вместе с новорожденной Машей покинули Москву, отправившись в свое Пензенское имение Тарханы.

Выписка о рождении Марии Михайловны Арсеньевой из метрической книги церкви Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах [150]

К сожалению, не обнаружено никаких документов, свидетельствующих о детстве, воспитании и образовании Марии Михайловны Арсеньевой до ее встречи с Юрием Петровичем Лермонтовым. О слабом здоровье, болезненности и нервозности юной Марии Михайловны писали многие исследователи биографии Михаила Юрьевича Лермонтова, основываясь на косвенных фактах. О том, что Мария Михайловна была барышней образованной и начитанной, можно судить по альбому, где записаны сонеты, стансы, мадригалы самой Марией Михайловной и ее друзьями, а также из предположения В. Б. Сандомирской о том, что Мария Михайловна училась в Петербурге [148, 151, 152].

В 2005 году директор Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» Тамара Михайловна Мельникова опубликовала интереснейшую статью «Альбом уездной барышни» [153]. По предварительной экспертизе почерка этот альбом принадлежал Марии Михайловне Арсеньевой-Лермонтовой. В нем много стихотворений о любви, датированных началом 1814 года. Вот одно из них:

Души моей одно желанье –
Всегда любить тебя,
И сердцу тяжело старанье
Быть милой для тебя.
Ах, есть ли в жизни насладженье,
Друг нежный, без тебя?
Кто даст мне в грусти утешенье,
Коль нет со мной тебя?
Доверенность в душе имею
Я к одному тебе,
Коль постоянной быть умею,
Обязана тебе.

Тамара Михайловна отмечает: «Текст заканчивается замысловатым вензелем – М. Л. Вряд ли сразу после свадьбы с Юрием Петровичем Лермонтовым эти стихи могли быть посвящены кому-то другому, а не избраннику Марии Михайловны – Юрию Петровичу».

Музыкальность матери поэта запечатлена Михаилом Юрьевичем [154]. Романтическая, нервная, болезненная и по столыпински упрямая, Мария Михайловна, влюбившись в молодого, красивого, образованного, со столичными манерами капитана Юрия Петровича Лермонтова, могла упорствовать в своей любви перед строгой маменькой. Невесту с богатым приданым Марию Михайловну Арсеньеву менее всего заботило весьма шаткое финансовое положение жениха.

Версию знакомства Марии Михайловны Арсеньевой и Юрия Петровича Лермонтова можно предложить исходя из фактов, что с 1809 года Анна Васильевна Лермонтова, мать Юрия Петровича, постоянно общалась с Арсеньевыми из имения Васильевское, бывала в Чембарах по делам имения. Юрий Петрович приезжал помочь матери. Он брал отпуск из корпуса на три месяца, с 21 ноября 1809 по 19 февраля 1810 года [124, с. 152–203]. Михаил Васильевич Арсеньев, отец Марии Михайловны, скончался 2 января 1810 года. Можно полагать, что Анна Васильевна и Юрий Петрович Лермонтовы нанесли визит Елизавете Алексеевне Арсеньевой, сочувствуя ее горю. Марии Михайловне было пятнадцать лет, и молодые люди понравились друг другу. С 1810 года Мария Михайловна ведет альбом, в котором записаны стихи о любви уездной барышни. Типичные для своего времени мелодраматические стихи свидетельствуют о влюбленности молодой женщины [153]. Состоялась ли помолвка (сговор) Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны Арсеньевой зимой – весной 1812 года до того, как началась Отечественная война 1812 года? [155]

Мать и дочь Арсеньевы не значатся в исповедных росписях в святую четырехдесятницу во время Великого поста в Нижнеломовском духовном правлении Чембарской округи села Яковлевского Тарханы тож Николаевской церкви за 1810–1814 годы [156; 157, с. 4]. Однако это не означает, что Арсеньевы вообще не жили в Тарханах в эти годы. В 1808, 1812, 1813 и 1814 годах Е. А. Арсеньева одалживала деньги у чембарской помещицы Алыбиной [158].

Намерения о помолвке Лермонтова и Арсеньевой являются предположением. Брак Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны Арсеньевой был заключен, вероятно, сразу после возвращения Юрия Петровича из ополчения в начале 1814 года, что не могло бы произойти без предварительной договоренности о браке зимой – весной 1812 года.

С уверенностью можно только ответить на вопрос: обвенчались ли Мария Михайловна и Юрий Петрович до начала Отечественной войны 1812 года? Ответ – нет.

Есть два свидетельства:

1. На момент формирования ополчения Пензенской губернии в июле – августе 1812 года Мария Михайловна значится Арсеньевой, девицей, незамужней [159].

2. В музее-заповеднике «Тарханы» хранится семь книг церковных ведомостей: пять метрических книг с записями о родившихся, браком сочетавшихся и умерших, составленных в 1804–1862 годы, и две книги исповедных ведомостей примерно того же периода. В книгах содержатся записи о Лермонтове как прихожанине тарханской церкви. Первое упоминание о семье тарханских помещиков появляется только в 1815 году [157, с. 4].

Оба эти документа свидетельствуют, что до Отечественной войны 1812 года Юрий Петрович Лермонтов оставался холостым, так как Мария Михайловна оставалась Арсеньевой и числилась в девицах. Так как записи о семье Лермонтовых в Тарханах начинаются только в 1815 году, то можно полагать, что и венчание Лермонтова и Арсеньевой происходило не в Тарханах.

Отечественная война 1812 года

Отечественная война 1812 года, вероятно, помешала планам Юрия Петровича Лермонтова по созданию семьи. Война началась 11 июня 1812 года. Император Александр I 18 и 30 июля обнародовал два манифеста о создании ополчения для подкрепления войск и защиты Отечества. Идя на Москву, Наполеон заявил: «Я сожгу Тулу и обезоружу Россию».

Тульское ополчение было сформировано в сентябре 1812 года за 36 дней и состояло из 15 841 бойца. Начальником ополчения был избран тульский гражданский губернатор, тайный советник Н. И. Богданов, генерал артиллерии в отставке. В сентябре 1812 года в тульское ополчение вступил Юрий Петрович Лермонтов, хотя в 1812 году он не был записан в Дворянскую книгу Тульской губернии. В Тульском ополчении, согласно спискам, числилось четыре командира в батальонах Егерского полка. Одним из четырех батальонов командовал Юрий Петрович Лермонтов [124, с. 142–203].

В соответствии с передвижениями тульского ополчения осенью 1812 года и до весны 1813 года Юрий Петрович Лермонтов, по всей веро-

ятности, следовал по одному из направлений согласно распоряжениям высшего командования армии. С начала сентября тульское ополчение несло охрану границ своей губернии вдоль правого берега Оки, от Алексина до Каширы, не давало наполеоновской армии переправляться через Оку и тем самым способствовало осуществлению стратегического плана Кутузова – не дать захватить Наполеону Тулу. Как почти все тульское ополчение (за исключением одного конного полка), в 1812 году Юрий Петрович в сражениях не участвовал. С середины октября 1812 и до середины января 1813 года тульскому ополчению было предписано выдвигаться вдоль линии Брянск – Карачев – Минск для препровождения следования транспорта и конвоирования пленных. С 15 января ополчение по приказу командования двинулось к Витебску, вероятно, по пути охраняя транспорт и ведя борьбу с мародерами, как русскими, так и французами. Возможно, к Витебску тульское ополчение подошло к марту 1813 года, хотя еще 26 января 1813 года Кутузов планировал направить полки тульского ополчения к западным границам, в Восточную Пруссию. Где конкретно находился Юрий Петрович Лермонтов, как и все Тульское ополчение, с середины января до 22 апреля 1813 года, неясно, где-то под Витебском. Тульское ополчение, в общей сложности состоявшее из более чем 15 000 бойцов, не могло передвигаться слаженно по местностям, разоренным войной, усеянным трупами, в условиях зимнего времени. Проблемой всех ополчений были болезни – результат тяжких условий быта, недоедания, недостатка одежды, неподготовленности ратников к условиям военного времени. Главный источник распространения инфекционных заболеваний – трупы, русских и французов, которых было так много, что не успевали хоронить [160–163].

Юрий Петрович Лермонтов попадает в витебский госпиталь 22 апреля 1813 года [124, с. 142–203]. В это время туда было госпитализировано 582 ратника тульского ополчения. Из всех заболевших тульских ополченцев 63,5 % попали именно в витебский госпиталь. Начиналась весна, из-за неглубоко захороненных трупов могла начаться эпидемия. Такая точка зрения подтверждается рапортом князя Волконского от 4 июня 1813 года: «…Больных оставлено весьма много полками, в разных «гаубшпиталях», по изследованию же моему оказалось, что ополчение сие не токмо проходило, но даже и квартировали в селениях зараженных болезнями; походами не имели порцию, кроме самого нужного провианту, к тому же не привыкнув еще к походам, многие токмо от усталости ослабевали» [164, 165]. Распространению инфекционных заболеваний способствовало нерадивое отношение к сжиганию трупов зимой 1812–1813 годов в Витебской губернии. Когда в 1812 году Яков Виллие, главный медицинский инспектор по армии, предложил сжигать трупы (людей и лошадей), он предупредил, что это был единственный способ спастись от весенней вспышки инфекционных заболеваний с последующим распространением чумы [166].

Юрий Петрович Лермонтов находился на излечении в витебском госпитале не менее шести-семи месяцев, с 22 апреля по октябрь – ноябрь

1813 года. Приказ об исключении Юрия Петровича Лермонтова из списков тульского ополчения из-за его неспособности к службе по болезни подписан 29 октября 1813 года. Возможно, Юрий Петрович покинул Витебск в ноябре – декабре 1813 года [124, с. 142–203].

Обстоятельства участия капитана Юрия Петровича Лермонтова в войне 1812 года в качестве командира Егерского полка тульского ополчения сложились таким образом, что он не был отмечен «Наградной медалью» участника Отечественной войны 1812 года. В списки награжденных тогда не попала основная масса ополченцев. По этому поводу поступало много петиций на имя государя. Согласно указу императора Александра I «Наградную медаль» не получали ополченцы, не принимавшие непосредственного участия в боевых действиях в 1812 году. Таких было большинство. Ополченцы исполняли главным образом роль дозорных и охранительных отрядов [167]. В конце января 1814 года капитан Лермонтов комиссовался – был фактически исключен из списков полков тульского ополчения за болезнью. Соответствующая бумага была направлена на имя гражданского тульского губернатора. Да, ополченцы были обижены и даже унижены правительством. Среди таких обойденных наградой ополченцев оказался и Юрий Петрович Лермонтов.

Женитьба

Свидетельств о дате брака Марии Михайловны Арсеньевой и Юрия Петровича Лермонтова не обнаружено. Только предположения. Юрий Петрович Лермонтов возвращается домой из госпиталя в конце 1813 – начале 1814 года. Михаил Юрьевич Лермонтов родился в ночь на 3 октября 1814 года. Тогда Юрий Петрович Лермонтов и Мария Михайловна Арсеньева должны были обвенчаться до начала Великого поста, 9 февраля 1814 года. С февраля 1814 года появляются свидетельства об их бракосочетании. В феврале 1814 года супруги Лермонтовы заблаговременно приобрели билеты для посещения российского Благородного собрания в Москве. Тогда все губернское дворянство откликнулось на просьбу старейшин российского Благородного собрания оказать помощь в восстановлении здания Благородного собрания на Дмитровке приобретением билетов на два года вперед, на 1814 и 1815 годы [168, с. 143–160; 169]. Здание очень сильно пострадало во время пожара 1812 года. Лермонтовы приобрели билеты одновременно со своими московскими знакомыми, которые также числятся в списках: князь Дмитрий Александрович Волконский (в его доме в Мертвом переулке родилась Мария Михайлова); гвардии полковник Дмитрий Алексеевич Столыпин, родной брат Елизаветы Алексеевны; полковник Денис Иванович Давыдов; княгиня Катерина Александровна Волконская; графини Кутайсовы; Марфа Сергеевна Крюкова; Марья Александровна Лопухина [168, с. 143–160]. Можно предположить, что они посещали балы, маскарады и концерты в собрании зимой в 1814 и 1815 году, но

когда именно, не известно. Записи в альбоме Марии Михайловны Лермонтовой также свидетельствуют о том, что Лермонтовы в феврале и апреле 1814 года побывали в Петербурге [170, с. 62–63].

Москва, 1814 год

Молодая чета Лермонтовых прибыла в послепожарную Москву в 1814 году. Москва еще не оправилась от пожара, в котором сгорело 70 % построек [171, с. 114].

Лермонтовы и Елизавета Алексеевна Арсеньева не оставили воспоминаний о пребывании в Москве 1814–1815 годов. Чтобы понять, какой она была в 1813–1815 годах, обратимся к впечатлениям современников, которые красочно описал Петр Васильевич Сытин [171]. «Как только войско Наполеона покинуло Москву, в ней начались интенсивные восстановительные работы, продолжавшиеся до 1830-х годов». Мемуарист Филипп Филиппович Вигель, приехавший в Москву в июле 1814 года, отметил в своих «Записках»: «Сама она [Москва] в отдалении по-прежнему казалась громадною, и, только проехав Коломенскую заставу [современная Абельмановская улица], мог я увидеть ужасные следы разрушения. ...Только приближаясь к Яузскому [Астахову] мосту и Воспитательному дому, увидел я, наконец, жилые дома, уцелевшие или вновь отделанные» [171, с. 115]. В марте 1813 года поэт Алексей Федорович Мерзляков, будущий преподаватель Мишеля Лермонтова, безусловно, настроенный более романтически, чем московские обыватели, писал: «С нами совершаются чудеса божественные. Топор стучит, кровли наводятся, целые опустошенные переулки становятся по-прежнему застроенными. Английский клуб против Страстного монастыря свидетельствует вам свое почтение. Благородное собрание также надеется воскреснуть» [172]. Граф Ростопчин 5 января 1814 года писал императрице: «Пустота незастроенных мест напоминает варварское явление злодеев. Впрочем, торг сильнее прежнего, лавки все заняты и полны товаров. Дворянское собрание состоит из 500, Английский клуб – из 460 членов. В Новый год в маскараде было 980 человек» [173, с. 523]. 23 апреля 1814 года в Москву прибыл курьер из действующей армии с известием о взятии Парижа, а 30 апреля граф Ростопчин делился радостью с императрицей: «Москва в остатках своих радостно и торжественно не уступила целому свету во всемирном торжестве. Удивления достойно было стечение народа в соборном молебствии, и вся внутренность Кремля представляла одну толпу народа. Праздники были блистательны богатством уборов и многочислием посетителей. В купеческом маскараде было 2093 человека» [173, с. 530].

В книге, посвященной российскому Благородному собранию, Александр Барсуков писал, что пожар 1812 года нанес разрушительный удар и по зданию Благородного собрания, творению архитектора М. Ф. Казакова: остались одни обгорелые стены да статуя императрицы Екатерины, найденная поверженною на полу, с отбитыми руками. По решению старейшин

в декабре 1813 года до окончательного исправления здания под собрание нанят второй этаж дома графа Аркадия Ивановича Моркова на Никитской, балы собрания будут продолжаться, как и прежде, один раз в неделю, по вторникам. В доме графа Моркова московское благородное общество собиралось в течение всего 1814 года. На «вечерних съездах для беседы» бывало ежедневно до 200 персон [174]. К 1 декабря 1814 года дом российского Благородного собрания был совершенно отстроен. В день рождения императора, 12 декабря 1814 года, в восстановленном здании был дан первый большой бал, во время которого играла духовая и инструментальная музыка с полным хором певчих. На бал съехалось 1115 персон [174, с. 19].

Таким образом, Лермонтовы могли посещать Благородное собрание в Москве, в доме графа Моркова на Никитской. В декабре 1814 года, когда праздновали день рождения императора в восстановленном здании собрания на Большой Дмитровке, прошло всего два месяца, как Мария Михайловна Лермонтова разрешилась от родов. Нет сведений о том, как она себя чувствовала после родов, но кормилицу для новорожденного Миши уже привезли из Тархан. Так что Лермонтовы могли посещать московские балы в Благородном собрании вплоть до отъезда из Москвы зимой 1815 года.

Новобрачные Лермонтовы пребывали в Москве, недавно «спаленной пожаром», но уже отчасти восстановленной к 1814 году. По всей видимости, молодая, полная любви друг к другу чета Лермонтовых вполне счастливо проводила время. В Москве они были в окружении влиятельных родственников и знакомых, дворян Арсеньевых и Столыпиных, которым был, несомненно, представлен Юрий Петрович. Мария Михайловна Лермонтова хоть и была беременна, вероятно, чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы не отказывать себе в светских развлечениях. Елизавета Алексеевна, судя по ее отсутствию в Тарханах на исповеди в начале марта 1814 года, тоже была где-то недалеко от молодоженов.

Рождение Михаила Юрьевича Лермонтова

Для Марии Михайловны и Юрия Петровича Лермонтовых рождение первенца, безусловно, было знаменательным событием, но тогда они и не подозревали, что дата его рождения станет исторической для России.

«Октября 2-го в доме господина покойного генерал-майора и кавалера Федора Николаевича Толя, у живущего капитана Юрия Петровича Лермонтова родился сын Михаил. Молитвовал протоиерей Николай Петров с дьяконом Яковом Федоровым. Крещен того же октября 11-го дня. Восприемник был господин коллежский асессор Фома Васильевич Хотяинцев; восприемницей – госпожа гвардии поручица Елизавета Алексеевна Арсеньева. Оное крещение отправляли протоиерей Николай Петров, дьякон Петр Федоров, пономарь Алексей Никифоров» [175].

Эта скромная выписка из метрической книги – архивный документ о рождении и крещении великого русского поэта – содержит много важной информации.

Документ о рождении и крещении великого русского поэта [175]

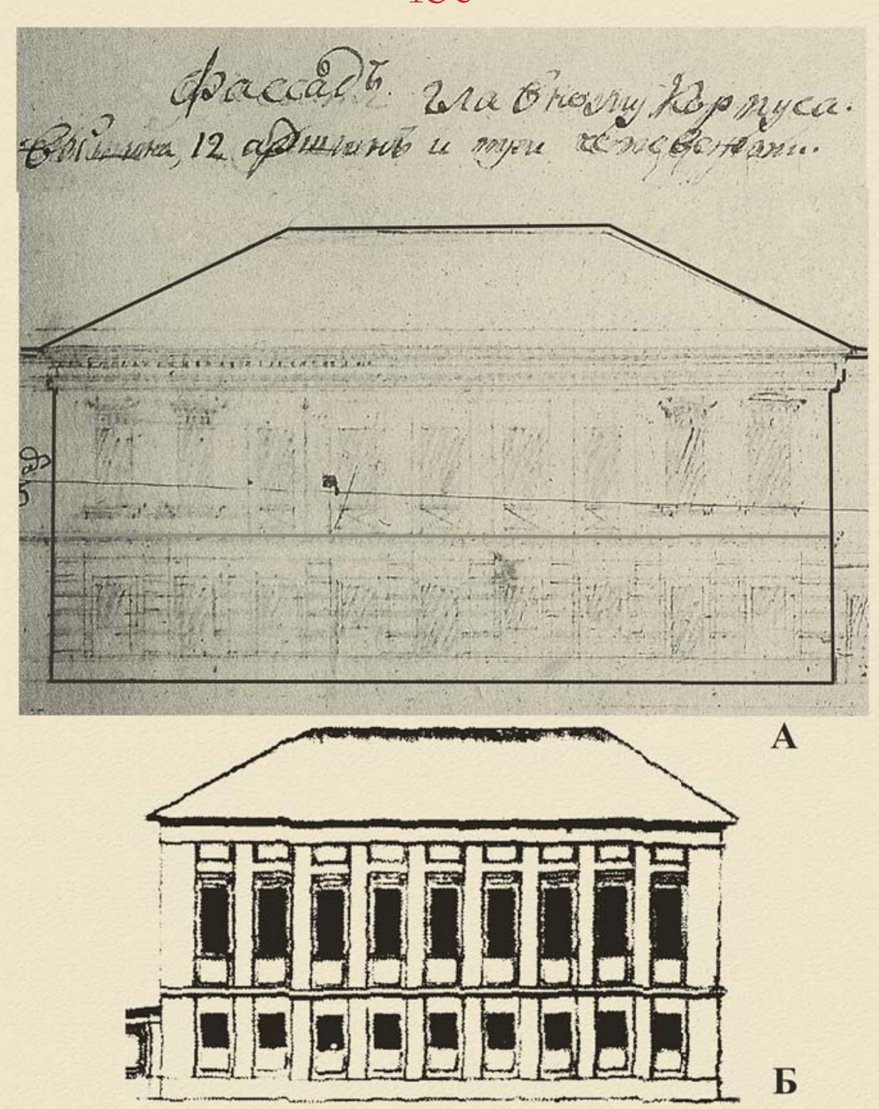
Дом генерал-майора и кавалера Ф. Н. Толя, где родился поэт (публикуется впервые)

Фон Толь Федор Николаевич (1750-е – до февраля 1813) с 1785 по 1790 год был обер-полицмейстером города Москвы, вторым человеком после генерал-губернатора в городе. После отставки от должности генерал-майор Ф. Н. Толь, конечно, оставался влиятельней фигурой. В 1788 году он получил разрешение на постройку каменного дома в 16-й части Москвы, в приходе церкви Трех Святителей у Красных ворот [176]. В 1791 году план дома был готов [177]. В деле о постройке дома дано полное описание владений Ф. Н. Толя: план двора (подробное, с указанием материалов, с метражом и назначением помещений); план нижнего этажа каменного дома на углу Сенной площади (лавки, харчевня и питейный дом); план верхнего этажа дома (жилые покои, вид (план) фасада главного корпуса).

После пожара в «Старо-Басманной части Москвы осталось только четыре дома: Хлебниковой К., Куракиной с госпиталем, Запасный дворец, а у Красных ворот, в правой руке, – каменный небеленый дом генерала Толя» [171, с. 337]. Сам генерал-майор Федор Николаевич Толь 29 ноября 1812 года в письме к своему знакомому так описывает свои оставшиеся от пожара владения: «Наконец возвратился в несчастную столицу, в Москву. Боже мой, какой страшный и печальный вид. Дом мой, где я сам жил, только и остался цел, а прочие строения, как конюшни, кухни, каретный сарай с двумя новыми каретами, дрожки рессорные, сани городские и прочие вещи, сгорели. А в другом дворе моем, во флигеле, где были трактир, харчевни и лавки, все сгорели, только одни стены остались. Под домом лавки еще остались. В доме у меня все разграблено; трое стенных столовых часов, картины, портреты, мебель, книги и планы мои – все растащены. В доме почти все стекла разбиты по причине, что французы подорвали порохом весь артиллерийский полевой двор, который близко к моему дому был. Словом сказать, все потерял, кроме что по милосердию Божьему, по крайней мере, пристанище имею в своем разграбленном доме. Видно, что Богу было угодно мне показать на старость и дряхлость лет моих, но трудно будет мне перенести сей удар, дай, Бог, только мне покойную смерть» [178]. Федор Николаевич Толь скончался до февраля 1813 года, если судить по записям в метрических книгах церкви Трехсвятительской Сретенского сорока у Красных ворот за 1813 год [179]. Таким образом, после пожара 1812 года из многочисленных владений уцелел только главный каменный дом Ф. Н. Толя.

Главный дом генерал-майора Ф. Н. Толя, судя по чертежу 1791 года и описанию – углы цоколя и карниз из белого камня, принадлежал к типу домов безордерного классицизма конца XVIII века. Характерные черты домов этого типа – строгость форм, постройка без выделения центра, с неглубокими нишами вокруг окон и лишенные всяких украшений [180, с. 151, 159].

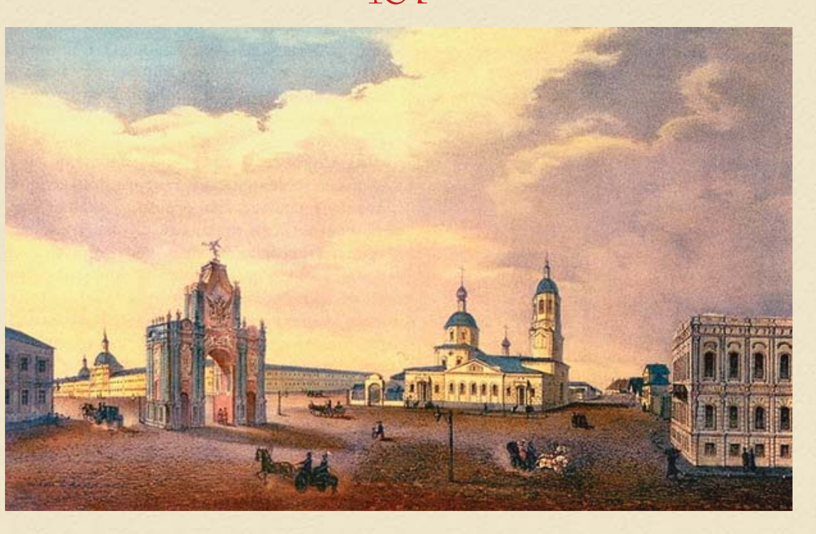
Изящные и строгие архитектурные формы среднего по размеру двухэтажного дома генерал-майора Ф. Н. Толя, в котором родился великий рус-



А. Фасад дома генерал-майора Ф. Н. Толя, 1791, Москва; Б. Дом Тарасова. Чертеж из архитектурных альбомов М. Ф. Казакова [180, с. 140]

ский поэт Михаил Лермонтов, мало похожи на тот дом, который мы можем еще увидеть на довоенных фотографиях советских времен.

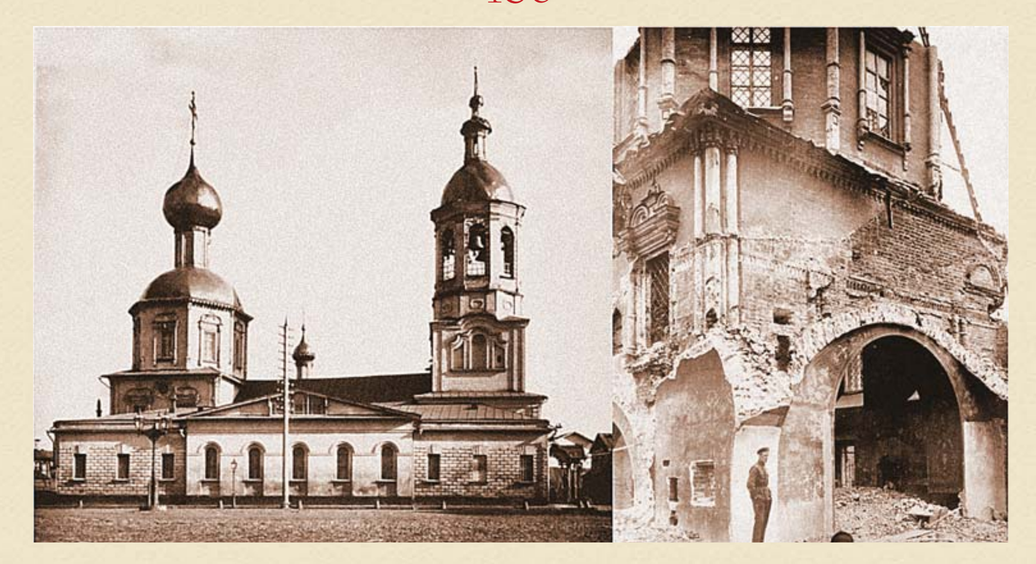
Неухоженное трехэтажное здание на неприбранной площади Красные Ворота, на углу Садовой и Каланчевской улиц – плод времени, смены владельцев (Бурцев, Голиков, Григорьев), многократных надстроек и пристроек. В 1927 году советская власть разрушила церковь Трех Святителей у Красных ворот, в которой 11 октября 1814 года крестили Михаила Юрьевича Лермонтова, а в 1949 году по генеральному плану реконструкции Москвы дом, в котором родился М. Ю. Лермонтов, также был снесен.



Вид на Красные ворота, церковь Трех Святителей и Запасной дворец. Слева – двухэтажный дом Ф. Н. Толя. Неизвестный гравер по оригиналу Д. М. Струкова, 1856

После ранней смерти жены и двух дочерей имущество Ф. Н. Толя было завещано в равных долях сыну Александру и дочери Наталье [181]. В середине 1813 года в доме Ф. Н. Толя помимо совладелицы дома Натальи Федоровны Толь, в замужестве Яковлевой [182], проживало еще несколько семей [183]. К сожалению, за 1814 год исповедные ведомости не сохранились. К весне 1815 года Наталья Федоровна скончалась. Но комнаты в доме весной 1815 года продолжали занимать почти все те же жильцы, что и в 1813 году [184]. Следовательно, те же жильцы проживали в доме покойного Ф. Н. Толя и в 1814 году.

Дом Ф. Н. Толя на площади Красные Ворота, 1928



Церковь Трех Святителей у Красных ворот: слева – 1814 год, справа – руины, 1928

Лермонтовы и Елизавета Алексеевна Арсеньева сняли помещения в доме Ф. Н. Толя в конце лета 1814 года, возможно, раньше. Тогда еще была жива Наталья Федоровна Яковлева. Она проживала с семьей в доме своего отца. Логично полагать, что именно Наталья Федоровна и сдала комнаты Лермонтовым и Арсеньевой. Судя по количеству жильцов и их социальному положению, дом Ф. Н. Толя в 1813–1815 годах был населен людьми среднего достатка, за исключением хозяев дома.

Какие же помещения могли занимать Лермонтовы и Арсеньева в 1814 году на основании точного плана главного дома Ф. Н. Толя?

Главное каменное небеленое здание – единственное уцелевшее после пожара 1812 года – по плану габариты (длина х ширина х высота) 21,34 х 12,8 х 9,2 м, двухэтажное, с антресолями. Площадь каждого этажа – 273 кв. м. В нижнем этаже – сплошной поперечный простенок разделял этаж на две несообщающиеся части. Приблизительно 60 % площади (7,7 х 21,34 = 164,32 кв. м) одной части первого этажа было отведено под лавки и одно жилое помещение. Лавки и жилое помещение имели отдельные входы со стороны Сенной площади. Хозяйская часть дома (5,1 х 21,34 = 109,3 кв. м) на первом этаже была обращена во двор и тоже разделена на три почти равные части, около 36,4 кв. м каждая. Центральная комната с парадным входом, вероятно парадная гостиная, сообщалась открытым пространством с правой комнатой, от которой были отделены боковые сени.

На втором этаже находилось восемь жилых покоев. Второй этаж, как и первый, был разделен на шесть больших помещений: три из них – вдоль стены, с окнами на площадь, около 54 кв. м каждое; три – вдоль стены, с окнами во двор, 36,4 кв. м каждое. Угловые помещения были перегорожены, создавая в сумме восемь жилых комнат.

План главного жилого корпуса дома Ф. Н. Толя, сохранившегося после пожара 1812 года в Москве

Над тремя комнатами верхнего этажа располагались антресоли, которые также называли полуэтажами. Отличный пример хитрой экономии – полуэтажи. Эта особенность характерна для усадебных домов в стиле классицизма конца XVIII – первой трети XIX века. Невысокие окна этих полуэтажей всегда выходят во двор. Дело в том, что налоги рассчитывались по количеству этажей со стороны уличного фасада. Антресоли в доме Ф. Н. Толя действительно были жилыми помещениями с двумя смежными и одной изолированной комнатой, с девятью световыми окнами, двумя изразцовыми печами. На антресоли вела лестница из центрального поперечного коридора верхнего этажа. В антресолях любили устраивать детские, так как они хорошо отапливались.

В этих помещениях-комнатах в 1814 году должны были разместиться пять семей: хозяева дома; четверо квартирантов с семьями; Лермонтовы, муж и жена с новорожденным Михаилом Юрьевичем, и Елизавета Алексеевна Арсеньева.

Хозяева дома, супруги Наталья Федоровна и Михаил Иванович Яковлевы, по всей видимости, находясь в стесненных обстоятельствах после пожара 1812 года, могли разместиться на первом этаже, в жилом помещении, обращенном окнами во двор, хотя парадные комнаты, как правило, находились на втором этаже. Три семьи могли снимать комнаты, обращенные на Сенную площадь, на втором этаже. Два крестьянина вполне размещались в жилом помещении на первом этаже рядом с лавкой. Весь второй этаж, вероятно, сдавался внаем. Жильцы могли заходить на второй этаж с отдельного бокового крыльца или подниматься по парадной дубовой лестнице, отмеченной в описании дома. Семья Лермонтовых и Елизавета Алексеевна, вполне зажиточные дворяне, могли снимать анфиладу комнат, обращенных окнами во двор, на втором этаже. Учитывая, что они приехали со слугами-дворовыми, а потом вызвали кормилицу из Тархан для новорожденного Миши Лермонтова, то, вероятнее всего, они снимали также и антресоли, которые можно было хорошо протопить, в октябре 1814 – феврале 1815 года.

Иван Степанович Соймонов
Жалован поместьями в 1563-1586 годах
▼
Андрей Иванович Соймонов
▼
Афанасий Андреевич Соймонов
Воевода в Серпухове (1663) и в Цивильске (1673)
Жена Анна Семеновна Головкина - двоюродная тетка царицы Натальи Кирилловны
▼
Иван Афанасьевич Соймонов
Большой стольник
▼
Александр Иванович Соймонов
Обер-фискал флота
▼

Николай Александрович Соймонов
▼
Александр Николаевич Соймонов (1780-1856)
Отец Сергея Александровича Соболевского, литератора и библиофила, друга А. С. Пушкина

Евдокия Александровна Соймонова (1754-1819)
Замужем за генерал-майором Василием Дмитриевичем Арсеньевым (1755-1826)
▼
Анна Васильевна Арсеньева (1792-1832)
Незамужняя, троюродная сестра Марии Михайловны Арсеньевой, в замужестве Лермонтовой, матери М. Ю. Лермонтова

Генеалогия Арсеньевых – Соймоновых

Таким образом, Михаил Юрьевич Лермонтов родился в доме Ф. Н. Толя, в комнатах на втором этаже, обращенных окнами во двор. А его первая детская находилась, скорее всего, на антресолях.

Почему Лермонтовы и практичная Елизавета Алексеевна Арсеньева выбрали для проживания в Москве именно этот дом у Красных ворот в Басманной части, довольно отдаленной от центра города? Как уже отмечалось, Басманная часть очень сильно пострадала от пожара 1812 года, а та часть, где находился дом Ф. Н. Толя, выгорела практически дотла. Кто мог посоветовать или посодействовать Лермонтовым и Арсеньевой в выборе именно

Андрей-Бодан Семенович
Дворянин, помещик, Тульская губерния
▼
Маркел-Воин Андреевич
Тульский городовой, дворянин
▼
Яков Маркелович
(1616 - после 1669)
Тульский дворянин
▼
Еремей Яковлевич
Алексинский помещик, дворянин, Тульская губерния
▼
Василий Еремеевич. Помещик, дворянин, Тульская губерния
▼

Дмитрий Васильевич
(1728-1806)
Генерал-майор
Алексинский помещик
Тульская губерния
▼
Василий Дмитриевич
(1755-1826)
Генерал-майор
1803-1806 - управляющий Московским провиантским депо
1807-1810 - предводитель дворянства Московского уезда
1810-1816 - московский губернский предводитель дворянства
Женат на Евдокии Александровне Соймоновой (1754-1819)
▼
Анна Васильевна
(1792-1832)
Младшая дочь, незамужняя

Василий Васильевич
(прибл. 1730 - прибл. 1810)
Помещик, дворянин
Тульская губерния
Орловская губерния
▼
Михаил Васильевич
(1768-1810)
Вероятно, родился, как и его младший брат Никита Васильевич (1775-1847), в с. Луковище Алексинского уезда Тульской губернии
Помещик, с. Васильевское Елецкого уезда Орловской губернии
Женат на Елизавете Алексеевне Столыпиной (1773-1845), жил в Тарханах
Дед М. Ю. Лермонтова
▼
Мария Михайловна
(1795-1817)
Замужем за Юрием Петровичем Лермонтовым (1787-1831)
Мать М. Ю. Лермонтова

Генеалогия Арсеньевых – Лермонтовых

этого дома? Елизавета Алексеевна Арсеньева, проживая постоянно в провинции, не смогла бы самостоятельно подобрать квартиру в Москве без помощи влиятельного родственника, тем более после пожара 1812 года.

Подсказка неожиданно пришла при изучении метрических записей церкви Трех Святителей у Красных ворот, в которой крестили Михаила Юрьевича 11 октября 1814 года. Из фондов ЦИАМ [185] мы узнаем, что в январе 1817 года подполковник Александр Федорович Толь, сын генерал-майора Ф. Н. Толя, из-за болезни ушел в отставку от службы. Он поступил на гражданскую службу в московскую таможню. Вскоре он женился. В указателе домов

Москвы за 1818 год дом Ф. Н. Толя числится за Александром Федоровичем Толем [186]. Среди восприемников детей Александра Федоровича Толя в 1819 году был Александр Николаевич Соймонов (1780–1856), родной племянник Евдокии Александровны Арсеньевой (1754–1819), в девичестве Соймоновой, жены генерал-майора Василия Дмитриевича Арсеньева (1755–1826). Соймонов был двоюродным братом Анны Васильевны Арсеньевой (1792–1832), младшей дочери Арсеньевых [187]. Восприемницей остальных семерых детей (1821–1828) Александра Федоровича Толя, независимо от того, в какой церкви они были крещены, была Анна Васильевна Арсеньева, незамужняя младшая дочь генерал-майора Василия Дмитриевича Арсеньева.

Из этих данных вырисовывается картина, свидетельствующая о тесных взаимоотношениях Александра Федоровича Толя с семьей Василия Дмитриевича Арсеньева. Такие связи в иерархическом столичном обществе не бывали случайными, ведь генерал-майор Василий Дмитриевич Арсеньев занимал очень высокое положение в аристократических кругах Москвы. Но они становятся понятными, если вспомнить, чьим сыном был Александр Федорович Толь. Светские связи семьи генерал-майора Василия Дмитриевича Арсеньева с семьей генерал-майора Федора Николаевича Толя, бывшего обер-полицмейстера Москвы, логично следуют из служебного положения обоих [188].

Генерал-майор Василий Дмитриевич Арсеньев с 1810 по 1816 год был предводителем дворянства Московской губернии, увенчанный наградами за отличие при отражении нашествия Наполеона. Он приходился двоюродным братом Михаилу Васильевичу Арсеньеву, покойному мужу Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Василий Дмитриевич Арсеньев был крестным отцом Марии Михайловны, матери поэта.

Теперь можно выстроить вполне логичную версию, объясняющую выбор дома покойного генерал-майора Ф. Н. Толя в качестве квартиры для молодой четы Лермонтовых, сопровождаемой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой. Вероятно, выбирали дом, где можно было снять несколько комнат за необременительную плату. В Москву семья ехала в ожидании родов. Мария Михайловна была слаба здоровьем – надо было предусмотреть кормилицу, возможно, доктора, дворовых для комфортной обслуги. Елизавета Алексеевна всегда была очень расчетлива и прижимиста, Мария Михайловна в финансовых вопросах полагалась на мать, а Юрий Петрович Лермонтов никогда не располагал большими средствами. Переговоры с Натальей Федоровной Яковлевой, дочерью Ф. Н. Толя, о снятии квартиры, вероятно, заблаговременно вел кто-то из семьи Василия Дмитриевича Арсеньева (а может быть, и сам генерал). Обе стороны могли прийти к обоюдовыгодному соглашению, учитывая, что Арсеньевы и Толи были давно знакомы.

Фома Васильевич Хотяинцев, крестный отец Мишеля Лермонтова

Высказанная версия о выборе дома Ф. Н. Толя для проживания в Москве Лермонтовых и Арсентьевой в 1814–1815 годах косвенно подтверждается

сведениями о крестном отце Михаила Юрьевича Лермонтова – Фоме Васильевиче Хотяинцеве.

В выписке о крещении Михаила Юрьевича Лермонтова указано только звание Ф. В. Хотяинцева – коллежский асессор. В исследованиях биографии М. Ю. Лермонтова никогда не упоминается имя его крестного отца Фомы Васильевича Хотяинцева. Источником информации о Фоме Васильевиче Хотяинцеве являются «Записки Андрея Тимофеевича Болотова», изданные в Петербурге в 1871–1873 годах [189]. Ученый, писатель, энциклопедист Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) оставил мемуары, которые являются ценным источником информации для изучения социального уклада, быта и нравов дворянства второй половины XVIII века. С 1796 года А. Т. Болотов жил в своем родовом имении в Дворяниново Алексинского уезда Тульской губернии. Андрей Тимофеевич Болотов по линии жены был в родстве с Арсеньевыми. Прадед поэта Василий Васильевич Арсеньев (1731 – после 1798), елецкий, богородицкий, алексинский помещик, кавалер ордена Святого Владимира IV степени, был родственником и другом Андрея Тимофеевича Болотова [147, с. 40]. Дед Лермонтова Михаил Васильевич Арсеньев (1768–1810), муж Елизаветы Алексеевны, учился у А. Т. Болотова искусству садоводства и применил полученные навыки для разведения сада в имении Тарханы*. В 1771 году А. Т. Болотов писал: «Из села К ездили мы потом в село Л для отвезения своего визита и благодарности господину Арсеньеву Василью Васильевичу, как бывшему у нас также на свадьбе и бравшем во всем деле нашем соучастие. Поелику был он помянутой тетки жены моей Матрены Васильевны родной брат; то и жили наши как с ним, так и с женою его, Афимьею Никитичною, боярынею умною и ласковою, в особливом дружелюбии, и я могу сказать, что и сим домом был я всегда доволен. Они меня также полюбили и любили даже по смерть свою, хотя мы и жили после уже в отдаленности друг от друга и не так часто видались, как тогда. А по них сделались мы после того знакомыми и с другими господами Арсеньевыми, как то: Иваном Михайловичем и братом его, Михаилом Михайловичем, в особливости же с другим родным же братом Матрены Васильевны, известным всей России по высокому и великому своему росту, Дмитрием Васильевичем Арсеньевым, служившим тогда в кавалергардах и знавшим меня еще ребенком, поелику он в молодости своей служил у отца моего в полку адъютантом» [190, с. 194, 885–887].

Андрей Тимофеевич Болотов был также знаком с Хотяинцевым, о котором не раз упоминает в своих записках. В 1787 году А. Т. Болотов пишет о Фоме Васильевиче Хотяинцеве, называя его своим приятелем. А в 1792 году подробно рассказывает о своем визите в Луковицы, имение Арсеньевых, и о встрече с Фомой Васильевичем: «Доехали до Луковиц. Я проехал прямо во двор к старшему брату генералу Дмитрию Васильевичу. Но хвать – его нет дома. «Ах какая беда, ну где же он?» – «У брата де своего Василия Васильевича». Ну, слава богу, человек он знакомый, тут

* Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы», личное сообщение.

же и двор его. Хозяева мне рады. ...Гляжу, Фома Васильевич Хотяинцев во двор. Человек знакомый, любезен, умный и такой, с которым есть о чем поговорить. Ну-ка мы в разговоры, и разговоры разные о всякой всячине, и все любопытные и хорошие. Но не успели мы разболтаться, как глядим – еще гости. Анна Васильевна Крюкова (сестра Василия Васильевича Арсеньева, замужем за Борисом Михайловичем Крюковым) с детьми... Старики сели с боярынями играть в карты, а мы с Фомою в залу, и ну опять, ну опять с ним говорить, и о чем мы не говорили!» [190, с. 194, 885]

Из этих коротких заметок можно сделать несколько выводов. Фома Васильевич Хотяинцев, вероятно, был близок по возрасту к Арсеньевым (прадедам поэта) и к А. Т. Болотову; возможно, к деду Лермонтова – Михаилу Васильевичу Арсеньеву. Ф. В. Хотяинцев был хорошим приятелем А. Т. Болотова: тот называет его Фомой без отчества. Высокая оценка – умный и есть о чем поговорить, разговоры все любопытные – Ф. В. Хотяинцева свидетельствует о его несомненных достоинствах и характеризует его как человека образованного. Фома Васильевич Хотяинцев был соседом Арсеньевых и их близким знакомым, без церемоний мог нанести им визит: «Гляжу – Фома Васильевич Хотяинцев во двор».

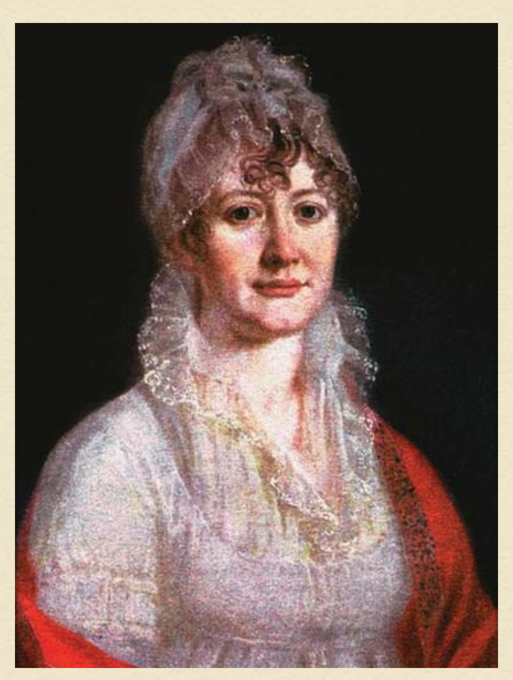
Фома Васильевич Хотяинцев был, вероятно, хорошо знаком и с Василием Дмитриевичем Арсеньевым – сыном Дмитрия Васильевича [147], а также с Елизаветой Алексеевной Арсеньевой. Иначе как он мог быть выбран в крестные отцы дорогого и любимого новорожденного Миши Лермонтова? Выбор восприемника – ответственное решение, и наверняка он был сделан заранее и не без участия того же Василия Дмитриевича Арсеньева, надежного советчика Елизаветы Алексеевны. По крайней мере по возрасту Фома Васильевич Хотяинцев приближался больше к Елизавете Алексеевне Арсеньевой или был старше ее. Достойный, а главное, престарелый Ф. В. Хотяинцев подходил на роль крестного отца, так как не мог составить конкуренцию Елизавете Алексеевне в ее любви к внуку.

Тарханы

Точных сведений о том, когда именно Лермонтовы и Е. А. Арсеньева покинули Москву после рождения Михаила Юрьевича Лермонтова, нет. Первое упоминание о пребывании семьи Лермонтовых в Тарханах относится к весне 1815 года. В ведомостях Нижнеломовского духовного правления Чембарской округи села Яковлевского Тарханы тож Николаевской церкви о бывших в святую четырехдесятницу прихожанах у исповеди и святого причастия в 1815 году записано, что первое причастие у полугодовалого Миши Лермонтова принял молодой священник Алексей Левитский [157, с. 3]. На причастии также были: гвардии поручица Елизавета Алексеевна Арсеньева, сорока лет; ее зять корпуса капитан Юрий Петрович Лермонтов, двадцати восьми лет, и жена его Мария Михайловна, двадцати одного года. Вполне молодая сорокалетняя бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева с семейством. Бабушка

Тарханы. Усадьба Е. А. Арсеньевой, где прошло детство поэта

к тому же богатая, владевшая в Тарханах пятьюстами крепостных мужского пола и имевшая доход около 20 000 рублей в год [122, с. 25].



Елизавета Алексеевна Арсеньева, бабушка поэта

По молчаливому единодушному мнению лермонтоведов Юрий Петрович Лермонтов приехал жить в Тарханы на правах мужа богатой жены и зятя богатой тещи с тем, чтобы управлять имением на семейной основе. Никаких юридических документов, таких как акт приданого – рядная запись, которая выдается обыкновенно или на имя дочери, или на имя зятя, или на имя родителей его; обязательств, выдаваемых родителями по случаю замужества дочери [191, 192], не обнаружено. Картина взаимоотношений в семье Лермонтовых, в частности между Юрием Петровичем Лермонтовым и Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, была частично восстановлена уже после смерти поэта в результате кропотливых архивных поисков.

Юрий Петрович женился на Марии Михайловне по любви, как это следует из его завещания. Конечно, материальная сторона женитьбы на богатой наследнице его тоже привлекала. Но Лермонтов не осознавал, что в Тарханах у него будет не собственная семья с имущественными взаимоотношениями между супругами, а тройственный союз, который возглавит Елизавета Алексеевна. Наивно было полагать, что властная и многоопытная Елизавета Алексеевна отстранится от управления своим собственным имением. Мария Михайловна привыкла в имущественных вопросах полагаться на мать. Более того, Мария Михайловна имела в Тарханах только 16 крепостных душ – крестьян с землей, доставшихся ей после смерти отца Михаила Васильевича Арсеньева [149]. Этой собственностью могла располагать семья Лермонтовых в Тарханах. Всем остальным владела Елизавета Алексеевна. Юрию Петровичу могли жестко указать на его место в имении – муж дочери хозяйки Тархан Елизаветы Алексеевны Арсеньевой.

Первое многообещающее ожидание Юрия Петровича Лермонтова от женитьбы на богатой наследнице рассеялось у него через полгода пребывания в Тарханах. В августе 1815 года Елизавета Алексеевна оформляет официально зарегистрированное заемное письмо-вексель на уплату Лермонтову 25 000 рублей в течение года [193, с. 630]. Юрий Петрович Лермонтов, совладелец среднепоместного имения в Кропотове, не мог ссудить своей богатой теще такую большую сумму. Появление этого векселя, во-первых, свидетельствует, что в семье в Тарханах наметился имущественный конфликт: «Процессы между членами семьи об имуществе есть в большинстве случаев признак распадения ее» [194]. Во-вторых, это заемное письмо указывает на то, что при заключении брака Юрия Лермонтова с Марией Арсеньевой существовал договор – рядная запись. Можно предположить, что по договору Лермонтову было обещано выплатить 25 000 рублей, вероятно в качестве приданого Марии Михайловны [192]. Эти деньги могли быть отступными в награду Лермонтову за то, что он согласился жить в Тарханах и не разлучать мать и дочь.

Ключ к пониманию того, почему в заемном письме Арсеньевой фигурируют 25 000 рублей, обнаруживается в бумагах Арсеньевых, опубликованных в 1914 году Василием Сергеевичем Арсеньевым [195]. В 1825 году Арсеньевы по взаимному согласию разделили имение – всю собственность, доставшуюся им от родителей. В официальной бумаге специально оговорено, что Мария Михайловна, дочь умершего Михаила Васильевича Арсеньева, входила в число наследниц всего имения, подлежащего разделу (634 души, стоимость – 300 000 рублей). Но она получила от Арсеньевых денежную компенсацию по записи за свою долю имения. Есть косвенное свидетельство, что первый раздел имения происходил в 1811 году [149], вероятно для выделения доли наследства Марии Михайловне. На основании этих бумаг сумму наследства Марии Михайловны Арсеньевой можно оценить приблизительно в 25 000 рублей [195, с. 17]. Юрий Петрович Лермонтов при разделе имения Арсеньевых в 1825 году выступал в качестве доверенного лица генерал-майора Никиты Васильевича Арсеньева [195, с. 14–16]. Лермонтоведы почему-то умалчивали об этом важном моменте в биографии отца поэта. Этот факт свидетельствует, что все Арсеньевы уважали Лермонтова и доверяли ему. Юрий Петрович, вероятно, был в курсе и суммы наследства своей умершей жены, полученной ею в 1811 году при первом разделе имения Арсеньевых. Юридическая сторона этого вопроса удовлетворяла его, иначе он не мог быть приглашен доверенным лицом одного из участников раздела имущества в 1825 году.

В 1815 году Е. А. Арсеньева не хотела отдавать деньги зятю, возможно из-за назревавшего конфликта. Не отдала она их и через год: в книге записей Чембарского уездного суда по письму от 21 августа 1815 года отсутствует обычная в таких случаях пометка о погашении долга [193, с. 632].

О жизни в Тарханах и о взаимоотношениях их обитателей в период с осени 1815 года по 24 февраля 1817 года (день смерти Марии Михайловны Лермонтовой) известно очень мало. По крайней мере, весной 1816 года у исповеди и святого причастия в тарханской церкви Николая Чудотворца оба семейства присутствовали в полном составе [157, с. 1]. Некоторые подробности об обитателях Тархан можно узнать из 35 писем губернатора Пензенской губернии (1816–1819) М. М. Сперанского (1772–1839) к своему другу Аркадию Алексеевичу Столыпину, родному брату Елизаветы Алексеевны [122, с. 20; 196].

23 января 1817 года М. М. Сперанский писал, что Мария Михайловна опасно больна и мало надежды, а муж в отсутствии. 20 февраля М. М. Сперанский сообщает А. А. Столыпину: «Дочь Елизаветы Алексеевны без надежды, но еще дышит». А 27 февраля он извещает Столыпина: «Надеюсь, что настоящее мое письмо получите Вы в выздоровлении; и в сей надежде не колеблюсь сообщить Вам вести о племяннице вашей Лермантовой. Нить, на которой одной она столько времени висела, наконец, пресеклась. Наталья Алексеевна отправилась в деревню, и, вероятно, привезет сюда Елизавету Алексеевну».

Основываясь только на вышеизложенных фактах можно полагать, что осенью 1816 года Елизавета Алексеевна Арсеньева одна ездила в Пензу. То ли она хотела навестить своего престарелого отца, то ли найти доктора для плохо себя чувствовавшей Марии Михайловны. Вероятно, до нового 1817 года Елизавета Алексеевна вернулась в Тарханы. М. М. Сперанский ничего о ней не пишет до середины января 1817 года. В конце января Юрий Петрович отсутствовал в Тарханах. Наверное, когда он уезжал из Тархан, здоровье Марии Михайловны не было так безнадежно. Но к 20 февраля ее состояние уже резко ухудшилось. По всей вероятности, за ним послали, он вернулся в Тарханы за день до смерти Марии Михайловны.

Мария Михайловна Лермонтова, рожденная Арсеньева, скончалась 24 февраля 1817 года. Надпись на ее надгробной плите в Тарханах: «Под камнем сим лежит тело Марии Михайловны Лермонтовой, урожденной Арсеньевой, скончавшейся 1817 года, февраля 24 дня, в субботу. Житие ей было 21 год, 11 месяцев и 7 дней». Записей о смерти или погребении М. М. Лермонтовой в метрических книгах приходских церквей села Тарханы и Пензы не обнаружено.

Конфликт между Юрием Петровичем и Елизаветой Алексеевной усугубился сразу после смерти Марии Михайловны. Жить под одной крышей в Тарханах они уже не могли. Тогда Юрий Петрович имел полное законное право взять сына в свое имение в Кропотове. Бабушка, одинокая вдова с большим состоянием, естественно, не хотела расставаться с внуком, убеждая Юрия Петровича, что маленькому ребенку в два с половиной года необходима женская любовь, любовь бабушки, способной к тому же обеспечить внуку уход, комфорт и заботу. Можно себе представить, какими нелегкими были переговоры между отцом и бабушкой о дальнейшей судьбе маленького Миши Лермонтова. Но на стороне бабушки были несомненные преимущества – расчетливый ум и богатство. Елизавета Алексеевна нашла способ отвлечь внимание зятя от сына и на время усыпить его бдительность.

На следующий день после похорон дочери, 28 февраля 1817 года, безутешная мать Елизавета Алексеевна Арсеньева первым делом оформила новое заемное письмо на 25 000 рублей сроком на год [193, с. 631–632]. Из этого письма можно понять, что на похоронах Марии Михайловны присутствовали ее дяди, с отцовской и материнской стороны: Григорий Васильевич Арсеньев из усадьбы Васильевское и Афанасий Алексеевич Столыпин. Мы помним, что Арсеньевы из Васильевского доброжелательно относились к Юрию Петровичу, возможно, могли дать разумный совет в сложной ситуации с Елизаветой Алексеевной. Но самое главное, в письме вновь появляется сумма 25 000 рублей, точно такая же, как и в заемном письме от августа 1815 года, которую Елизавета Алексеевна взяла в долг и не отдала Юрию Петровичу Лермонтову. Вероятно, речь идет все о том же приданом Марии Михайловны Лермонтовой. Это приданое уже на протяжении двух лет было инструментом удерживания Лермонтова в зависимости от Арсеньевой. Теперь оно помогло ей достигнуть последней цели – оставить маленького внука Мишу при себе. Юрий Петрович Лермонтов на девятый день после смерти Марии Михайловны покинул Тарханы, оставив сына на попечение бабушки. К 1 мая 1819 года 25 000 рублей, причитавшиеся Юрию Петровичу Лермонтову в качестве приданого за Марией Михайловной и дважды прошедшие по закладным Арсеньевой, наконец были ему выплачены [193, с. 632].

Юный Мишель Лермонтов

Но ситуация с маленьким Мишей только этими финансовыми актами не была решена так, как того хотела Елизавета Алексеевна.

Об этом пишет А. А. Столыпину 5 июня 1817 года М. М. Сперанский: «…Лермантов требует к себе сына. Однако согласился оставить еще на два года. Странный и, говорят, худой человек». Этой фразой о Лермонтове «странный, и, говорят, худой человек» государственный муж и уважаемый в России человек М. М. Сперанский навеки повесил на Юрия Петровича Лермонтова несправедливый ярлык. Но требование отца вернуть сына настолько напугало Елизавету Алексеевну, что она прибегает к доступному ей жесткому финансовому давлению на зятя: никакого другого права взять внука на воспитание при живом правоспособном отце у Елизаветы Алексеевны не было.

10 июня 1817 года Елизавета Алексеевна Арсеньева пишет новое духовное завещание – изъявление своей воли, которое становится историческим. Именно это во многом определило будущую судьбу великого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Завещание Елизаветы Алексеевны Арсеньевой

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. 1817 года июня 10-го дня я, нижеподписавшаяся вдова гвардии поручица Елизавета Алексеевна дочь по муже Арсеньева, будучи в уме и совершенной памяти и пользуясь всеми всемилостивейше пожалованной российскому дворянству 1785 года апреля 21 дня грамотой 22 статьею, постановила твердым и непоколебимым сие духовное завещание в следующем: лишась я Арсеньева, мужа моего гвардии поручика Михайлы Васильевича Арсеньева, и законной дочери, прижитой в супружестве с ним, мужем моим, Марии Михайловны, на лицо коих учинено было мною духовное завещание прошлого 1807 года сентября в 30-й день и явлено в Пензенской губернии, в Чембарском уездном суде, по которому по смерти моей завещевала и из движимого и недвижимого имения моего, состоящего Пензенской губернии, Чембарского уезда, в селе Никольском, Яковлевское тож, дошедшего ко мне по купчей в 1794 году ноября в 13-й день, от действительного камергера и кавалера Ивана Александровича Нарышкина, половину – мужу моему, а другую половину – дочери моей. А как во власти Божией, лишась смертью мужа моего и единственную от нас в браке дочь Марию Михайловну (на лица коих то имение завещеваемо было), то с прекращением их жизни уничтожается вся сила той учиненной мною в 1807 году духовной. После дочери моей Марии Михайловны, которая была в замужестве за корпуса капитаном Юрием Петровичем Лермантовым, остался в малолетстве законный ее сын, а мой родной внук Михайло Юрьевич Лермантов, к которому по свойственным чувствам имею неограниченную любовь и привязанность как единственному предмету услаждения остатка дней моих и совершенного успокоения горестного моего положения; и желая его в сих юных годах воспитать при себе, и приготовить на службу Его Императорского Величества, и сохранить должную честь, свойственную званию дворянина, а потому ныне

сим вновь завещаю и предоставляю по смерти моей ему, родному внуку моему Михайле Юрьевичу Лермантову, принадлежащее мне вышеописанное движимое и недвижимое имение, состоящее Пензенской губернии, Чембарской округи, в селе Никольском, Яковлевское тож, по нынешней седьмой ревизии, мужского пола 496 душ с их женами, детьми обоего пола и с вновь рожденными, с пашнею и непашенною землею, с лесы, сенными покосы и со всеми угоди – словом, все то, что мне принадлежит и впредь принадлежать будет, с тем, однако, ежели оной внук мой будет по жизнь мою до времени совершеннолетнего его возраста находиться при мне, на моем воспитании, попечении, без всякого на то препятствия отца его, а моего зятя, равно и ближайших г. Лермонтова родственников, и коим от меня внука моего впредь не требовать до совершеннолетия его. Со стороны же своей я обеспечиваю отца и родственников в определении его, внука моего, на службу его императорского величества и содержании его в оной соответственно моему состоянию, ожидая, что попечения мои сохранят не только должное почтение, но и полное уважение к родителю его и к чести его фамилии; в случае же смерти моей я обнадеживаюсь дружбой моей в продолжение жизни моей, опытом мне доказанной, родным братом моим артиллерии штабс-капитаном и кавалером Афанасием Алексеевичем Столыпиным, коего и прошу до совершеннолетия означенного внука моего принять в свою опеку имение, мною сим завещаемое, а в случае его, брата моего, смерти прошу принять оную опеку другим братьям моим родным Столыпиным или родному зятю моему кригс-цалмейстеру Григорию Даниловичу Столыпину, в дружбе коих я не менее уверена; если же отец внука моего истребовает, чем, не скрывая чувств моих, нанесет мне величайшее оскорбление, то я, Арсеньева, все ныне завещаемое мной движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему Михайле Юрьевичу Лермонтову, но в род мой Столыпиных и тем самым отдаляю означенного внука моего от всякого участия в остающемся после смерти моей имении.

К сей духовной вдова гвардии поручица Елизавета Алексеевна, урожденная Столыпина, руку приложила, а что в лице сего листа, в осмой строке, по чищенному дворянству, тому верить. У сего завещания свидетели были, и руки приложили: тайный советник и кавалер Михайла Михайлов сын Сперанский, кригс-цалмейстер Григорий Данилов сын Столыпин, артиллерии штабс-капитан и кавалер Афанасий Алексеев сын Столыпин, майор Александр Андреев сын Халкионов, майор Семен Иванов сын Каменской. 1817 года июня 13-го дня. По указу Его Императорского Величества в пензенской палате гражданского суда по слушании поданного от вдовы гвардии поручицы Елизаветы Арсеньевой прошение, при котором представлено к засвидетельствованию сие завещание, определено: означенную завещательницу сего имения госпожу Арсеньеву в подтверждение духовного ее завещания при свидетелях допросить и на допросе сие завещание записав в книгу, выдать ей с распиской в оной. Вследствие чего она, Арсеньева, допрашивана, и допросом сие завещание утвердила по всей силе, почему сие завещание в книгу у крепостных дел под № 13 записано, и по принятии от госпожи Арсеньевой пошлин от записки 10, ей выдано июня 14-го дня 1817 года. Писал советник Васильев. Скрепил секретарь Петр Беляев. Справил надсмотрщик Михайла Попов. К сей записке вдова гвардии поручица Елизавета Алексеевна дочь по мужу Арсеньева руку приложила и духовное завещание к себе взяла того же числа» [193, с. 634–636].

Завещание Е. А. Арсеньевой – красноречивый документ и профессиональный образец волеизъявления богатой властной помещицы начала XIX века. Несомненно, что к его составлению приложил руку опытный законодатель и свидетель завещания Михаил Михайлович Сперанский. В завещании искусно подчеркнуты дворянские права и верноподданнические уверения несчастной вдовы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Она потеряла мужа и единственную дочь, от которой остался неограниченно ею любимый малолетний внук – «услада остатка дней», хотя она еще вовсе не стара, ей всего сорок четыре года. Для успокоения своего горестного положения она желает воспитывать внука при себе, подготовить на службу Его Императорскому Величеству и сохранить честь, свойственную званию дворянина, а потому Арсеньева завещает внуку все свое состояние. Однако бесконечная любовь бабушки к внуку имеет вполне реальные границы. Она распространяется на внука только в том случае, если отец ребенка Юрий Петрович Лермонтов и его лермонтовская родня не будут препятствовать и требовать внука до его совершеннолетия. Чтобы смягчить свое требование, Елизавета Алексеевна заверяет, что сохранит к фамилии зятя полное почтение. Но!.. Если отец ребенка, не дай бог, истребует сына, то, во-первых, нанесет Елизавете Алексеевне величайшее оскорбление и, во-вторых, в этом последнем случае она лишит неограниченно любимого внука какого-либо наследства.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в завещании нет и не могло быть по закону при живом и правоспособном отце волеизъявления Елизаветы Алексеевны по поводу того, что в случае ее смерти она назначает опекунов своему внуку Михаилу Лермонтову. В завещании написано, что в случае смерти Арсеньевой до совершеннолетия Михаила Юрьевича Лермонтова она просит принять опеку над имением, а не над самим внуком. Неправильное толкование этой фразы завещания привело к многочисленным версиям, усугубляющим властный характер Елизаветы Алексеевны Арсеньевой и слабый характер Юрия Петровича Лермонтова, позволившего назначить опекунов сыну.

Хотя о Юрии Петровиче Лермонтове в завещании нет прямо высказанного мнения, но между строк можно прочитать, что, по мнению Арсеньевой, кроме дворянской фамилии он ничего не мог дать сыну, чтобы воспитать его в чести, соответствующей званию дворянина. Для этого нужно большое состояние, которого у Лермонтова нет, а у Елизаветы Алексеевны оно есть. Кроме того, также звучит явное опасение Елизаветы Алексеевны, что отец может забрать у нее внука. Ни о каком совместном воспитании или об участии отца в воспитании сына речи в завещании нет. Елизавета Алексеевна намерена – имеет право – безраздельно заниматься воспитанием и образованием внука,

а если Юрий Петрович ей такого права не даст, то внук лишается наследства и вообще какой-либо поддержки со стороны богатой бабушки.

Несомненно, что волеизъявление Елизаветы Алексеевны Арсеньевой было доведено до сведения Юрия Петровича Лермонтова – а иначе зачем оно было написано? Вероятно, как и мы сегодня, он понял смысл написанного, о чем свидетельствуют строки из его завещания: «Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самою чувствительнейшую для себя потерею». Юрий Петрович также понимал, что у него нет достаточных средств, как у Елизаветы Алексеевны, чтобы дать сыну такое образование, какое могла дать Арсеньева: «Я вполне отдавал ей [бабушке] справедливость во всех благоразумных поступках ее в отношении твоего воспитания и образования и, к горести моей, должен был молчать, когда видел противное, дабы избежать неминуемого неудовольствия» [197, с. 395–397].

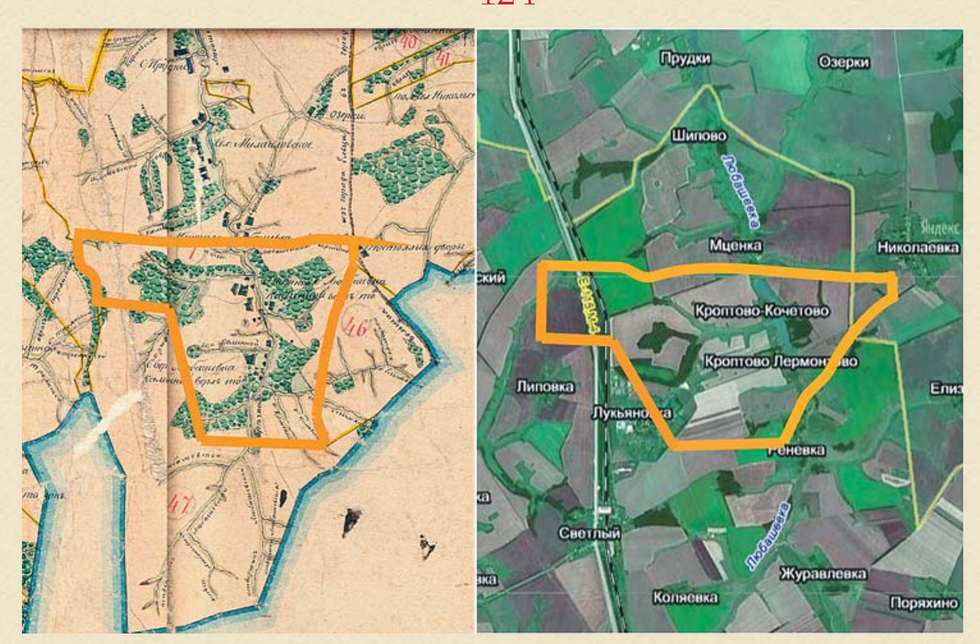
Юрий Петрович Лермонтов был вынужден отступить под напором властной богатой тещи и бабушки его сына. Вероятно, даже попытки найти компромисс в решении некоторых вопросов воспитания сына вызывали неминуемое неудовольствие Елизаветы Алексеевны. Нет точных сведений о посещениях Юрием Петровичем Тархан и его свиданиях с маленьким сыном. Внук Авдотьи Петровны, сестры Юрия Петровича, в 1898 году писал, что по воспоминаниям бывших дворовых Лермонтовых (им в 1898 году могло быть около 90 лет) «поэт был резвый, шаловливый мальчик, крепко любивший отца и всегда горько плакавший при отъезде обратно к бабушке» [197, с. 393]. Об этом можно прочитать в многочисленной литературе, посвященной биографии поэта.

Дальнейшая жизнь Юрия Петровича Лермонтова вообще не освещена в литературе. Есть лишь немногочисленные факты, позволяющие кое-что узнать о его судьбе.

В 1817 году Юрий Петрович Лермонтов удалился жить в свое имение Кропотово. В это время была жива мать Юрия Петровича Анна Васильевна Лермонтова, урожденная Рыкачева, и четыре сестры: Авдотья (1779), Наталья (1782), Александра (1783) и Елена (1795). Авдотья Петровна Лермонтова была замужем за Антоном Ивановичем Пожогиным-Отрашкевичем, вероятно, с 1813 или 1814 года. Ее старший сын Михаил был ровесником Мише Лермонтову. В 1817 году остальные сестры были девицам. Елена в 1836–1837 годах вышла замуж за тульского губернского чиновника Петра Васильевича Виолева (1801–1855). Из завещания Юрия Петровича понятно, что он нежно любил своих родных, они были для него большой поддержкой: «...Тебе, любезный сын мой, известно, какие нежные узы родства и дружбы связывают меня с моим семейством и сколько сия дружба усладила горестные дни моей жизни» [197, с. 395–397].

Несмотря на сложные отношения с зятем, Елизавета Алексеевна Арсеньева, вероятно, поддерживала отношения с Лермонтовыми из Кропотово. Так, Николай Алексеевич Корсаков (1823–1890), историк и литератор, записал воспоминания Михаила Антоновича Пожогина-Отрашкевича, двоюродного брата Миши Лермонтова, в которых тот сообщал, что шести лет, то есть в 1820 году, он был взят в дом Елизаветы Алексеевны в Тарханы и провел там около пяти лет. В 1825 году даже путешествовал на Кавказ со всеми родственниками Столыпиными. С Мишей Лермонтовым была дружна и сестра Михаила Антоновича. В письме к А. А. Бильдерлингу в 1883 году Клеопатра Матвеевна Цехановская, дочь сестры Михаила Антоновича Пожогина-Отрашкевича Анны Антоновны, в замужестве Цехановской, сообщает, что Анна Антоновна была «очень дружна с поэтом, и с юности до самой его смерти они оставались большими друзьями» [198]. Вероятно, и их мать Авдотья Петровна была знакома с Лермонтовым и с Арсеньевой, бывала в Тарханах. В 1825 году Мишу Пожогина-Отрашкевича забирал из Тархан его дядя, Юрий Петрович, и отвез в Москву для поступления в кадетский корпус. Это еще один небольшой штрих к заботливым отношениям в семье Лермонтовых [199].

Юрий Петрович Лермонтов не вел замкнутый образ жизни в имении Кропотово. В 1822 году он, вероятно, довольно продолжительное время жил в Москве. Он приехал в Москву с сестрой Еленой и с А. П. Пожогиным-Отрашкевичем, мужем сестры Авдотьи Петровны. Все они жили в доме В. М. Лаухиной на Поварской и исповедовались в церкви Ржевской иконы Божией Матери, как следует из исповедной ведомости 1822 года [195, с. 26; 200, с. 45]. В 1828 году Елизавета Алексеевна Арсеньева с внуком Мишей Лермонтовым также недолгое время жила в доме В. М. Лаухиной на Поварской. Впоследствии, переселившись в дом на Малой Молчановке, Арсеньева и Миша Лермонтов оставались прихожанами церкви Ржевской Божией Матери на Поварской вплоть до 1831 года. В 1822 году Юрий Петрович и Елена Петровна Лермонтова записаны членами российского Благородного собрания. Среди членов Благородного собрания на тот год записаны: Дмитрий Николаевич Арсеньев, Александр Александрович Арсеньев и братья Елизаветы Алексеевны Арсеньевой – Аркадий, Дмитрий, Николай и Афанасий Столыпины [200, с. 52]. В конце 1825 года Юрий Петрович выезжал в Елец, где в уездном суде решался вопрос о разделе имений Арсеньевых. В 1827 году, накануне поездки в Москву для подготовки и поступления в Московский университетский благородный пансион (1779–1830), закрытое учебное заведение для мальчиков из знатных дворянских семей, Михаил Юрьевич Лермонтов провел лето в ефремовском поместье отца в Кропотове. Об этом примечательном событии в жизни отца и сына, а также всего семейства Лермонтовых писал сам Михаил Юрьевич в 1829 году в приписке к стихотворению «К гению»: «Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году, где во второй раз полюбил двенадцати лет – и поныне люблю» [201]. В Кропотове Михаил Юрьевич был окружен вниманием и любовью отца, теток, двоюродных братьев и сестры – самых близких ему людей. Там он окунулся в обстановку дворянской семьи с традициями, уходящими в далекое прошлое Лермонтовых Галичского уезда. В семье сохранился старинный образ Тихвинской Божьей Матери, на чеканной серебряной ризе которого было вырезано: «Села Измайлова Юрия Петровича Лермонтова», прадеда поэта, бывшего когда-то сибирским вое-



Слева – воссозданные приблизительные границы владения Юрия Петровича Лермонтова на карте межевания Ефремовского уезда. Справа – восстановленные границы владения Юрия Петровича Лермонтова, нанесенные на современную карту Становлянского района Липецкой области

водой. На стенах красовались портреты прадеда и деда Лермонтова. В Кропотове Юрий Петрович бережно хранил память о своей рано умершейсупруге Марии Михайловне – ее большой поясной портрет. «У отца с сыном существовали особые отношения: это были истинные друзья, в самом сильном значении этого слова» [197, с. 395–397]. Привилегия друзей – возможность беседовать по душам, тем более вся обстановка в Кропотове располагала к беседам об истории семьи и о трудных взаимоотношениях отца с бабушкой Арсеньевой из имения Тарханы.

В 1827 году, когда дворянские усадьбы были на пике развития, Михаил Юрьевич Лермонтов застал имение отца в цветущем состоянии. Зная площадь имения Лермонтовых, приблизительно 1467,4 га [114, с. 222], можно ретроспективно представить, что все имение в 1830-х годах находилось по обе стороны реки Любашевки и включало земли, которые на карте межевания 1790-х годов обозначены как «Нижняя и Верхняя Любашевка, Каменный Верх тож». На севере граница лермонтовских владений проходила в районе Любашевской вершины, приблизительно там, где на современной карте находится деревня Мценка. На юге граница имения доходила почти до современной деревни Реневка.

Описания имения Лермонтовых авторами книг и статей конца XX века относятся не ко всему бывшему поместью Лермонтовых, а только к усадьбе, которая занимала приблизительно пять десятин. Эти зари-

Центральная аллея парка бывшего лермонтовского имения Кропотово – Любашевка. Фотография любезно предоставлена лермонтовским школьным музеем в деревне Лукьяновка

совки являются скорее художественно умозрительными, чем документально обоснованными, за исключением геодезической съемки елецкого архитектора В. П. Горлова [202, 203] самой усадьбы и дома Лермонтовых. Однако впечатления краеведов и литераторов, посетивших земли бывшего родового гнезда Лермонтовых на Тульской земле, представляют огромную ценность для понимания уклада жизни семьи поэта, которую Михаил Юрьевич, к сожалению, навещал только изредка.

Кропотово – Любашевка

«Земли Кропотова простирались вдоль реки Любашевки, были вытянуты от речки с севера на юго-запад в сторону села Лукьяновка и на юг – в сторону Бабарыкина. Усадьба, занимавшая около пяти десятин, стояла на высоком берегу реки. Когда смотришь на усадьбу с берега речки Любашевки, протекающей у ее подножия, то она видна как на ладони. Здесь, перед самым домом и садом, был пруд. Отсюда открывается панорама на деревню, усадьбу, на уходящие в сторону Бабарыкина поля, оканчивающиеся лесом. А по двум другим сторонам эту небольшую усадьбу вместе с крестьянскими избами, построенными по склону реки Любашевки, окаймляют два суходольных оврага: один – с юга, другой – с севера. При Лермонтовых здесь были рыбные пруды» [122]. Усадьба Кропотово была

Дом Лермонтовых в Кропотове [122, с. 131].
Фотография А. К. Федорова, 1927

спланирована по образцу регулярной планировки XVIII века. Она располагалась на обращенном к востоку склоне балки, по дну которой течет впадающая в Красную Мечу речушка Любашевка, берущая здесь свое начало. Центральная аллея парка представляла дорогу, спускающуюся к мосту через Любашевку, затем подымавшуюся по восточному склону балки в направлении старой московской дороги.

У дома, являвшегося композиционным центром ансамбля, аллея расходилась полукругом. На фотографии 1927 года на фасаде дома девять окон.

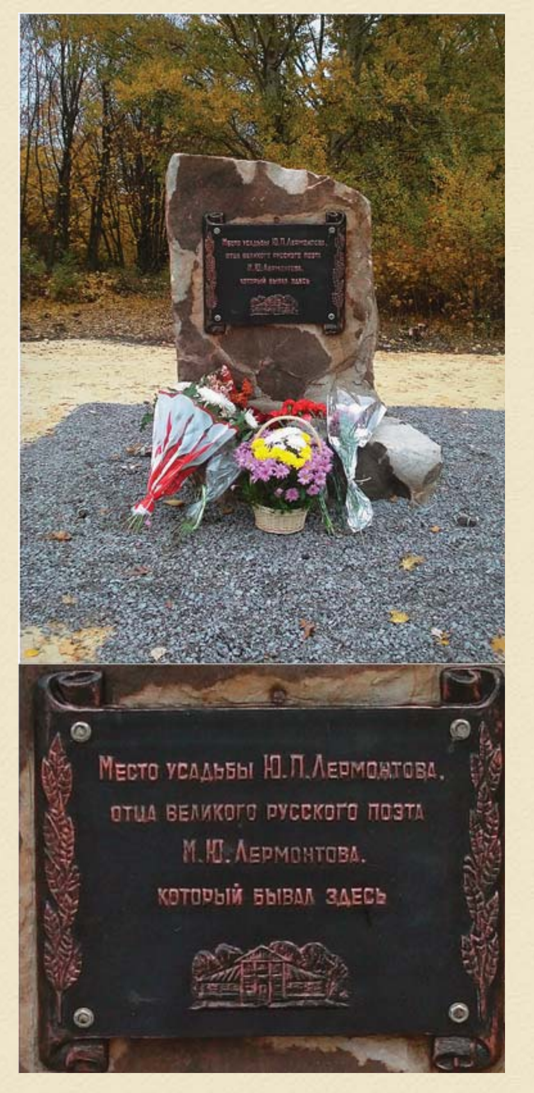
Дом одноэтажный, мезонин разобран при перестройке. Размеры здания в плане, по замерам сохранившихся признаков, – 20 х 30,5 = 610 кв. м. По сохранившимся описаниям и свидетельствам старожилов реконструирована внутренняя планировка дома: восемь комнат в первом и четыре во втором этаже. Надпись на фотографии, хранящейся в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге: «Крайнее правое окно, по преданию, комната Михаила Юрьевича Лермонтова, рядом два окна – спальня Юрия Петровича, комната с балконом – гостиная, три окна с левой стороны – зал. В другой стороне дома, через коридор, – столовая и две комнаты сестер Юрия Петровича. Реконструированы на основании геодезической съемки расположения и размеры хозяйственных помещений. Справа и слева от дома располагались погреб и ледник; чуть поодаль, слева, – людская кухня с ткацкой, в глубине двора – конюшня с каретным сараем, амбар, людская изба и скотный двор. На краю поля, рядом с усадьбой – рига. Для постройки погреба и ледника был использован местный камень – песчаник моренного происхождения. Дом и остальные постройки были деревянными, рублеными» [202, 203].

Вырыпаев совершенно справедливо отмечает, что собственно усадьба Лермонтовых была спланирована по образцу регулярной планировки конца XVIII века [204, 205]. План усадьбы по меркам того времени свидетельствовал о большом вкусе хозяев: главный дом располагался на естественной

возвышенности, к нему торжественно поднималась от реки тенистая, обсаженная вековыми деревьями главная аллея и окаймляла полукругом главный дом и пруд перед домом. За домом раскинулись старые и вновь насаженные сады и примыкающий к ним парк как часть живописного ландшафта. Без сомнения, перед домом был цветник и кусты сирени, которые постоянно присутствуют в описаниях среднерусских дворянских усадеб. Да и главный рубленый деревянный двухэтажный дом (вероятно, из дуба или сосны) также представлял типичный образец классицизма конца XVIII века. Даже на фотографии 1927 года, где дом уже перестроен и лишен второго этажа, или мезонина, видно, что в его архитектуре соблюдены все требования русского классицизма: главный фасад имел трехчастное и строго симметричное деление, четырехколонный портик под треугольным фронтоном создавал доминирующий акцент в центре. «Стиль украшений как на стенах, так и на колоннах и на фронтоне балкона старинный и выдержан в одном тоне. В углах фронтона уцелела старинная резьба в виде деревянных стрел, расходящихся веером из углов» [206]. И хотя не сохранились описания внутреннего убранства дома, можно представить, что он хранил традиционные черты родового дворянского гнезда, олицетворением которого были портреты нескольких поколений предков Лермонтовых, портрет отца и матери Михаила Юрьевича Лермонтова. Хозяйственные постройки завершали картину усадьбы. Вторая половина XVIII – начало XIX веков – период наивысшего расцвета и подъема русской усадьбы. Даже главная аллея во времена Лермонтовых была шире, около 20 метров, а к 1926 году сузилась до шести метров и была обсажена 20–30-летними тополями, за которыми виднелись пни 100-летних тополей [207]. Усадьба Лермонтовых Кропотово, конечно, была не так богато и изысканно украшена, как усадьбы знатных вельмож того времени, но она была вполне достойным образцом провинциальных усадеб своего времени.

Описания усадьбы Кропотово и окрестных местностей нашим замечательным русским писателем Иваном Алексеевичем Буниным относятся к концу XIX века. Наполненные любовью к русской природе, но и тоской по затухающей жизни русской усадьбы средней полосы, щемящие строки поэтической прозы И. А. Бунина усиливают представления о человеческой трагедии отца и его необыкновенно талантливого сына, происходившей в этих краях и в стенах усадьбы древнего дворянского рода.

«Перед нами был выгон, за выгоном – давно необитаемая мелкопоместная усадьба, которую красил немного только сад, неподвижно поднимавший в бледно-голубом небосклоне, за небольшим старым домом, свои черные верхушки. Я сидел и, как всегда, когда попадал в Кроптовку, смотрел и думал: да ужели это правда, что вот в этом самом доме бывал в детстве Лермонтов, что почти всю жизнь прожил тут его родной отец? ...Да, вот Кроптовка, этот забытый дом, на который я никогда не могу смотреть без каких-то бесконечно грустных и неизъяснимых чувств... Вот бедная колыбель его, наша общая с ним, вот его начальные дни, когда так же смутно, как и у меня некогда, томилась его младенческая душа, «желанием



Мемориальный знак на месте усадьбы Лермонтовых, установленный по инициативе клуба «Парус» школы № 61 г. Липецка. Автор проекта – художник Т. Бербаш, 2012

чудным полна», и первые стихи, столь же, как и мои, беспомощные... А потом что? А потом вдруг «Демон», «Мцыри», «Тамань», «Парус», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...» Как связать с этой Кроптовкой все то, что есть Лермонтов? Я подумал: «Что такое Лермонтов?» – и увидел сперва два тома его сочинений, увидел его портрет – странное молодое лицо с неподвижными темными глазами, потом стал видеть стихотворение за стихотворением и не только внешнюю форму их, но и картины, с ними связанные, то есть то, что и казалось мне земными днями Лермонтова: снежную вершину Казбека, Дарьяльское ущелье, ту, неведомую мне, светлую долину Грузии, где шумят, «обнявшись, точно две сестры, струи Арагвы и Куры», облачную ночь и хижину в Тамани, дымную морскую синеву, в которой чуть белеет вдали парус, молодую ярко-зеленую чинару у какого-то уже совсем сказочного Черного моря... Какая жизнь, какая судьба! Всего двадцать семь лет, но каких бесконечно богатых и прекрасных, вплоть до самого последнего дня, до того темного вечера на глухой дороге у подошвы Машука, когда, как из пушки, грянул из огромного старинного пистолета выстрел какого-то Мартынова и «Лермонтов упал, как будто подкошенный...» Я подумал все это с такой остротой чувств и воображения, и у меня вдруг занялось сердце таким восторгом и завистью...» [208]

Имение Кропотово даже в свое благополучное время не давало Лермонтовым дохода, соответствующего потребностям четырех взрослых людей дворянского происхождения (Юрий Петрович и его сестры: Александра, Наталья, Елена Лермонтовы). В 1828 году в результате совместного решения имение пришлось заложить в московском Опекунском совете.

Но еще до заклада имения было продано 200 десятин земли [114, с. 222]. Вероятно, зимой 1828 года Юрию Петровичу Лермонтову пришлось некоторое время быть в Москве, как того требовали дела в Опекунском совете. Михаил Юрьевич с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой в это время уже жили в Москве. Вероятно, что отец и сын часто виделись. В 1828 году Юрий Петрович приезжал в Москву после 20 декабря, как следует из письма Миши Лермонтова Марии Акимовне Шан-Герей: «Милая тетенька! ...Папенька сюда приехал, и вот уже две картины извлечены из моего portefeuille, слава Богу, что такими любезными мне руками!..» [209]. В письме Лермонтов посылает Марии Акимовне свое стихотворение «Поэт» («Когда Рафаэль вдохновенный...»), которое, наверное, показывал и отцу. В первых числах февраля 1829 года Юрий Петрович вносит в московский Опекунский совет плату по займу 1828 года (2240 рублей). Можно полагать, что с конца декабря 1828 года и до февраля 1829 года Юрий Петрович Лермонтов жил в Москве и часто виделся с сыном.

5 марта 1829 года Юрий Петрович подает прошение в тульское Дворянское депутатское собрание о занесении его в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии. Дата подачи прошения логически приводит к мысли о том, что в конце 1828 и начале 1829 года, когда Юрий Петрович был в Москве, велись разговоры с Мишелем и с Елизаветой Алексеевной о продолжении образования Михаила Юрьевича. Для поступления, например, в Московский университет к прошению требовалось прилагать свидетельство о происхождении из губернского депутатского собрания. Лермонтовы, перебравшись в 1791 году из Костромской в Тульскую губернию, не оформили запись в дворянской родословной книге Тульской губернии. Более того, как сообщает Юрий Петрович Лермонтов в прошении на имя государя в январе 1829 года, он не имел на руках подлинников для доказательства дворянства. В связи с этим он подал 11 января 1829 года прошение в вотчинный департамент для получения выписки, подтверждающей его природное дворянство. К этому прошению Юрий Петрович прилагал поколенную роспись рода Лермонтовых:

Юрий ► Петр ► Евтихий ► Петр ► Юрий ► Петр ►
Юрий (проситель) ► Михайло (поэт).

10 марта 1829 года Юрий Петрович получил Грамоту Тульской губернии, в которой, в частности, говорилось, что он и его род, т. е. его сын Михайло Лермонтов, внесены в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии, в шестую ее часть [195, с. 3–10; 112, с. 469].

В следующий приезд по делам опеки имения Юрий Петрович провел в Москве около месяца. Он вновь виделся с сыном, по крайней мере 18 января 1830 года. Юрий Петрович и Михаил Юрьевич Лермонтовы записаны в визитерской книге российского Благородного собрания [210, с. 75]. В марте 1830 года Московский университетский благородный пансион посетил Николай I. Государь был крайне недоволен содержанием студентов и их поведением. В результате этого посещения 29 марта 1830 года вышел высочайший указ о преобразовании благородных пансионов в Москве

Грамота Тульской губерніи.

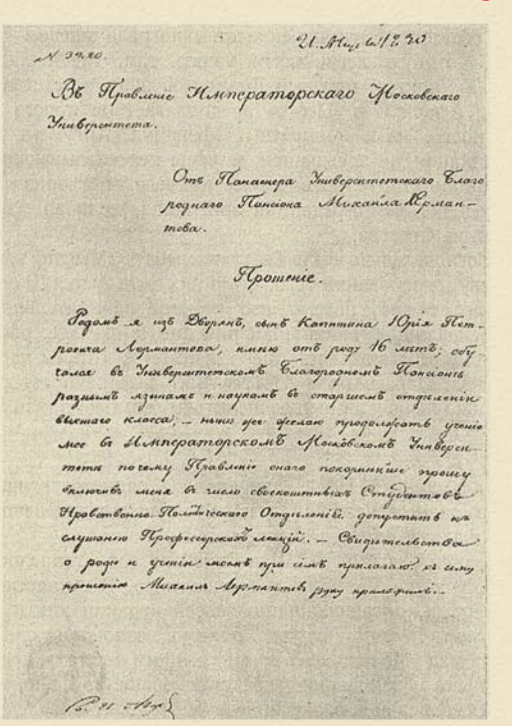
Отъ Губернскаго Предводителя Дворянства и Уѣздныхъ Дворянскихъ Депутатовъ собранныхъ для составленія Дворянской Родословной книги данная Дворянину Капитану Юрію Петрову Лермантову.

Разсмотрѣвъ на основаніи ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ въ 1785 году Апрѣля 21-го дня пожалованной, и 1801 года Апрѣля 2-го числа ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной Россійскому Дворянству Грамоты, предъявленныя отъ него Г-на Лермантова, о дворянскомъ его достоинствѣ доказательства признанныя согласными съ предписанными на то правилами, вслѣдствіе коихъ, по силѣ 82-й статьи объявленной Грамоты, онъ и родъ внесенъ въ дворянскую родословную Тульской губерніи книгу въ 6-ю ея часть; во свидѣтельство чего мы Губернскій Предводитель и Депутаты воисполненіе ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія, дали ему сію грамоту за подписаніемъ нашимъ утвердивъ оную печатью Дворянскаго Собранія Тульской губерніи Марта 10-го дня 1829 года.

На подлинной грамотѣ подписано тако: правящій должность Губернскаго Тульскій Предводитель Дворянства Саковнинъ. Уѣздные Депутаты: Веневскій Поручикъ Григорій Хрущовъ, Чернскій Лейбъ-Гвардіи Поручикъ Мещериновъ, Бѣлевскій Артиллеріи подпоручикъ Яновъ, Богородицкій Корнетъ и Кавалеръ Чулковъ, Каширскій Маіоръ и Кавалеръ Хотяинцевъ, Алексинскій 14-го класса Анферовъ, Епифанскій Андреянъ Левшинъ, Крапивенскій Ротмистръ и Кавалеръ Григорій Ивашкинъ, Новосильскій Поручикъ Иринархъ Алексѣевъ, Ефремовскій Прапорщикъ Игнатьевъ, скрѣпилъ Дворянства Секретарь и Кавалеръ Александръ Федоровъ и приложена печать.

Дворянская грамота Юрия Петровича Лермонтова о внесении его самого и его рода в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии

и Санкт-Петербурге в гимназии. Того же 29 марта 1830 года состоялся выпуск воспитанников пансиона и торжественное собрание. Среди выпускников первым был отмечен «Михайла Лермантов». 21 августа 1830 года Лермонтов подает прошение о принятии его в Московский университет.


№ 3420.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

Отъ Пансионера Университетскаго Благороднаго Пансіона Михаила Лерманова.

Прошеніе.

Родомъ я изъ Дворянъ, сынъ Капитана Юрія Петровича Лермантова, имѣю отъ роду 16 лѣтъ; обучался въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ разнымъ языкамъ и наукамъ въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса; — нынѣ же желаю продолжать ученіе мое въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ почему Правленіе оного покорнѣйше прошу включить меня въ число своекоштныхъ Студентовъ Нравственно-Политическаго Отдѣленія, допустить къ слушанію Профессорскихъ лекцій. — Свидѣтельство о родѣ и ученіи моемъ при семъ прилагаю. Къ сему прошенію Михаилъ Лермантовъ руку приложилъ.

Прошение М. Ю. Лермонтова о принятии его в Московский университет [80, с. 43]

В последних строках прошения Лермонтов пишет: «Свидетельство о роде и учении моем при сем прилагаю». Казалось бы, что свидетельством о роде должна быть выписка из Дворянской книги Тульской губернии, куда был занесен род Лермонтовых в марте 1829 года. Однако, по утверждению П. А. Висковатого, в архиве Московского университета среди документов в деле № 43 1830 года о принятии в студенты Михайлы Лермантова такого документа не обнаружено [211; 168, с. 159].

Что же могло случиться в 1830 году, если Михаил Юрьевич Лермонтов имел свидетельство о принадлежности к дворянству Тульской губернии, полученное его отцом в 1829 году, но не представил его при поступлении в университет? За отсутствием архивных свидетельств можно предложить версию, основанную на косвенных фактах. Вспомним, что в завещании Арсеньевой говорилось о воспитании внука до совершеннолетия, до шестнадцати лет. В октябре 1830 года Мишелю Лермонтову исполнялось 16 лет. Между бабушкой и отцом поэта по достижении его совершеннолетия могли возникнуть новые серьезные разногласия. И вероятно, они возникли. Именно в 1830 году юноша Лермонтов написал драму «Menschen und Leidenschaften», или «Люди и страсти». Михаил Юрьевич, проживая постоянно с бабушкой, просто не имел возможности воспользоваться своим свидетельством о дворянском происхождении из-за конфликта между отцом и бабушкой.

По мнению большинства лермонтоведов, драма «Люди и страсти» – отражение глубоких личных переживаний Лермонтова по поводу конфликта между отцом и бабушкой, произведение почти автобиографическое. Лермонтов не мог бы точно описать детали этого конфликта, если бы не знал содержания завещания Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. В 1831 году Юрий Петрович Лермонтов в своем духовном завещании довольно конкретно подтверждает эту мысль: «Тебе известны причины моей с тобой разлуки». «В драме с немецким заглавием «Menschen und Leidenschaften» описан раздор между его отцом и бабушкой. Арсеньева, имея возможность тратить на внука «по четыре тысячи в год на обучение разным языкам», взяла его к себе – с уговором воспитывать его до 16 лет и во всем советоваться с отцом. Последнее условие не выполнялось; даже свидания отца

с сыном встречали непреодолимые препятствия со стороны Арсеньевой. Ребенок с самого начала должен был сознавать противоестественность этого положения [30, ст. «Михаил Юрьевич Лермонтов»].

В 1830 году, понимая, что наступает время рассказать Мише Лермонтову, в чем суть сложных взаимоотношений, Юрий Петрович и Елизавета Алексеевна могли независимо друг от друга показать Лермонтову завещание Арсеньевой и прокомментировать с позиции, соответствующей жизненным принципам каждого из них. Молодой и пылкий поэт, судя по содержанию драмы «Люди и страсти», принял сторону униженного и оскорбленного отца. Если бабушка знала о содержании драмы, о переживаниях внука, то вину за нелицеприятное отношение внука к себе и к своим заботам о нем Елизавета Алексеевна могла вполне возложить на ненавистного ей зятя Юрия Петровича Лермонтова – якобы это он внушил сыну непочтение к бабушке.

Усугубление конфликта, а возможно, и разрыв отношений между Елизаветой Алексеевной и Юрием Петровичем могли привести к тому, что Арсеньева решила избежать обращения к зятю по поводу означенного документа, свидетельствующего о принадлежности Миши Лермонтова к дворянству Тульской губернии. Забегая вперед, заметим, что в мае 1832 года – уже после смерти Юрия Петровича Лермонтова – Михаилу Юрьевичу понадобился документ о его дворянском происхождении для поступления в юнкерскую школу в Петербурге. Но в Тульское дворянское депутатское собрание обращалась не Елизавета Алексеевна Арсеньева, а Григорий Васильевич Арсеньев – родной брат деда Михаила Юрьевича по линии его матери [195, с. 11]. Как мы видели выше, Григорий Васильевич Арсеньев вполне уважительно относился к отцу поэта. Впоследствии, в 1836 году, именно он был доверенным лицом Лермонтова при разделе унаследованного Михаилом Юрьевичем имения Кропотово – Любашевка.

В конце 1830 года в дополнение к удручающему конфликту с Елизаветой Алексеевной, очевидно, у Юрия Петровича появились проблемы со здоровьем – 28 января 1831 года он написал духовное завещание, обращенное к сыну. Вероятно, Юрий Петрович был последний раз в Москве в апреле 1831 года, чтобы уплатить очередной взнос по заложенному имению. В это же время Лермонтов обратился в опекунский совет с прошением переложить свой заем на 37 лет, так как с 1 января 1830 года поменялись правила о ссудах и сроках их погашения. Прошение было удовлетворено без проблем: Лермонтовы аккуратно и в срок выплачивали суммы по залогу 1828 года. 29 июня 1831 года Юрий Петрович собственноручно внес поправки в свое духовное завещание «по случаю перемены в капитале».

Духовное завещание Юрия Петровича Лермонтова, отца поэта, приведено полностью. Внучатый племянник Юрия Петровича В. М. Цехановский довольно точно охарактеризовал этот документ: «Духовное завещание Юрия Петровича Лермонтова сыну-поэту – глубоко прочувственное отеческое наставление, изложенное для того времени прекрасным языком. Это – посмертное благословление сыну отца, истого христианина, не помнящего зла. Оно отчасти проливает свет на отношение завещателя к матери его жены Марии Михайловны, урожденной Арсеньевой, к бабушке поэта, воспитавшей его» [197, с. 393–397].

Завещание Юрия Петровича Лермонтова

«Во имя Бога Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

По благости Милосердного Бога, находясь в совершенном здравии души и тела, нашел я за нужное написать сие мое родительское наставление и вместе завещание тебе, дражайший сын мой Михаил, и, как наследнику небольшого моего имущества, объявить мою непременную волю, которую выполнить в точности прошу и заклинаю тебя, как отец и как христианин, будучи твердо уверен, что за невыполнение оной ты будешь судиться со мною перед лицом Праведного Бога. Итак, благословляю тебя, любезнейший сын мой, именем Господа нашего Иисуса Христа, которого молю со всею теплою верою нежного отца, да будет Он милосерден к тебе, да осенит тебя Духом Своим Святым и наставит тебя на путь правый: шествуя им, ты найдешь возможное блаженство для человека. Хотя ты еще и в юных летах, но я вижу, что ты одарен способностями ума. Не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это т а л а н т, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу! Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце, не ожесточай его даже и самою несправедливостью и неблагодарностью людей, ибо с ожесточением ты сам впадешь в презираемые тобой пороки. Верь, что истинная, нелицемерная любовь к Богу и ближнему есть единственное средство жить и умереть покойно. Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание, которое я мог замечать, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобой. Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самою чувствительнейшею для себя потерею, и Бог вознаградил меня, ибо вижу, что я в сердце и уважении твоем ко мне ничего не потерял. Прошу тебя, уверь свою бабушку, что я вполне отдавал ей справедливость во всех благоразумных поступках ее в отношении твоего воспитания и образования, к горести моей должен был молчать, когда видел противное, дабы избежать неминуемого неудовольствия. Скажи ей, что несправедливости ее ко мне я всегда чувствовал очень сильно и сожалел о ее заблуждении, ибо явно она полагала видеть во мне своего врага, тогда как я был готов любить ее всем сердцем, как мать обожаемой мною женщины!.. Но Бог да простит ей сие заблуждение, как я ей его прощаю!

Наконец, тебе, любезнейший сын мой, известно, какие нежные узы родства и дружбы связывали меня с моим семейством и сколько сия дружба услаждала горестные дни моей жизни, и так за сию-то любовь и за сии жертвы вправе я требовать от тебя, как преемника сердца и души моей, продолжить и за гробом мою любовь и нежное о них попечение, которые

я имел во всю жизнь мою. А потому для законного и справедливого дележа не разделенного еще между мною и тремя сестрами моими имения долгом почитаю объяснить теперь тебе мою волю, а именно: сельцо Любашевка (Кропотово тож) составляет все наше недвижимое имение, в коем считается по 7-й ревизии 159 мужского пола душ; из числа сих душ по четверо мужского пола дворовых людей отделены еще покойной матерью моею каждой сестре и числятся за ними по ревизии, следовательно, остается 147 душ. Сие число должно быть разделено пополам между тобою, любезнейший сын мой, и тремя сестрами моими: Александрою, Натальей и Еленою, которые между собой разделят в равной части; движимость, находящаяся в доме, должна быть отдана трем упомянутым сестрам. Предоставить им право жить по смерти их в сем доме и быть опекуншами или попечительницами. Имение сие заложено в опекунском совете, и потому долг ляжет на число доставшихся каждому душ. Кроме сего еще имеется на мне партикулярного долга три тысячи пятьсот рублей, а именно капитанше Дарье Васильевне Скерлетовой (урожденной Арсеньевой. – *Прим. авт.*) – две тысячи рублей и надворной советнице Демидовой (вероятно, родственница жены Александра Васильевича Арсеньева – *Прим. авт.*) тысяча пятьсот рублей, которые и прошу заплатить из имеющихся двенадцати тысяч рублей в долгах по заемным письмам на господина чиновника 7-го класса Луку Алексеевича Левшина – пять тысяч рублей и Авдотье Евгеньевне Боборыкиной – пять тысяч рублей и на девицах Екатерине и Елизавете Кошкиных – две тысячи рублей. (Зачеркнуто; инженер-капитанше Марии Васильевне Боборыкиной – шесть тысяч рублей). Из остальных же за уплатою моего долга восьми тысяч пятисот рублей определяю четырем сестрам моим, полагая в том числе и замужнюю Авдотью Петровну Пожогину-Отрашкевич, каждой по две тысячи рублей ассигнациями. А остальные [слово зачеркнуто] пятьсот рублей – отпущенному на волю сестрою моей Александрою малолетнему Александру, по крестному отцу Петрову. Если же до смерти моей в сем капитале произойдет убыток, то, оставя последний пункт в полторы тысячи в своем виде, остальные деньги разделить по равной части между упомянутыми четырьмя моими сестрами, а сему младенцу Александру испрашиваю твоего покровительства.

Выполнением в точности сего завещания моего, дражайший сын мой, ты успокоишь дух отца твоего, который в вечности благословлять и молить за тебя у престола Всевышнего будет. Сего 1831 года января 28-го дня.

Отец твой, Юрий Петрович Лермонтов.

P. S. Поправка и вычерк сделаны собственною моею рукою по случаю перемены в капитале. Сего июня 29-го дня 1831 года Юрий Лермонтов».

Духовное завещание Юрия Петровича Лермонтова шестнадцатилетнему сыну Михаилу Юрьевичу привлекает внимание прежде всего как послание православного, глубоко верующего образованного русского человека, для которого духовные ценности доминируют в его последнем прощальном обращении к сыну.

Главное, о чем отец наставляет юного сына-поэта: ты одарен талантом, не растрачивай его. Юрий Петрович был одним из первых, кто усмотрел не просто способности, а именно поэтический талант у совсем еще юного сына. ***«Хотя ты еще и в юных летах, но я вижу, что ты одарен способностями ума. Не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это т а л а н т, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу!»*** Эти пророческие и философские строки не могли принадлежать перу никчемного человека», каким, как правило, предстает образ Юрия Петровича. Смысл этих строк может быть обращен к каждому из нас: если ты одарен способностями ума, а они есть у каждого, не пренебрегай ими, а всего более страшись употреблять их на что-то вредное и бесполезное. Человек непросвещенный вряд ли мог быть столь проницательным.

Однако прозорливость Юрия Петровича не удивляет, если вспомнить некоторые подробности его биографии. Юрий Петрович тринадцать лет жил в столице России, в Санкт-Петербурге. Три последних года обучения, а потом еще семь лет службы Юрия Петровича Лермонтова в кадетском корпусе прошли при директоре Федоре Ивановиче Клингере. Более того, Юрий Петрович в 1805–1809 годах служил в корпусе в роте генерал-майора Клингера. Нет сомнения, что офицер-воспитатель Лермонтов за пять лет службы неоднократно лично общался со своим ротным командиром. Российский генерал-майор и крупный литератор Клингер был близким другом Гете и поддерживал с ним переписку вплоть до своей кончины в 1831 году. Клингер – один из основателей всемирно известного литературного направления «Буря и натиск», к которому принадлежали молодые Шиллер и Гете.

Именно Шиллер и Гете – ранние поэтические и драматургические увлечения Михаила Юрьевича Лермонтова. Лермонтовские переводы Шиллера и Гете относятся к 1829–1831 годам. В это же время Лермонтов переживает личную семейную драму и в 1830 году пишет трагедию «Menschen und Leidenschaften», или «Люди и страсти», в стиле немецкой романтической драматургии. Несмотря на чисто русское содержание, пьеса имеет заголовок на немецком языке, похожий на названия немецких романтических драм: «Kabale und Liebe» («Коварство и любовь») Шиллера, «Sturm und Drang» («Буря и натиск») Клингера и др.

Образованный офицер кадетского корпуса, Юрий Петрович Лермонтов мог знать о литературных пристрастиях своего непосредственного начальника Клингера. Юрий Петрович, когда ухаживал за Марией Михайловной Арсеньевой, писал стихи. Возможно, что и в кадетском корпусе он увлекался именно той поэзией, которая таинственным образом связывала Федора Ивановича Клингера с прославленными именами Гете и Шиллера.

С 1828 по 1830 год Михаил Лермонтов учился в Московском университетском благородном пансионе. Произведения Шиллера и Гете к тому времени были известны в России. «Разбойники» Шиллера шли на сценах московских театров, и Лермонтов их видел. Произведения Гете не входили в курс литературы в пансионе, но Лермонтову они были известны. Бе-

Портрет Юрия Петровича Лермонтова, написанный Михаилом Юрьевичем Лермонтовым

линский в апреле 1840 года после посещения Лермонтова во время его ареста в письме к своему другу Боткину пишет: «Он [Лермонтов] славно знает по-немецки и Гете почти всего наизусть дует» [212]. Может быть, именно отец обратил внимание и/или поддержал интерес юного М. Ю. Лермонтова к поэзии и драматургии Шиллера и Гете в 1829–1830 годах, когда, судя по времени пребывания Юрия Петровича в Москве, отец и сын часто встречались. О любви сына к отцу свидетельствует акварельный портрет Юрия Петровича Лермонтова, написанный рукою Михаила Юрьевича. Он хранится в московском доме-музее М. Ю. Лермонтова на Малой Молчановке, дом 2.

В выразительных строках завещания Юрия Петровича Лермонтова можно увидеть образ человека скромного, страдающего от отсутствия состояния и принесшего в жертву разлуку с сыном ради его будущего благосостояния. Образ человека непонятого своей властной и не терпящей возражений тещей, которую он старался любить ради нежной любви к своей жене Марии Михайловне. Юрий Петрович овдовел в цветущем возрасте – ему было тридцать лет – и, будучи интересным мужчиной, мог повторно жениться, но не женился. Портрет жены и матери сына-поэта всегда был перед ним в имении Кропотово. Тонкой души человек, Юрий Петрович понимал, что у сына доброе сердце, и почти умолял его не ожесточаться несправедливостью и неблагодарностью людей, ибо это приведет к порокам, которые его сын презирает. Таким образом, Юрий Петрович обнаруживает знание душевных переживаний своего сына, страдающего уже тогда от пороков светского общества, женского коварства, легкомыслия друзей, оскорбленного достоинства небогатого отца. Кто знает, проживи отец поэта долгую жизнь, может быть, не так сложилась бы и судьба Михаила Юрьевича.

Юрий Петрович Лермонтов в последние годы жизни. Неизвестный художник [80, с. 50]

В материальном аспекте завещания Юрий Петрович старается поступить разумно. Как человек порядочный, он отдает должное своим сестрам, нежно им любимым, которым он обязан поддержкой в его одинокой жизни вдовца, и помнит о том, что сын его обеспечен в результате выполненного им контракта с Елизаветой Алексеевной Арсеньевой.

После окончательного раздела и продажи имения Кропотово в 1836 году сестре отца Елене Петровне Виолевой Михаил Юрьевич получил 25 000 рублей – точно такую же сумму, какую Юрий Петрович получил в качестве приданого за Марией Михайловной Арсеньевой. Отец вернул долг сыну.

В рассказе о Юрии Петровиче Лермонтове умышленно не разбирается концепция Павла Александровича Висковатого. Павел Александрович был склонен к художественному вымыслу, а биография отца поэта в его версии во многом не соответствует фактам, выявленным позднее.

Представленные в хронологическом порядке факты из жизни Юрия Петровича позволяют полагать, что с момента смерти матери поэта в 1817 году он был постоянно занят хлопотами о своем имении. Часто бывал в Москве, ему доверяли его сестры, он пользовался уважением семьи Арсеньевых, был нежно любим сыном.

Юрий Петрович Лермонтов умер 1 октября 1831 года в своем имении Кропотово. В выписке из книги, данной из Ефремовского духовного правления Ефремовского округа села Новомихайловского церкови Успения Божьей Матери, записано: «Лермонтов Евтихий Петров, 42 лет, от чахотки, похоронен на отведенном кладбище с. Новомихайловского, Шипово тож Ефремовского уезда, корпус-капитан, неслужащий, вдовый» [210, с. 96]. Таким образом, мы узнаем, что Юрий Петрович умер от чахотки. Правда, чахоткой в то время называли все заболевания верхних дыхательных путей. Поэтому доверять диагнозу на основании церковной записи следует с большой осторожностью. Елецкий писатель В. Петров прочувствованно описывает последние дни отца поэта, говоря, что умер он всеми покинутый. Позволю себе не согласиться с таким представлением. У Юрия Петровича были очень тесные и теплые отношения с родными сестрами. Семья Лермонтовых была дружная, сестры и Юрий Петрович жили в одном доме. Вряд ли родственники могли покинуть умирающего. А вот «свеча горела на столе, свеча горела», и ее свет освещал строки последнего письма к сыну, написанные слабеющей рукой отца, – письма, о котором мы никогда не узнаем. Светлым, еще теплым октябрьским днем скорбная процессия двигалась за гробом, который заботливо несли крестьяне, ведь они любили своего доброго барина, по проселочной дороге к церкви Успения Пресвятой Богородицы в Шипово, приходской церкви Лермонтовых. За гробом отца шел семнадцатилетний поэт Михаил Лермонтов, оставшийся круглым си-

ротой на полное и теперь безраздельное попечение бабушки. Горькие мысли об утрате складывались в трагические строки:

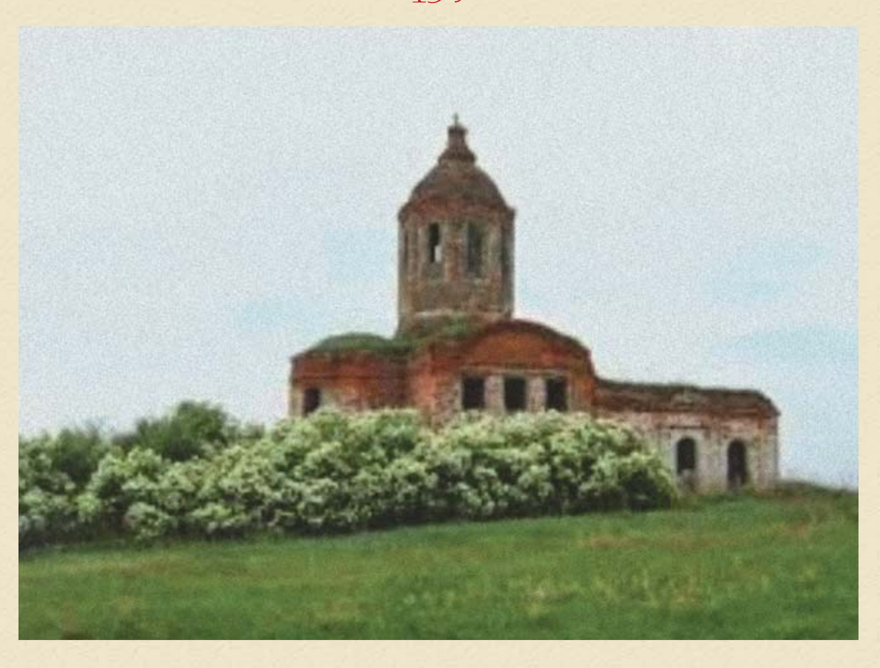
Ужасная судьба отца и сына:
Жить розно и в разлуке умереть.

В стихах звучит многогранная гамма чувств совсем юного Мишеля Лермонтова, впервые испытавшего личную трагедию – смерть самого близкого человека. В них – горечь и боль, отчаяние и любовь, сетования на свет и судьбу, разлучивших отца и сына, клевета, порочащая честь, и разочарование в людях. Апофеоз – строки: «две жертвы жребия земного» и «оба стали жертвою страданья». Такие переживания, перенесенные в юном возрасте, накладывают отпечаток на всю жизнь.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда, рыдая,
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

Юрия Петровича Лермонтова похоронили в Шипове, рядом с церковью Успения Пресвятой Богородицы. В церкви в Шипове был придел Архистратига Михаила. По странному совпадению в церкви Архистратига Михаила, выстроенной тщанием Елизаветы Алексеевны в Тарханах, 21 апреля 1842 года был установлен гроб с прахом поэта для прощания.

В жизни семьи Лермонтовых Шипово занимало большое место. Село Шипово Ефремовского уезда Тульской губернии – ныне Становлянский район Липецкой области – находится в 5 км от Кропотова. Из завещания Юрия Петровича ясно следует, что он был человеком глубоко верующим. Его старшая сестра постриглась в монахини. Здесь, в церкви в Шипове,



Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Шипово, придел Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Весна

совершались все церковные обряды, так как в Кропотове церкви не было. Юрий Петрович Лермонтов был похоронен в октябре 1831 года. Видимо, здесь, в могильном семейном склепе, покоились останки деда поэта, Петра Юрьевича, и других его родственников. Церковь в селе Шипово была разрушена, сейчас это руины.

Могильная плита, железная доска,
В густой траве врастающая в землю, –
И мне печаль могил понятна и близка,
И я родным преданьям внемлю...
И. А. Бунин, 1913

По воспоминаниям местных жителей, «Шипово умирало трудно. Храм начали разрушать перед войной, году в 1939-м. Теперь краснокирпичное здание лишено колокольни, кровли, купола. Над кубическим двухцветным четвериком высоко-высоко взметнулся, увенчанный как шлемом, небольшой купол. Кованая ограда разобрана. И буйно в приделах алтаря кустится густая сирень» [203, с. 197–198].

Осенью храм в Шипове уже не так светло поэтичен. Он удивленно и мистично взирает пустыми глазницами окон, будто бы вопрошая у православных, где теперь они будут замаливать свои грехи перед людьми и Богом.

В 1989 году Владимир Петров писал: «Шипова мы не увидели. Было место, где несколько веков жили люди, пахали землю, растили хлеб, вос-

питывали детей. Теперь небо да земля, поросшая сиренью. Склон все того же, что и в Кропотове, оврага полого уходит вверх, где смыкается с далеким полем. А там, на самой высокой кромке в серебристо-голубом небе плыл и парил, казалось, высокий розовеющий храм. И столько драматизма, волнующей красоты и поэзии было в этом гордом и одиноком полете над исчезнувшим до колышка селом» [203].

Казалось бы, душа Юрия Петровича успокоилась, и его прах покоится там, где похоронил его сын Михаил Юрьевич Лермонтов, – на кладбище, у церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Шипово, рядом с могилами его родителей, родных и поблизости от родового имения Кропотово. Однако осенью 1974 года экспедиция, возглавляемая энергичным директором Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» Валентином Павловичем Арзамасцевым (директор в 1966–1975 годах. – *Прим. авт.*), отправилась в Шипово. Целью экспедиции было обнаружить, провести эксгумацию, идентифицировать и перезахоронить останки Юрия Петровича Лермонтова рядом с могилами его жены и сына в Тарханах. К 1974 году не сохранилось ни надгробия, ни следов могилы Юрия Петровича. В результате раскопок нашли сначала осколки камня с надписью о том, что здесь покоятся члены семьи Лермонтовых – Цехановских, а потом откопали два склепа. В одном из склепов были обнаружены останки мужчины. По внешним признакам (рост, цвет волос) и остаткам сохранившейся одежды был сделан вывод, что это останки Юрия Петровича Лермонтова [203, с. 200–201]. Их перезахоронили в Тарханах, рядом с часовней, где законсервирован склеп с останками поэта.

И смерть захочет ли свести две жертвы жребия людского?

Сейчас отец и сын-поэт покоятся рядом в имении Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Теперь, приезжая в Тарханы, на могилу великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, можно вспомнить и обо всех близких ему людях: матери, отце и бабушке. Светлая им память.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-1841). Образ великого русского поэта на основании его писем

В России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и мы меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно.
М. Ю. Лермонтов, 1840

Эта глава посвящена творчеству Михаила Юрьевича Лермонтова и параллельно сопутствующим обстоятельствам его жизни, в ней также дан психологический портрет поэта, составленный главным образом на основании его писем.

П. Е. Заболотский. Портрет М. Ю. Лермонтова в мундире лейб-гвардии гусарского полка. 1837. Холст, масло [48, с. 241]

Письма, написанные Михаилом Юрьевичем, собраны лермонтоведами всего мира. Пятьдесят одно письмо Лермонтова является бесценным кладом. Письма эти написаны близким родственникам и друзьям, которых Лермонтов любил и которым доверял. Они искренни, их тексты наполнены умом, теплотой его души, иронией, грустью, тоской, разочарованием в жизни. Если их читать внимательно, то можно восстановить и канву жизни великого поэта. Несмотря на то что сам Лермонтов писал: «Право, следовало бы в письмах ставить ноты над словами, а теперь читать письмо то же что глядеть на портрет: нет ни жизни, ни движения», у нас нет более живого источника о том, что сам Лермонтов думал о себе, о своих интересах, как относился к жизненным обстоятельствам. Зачастую авторы-лермонтоведы неразборчиво приводят многочисленные, подчас противоречивые воспоминания современников, что мешает созданию более объективного образа поэта и его окружения. Например, насколько правдоподобными могут быть рассказы крестьян из Тархан, которым на тот момент было под сто лет, или пересказы потомков тех, кто знал Лермонтова? Приведенная ниже краткая биография поэта – это наиболее вероятные версии событий, основанные на таких достоверных источниках, как письма М. Ю. Лермонтова, попытка сопряжения биографии с важнейшими этапами творчества.

Родился в Москве, при этом до тринадцати лет Лермонтов рос и воспитывался в Тарханах, окруженный любовью и заботой бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Уклад жизни в Тарханах, все домочадцы, нанятые учителя, немецкая бонна, крепостные люди – все было подчинено созданию комфортной жизни для дорогого внука Мишеньки. Каждое его желание и каприз выполнялись, никто не мог ему серьезно перечить. Уважая чувства Елизаветы Алексеевны, к Мишелю благосклонно относилась вся ее столыпинская и арсеньевская родня. Находясь, мягко сказать, в тепличных условиях, Миша рос в полной уверенности, что все его должны любить. Хотя и в этой обстановке не все было идеально. Вероятно, он был свидетелем нелюбезных отношений между изредка навещавшим его отцом Юрием Петровичем Лермонтовым, который очень любил сына,

Автограф М.Ю. Лермонтова. Часть письма М. Ю. Лермонтова к А. А. Лопухину. 1840

и бабушкой Елизаветой Алексеевной, фанатично любившей внука. Конфликты и сложные отношения двух самых близких людей запали ему в душу. Впечатлительный и наблюдательный по натуре, мальчик сильно переживал, ситуация ранила его, оставаясь до поры неосознаваемым грузом. В детском возрасте плохое быстро забывается, тем более бабушка прилагала все усилия к тому, чтобы Мишенька был счастлив. Лермонтов рос в основном в женском окружении, избалованным ребенком, со многими вытекающими из этих обстоятельств чертами характера, такими как настойчивость, упрямство, своеволие. Но у него был добрый характер и любящее сердце, как писала о нем его ближайший друг Мария Александровна Лопухина [213, с. 462–465].

В конце июля 1827 года М. Ю. Лермонтов, получив хорошее домашнее образование, вместе с бабушкой приезжает в Москву. Он должен поступать в Московский университетский благородный пансион – элитное учреждение для детей провинциальных дворян [210, с. 56]. После своего появления на свет в Москве 2 октября 1814 года Мишель был там только один раз, в 1819 году, по собственному его свидетельству [213, с. 403]. О других случаях пребывания Лермонтова в первопрестольной до 1827 года ничего не известно. Он трижды бывал на Кавказе: в 1818, 1820, 1825 году. Посещение своих родственников Хастатовых на Кавказе оставило неизгладимые на всю жизнь впечатления, о которых он писал: «Кто мне поверит, что я знал любовь в 10 лет от роду? К моим кузинам приходила одна дама с девочкой лет девяти. Я не помню, хороша она собой или нет. Один раз, помню, вбежал в комнату,.. а она была тут... мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая. Это была истинная любовь, с тех пор я еще не любил так. ...Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность. Нет, с тех пор я ничего подобного не видал, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы кавказские для меня священны...» [213, с. 385]. Сколько восторга, поэтичности, упоительной страстности живого лермонтовского ума. И в то же время юношеская категоричность: «ничего подобного не видал», «я никогда так не любил». Горы Кавказа, истории о горцах, услышан-

Московский университетский благородный пансион (угол Газетного переулка и Тверской улицы). Современная реконструкция Б. С. Земенкова. Государственный музей А. С. Пушкина, Москва

ные от близких родственников, их обычаях и характере в 1829–1833 годах будут описаны Лермонтовым в нескольких поэмах. Для поэта Кавказ стал источником его первого приобщения к взрослому миру, его путешествием в большой мир. При этом ни одно из стихотворений не было включено самим Лермонтовым в сборник «Стихотворения М. Лермонтова», вышедший в 1840 году.

Мишель Лермонтов – мальчик, воспитанный в провинции, приезжает в Москву в подростковом возрасте, когда так сильны комплексы, так много неуверенности, нигилизма и самоутверждения. И хотя по всем более поздним свидетельствам современников М. Ю. Лермонтов был развит не по годам, вынести эту ношу в новых для него условиях и образе жизни было нелегко. Особенно когда он стал учащимся Московского университетского благородного пансиона, оказавшись в среде пестрой студенческой братии, которая в силу возраста была насмешливой и жестокой. М. Ю. Лермонтов был легко уязвим. Он был слишком доверчивый и открытый. В письме Лопухиной в 1834 году он пишет: «Я мог обрести самого себя, такого, каким я был когда-то, – доверчивого, полного любви и преданности» [213, с. 385]. Об этом же свидетельствуют письма Лермонтова Анне Акимовне Шан-Гирей в 1827–1832 годах (до нас дошло четыре из них). Трогательный стиль писем Мишеля своей «милой тетиньке», безусловно, отражает черты его характера: это ласковый, искренний, доверчивый, сердечный, очень вежливый и уважительный юноша.

В. Н. Нечаев. Вид Арбата. Акварель. 1830-е. Из экспозиции Мемориального музея-квартиры А. С. Пушкина

Кузнецкий мост, Москва. 1834. Гравюра из альбома О. Кадоль «Малые виды Москвы, нарисованные и литографированные». Париж, 1830-е

П. Е. Заболотский. М. Ю. Лермонтов в юности. 1840. Копия работы неизвестного художника [80, с. 42]

Мишель Лермонтов был достаточно упитан и неуклюж, сам о себе писал, что был толст. Это следует из его ремарки о своем друге Алексее Лопухине в 1834 году: «Он так же толст, каким и я был в прежние времена...» [213, с. 426]. По воспоминаниям его современников, в 1830–1831 годах Лермонтов был коренастый, несколько сутуловатый, смугл лицом, косолап. И только большие карие глаза, иногда загоравшиеся таинственным огнем, и пронзительно впивавшийся в собеседника взгляд обращали на себя внимание. Юноша Лермонтов отличался от сверстников, а это, как правило, вызывает либо интерес, либо насмешливую жестокость ровесников.

Он некрасив, он невысок,
Но взор горит, любовь сулит,
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем, как смоль, черны.
1829 [214, с. 24–26]

Исключительность этого мальчика очень быстро стала заметной. По приезде в Москву Лермонтов впервые в жизни начал заниматься русской словесностью, о чем пишет в автобиографических ремарках: «В 5 же лет ум не так быстро принимает впечатления, как в детстве; но тогда я почти ничего не читал», и с грустью замечает: «Однако же, если захочу вдаться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская – я не слыхал сказок народных; в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности» [213, с. 387]. И уже в первом дошедшем до нас письме своей тетушке Марии Акимовне Шан-Гирей осенью 1827 года он с гордостью пишет: «Я думаю, что Вам приятно будет узнать, что я в русской грамматике учу синтаксис и что мне дают сочинять». И тут же деликатно замечает, боясь, что его неправильно поймут и уличат в хвастовстве: «Я Вам это пишу не для похвальбы, но собственно оттого, что вам это будет приятно» [213, с. 403]. Творческая и энергичная натура Лермонтова – «...всегда кипит и зреет что-нибудь в моем

Императорский Большой театр в Москве. Гравюра из альбома О. Кадоль «Малые виды Москвы, нарисованные и литографированные». Париж, 1830-е

уме...» – по-своему осмысливает увиденные театральные представления: «...Я был в театре, где видел оперу “Невидимку”». Тут же сообщает он Анне Акимовне в том же письме: «...Мы сами делаем Театр, который хорошо выходит, и будут восковые фигуры играть».

1 сентября 1828 года Лермонтова зачислили в четвертый класс Московского университетского благородного пансиона. А уже в конце того же года, 21 декабря, Лермонтов пишет Марии Акимовне, что он второй ученик в классе, что две картины дарит отцу: «Папинька сюда приехал, и вот уже две картины извлечены из моего portefeuille, слава Богу! что такими любезными мне руками»; что он начинает рисовать бюсты, а также его учитель рисования учит его писать пейзажи. Кроме того, Лермонтов сообщает, что он подает сочинения преподавателю Дубенскому, а его «Прометея» и «Геркулеса» взял инспектор пансиона Михаил Григорьевич Павлов, который хочет издавать журнал. Лермонтов здесь намекает, что сам был зачинщиком издания журнала и что Павлов его копирует: «Павлов перенимает... у меня! – стало быть, стало быть...». Но далее деликатно не продолжает, боясь показаться хвастливым, хотя юношеская гордость так и плещет из этих строк. Это письмо тете Лермонтов сопровождает одним из первых стихотворений – «Поэт».

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Девы лик священный
Живою кистью окончал;

Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
...
Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! Души его кумиры!

Михаил Юрьевич Лермонтов пытается передать душевное состояние поэта, которое уже испытывает сам, в минуты творчества, сравнивая его с вдохновением Рафаэля в момент создания Мадонны. Лермонтов – юный художник и поэт – живописует состояние обоих творцов с утонченным вкусом.

В 1828 году он активно изучает русскую литературу и особенно поэзию. По воспоминаниям Акима Павловича Шан-Гирея он «в первый раз увидел русские стихи у Мишеля: Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина» [199, с. 35].

Из автобиографических заметок Лермонтова, написанных приблизительно в это же время, мы узнаем, что он играл на скрипке и фортепиано: «Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче. Ни одного звука не мог я извлечь из скрипки, из фортепьяно...» [213, с. 385]. Чувствительный к музыке, Мишель сохранил воспоминание о матери в образе песни: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать» [213, с. 386]. О музыкальных талантах Лермонтова вспоминает в 1835 году его кузина Александра Михайловна Верещагина, не преминув добавить колкость, принятую в их общении еще с тех времен, когда они проводили лето в усадьбе Середниково (1829–1832): «А ваша музыка? Играете ли Вы по-прежнему увертюру «Немой из Портичи», поете ли Вы дуэт из «Семирамиды», столь памятный, поете ли Вы его, как раньше, во все горло и до потери дыхания?» [213, с. 467].

Гений Лермонтова зрел в непрерывных занятиях, чтении. Весной 1829 года он пишет Марии Акимовне: «...Не думайте, чтобы я был рад оставить его (пансион на время каникул. – *Прим. авт.*), потому учение прекратится, нет! Дома я заниматься буду еще более, нежели там». «Мне нужно действовать, я каждый день бессмертным сделать бы желал» [214, с. 183]. Отношение к театру, который всегда привлекал Лермонтова, уже приобретает зрелый анализ: «Помните ли, милая тетинька, вы говорили, что наши актеры [московские] хуже петербургских. Как жалко, что вы не видели здесь «Игрока» [мелодрама Дюканжа], трагедию «Разбойники» [Шиллера в переделке Сандунова] [213, с. 406].

К сожалению, в письмах Лермонтова есть перерыв с 1829 по 1832 год. За этими годами – огромный пласт его творчества и жизни. Об этом пе-

риоде поэт не оставил личных впечатлений, писем также не обнаружено. Можно судить лишь по произведениям Лермонтова, набирающего силу поэтического гения; по коротким ремаркам поэта; альбомам, особенно А. М. Верещагиной, ценившей, собиравшей и хранившей стихи Лермонтова; датам, собранным лермонтоведами, и по воспоминаниям современников. За эти годы Лермонтов написал 70 % всех своих стихотворений (268 стихотворений из приблизительно 400), около 50 % поэм, 50 % драм, начал писать прозаическое произведение «Вадим» [215]. Созданные в этот период произведения составляют два первых тома и часть пятого тома полного шеститомного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова 1954–1957 годов издания. Именно в 1829–1832 годах произошло становление Лермонтова как поэта.

В 1829 году Мишель начинает учить английский язык по произведениям Байрона – последний оказал значительное влияние на его творчество, как, впрочем, на всю романтическую поэзию XIX века. В 1830 году Лермонтов пишет:

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!..

В автографе 1830 года – приписка Лермонтова в скобках: «Прочитал жизнь Байрона (написанную Муром)» [214, с. 133, 407].

Романтика байроновских произведений, с его героем-изгнанником Чайлдом Гарольдом, непочтительным к любой власти и находящимся «не в ладах и с раем, и с адом, и с богами, и с людьми», по словам Владимира Набокова [216], увлекает воображение чувствительного и чувственного юноши Лермонтова. Но уже в 1832 году, осознавая свой поэтический путь и принадлежность к России, Лермонтов пишет:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,

...Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!
1832 [217, с. 33]

Действительно, что за думы у восемнадцатилетнего юноши Лермонтова? Огромное число произведений, нигде не опубликованных, за исключением одного стихотворения «Весна», довольно горького, вышедшего в издании «Антей» с литерой L в 1830 году.

Время становления великого поэта, с 1829 по 1832 год, наполнено трудом души:

Мне нужно действовать, я каждый день бессмертным сделать бы желал.

Об этом же очень точно написал Николай Заболоцкий:

Не позволяй душе лениться!
...
Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!
1958 [218]

Труд души М. Ю. Лермонтова в эти годы был тернистым.

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья.
1829 [214, с. 34]

Еще не полностью сформировавшееся поэтическое самосознание влекло к подражанию любимым поэтам: Пушкину, Байрону, Шиллеру, Гете. Но рано проявившийся поэтический гений вел Лермонтова своим творческим путем к осмыслению и трансформации поэзии великих творцов.

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.
1831 [214, с. 177–178]

Вероятно, в эту «минуту жизни трудную» и за «бореньем дум» застал его один из студентов университета Павел Федорович Вистенгоф (ок. 1815 – после 1878), ставший впоследствии литератором, не близкий к кругу друзей Лермонтова. «Студент Лермонтов, в котором тогда никто из нас не мог предвидеть будущего замечательного поэта, имел тяжелый, несходчивый характер, держал себя совершенно отдельно от всех своих товарищей. Его не любили, отдалялись от него и, не имея с ним ничего общего, не обращали на него никакого внимания. Он даже и садился ...отдельно от других, ...углубившись в чтение принесенной книги. ...Шум, происходивший при перемене часов преподавания, не производил никакого на него действия. ...На любопытст-

во студента: «Позвольте спросить вас, Лермонтов, какую это книгу вы читаете?» – он получил заслуженный ответ. Он [Лермонтов] мгновенно оторвался от чтения. Как удар молнии, сверкнули глаза его. Трудно было выдержать этот неприветливый, насквозь пронизывающий взгляд. И ответ: «Для чего вам хочется это знать? Будет бесполезно, если я удовлетворю ваше любопытство. Содержание этой книги вас нисколько не может интересовать; вы тут ничего не поймете, если бы я даже и решился сообщить вам содержание ее». Как будто ужаленный, отскочил он от него, успев заглянуть в его книгу, – она была английская» [199]. И хотя мнение П. Ф. Вистенгофа об одиночестве Лермонтова в университете впоследствии опровергал Н. Л. Бродский [219], вероятно, большинству сокурсников Лермонтов таким и представлялся: задумчивая, отстраненная, ушедшая в себя, несколько высокомерная личность.

Я холоден и горд,
И даже злым толпе кажусь, но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
«Моя душа», 1831 [214, с. 179]

Лермонтов, охваченный вдохновеньем и поэтическим пылом, еще, может быть, не уверенный до конца, что это его единственное призвание и судьба, шлет свою молитву Богу освободить его от диких волнений.

Не обвиняй меня, Всесильный,
...
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор.
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.
1829 [214, с. 73]

Но его судьба уже предопределена: «Хотя ты еще и в юных летах, но я вижу, что ты одарен способностями ума. Не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это т а л а н т, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу!» – писал в своем духовном завещании в 1831 году Юрий Петрович Лермонтов своему юному сыну [197, с. 393–397].

Судьба разлучила отца с сыном. Понимание сути конфликта между двумя горячо любимыми людьми, отцом и бабушкой, пришло к юному Мишелю в 1829–1831 годах. Лермонтов очень тяжело переживал эту ситуацию. В октябре 1831 года умирает его отец. Об этом очень большом личном горе Лермонтов писал в письме М. А. Лопухиной в 1834 году: «...Я это говорю потому, что только с Вами и отваживаюсь быть откровенным ...И может быть, оттого, что Вы когда-то утешили очень сильное горе» [213, с. 426, 716]. После смерти отца он остается сиротой – «младая ветвь на пне сухом» – на полном обеспечении, попечении и в полной зависимости от бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Лермонтов пишет несколько стихотворений на смерть отца, прочитав которые любой человек посочувствует его горю.

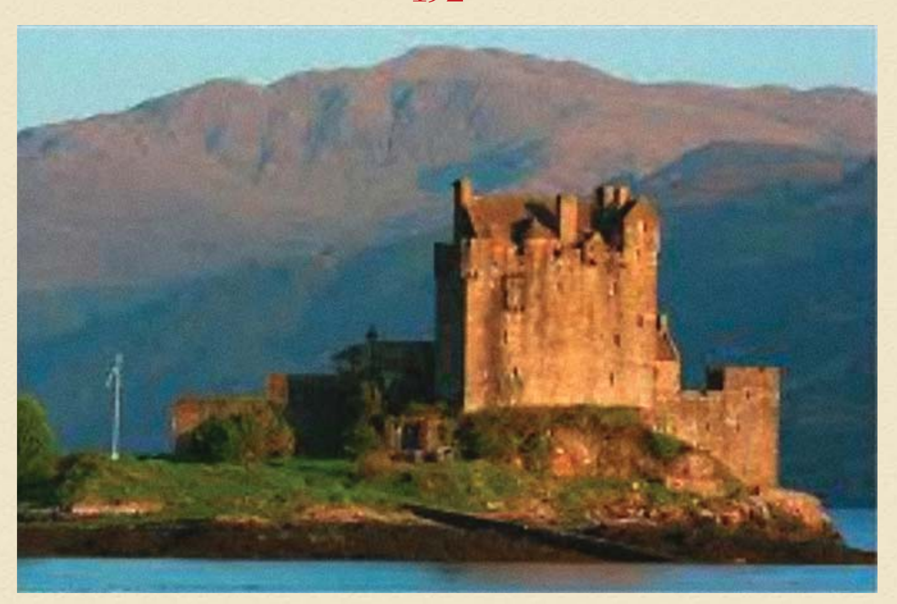
Вероятно, сиротство среди великосветской дворянской столыпинской родни побудило Лермонтова изучать свое происхождение. Он уже знал, что его предком был шотландец Георг Лермонт, о чем было написано в генеалогии его рода, – грамоту Мишель прилагал при поступлении в университет (см. главу об отце поэта). Но он, вероятнее всего, не знал о своих многочисленных современниках и родственниках Лермонтовых, прославивших доблестями Отечество в Семилетней войне, в Отечественной войне 1812 года, в битве под Бородином и продолжавших служить в высоких чинах России в 1814–1841 годах (см. приложение «Лермонтовы – современники поэта. Лермонтовский Петербург»). Летом 1831 года в усадьбе Середниково он пишет два стихотворения, посвященных Шотландии: «Гроб Оссиана» и вдохновенное стихотворение «Желание».

Гроб Оссиана

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.

Желание
...
На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом



Замок в горах Шотландии

И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.
1831 [214, с. 124, 192]

Однако в 1832 году ошибочно, но, видимо, умышленно трактует происхождение фамилии Лермонт от Лерма, испанского герцога. Такая же версия существовала и в Острожниковской ветви рода Лермонтовых [351]. В 1832–1837 годах Мишель подписывает письма главным образом на французском языке именем Lerma. Он рисует голову герцога на стене в квартире Лопухиных. Впоследствии он пишет маслом портрет герцога, и весьма талантливо. После 1837 года Лермонтов меняет правописание своей фамилии: Лермонтов – через «о», вместо официально принятой Лермантов. Он обосновывает это этимологией: фамилия предка, шотландского рыцаря – Лермонт (Leirmont). Однако когда Лермонтов уехал в Петербург [351], то пишет о портрете герцога хоть и с удовольствием, но весьма иронично по отношению к самому себе: «Что знаменитую голову на стене не стерли – жалкое честолюбие! Это меня обрадовало... и еще как! Вот – смешная страсть везде оставлять следы своего пребывания! Стоит ли мысль человека, чтобы ее повторяли в чем-нибудь вещественном, чтобы она стала понятной душе других? По-видимому, люди не рождены для того, чтобы думать, потому что сильная и свободная мысль у них такая редкость!» [213, с. 416–418, 704–706].

Трагические события в семье, заниженная оценка благородного происхождения фамилии Лермонтов – все это действовало угнетающе на крайне чувствительного юношу, каким был Мишель Лермонтов. В той среде, где он рос и воспитывался, незнатность фамилии унижала достоинство. А посещение балов, театров, салонов и званых обедов всегда было связано с риском вопросов об отце и, как следствие, со сплетнями. Бабушка, конечно, оберегала внука, как могла. Но что делать с внутренней неудовлетворенностью?

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье.
[214, с. 78–79]

Эти строки обращены к первой серьезной юношеской любви Михаила Лермонтова, к Наталье Федоровне Ивановой, известной широкой публике лишь по инициалам: Н. Ф. И. Лермонтов давно влюблялся и пытался ухаживать за барышнями. Но в усадьбе Середниково его не воспринимали как юношу, он оставался милым, забавным мальчиком, горячо любимым своей бабушкой. Любовь и страсть, вспыхнувшие в сердце юного поэта к Наталье Ивановой, обострялись возможностью освободиться от имиджа пажа прекрасной мадам Сушковой и раскрепоститься в эмоциях и чувствах, которые давно уже созрели в умном и взрослом не по годам юноше.

У Натальи Ивановой и Мишеля Лермонтова были общие моменты: аристократические родственники и невысокого происхождения отцы, как по крайней мере внушали Лермонтову. Мишеля воспитывала бабушка, Наталья жила с отчимом. Когда Наталье исполнилось одиннадцать лет, у ее матери один за другим родились дети от второго брака – новая забота. Так что тем для обсуждения у них могло быть много – «слишком знаем мы друг друга». Появление поклонника-поэта могло взбудоражить в Наталье Ивановой воспоминания об отце – драматурге и поэте Федоре Иванове. Об отце-поэте и его творчестве могли рассказывать мать Екатерина Ивановна, в девичестве Кошелева, профессор Алексей Федорович Мерзляков – друг семьи Ивановых. Стихи Лермонтова, вероятно, упали в благодат-

Наталья Федоровна Иванова, прибл. 1830 [220]

ную почву. Их слушательницей была девушка из аристократической среды, близкой к литературной элите. Наталья, возможно, даже могла оценить стихи по достоинству. Цикл приблизительно из тридцати стихотворений (1830–1832), посвященных «Н. Ф. И.», – это молитва о любви юного Лермонтова. «Я любил всем напряжением душевных сил». Молитва, не услышанная и оставшаяся безответной. Но, как и предсказывал поэт, имя Натальи Ивановой сохранилось в веках благодаря тому, что его воспел М. Ю. Лермонтов.

Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит. И ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь.
1831 [214, с. 177–186]

Именно в эти годы (1830–1832) складывается образ поэта – глубоко чувствующего, понимающего, страдающего человека, способного излить свои мысли в изысканной словесной форме. Темы, затрагиваемые им в эти годы, касаются общечеловеческих, философских ценностей. Предсказания, пророчества пронизывают все творчество гениального поэта. В шестнадцать лет, в 1830 году, Лермонтов пишет пугающее по своей силе стихотворение «Предсказание».

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь;
И пища многих будет смерть и кровь.
1830 [214, с. 136]

В его произведениях все чаще начинают звучать мотивы судьбы, рока, смерти. Лермонтов рассматривает смерть как путь души к бессмертию, к вечности: «Пережить одна душа лишь колыбель свою должна», «И мысль о вечности, как великан, ум человека поражает» [214, с. 178, 181].

Нет, нет, – мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит:
И эти ветки над могилой
Певца-страдальца осветит.
1830 [214, с. 135]

Удивительно, но уже в семнадцать лет Лермонтов предчувствовал краткость своего земного пути.

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
...

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста.
1831 [214, с. 185]

В стихотворении «Завещание», написанном также в 1831 году, Лермонтов просит похоронить его «В лесу пустынном, средь поляны, где вьются вечером туманы» [214, с. 188]. Оба предсказания Лермонтова сбылись. После дуэли Лермонтова отказывались хоронить по православному обычаю. А через год его прах захоронили в Тарханах, где вечером над старым прудом вьются туманы.

Снедаемый юношеской тоской о гармонии бытия, но не находящий ее, Лермонтов, как истинный христианин, пытается найти ответ у Бога.

Когда б в покорности незнанья
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
...
Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней.
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.
1831 [214, с. 222]

Именно на рубеже 1830-х годов Лермонтов начал писать «Демона» – программное произведение, в котором отражены волновавшие его вопросы отношений общества и личности, над которыми он работал всю жизнь.

Среди юношеских лирических произведений Лермонтова так много по-настоящему талантливых, затрагивающих переживания человеческой души стихотворений, что можно с уверенностью утверждать: именно в эти годы выковывался «еще неведомый избранник», чей «дух бессмертен силой», чей «...гений веки пролетит» [214, с. 135].

В конце 1831 – начале 1832 года в письме к тете Марии Акимовне Шан-Гирей уже обращается не мальчик, а муж, зрелый поэт: «Вступаюсь за честь Шекспира. Если он велик, то это в Гамлете; если он истинно Шекспир, этот гений необъемлемый, проникающий в сердце человека, в законы судьбы, оригинальный, то есть неподражаемый Шекспир, то это в Гамлете». Лермонтов читает Шекспира в подлиннике и огорчен тем, что «перевод перековерканной пьесы Дюсиса, который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французов, не умеющих обнять высокое, и глупым их правилам, переменил ход трагедии и выпустил множество характеристи-

ческих сцен: эти переводы, к сожалению, играются у нас на театре». Особенно взволновала Лермонтова сцена, «когда Гамлет говорит со своей матерью и она показывает на портрет его умершего отца; в этот миг с другой стороны, видимая одному Гамлету, является тень короля, одетая как на портрете; и принц, глядя уже на тень, отвечает матери – какой живой контраст». «Как глубоко!» – восклицает Лермонтов [213, с. 407–408].

К концу 1832 года Михаил Юрьевич уже сформировался как поэт и мыслитель. Но именно в этот год случилось трагическое событие в его жизни. В результате крупного инцидента с профессором права университета М. Я. Маловым, изгнанным студентами из аудитории, Мишель Лермонтов покинул Московский университет. Лермонтов сделал попытку поступить в Петербургский университет, но ему не зачли два года учебы в Москве. Об этом он сам писал в письме к А. М. Верещагиной осенью 1832 года: «Мне не зачли, как многим другим, годы, которые я провел в Москве, ибо во всех университетах проведена реформа» [213, с. 421–422, 709–712]. И Лермонтов отказался от поступления в Петербургский университет. Он подал документы в Школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в Санкт-Петербурге. Вероятно, это решение было принято по совету бабушки, потому что, когда Лермонтов получил офицерское звание, А. М. Верещагина пишет: «Я представляю себе радость бабушки» [213, с. 467–469, 769–770].

Расставание с мечтой стать литератором, как тогда казалось Лермонтову, было тяжелым. В октябре 1832 года Мишель пишет Марии Александровне Лопухиной: «Я до сих пор предназначал себя для литературного поприща и принес столько жертв своему неблагодарному кумиру, и вдруг становлюсь воином. Возможно, такова особая воля Провидения! ...Мне кажется, что если бы я не сообщил Вам о тех важных событиях, которые со мной произошли, то я бы утратил половину своей решимости».

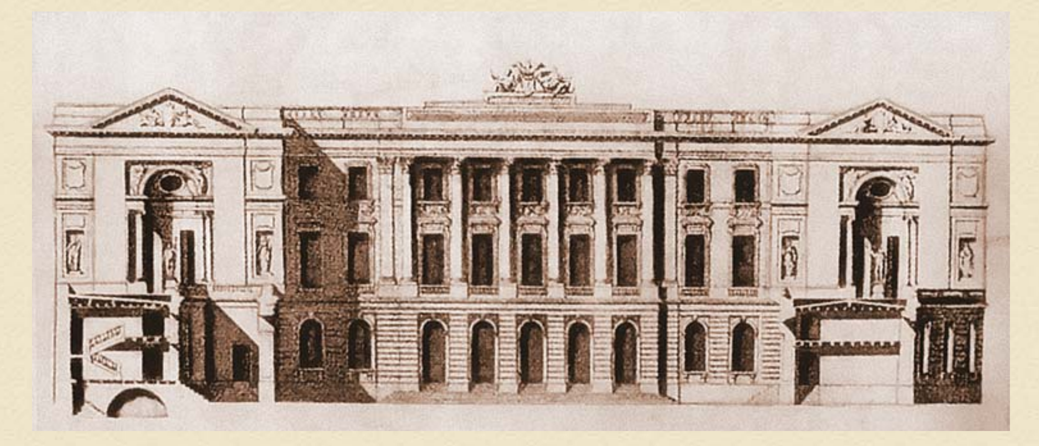
Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! – но, безумный,
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил – и Бог не спас! –
...
– Ужасно стариком быть без седин; –
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою; –
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И все, что чувствует, он чувствует один!
1832 [213, с. 418–421, 706–709]

О жизни он, восемнадцатилетний, рассуждает не по годам философски, понимая, что «ничто не вечно под луной»: «Я ведь не разделяю мнения тех, кто говорит, будто жизнь только сон; я очень сильно чувствую ее реальность, ее завлекающую пустоту! Я никогда не сумею отрешиться от нее в такой степени, чтобы добровольно презирать ее; потому что жизнь моя – это я сам, говорящий вам, и тот, который через мгновение может превратиться в ничто, в одно имя, то есть опять-таки в ничто. Бог знает, будет ли существовать мое «я» после смерти». Рассуждения о вечности присущи юному Лермонтову, но, веря в свой гений, он рассматривает смерть как путь к бессмертию.

Московский университет, Москва. Из книги: Ванслова Е. Г., Пищулин Е. П. Литературные места России. Альбом – М.: Советская Россия, 1987

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет!
1830 [214, с. 135]

Сожаления Лермонтова о любимой им покинутой Москве: «Москва есть и всегда будет моя родина, – Я в ней родился, в ней много страдал, в ней был чрезмерно счастлив» – выливаются в жалобу: «Между мной и милой Москвой существуют непреодолимые преграды, и судьба, по-видимому, решила нагромождать их с каждым днем. ...Только они (письма М. А. Лопухиной. – *Прим. авт.*) смогут связать мое прошлое и мое будущее, которые уходят каждое в свою сторону, оставляя между собой преграду из двух печальных и тягостных лет». Мишель сопровождает письмо стихотворением «Парус», в котором отчетливо слышны нотки ностальгии, тоски по любимым местам.



Школа гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Фасад на Мойку. С гравюры Калашникова по чертежу Деламота, 1826

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?
...
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
1832 [213, с. 416–418, 704–706]

Московские знакомые подбадривали Лермонтова: «На военной службе Вы также будете иметь все возможности, чтобы отличиться; с умом и способностями возможно всюду стать счастливым. К тому же сколько раз Вы говорили мне, что, если бы вспыхнула война, Вы бы не захотели оставаться безучастным. Ну вот Вы, так сказать, брошены судьбой на путь, который дает Вам возможность отличиться и сделаться когда-нибудь знаменитым воином. Это не может помешать Вам заниматься поэзией; почему же? Одно другому не мешает, напротив, Вы только станете еще более любезным военным. ...Вы хорошо сделаете, если пришлете, как Вы говорите, все, что Вы до сих пор написали; Вы можете быть уверены, что я честно сохраню присланное; и Вы же будете в восторге, найдя это когда-нибудь», – писала в октябре 1832 года М. А. Лопухина [213, с. 461–465, 761–764]. Алексей Лопухин, ближайший друг Лермонтова, просил его не сомневаться в своем таланте и не чувствовать себя одиноким: «Насчет твоего таланта ты понапрасну так беспокоишься, потому, кто любит что, всегда найдет время побеседовать» [213, с. 466].

М. Ю. Лермонтов. Парус. 1828–1831. Акварель. Альбом М. А. Шан-Гирей

Несмотря на искреннюю поддержку близких людей, поэт прекрасно осознает, что его жизнь пошла совершенно по другому пути и что возврата к прошлому – к свободной творческой литературной деятельности – нет: «По произволу дивной власти я выкинут из царства страсти». Однако, отдав столько душевных сил своему кумиру – литературе, воспитанный в дворянских традициях защиты Отечества, русский дворянин Лермонтов клятвенно обещает: «...Если будет война, клянусь Богом, буду везде впереди».

В 1832 году Лермонтов впервые приехал в столицу Российской империи – Санкт-Петербург. Впечатления о Петербурге, о светской столичной жизни описаны им очень красочно, с тонким юмором и присущей только Лермонтову философией жизни, с его постоянным стремлением понять свое предназначение: «Тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожным человеком, меня мучит».

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
...
Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую...
1838 [218, с. 109]

И как бы продолжает мысль в письме Софье Александровне Бахметьевой (приятельница Лермонтова, воспитывалась в доме Е. А. Арсеньевой. – *Прим. авт.*): «...Я ищу впечатлений, каких-нибудь впечатлений!.. Преглупое состояние человека то, когда он принужден занимать себя, чтоб жить, как занимали некогда придворные старых королей; быть своим шутом!.. как после этого не презирать себя; не потерять доверенность, которую имел к душе своей... одну добрую вещь скажу Вам: наконец я догадался, что не гожусь для общества, и теперь больше, чем когда-нибудь; вчера я был в одном доме NN, где, просидев четыре часа, я не сказал ни одного путного слова; – у меня нет ключа от их умов – быть может, слава Богу! ...Не имею слишком большого влечения к обществу: надоело! – Все люди – такая тоска, хоть бы черти для смеха попадались» [213, с. 409–411]. Причину такого нелестного впечатления Лермонтов разъясняет в письме к М. А. Лопухиной: «Назвать Вам всех, у кого я бываю? У самого себя – вот у кого я бываю с наибольшим удовольствием. Как только я приехал, я посещал – и, признаюсь, довольно часто – родственников, с которыми я должен был познакомиться, но в конце концов я убедился, что мой лучший родственник – я сам; я видел образчики здешнего общества: дам очень любезных, кавалеров очень воспитанных – все вместе они на меня производят впечатление французского сада, и не пространного, и не сложного, но в котором можно заблудиться в первый же раз, так как хозяйские ножницы уничтожили всякое различие между деревьями» [213, с. 413–416, 703–704].

Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь – красный ворот,
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен – все сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Все удивительно и ново –
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..
1832 [213, с. 409–411]

Чем это не описание состояния большинства наших современников: «Доволен каждый сам собою, не беспокоясь о других»? В таком обществе охватывает скука и презрение как к ничтожным людям, так и к людям, облеченным властью, к их самолюбованию, что особенно опасно и даже жутко. Людей же, понимающих пороки общества, всегда умышленно или интуитивно изгоняют из «своей» среды. Более мудрые самоустраняются, становясь добровольными изгнанниками, как, собственно, и поступал совсем еще юный, но уже многое видящий и понимающий Михаил Юрьевич («У самого себя – вот у кого я бываю с наибольшим удовольствием»).

В поисках родной души Мишель с восторгом пишет: «...Я короче сошелся с Павлом Евреиновым: – у него есть душа в душе!» Какое интересное выражение – «душа в душе»! Лермонтов как бы признает у каждого человека наличие души, но души все разные: одни без названия, а другие близкие, с кем можно разделить печаль.

Делить веселье – все готовы: –
Никто не хочет грусть делить.
1830 [214, с. 95]

В откровенных письмах Мишеля Лермонтова, адресованных тем, кому он искренне доверял, есть описание волнующих его моментов жизни, психологические оттенки и нюансы его души, которые часто пытались додумать его биографы и критики, восхваляя или порицая поэта.

Судя по письмам, Лермонтов был вполне здравый человек, способный оценить и свои настроения, и свои поступки. Когда он поступил в юнкерскую школу, то состояние его меняется («Каждый миг у меня новые фантазии»). «....Со мной случилось столько странных происшествий, что даже сам не знаю, каким путем я пойду – то ли порока, то ли глупости. Правда, нередко оба пути приводят к одной и той же цели. ...Я счастливее, чем когда-либо, веселее любого пьяницы, распевающего на улице. ...Но, увы: скажи, с кем ты водишься, и я тебе скажу, кто ты таков!» – пишет он летом 1833 года М. А. Лопухиной [213, с. 422–424, 712–713]. Обратите внимание, с какой изысканной деликатностью и как содержательно Лермонтов пишет женщине-адресату. В этом же письме он остроумно выражает свое презрительное отношение к женитьбе по расчету: «Я слишком хорошего мнения о князе и уверен, что он не принадлежит к числу тех, что выбирают себе невесту по имущественной описи» (Лермонтов имеет в виду князя Н. Н. Трубецкого. – *Прим. авт.*).

Об образе жизни Мишеля Лермонтова в годы его обучения в юнкерской школе написано очень много, в том числе и его юнкерские стихи.

Но все-таки казарменная жизнь и муштра тяготят поэта: «Единственно, что придает мне сил, – это мысль, что через год я офицер». Хотя в лагерной жизни летом 1833 года он находит даже некоторое романтическое очарование: «Эта жизнь мне до некоторой степени нравилась. ...У меня всегда было вполне определенное пристрастие к дождю и грязи, и теперь, слава Богу, я насладился ими вдоволь» [213, с. 424–426, 714–715]. По прошествии года Лермонтова уже как будто – только как будто – не узнать: «Господи! Если бы только Вы знали, что за жизнь я собираюсь вести!.. О, это будет чудесно: во-первых, причуды, всякого рода дурачества и поэзия, утопающая в шампанском; я знаю, вы возопите; но, увы, пора моих грез миновала; нет уже и поры, когда была вера; мне нужны вещественные наслаждения, ощутимое счастье, счастье, за которое платят золотом, счастье, которое носят в кармане, как табакерку; счастье, которое обманывает только мои чувства, оставляя душу в покое и бездействии. Вот что мне теперь нужно, и Вы види-

те, дорогой друг, что с тех пор, как мы расстались, я несколько изменился. Когда я увидел, как улетели прекрасные мечты, я сказал себе, что не стоит создавать новые. Куда лучше, думал я, научиться жить без них. Я попробовал; я походил на пьяницу, который мало-помалу старается отвыкнуть от вина! Мои усилия были не напрасны, и вскоре в прошлом я видел только программу незначительных и весьма обыденных приключений. ...Я уже не тот, я и не чувствую, и не говорю как прежде, и бог весть во что превращусь через год. Моя жизнь доселе была цепью разочарований, а сейчас они вызывают во мне смех и над собой, и над другими, я только слегка коснулся удовольствий жизни и, не насладившись ими, чувствую пресыщение. Но это очень грустная тема» [213, с. 424–426, 714–715].

В девятнадцать лет вполне здоровые инстинкты проявились в изначально романтическом юноше, тем более гусарская жизнь и достаток, обеспечиваемый бабушкой, вполне этому способствовали. Только в последних фразах мы узнаем прежнего Лермонтова. «Грустную тему» он продолжает в письме к Марии Александровне Лопухиной через год, будучи уже офицером – корнетом лейб-гвардии гусарского полка, в декабре 1834 года: «Моя будущность, хотя бы на первый взгляд и блестящая, на самом деле пуста и пошла; я должен Вам признаться, что с каждым днем я убеждаюсь все больше и больше, что из меня ничего не выйдет – со всеми моими прекрасными мечтами и моими неудачными опытами на жизненном пути... потому что мне недостает или удачи, или смелости!.. Мне говорят: «Удача со временем придет, опыт и время придадут вам смелости...» А почем знать: когда все это явится, сохранится ли тогда что-нибудь от той пламенной и молодой души, которой Бог одарил меня совсем некстати? Не иссякнет ли моя воля от долготерпения... и, наконец, не будет ли окончательно разоблачено в моих глазах все то, что заставляет нас в жизни двигаться вперед?» [213, с. 426–429, 716–718].

Пламенная душа, которой его одарил Бог, – сколько раз на разный манер повторяли литераторы эти слова! А ведь Лермонтов в 1834 году писал это о самом себе. Он все понимал, этот загадочный юноша. Исповедываясь близкому другу Лопухиной, Лермонтов писал о том, «что если мой характер несколько изменился, то сердце неизменно». Далее иронизирует над собой: «Я так пресыщен своей собственной персоной, что, когда я ловлю себя на том, что восхищаюсь своей мыслью, я стараюсь припомнить, откуда я ее вычитал. И в результате я дошел до того, что перестал читать, чтобы не мыслить... Я бываю теперь в свете... для того чтобы меня узнали, чтобы доказать, что я способен находить удовольствие в хорошем обществе: а!!! Я ухаживаю, и вслед за объяснением в любви я говорю дерзости; это еще меня немного забавляет, и хотя это не совсем ново, по крайней мере редко встречается! Вы подумаете, что за это меня попросту выпроваживают... ну нет, совсем наоборот... женщины так созданы; я начинаю держать себя с ними самоувереннее; ничто меня не смущает – ни гнев, ни нежность: я всегда настойчив и горяч, а мое сердце довольно холодно; оно бьется только в исключительных случаях: не правда ли, далеко пошел... и не думайте, что это бахвальство: сейчас я самый скромный

Е. А. Сушкова. Миниатюра неизвестного художника, 1830-е

человек, к тому же я знаю, что это не подымет меня в Ваших глазах; но я это говорю потому, что только с Вами я отваживаюсь быть откровенным. ...Вы одна умеете меня жалеть, не унижая, ибо я сам себя уже унижаю. ...Холодная ирония, которая неудержимо проскальзывает мне в душу, как вода просачивается в разбитое судно».

Вот оно! Вот когда стала проникать в разбитую душу поэта холодная ирония над чванными окружающими, над светскими красавицами, охочими до сплетен и женихов. Лермонтов не нашел в них ничего возвышенного, что бы питало душу поэта. Но он прекрасно отдает себе отчет в некоторой неблаговидности своего поведения («Не правда ли, далеко пошел»). Однако его насмешка распространяется не только на окружающих, главное, он ироничен, а значит, самокритичен («Я сам себя унижаю»).

Подтверждением тому – широко дискуссируемая в литературе история Лермонтова с Екатериной Сушковой. А ведь у этой истории давние корни. Еще в июне 1833 года в переписке с Марией Лопухиной Мишель писал: «Я верю Вам, что С. [Сушкова] фальшива, потому что знаю, что Вы никогда не исказите истины, особенно в дурную сторону! Бог с ней!» [213, с. 422–424, 712–713]. А 23 декабря 1834 года с опасением и заботой о своем близком друге Алексее Лопухине писал его сестре Марии Лопухиной: «Послушайте, мне показалось, что он [Алексей Лопухин] питает нежность к Екатерине Сушковой... знаете ли вы это? – дядюшки этой девицы хотели бы их повенчать!.. Сохрани Боже!.. Эта женщина – летучая мышь, крылья которой цепляются за все, что попадается на пути! – Было время, когда она мне нравилась. Теперь она меня почти принуждает ухаживать за ней... но я не знаю, есть что-то в ее манерах, в ее голосе такое жесткое, отрывистое, резкое, что отталкивает. Стараясь ей понравиться, испытываешь потребность ее компрометировать, наблюдать, как она запутывается в собственных сетях» [213, с. 426–429, 716–718].

Весной 1835 года Лермонтов дает полный отчет Александре Михайловне Верещагиной о своих «амурных приключениях» с Сушковой: «От вас обеих [Лопухина и Верещагина] я не могу утаить правды – от вас, которые были наперсницами моих юношеских грез, столь прекрасных особенно в воспоминании». История с Сушковой не рассорила Лермонтова с Алексе-

ем Лопухиным. Лермонтов очень откровенно пишет: «Я начал ухаживать за ней не потому, что это было отблеском прошлого, – сперва это являлось предлогом для времяпровождения, а затем, когда мы пришли к доброму согласию, сделалось расчетом и вот каким образом. Я увидел, вступая в свет, что у каждого имеется свой пьедестал: богатство, имя, титул, покровительство... Я понял, что если бы мне удалось кого-нибудь занять собой, то другие незаметно займутся мной – сначала из любопытства, а потом из соревнования».

Еще не признанный поэт, во многом уже мудрый, он все еще не преодолел комплексы юности и страстно желал обратить на себя внимание общества, в котором хоть и скучал, но в которое стремился. Лермонтов проявил потрясающие аналитические способности, знание женской натуры и светской жизни, выстраивая историю с Сушковой. Описывая подробности своего поведения с ней, которые читателю, вероятно, хорошо известны, Лермонтов понимал, что его скорее пожурят, чем осудят: «Так происходило это трогательное приключение, которое, конечно, составит Вам обо мне хорошенькое мнение!» Что это, старые обиды («Я хорошо отомстил за слезы, которые заставило меня проливать кокетство m-lle С. [Сушковой] пять лет тому назад») или приобретенная мудрость и стремление наказать безнравственность («Она заставила страдать сердце ребенка, я же подверг пытке самолюбие старой кокетки»)? Я склоняюсь к последнему: это было одно из проявлений конфронтации поэта и тогдашних светских правил и законов.

За три года жизни в Петербурге Лермонтов повзрослел и прекрасно это осознает: «Дело в том, что я очень изменился. Я не знаю, как это делается, но каждый день придает новый штрих моему характеру и моим взглядам. Это должно было случиться, я это всегда знал...» – и довольно жестко завершает: «Теперь я не пишу романов, – я их делаю».

В 1838 году он помирился с Сушковой и даже был шафером на ее свадьбе. Но «старая кокетка» проявила себя в мемуарах, присвоив себе многие посвящения Лермонтова, ей не адресованные. В 1835 году, несмотря на браваду, в Петербурге Лермонтов чувствует себя одиноко: «У меня вид счастливого и беспечного человека...», однако велик «контраст между душой и наружностью». И продолжает: «Не могу Вам выразить, как огорчил меня отъезд бабушки. Во всем большом городе не останется ни единого существа, которое действительно мне сочувствует...».

Зимой 1836 года Лермонтов получил отпуск и встречал Новый год с бабушкой в Тарханах, откуда пишет другу Святославу Раевскому: «Слушаю, как под окном воет метель (здесь все время ужасные [метели], снег в сажень глубины, лошади вязнут); соседи оставляют друг друга в покое, что весьма приятно; ем за десятерых; пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве [«Два брата»]». Москва по-прежнему волнует Лермонтова, как вынужденно оставленная родина, на которую он обижен: «О Москва, Москва, столица наших предков, златоглавая царица России великой, малой, белой, черной, красной – всех цветов. Москва преподло со мною поступила». Лермонтову приятна тишина

и спокойствие Тархан, он может отдаваться творчеству, но поэт продолжает скучать по Москве и сетует на то, что вынужден был ее покинуть в 1832 году. Из этого письма также ясно, что драму «Маскарад», которую Лермонтов несколько раз представлял в печать, снова не пропустила цензура: «Я опасаюсь, что моего «Арбенина» снова не пропустили». Тон письма, как всегда, откровенный и насмешливый. Он не ханжа – не чурается и грубых выражений, принятых в мужском кругу. Однако предупредительно бережет слух приятеля: «Я тебе не описываю своего похождения в Москве в наказание за твою излишнюю скромность» [213, с. 433–434].

В трех последующих письмах бабушке из Царского Села весной 1836 года Мишель, обращаясь всегда ласково и уважительно – «милая бабушка», обсуждает разные хозяйственные проблемы. Он сознается, что в делах продажи имения Кропотово, доставшегося ему от отца, он мало что понимает и без совета бабушки боится «наделать глупостей». О приезде в Царское Село императора Николая I пишет уважительно: «Скоро государь, говорят, переезжает в Царское Село – и нам начнется большая служба». В одном из этих писем Лермонтов указывает и точный адрес, где будет жить с бабушкой в Петербурге: «Квартиру я нанял на Садовой улице, в доме князя Шаховского». Там он напишет свое гениальное стихотворение «Смерть поэта» [213, с. 434–436].

Об истории создания стихотворения «Смерть поэта» и его значении написано очень много. Мы знаем слова Лермонтова: «Нет, я не Байрон», но все случилось именно так, как писал о себе Байрон: «Однажды утром я проснулся и увидал себя знаменитым» [221]. Рукопись эмоционального и гневного стихотворения Михаила Лермонтова разошлась в одночасье по Петербургу. Слава последовала незамедлительно, как и последующая опала.

Вместе с Лермонтовым пострадал его друг Святослав Раевский, способствовавший распространению рукописи. Имя Раевского прозвучало при допросе Лермонтова. Мишель, понимая, что выдал друга, был чрезвычайно расстроен. Однако он не пытается это скрыть и пишет другу правду об обстоятельствах допроса в феврале и марте 1837 года: «Ты не можешь вообразить моего отчаяния, когда я узнал, что я виной твоего несчастия. ...Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет и что если я запрусь, то меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог. Я тебя принес в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать – но я уверен, что ты меня понимаешь, и прощаешь, и находишь еще достойным своей дружбы...» [213, с. 436–438].

В эту «минуту жизни трудную» Мишель думал не о себе, не о том, что его разжалуют в солдаты, – он думал о горе бабушки. Он принес в жертву своего товарища, рассказав о записке, которую прислал ему предусмотрительный Раевский, относительно того, что надо согласованно говорить на допросе. Раскаяние мучило Лермонтова, пока он не получил письмо от Раевского: «Ты не можешь вообразить, как ты меня обрадовал своим письмом. У меня было на совести твое несчастье, меня мучила мысль, что ты за меня страдаешь». Мишель сообщает Раевскому, что его родственники

хлопочут о судьбе его друга: «Краевский (журналист, приятель Раевского и тогда только знакомый с Лермонтовым. – *Прим. авт.*) на меня пеняет за то, что и ты пострадал за меня?» – и обобщает свое состояние: «Мне иногда кажется, что весь мир на меня ополчился, и если бы это не было очень лестно, то, право, меня бы огорчило...».

После семи лет, отданных литературному труду, и публичного молчания Лермонтов заслужил оглушительную славу и опалу. Но его реакция скорее похожа на реакцию шаловливого подростка («Ему и больно и смешно, и мать грозит ему в окно»). Лермонтов прекрасно знал о своих недостатках («...Мой самый главный недостаток – тщеславие и самолюбие») [213, с. 446–448, 739–741], которые были удовлетворены. Отправляясь в ссылку на Кавказ, он пишет своему другу: «Прощай, мой друг. Я буду к тебе писать про страну чудес – Восток. Меня утешают слова Наполеона: “Великие имена создаются на Востоке”. Видишь: все глупости». Можно было бы подумать, что это легкомысленно, если бы не знать Лермонтова. Это свою грусть и желание приободрить друга он прячет под маской легкомыслия.

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь Бог да совесть!
1837 [214, с. 95]

Все последующие письма Лермонтова о пребывании на Кавказе суть дорожные впечатления: он подробно описывает маршруты своих передвижений и новые планы. Он восхищается видами Кавказа: «Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору [Крестовая], на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии как на блюдечке, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух – бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит – ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь». Пишет о том, что, как выехал из России, то «...находился до сих пор в беспрерывном странствовании»; что «государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два, три выстрела; зато два раза в моих путешествиях отстреливался». Лермонтов много рисует: «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал». Лермонтов сообщает, что «начал учиться по-татарски, язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе, впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию...», «...в экспедицию в Хиву с Перовским» [213, с. 440–441].

У Михаила Юрьевича появились серьезные планы изучения истории и культуры Востока. Они были прерваны переводом Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк в конце 1837 года.

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет. 1837–1838. Акварель

В конце января 1838 года Лермонтов уже в Петербурге. Вероятно, в одном из первых писем из Петербурга, адресованных М. А. Лопухиной, он пишет: «Мне до смерти скучно. Первые дни своего приезда, Вы знаете, я без отдыха представлялся, совершал парадные визиты ...ходил в театр ...но мне он уже надоел. И вдобавок меня преследуют все мои милые родственники. Не хотят, чтобы я бросал службу, хотя я мог бы уже это сделать, так как те господа, которые вместе со мной поступили в гвардию, уже вышли в отставку. Наконец, я изрядно пришел в отчаяние» [213, с. 440–441].

Запомним это: уже в феврале 1838 года Лермонтов хотел уйти в отставку, но родственники противились его желанию. Тема отставки с тех пор звучит в письмах Лермонтова постоянно, вплоть до самых последних дней.

Накануне отъезда «в Великий Новгород, ужасный Новгород», как его называет Лермонтов, по месту службы, он пишет М. А. Лопухиной: «Я обнаружил дома пропасть сплетен... Это отвратительно, особенно для меня, потому что я утратил к этому привычку на Кавказе, где дамское общество встречается очень редко» – и шутливо замечает: «Либо оно не склонно к беседе (как, например, грузинки, поскольку они не говорят по-русски, а я по-грузински)». Главным его утешением и гордостью было посещение И. А. Жуковского: «Я был у Жуковского и по его просьбе отнес ему «Тамбовскую казначейшу», которую он просил; он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, напечатано будет в ближайшем номере “Современника”». Это четвертое опубликованное произведение Лермонтова. К письму М. А. Лопухиной он прилагает великолепное стихотворение «Молитва странника». И сопровождает комментарием, обнаруживая при этом небрежное отношение к своим – впоследствии бесценным – рукописям: «Я посылаю Вам стихотворение, которое я нашел случайно в ворохе своих путевых бумаг и которое мне в какой-то степени понравилось, потому что я его забыл» [213, с. 442–445, 736–738].

Стараниями бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой в апреле 1838 года Лермонтова переводят снова в лейб-гвардии гусарский полк в Царское Село. Однако полковая муштра наводит на него тоску: «Я здесь по-прежнему скучаю; как быть? покойная жизнь для меня хуже. Я говорю покойная, потому что ученье и маневры производят только усталость.

М. Ю. Лермонтов. Тифлис. 1837

Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовал, но неудачно». Лермонтов часто бывает в Петербурге – светская жизнь его тоже явно раздражает. В письме Марии Александровне Лопухиной в конце 1838 года он исповедывается: «Я самый несчастный из людей,.. я ежедневно посещаю балы. Я кинулся в большой свет. Целый месяц я был в моде, меня разрывали на части. Это, по крайней мере, откровенно. Весь этот свет, который я оскорблял в своих стихах, с наслаждением окружает меня лестью; самые красивые женщины выпрашивают у меня стихи и хвалятся ими как величайшей победой. – Тем не менее я скучаю. Я просился на Кавказ – отказали. Не желают даже, чтобы меня убили. ...Вы знаете мой самый главный недостаток – тщеславие и самолюбие. Было время, когда я стремился быть принятым в это общество в качестве новобранца. Это мне не удалось – аристократические двери для меня закрылись. А теперь в это же самое общество я вхож уже не как проситель, а как человек, который завоевал свои права. Согласитесь, что все это может вскружить голову. К счастью, моя природная лень берет верх – и мало-помалу я начинаю находить все это крайне несносным. Но этот новый опыт принес мне пользу, потому что дал мне в руки оружие против общества, и, если когда-либо оно будет преследовать меня своей клеветой (а это случится),

К. Бонштедт. Вид на Стрелку Васильевского острова. 1847

у меня будут по крайней мере средства мщения; несомненно, нигде нет столько подлостей и смешного. Я убежден, что Вы никому не расскажете про мое хвастовство, ибо меня сочтут более смешным, чем кого-либо; с Вами же я говорю как со своей совестью» [213, с. 446–448, 739–741]. В марте 1839 года Лермонтов с горькой иронией добавляет: «Я похож на человека, который хотел отведать от всех блюд разом, сытым не наелся, а получил индижестию [несварение], которая вдобавок, к несчастию, разрешается стихами» [213, с. 446–448, 739–741].

Достигнув заслуженного признания поэта в светском обществе, Лермонтов предстает перед нами не с открытой и возвышенной душой, каким он был в юношеские годы, а умудренным тяжким опытом героем своего времени, с сарказмом, скептицизмом оценивающим восхищение людей, которых совсем недавно оскорблял в своих стихах. Лермонтов ясными, четкими фразами сформулировал свою позицию по отношению к окружавшей его пестрой толпе – «образы бездушные людей», поставил свой диагноз высшему свету, детали же он блестяще обрисовал в стихах и в «Герое нашего времени».

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
...

Т. В. Эйгес. На балу. Иллюстрация к драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 1941

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
1838 [218, с. 113–114]

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,
‹…›
Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..
1840, 1 января [218, с. 136–137]

При всем при том Лермонтов остается заботливым и внимательным к своим близким друзьям. В 1839 году он посвящает нежное стихотворение «Ребенка милого рождение» дню рождения первого сына Алексея Лопухина. В письмах он постоянно просит написать ему, что с ними происходит, и горько сетует: «Вышел бы в отставку, да бабушка не хочет – надо же ей чем-нибудь пожертвовать. Признаюсь тебе, я с некоторого времени ужасно упал духом» [213, с. 446–448, 739–741].

Настораживающее предупреждение Лермонтова насчет клеветы общества: «Если когда-либо оно будет преследовать меня своей клеветой [а это случится]» – не было пустой фразой. В конце декабря 1839 года добрейший Александр Иванович Тургенев просил Лермонтова прислать строки из стихотворения «Смерть поэта» («Его убийца хладнокровно навел удар, спасенья нет!..»), касающиеся французской нации. Лермонтов знал, для чего это А. И. Тургеневу, и осторожно заметил, что «для известного употребления» [213, с. 450]. А. И. Тургенев впоследствии утверждал, что сын французского посла хотел удостовериться, что в стихах не нанесено оскорбления французской нации, и якобы удостоверился. Но 16 февраля 1840 года на балу у графини Лаваль в ее особняке на Английской набережной в Петербурге произошла ссора Лермонтова с Эрнестом Барантом, сыном французского посла при дворе Николая I. Истинные причины ссоры так и остались не ясны: то ли была замешана женщина, то ли Лермонтов обменялся с Барантом колкостями по поводу французской нации и убийства А. С. Пушкина. Сам Лермонтов в рапорте на имя командира лейб-гвардии гусарского полка, в котором он служил, Николая Федоровича Плаутина в начале марта 1840 года писал: «16 февраля на бале у графини Лаваль господин Барант стал требовать у меня объяснения насчет будто мною сказанного; я отвечал, что все ему переданное несправедливо, но так как он был этим недоволен, то я прибавил, что дальнейшего объяснения давать ему не намерен. На колкий его ответ я возразил такой же колкостию, на что он сказал, что если б находился в своем отечестве, то знал бы, как кончить дело; тогда я отвечал, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и что мы меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно. Он меня вызвал, мы условились и расстались» [213, с. 451].

Со слов Лермонтова, дуэль фактически состоялась по чьему-то наушничеству и клевете («все ему [Баранту] переданное несправедливо»). И по поводу неизвестного «переданного» Лермонтов и Барант обменялись колкостями, что стало причиной дуэли – тогда единственного способа постоять за свою честь. Отыскивая причины дуэли, мы упускаем главное: в наше время, в начале XXI века, трудно уяснить, что значит быть готовым умереть за свою поруганную честь. Защита чести и достоинства была основной причиной дуэли. Почему Лермонтов на дуэли с Барантом выстрелил в воздух? И почему Барант был этим так оскорблен? Лермонтов был мудрее и не хотел стрелять в человека недалекого, поверившего, вероятно, в светскую сплетню или сфабрикованную ложь.

Стыдись лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной, – все то же,
Что черпать воду решетом.
От сих троих избавь нас, Боже!
1829 [214, с. 42–43]

Барант понял это. Чтобы обелить себя, Барант стал распускать слухи, что Лермонтов вообще не стрелял, а его показания на допросе были ложью. Клевета, распространяемая Барантом и его окружением, стала известна и Лермонтову, что вызвало его естественный гнев. Личное объяснение с Барантом привело к еще большему оговору, и Лермонтова обвинили в том, что он повторно вызвал Баранта на дуэль. Это осложнило дело. Лермонтов был обвинен не только в повторном вызове, но и в противозаконном свидании с Барантом на гауптвахте. Вопрос о дуэли Лермонтова решался на самом высоком уровне. Французское посольство настаивало на строгом наказании. 13 апреля 1840 года Николай I ограничил наказание Лермонтова переводом в армию, в Тенгинский пехотный полк, который принимал участие в опасных операциях против горцев на Кавказе. Перед отправкой на Кавказ Лермонтов был вызван к Бенкендорфу. Шеф жандармов потребовал от него письменного извинения перед Барантом. Лермонтов отказался. Честь и достоинство Лермонтова были настолько уязвлены, что 27 апреля 1840 года он пишет письмо великому князю Михаилу Павловичу: «Признавая в полной мере вину мою и с благоговением покоряясь наказанию... из слов его сиятельства [Бенкендорфа] увидел, что на мне лежит еще обвинение в ложном показании, самое тяжкое, какому может подвергнуться человек, дорожащий своей честью. Граф Бенкендорф предлагал мне написать письмо к Баранту, в котором бы я просил извиненья в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил на воздух. Я не мог на то согласиться, ибо это было бы против моей совести. Я искренно сожалею, что показание мое оскорбило Баранта: я не предполагал этого, не имел этого намерения; но теперь не могу исправить ошибку посредством лжи, до которой никогда не унижался» [213, с. 453–454]. Великий князь оставил послание Лермонтова без внимания.

Так и закончилась эта странная дуэль, начавшаяся с инсинуации, с клеветы на Лермонтова и закончившаяся ложным обвинением его во лжи. Политическая подоплека ссылки Лермонтова на Кавказ за эту дуэль лишь в том, что дело касалось сына французского посланника в России в то время, когда отношения между Францией и Россией были очень сложными. Император собственной волей смягчил приговор по сравнению с теми мерами, на которых настаивали члены кабинета министров и французского посольства. Шел ли Лермонтов на намеренный конфликт именно с французской нацией, один из представителей которой три года назад не пощадил русской славы («Не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку

Дом Лавалей на Английской набережной. Здесь произошла ссора М. Ю. Лермонтова с сыном французского посланника в Петербурге бароном де Барантом

поднимал»), этот вопрос остался неясным. Однако если принять во внимание характер Лермонтова, поэт должен был получить моральное удовлетворение от этой дуэли. По сути, вся цепь событий – «Смерть поэта», дуэль, разбирательство, новая ссылка, закончившаяся так трагически, – объясняется тем, что Лермонтов считал главным в жизни: честь, достоинство, человеческие ценности должны преобладать над политическим и светско-гражданским диктатом.

За год до смерти, 17 июля 1840 года, Лермонтов пишет с Кавказа Алексею Лопухину: «Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк!» Лермонтов шутит по поводу увлечений своего сослуживца, очень смешно описывает провинциальный театр в Черкесске, шутливо сетует, что «в Ставрополе таких удовольствий нет; зато ужасно жарко» [213, с. 454–455]. В сентябре 1840 года в письме Алексею Лопухину Лермонтов тоскует по друзьям и боится, что они его забудут («Ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают»); подробно описывает сражение на реке Валерик: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое... их 600 тел осталось на месте, – кажется, хорошо! – вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью... Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка [свойства], мало

найдется удовольствий, которые бы не показались приторными. Только скучно то, что либо так жарко, что насилу ходишь, либо так холодно, что дрожь пробирает, либо есть нечего, либо денег нет». В последних словах звучит легкая ирония, которая никогда не покидала Лермонтова. В стихотворении «Валерик» Лермонтов описывает сражение. Замечательные философские строки, которые мы всегда должны помнить:

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет! ...Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?
1840 [218, с. 172]

Но война продолжается, и русский офицер, поэт и писатель Лермонтов всегда впереди, как он обещал в 1832 году: «...Если будет война, клянусь Богом, буду везде впереди» [213, с. 418–421, 706–709]. В письме Алексею Лопухину в середине октября 1840 года Михаил Юрьевич пишет: «Я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков (разный сброд, волонтеры, татары и проч.), это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то авось что-нибудь дадут» [213, с. 456–457]. Лермонтов это пишет, потому что знает, что «из Валерикского представления... вычеркнули, так что даже я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда надену штатский сюртук» [213, с. 457–458]. В письме звучит сердечная боль и тоска по семейному очагу и уюту: «Когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки – все картины военной жизни, которых я был свидетелем. Варвара Александровна [жена Лопухина] ...уснет от моего рассказа, а тебя вызовет в другую комнату управитель, и я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему сыну». Бабушка Лермонтова все время подавала прошения о его прощении. Но вместо прощения дали отпуск. «Но я скоро еду опять к вам, и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот такие беды: приехав сюда, в Петербург, на половине Масленицы я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломки бы подостлал; обществом зато я был принят очень хорошо», – пишет он из Петербурга своему другу Александру Ивановичу Бибикову, с которым вместе служил на Кавказе. И продолжает: «Я не намерен очень торопиться... верно, отряд не выступит прежде 20 апреля, а я к тому времени непременно буду. Покупаю для общего нашего обихода Лафатера и Галя и множество других книг» [213, с. 457–458]. Находясь на Кавказе, Лермонтов много читал и постоянно пополнял свою библиотеку.

Но проездом к месту службы Лермонтов задержался в Москве, откуда писал бабушке 19 апреля 1841 года: «Я в Москве пробуду несколько дней, остановился у Розена [Д. Г. Розен – однополчанин Лермонтова]; Алексей Аркадьевич [Столыпин – Монго] здесь еще; и едет послезавтра. Я здесь принят был обществом, по обыкновению, очень хорошо – и мне довольно весело; был вчера у Николая Николаевича Анненкова [генерал-майор свиты его величества, литератор-любитель], и завтра у него обедаю; он был со мною очень любезен» [213, с. 458–459]. Через месяц, 10 мая 1941 года, Лермонтов уже в Ставрополе, откуда сообщает бабушке: «Ехал я с Алексеем Аркадьевичем, и ужасно долго ехал, дорога была прескверная, теперь не знаю сам еще, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды». Таким образом, мысль поехать на воды, в Пятигорск, уже оформилась у Лермонтова и Столыпина. Но главный вопрос, который интересует Лермонтова, – отставка: «Я все надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощенье и я могу выйти в отставку» [213, с. 459–460]. Тем же числом Лермонтов пишет письмо Софье Николаевне Карамзиной (1802–1865, дочь писателя и историка Н. М. Карамзина). Тон письма уже, конечно, совсем иной, шутливый и жизнерадостный. Лермонтов полон творческих сил, пишет стихи и почитает это за счастье: «Я только что приехал в Ставрополь и в тот же день уезжаю в экспедицию. Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это все, что только можно мне пожелать. Я надеюсь, что это письмо Вас застанет еще в С.-Петербурге и что в ту минуту, как Вы будете его читать, я ворвусь в пролом Черкея. Так как Вы обладаете основательными познаниями в географии, то я не заставляю Вас смотреть на карту, чтобы узнать, где это; но в помощь Вашей памяти скажу, что это между Каспийским и Черным морем, немного южнее Москвы и немного севернее Египта, а главное, довольно близко к Астрахани, которая Вам так хорошо знакома... Я не знаю, будет ли это продолжаться, но в течение моего путешествия я был одержим демоном поэзии, то есть стихов. Я заполнил наполовину книгу, которую мне подарил Одоевский, что мне, вероятно, принесло счастье. Я дошел до того, что стал сочинять французские стихи: О извращенность! Признаюсь Вам, что я изрядно устал от всех этих путешествий, которые, по-видимому, продолжаются в вечности» [213, с. 460–461, 758–760].

Последнее дошедшее до нас письмо Михаила Юрьевича от 28 июня 1841 года – за семнадцать дней до смерти поэта – адресовано бабушке Елизавете Алексеевне Арсеньевой. Письмо вполне спокойное, полное планов на будущее и надежды получить отставку: «Пишу к Вам из Пятигорска, куда я опять заехал и где пробуду несколько времени для отдыху». Он обещает разрешить некоторые хозяйственные дела. Очень просит бабушку переслать ему книги: «Пожалуйста, тотчас по получении моего письма пошлите мне ее [книгу графини Растопчиной] сюда, в Пятигорск. Прошу Вас также, милая бабушка, купите мне полное собрание сочинений Жуковского последнего издания и пришлите также сюда тотчас. Я бы просил также полного Шекспира, по-английски, да не знаю, можно ли найти в Пе-

тербурге; препоручите Екиму [Шан-Гирей]. Только, пожалуйста, поскорее; если это будет скоро, то здесь еще меня застанет. То, что Вы мне пишете о словах г-на Клейнмихеля, я полагаю, еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь еще ждать?» [213, с. 461–462]

Действительно, ждать нечего: не могли застать поэта в Пятигорске ни книга Ростопчиной, ни полные собрания сочинений Жуковского и Шекспира. Никаким мирским его желаниям об отставке и порывам доброй и благородной души не суждено уже сбыться. Гениальный русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов погиб на дуэли от руки русского офицера Николая Мартынова на исходе дня, во вторник, 15 июля 1841 года, у Перкальской скалы, у подножия горы Машук, в четырех километрах от Пятигорска.

В 1841 году, за пару месяцев до смерти, Михаил Юрьевич пишет стихотворение «Сон».

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь сочилася моя. [218, с. 197]

Трудно вспомнить другое литературное произведение, в котором бы автор с такой мистической точностью предсказал свою смерть.

Поэт-пророк уходил из земной жизни с последним завещанием потомкам.

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.
Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;
Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.
Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
с улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вот пример для вас!

Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!
Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Двести лет прошло со дня рождения гениального поэта-пророка, а его строки о неудовлетворенной жажде любви и правды по-прежнему звучат современно.

Острожниковская ветвь рода Лермонтовых

Эта ветвь рода Лермонтовых ведет начало и название от села Острожниково Чухломского уезда Костромской губернии, пожалованного основателю рода Лермонтовых Георгу Лермонту в 1619 году за службу Российскому государству. В селе Острожниково была выстроена усадьба, в которой родилось и выросло не одно поколение Лермонтовых.

Часть Острожниковской ветви

В родословную включены наиболее знатные представители

Подробная родословная представлена в книге
И. В. Воронцова «Поколенная роспись рода Лермонтовых»

Георг Лермонт (1590-е - 1634)

Петр / Питер Лермонт (... - 1679). Воевода в Саранске

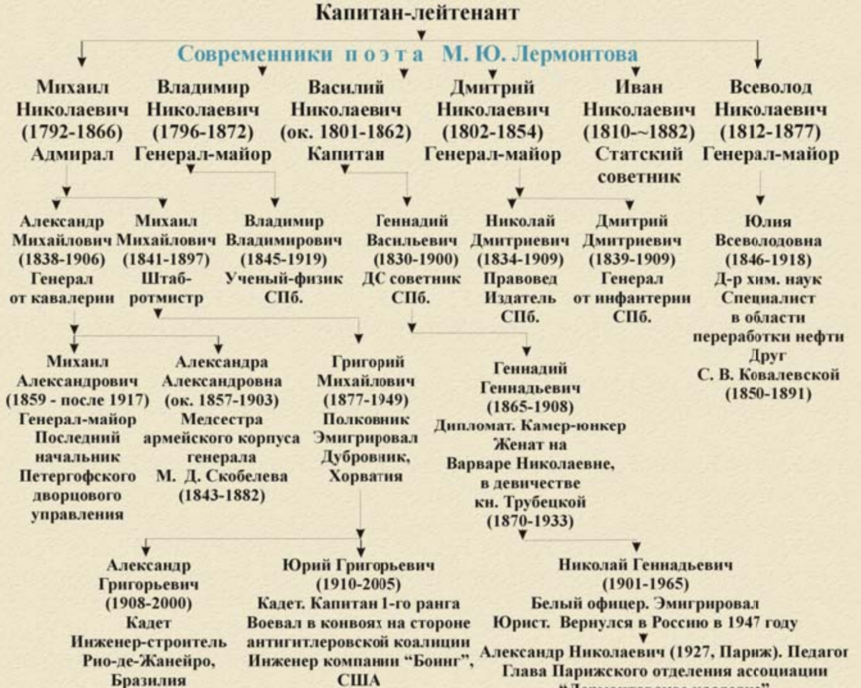
Петр Лермонт (... - 1707). Стольник

Михаил Петрович
Основатель Острожниковской ветви рода Лермонтовых

Михаил Михайлович (1716-1769). Прапорщик

Петр Михайлович Лермонтов (1744-1785). Прапорщик

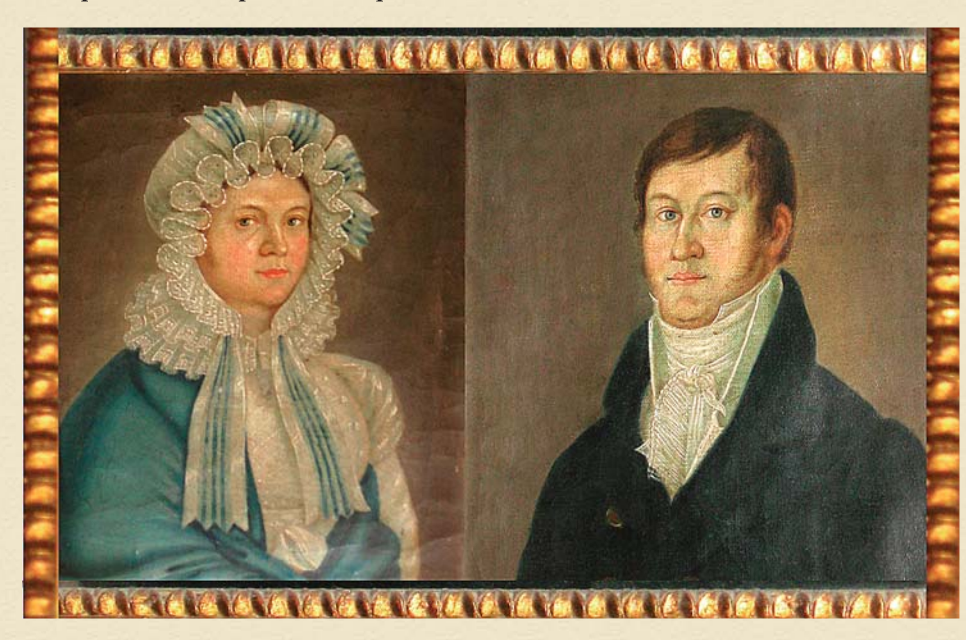
Николай Петрович (Лермантов) (1770-1827)
Капитан-лейтенант



Генеалогия Острожниковской ветви

Николай Петрович Лермонтов (Лермантов) (1770–1827)

Николай Петрович Лермонтов родился в 1770 году в родовой усадьбе Острожниково. Его отец Петр Михайлович (1744–1785), дед Михаил Михайлович (1716–1769), прадед Михаил Петрович были профессиональными военными и, уходя в отставку, жили в имении Острожниково. Прапрапрадед Петр Петрович Лермонтов служил стольником, прадед был офицером Преображенского полка. Представители этой ветви Лермонтовых писали свою фамилию через «а» – Лермантовы.



Портреты Марии Васильевны и Николая Петровича Лермонтовых. Из альбома семьи Бартен. Любезно предоставлены Л. Б. Сорокиной – племянницей А. А. Бартен

В 14 лет Николая Петровича отправили учиться в Морской шляхетский кадетский корпус в Петербурге. Позднее в чине капитан-лейтенанта он участвовал в войне со Швецией 1788–1790 годов. Вероятно, сразу после войны вышел в отставку и поселился в имении Острожниково [2, с. 39].

В 1790 году Николай Петрович женился на Елизавете Петровне Тарбеевой (1779–1794). Тарбеевы – древний род, известный с 1340 года. В XVI веке Тарбеевы были служилыми дворянами, род Тарбеевых занесен в дворянские книги нескольких российских губерний [222]. В 1791 году у них родился сын Петр, а в 1792 году – Михаил.

После смерти первой жены в 1794 году Николай Петрович женился на Марии Васильевне (1779–1828), дочери богатых чухломских дворян Василия Васильевича и Матрены Ивановны Перфильевых. Матрена Ивановна была из древнего рода Корсаковых [222, 223].

Этот брак был очень удачным. За женой Николай Петрович получил поместье в селе Ивановское Чухломского уезда, в 28 верстах к востоку от Чухломского озера (генеральная карта Костромской губернии, С.-Петербург, 1822). В это же время Николай Петрович Лермонтов занялся винными откупами при активной поддержке жены и ее родственников Перфильевых [44]. Интересный факт: один из родственников Перфильевых – Василий Степанович, сын генерала от инфантерии Степана Васильевича Перфильева (1796–1878), стал прообразом Стивы Облонского из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» [224].

Надворный советник Николай Петрович Лермонтов, будучи расчетливым и удачливым бизнесменом, скоро стал одним из самых богатых помещиков Костромской губернии. В 1794–1796 годах во главе дворянской опеки стоял Федор Петрович Шипов, муж родной тетки Николая Петровича Елизаветы Михайловны Шиповой, урожденной Лермонтовой. Николай Петрович возглавлял нижний земской суд в должности земского исправника в 1794–1797 годах.

Шиповы, так же как и Лермонтовы, в то время были одними из самых богатых и влиятельных семей в Чухломском уезде. «Отец Федора Петровича Шипова, Петр Михайлович Шипов (1685–1753), был одним из ближайших сподвижников Петра I и одним из создателей Петербурга: будучи сенатором, тайным советником и президентом статс-конторы, ведал делами по строительству столицы. В книге воспоминаний уроженца Чухломского уезда Николая Петровича Макарова, вышедшей под названием «Мои семидесятилетние воспоминания» (Санкт-Петербург, 1882), по словам Григорова, много написано о Елизавете Михайловне Шиповой. Е. М. Шипова была самой знатной и богатой помещицей в Чухломском уезде в начале XIX века, имела авторитет и большое влияние не только в губернии, но даже и в обеих столицах. Вот как характеризует ее Григоров: «…У нее были большие связи и огромное влияние на многих должностных лиц того времени благодаря ее бойкому, острому, жгучему уму, своей твердой, настойчивой воле, своему гениальному таланту к интригам и пронырству, своей величественной красоте и отсутствию ригоризма и ханжества…». Со слов Григорова Макаров писал, что Е. М. Шипова получила в губернии прозвища Чухломская султанша, Богородица из Чухломы, Тузиха и др. Писатель-чухломич А. Ф. Писемский в рассказе «Старая барыня» описал Е. М. Шипову в образе гофинтендантши Пасмуровой [45, с. 338–340].

Стараниями Елизаветы Михайловны Шиповой был построен каменный храм вместо деревянного в селе Михайловское в 1800 году. В 1828–1829 годах перестроены приделы храма Успения в селе Сенное, возведенного в 1773 году на средства Юрия Матвеевича Лермонтова и поручика А. М. Шипова [2, с. 28].

В 1797–1812 годах Николай Петрович Лермонтов избирался предводителем дворянства Чухломского уезда и, соответственно, возглавлял дворянскую опеку [225, 226]. Был известным меценатом и почетным смотрителем Чухломского уездного училища, оставаясь в этой должности до самой смерти.

Николай Петрович Лермонтов скончался 11 октября 1827 года, в возрасте 58 лет, похоронен в Авраамиево-Городецком монастыре в городе Чухломе. На его могиле было начертано: «Добродетельному незабвенному супругу и чадолюбивому отцу. Въ мир вкуп усну и почiю, яко Ты, Господи, на упованiи вселилъ мя еси. – Псал. 4». Там же похоронена Мария Васильевна Лермонтова, в девичестве Перфильева, которая скончалась 2 сентября 1829 года, в возрасте 49 лет [227, с. 483].

Двое старших сыновей Николая Петровича Лермонтова от первого брака, Петр (1791–1843) и Михаил (1792–1866), воспитывались Николаем Петровичем и Марией Васильевной Лермонтовыми наравне с их собственными десятью детьми: Владимиром (1796–1872), Василием (ок. 1801–1862), Дмитрием (1802–1854), Софьей (1808–1835), Елизаветой (1803–1875), замужем за Сумароковым Федором Абрамовичем, Александром (1806–1855), Иваном (1810 – после 1873), Всеволодом (1812–1877), Григорием (1814–1872), Алексеем (1815–1832).

Будучи поборником образования, Николай Петрович Лермонтов дал своим сыновьям блестящее образование и, по выражению Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, приложил весь свой талант «подготовить на службу Его Императорского Величества и сохранить должную честь, свойственную званию дворянина» [193, с. 634–636]. Все его сыновья оправдали надежды: достойные защитники Отечества, прославившие своей храбростью фамилию Лермонтовых, дослужились до высоких чинов и званий. О десяти сыновьях Николая Петровича Лермонтова – шестиюродных братьях и современниках поэта Михаила Юрьевича Лермонтова – пойдет речь в следующих главах.

Петр Николаевич Лермонтов (1791 (1793?)–1843)

Петр Николаевич Лермонтов – сын Николая Петровича Лермонтова и Елизаветы Петровны, урожденной Тарбеевой. Даты рождения Петра Лермонтова разнятся. По данным Игоря Васильевича Воронцова, Петр родился 5 июня 1791 года в усадьбе Острожниково Чухломского уезда Костромской губернии [2, с. 51]. В «Русском провинциальном некрополе» указана другая дата рождения – 15 декабря 1793 года [227, с. 494]. Согласно последней дате Петр Николаевич был вторым сыном после Михаила Николаевича Лермонтова (1792–1866).

В возрасте 15 лет отец отправляет его учиться в Петербург. Послужной список Петра Николаевича Лермонтова [228, с. 418]:

- 1806 год – поступил в Морской корпус кадетом;
- 1808 год – произведен в гардемарины. Плавал между Кронштадтом и Ревелем;
- 1809 год – на катере «Сокол» плавал между Або и Аландом, после чего на фрегате «Богоявление» прибыл из Вазы в Кронштадт (участвовал в Русско-финской войне 1808–1809 годов);

- 1810 год – на транспорте № 52 плавал между Петербургом и Кронштадтом;
- 1811 год марта 3-е – произведен в мичманы. На канонерских лодках плавал между Кронштадтом и Роченсальмом (ныне Котка, Финляндия);
- 1812 и 1813 год – на гемаме «Петергоф» (гребной фрегат) плавал в Финляндском и Рижском заливах;
- 1814 год – командуя транспортом № 20, плавал между Кронштадтом и Або;
- 1816 год марта 30-е – произведен в лейтенанты;
- 1818 год апреля 18-е – уволен от службы чином капитан-лейтенанта.

Петр Лермонтов от отца Николая Петровича Лермонтова получил деревню Давыдовское, а когда женился на Прасковье Степановне Кафтыревой, то получил за ней усадьбу Леняково в Буйском уезде. Петр Николаевич участвовал в общественной жизни Чухломского уезда: боролся с распространением холеры в 1830 году; был судьей в уездном суде [229]; избирался предводителем дворянства. После смерти П. С. Кафтыревой он женился на внебрачной дочери крестьянки из лермонтовского поместья Семеновское. Петр Николаевич Лермонтов скончался 23 мая 1843 года, похоронен в селе Великая Пустынь Чухломского уезда [2, с. 51].

Все дети Петра Николаевича Лермонтова родились в усадьбе Леняково. Потомство П. Н. Лермонтова утратило земли своего предка и разорилось.

Последним представителем этой ветви был тезка прадеда Петр Николаевич Лермонтов (1896–1975). Петр Николаевич закончил Первый московский кадетский корпус, в 1914 году пошел добровольцем на фронт. После Октябрьской революции вступил в Красную армию, одним из первых получил орден Красного Знамени. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, храбрый летчик, награжденный орденами и медалями [48, с. 468; 230, с. 89–90].

Михаил Николаевич Лермонтов (1792–1866)

Брат великого поэта в шестом поколении. Имел с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым (1814–1841) общего предка Петра Лермонтова (1630–1679).

Уж постоим мы головою
За родину свою!
М. Ю. Лермонтов. «Бородино»

Михаил Николаевич родился 15 января 1792 года в усадьбе Острожниково Чухломского уезда Костромской губернии в зажиточной дворянской семье отставного капитан-лейтенанта флота Николая Петровича Лермонтова и Елизаветы Петровны, урожденной Тарбеевой. Через два года его мать умерла, и отец Николай Петрович Лермонтов женился на

Марии Васильевне Перфильевой, дочери богатых чухломских дворян. Семья Лермонтовых вскоре переехала в усадьбу Ивановское, полученную отцом в качестве приданого за Марией Васильевной. Детство Михаила Николаевича прошло в усадьбе Ивановское в окружении большой семьи. К 1806 году у Михаила Лермонтова появились еще три брата: Владимир (1796), Василий (1801) и Дмитрий (1802).

В 1806 году в возрасте 14 лет Михаил поступил в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. С этого момента началась блистательная карьера военного моряка Михаила Николаевича Лермонтова, которую выразительно демонстрирует его официальный послужной список [228, с. 415-418]:

• 1807 год апреля 29-е – произведен в гардемарины;

• 1808 год – на катере «Снапоп» плавал в Финском и Ботническом заливах. Участвовал в сражении со шведской гребной флотилией при острове Пальва, награжден знаком отличия Военного ордена;

• 1809 года декабря 14-е – произведен в мичманы;

• 1811 года декабря 7-е – переведен в Гвардейский экипаж;

• 1812 год – командирован с Гвардейским экипажем в сухопутный поход от Петербурга до Вильно, где поступил в состав действующей армии и участвовал при понтонных и пионерных работах и в сражениях под Смоленском и Бородином, за что был награжден орденом Святой Анны IV степени (6 октября 1812 года);

• 1813 года июля 13-е – произведен в лейтенанты за отличие в сражении при Бауцене; участвовал в троекратном сражении под Кульмом, где был контужен и награжден орденом Святого Владимира IV степени, с бантом, и прусским железным крестом; потом плавал во флотилии по реке Эльбе до Терезиенштадта и участвовал при истреблении брандерами неприятельских мостов под Кенигштейном;

• 1814 год – участвовал в военных походах по Франции и был при взятии Парижа, после чего на фрегате «Архипелаг» перешел из Гавр-де-Грасса в Кронштадт;

• 1815 год – совершил с Гвардейским экипажем сухопутный поход от Петербурга до Вильно и обратно;

• 1816–1818 годы – командуя фрегатом «Россия», плавал между Петербургом и Кронштадтом;

• 1819 год – на фрегате «Гектор» плавал у берегов Великобритании и Франции;

• 1820–1823 годы – командуя галетом «Церера», ежегодно плавал между Петербургом и Кронштадтом;

• 1821 год – награжден орденом Святой Анны III степени;

• 1823 год – на фрегате «Проворный» плавал от Кронштадта до острова Исландия;

• 1824 года августа 30-е – переведен в капитан-лейтенанты. На корабле «Эмгейтен» плавал от Кронштадта до Ростока с Их Императорскими Высочествами великим князем Николаем Павловичем и великою княгинею Александрой Федоровной;

• 1825–1827 годы – командуя фрегатом «Россия», ежегодно крейсировал между Петербургом и Кронштадтом;

• 1828 год – с Гвардейским экипажем выступил в сухопутный поход из Петербурга в Тульчин, откуда в действующую армию под крепость Варну, участвовал при взятии Варны;

• 1828 год октября 2-е – произведен за отличия в капитаны II ранга;

• 1829 год – на корабле «Париж» крейсировал у румелийских берегов до Босфора и участвовал при взятии городов Мессимврии, Инады и Мидии. Награжден орденом Святой Анны II степени. Назначен командиром образцового флотского экипажа в Петербурге;

• 1830 год – командовал кораблем «Святой Георгий Победоносец» при проводке его от Петербурга до Кронштадта и потом крейсировал у Красной Горки;

• 1831 год – на корабле «Кацбах» перешел с десантными войсками в Либаву и содержал в ней караулы для охраны города от польских мятежников, исполняя должность временного коменданта;

• 1831 год августа 30-е – произведен в капитаны первого ранга;

• 1832 год – командовал кораблем «Святой Георгий Победоносец» в Балтийском море;

• 1832 год ноября 8-е – назначен вице-директором инспекторского департамента Главного морского штаба;

• 1832 год декабря 25-е – за выслугу 25 лет в офицерских чинах награжден орденом Святого Георгия IV степени;

• 1834 год – временно исправлял должность дежурного генерала Главного морского штаба. Награжден орденом Святого Владимира III степени;

• 1835 год – пожаловано единовременно 3000 руб.;

• 1836 год – назначен членом комитета, учрежденного для составления положения о бессрочных отпускных нижних чинах Морского ведомства;

• 1837 год – награжден орденом Святого Станислава II степени;

• 1837 год декабря 6-е – произведен в контр-адмиралы;

• 1839, 1841 и 1844 годы – исполнял должность дежурного генерала Главного морского штаба;

• 1839 год декабря 6-е – награжден орденом Святого Станислава I степени;

• 1841 год – назначен членом Второстепенного эмеритального комитета;

• 1846 год апреля 6-е – награжден орденом Святого Владимира II степени;

• 1847 год января 2-е – назначен членом особого комитета по пересмотру Устава гражданской службы;

• 1848 год августа 30-е – произведен в вице-адмиралы, с назначением главным командиром Свеаборгского порта и военным губернатором;

• 1854 год июня 2-е – назначен членом Морского генерал-аудиториата;

• 1857 год июля 29-е – назначен состоять по Морскому министерству;

• 1860 год февраля 26-е – переведен в адмиралы, с увольнением от службы;

• 1866 год июля 29-е – скончался.

Михаил Николаевич Лермонтов оставил рукопись объемом 502 страницы, в которой подробно изложена история Гвардейского экипажа, сви-

детелем которой он был. После смерти адмирала Михаила Николаевича Лермонтова его рукопись передала Его Императорскому Высочеству Александру II вдова адмирала Эмилия Федоровна Лермонтова, урожденная баронесса фон Стюарт [231]. Рукопись Лермонтова легла в основу многих монографий и книг по истории Гвардейского экипажа. В настоящее время она хранится в Российском государственном архиве военно-морского флота [232]. Михаил Николаевич Лермонтов в составе Гвардейского экипажа находился в горячих точках во время войны России с Наполеоном. Он разделил горести отступления и радости побед русской армии в Отечественной войне 1812 года и в заграничной кампании 1813–1814 годов. Его история – это история Отечественной войны 1812–1814 годов.

Боевое крещение Михаил Лермонтов получил в 1808 году, будучи совсем юным гардемарином. В Финляндской войне 1808–1809 годов Лермонтов на катере «Снапоп» участвовал в сражении со шведской гребной флотилией при острове Пальва 5 сентября 1808 года. Российской флотилией командовал контр-адмирал Алексей Ефимович Мясоедов. В тяжелых условиях при непрерывном ветре русский флот атаковал противника с трех флангов. Авангардный огонь продолжался более двух часов, но из-за больших потерь русские вынуждены были прекратить атаку. Шведы уже считали себя победителями, когда с левого фланга к ним подошли шесть русских суден, среди которых был 12-пушечный катер «Снапоп» под командованием капитан-лейтенантов Хвостова и Бутакова. В результате решительной атаки отважные моряки потопили четыре и взорвали два шведских судна. Русские моряки преследовали побежденных шведов шесть миль, и только из-за сильного тумана, скрывшего отступающий шведский флот, прекратилось преследование. Так храбрость и решительность русских военно-морских сил решила исход сражения у острова Пальва [233]. За проявленную отвагу 16-летний Михаил Николаевич Лермонтов был награжден орденом Святого Георгия – наградой нижних чинов за боевые заслуги, учрежденной императором Александром I в 1807 году.

В 1809 году Михаилу Николаевичу Лермонтову присвоен чин мичмана. А в 1811 году его зачисляют на службу в Гвардейский флотский экипаж. Рукопись мичмана Михаила Николаевича Лермонтова – воспоминания об участии в Отечественной войне 1812 года – с комментариями и дополнениями использовали авторы книг и статей о великой войне России.

Гвардейский флотский экипаж как самостоятельная морская часть гвардии был учрежден указом императора Александра I от 16 февраля 1810 года. Как офицеры, так и нижние чины из флотских экипажей переводились в Гвардейский флотский экипаж только за заслуги либо по личной рекомендации государя императора или высшего начальства.

Политические события конца 1811 – начала 1812 года свидетельствовали о неизбежности войны с Францией. 28 февраля 1812 года командир экипажа капитан второго ранга Иван Петрович Карцев получил приказ от государя начать приготовления Гвардейского экипажа к войне. Для предстоящего похода Гвардейский экипаж был зачислен в Первую дивизию пятого гвардейского корпуса Его Высочества великого князя Константина Павловича [234, с. 4, со ссылкой на рукопись М. Н. Лермонтова]. Гвардейский экипаж состоял из четырех рот по 100 человек в каждой, четырех командиров рот, четырех лейтенантов, пяти мичманов, одним их которых был Михаил Николаевич Лермонтов, впоследствии принявший адъютантство экипажа. Мундир офицеров Гвардейского экипажа выглядел следующим образом. Обер-офицеры – лейтенанты и мичманы – носили темно-зеленый двубортный мундир с белой выпушкой на борту; пуговицы – золотые, такие, как и у всей гвардейской пехоты; вышивка золотыми нитками на стоячем, без скосов воротнике и клапанах рукавов в виде якоря, перевитого канатом и веревками; края воротника, обшлагов и клапанов рукавов – с золотым канатом. Эполеты были как у всех гвардейских обер-офицеров, с красной опушкой. Вне службы носили двубортный темно-зеленого сукна вицмундир, со стоячим воротником и шитыми золотыми петлицами на воротнике и клапанах рукавов.

1 марта 1812 года экипаж выступил в поход, поступив по приказу командующего в распоряжение лейб-гвардии Егерского полка, который, в свою очередь, входил в состав Второй бригады гвардейской пехотной дивизии генерал-майора А. П. Ермолова. Гвардейский экипаж за 38 дней похода прошел 600 верст, расположившись в местечке Тверичь Виленской губернии, Свенцянского уезда, в 100 км к северо-востоку от Вильнюса [теперь Твярячюс – населенный пункт в Игналинском районе Литвы]. К 23 апреля экипаж получил приказ выдвигаться к Вильно. Малая численность Гвардейского экипажа не позволяла вести самостоятельную боевую деятельность, а предписывала действовать в качестве инженерных войск или сообща с ними. Экипаж оказывал неоценимые услуги при продвижении войск.

К 11 июня армия Наполеона стояла вдоль границ Российской империи, по берегам рек Немана, Нарвы и Буга. В ночь с 11 на 12 июня Наполеон без объявления войны перешел Неман около Ковно и стал быстро продвигаться к Вильно, а уже 15 июня занял его. Наша армия с тяжелыми боями отступала к Москве. Вместе с ней отступал и Гвардейский экипаж, постоянно наводя мосты и проводя понтонные работы, а затем уничтожая переправы перед носом наступающего врага. Уже 16 июня Гвардейский экипаж под проливным дождем совершил 253-верстовый переход и прибыл в местечко Дриссу (теперь Верхнедвинск). Сначала мичман Лермонтов с 24 моряками возвели мост через реку Вилию на плотах и с пустыми бочками около местечка Неменчин, около 30 км севернее Вильнюса, где Лермонтов чуть не утонул. Сразу после этого мичман Лермонтов со своим отрядом был направлен в Пунжаны, северо-восточнее от Вильнюса, для наведения двух мостов на плотах: один – для пехоты, другой – для кавалерии. «Все упомянутые мосты строились из плотов, которые сколачивались и связывались из бревен, а если не находились бревна, то разбирали избы и из их материала строили плоты. Для большей плавучести мостов под плоты подводили пустые бочки. Если находились до-

ски, а это могли быть сараи и заборы, то ими настилалась на плотах палуба. За неимением якорей для установки плотов и ввиду трудности употреблять для этой цели большие камни из ветвей плелись корзины, которые наполнялись мелкими камнями и за концы погружались в воду вместо якорей. Длина возводимых мостов иногда доходила до 40 метров. После постройки моста команды Гвардейского экипажа выстраивались на их концах для охраны» [234, с. 32–33, со ссылкой на «Рукопись Лермонтова»]. По мостам, наведенным Гвардейским экипажем, под Пунжанами 16–20 июня 1812 года переправился обоз Первой Западной армии графа Канкрина и 20-тысячный четвертый пехотный корпус графа Шувалова. Сразу после переправы мосты уничтожали, чтобы французские войска не смогли переправиться по ним. В начале июля мичман Лермонтов командовал небольшим отрядом, задачей которого было наведение мостов через реку Двину в Дриссе. Лагерь стоял в излучине реки, на поляне, частично окруженной болотами. Тыл лагеря был обращен к реке, через которую планировалось навести семь мостов на случай отступления. Первая армия в ходе отступления вошла в лагерь 27 июня 1812 года. 1 июля в Дриссу прибыл император Александр I. На военном совете в Дриссе в тот же день, всего лишь через пять дней после занятия лагеря, было принято решение лагерь оставить, и на следующий день войска Первой армии стали отходить к Витебску. Отряд Лермонтова был откомандирован для завершения переправы через Двину и для уничтожения всех сооружений, которые могли быть полезны врагу. После этого 60 матросов Гвардейского экипажа под командованием мичмана Лермонтова двинулись к Витебску. Уничтожив переправы в Витебске, Гвардейский экипаж двинулся к Смоленску для участия в наведении переправ через Днепр. Закончив действия при мостах и переправах у Смоленска 4–8 августа, экипаж совместно с понтонными ротами отправился с армией по дороге на Москву. Роты Гвардейского экипажа двигались сначала в авангарде армии, чтобы обеспечить переправы, а потом несколько отставали, чтобы под огнем наполеоновских разъездов уничтожить все мосты. К 17 августа две западные армии прибыли к местечку Царево-Займище, в 45 км от Вязьмы по московской дороге к Москве. А 22 августа вместе с Пятым гвардейским корпусом Гвардейский экипаж прибыл в Бородино. От Смоленска до Бородина армия прошла более 300 верст. Это небывалое в истории отступление стотысячной армии. Скорость и порядок при отступлении зависели от исправности и удобств путей, мостов, переправ, в упорядочении которых важную роль сыграл Гвардейский экипаж. В условиях войны Гвардейскому экипажу постоянно приходилось вступать в бои, ведь гвардейцы замыкали переправы войск и часто попадали под обстрел идущих по пятам французов.

Бородинское сражение

«23 августа 1812 года российские войска заняли позиции на поле Бородина. Гвардейскому экипажу в большей своей части после работ по укреп-

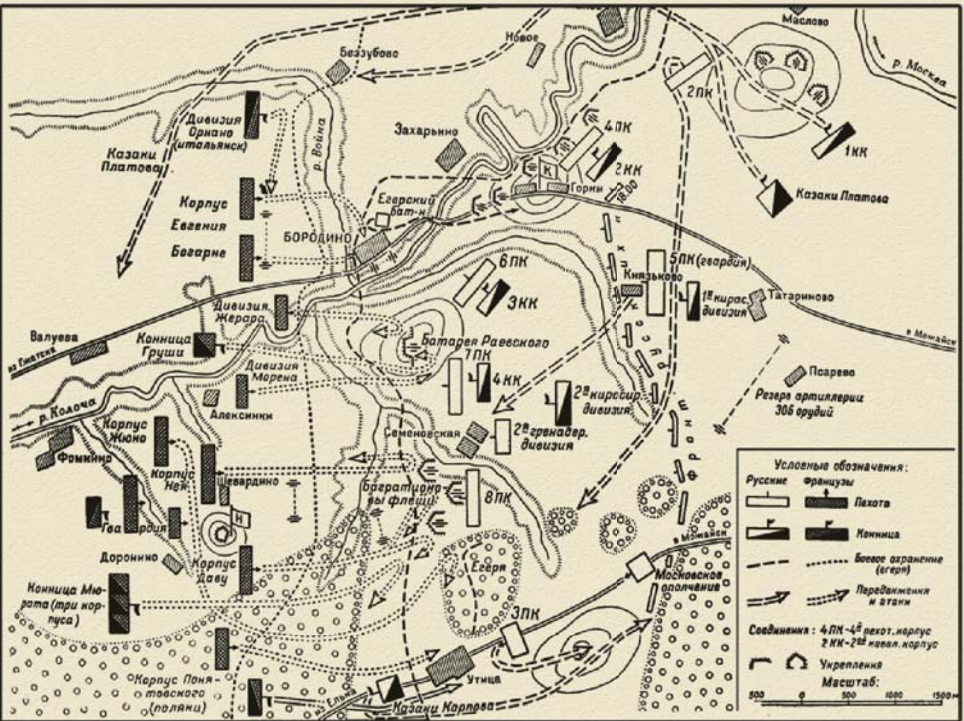


Схема Бородинского сражения. 26 августа 1812 года

лению позиций выпала печальная участь находиться в резерве во время Бородинского боя. Только мичман Лермонтов с несколькими десятками матросов и артиллерийская команда экипажа приняли участие в бою. Лихие действия этих чинов заслуживают быть внесенными более подробно в историю экипажа» [234, с. 43, со ссылкой на рукопись М. Н. Лермонтова].

«Расположения русских войск у села Бородино утром 23 августа 1812 года было следующим: главнокомандующий со штабом находился в селе Татариново; между селом Горки и рекой Колочь, которая пересекала с. Бородино, несколько вдоль нее, стояли крайним Второй пехотный корпус генерала Боговута, а рядом с ним – Четвертый пехотный корпус генерал-лейтенанта графа Толстого-Остермана; за Четвертым корпусом стоял Второй кавалерийский корпус, а за ним, приблизительно в одной весте, Первый кавалерийский корпус и казаки Платова.

Село Бородино было занято Вторым батальоном лейб-гвардии Егерского полка при двух орудиях. Для уничтожения стратегически важного моста через Колочь в селе Бородино, в случае если бы неприятель выбил егерей из Бородина, 25 августа были вызваны от Гвардейского экипажа мичман Лермонтов с тридцатью нижними чинами. Барклай де Толли поставил перед ними цель – при первой же необходимости уничтожить мост. Гвардейцы приготовили на мосту и под мостом горючий материал, а сами расположились в избушке у моста» [234, с. 45, со ссылкой на рукопись М. Н. Лермонтова].

Первая серьезная схватка между французами и русскими произошла на правом фланге диспозиции русской армии непосредственно у села Бородино. В ее исходе решающую роль сыграли смекалка, расторопность и смелые действия отряда Гвардейского экипажа под командованием мичмана Лермонтова. В 4:30 утра 26 августа 1812 года благодаря густому туману 106-й полк пехотной дивизии французского генерала А. Ж. Дельсона незаметно подошел к селу Бородино и неожиданно напал на полк лейб-гвардии егерей.

Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки –
Французы тут как тут.
М. Ю. Лермонтов. «Бородино»

Несмотря на неожиданное нападение французов, егеря быстро пришли в боевую готовность и около часа отражали натиск многократно превышающего по численности неприятеля. Однако егеря, потеряв почти половину солдат и офицеров, вынуждены были все-таки отступить за реку, к расположениям своих войск. 106-й французский линейный полк вслед за егерями ринулся на мост через реку Колочь, у которого теперь шла ожесточенная битва. Французы рвались на другой берег реки Колочь – в расположение наших войск. Гвардейцы во главе с мичманом Лермонтовым подожгли мост под непрерывным огнем неприятеля, рискуя жизнями. На помощь егерям и морякам Барклай де Толли выслал два Егерских полка. В результате совместных действий гвардейцев экипажа и егерей практически весь 106-й линейный полк французов, оказавшись в ловушке, был уничтожен, а мост через Колочь сожжен матросами Гвардейского экипажа. Четверо матросов были убиты, а семеро тяжело ранены. Своевременным уничтожением моста правый флаг русских войск был защищен от дальнейшего наступления французов в этом направлении [234, с. 43-47]. Таким образом, егеря и отряд Гвардейского экипажа под командованием мичмана Лермонтова приняли и выиграли бой с неприятелем в самом начале Бородинского сражения. Бой с французами Гвардейского экипажа и егерей у моста через реку Колочь запечатлен на полотнах многих известных российских художников.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...
М. Ю. Лермонтов. «Бородино»

За уничтожение моста через реку Колочь под селом Бородино двадцатилетний Михаил Николаевич Лермонтов был награжден орденом Святой Анны III степени.

Ю. И. Репин. Бой у моста. Холст, масло. Фотография любезно предоставлена контр-адмиралом Леонидом Александровичем Малышевым, 2012

А. А. Тронь. Морской гвардейский экипаж в битве под Бородином. 2011

В. Келерман. Атака гвардейских егерей и матросов (фрагмент). 1955

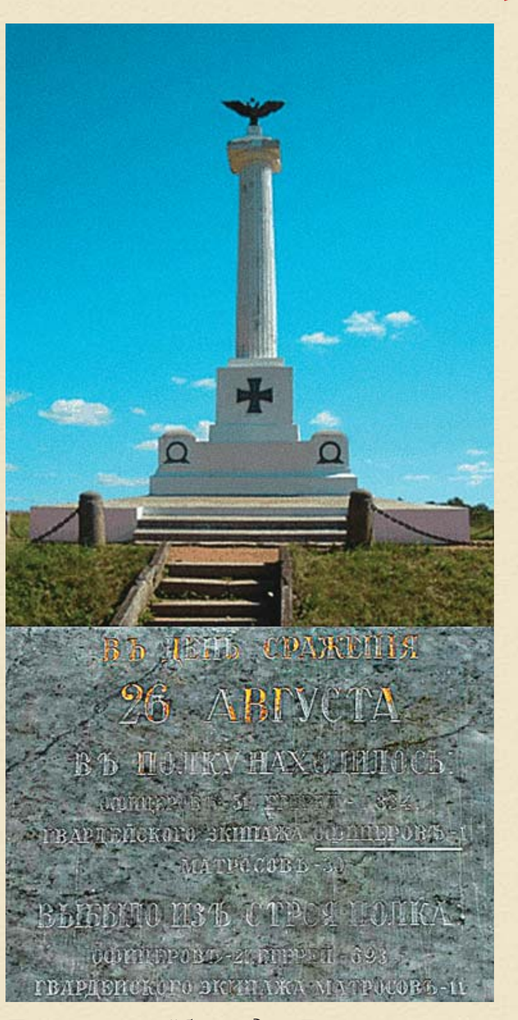
Благодарные потомки – героям Бородинского сражения

В 1837 году, в год двадцатипятилетия Бородинской битвы, Михаил Юрьевич Лермонтов написал стихотворение «Бородино». Это панорамное высокопатриотическое стихотворение волнует сердца и умы всех, кому дорога история России и память о ее героях.

Празднование 100-летия Бородинского сражения

Наиболее масштабные работы по созданию памятников и мемориалов и восстановлению облика поля велись в 1911–1912 годах при подготовке к 100-летнему юбилею сражения. Помимо монументов, возводившихся на государственные средства, строили и памятники за счет добровольных пожертвований. В гвардейских и армейских частях Российской императорской армии, ведущих свою историю от подразделений, которые принимали участие в сражении, началось стихийное движение по сбору средств на возведение монументов в память о славных делах предшественников. На добровольные пожертвования солдат и офицеров было сооружено 33 памятника корпусам, дивизиям, полкам и даже отдельным батареям и артиллерийским ротам.

Памятник лейб-гвардии Егерскому полку и матросам Гвардейского экипажа возвышается на Бородинском поле, в том самом месте у реки Колочь, где на рассвете 26 августа 1812 года сражались герои, в числе которых были



Памятник лейб-гвардии Егерскому полку и матросам Гвардейского экипажа на Бородинском поле. С южной стороны, на подножии памятника, выгравировано: «В день сражения, 26 августа, в полку находилось: офицеров – 51, егерей – 1834, Гвардейского экипажа офицеров – 1, матросов – 30. Выбыло из строя полка: офицеров – 27, егерей – 693, Гвардейского экипажа матросов – 11». Единственным офицером Гвардейского экипажа был мичман Михаил Николаевич Лермонтов

егеря и матросы Гвардейского экипажа под командованием мичмана М. Н. Лермонтова. Возведением памятника-мемориала руководил инженер-строитель Сергей Львович Прохоров. «Бородинский памятник лейб-егерям является по основным формам и размерам повторением балаклавского памятника; таким образом, автором проекта обоих памятников следует считать инженер-подполковника Федора Николаевича Еранцева, при участии художника-архитектора Николая Александровича Пермякова» [235]. Памятник был открыт в 1912 году, в честь 100-летия со дня Бородинской битвы.

Сразу после сражения под Бородином главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов (произведен в фельдмаршалы 30 августа 1812 года. – *Прим. авт.*) вынужден был принять очень нелегкое решение об отступлении русской армии. Оно было продиктовано необходимостью передислокации, восстановления сил и резервов русской армии для нанесения решающего удара по наполеоновским войскам. Чтобы защитить Отечество и победить французов, была необходима передышка. Сдача Москвы французам – это жертва и залог будущей победы. Отступление происходило очень быстро. На следующий день после Бородинского сражения русская армия была уже под Можайском. Гвардейский экипаж, а вместе с ним и мичман Лермонтов, шел в авангарде армии, по возможности исправляя мосты и переправы, делая к ним спуски. 2 сентября утром Гвардейский экипаж вступил в Москву. Гвардейцы дислоцировались у тех мостов через Москву-реку и Яузу, по которым наша армия направлялась на рязанскую дорогу. В задачи офицеров и моряков экипа-

жа входило поддерживать порядок на переправах. Вместе с войсками по ним устремились тысячи москвичей со своими пожитками, стараясь покинуть Москву. 4 августа, когда все войска прошли, мосты были подожжены лейтенантом Дубровиным и мичманом Римским-Корсаковым. В это время авангард французской армии занимал Кремль.

В 20-х числах сентября русская армия достигла нового места дислокации в селе Тарутино, откуда М. И. Кутузов начал победный освободительный марш.

В середине ноября 1812 года Михаил Николаевич Лермонтов принял участие в трехдневном сражении на реке Березина, в ходе которого оставшиеся солдаты «великой армии» во главе с Наполеоном смогли переправиться на западный берег реки и уйти в сторону Европы. На месте сражения, при переправе через реку Березина, установлен памятник. В этой битве, погибли 9000 русских и 30 000 французских солдат, а также немало жителей окрестных белорусских деревень.

Всю осень и начало зимы 1812 года Гвардейский экипаж в составе понтонных рот или самостоятельно наводил десятки сотен переправ для победного марша российской армии. Это происходило в тяжелых условиях рано пришедшей холодной зимы, при отсутствии достаточного количества строительных материалов и рабочих рук, иногда случалось стоять по пояс в ледяной воде.

Победа русской армии над войсками Наполеона была объявлена 21 декабря 1812 года. Но для освободительной русской армии, как и для Гвардейского экипажа, война не закончилась. Российский император Александр I «хотел довершить поражение неприятелей на собственных полях их» [236, с. 2].

В первый день нового года, 1 января 1813 года, русская армия начала переходить западную границу у местечка Меречь, переправляясь по льду через реку Неман. Вместе с армией шел и Гвардейский экипаж. Мичман Лермонтов в это время лежал в госпитале в Вильно. 25 января русские войска подошли к Полоцку, где предстояла тяжелейшая переправа через реку Вислу в условиях холода, непрерывного ледохода и сильного ветра. Но она была осуществлена. 5 марта 1813 года Лермонтов вернулся в строй в новом чине – адъютанта Гвардейского экипажа.

Весной 1813 года было несколько сражений между войсками французов и объединенными частями союзников. Случались незначительные успехи то у одной, то у другой стороны, но нанести решающий удар по войскам Наполеона не удавалось. Армия Наполеона была истощена. В начале июня 1813 года были подписаны Рейхенбахские конвенции, в результате которых была определена стратегия совместных военных действий Пруссии, Англии, Австрии и России против Наполеона. Российская армия уже значительно продвинулась в Саксонию. После сражения при Бауцене обеим сторонам нужна была передышка. На пару месяцев было заключено перемирие. Гвардейский экипаж разместился в городке Бриге на Одере. 14 июня были вручены высочайшие награды за труды и участие в боях. Михаил Николаевич Лермонтов получил повышение в чине и был произведен в лейтенанты.

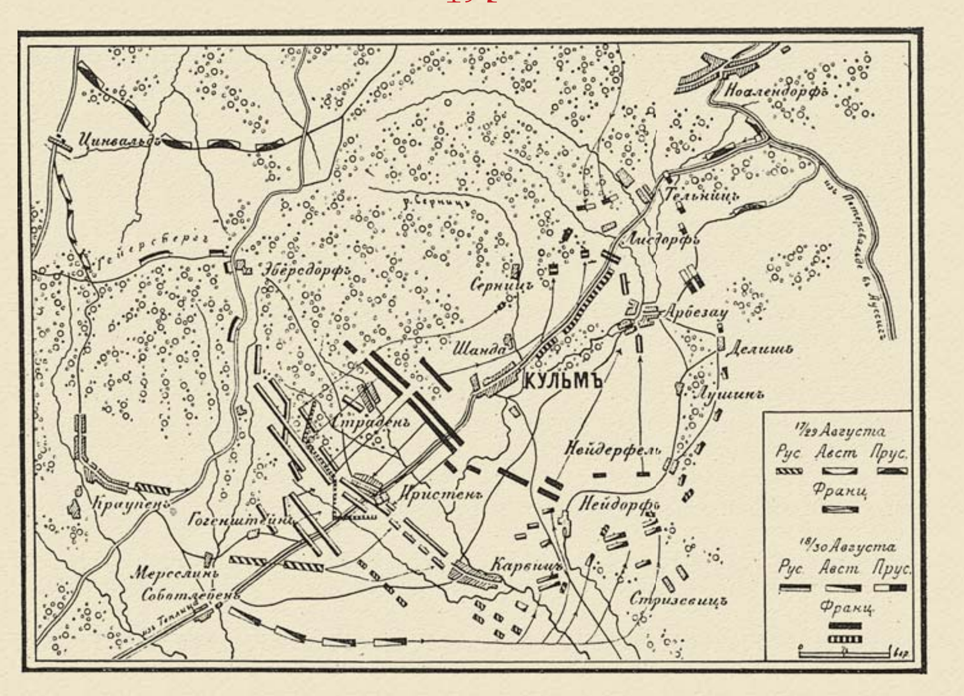


Схема расположения войск около местечка Кульм

В августе перемирие закончилось. Союзные войска атаковали французов у Дрездена – атаки были отбиты, и союзники были вынуждены отступать в Богемию. Наполеон направил Первый армейский корпус маршала Вандама, находившийся в Чехии, по маршруту отхода союзных войск. Против 35-тысячного корпуса маршала Вандама был направлен 10-тысячный сводный отряд русских войск под общим командованием генерал-лейтенанта графа Александра Ивановича Остермана-Толстого. Отряд состоял из Первой гвардейской дивизии генерал-лейтенанта Алексея Петровича Ермолова, в которую входили лейб-гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский полки, морской Гвардейский экипаж и Второй армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта принца Вюртембергского, изрядно поредевший в боях с Вандамом [236, с. 34]. В ночь с 16 на 17 августа русские войска заняли позиции около местечка Кульм, находящегося в нескольких десятках километров южнее Дрездена. Сражение происходило в небольшой долине, пересекаемой притоками Эльбы. На севере долины – лесистые горы Эрцгебирге, где была граница Саксонии и Богемии. По долине проходила дорога из Праги в Дрезден. А. П. Ермолов неслучайно выбрал эту долину с довольно высоким холмом. Русские воины должны были лечь костьми, но не сдать позицию противнику, иначе французы оказались бы в тылу главных сил российской армии по направлению Альденбург – Цинвальд – Теплиц. Морской Гвардейский экипаж в дислокации войск занял резервную позицию перед селом Пристень.

Но морской Гвардейский экипаж недолго оставался в резерве – все его чины заняли первые ряды сражающихся и разделили честь и славу своих товарищей. 17 августа около восьми часов утра французские войска стали спускаться с гор в районе Ноллендорфа. За ними на солнце сверкали штыки колонн корпуса Вандама. Французы атаковали наши войска, бой закипел по всей долине. Гвардейский экипаж сражался плечом к плечу с Семеновским полком, и в штыковой атаке они несколько раз отражали попытки французов взять Пристень. Им на помощь пришли драгунский и уланский полки Дибича. Атака была отбита. Морской Гвардейский экипаж выстроился в стрелковую цепь и не допускал приближения неприятеля. В течение дня французы неоднократно возобновляли атаки, но наши полки быстро перестраивались и, как штормовые волны, отбивали их, несколько раз вплотную подходя к Кульму. В этих боях Михаил Лермонтов был ранен картечью в плечо, к счастью, не тяжело, поэтому оставался в строю. К концу дня стали подходить подкрепления главных сил русской армии. Морской Гвардейский экипаж был сменен Перновским гренадерским полком. Французы, видя жестокий отпор, отошли к Кульму и стали ждать подкрепления. Первый день сражения под Кульмом закончился.

Днем 17 августа французы атаковали и разграбили обозы русской армии на дороге к Ноллендорфу, среди них был и обоз Гвардейского экипажа. Только на следующий день, после окончания сражения, командир экипажа узнал об ограблении обоза и командировал адъютанта лейтенанта Лермонтова с несколькими казаками выяснить обстоятельства происшедшего. Несмотря на ранение, Лермонтов лунной ночью проехал верхом по местности, где два дня шел кровавый бой [236, с. 43]. Везде были следы огня и смерти. Михаил Николаевич смог найти обоз, но он был в плачевном состоянии. Сопровождающим обоз раненным в бою матросам удалось сохранить важные документы и деньги. Все, что было найдено, привели в порядок, и Лермонтов доставил обоз в Теплицы.

18 августа в Теплицы прибыли государь Александр I и прусский король. Наступила завершающая стадия сражения, когда в 10 часов утра А. П. Ермолов развернул войска на север, а из Ноллендорфа вышел на дорогу корпус Клейста. К часу дня после жестоких боев армия Вандама вынуждена была сдаться. Союзники взяли в плен около 12 000 французов, маршала Вандама и двух его генералов, два знамени, три орла, всю артиллерию (84 орудия и 200 зарядных ящиков) и весь обоз. Потери русских и союзных войск были тоже велики: 3000 убитыми и ранеными потеряла российская гвардия только 17 августа, а 18 августа урон русских был до 1000 человек, пруссаков – 1500 и австрийцев – 900 [236, с. 43]. Всего до 10 000 человек были ранены и убиты. После поражения при Кульме Наполеон начал отход в сторону Лейпцига.

Сражение под Кульмом стало переломным моментом в этой войне. Прусский король Фридрих-Вильгельм III наблюдал за ходом битвы и объявил, что награждает всех участвовавших в сражении русских офицеров и солдат. Прусскую военную награду «За заслуги» изготавливали из золота

Кульмский крест, 1813

и серебра. Русских гвардейцев было немало – с десяток тысяч. Тогда 18 августа 1813 года Фридрих-Вильгельм III приказал наградить всех так называемым Кульмским крестом, напоминавшим по форме орден Железного креста. Кульмский крест делали из трофейных кирас и металлических обшивок зарядных ящиков с поля сражения. Это стало одной из самых почетных наград войны.

За военные действия в 1812–1814 годах морскому Гвардейскому экипажу было пожаловано Георгиевское знамя с надписью: «За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Кульме». Михаил Николаевич Лермонтов был награжден орденом Святого Владимира IV степени, с бантом, и Кульмским крестом.

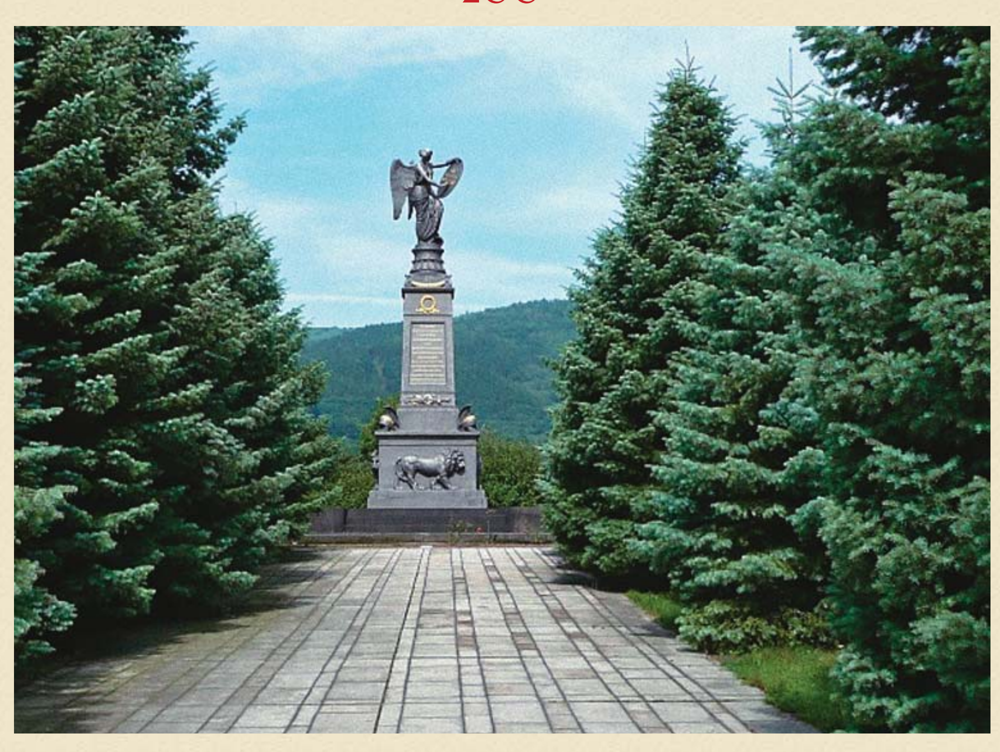
В 1835 году в Австрии по приказу императора Фердинанда был поставлен памятник русским воинам в честь победы под Кульмом (архитектор Питер ван Нобль). Памятник установлен неподалеку от местечка Прщестанова (территория современной Чехии), бывшего Пристень, – именно там, где 17 августа 1813 года дислоцировался и сражался Гвардейский экипаж.

Военные действия русской армии продолжались совместно с прусской, шведской и австрийской (с августа 1813 года) армиями в Германии и Франции. Кампания 1813 года окончилась разгромом войск Наполеона в Лейпцигском сражении – «битве народов» – 5–7 октября и освобождением Германии и Нидерландов. До начала Первой мировой войны эта битва считалась крупнейшей в истории.

Гвардейский экипаж участвовал в жестоких боях на территории Франции. Вместе с союзными войсками 18 марта 1814 года был взят Париж. Михаил Николаевич Лермонтов вместе с победоносными русскими войсками вошел в Париж. Наполеон I отрекся от престола 25 марта 1814 года.

О дальнейшей службе Михаила Николаевича Лермонтова красноречиво свидетельствует его послужной список. Он всю жизнь отдал военно-морскому флоту России.

Михаил Николаевич ходил на разных судах Балтийского флота: патрулировал берега Северной столицы, участвовал в заграничных походах, сопровождал императора и его семью в ответственных, государственного значения плаваниях. В 1823 году фрегат «Проворный», где М. Н. Лермонтов



Памятник русским воинам у Прщестанова, Чехия

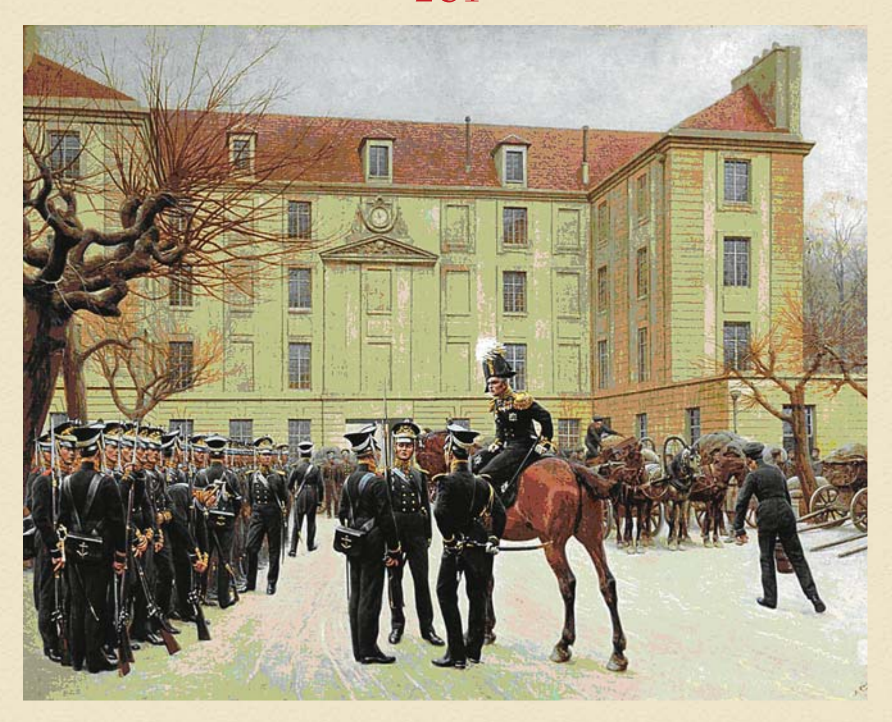
был старшим офицером, совершал плавание к берегам Англии, Франции и Исландии, выполнил ряд геодезических заданий, составил описание этих регионов. О своих встречах на «Проворном» с Михаилом Николаевичем тепло пишет в воспоминаниях декабрист Александр Петрович Беляев [237].

Когда в 1828 году началась война с Турцией, М. Н. Лермонтов, уже в чине капитан-лейтенанта, в составе отряда Гвардейского экипажа вышел в поход сухим путем из Петербурга в Тульчин, а оттуда – на осаду турецкой крепости Варна. За осаду Варны и взятие крепости М. Н. Лермонтова произвели в капитаны второго ранга. Он участвует в морских сражениях под Мессемврией, Инадами, Мидией и Менанделом. За участие в этой войне он получил орден Святой Анны II степени.

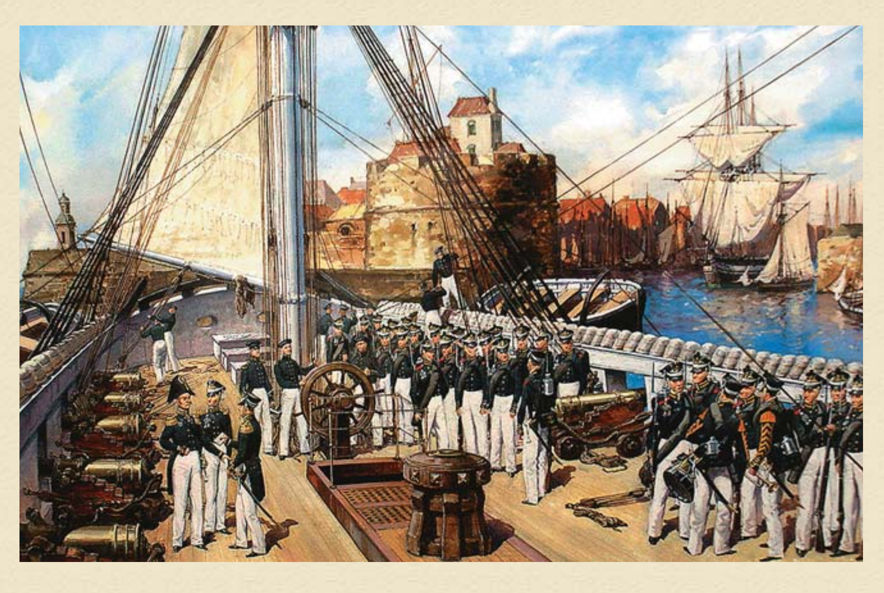
В 1829 году Михаил Николаевич назначен командиром флотского образцового экипажа.

С февраля 1829 года главнокомандующим русской армией на Балканском театре военных действий становится маршал Иван Иванович Дибич. Война России против Турции вознесла Дибича на вершину военной славы. Вместе с И. И. Дибичем в этой кампании доблестно сражаются полковник Михаил Николаевич Лермонтов и его братья: гвардейский поручик Александр Лермонтов, морские офицеры Дмитрий и Василий Лермонтовы.

В 1831 году, будучи в чине капитана первого ранга, Михаил Николаевич получил в командование линейный корабль «Кацбах». На этом лин-



И. С. Розен. Гвардейский экипаж в 1814 году в Париже. 1911



А. А. Тронь. Гвардейский экипаж в 1814 году на фрегате «Архипелаг». Бумага, акварель

коре он совершил плавание из Кронштадта в Либаву (ныне город Лиепая в Латвии). Его назначили командиром Либавского порта и военным губернатором города.

В 1832 году Михаил Николаевич получает пост вице-директора инспекторского департамента Главного морского штаба, и за 18 военных кампаний на море его награждают орденом Святого Георгия Победоносца IV степени. В 1837 году он уже контр-адмирал и кавалер ордена Святого Станислава II степени. А в 1839 году получает тот же орден, но уже I степени.

В 1848 году вице-адмирал Михаил Николаевич Лермонтов был назначен командиром порта Свеаборг, который тогда был российским (с 1918 года носит название Суоменлина – финская крепость, служит военно-морской базой финского государства. – *Прим. авт.*). Началась Крымская война 1853–1856 годов – в Балтийское море в августе 1855 года вошла огромная англо-французская эскадра в составе 80 вымпелов (читай: корабельный количественный состав эскадры, соединения [238]), М. Н. Лермонтов, как начальник порта, хорошо подготовился к встрече с врагом, пытавшимся овладеть Свеаборгом с моря. Противник получил должный отпор как со стороны крепостных батарей, так и от судов Балтийского флота, численно уступавших объединенным силам англичан и французов. Враг вынужден был отступить и более не пытался овладеть портом [239, 240]. За оборону Свеаборга Михаил Николаевич Лермонтов получил орден Святого Владимира II степени.

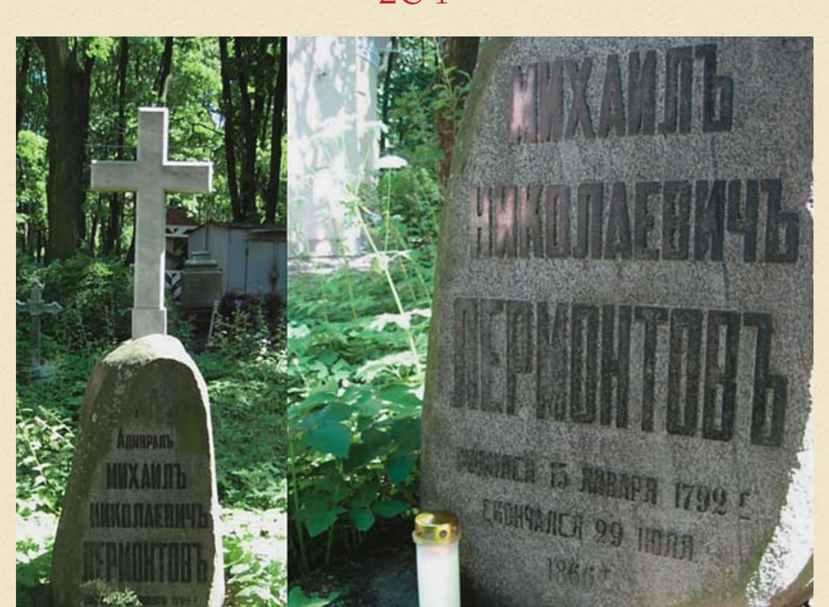
Михаилу Николаевичу Лермонтову благоволили императоры Александр I и Николай I. С последним у М. Н. Лермонтова установились доверительные отношения, когда Николай Павлович был еще великим князем и плавал на корабле «Эмгейтен», которым командовал М. Н. Лермонтов, в 1824 году. Неудивительно, что Михаила Николаевича после восстания 14 декабря 1825 года назначили председателем специальной комиссии, которой было поручено расследование участия всех офицеров Гвардейского экипажа в деле декабристов. Император Николай Павлович только взошел на престол и нуждался в надежных помощниках в столь деликатном деле огромной государственной важности, как расследование восстания декабристов. Михаил Николаевич оказался в очень щекотливом положении: среди офицеров экипажа на Сенатской площади был его родной брат. Младший брат Михаила Николаевича Дмитрий Николаевич Лермонтов 14 декабря 1825 года вышел из казармы Гвардейского экипажа вместе со своей ротой на Сенатскую площадь, но, увидев, как развернулись события, ушел с площади домой. В тот же вечер Дмитрий Лермонтов был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость, из которой вскоре был переведен в Семеновскую больницу, где и содержался под караулом вплоть до окончания следствия по делу о событиях 14 декабря, то есть до 15 июня 1826 года. Дмитрий Николаевич Лермонтов был освобожден и потом продолжал службу без каких-либо последствий – арест и заключение в течение полугода никак не отразились на его последующей карьере. Перевод узника из крепости в лазарет противоречил установленным в Петропавловке правилам. Ни один из содержавшихся в крепости участников событий 14 декабря такими привилегиями не пользовался, несмотря на то что многие из них были больны и нуждались в больничном режиме. На следствии ни один из офицеров флотского Гвардейского экипажа – участников декабрьского восстания не дал показаний против Дмитрия Лермонтова, хотя утром в день восстания они собирались на квартире лейтенанта А. Арбузова, в том числе и Дмитрий Лермонтов, и решили «не давать присяги Николаю». Дмитрий Лермонтов также присоединился к этому решению.

Нет сомнения, что в судьбе Дмитрия Лермонтова приняли участие Михаил Николаевич и его родственник по Острожниковской ветви Лермонтовых Сергей Павлович Шипов – сенатор, генерал от инфантерии и генерал-адъютант командующего лейб-гвардии Семеновским полком, который принимал участие в подавлении восстания на Сенатской площади. Михаил Николаевич Лермонтов и Сергей Павлович Шипов много хлопотали и продемонстрировали чудеса дипломатии, чтобы выгородить двадцатитрехлетнего Дмитрия Николаевича Лермонтова и спасти его от ссылки, как это произошло со всеми другими гвардейцами, участвовавшими в выступлениях на Сенатской площади. Опасность была велика: государю могли донести, что выбранные им помощники сами замешаны в укрывательстве офицера, участвовавшего в восстании. Авторитет Михаила Николаевича Лермонтова во флотском Гвардейском экипаже и в глазах императора Николая I был настолько непререкаем, что все уладилось без последствий [45, с. 157–159].

С 1847 года контр-адмирал М. Н. Лермонтов служил в особом комитете по пересмотру Морского устава. В 1854 году Михаил Николаевич был назначен членом Морского генерал-аудиториата, высшего судебно-уголовного военного ведомства. В 1860 году в чине полного адмирала М. Н. Лермонтов ушел в отставку.

Награды Михаила Николаевича Лермонтова за службу:

- в 1808 году, в 16 лет, – знак отличия Военного ордена (с 1913 года – Георгиевский крест);
- орден Святой Анны III степени за Бородинское сражение;
- медаль за победу в Бородинском сражении;
- орден Святого Владимира IV степени, с бантом, и Кульмский крест за сражение под Кульмом;
- за военные действия в 1812–1814 годах флотскому Гвардейскому экипажу было пожаловано георгиевское знамя с надписью: «За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Кульме»;
- орден Святой Анны II степени;
- орден Святой Анны I степени;
- орден Святого Владимира II степени;
- орден Святого Георгия Победоносца IV степени;
- орден Святого Станислава II степени;
- орден Святого Станислава I степени.



Могила адмирала М. Н. Лермонтова

Михаил Николаевич Лермонтов скончался 29 июля 1866 года. Похоронен в Санкт-Петербурге, на «Литераторских мостках» Волковского кладбища, к югу от Воскресенской церкви. В 2009 году по моей просьбе его могилу нашли энтузиасты истории российских захоронений. 15 июля 2009 года на могиле адмирала М. Н. Лермонтова была зажжена поминальная свеча*.

Светлая память Михаилу Николаевичу, отдавшему жизнь служению Отечеству.

В честь мичмана Михаила Николаевича Лермонтова

18 января 2013 года на Ярославском судостроительном заводе заложили новейший десантный катер класса «Дюгонь». На торжественной церемонии собрались сотрудники предприятия и представители Минобороны РФ. По старинной традиции под готовый фрагмент корпуса поместили закладную доску. Построить катер обещают через полтора года. Назовут скоростную машину, предназначенную для высадки морского десанта, «Мичман Лермонтов» – в честь героя Отечественной войны 1812 года Михаила Николаевича Лермонтова (1792–1866), шестиюродного брата великого поэта**.

* www.funeral-spb.narod.ru; http://volkovka.ru.
** Телекомпания «Звезда». Новости: «Вооруженные силы», 22 января 2013, 09:32.

Портреты из книги А. А. Григорова «Из истории костромского дворянства» [45, с. 150] и из коллекции Государственного Эрмитажа, ошибочно принимаемые за портрет Михаила Николаевича Лермонтова

История портрета Михаила Николаевича Лермонтова

Биография М. Н. Лермонтова вошла во многие издания, посвященные роду Лермонтовых. По вполне естественным причинам исследователям хотелось опубликовать и портрет М. Н. Лермонтова. В хрестоматийной книге А. А. Григорова «Из истории костромского дворянства» [45] много страниц посвящено представителям костромского рода Лермонтовых. В частности, биография М. Н. Лермонтова описана на четырех страницах, а на странице 150 можно увидеть черно-белый портрет молодого офицера с подписью: «Михаил Николаевич Лермонтов (1792–1866)». К сожалению, ссылка на первоисточник в книге отсутствует. Авторитет автора книги не позволял усомниться в подлинности портрета, а черно-белое изображение не давало возможности рассмотреть детали портрета.

Вероятно, этот портрет так и остался бы для истории портретом бравого мичмана Лермонтова, героя Бородина, если бы не его величество случай. В январе 2012 года в новостях было опубликовано сообщение, что на Ярославском судостроительном заводе планируется закладка десантного катера «Мичман Лермонтов» в честь командира матросов Гвардейского экипажа, героически сражавшихся при Бородине, М. Н. Лермонтова*. По традиции в кают-компании полагается иметь портрет моряка, в честь которого назван десантный катер.

Цветной портрет офицера, который все знали как портрет М. Н. Лермонтова, в настоящее время выставлен в цифровой коллекции Государс-

* Пресс-служба ОАО «Ярославский судостроительный завод». 18.01.2012.

твенного Эрмитажа* как «Портрет М. Н. Лермонтова. Григорий Яковлев. Холст, масло. 28,5 х 26,5 см, Россия. Конец 1820-х гг. Источник поступления в музей – собрание Г. Д. Душина в С.-Петербурге (по завещанию). 1994». Казалось бы, есть портрет, написанный маслом, и остается лишь дополнить биографию боевого офицера новыми данными, которые стали доступны в последние годы. Однако поиск новых данных привел к совершенно неожиданному результату.

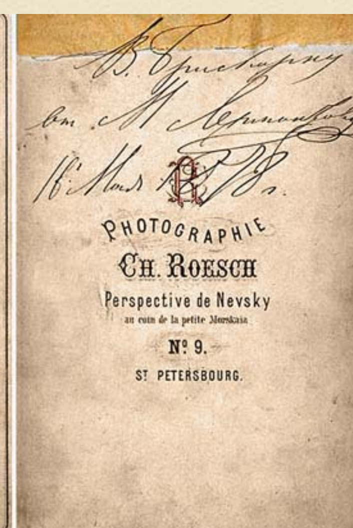
Было обнаружено, что за десять лет до выхода в печать книги А. А. Григорова с портретом М. Н. Лермонтова в журнале «Нева» были опубликованы две скромные статьи о портрете Михаила Лермонтова. Авторы этих работ высказывали противоположные точки зрения. Ю. Попов утверждал, что это портрет М. Н. Лермонтова, а Л. В. Тимофеев доказывал, что на портрете не может быть изображен М. Н. Лермонтов. До сих пор нам не удалось обнаружить ни одной ссылки или обсуждения этих публикаций в литературе о роде Лермонтовых [241, 242]. Л. В. Тимофеев привел доказательства и обоснованно утверждал, что на портрете изображен офицер в чине капитана Корпуса инженеров путей сообщения. По некоторым данным Л. В. Тимофеев полагает, что портрет написан не ранее 1832 года. Свое мнение он подтвердил в личной беседе в 2012 году. Чтобы проверить гипотезу Л. В. Тимофеева, я обратилась в Государственный Эрмитаж, в отдел истории русской культуры, с запросом о портрете М. Н. Лермонтова, попросила сфотографировать некоторые детали на картине (мундир, пуговицы), а также обратную сторону картины. Полученные цифровые изображения портрета были отправлены мной на повторное исследование трем авторитетным специалистам. Все эксперты высказали единодушное мнение: на портрете изображен офицер Корпуса инженеров путей сообщения; на мундире нет никаких знаков различия офицера флотского Гвардейского экипажа. Портрет датируют концом 1820-х – началом 1830-х годов. В 1830-х годах заслуженный морской офицер Михаил Николаевич Лермонтов, капитан первого ранга морского Гвардейского экипажа, не мог позировать без наград и в форме, не соответствующей его военному ведомству и чину [243].

Семья Михаила Николаевича Лермонтова

Семья адмирала М. Н. Лермонтова связана родственными узами с известными европейскими семьями.

Когда Михаил Николаевич Лермонтов был военным губернатором Либавы, он познакомился с Эмилией фон Стуарт (Emilie Sophia Stuart), дочерью курляндского барона, инспектора таможни в Либаве Фридриха фон Стуарта (1761–1842). В 1832 году Эмилия Федоровна (русский вариант имени-отчества) баронесса фон Стуарт и капитан второго ранга Михаил Николаевич Лермонтов обвенчались. В семье Лермонтовых было пятеро детей [2, с. 51–53]:

* http://www.hermitagemuseum.org/fcgi-bin.



Михаил Михайлович Лермонтов, 1878. Фотография любезно предоставлена Л. Л. Лазутиным

1. Елизавета Михайловна Лермонтова (1834–1912) – в 1854 году вышла замуж за Платона Львовича (Людвиговича) Врангеля (1829–1892). Платон Львович барон Врангель принадлежал к ветви Врангелей Хеббет-Адциналь (Аддиналь) – рыцарскому роду, идущему от Тука Бранге, командовавшего гарнизоном Ревеля (Таллинна) в 1219 году. Платон Львович барон Врангель родился в Житомире [244]. Окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. В 1870 году П. Л. Врангель – действительный статский советник, причислен к императорскому двору. Умер в 1892 году [2, с. 69].

2. Софья Михайловна Лермонтова (1836–1909) – вышла замуж за генерал-майора фон Миллера.

3. Александр Михайлович Лермонтов (1838–1906) – генерал-майор, герой Бургаса (его судьба будет подробнее описана далее).

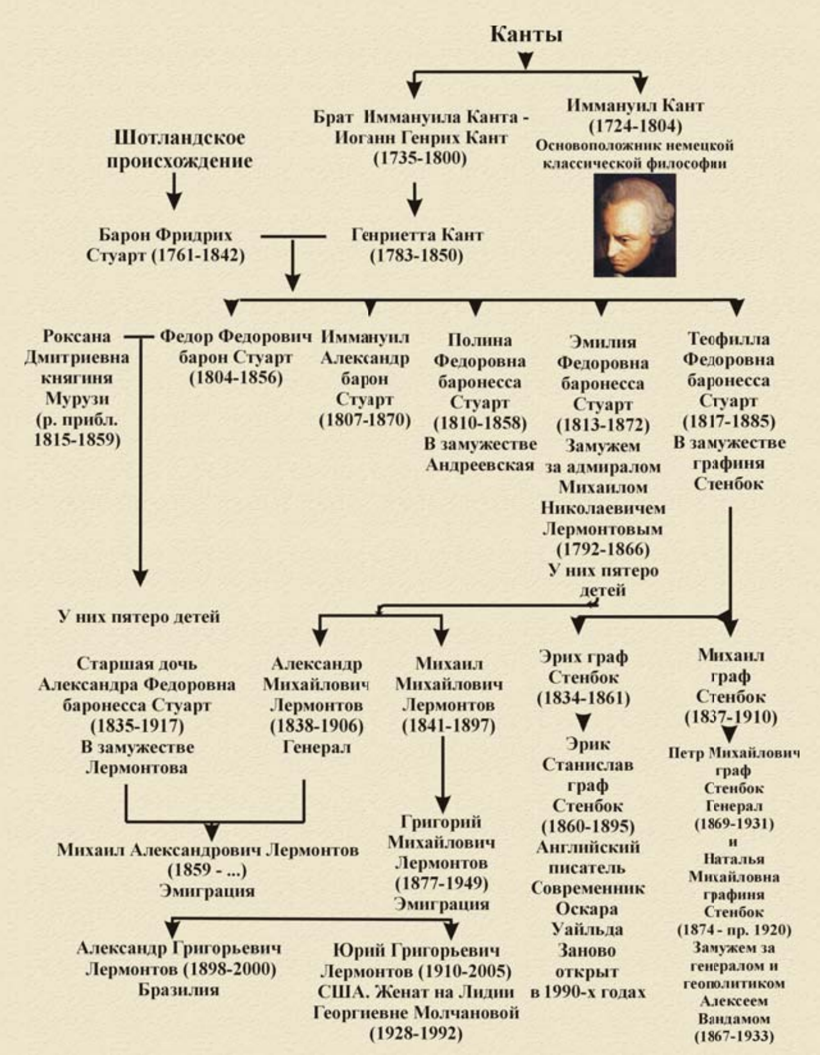
4. Михаил Михайлович Лермонтов (1841–1897) – окончил Пажеский корпус, принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, дрался на дуэли за честь М. Ю. Лермонтова и потерял глаз. Дважды был женат. От второй жены Варвары Степановны, урожденной Свирской, было трое детей: Ольга, Григорий и Ксения [2, с. 70].

5. Константин Михайлович Лермонтов (1849–1897) – судьба не известна.

Родство Лермонтовых с Иммануилом Кантом

Брак Михаила Николаевича Лермонтова и Эмилии Федоровны баронессы фон Стуарт связал родственными узами* [245] две известные всему просвещенному миру фамилии: Кант и Лермонтов.

* Erik-Amburger-Datenbank, http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger.



Родство фамилий Кант, Стуарт, Лермонтов

Эмилия Федоровна Лермонтова, в девичестве баронесса фон Стуарт (1813–1872)*, была внучатой племянницей Иммануила Канта (1724–1804), родоначальника немецкой классической философии эпохи Просвещения [246].

Корни российских баронов фон Стуартов – из Шотландии. Их путь в Россию пролегал через прибалтийские страны [247]. Барон Фридрих фон Стуарт, курляндский дворянин, служил таможенным инспектором в портовом городе Либава [248]. В конце 1700-х – начале 1800-х годов барон Фридрих фон Стуарт занимал довольно высокий пост, учитывая географическое и экономическое положение Либавы. Барон Фридрих фон Стуарт

* Erik-Amburger-Datenbank zu Ausländern im vorrevolutionären Russland Nähere Informationen finden Sie unter, www.ios-regensburg.de, No 78999.

Портреты Фридриха и Генриетты фон Стуарт, урожденной Кант

был состоятельным человеком. Он владел крупным поместьем Гросс-Дахмен (Gross-Dahmen), в пяти километрах к востоку от Либавы [248, 249].

В марте 1803 года, в возрасте сорока двух лет, барон сделал предложение девятнадцатилетней племяннице Иммануила Канта (1724–1804) Генриетте Кант (Henriette Kant, 1783–1850). В письме Фридриху фон Стуарту от 9 апреля 1803 года Иммануил Кант выразил свое удовольствие по поводу предложения, сделанного его племяннице Генриетте. Кант писал, что на правах родного брата покойного отца Генриетты он благословляет ее брак с Фридрихом фон Стуартом [250].

Иоганн Генрих Кант (Johann Heinrich Kant, 1735–1800), отец Генриетты, был младшим братом Иммануила Канта. Канты были небогатой протестантской семьей ремесленника-седельщика из Кенигсберга. Некоторые историки считают, что прадед (Cant) великого философа происходил из Шотландии, предположительно из графства Абердин [248, 251]. Генеалогия Канта, баронов фон Стуартов и Лермонтовых достоверно свидетельствует о близком родстве этих фамилий.

Барон Фридрих фон Стуарт и Генриетта Кант были романтической парой, как видно из дошедших до нашего времени их портретов.

К сожалению, портретов Эмилии Федоровны фон Стуарт-Лермонтовой, внучатой племянницы философа Иммануила Канта, не сохранилось. Но, судя по тому, как похожа на мать, Генриетту фон Стуарт, родная сестра Эмилии Федоровны Теофилла графиня Стенбок (1817–1869), можно полагать, что и жена Михаила Николаевича Лермонтова была красивой женщиной, с особым шармом.

Портрет Теофиллы графини Стенбок, урожденной Стуарт

Каждый из детей Фридриха и Генриетты фон Стуарт заслуживает внимания*.

Федор Федорович барон фон Стуарт (1804–1856) в 1827 году успешно окончил филологический факультет Петербургского университета, служил при русском посольстве в Константинополе, занимался литературной деятельностью. Похоронен в Санкт-Петербурге, на Смоленском евангелическом кладбище [252, с. 190].

Федор Федорович фон Стуарт был женат на гречанке княгине Роксане Дмитриевне Мурузи (родилась между 1815–1819 годами), внучке князя Константина Мурузи, фрейлине императорского двора [253]. Мурузи – княжеский род из Византии [254]. Родной брат Роксаны Мурузи – князь Александр Дмитриевич Мурузи (1807–1880). Обучался в Пажеском корпусе, служил в лейб-гвардии кирасирском полку, выйдя в отставку, жил в своем имении в Бессарабии. В Петербурге стал известен с 1874 года как владелец экзотического доходного дома на Литейном проспекте, который так и называли – дом Мурузи. Проект дома выполнил русский архитектор Алексей Константинович Серебряков (1836–1905) [255]. Слава дома А. Д. Мурузи более всего связана с изящной словесностью. Почти четверть века в этом доме прожила знаменитая литературная чета Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус. Весной 1919 года в квартире князя А. Д. Мурузи К. И. Чуковский и А. Н. Тихонов организовали студию при издательстве «Всемирная литература». В студии читал стихи А. А. Блок, часто бывал возглавлявший издательство А. М. Горький. Преподавали Гумилев, Чуковский, Замятин, Шкловский, Лозинский, среди студийцев были Зощенко, Слонимский, Берберова, сестры Наппельбаум, Адамович, Полонская, Оцуп, Стенич – всего более 200 человек. В 1921 году, незадолго до гибели, Н. С. Гумилев организовал в квартире дома Мурузи литературные вечера, носившие название «Дом поэтов». Здесь провел детство писатель Даниил Гранин. В доме Мурузи в конце 1940-х годов, во втором подъезде (по улице Пестеля), на втором этаже, получил комнату фотожурналист А. И. Бродский, где жил с женой и сыном. Поэт, Нобелевский лауреат Иосиф Бродский прожил в ней вплоть до эмиграции из СССР в 1972 году.

* www.tatianamolchanova.com.

Но между ними существует нить,
Обычно именуемая домом.
И. Бродский [256]

Дочь Роксаны Дмитриевны и Федора Федоровича барона фон Стуарт Александра родилась приблизительно в 1835 году. В 1854 году окончила Смольный институт благородных девиц [257], в 1856 году вышла замуж за своего двоюродного брата генерала от кавалерии Александра Михайловича Лермонтова (1838–1906), сына Михаила Николаевича и Эмилии Федоровны Лермонтовых. Умерла в 1917 году в Лозанне*.

Александр Михайлович Лермонтов (1838–1906)

Александр Михайлович Лермонтов родился 27 февраля 1838 года в Ливаве, сын Михаила Николаевича Лермонтова (1792–1866) и Эмилии Федоровны, урожденной баронессы фон Стуарт. Александр Михайлович Лермонтов окончил Пажеский корпус в 1856 году. Камер-паж Александр Лермонтов при окончании корпуса по первому разряду наименован «отличнейшим» и назначен корнетом в лейб-гвардии кирасирский Его Величества полк [258, с. 506].

Генерал от кавалерии Александр Михайлович Лермонтов

В 1867 году ротмистр Лермонтов – командир второго эскадрона [259]. В 1868 году возведен в чин полковника, а в 1869 году полковник А. М. Лермонтов командовал эскадроном Е. И. В. [Его Императорского Величества] лейб-гвардии кирасирского полка [260]. 23 апреля 1872 года был назначен командиром 13-го драгунского Военного ордена (ВО) полка, с которым прошел всю кампанию 1877–1878 годов [258, с. 506, 811, 875; 261]. Примечательна история 13-го драгунского Военного ордена полка. В 1864 году полку присвоен № 13 и он стал именоваться 13-м драгунским Военного ордена полком [262]. Шефом 13-го полка в 1870–1888 годах был император германский Вильгельм I. Его Высочество великий князь Михаил Николаевич был вторым шефом полка [263]. Командование полком с такой историей и боевой славой было почетно и ответственно для полковника Александра

* Erik-Amburger-Datenbank zu Ausländern im vorrevolutionären Russland Nähere Informationen finden Sie unter, www.ios-regensburg.de, No 78989.

Переправа через Дунай у села Зимницы 20 июня 1877 года

Михайловича Лермонтова. За геройство, проявленное в войне 1812 года, полк был награжден георгиевскими трубами.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов – война между Российской империей и союзными ей балканскими государствами с одной стороны и Османской империей – с другой. Война была вызвана подъемом националистических настроений на Балканах. Жестокое подавление восстания в Болгарии вызвало волну негодования и сочувствия к положению христиан Османской империи в Европе, и особенно в России. 24 апреля 1877 года Россия объявила войну Турции [264]. В манифесте об объявлении войны император Александр II обратился к армии и народу России: «Всем нашим любезным верноподанным известно то живое участие, которое мы всегда принимали в судьбах угнетенного христианского населения Турции. Да возвратит вас Господь к нам целыми и невредимыми, увенчанными лаврами» [265, с. 332]. Главнокомандующим Российской армией был назначен брат императора великий князь Николай Николаевич – старший.

Полковник Александр Михайлович Лермонтов вступил в русско-турецкую войну 1877–1878 годов командиром 13-го драгунского ВО полка.

После объявления войны войска российской армии начали выдвижение к Дунаю – исходному району для наступления. Однако из-за слабого развития железнодорожной сети и разлива рек переправа через Дунай задержалась.

13-й драгунский ВО полк переправлялся через Дунай с 13-й кавалерийской дивизией, в состав которой он входил в начале войны, у села Зимницы 20 июня 1877 года [266, с. 165, 330].

25 июня 1877 года специально сформированный передовой отряд генерала Иосифа Владимировича Гурко захватил древнюю столицу Болгарии Тырново [266, с. 172–178]. 30 июня 1877 года начальник Главного штаба генерал-адъютант Непокойчицкий отдал приказ о направлении к городам Елене, Осман-Базару и Разграду подходящей к Тырново 13-й кавалерийской дивизии [267, с. 7]. А 4 июля 1877 года генерал-майор фон Раден, начальник 13-й кавалерийской дивизии, отдал приказ полковнику А. М. Лермонтову, начальнику 13-го драгунского ВО полка, явиться в полевой штаб для получения дальнейших распоряжений [267, с. 24].

С начала июля 1877 года 13-й драгунский ВО полк, которым командовал Александр Михайлович Лермонтов, по распоряжению главнокомандующего великого князя Николая Николаевича – старшего получил особое назначение – прикрытие пути от Твердинского и Сливенского перевалов в городе Тырнов – и находился в непосредственном распоряжении главнокомандующего [268]. 6 июля 13-й драгунский ВО полк встал у городов Елена и Бебров [267, с. 49].

Военные действия в районе города Елена с июля 1877 года и до конца января 1878 года имели большое значение для исхода войны [269, с. 68–85].

Город Елена и близлежащие места – на границе западных болгарских и восточных турецких селений. С юга, из-за Балканского хребта, через ущелья и перевалы, особенно у селений Сливен и Твардица, эта местность постоянно подвергалась атаке башибузуков и регулярных турецких войск. Более того, через Елену и Тырново из-за Балканского хребта шел удобный путь для соединения подкрепления из Константинополя с войсками Османа-паши на севере. Знание местности и распорядительность начальника отряда полковника А. М. Лермонтова обеспечивали выполнение отрядом своих задач [270, с. 594–597].

В июле – октябре 1877 года в районе Елены постоянно происходили атаки башибузуков и черкесов, силы которых во много раз превосходили численность отряда под командованием полковника А. М. Лермонтова. Регулярные донесения Александра Михайловича командующему 13-й кавалерийской дивизии и в полевой штаб свидетельствуют об этом [267, с. 166, 339].

Атаки неприятеля всегда отбивали с минимальными потерями со стороны русских. Тяжелое сражение, угрожавшее потерей Елены и наступлением турок на столицу Болгарии город Тырнов, произошло 8 августа 1877 года. Благодаря поддержке 9-й пехотной дивизии позиции у Елены удалось отстоять [270, с. 26–30, 58, 70–96, 139–141, 204, 272; 271, с. 43–51].

Бои за Шипку и Плевну продолжались до конца 1877 года. Русским войскам не удавалось окончательно выбить турок из Шипки и открыть прямой путь через Шипкинский перевал к Константинополю. Турецкие войска Османа-паши продолжали удерживать Плевну. Турецкая армия по численности превосходила российские войска. Однако русские имели больший опыт в тактике и военном искусстве. Русские солдаты проявляли необыкновенную стойкость и жертвенность – уверенность в победе никогда не покидала российскую армию.

В ноябре 1877 года происходили решающие события на театре русско-турецкой войны. Войско Османа-паши находилось в осаде в Плевне. Турецкое командование настаивало на наступлении на Восточно-Дунайскую русскую группу войск под Еленой с целью помощи Осману-паше [272, с. 3, 4, 38, 60–62, 75; 273, с. 284]. Турки наступали с востока, поражая ог-

нем главные силы защитников Елены. Русские войска сражались доблестно, проявили исключительный героизм, но не могли успешно противостоять на своих невыгодных позициях натиску в четыре раза превосходящего противника. Русским пришлось отступить. На помощь отряду А. М. Лермонтова подошли части 4-й стрелковой бригады. Ценой тяжелых потерь Еленинский отряд предотвратил вступление турецких войск в Тырново, лишил турок возможности оказать помощь Осману-паше в самый критический момент. Защита стратегически важного района Елена – Тырново – одна из самых кровопролитных битв, после сражения под Шипкой и Плевной, за время русско-турецкой войны 1877–1878 годов [274].

Битва за Елену глазами защитников города

Боевые действия 13-го драгунского ВО полка в сражении за город Елену 22 ноября 1877 года представлены лично Александром Михайловичем Лермонтовым 8 декабря в рапорте начальнику 9-й пехотной дивизии генерал-адъютанту, генерал-лейтенанту князю Святополк-Мирскому [273, с. 363–365]. Этот редкий документ – свидетельство полковника А. М. Лермонтова, командира 13-го драгунского ВО полка – приводится полностью.

«18 ноября около двух часов пополудни в центре и в левом фланге Маренской позиции показались партии конных под прикрытием пехотной цепи. Поняв, что появление этих частей имело целью рекогносцировку нашей позиции, я донес о том начальнику Еленинского отряда (донесение № 150). Вечером того же дня с аванпостов и позиции, занимаемой Маренским отрядом, в сторону села Ахметли [Ахметли – в 30 верстах восточнее Елены, теперь село Константин] были замечены массы огней, тянущихся на расстоянии от $^1/_2$ до 1 версты, о чем было донесено начальнику Еленинского отряда генерал-майору Домбровскому. На другой день разъездами и с наблюдательного поста, расположенного над селом Беброво, были усмотрены близ Ахметли два неприятельских лагеря силою, не превышающей пяти или шести тысяч человек.

Расположение вверенного мне отряда было следующим: 3-й батальон Севского полка занимал деревню Марен [город Марен] (командир полка в 1871 – 2.01.1878 гг. полковник Эдуард Викентьевич Жиржинский); 1-й батальон того же полка; три эскадрона драгун Военного ордена полка и шесть орудий были расположены биваком на позиции; из вышеупомянутых эскадронов один занимал аванпосты. По диспозиции, отданной приказом по полку, служившим также приказом по отряду, в случае тревоги две роты должны были взять ложементы [окопы] перед деревней Чекал и правее, рота занимала ложементы на горке перед деревней Марен и одна рота должна была занять гребень высоты левее этой горки, следовательно, в первой линии находилось бы четыре, а во второй – шесть рот. Один эскадрон направлялся на правый фланг позиции; собранные посты и главный караул аванпостов отходили за деревню Марен и служили прикрытием левого фланга на позиции в резерве, и со штандартом оставался один эскадрон. Из орудий два занимали центр, два направлялись на левый фланг и два оставались до приказания в резерве.

В ночь с 21 на 22 ноября было послано для наблюдения за неприятелем и два разъезда: один от первого эскадрона под командою Сундетрема и другой от 4-го эскадрона под командою вольноопределяющегося Лутковского; оба разъезда по возвращении донесли, что со стороны неприятеля ничего особенного не замечено, оба доходили до цепи его передовых постов, расставленных чрезвычайно густо и даже как будто бы далее, чем прежде, от занимаемой нами позиции.

22-го на рассвете с аванпостов было дано знать, что густые неприятельские колонны занимают все возвышенности перед фронтом позиции. Немедленно мною было отдано приказание командиру 1-го батальона Севского полка подполковнику Улагаю занять места, указанные диспозицией. 1-й эскадрон вверенного мне полка был направлен на правый фланг, а собравшиеся посты 2-го эскадрона – на левый фланг позиции, артиллерия заняла указанные ей места, оставив два орудия в резерве; а также был послан ординарец начальнику Еленинского отряда с донесением о наступлении в больших силах.

Только что роты успели занять позицию, как неприятель начал энергично наступать на наш левый фланг, стараясь охватить его со стороны лощины Дольного Марена (в километре к северу от села Марен). В центре с высот турки открыли огонь по позиции из дальнобойных и нескольких горных орудий, подвезенных по разобранной дороге через гору Тузлужие (о разобранной дороге тоже было своевременно донесено). Определив направление атаки неприятеля и намерение его охватить наш левый фланг, мною были направлены на подкрепление этого фланга четыре роты, а против Дольного Марена выставлены находившиеся в резерве два орудия, одна рота и 2-й и 4-й эскадроны драгун, которые спешились и служили прикрытием орудий. В этот момент бой разгорелся по всей линии. Одно находившееся на левой батарее орудие было подбито и принуждено оставить позицию. Роты, направленные на левый фланг, сбиты и вынуждены отступать; с правого фланга 1-го эскадрона получено донесение, что неприятель показался в больших силах из-за гор по направлению к деревне Буйновицы и грозит обходить с этого фланга. В резерве не осталось ни одного человека. Неприятель, сбив роты Севского полка, поднялся на нашу позицию, но был остановлен картечью двух орудий, восстановленных против Дольного Марена, и огнем спешившихся драгун; под защитой этого огня орудия снялись с позиций без больших потерь.

Остановить отступающих, потерявших почти всех своих начальников, не было возможности, и я отдал приказание взводу 20-й конной батареи, стоявшему в центре, а также 1-му эскадрону начать отступление. Только в это время показался батальон Орловского полка; немедленно мною было отдано приказание взводу 20-й конной батареи занять позицию на высоте влево от батальона, что им и было исполнено; батальон пошел в атаку, отступающие Севцы примкнули к левому его флангу и на несколько времени не только остановили, но заставили неприятеля отступить. К несчастью, колонны, показавшиеся с нашего правого фланга, успели уже в это время спуститься с гор и атаковать Орловцев во фланг и тыл. Сломленные превосходством сил, они также были принуждены отступить и пробивать себе дорогу штыками. Тут пал раненый командир Орловского полка полковник Клевезаль. В то же время на левом фланге спешенные 2-й и 4-й эскадроны, отправив своих коноводов, все еще удерживались, нанося неприятелю значительные потери, и только после отступления

всей линии, в свою очередь, переходя с позиции на позицию, отступили в совершенном порядке к Елене.

Во время боя неприятельская кавалерия находилась все время в резерве и вступила только после отступления, чтобы докалывать раненых и добивать остальных. Все шесть орудий, несмотря на то, что одно из них было подбито, отступили от Маренской позиции, только один подбитый и со сломанным дышлом зарядный ящик 20-й конной батареи оставлен на дороге между Мареном и Еленой. Прибыв на позицию у города Елена, мне было приказано с полком стать на правом фланге. Наступающий с фронта на Елену неприятель был остановлен огнем наших батарей; вследствие этого вся атака была ведена им на наш незащищенный укреплениями правый фланг. Три роты Севского полка и два орудия, принужденные отступить с позиции у Новачек [Новачи] и преследуемые наступающим неприятелем, не заняли правого фланга позиции, а присоединились к главным силам.

Заметив желание неприятельской кавалерии отрезать путь отступления всего отряда на Евковцы, я, донеся о сем через своего ординарца генерал-майору Домбровскому, не ожидая приказания, направился с полком навстречу наступающему. Местность не позволила атаковать в конном строю, драгуны спешились и огнем заставили следующие перед пехотой массы черкесов отказаться от намерения спуститься на шоссе; неприятель потянулся далее параллельно дороге в Евковицы [современное название Яковицы]. Я, в свою очередь, следя за ним, все время маневрировал между шоссе и им. Приближаясь к черкесам, спешивал и открывал огонь, черкесы отступали, открывали следующую за ними пехоту, которая сильным огнем, в свою очередь, заставляла драгун садиться на коней. Таким образом, драгунам, защищавшим подступ к шоссе, пришлось три раза спешиться, потеряв при этом семь человек убитыми и 21 раненых; лошадей убитых – 9 и раненых – 31.

Под прикрытием драгун началось отступление артиллерии Еленинского отряда. Неприятель, заметив это, стал энергичнее подаваться в сторону шоссе. Драгуны, выстроив два эскадрона, пошли в атаку, надеясь в этот раз дойти до неприятеля в конном строю; уже раздалось «Ура!», нас отделяло не более 200 шагов от желанной цели, как опять глубокий и широкий обрыв остановил коней, опять спешились, и еще один раз огнем удержали на время наступление турок, заставив черкесов отскочить в сторону. Воспользовавшись этим временем, несколько наших орудий прошли беспрепятственно по направлению к Евковцам. Весь огонь наступающей с правого фланга турецкой пехоты был направлен в это время на драгун. Расстреляв все патроны, Орденцы отступили к коноводам и медленно, шаг за шагом начали отходить к позиции у Евковцев, куда и прибыли последними около шести часов вечера, прикрывая все время отступающих и оставив эскадрон впереди позиции для занятия передовых постов. Подписал полк. Лермантов».

Начальник Еленинского отряда генерал-майор А. В. Домбровский в донесении командующему 11-м армейским корпусом о бое под Еленой особо отмечал доблестные действия драгун, смело бросавшихся в самые опасные моменты в атаку, чтобы отразить удары врага и/или прикрыть переход пехоты на другие позиции. Именно под прикрытием драгун А. М. Лермонтова и артиллерийским огнем двух орудий русским войскам удалось отойти

на относительно безопасные позиции за Еленой. А. В. Домбровский писал: «Назвать отличившихся в этом деле – это значит назвать всех. Все исполнили свой долг, все готовы были умереть, дрались и умирали, как следует храброму русскому солдату. Особенную неустрашимость, хладнокровие и распорядительность выказали полковники Жиржинский, Лермантов, фон Раабен». Далее следовал список более чем из тридцати фамилий. Генерал-адъютант князь Святополк-Мирский, как личный свидетель кровавого боя под Еленой, отмечал, что «начиная от генерал-майора Домбровского и кончая младшим из его подчиненных, – все до единого не только выполнили свой долг, но были истыми героями» [273, с. 349–353].

К началу декабря, когда уже была взята Плевна, к позициям у Елены пришло подкрепление. В последующих битвах за Елену сражались вместе 13-й драгунский полк полковника А. М. Лермонтова и 1-й эскадрон 13-го гусарского полка полковника А. А. Пушкина, сына великого поэта [271, с. 67]. К 16 января 1878 года вся местность до Балканского хребта была занята русскими войсками. В это же время были сформированы летучие отряды для занятия городов и сел за Балканами [271, с. 77–81]. Елена была последним форпостом, которым овладели русские войска, чтобы идти на Адрианополь и Константинополь.

Полковник Александр Михайлович Лермонтов – освободитель Бургаса

Для занятия Бургаса был сформирован особый отряд под командованием полковника Александра Михайловича Лермонтова. 24 января 1878 года летучий отряд полковника А. М. Лермонтова освободил Бургас без единого выстрела [271, с. 78]. Жители города с великой радостью приветствовали русские войска. Полковник А. М. Лермонтов сразу стал самой популярной личностью в Бургасе.

Воздух огласили возгласы «Ура!» и «Да здравствуют братушки!». Уже вечером жители города заполонили улицы, ведущие к центру. Делегация горожан поднесла русским воинам – долгожданным освободителям – хлеб-соль.

Свидетелями торжественной встречи были консулы Австро-Венгрии, Италии и Греции в Бургасе. Полковнику А. М. Лермонтову вручили символический ключ от города в честь назначения его военным комендантом Бургаса. Город вернулся к мирной жизни. «И все это было сделано, – писал русский офицер, – по первому требованию полковника Лермонтова» [269, гл. IX; 271, с. 79–85].

В 1878 году российские войска после тяжелых боев и огромных потерь освободили Болгарию от пятисотлетнего османского ига. Мир был заключен в местечке Сан-Стефано, рядом с Константинополем, 19 февраля 1878 года. С тех пор Болгария – независимое государство.

А. М. Лермонтов за освобождение болгарских городов Елена и Бургас был награжден золотой саблей с надписью: «За храбрость», орденом Святого Владимира IV степени, а также возведен в ранг генерал-майора.

Местоположение населенных пунктов на современной карте Болгарии в районе действия в 1877–1878 годах 13-го драгунского Военного Ордена полка под командованием полковника А. М. Лермонтова

Местоположение населенных пунктов на современной карте Болгарии в районе боев с участием 13-го драгунского Военного Ордена полка под командованием полковника А. М. Лермонтова за удержание города Елены 22 ноября (по старому стилю) 1877 года.

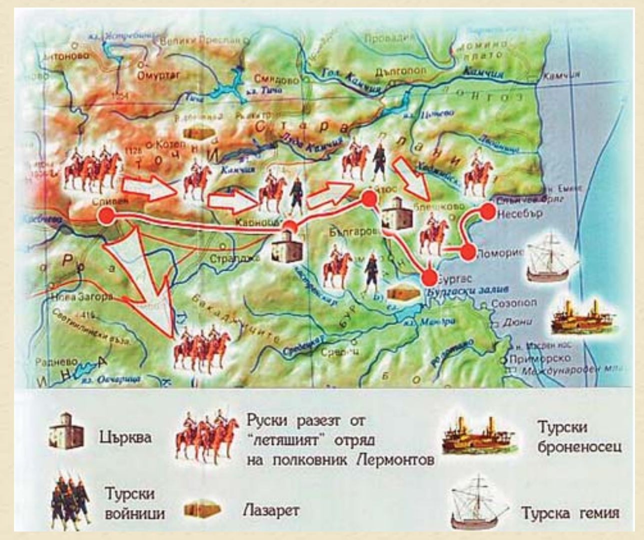
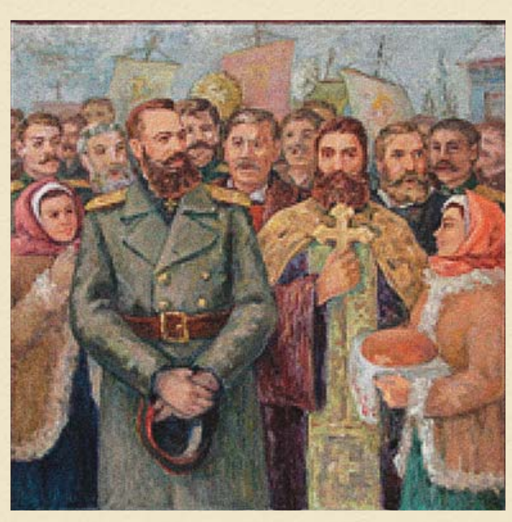


*Схема продвижения русских войск в 1878 году к Бургасу**

* Дражева Ц. Историческая экспозиция. – Региональная библиотека Бургаса (http://www.burgasmuseums.bg).



*Жители Бургаса приветствуют русских солдат-освободителей и полковника А. М. Лермонтова, 1878**

*Александр Михайлович Лермонтов, Бургас, 1878**

Бургас на карте Болгарии. Улица генерал-майора А. М. Лермонтова в центре города

* «Лермонтови – освободители и съзидатели». Експозиция посвещава се на 130–та годишнина от Освобождението на България и 170-та годишнина от рождението на А. М. Лермонтов – освободителя на Бургас. Регионален Исторически Музей, Бургас.

Генерал-майор Александр Михайлович Лермонтов и в наши дни является национальным героем Бургаса. В его честь названа одна из центральных улиц города* [275].

Возвращение на Родину

Вернувшись на родину, А. М. Лермонтов командовал лейб-гвардии Кирасирским Ее Величества полком [276]. 19 июля 1886 года генерал-лейтенант А. М. Лермонтов был назначен командиром 12-й кавалерийской дивизии и возглавлял ее до 1896 года [258, с. 506; 277].

23 июля 1896 года он был назначен командиром кавалерийского корпуса, сформированного 2 июля 1896 года в Варшавском военном округе из 13-й и 14-й кавалерийских дивизий [258, с. 506, 811, 875]. В 1902 году генерал от кавалерии А. М. Лермонтов был назначен членом Военного совета империи. Военный совет – высшее совещательное коллегиальное учреждение в составе Военного министерства по делам военного законодательства и военного хозяйства. Боевые заслуги обеспечили служебное положение А. М. Лермонтова в числе придворных чинов [278, с. 537].

Генерал-лейтенант Александр Михайлович Лермонтов за заслуги перед Отечеством и за участие в освободительных войнах на территории Европы был удостоен самых высоких наград.

Награды Российской империи:

- 1863 год – орден Святой Анны III степени;
- 1867 год – орден Святого Станислава II степени;
- 1869 год – императорская корона к ордену Святого Станислава II степени;
- 1871 год – орден Святой Анны II степени;
- 1873 год – орден Святого Владимира IV степени;
- 1878 год – золотое оружие «За храбрость»;
- 1867 год – орден Святого Станислава I степени, с мечами;
- 1882 год – орден Святого Владимира III степени с мечами;
- 1882 год – орден Святой Анны I степени;
- 1885 год – орден Святого Владимира II степени;
- 1890 год – орден Белого орла;
- 1897 год – орден Святого Александра Невского;
- 1899 год – знак отличия за XL лет беспорочной службы;
- 1902 год – бриллиантовые знаки к ордену Святого Александра Невского.

Награды иностранных государств:

- 1875 год – прусский орден Красного орла II степени;
- 1880 год – прусский орден Короны II степени, со звездой и мечами [279].

Александр Михайлович Лермонтов скончался 26 декабря 1906 года в Петербурге. Он оставил Главному штабу Российской империи библиотеку из 6000 томов, собранную его отцом и им самим за многие годы. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге [280, с. 653].

* «130 години от Освобождаването на Бургас от Турско робство»; 130 years of the Liberation of Burgas and 170 years Birth Anniversary of Gen. A.M. Lermontov (1838–1906). Регионален Исторически Музей, Бургас, 2008-02-06: www.bourgas.org; «Бургас почете освободителите». «Новости Бургаса», Сряда, 06 Февруари 2013, 14:54.

Празднование освобождения Болгарии от турецкого ига

С 1878 года болгары каждый год празднуют освобождение от османского ига. В канун празднования 130-летия этого великого события, в январе 2008 года, в Болгарию прибыл Президент России Владимир Владимирович Путин. Этот год был объявлен Годом России в Болгарии [281].

Празднование 135-летия освобождения Болгарии от османского ига прошло 3 февраля 2013 года в Бургасе. К памятнику русским воинам-освободителям возложили венки. По традиции процессия прошла к дому № 15 по улице Генерал-майора Лермонтова, в котором Александр Михайлович Лермонтов жил с 6 февраля по 29 марта 1878 года, чтобы возложить цветы к мемориальной доске*.

Другое место, связанное с историей освобождения Болгарии, находится у северной стороны Армянской церкви в Бургасе, где отслужили первый молебен после освобождения Бургаса от пятисотлетнего османского ига в феврале 1878 года.

В региональном музее Бургаса (ул. Генерал-майора Лермонтова, д. 31) действует постоянная экспозиция «Лермонтовы – освободители и созидатели», посвященная генералу от кавалерии Александру Михайловичу Лермонтову, его потомкам и родственникам.

Семья Александра Михайловича Лермонтова

Александр Михайлович Лермонтов был женат на своей двоюродной сестре Александре Федоровне баронессе фон Стуарт, внучатой племяннице Иммануила Канта. У Александра Михайловича и Александры Федоровны Лермонтовых была старшая дочь Александра (1857–1903) и два сына: старший Михаил, 1859 года рождения, и младший Георгий (Юрий) 1871 года рождения. Оба сына учились в Пажеском корпусе. О судьбе дочери и старшего сына будет рассказано в следующих главах. Семья А. М. Лермонтова долгое время жила в Петербурге, на Сергиевской улице, в доме № 17, построенном в 1861–1863 годах [2, с. 66; 282]. Вдова Александра Михайловича Лермонтова Александра Федоровна Лермонтова продолжала жить в этом доме до 1912 года [282]. Сергиевская улица (переименована в улицу Чайковского в 1923 году) считалась одной из самых аристократических в Петербурге: особняки принадлежали крупным сановникам, финансистам и политическим деятелям. В доходном доме Хвостовой на Сергиевской улице (дом № 20, в некоторых источниках – № 18) в 1839–1841 годах снимала квартиру бабушка Михаила Юрьевича Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева.

* «Бургас почете освободителите». «Новости Бургаса». Сряда, 06 Февруари 2013, 14:54.

Портсигар генерала Александра Михайловича Лермонтова – реликвия

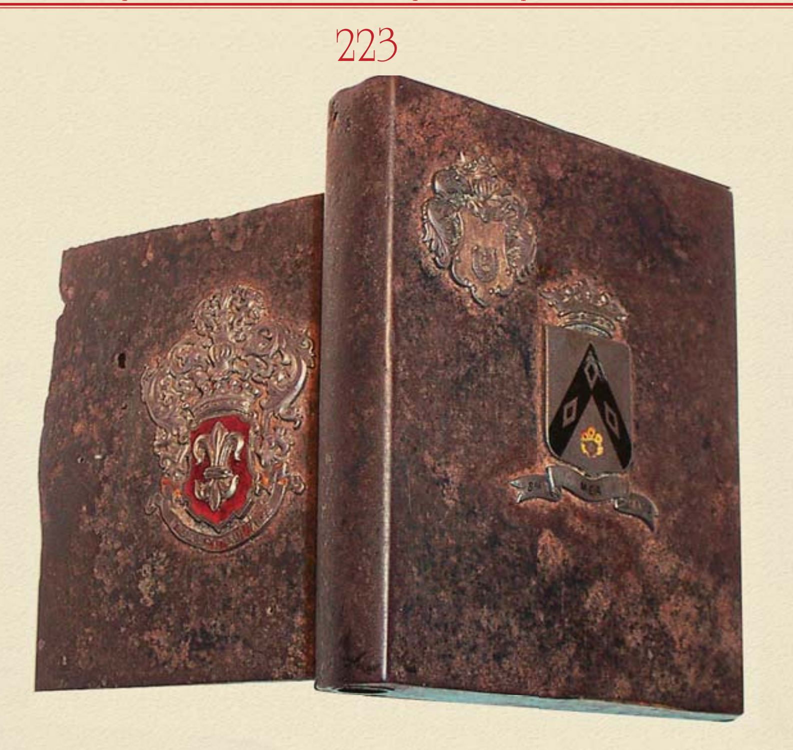
В 1878 году после освобождения Болгарии от пятисотлетнего османского ига генерал-майор Александр Михайлович Лермонтов вернулся в Петербург, окруженный легендарной славой воина-освободителя. В честь такого исторического события жена и его сестры преподнесли Александру Михайловичу памятный подарок – портсигар с инкрустацией родовых гербов Лермонтовых, баронов фон Стуартов и баронов Врангелей. Выбор столь символического подарка был обусловлен тем, что Александр Михайлович Лермонтов хранил традиции своего рода и тщательно собирал информацию не только о прямых предках, но и обо всем роде Лермонтовых. Об этом писал Владимир Васильевич Никольский (1834–1883) в «Русской старине» [47, т. 8, с. 810–811]: «Когда наша статья о предках М. Ю. Лермонтова [47, т. 7, с. 547–566] была уже напечатана, мы получили от Александра Михайловича Лермонтова наиболее полную родословную Лермонтовых. Принося искреннюю благодарность Александру Михайловичу, воспользуемся его бумагами для пополнения и исправления составленной нами генеалогической росписи рода Лермонтовых». В частности, Александр Михайлович Лермонтов впервые в 1873 году сообщил, что бабушку М. Ю. Лермонтова звали Анна Васильевна, а не Анна Ивановна [45, с. 148].

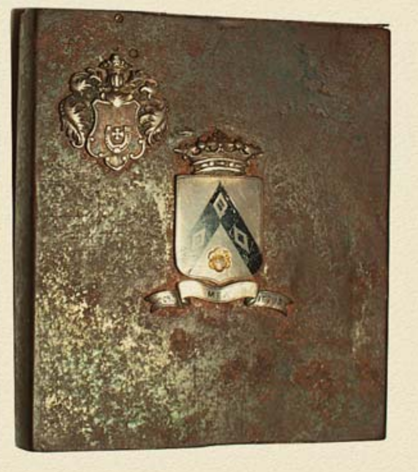
Александр Михайлович Лермонтов хорошо знал историю своего великого родственника, у него хранилась курительная пенковая трубка в позолоченной оправе, с янтарным мундштуком, в футляре, принадлежавшая поэту. По свидетельству Владимира Михайловича Лермонтова (1874–1954), семиюродного брата Александра Михайловича, трубка поэта перешла Александру Михайловичу от его отца адмирала Михаила Николаевича Лермонтова. К сожалению, подробности появления этой трубки в семье Михаила Николаевича Лермонтова не известны. Возможно, что выбор портсигара в качестве памятного подарка Александру Михайловичу Лермонтову связан с трубкой поэта, хранившейся в его семье.

Инкрустация на портсигаре символизирует родство Лермонтовых с известными российскими фамилиями. Портсигар передается по наследству по мужской линии в Острожниковской ветви рода Лермонтовых как семейная реликвия уже на протяжении 130 лет.

Из рода баронов Стуартов были мать и жена Александра Михайловича Лермонтова. Герб баронов фон Стуартов относится к типу гербов польской шляхты – Ястржембец. Бароны фон Стуарты могли приобрести свой герб, имея земли еще в Курляндии, входившей до 1793 года в Царство Польское [283, с. 470].

Герб баронов Врангелей, выгравированный на реликвии семьи Лермонтовых, относится к типу гербов Гоздава, Гоздовита (Gozdawa, Gozdowita). Сестра Александра Михайловича Лермонтова Елизавета Михайловна (1834–1912) вышла замуж за Платона Львовича барона Врангеля (1829–1892) [283, с. 421].





Портсигар, подаренный Александру Михайловичу Лермонтову: справа в центре – герб Лермонтовых, девиз: Sors mea Iesvs («Жребий мой Иисус»), в левом верхнем углу – герб русских баронов фон Стуартов; слева в центре – герб русских Врангелей, девиз: Fide sed (qu) cui vide or Trust, but see whom you are trusting («Доверяй, но проверяй»). С семьями фон Стуартов и Врангелей Лермонтовы породнились в XIX веке

История этого портсигара, передаваемая из поколения в поколение в семье Лермонтовых, гласит, что наследником уникальной реликвии стал Григорий Михайлович Лермонтов, родной племянник и крестник Александра Михайловича Лермонтова. Перед началом финального сражения Белой армии за Крым в январе 1920 года Григорий Михайлович на

всякий случай спрятал портсигар – закопал его в секретном месте, чтобы дворянская семейная реликвия не попала в руки красноармейцев. Только в ноябре 1920 года, непосредственно перед эвакуацией войск Белой армии в Константинополь, Григорий Михайлович откопал портсигар и взял с собой. В настоящее время он хранится в семье сына Григория Михайловича Юрия Григорьевича Лермонтова (1910–2005) в США.

Александра Александровна Лермонтова (прибл. 1857–1903)

Александра Александровна Лермонтова

Александра – единственная дочь Александры Федоровны и Александра Михайловича Лермонтовых – оставила свою богатую, комфортную жизнь в Санкт-Петербурге и в 1877 году присоединилась к русской армии в качестве волонтера – сестры милосердия. Военная жизнь Александры Александровны Лермонтовой, русской женщины из дворянской семьи, связана с лазаретом 4-го армейского корпуса, которым командовал легендарный царский генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882). Сестра милосердия Александра прошла с корпусом Скобелева все сражения в Болгарии. Видя сотни мертвых и изувеченных русских, болгар, финнов, сестра Александра осознала суровую и жестокую реальность войны и высокую цену победы под Плевной, Шипкой и Шейново.

В феврале 1878 года А. А. Лермонтова вместе с корпусом Скобелева оказалась в местечке Сан-Стефано, в 12 км от Константинополя. Там 20 февраля 1878 года был подписан выгодный для России Сан-Стефанский мир, принесший также освобождение Болгарии от 500-летнего османского ига. В Сан-Стефано Александра встретилась со своим отцом полковником Александром Михайловичем Лермонтовым. В мае 1879 года Александра вместе с 4-м корпусом Скобелева прибыла в Бургас. На личные средства она развернула новый лазарет в Бургасе, организовала курсы для медперсонала, закупила медикаменты и медицинское оборудование*. В настоящее время в Бургасе, на пересечении проспекта Стефана Стамболова и улицы Пиротска, на том месте, где в 1870-х годах находился лазарет

* «Лермонтови – освободители и създатели». Экспозиция посвещава се на 130–та годишнина от Освобождението на България и 170-та годишнина от рождението на А. М. Лермонтов – освободителя на Бургас. Регионален Исторически Музей, Бургас.

А. А. Лермонтовой, стоит памятник и установлен мемориальный камень в честь русских – освободителей Бургаса.

25 июня 1882 года в Москве трагически скончался Михаил Дмитриевич Скобелев. Его отпевали в храме Трех Святителей у Красных ворот, где шестьдесят восемь лет назад крестили Михаила Юрьевича Лермонтова. Александра Александровна Лермонтова присутствовала на отпевании, отдав последний поклон герою, с которым прошла столько великих сражений*.

А. А. Лермонтова была замужем за гвардии-полковником Трусевичем. Похоронена в Санкт-Петербурге, на кладбище Новодевичьего монастыря. Эпитафия гласит: «Вечная тебе память сохранится в сердце скорбящего мужа» [252, с. 298].

Михаил Александрович Лермонтов (1859 – после 1917)

Михаил Александрович Лермонтов, 1910. Фотография из семейного архива потомка и полного тезки – Михаила Александровича Лермонтова, Рио-де-Жанейро, Бразилия, 2012

Михаил Александрович Лермонтов – старший сын Александра Михайловича и Александры Федоровны Лермонтовых – родился 15 января 1859 года. Михаил Лермонтов был зачислен в пажи в возрасте двенадцати лет. В 1877 году он закончил Пажеский корпус. Из Пажеского корпуса был выпущен корнетом в лейб-гвардии уланский Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны полк, квартировавшийся в Петергофе [258, с. 691]. В 1879 году корнету Лермонтову, как сыну героя русско-турецкой войны 1877–1878 годов, было поручено командование пешим взводом на параде во внутреннем Большом (парадном) дворе Зимнего дворца в Петербурге в честь подписания мирного договора с Турцией [50, с. 32–40].

Через три года после зачисления в полк корнета Лермонтова выбирают членом полкового суда. С декабря 1882 по март 1883 года Михаил Александрович проходил курс подготовки ротных команди-

* Alexandra Lermontova. Regional Museum, Burgas; www.burgasmuseums.bg.

ров в офицерской стрелковой школе в Ораниенбауме. После окончания школы М. А. Лермонтов был произведен в чин поручика и в течение года заведовал полковой учебной командой. В 1883 году вышла его книга «Сторожевая и разведывательная служба конницы для унтер-офицеров и разведчиков» [284]. За отличную службу в 1884 году был награжден орденом Святого Станислава III степени. А в апреле 1888 года высочайшим приказом произведен в чин штаб-ротмистра. Вероятно, по причинам личного или семейного характера в 1888 году М. А. Лермонтов был прикомандирован на один год к гвардейской кавалерии запаса. В 1889 году снова вернулся в уланский полк в чине командира эскадрона [258, с. 691; 285; 286].

В 1891–1892 годах в европейской части России был неурожай и, как следствие, голод. Штаб-ротмистр Михаил Александрович Лермонтов входил в состав комитета по оказанию помощи пострадавшим под председательством наследника цесаревича Николая Александровича, будущего российского императора Николая II [30, т. 21, с. 124–125]. Вероятно, уже тогда распорядительность и организаторские способности М. А. Лермонтова были отмечены будущим императором России. Четырнадцать лет спустя именно полковник М. А. Лермонтов был назначен Николаем II на пост начальника Петергофского дворцового управления [285].

Игорь Павлович Белавкин, изучая архивы Государственного музея-заповедника «Петергоф» и архивы Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, обнаружил, что Михаил Александрович Лермонтов с 1889 года помимо основной службы был вовлечен в разнообразную общественную деятельность Он был казначеем полка, начальником школы солдатских детей, заведующим артелью низших чинов, избирался в распорядительный комитет офицерского собрания и в комиссию для заведования офицерским заемным капиталом, постоянно состоял членом офицерского суда. В 1895 году М. А. Лермонтов избран старостой полкового собора уланского полка. Собор Святых апостолов Петра и Павла, построенный в 1836–1839 годах, был передан полку в 1877 году. Собор, стоявший в центре Церковной площади (теперь площадь Аврова), был построен по проекту архитектора Константина Андреевича Тона (1794–1881) в «русско-византийском стиле», который принято называть тоновским (по проекту К. А. Тона был построен храм Христа Спасителя в Москве. – *Прим. авт.*). В полковом соборе хранились реликвии уланского полка. Собор не сохранился [287]. За отличную и усердную службу М. А. Лермонтов получил благословение Святейшего синода и золотую медаль от государя императора. М. А. Лермонтова считают основателем музея уланского полка [50, с. 32–40].

В 1897 году сенатор генерал от инфантерии П. О. Бобровский начал писать историю лейб-гвардии уланского Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны полка к его столетию в 1903 году. П. О. Бобровский выбрал в помощники трех офицеров полка: тогда еще ротмистра Лермонтова, штаб-ротмистра Шкотта и поручика Крылова. В предисловии к первому тому П. О. Бобровский дал высокую оценку способностям Михаила Александровича в работе над многотомной книгой по истории уланского полка: «Труд по ближайшему наблюдению за распределением рисунков в тексте обеих книг принял на себя полковник Михаил Александрович Лермонтов. Он же окончательно составил общий список всем служащим офицерам в полку с самого его основания, а также алфавитные указатели имен и фамилий, встречающихся в каждом томе истории». М. А. Лермонтов постоянно следил за первыми корректурами текста и приложений и вообще наблюдал «за исправностью и своевременностью издания» [288].

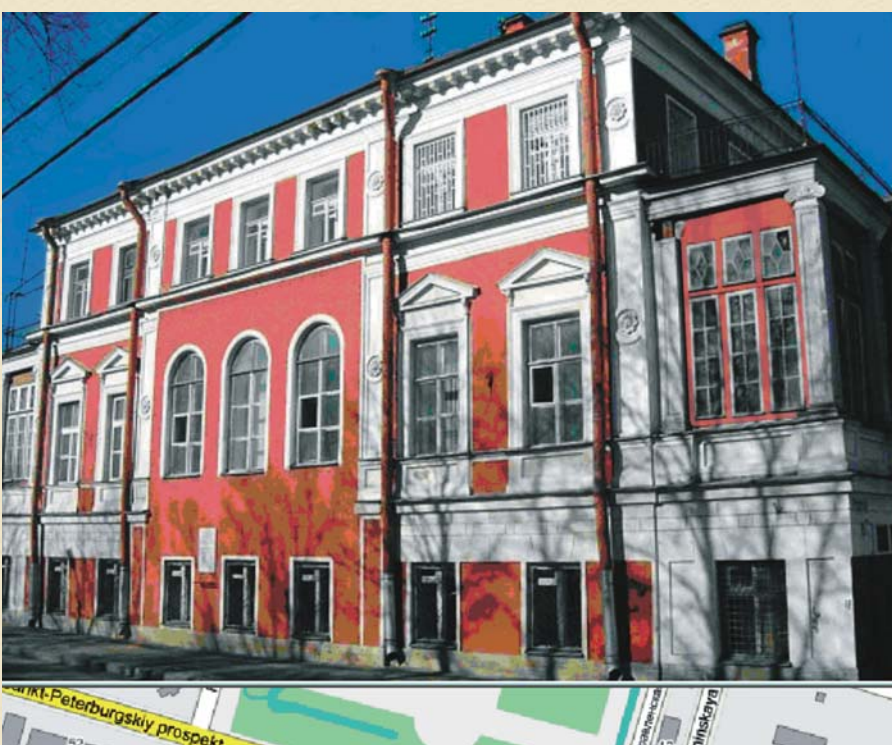
Мемориальная доска с именами начальников Петергофского дворцового управления. Петергоф, Самсониевская ул., д. 3

В 1902 году Михаил Александрович произведен в чин полковника. В 1901–1903 годах он принимал активное участие в благоустройстве казарм лейб-гвардии уланского полка и строительстве нового здания офицерского собрания в Петергофе.

В мае 1903 года в течение пяти дней торжественно отмечался 100-летний юбилей образования уланского полка и одновременно 250-летний юбилей учреждения слободских казачьих войск [289, с. 22]. Подарок императрице от полка заказывал М. А. Лермонтов [290]. В 1904 году полковник М. А. Лермонтов был назначен помощником командира полка по хозяйственной части [285].

В 1906 году, 1 июля, в Нижнем саду Петергофа террористом был убит генерал-майор Сергей Владимирович Козлов. Убийство боевого генерала, военного историка С. В. Козлова потрясло общественность России. С. В. Козлова убили по ошибке: покушение готовилось на генерала Трепова [291]. Начальник Петергофского дворцового управления генерал-лейтенант Д. С. Плешко был немедленно отправлен в отставку, а на его место назначен полковник Михаил Александрович Лермонтов. В 1908 году высочайшим приказом М. А. Лермонтов был произведен в чин генерал-майора, а в 1913 году – в генерал-лейтенанты [285].

Михаил Александрович Лермонтов был последним начальником Петергофского дворцового управления в 1906–1917 годах, что засвидетельствовано на мраморной мемориальной доске на фасаде дома № 3 по Самсониевской улице в Петергофе. Петергоф до 1917 года находился в ведении



Дом, в котором жили начальники Петергофского дворцового управления, действовавшего до 1917 года. Самсониевская ул., д. 3. В настоящее время – здание муниципального образования города Петергоф.
Карта Петергофа, где отмечен дом № 3 на Самсониевской улице (фрагмент)

Министерства императорского двора. Начальник дворцового управления подчинялся Министерству императорского двора, а через него – императору. Начальник дворцового управления сохраняет за собой по принадлежности заведование городскими полициями и командами, за исключением дел полицейского характера и вопросов, касающихся безопасности царских особ, – последние находились в ведении дворцового коменданта.

В Петергофе последний российский император Николай II провел треть жизни. В 1883–1885 годах на берегу Финского залива, в северо-восточной части парка Александрия, для императорской семьи был построен новый дворец, получивший название Нижняя дача. Именно здесь, на Нижней даче, император Николай II и императрица Александра Федоровна провели первое лето своей семейной жизни в 1895 году. Четверо из пяти детей последнего российского императора родились в Петергофе. Именно в Петергофе в июле 1905 года Николай II проводил совещания по вопросу об учреждении в России выборного законодательного органа. Здесь был подписан манифест 1905 года. В 1914 году в Петергофе был подписан манифест о вступлении России в Первую мировую войну [289, с. 1–83].

Лейб-гвардии Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны Уланский полк, в котором служил М. А. Лермонтов, квартировался в Петергофе. Николай II и Александра Федоровна, как правило, присутствовали на военных смотрах и часто отмечали отличную строевую подготовку улан. Николай II любил посещать офицерские собрания уланского полка, часто обедал с офицерами. «Ничто так меня не подбадривает, как посещение военной части, но не умею находить для этого времени!» – говорил император [292].

В 1909 году торжественно отметили 200-летие Петергофа* [289, с. 61–68].

«В день праздника, 29 июня 1909 года, стояла чудесная погода, город оделся в праздничный наряд, были расцвечены национальными флагами парки, дворцы, улицы и Военная гавань. В 10 часов 30 минут в церкви Большого дворца началась торжественная литургия, которую совершил заведующий придворным духовенством митрофорный протоиерей П. А. Благовещенский. На богослужении присутствовала императрица Александра Федоровна, министры и гости (император не успел вернуться из Полтавы к началу торжеств). Допущены были в церковь и петергофские жители разных сословий. После литургии прошел благодарственный молебен, в котором приняло участие духовенство всех петергофских церквей: придворных, военных, приходских и кладбищенских. Под звон церковных колоколов начался крестный ход, на пути следования которого у спуска в Нижний парк, у Шахматной горы, у фонтанов и на аллеях парка были расставлены наряды от петергофских воинских частей, при этом работали все фонтаны, а памятник императору Петру I был украшен живыми цветами. По окончании молебна с площадки Монплезира, Военной гавани и кораблей, стоявших на петергофском рейде, был произведен са-

* «В честь небесных покровителей Петра Великого», Государственный музей-заповедник «Петергоф». «Новости», 12.07.2013.

лют 21 выстрелом из пушек. У Монплезира состоялся и прием депутаций. Петербург представляли городской голова Н. А. Резцов и члены управы В. А. Тройницкий и П. Э. Тейх.

В изящном адресе, врученном ими Петергофу, говорилось: «Два столетия назад Великий Петр, основывая свою столицу Санкт-Петербург, основал и свой город, дав ему название Петергоф. Связь между этими городами, детищами великого основателя, неразрывна. И в ознаменование этой связи, и на память о столь знаменательном дне город Санкт-Петербург приносит в дар Петергофу изображение Петра Великого». Дар этот был – бронзовая копия памятника Петру I на Сенатской площади. После депутации Сакт-Петербурга адреса и подарки вручали представители Кронштадта, Ораниенбаума, Царского Села, Павловска, других городов и различных учреждений. После этого в актовом зале мужской гимназии императора Александра II состоялся завтрак, первый тост на котором произнес начальник Петергофского дворцового управления Михаил Александрович Лермонтов* [289, с. 61–68].

Михаил Александрович Лермонтов оставил заметный след в истории Петергофа. В 1909 году благодаря его инициативе вышел в свет юбилейный путеводитель по Петергофу [293]. Среди многочисленных сочинений о Петергофе книга М. Измайлова занимает особое место: это первый юбилейный путеводитель, изданный к 200-летию императорской резиденции. Всем, кто интересуется историей Петергофа, нужно иметь такие издания в своей библиотеке [294].

В декабре 1912 года генерал-майор М. А. Лермонтов получил разрешение устроить выставку принадлежащих ему по наследству от деда и отца, а также коллекционируемых им самим гравюр, портретов, книг и других предметов, связанных с 1812 годом: «Эпоха войн России с императором Наполеоном I, 1805–1815 годы». Всего экспонировалось 372 предмета. Выставка работала пять месяцев [50, с. 38]. Доход от выставки пошел в распоряжение Петергофского общества вспомоществования. Михаил Александрович Лермонтов был председателем Совета богадельных заведений Петергофа [295]. Книги из библиотеки М. А. Лермонтова – антикварная редкость. Они иногда встречаются на международных аукционах.

Вероятно, среди представителей лермонтовской фамилии Михаил Александрович Лермонтов был самым близким с Его Величеством Николаем II и императрицей Александрой Федоровной в их последние годы правления.

Награды Михаила Александровича Лермонтова за службу:

- орден Святого Владимира IV степени;
- орден Святой Анны II степени;
- орден Святого Станислава II степени;
- французский орден Почетного легиона офицерского креста;
- итальянский орден Святых Маврикия и Лазаря II степени (рыцарский орден Савойского дома и Итальянского королевства. Образован путем объединения рыцарского ордена Святого Маврикия и ордена помощи прокаженным Святого Лазаря. – *Прим. авт.*);
- болгарский орден Святого Александра IV степени (офицерская награда – нагрудный крест, с розеткой из орденской ленты. – *Прим. авт.*);
- персидский орден Льва и Солнца II степени;
- медаль в память коронации императора Александра III (1896) [296].

Революция 1917 года положила конец служению Отечеству и разрушила жизнь Михаила Александровича Лермонтова. После отречения от престола императора Николая II 2 марта 1917 года в Петергофе был создан Комитет общественной безопасности. М. А. Лермонтов был фактически отстранен от дел. Генерал-майор Михаил Александрович Лермонтов ушел в отставку в июле 1917 года, указав причиной свое болезненное состояние [297].

С тех пор судьба М. А. Лермонтова не известна. Он мистически ушел, и никто из его родственников не знает, что с ним произошло. Сведений о семье Михаила Александровича не сохранилось. Известно только, что в возрасте сорока трех лет в 1902 году он не был женат [298]. Михаил Александрович был крестным отцом своего двоюродного племянника Юрия Григорьевича Лермонтова (1910–2005), последний получил в наследство семейную реликвию – портсигар с выгравированными на нем фамильными гербами: Лермонтовых, барона Врангеля и баронов Стуартов.

* «Юбилей города Петергофа», ЦБС Петродворцового района, «Новости», 12.07.2011.

Сергей Александрович Лермонтов (1861–1932)

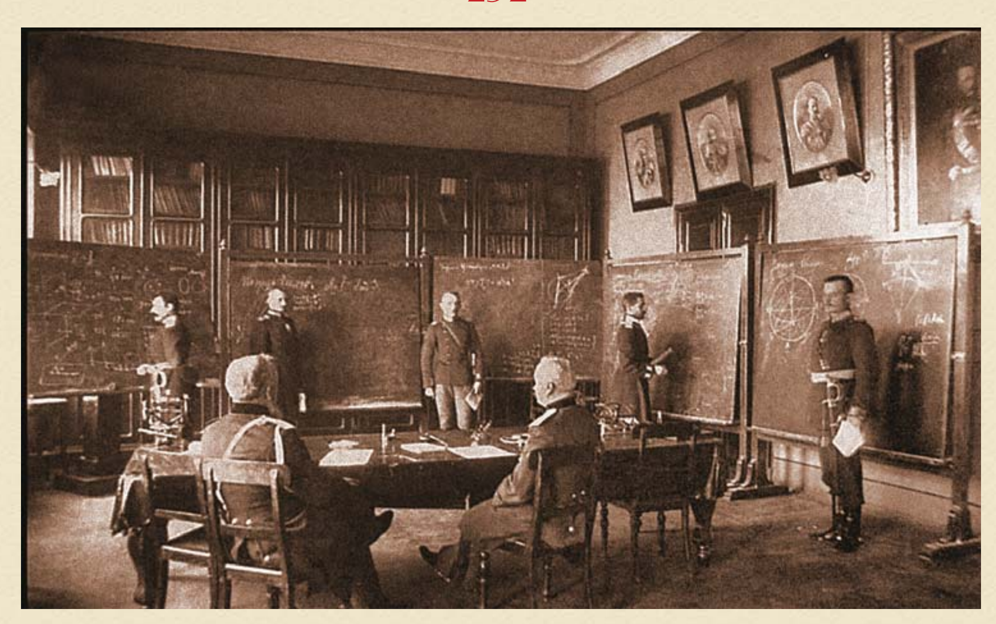
Сергей Александрович Лермонтов, брат Михаила Александровича Лермонтова, действительный статский советник, дипломат: консул в Януне (Турция); в Яссах (Румыния); секретарь миссии в Цюрихе; в Мадриде (1907); чрезвычайный посланник при королевско-вюртенбергском дворе в Штутгарте (1914). После революции эмигрировал из России. Был женат на баронессе Чинской, умер в Париже [2, с. 95].

Потомки героя Бородина – внуки и правнуки

Детали биографии записаны автором этой книги по воспоминаниям сыновей: Александра Григорьевича Лермонтова (1908–2000) и Юрия Григорьевича Лермонтова (1910–2005).

Григорий Михайлович Лермонтов

Григорий Михайлович Лермонтов – сын Михаила Михайловича Лермонтова (1841–1897). Воспитывался в семье своего дяди, генерал-лейтенанта



Экзамен в Николаевской академии Генерального штаба, Санкт-Петербург, 1900–1902

Александра Михайловича Лермонтова (1838–1906), в связи с тем, что отец жил и работал в Рязани, а Григорий Михайлович учился в Петербурге. Конечно, семья овеянного славой героя русско-турецкой войны 1877–1878 годов оказала влияние на юного Григория Лермонтова. Его двоюродная сестра Александра Александровна была свидетельницей побед легендарного белого генерала Михаила Скобелева, а двоюродный брат Михаил Александрович по роду службы был близок к царской семье. В доме была огромная библиотека. Любовь к истории России и истории рода Лермонтовых в высокообразованной дворянской семье была неподдельной. В 1896 году Григорий Лермонтов закончил второй Кадетский корпус (бывшая Санкт-Петербургская императора Петра Великого артиллерийская школа). Продолжил учение, и в 1897 году в звании корнета он блестяще окончил Николаевское кавалерийское училище. Военная карьера Григория Михайловича связана с кавалерией Российской императорской армии. В 1898 году он выпущен в 14-й драгунский малороссийский наследного принца германского и прусского полк, дислоцировавшийся до 1903 года на территории современной Польши, в городке Сташев Радомской губернии, южнее Варшавы. После 1903 года полк переведен в город Калиш, к западу от Варшавы. В 1902–1910 годах Григорий Михайлович Лермонтов практически непрерывно повышает военное образование и профессионализм офицера. В 1902–1905 годах он проходил курс обучения в Николаевской академии Генштаба. Как лучший офицер среди обучающихся в 1904 году зачислен на дополнительный курс.

В 1905 году окончил Академию Генштаба, потом двухгодичный курс офицерской кавалерийской школы с аттестацией «успешно». В 1910 году в звании штабс-ротмистра Григорий Михайлович Лермонтов направлен на службу в 1-й уланский Санкт-Петербургский генерал-фельдмаршала князя Меньшикова полк в город Ржев Тверской губернии [299]. 1-й уланский Санкт-Петербургский полк, который в 1882–1907 годах был драгунским, квартировался во Ржеве в 1865–1914 годах, в течение 49 лет. Во Ржеве до настоящего времени сохранились некоторые памятники архитектуры – свидетели военных традиций конца XIX – начала XX века.

В 1913 году Г. М. Лермонтов произведен в чин подполковника [300], а в ноябре 1914 года – в чин полковника с переводом в 16-й уланский Новоархангельский полк, дислоцированный в Воронеже [301]. С уланами Новоархангельского полка Григорий Михайлович участвует в Первой мировой войне. Вскоре командир полка полковник Вячеслав Александрович Константинов за боевые заслуги получает повышение в чине, а на его место заступает Г. М. Лермонтов. Полковник Григорий Михайлович Лермонтов командовал Новоархангельским полком до 1917 года. 16-й уланский Новоархангельский полк в составе Юго-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта А. А. Брусилова участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве под Луцком в 1916 году. Григорий Михайлович был награжден за доблесть в войне против Германии орденом Святого равноапостольного князя Владимира IV степени, с мечами и бантом, а высочайшим приказом от 24 января 1917 года – Георгиевским оружием [302]. К 100-летию учреждения ордена Святого Георгия, в 1869 году, все награжденные золотым оружием причислялись к георгиевским кавалерам [303, с. 73–74]. Имена четверых Лермонтовых – Михаила Николаевича, Владимира Николаевича, Дмитрия Николаевича, Ростислава Матвеевича – занесены в списки награжденных в сборнике, посвященном 100-летию ордена Георгия Победоносца [303, с. 125, 165, 172, 221].

Непосредственно перед революцией Григорий Михайлович был представлен к производству в генералы и награждению Георгиевским крестом. В воспоминаниях Александр Григорьевич Лермонтов пишет: «После революции отец отказывается и от Георгиевского креста, и от производства в генералы. Почему? Потому что, говорит, его император произвел в полковники и он не желает никакого производства из-под Керенского. А Георгиевские кресты тогда заменили белыми эмалевыми крестами – при коленце веточка какого-то растения. Их называли Георгиевский крест с розгами. Мой отец заявил, что не желает носить Георгиевский крест с розгами, и отказался».

Отказался Григорий Михайлович Лермонтов также принести присягу Керенскому и сдал свой полк новому правительству России. Полковник Г. М. Лермонтов с 1918 года по ноябрь 1920 года воевал на стороне Белого движения в России. В 1918 году он прибыл в Новочеркасск и присоединился к гетманской армии Скоропадского. С гетманом он был знаком по учебе в Академии Генштаба. С 15 июля по 24 сентября 1918 года командовал Белгородским конным полком. Потом Г. М. Лермонтов был назначен в штаб Донского гражданского совета, которым командовал генерал от инфанте-

рии Михаил Алексеевич Алексеев (1857–1918). Зимой 1918 года полковник Г. М. Лермонтов участвовал в тяжелейшем 1-м кубанском походе Добровольческой армии. Знаменитый 1-й кубанский («ледяной») поход – от Ростова-на-Дону до Екатеринодара, с жестокими боями – продолжался 80 дней, с 9 февраля по 30 апреля 1918 года. Это было первым отступлением только что сформированной Добровольческой армии по инициативе генерала М. А. Алексеева под командованием сначала Лавра Георгиевича Корнилова (1870–1918), а после его гибели – Антона Ивановича Деникина (1872–1947). Однако этот тяжелейший поход – на пределе сил, с огромными потерями – стал вопреки ожиданиям торжествовавших красных закалкой и новым рождением Белого движения. По воспоминаниям Александра Григорьевича Лермонтова, его отец во время 1-го кубанского похода командовал Уманским казачьим кавалерийским полком. В награду за отличия во 2-м кубанском походе атаман наградил Г. М. Лермонтова предписанием к Уманской станице в качестве уманского казака» [304].

С начала 1919 года Григорий Михайлович Лермонтов находился в рядах крымско-азовской Добровольческой армии [305]. С конца 1917 года и вплоть до 1920 года власть в Крыму менялась раз десять. В мае 1919 года началось общее наступление армии генерала А. И. Деникина. Крым был очищен от красных. Для развития успешного наступления требовалось увеличение конницы. Григорий Михайлович Лермонтов сформировал 1-й уланский Петроградский полк, в котором служил в 1910–1913 годах. Петроградские уланы под командованием полковника Г. М. Лермонтова с августа 1919 года по 16 апреля 1920 года вошли в состав сводного драгунского полка, участвовали в освобождении Одессы. Лермонтов был командиром всего Сводного драгунского полка осенью 1919 года [306].

Григорий Михайлович Лермонтов с начала января 1920 года с войсками Белой армии удерживает последний оплот Белого движения – Крым. Защита Перекопского перешейка войсками Добровольческой армии вошла в историю России. Ярко и трагично это описано в знаменитом романе Михаила Афанасьевича Булгакова «Бег». Среди белых офицеров, переживших прощание с Отечеством, был и Григорий Михайлович Лермонтов.

Участие полковника Г. М. Лермонтова в защите Перекопа представлено по воспоминаниям свидетеля тех событий, ротмистра Ивана Ивановича Рубцова [306]. «Оборона Крыма была вручена энергичному, молодому генералу Якову Александровичу Слащеву, прославившемуся уже своей храбростью, энергией и решительностью. Войска Добровольческой армии в Крыму были немногочисленны, но имели хорошего начальника. 4 января 1920 года полковник Лермонтов привел полк Петроградских уланов к Перекопскому валу. Был сильный мороз. Уланам было приказано занять вал. Красные не заставили себя ждать долго, и вскоре начались бои за удержание Крыма. Уже 9 января Петроградские уланы в составе конного отряда генерала Морозова участвуют в отражении атаки красных на Перекоп. ...Петроградские уланы были много обязаны полковнику Лермонтову при формировании своего полка в Добровольческую армию. Формирование своими средствами было очень нелегко. Придя в Крым, полковник Лермонтов приступил к формированию запасного эскадрона. ...Запасный эскадрон Лермонтова, или база Петроградского уланского полка, был организован отлично. Царил образцовый порядок, были организованы мастерские и даже отличный лазарет. Но пополнение фронта еще долго не приходило, и на перекопских валах эскадроны полка численностью по 25–30 человек отражали атаки красных. В одну ночь последних чисел марта остатки полка, при двух пулеметах, под командой ротмистра Рубцова стояли на валу. Воспользовавшись густым туманом, красная латышская бригада ночью, перед рассветом, без выстрела подошла к валу. К счастью, в этот момент туман рассеялся, и уланы вдруг увидели первую цепь красных у самого рва. Густые цепи противника шли за ним. Стоявшая на позиции за валами наша батарея открыла огонь, а прискакавшие налетом из резерва казаки вмиг были на валу. Не сделав ни одного выстрела, латышская бригада бросилась назад, устилая все поле трупами. Таким образом, Крым был успешно отбит у красных благодаря боевым действиям «оседлавшего» перешейки крымского корпуса генерала Слащева и искусно маневрировавшим резервам, в числе которых был полк Петроградских улан полковника Лермонтова.

После эвакуации из Новороссийска оставшаяся, большая часть Добровольческой армии передислоцировалась в Крым. Главнокомандующий вооруженными силами юга России генерал Деникин ушел в отставку. 24 марта 1920 года Деникин назначил генерал-лейтенанта барона Врангеля главнокомандующим вооруженными силами на юге России. Упорная оборона Крыма малочисленными войсками генерала Слащева закончилась».

«Вступив в командование, генерал Врангель переформировал Добровольческую армию, переименовав ее в Русскую армию. Малочисленные единицы были переведены в более крупные части, многие командиры полков были отправлены в резерв, а на их место пришли вновь назначенные военоначальники. Полковник Григорий Михайлович Лермонтов был назначен командиром стрелкового кавалерийского полка, формировавшегося из безлошадных эскадронов полков сводно-кавалерийской бригады» [307].

Судя по воспоминаниям современника, полковник Григорий Михайлович Лермонтов был талантливым военным организатором – ему неоднократно приходилось в трудных условиях гражданской войны, когда постоянно переформировывались войска и менялась их дислокация, организовывать резервы, а также приводить в боевую готовность несколько полков. Когда весной 1920 года в Крыму генерал Юзефович инспектировал запасные части кавалерии, то он был поражен образцовым содержанием и богатством «базы Петроградского уланского полка» в Дорте, организованной Г. М. Лермонтовым. Однако новое командование решило, что такая база полкам не положена, и, как говорил Юзефович, он с болью в сердце отдал приказ о расформировании базы и передачи ее имущества по назначению. Офицеры полка горько сетовали, что труды Лермонтова пропали напрасно. С приходом Врангеля было проведено много реорганизаций,

вызывавших недовольство в рядах армии. Несмотря на все усилия главнокомандующего в крайне тяжелых условиях изолированности в Крыму сохранить честь и достоинство знамени Русской армии, ситуация складывалась не в пользу белого офицерства. Григория Михайловича Лермонтова к лету 1920 года перевели в резерв. 4 августа 1920 года, в результате непрерывно продолжавшегося конфликта между Врангелем и Слащевым, Яков Александрович Слащев был отстранен от командования корпусом с формулировкой необходимости поправки здоровья [308, с. 47]. Так что популярный в войсках и среди гражданского населения защитник Крыма генерал Слащев не мог участвовать в последних боях по защите Крыма в октябре – ноябре 1920 года, как это изображено в пьесе М. А. Булгакова «Бег», где Яков Слащев во многом стал прообразом Хлудова.

Григорий Михайлович Лермонтов пережил трагический конец Русской армии барона Петра Николаевича Врангеля (1878–1928) в Крыму в первых числах ноября 1920 года. Вместе с войсками он покинул Россию. Генерал П. Н. Врангель еще питал надежду на восстановление армии и новое сражение с большевиками. Прямо на кораблях, идущих в Константинополь, он начал реорганизацию армии. При этом было упразднено немало штабов и управлений, а старшие офицеры, оставшиеся без места и не желавшие переходить на низшие должности в строй, приравнивались к беженцам. В разряд беженцев был переведен и генерал-лейтенант Я. А. Слащев [308, с. 88]. Судя по тому, что Григорий Михайлович Лермонтов был в это время в резерве, и по тому, какой образ жизни был у него в эмиграции, он также был переведен в разряд беженцев.

Семья и эмиграция

Григорий Михайлович Лермонтов был женат на Софье Григорьевне Хотимской, представительнице богатого рода Хотимских – золотопромышленников из Усть-Каменогорска [309]. В 1908 году в Петербурге (Кавалергардская улица, дом 8) у Григория Михайловича и Софьи Григорьевны Лермонтовых родился сын Александр. Второй сын, Юрий, родился 23 августа 1910 года во Ржеве, куда Григорий Михайлович был направлен на службу в 1-й уланский Санкт-Петербургский полк. Семья Лермонтовых навещала родственников в Петербурге. Григорий Михайлович купил земли, прилегающие к Оби, вблизи Усть-Каменогорска, где находились прииски золотопромышленников Хотимских. Лермонтовы строили планы на жизнь в Сибири после ухода Григория Михайловича в отставку. Мальчиков в семье нежно называли Шуша и Юша, а будущее виделось счастливым и только в горячо любимой России.

В 1914 году началась Первая мировая война. В это время Лермонтовы жили в Воронеже, где стоял Новоархангельский уланский полк, которым командовал Г. М. Лермонтов. Григорий Михайлович уходит на фронт, а Софья Григорьевна перебирается с детьми в Петербург к родственникам. В семье Лермонтовых наступают тяжелые времена. Хотя по детским воспоминаниям Александра Григорьевича Лермонтова, старшего сына, которому

Софья Григорьевна Лермонтова с сыновьями Шушей (слева) и Юшей, 1916.
Из семейного альбома Лермонтовых

Григорий Михайлович Лермонтов.
Приблизительно 1925 год.
Из семейного альбома Лермонтовых

в 1914 году было всего шесть лет, жизнь протекала нескучно. Его не касались проблемы, заботы, не было страха за свое будущее.

Зимой 1917 года Софья Григорьевна с детьми и матерью переезжают жить в Анапу. В конце марта 1919 года Красная армия, заняв Украину, подошла к берегам Черного и Азовского морей и к Перекопскому перешейку. С весны 1919 года история Лермонтовых написана по воспоминания Юрия Григорьевича Лермонтова, младшего сына.

Положение на фронтах Добровольческой армии менялось каждый месяц, тревога у семей, оказавшихся в Анапе, нарастала. И Софья Григорьевна, чтобы спасти детей и свою жизнь, пробирается через охваченную войной Россию в Петербург. Нелегкое и опасное путешествие, к счастью, завершилось благополучно. Но в столице Лермонтовы оказались весьма стеснены материально. Почти все имущество было экспроприировано пришедшими к власти большевиками. Жалких грошей от редких уроков французского и английского языка едва хватало на еду. Прокормить двух подрастающих мальчиков (10 и 12 лет) Софье Григорьевне было очень трудно. Детей пришлось отдать в школу – приют для бедных, которая находилась в бывшем особняке барона Гинсбурга. Юрий Григорьевич рассказывал, что жизнь в приюте была трудной, кормили скудно, в основном селедкой и кашей, не досыта, но, по крайней мере, можно было учиться.

Сведений о Григории Михайловиче не было. Жена и дети не знали, жив ли он. Так прошло три года.

Русский некрополь в Дубровнике, Хорватия, 2009. Фотография предоставлена Ириной Федоровной Касацкой

В 1923 году Софья Григорьевна с помощью родственников и знакомых вместе с детьми покидает Россию. И только в Германии, где им помогает приятель Григория Михайловича по полку, они узнают, что Григорий Михайлович жив и с остатками Белой армии находится в Хорватии.

Только в июле 1923 года семья Лермонтовых смогла объединиться и найти прибежище на берегу Адриатического моря, в городе Дубровнике, куда в те годы приезжало огромное количество русских эмигрантов.

В основном это были военные участники Белого движения. Их семьи жили в бараках, пытаясь создать подобие жилища. Готовили в общем помещении на печках-времянках, воду носили из колодца, удобства – на улице. Григорий Михайлович подрабатывал тем, что колол дрова и продавал их. Это занятие в шутку называли «бизнес». Софья Григорьевна прирабатывала проведением экскурсий для редких групп иностранцев в Дубровнике.

Во время Второй мировой войны, оккупации Югославии немецкими войсками, затем после освобождения страны войсками Красной армии Григорий Михайлович Лермонтов никогда не колебался: душа русского офицера оставалась преданной своей родине – России. Несколько лет Григорий Михайлович возглавлял Союз русских инвалидов в Дубровнике – общество, созданное для поддержки и объединения русских офицеров. Григорий Михайлович любил на досуге заняться живописью. Как бывшему кавалеристу, лучше всего ему удавались лошади. Еще до войны Лермонтовы сблизились в Дубровнике с семьей Олимпиады Владимировны (1875–1945) и Алексея Васильевича Ганзена (1876–1937), замечательного русского художника-мариниста, внука Ивана Константиновича Айвазовского (1817–1900). Олимпиада Владимировна в первом браке была замужем за Михаилом Филаретовичем Мурузи, у нее росли двое сыновей, Константин и Владимир Мурузи [310]. Фамилия Мурузи еще больше сблизила семьи Ганзенов и Лермонтовых. Жена дяди и крестного отца Григория Михайловича Александра Федоровна Лермонтова была дочерью Роксаны Дмитриевны, урожденной княгини Мурузи (см. с. 210, 211). С семьей дяди, Александра Михайловича и Александры Федоровны Лермонтовых, у Григория Михайловича были связаны самые теплые воспоминания о детстве и юности, которые, как известно, остаются на всю жизнь.

Григорий Михайлович до конца дней жил в Дубровнике. Он умер в 1949 году от инфаркта. Его похоронили в склепе Ганзенов – Мурузи на русском кладбище в Дубровнике. Благодаря сотрудничеству с Ириной Касацкой, потомком Олимпиады Владимировны Ганзен, Владимира Мурузи (1900–1937) и исследовательницей творчества и биографии Алексея Васильевича Ганзена, захоронение Ганзен – Мурузи – Лермонтов в Дубровнике на русском кладбище было восстановлено. Оно соединило известные российские фамилии и приобрело символическое значение в истории русской эмиграции в Югославии.

Лермонтовы-кадеты

Крушение белых фронтов на юге России в конце 1919 – начале 1920-х годов поставило точку на существовании кадетских корпусов в России. Первоначально в Югославии, в то время называвшейся Королевством сербов, хорватов и словенцев (сокращенно С.Х.С.), обосновались три кадетских корпуса: русский, донской и крымский. Последний в 1922 году был переведен в город Белая Церковь, вблизи румынской границы, где уже находилось Николаевское кавалерийское училище. Корпус был размещен в двух каменных трехэтажных казармах, и к этому времени насчитывал 579 воспитанников, разбитых на пять рот.

Продолжение образования для сыновей 13 и 15 лет в семье потомственного военного Григория Михайловича Лермонтова определяли однозначно: кадетский корпус.

Большую помощь в понимании и описании характера кадет, по существу мальчишек, попадавших из смутной советской России в кадетские корпуса за границей, где воспитывали и преподавали опытные офицеры императорской армии, оказал Владлен Анатольевич Гурковский. Владлен Анатольевич – энтузиаст, автор фундаментальных исследований и книг об истории кадетских корпусов, в частности за рубежом. В 2007 году он нашел в российских архивах и прислал мне копии писем Григория Михайловича Лермонтова 1920-х годов [311, 312]. В этих письмах написано о проблемах заслуженного офицера российской армии полковника Г. М. Лермонтова; о его стремлении дать достойное образование сыновьям-подросткам, на которых оказали влияние гражданская война и рабоче-крестьянская система общественного воспитания в первые годы советской власти.

Юрий и Александр Лермонтовы. Крымский кадетский корпус, 1928.
Из семейного альбома Лермонтовых

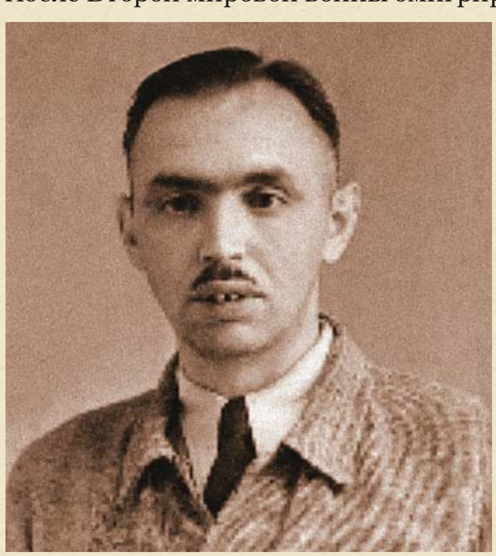
В конце июля 1923 года Лермонтовым удалось определить сыновей

в Донской кадетский корпус. Кадетская наука давалась детям с большим трудом. Переезды из одной части страны в другую, гражданская война в России, эмиграция, поиск постоянного места на чужбине – все это отражалось на характерах мальчиков-подростков. Воспитанные некогда дети из благополучной семьи превратились в неуправляемых нарушителей порядка и дисциплины. Особенно трудным был возраст 13–15 лет: мальчики успели вкусить прелести свободной жизни в советской России. В связи с неудовлетворительным поведением в 1925 году Александра Лермонтова не без трудностей перевели в Крымский кадетский корпус. Он успешно закончил его в 1928 году (8-й выпуск).

Юрий Лермонтов был младше брата на три года и отличался более покладистым характером, но с успеваемостью у него тоже не все было в порядке [313]. К началу 1926 учебного года Григорию Михайловичу удалось перевести в Крымский кадетский корпус и младшего сына. Юрий Григорьевич Лермонтов закончил Крымский кадетский корпус в 1932 году.

Александр Григорьевич Лермонтов (1908–2000)

После Второй мировой войны эмигрировал в Бразилию, получил инженерное образование и стал техником – строителем дорог.



Александр Григорьевич Лермонтов, 1949. Из семейного альбома Лермонтовых

У А. Г. Лермонтова была большая и дружная семья. Александр Григорьевич впервые после эмиграции посетил Россию в 1991 году. Он был в восторге от преобразований в стране и распевал кадетские песни на улицах Москвы. В Рио-де-Жанейро по инициативе Александра Григорьевича Лермонтова в 1996 году образован Институт культурных связей Бразилия – Россия имени М. Ю. Лермонтова, вице-президентом которого был избран А. Г. Лермонтов.

В 1999 году я была в гостях у Александра Григорьевича Лермонтова в Рио-де-Жанейро. Его дом прелестно обустроен, много книг и фотографий. Александр Григорьевич был общителен, очень разговорчив, любил рассказывать о своем прошлом и о том, что тесно связывало его с кадетами. Его мемуары размещены в Интернете*.

Александр Григорьевич скончался в 2000 году, похоронен на кладбище в Рио-де-Жанейро вместе с матерью Софьей Григорьевной Лермонтовой.

* http://xxl3.boom.ru/voron.htm.

Юрий Григорьевич Лермонтов (1910–2005)

Юрий Григорьевич Лермонтов, выпускник Высшего морского училища, Дубровник, 1936. Из семейного альбома Лермонтовых

В 1932 году Юрий Григорьевич Лермонтов поступает в Высшее морское училище в Дубровнике. Училище было основано в 1849 году, это отличная высшая военная школа, выпускавшая хорошо образованных офицеров, которые уважали морские традиции. Юрий Григорьевич рассказывал, что карьера моряка была выбрана им в память о легендарном прадеде адмирале Михаиле Николаевиче Лермонтове (1792–1866). Блестяще окончив Высшее морское училище в 1936 году, Юрий Лермонтов поступает на службу на торговое судно в чине поручика.

1941 год

Вторая мировая война. Операция по захвату Югославии началась 6 апреля 1941 года. 13 апреля пал Белград – страна была оккупирована гитлеровскими войсками. Торговый флот Дубровника в подавляющем большинстве находился вне территориальных вод Югославии и присоединился к Объединенным силам антигитлеровской коалиции. Юрий Григорьевич Лермонтов вспоминает, что его торговый корабль пришвартовался в порту Нью-Йорка в 1941 году. С этого времени и до конца Второй мировой войны Ю. Г. Лермонтов в звании первого офицера и капитана морского флота бороздит морские просторы на разных торговых судах, составлявших легендарные морские конвои союзных сил антигитлеровской коалиции. Перед лицом грозящего России врага Юрий Григорьевич Лермонтов – потомок древнего русского дворянского рода – никогда не испытывал сомнений, свободу какой державы он будет защищать.

Во время войны защита морских территорий являлась главной задачей действовавших в Атлантике британских ВМС, ВМС США и советского Северного флота. Среди тактических приемов важнейшее место по праву принадлежит системе конвоев. Английский историк Арнольд Хог писал: «Система конвоев стала фактически безальтернативным способом, позволявшим обеспечить противокорабельную, противолодочную и противовоздушную оборону судов» [314]. Юрий Григорьевич Лермонтов вспоминает, что торговые суда в конвоях находились под постоянной угрозой быть атакованными немец-

Софья Григорьевна Лермонтова, 1950.
Из семейного альбома Лермонтовых

кими подводными лодками, эскадренными миноносцами, истребителями. Особо вспоминает он о двух конвоях на Мальту в 1942 году. Фашисты во что бы то ни стало хотели завладеть этим стратегически бесценным средиземноморским островом. На стороне держав гитлеровской коалиции «Ось» был колоссальный перевес сил. Только в 1942 году было потоплено 73 торговых судна из конвоев союзных войск, направленных на Мальту. Но конвои «Гарпун», «Вигороус», «Пьедестал», понеся большие потери, прошли на Мальту в 1942 году. Мальта выстояла и охранялась союзными войсками почти год.

В 1943 году Юрий Григорьевич Лермонтов прошел в конвое союзных сил в Мурманск. Этот конвой был для него особенно символичным: он вез груз и помощь людям любимой им России.

К моему великому сожалению, Юрий Григорьевич Лермонтов на момент составления этих записей – ему было почти 94 года – утерял номера конвоев, в которых он участвовал во время Второй мировой войны. Зная его много лет, я полагаю, что этот факт указывает не на его небрежность, а на его скромность. Мне всегда с большим трудом удавалось разговорить его, если тема касалась военной службы, работы, помощи семье. В течение многих лет я собирала его воспоминания по крохам. Не менее семи раз Юрий Григорьевич был первым офицером на конвойных торговых кораблях, которые были снаряжены в портах Нью-Йорка, Норфолка, Филадельфии, Балтимора, Монреаля и направлены в Лондон, Ливерпуль, Египет, Мурманск.

В коротких перерывах между конвоями Юрий Григорьевич Лермонтов обучал молодых американских моряков, готовил их к опасной миссии – ходить в конвоях. В 1941–1945 годах американский торговый флот постоянно повышал свою мощь: количество квалифицированных моряков перед войной с 55 000 увеличилось до 215 000 к концу войны – почти в четыре раза. Кроме того, система управления торговыми перевозками в этот период постоянно совершенствовалась. Ю. Г. Лермонтов внес значительный вклад в это важное дело. Несомненно, высокая квалификация, смелость, умение принять своевременные решения, способность поддержать боевой дух команды, разделить обязанности с капитаном – все эти черты первого офицера корабля Юрия Григорьевича Лермонтова играли немаловажную роль в достижении цели конвойных операций. Во время войны Юрий

Судно «Панаманте», на котором капитан второго ранга Юрий Григорьевич Лермонтов совершил восемь кругосветных путешествий. Из семейного альбома Лермонтовых

Григорьевич был произведен в капитаны морского флота. Он выстоял во многих чрезвычайных ситуациях. По американской статистике во время Второй мировой войны из 26 моряков, несущих службу на торговых судах, выживал один.

Для капитана Юрия Григорьевича Лермонтова война закончилась в 1945 году. Но не закончилась его морская карьера. В 1946 году он становится капитаном торгового судна «Панаманте» грузоподъемностью 7200 тонн. Паровой корабль «Панаманте» был спущен на воду в 1946 году. Он был построен американской кампанией «Либерти» («Освобождение»), сыгравшей решающую роль в победе союзных сил над гитлеровской коалицией «Ось» на море. Это был успешный период в жизни Юрия Григорьевича. Возглавляемый им корабль совершил восемь кругосветных путешествий. Торговые операции были практически со всеми странами мира: Великобритания, Франция, Италия, Япония, Китай, Индия, Филиппины, страны Африки и другие. Юрий Григорьевич свободно говорил на русском, французском, английском, итальянском и сербском языках. Его уважала и любила команда корабля. Последнее кругосветное плавание капитан Ю. Г. Лермонтов совершил в 1954 году. 7 октября 1954 года «Панаманте» заходил в Окленд (Новая Зеландия), 27 ноября 1954 года – во Фремант (Австралия)*.

Благополучие семьи проходило красной нитью через жизнь Юрия Григорьевича Лермонтова. Он не терял связь с Дубровником, а потом с Рио-де-Жанейро, где жили его мама Софья Григорьевна и семья брата Александра.

* www.blaxland.com, www.nzmaritimeindex.org.nz.

Женитьба и семья

В 1954 году капитан второго ранга Юрий Григорьевич Лермонтов пришвартовался в Сиэтле (штат Вашингтон, США) и сошел на берег. Ему было 44 года, он серьезно думал о создании собственной семьи. Для того, кто непрерывно в течение пяти лет находился в смертельной опасности, тяготы мирной жизни лишь обычные мелкие неприятности – к ним Юрий Григорьевич всегда относился философски. Непременным его желанием была женитьба на девушке из русской семьи. Как и бывает в таких ситуациях, помог случай. Русская община в Сиэтле к тому времени уже сформировалась, и Юрий Григорьевич быстро нашел знакомых еще по Югославии. Ольга Александровна, в девичестве Вишнякова, и Николай Ломоносовы оказались самыми близкими. Интерес к женитьбе заметила Ольга Александровна. Она рассказала Юрию Григорьевичу, что в Ванкувере (Канада) живет их общая знакомая, прелестная Лидочка Молчанова (моя двоюродная сестра, племянница Ольги Александровны, которая приходится сестрой жене моего дяди Юрия Васильевича Молчанова. – *Прим. авт.*). Юрий Григорьевич хорошо помнил Лидочку Молчанову по Дубровнику, когда ей было еще 12 лет. С тех пор они встречались один-два раза, и эти встречи были очень короткими. Однако воспоминания юности оказались настолько животрепещущими, что он, не раздумывая, отправился в Ванкувер. Продолжение этого романа – их долгая совместная жизнь.

Юрий Григорьевич Лермонтов сочетался с Лидией Георгиевной Молчановой сначала гражданским браком в 1955 году, а потом они венчались в русской церкви в Сиэтле. Свадьба была по-настоящему русской. Жених и невеста выглядели очаровательно.

Юрий Григорьевич ушел со службы в торговом флоте, так как не хотел оставлять жену одну надолго. Окончив курсы чертежников, проработал инженером-чертежником в самой крупной в США авиастроительной корпорации «Боинг» (Boeing) с 1956 по 1988 год.

Юрий Григорьевич был материально готов к семейной жизни. Лермонтовы купили дом на берегу Тихого океана в Сиэтле. Вскоре к ним присоединились Лидочкины родители, Георгий Васильевич и Вера Александровна Молчановы. Семья жила дружно. Юрий Григорьевич хранил русские традиции и считал, что дети и родители должны жить вместе и помогать друг другу. Так оно и было.

Лидочка, имея образование по специальности «фармацевт», получила лицензию на работу в системе здравоохранения США и работала главным фармацевтом в разных госпиталях. Семья жила более чем благополучно.

Их дочь Татьяна родилась 18 июля 1958 года. Трудно о ней сказать: «Она звалась Татьяной». В семье Лермонтовых все называли друг друга ласковыми именами: Юрочка, Лидочка, Танюша, соблюдая при этом уважительный и даже почтительный тон.

Лермонтовы много работали и со вкусом отдыхали. Сохраняя связь с русской общиной, они принимали участие в балах, званых вечерах, на которых обсуждали новинки литературы и искусства, пели русские романсы. Как Лермонтовы, так и Молчановы оставались глубоко религиозными людьми. Они ходили в церковь, отмечали русские православные праздники.

Венчание Юрия Григорьевича Лермонтова и Лидии Георгиевны Молчановой, Сиэтл, США, 1955. Из семейного альбома Лермонтовых

Не забывали они и о своих родных. Племянник Михаил, сын Александра Григорьевича Лермонтова, учился в американском университете Беркли (штат Калифорния). Конечно, он находился под присмотром и опекой семьи Юрия Григорьевича. Но это никак не ограничивало его свободу.

Со временем семья Лермонтовых заражалась американским образом жизни. В Америке есть известный девиз: «Перемена!» (Change!). Они неоднократно меняли места работы и жительства: Сиэтл (штат Вашингтон), Сан-Франциско (штат Калифорния), Бостон (штат Массачусетс), Лонг-Айленд (штат Нью-Йорк), Эдисон (штат Нью-Джерси). При этом Юрий Григорьевич продолжал работать в отделениях компании «Боинг», которые есть во многих штатах.

В 1991 году я застала Лермонтовых в Эдисоне (штат Нью-Джерси). Моей двоюродной сестре было 63 года, а Юрию Григорьевичу – 81 год. Их дом был проникнут духом русской дворянской семьи – об этом я читала только в романах. Современные элементы американской жизни – джакузи и бассейн в саду – нарушали общую картину. Приятным сюрпризом была их повседневная речь и общение Лермонтовых между собой. Они общались на литературном русском языке – на языке Тургенева, Чехова, Лермонтова, Пушкина. Еще одна черта их семейного уклада – постоянная связь друг с другом. Ольга Александровна Вишнякова-Ломоносова, которой было уже 90 лет, жила в доме Лермонтовых. Она в шутку называла их семью «веник», подразумевая неразлучность и сплоченность всех членов семьи.

Моя сестра Лидочка работала в клинике, а ее дочь Таня стала дизайнером и трудилась в крупной американской компании. Юрий Григорьевич был на пенсии. На плечах восьмидесятилетнего морского офицера лежало все домашнее хозяйство.

Ново-Дивеево в штате Нью-Джерси

Ново-Дивеево – местечко в штате Нью-Джерси, где находится русская православная церковь Серафима Саровского, русское мемориальное клад-

бище, дом престарелых. Семья Лермонтовых регулярно ходила в церковь, навещала могилы Молчановых – моих дяди и тети. На кладбище в Ново-Дивеево покоятся Трубецкие, Волконские, Нарышкины, Гагарины, Голицыны, князь Георгий Константинович, Александра Львовна Толстая – дочь великого писателя, которая была награждена тремя Георгиевскими крестами во время Первой мировой войны и удостоена звания полковника, потом сидела в большевистской тюрьме, после освобождения была хранителем музея в Ясной Поляне и, наконец, в 1929 году покинула Россию. При церкви – дом престарелых, где на благотворительном обеде по случаю престольного праздника мне посчастливилось познакомиться с дочерью знаменитого барона Петра Николаевича Врангеля. Очень приветливая, милая пожилая дама, жила во флигеле, имела прислугу. Она с интересом расспрашивала о жизни в России и происшедших переменах.

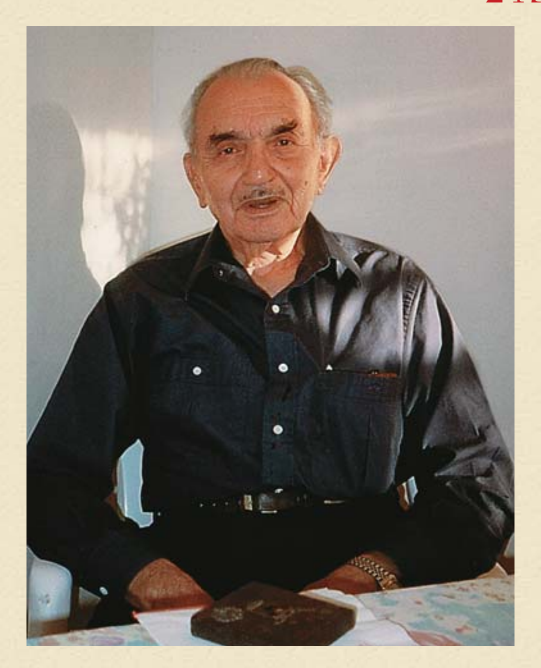
В середине июня 1991 года Лермонтовых и меня пригласили на кадетский сбор, который проходил при одной из русских православных церквей в Нью-Джерси. Это событие международного значения, памятное и праздничное. Приезжают кадеты со всего мира. В тот год собралось не менее ста офицеров. Начался молебен в церкви, во время которого освятили знамя кадетских корпусов. Потом кадеты выстроились перед знаменем и замерли в ожидании великой княгини Веры Константиновны, которая вслед за своим отцом великим князем Константином Константиновичем стала покровительницей кадетских корпусов России*. Вошла пожилая, скромно одетая дама, исполненная достоинства. Кадеты стояли по стойке смирно, отдали ей честь, преклонили колени перед знаменем и рапортовали о начале сбора. Великая княгиня Вера Константиновна провела около часа с кадетами и удалилась в сопровождении знакомых. Среди них был и Юрий Григорьевич Лермонтов. Они говорили о здоровье, о семье. Юрий Григорьевич представил меня великой княгине. Мы немного поговорили о цели моего приезда, о России, о перестройке. Было видно, что ей интересен рассказ человека, только что приехавшего с ее родины.

В начале неформальной части кадетского сбора у меня возникло впечатление, что офицеры Белой армии относятся ко мне с недоверием. Для них я все-таки была представительницей советской России. Однако личное общение растопило этот ледок. К нашему столу подходили князья Голицыны, князь Теймураз Константинович Багратион-Мухранский**.

Вечер закончился танцами и пением кадетских песен. Меня пригласили в круг, предложили уже приготовленные слова. К удивлению кадетов, я легко подхватывала мелодии их песен. Вопросы посыпались

* http://www.romanov-center.ural.org/news/monarsh.htm.

** Князь Теймураз Константинович Багратион-Мухранский – сын княгини Татьяны Константиновны, председатель Толстовского фонда, умер в 1992 году в Нью-Йорке. Татьяна Константиновна, дочь великого князя Константина Константиновича, сестра великой княгини Веры Константиновны, жена князя К. А. Багратион-Мухранского, убитого в мае 1915 года в бою.



Юрий Григорьевич Лермонтов с семейной реликвией – портсигаром, принадлежавшим генералу Александру Михайловичу Лермонтову. США, 2003. Из семейного альбома Лермонтовых – Молчановых

со всех сторон: откуда я знаю их песни? Ответ был прост: в школе я пела в хоре, и мы разучивали песни Гражданской войны. Оказалось, что многие мотивы были идентичны мотивам песен Белой гвардии. Так, в одной стране – в России – в 20-х годах прошлого века звучали одинаковые мотивы песен офицеров, шедших на бой друг против друга!

Юрий Григорьевич всегда помнил о своей принадлежности к русским кадетам. Он выписывал «Кадетскую перекличку», перезванивался с кадетами, живущими в Америке, и, конечно, был близко знаком с Алексеем Йорданом, сын которого, Борис Алексеевич Йордан, занимается бизнесом и живет в России.

Юрий Григорьевич Лермонтов часто с болью в сердце повторял мне: «Танечка, вы не представляете, как трудно быть эмигрантом». Он очень любил Россию. Он не был на родине с 1923 года. Юрий Григорьевич постоянно смотрел русские новости, читал русские газеты, книги, чутко реагировал на политические, социальные, экономические события в стране. Он, безусловно, любил русскую литературу. Читал и перечитывал произведения Михаила Юрьевича Лермонтова. «Лермонтовская энциклопедия» была его настольной книгой. Юрий Григорьевич бережно хранил семейную реликвию – портсигар с гербами Лермонтовых, баронов Стуартов и баронов Врангелей.

Юрий Григорьевич Лермонтов скончался 23 августа 2005 года. Похоронен на русском кладбище в Ново-Дивееве (штат Нью-Йорк, США). Вся жизнь Юрия Григорьевича Лермонтова освящена словами его великого предка:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Вынужденная эмиграция – это тяжелое испытание для русских людей, которые до конца дней оставались преданным своему Отечеству.

Владимир Николаевич Лермонтов (1796–1872)

Владимир Николаевич Лермонтов – старший сын Николая Петровича Лермонтова (1770–1827) и его второй жены Марии Васильевны (1771–1828), урожденной Перфильевой. Владимир Николаевич всегда писал свою фамилию через «а» – Лермантов. Родился 1 июля 1796 года в усадьбе Острожниково Чухломского уезда Костромской губернии, как и его старшие братья по отцу, Петр и Михаил (см. с. 184, 185). Детство Владимира протекало сначала в Острожникове, а потом в усадьбе Ивановское, куда семья Лермонтовых переселилась приблизительно в 1799 году.

Портрет Владимира Николаевича Лермонтова. Суворовский музей в Санкт-Петербурге. Цифровая копия портрета предоставлена директором музея Александром Ивановичем Кузьминым

Владимир Николаевич с детства проявлял сильный и решительный характер. Война 1812 года застала Владимира в возрасте 16 лет в Чухломском имении, далеко от событий, потрясших его отечество. Александр Александрович Григоров пишет: «В 1812 году началась Отечественная война. Старшие братья Владимира были уже офицерами и участвовали в войне. Володе Лермантову было тогда всего 16 лет, и он очень переживал, что братья его сражались с врагом, а он должен сидеть дома. Патриотические чувства охватили тогда все русское общество, началось создание народного ополчения, отец В. Н. Лермантова принимал самое деятельное участие в создании и снаряжении ополчения. Но своему сыну Николай Петрович вступить в ополчение не разрешил, считая его слишком юным. В это время в соседнем Галичском уезде, недалеко от лермонтовского имения, жила семья командира Тульского пехотного полка Свободского. Он был ранен и, получив отпуск для лечения, приехал домой, бывал у Лермонтовых. Слушая его рассказы, Володя Лермантов стал настойчиво требовать от родителей разрешения идти на войну, сложилась ситуация, похожая на описанную в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», когда в семье Ростовых взбунтовался 16-летний Петя Ростов. В конце концов родители дали свое согласие на поступление сына в армию и поручили его Свободскому. После отпуска они вместе поехали догонять полк, который был уже в Саксонии. По прибытии в полк Володю Лермантова зачислили юнкером. Свое боевое крещение В. Лермантов получил в сражении 14–15 августа 1813 года под Дрезденом, где Наполеону удалось нанести поражение соединенной армии австрийцев под командованием фельдмаршала Шварценберга и русской под командованием Барклая-де-Толли. Пришлось отступать от Дрездена в направлении Чехии, и тут русские войска с лихвой отплатили французам за поражение под Дрезденом, нанеся 17–18 августа сокрушительное поражение противнику под Кульмом. В ознаменование этой победы была установлена особая награда – Кульмский крест. В этом же бою участвовал и старший брат Владимира Лермантова Михаил. Оба брата получили заслуженную награду.

Следующая битва, в которой принимал участие В. Н. Лермантов, – так называемая «битва народов» под Лейпцигом 4–7 октября 1813 года, где соединенные армии русских, австрийцев, пруссаков и шведов нанесли сокрушительное поражение Наполеону. За этот бой В. Н. Лермантов, еще не имевший офицерского чина, получил первую боевую награду – солдатский Георгиевский крест. В бою под Лейпцигом он проявил исключительную инициативу и храбрость: в критический момент битвы он с небольшим резервным отрядом выскочил из засады, в результате чего французские полки дрогнули и были разбиты. Прусский король Фридрих-Вильгельм III тут же, на поле боя, снял с себя орден «За заслуги» («Pour le Merite») и прикрепил его на грудь молодого героя.

Дальнейшее движение Тульского пехотного полка на запад проходило в непрерывных боях. Названия всех этих мест, где происходили бои, в которых участвовал полк, высечены на памятнике В. Н. Лермантову. Из них наиболее известны – взятие крепости Рокруа на бельгийской границе, знаменитое сражение под Ля-Фершампенуазом, где отличились многие полки русской армии, взятие замка Бельвю под Парижем и, наконец, 18 марта 1814 года был взят Париж. Там закончил свой поход 17-летний Володя Лермантов, произведенный в чин подпоручика и бывший уже не раз легко раненным.

После взятия Парижа В. Н. Лермантов еще некоторое время служит в войсках, остававшихся за границей. 30 апреля 1814 года по приказу командующего русской армией Барклая-де-Толли Лермантова перевели в Кременчугский пехотный полк. Через год, в годовщину взятия Парижа, В. Н. Лермантова перевели в гвардию – в лейб-гвардии Егерский полк. В 1819 году он уже имеет чин капитана, а в 1823 году переводится в лейб-гвардии Финляндский полк. В следующем, 1824 году В. Н. Лермонтов уходит в отставку «за ранами», с мундиром и пенсией, в чине полковника, а было ему всего 27 лет!» [45, с. 153–156].

Ветеран Отечественной войны 1812–1814 годов, участник сражений под шестнадцатью городами в Германии и Франции, участник взятия Парижа, Владимир Николаевич Лермонтов за смелость, отвагу и проявленную доблесть имел боевые награды:

- ордена Святой Анны II и IV степени;
- орден Святого Владимира III степени;
- орден за заслуги Pour le Mérite – орден, бывший высшей военной наградой Пруссии;

· медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814 года» – была учреждена 30 августа 1814 года манифестом императора Александра I в честь взятия Парижа русскими войсками 19 марта 1814 года.

Имя Владимира Лермонтова – единственного из рода Лермонтовых – было выгравировано на стенах храма Христа Спасителя: «43 стена. Сражение при Теплицах, Гисгюбели, Геллендорфе, Цегисте и Кульме. Ранены – Тульского пехотного полка поручик Лермонтов» [315].

Владимир Николаевич, вероятно, ушел в отставку не потому, что хотел поправить здоровье после почти десяти лет непрерывной военной службы. У него были гораздо более серьезные причины личного характера (см. с. 254). Что касается службы и карьеры, то он поступил, как всегда, результативно, но несколько неожиданно для военного человека его возраста. В. Н. Лермонтов решил получить высшее образование в гражданской сфере. В середине 1820-х годов он поступил в Главное инженерное училище в Санкт-Петербурге, учрежденное 24 ноября 1819 года по инициативе великого князя Николая Павловича. В 1828 году он окончил училище и был зачислен в чине полковника командиром роты строительного отряда в Институт корпуса инженеров путей сообщения (ИКИПС) [316]. В этой должности он служил пять лет, до 1834 года [317, 318]. В 1834 году его назначают помощником директора ИКИПС [319]. А с 1837 года Лермонтов в этой же должности в чине генерал-майора [320].

Владимир Николаевич Лермонтов принимал участие в строительстве первой в России железной дороги [321]. В мае 1836 года началось строительство первой линии железной дороги общественного пользования – Царскосельской. Летом 1836 года на помощь строителям на наиболее трудные участки были брошены силы из ИКИПС. Владимир Николаевич Лермонтов два месяца руководил завершением сооружения земляного полотна и устоев мостов на возводимой Царскосельской железной дороге у села Павловск. Бригада В. Н. Лермонтова успешно справилась с работами и получила одобрение императора. За это В. Н. Лермонтов был произведен в чин генерал-майора.

К своим воспитанникам ИКИПС В. Н. Лермонтов всегда был очень требователен, но по сути справедлив, хотя их часто раздражала и возмущала насмешливая, порой саркастическая манера обращения с ними В. Н. Лермонтова. О пребывании в ИКИПС и о Владимире Николаевиче Лермонтове оставил воспоминания Андрей Иванович барон Дельвиг (1813–1887), двоюродный брат поэта Антона Антоновича Дельвига (1798–1831), друга-лицеиста Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837). Андрей Иванович Дельвиг перевелся в институт в 1828 году из Петербургского строительного училища. Полковник В. Н. Лермонтов в том же году получил чин ротного командира строительного отряда ИКИПС. Уже с первых дней пребывания в институте А. И. Дельвиг почувствовал взыскательность ротного командира. А. И. Дельвига и еще троих переведенных в институт воспитанников без экзаменов определили в высший класс, или третью бригаду. Когда об этом узнал ротный командир полковник В. Н. Лермонтов, он грозно спросил, кто смел определить их в эту бригаду без экзаменов. При этом с насмешкой и упреком добавил, обращаясь к А. И. Дельвигу: «Знайте, господин барон, что здесь нет князей, графов и баронов, а здесь все равны, и вашего титула здесь употреблять не будут». При представлении директору поступивших воспитанников В. Н. Лермонтов по поводу его мнения о Дельвиге только пожал плечами. Вероятно, поэтому в воспоминаниях А. И. Дельвига появилась фраза: «Лермонтов был человек желчный донельзя и злой, обходился с воспитанниками хотя учтиво, но дурно. ...Воспитанники ненавидели Лермонтова, называли его «лимонная рожа». Он со злости постоянно рвал свои бакенбарды» [322]. Судя по манере высказывания юного еще Андрея Ивановича Дельвига, ему все хочется критиковать и утверждаться в своей значимости. Он не оценил учтивого, но строго характера Лермонтова, а его насмешливость принял за злость и желчность. Воспитатели обращались к воспитанникам только на «вы», грубость и тем более телесные наказания были недопустимы. Далее А. И. Дельвиг сетует, что Владимир Николаевич Лермонтов, его командир, был с ним особенно резок и, обращаясь в основном к Дельвигу, любил повторять: «Надобно вам в командиры не гвардейского полковника, а гарнизонного капитана». Полагая, что он достаточно хорошо воспитан, А. И. Дельвиг оскорблялся придирками В. Н. Лермонтова по поводу того, как он ходит, как сидит, то непорядочно одет, то дурно держит нож и вилку. Не напоминают ли придирки Владимира Николаевича скорее заботу ворчливого отца, чем муштру ротного? Ведь Владимир Николаевич хорошо знал семью А. И. Дельвига: его жена была приятельницей матери Андрея Дельвига (о чем сообщает сам А. И. Дельвиг). Мог ли юный и амбициозный Андрей оценить почти изящную насмешливость В. Н. Лермонтова, например, в такой ситуации: «В первое воскресенье после поступления в институт Антон Антонович Дельвиг [брат Дельвига], живший тогда на даче близ Крестовского перевоза, прислал за мной человека на извозчике, как он делал в бытность мою в училище, не зная, что воспитанникам института воспрещается ездить. Лермонтов, подойдя ко мне, сказал, что за мною прислали дрожки, что ездить не дозволяется, а что если мои баронские ножки могут пропутешествовать к Крестовскому перевозу и в тот же день обратно, так как отпуски на ночь не дозволялись, то я могу надеть кивер (военный головной убор с высокой тульей без полей) и тесак (короткая сабля) и отправиться, но предварительно должно отстричь свои баронские волосики». Тон, которым все это было сказано, привел А. И. Дельвига в отчаяние, в результате которого он остриг волосы под гребенку.

Правило, запрещавшее воспитанникам института ездить в экипаже, А. И. Дельвиг нарушил. Так что когда В. Н. Лермонтов встретил его в городе, у Троицкого моста, в экипаже вместе Антоном Антоновичем Дельвигом, то Андрей Дельвиг понес заслуженное наказание – лишение отпуска в следующее воскресенье. Однако вскоре А. И. Дельвигу пришлось убедиться в объективном и справедливом отношении В. Н. Лермонтова к нему. В декабре 1829 года отличившихся воспитанников награждали

серебряными темляками (плетеная петля на рукоятке тесака). Награждение проводил полковник В. Н. Лермонтов. Из бригады А. И. Дельвига было выбрано шесть воспитанников: пятеро из них были офицерами и сверх того был награжден Андрей Дельвиг, не имевший чина. После награждения В. Н. Лермонтов ехидно заметил Андрею Дельвигу: «Вы, конечно, этого не ожидали». Владимир Николаевич, серьезно относившийся к строевой подготовке и к упражнениям с холодным оружием, конечно, оценил хорошую подготовку А. И. Дельвига. Впоследствии отношения между ними значительно улучшились.

Проводимые Владимиром Николаевичем Лермонтовым воспитательная работа и фронтовая подготовка воспитанников были высоко оценены в январе 1830 года на смотре в честь дня рождения великого князя Михаила Павловича. Правда, эта оценка была завуалирована в типичную великокняжескую формулу: «Великий князь удивлялся, кто бы их мог так хорошо образовать во фронтовом отношении, и потом сказал, что, так как Лермонтов его ученик по гвардии, которою командовал великий князь, то он приписывает частью себе хорошее фронтовое образование воспитанников института» [322].

Дальнейшая служба Владимира Николаевича Лермонтова, помощника директора ИКИПС, складывалась вполне успешно. В сентябре 1843 года В. Н. Лермонтов был награжден орденом Георгия Победоносца – одной из самых почетных наград России [303, с. 165].

В том же 1843 году произошел инцидент, связанный с воспитанниками института. Происшествие имело огласку, что описано в воспоминаниях современников – свидетелей этого неприятного случая. Воспитанники выпускного класса избили сокурсника за наушничество начальству. Драка получилась шумная: избиваемый отбивался табуретом. Дежурный офицер не смог усмирить разбушевавшихся молодых людей и побежал за поддержкой к помощнику директора института по воспитательной работе генерал-майору В. Н. Лермонтову – последний унял взбунтовавшихся выпускников. Когда о происшествии доложили директору, он предложил В. Н. Лермонтову разыскать виновных, а весь выпускной класс лишить праздничных отпусков. Воспитанники были возмущены «несправедливым» решением и стали давить на зачинщиков скандала, чтобы те взяли вину на себя. Пятеро выпускников повинились и признались В. Н. Лермонтову, за что были немедленно посажены в карцер. Скандальное дело не осталось в стенах института, было предано огласке и дошло до графа Петра Андреевича Клейнмихеля (1793–1869). Арестованных доставили во дворец главного управляющего путей сообщения, где их допросили. Изначально история, казавшаяся молодым людям «шалостью», грозила потерей погон. Суть дела была доложена государю Николаю Павловичу. Ситуация была расценена как проявление духа строптивости воспитанников и как доказательство несоблюдения в институте дисциплины из-за отсутствия суровых мер наказания, распространенных тогда во всех училищах и кадетских корпусах.

Директор Института корпуса инженеров путей сообщения генерал-лейтенант Готман был снят с должности, на его место пришел более строгий директор генерал-лейтенант Валериан Федорович Энгельгардт (1798–1856). Генерал-майор Владимир Николаевич Лермонтов, строго, но учтиво обращавшийся с воспитанниками ИКИПС, 16 октября 1843 года был уволен графом П. А. Клейнмихелем в отставку. После отставки В. Н. Лермонтов больше не служил в государственных учреждениях. Новое начальство сурово наказало воспитанников, виновных, по их мнению, в учинении беспорядков в институте. Была устроена публичная порка, никогда ранее не применявшаяся в стенах этого учебного заведения. К счастью, В. Н. Лермонтов не принимал участия в этой экзекуции [323, 324].

По странному стечению обстоятельств государственный деятель граф П. А. Клейнмихель подписал последние приказы в жизни двух представителей рода Лермонтовых: поэта Михаила Юрьевича и Владимира Николаевича. Роковой приказ от 14 апреля 1841 года о необходимости поручику М. Ю. Лермонтову покинуть Санкт-Петербург в течение 48 часов [325]. Не могло ли так случиться, что косвенным образом имя мятежного поэта повлияло на неблаговидную роль графа П. А. Клейнмихеля в судьбе Владимира Николаевича Лермонтова? Приказ о его отставке был отдан два года спустя после смерти поэта. Граф останется в памяти потомков Лермонтовых как «ужасный Клейнмихель», по выражению внучки Владимира Николаевича [326].

После отставки Владимир Николаевич Лермонтов не пришел в уныние. Он занялся воспитанием собственных детей. Кроме того, теперь у него появилось свободное время, чтобы заняться домом в Петербурге и имением Мишково в Чухломском уезде Костромской губернии. В 1856 году В. Н. Лермонтов приобретает земли в Вятской губернии – имение в селе Сметанино Яранского уезда с семнадцатью деревнями и 1550 душами крепостных крестьян [327]. Огромный опыт ведения хозяйственных дел, приобретенный во время работы помощником директора ИКИПС, он с успехом реализовал в собственном хозяйстве. Владимир Николаевич был прагматичным, рациональным и рачительным хозяином. «В его архиве сохранились расходные книги, в которых записаны все домашние расходы до копеечки за много лет. Видно, что каждая копеечка на счету и тратится после размышления и не зря» [326].

Круг интересов Владимира Николаевича Лермонтова, личности необыкновенной, конечно, не ограничивался только ведением хозяйства. У него была огромная личная библиотека, сохраненная потомками. В ней много книг по истории, связанных с именем Наполеона, его войн, мемуары его современников, – все на французском языке. Из русских книг – «История государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), сочинения Адама Смита в переводе, сочинения Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), прижизненные издания 1836–1837 годов (в последнем томе – описание его трагической гибели), русские писатели в издании Смирдина (Ломоносов, Тредьяковский, Державин, Богданович, Казак Луганский, романы Н. М. Карамзина и другие). «Интересно

отметить, что среди всех этих книг, а их было много, мне ни разу не попалось ни одного творения Булгарина, Кукольника» [326].

Владимир Николаевич Лермонтов опубликовал несколько мемуарных заметок о войне 1812 года в журнале «Русский инвалид». Например, статью «Воспоминания ветерана Отечественной войны 1812 года, служившего в лейб-гвардии Егерском полку» [328].

Семья Владимира Николаевича Лермонтова

Образ Владимира Николаевича Лермонтова, по воспоминаниям воспитанников ИКИПС, таков: педантичный, занудный, придирчивый, язвительный гвардейский офицер – «лимонная рожа», от которой не ожидали поблажек или снисходительности. Могли ли эти юные заносчивые воспитанники вообразить, что их суровый начальник нежно и безрассудно любит и любим так же нежно и преданно.

Прасковья Гавриловна, урожденная Вишневская, первая жена Владимира Николаевича Лермонтова

Владимир Николаевич первый раз женился до 1820 года на Прасковье Гавриловне Вишневской (до 1799 – май 1833) из известного, но небогатого дворянского рода. Брак этот был по большой любви.

Прадед Прасковьи Гавриловны прославился тем, что в 1731 году привез к императорскому двору из села Лемеши пастуха Алексея Розума. Алексей Розум быстро стал фаворитом при дворе во время правления Елизаветы Петровны (1741–1762) и превратился в графа Алексея Григорьевича Разумовского (1709–1771) [329]. Федор Степанович Вишневский получил место при дворе и чин генерал-майора. Родители Прасковьи Гавриловны – Гавриил Федорович Вишневский и Софья Михайловна Вишневская, урожденная Еропкина, – в 1812 году во время пожара не покинули Москву, а пытались спасти государственное и свое имущество [330]. В Москве Вишневские познакомились и подружились с семьей Пушкиных, Надеждой Осиповной и Сергеем Львовичем, родителями Александра Сергеевича Пушкина. В 1798 году Сергей Львович Пушкин с семьей переехал в Москву. С 1802 года состоял в комиссариатском штате по ведомству снабжения армии, с 25 июня 1812 года – военным советником. Дружба Пушкиных и Вишневских продолжалась всю жизнь. Близкими друзьями стали и дети Пушкиных и Вишневских. Особенно доверительные и теплые отношения сложились между Ольгой Сергеевной Пушкиной, в замужестве Павлищевой, старшей любимой сестрой Александра Сергеевича Пушкина, и старшей дочерью Вишневских Прасковьей Гавриловной Вишневской, первой женой полковника В. Н. Лермонтова.

Подлинным свидетельством отношений Пушкиных, Павлищевой, Вишневских и Лермонтовых является их переписка [331, 332].

Письма Ольги Сергеевны Павлищевой-Пушкиной приведены в хронологическом порядке, начиная с марта 1831 года. В это время полковник Владимир Николаевич Лермонтов служил командиром роты строительного отряда в Институте корпуса инженеров путей сообщения, по адресу: Обуховский проспект, дом 9 (теперь Московский проспект), рядом с Сенной площадью. После отбытия мужа в Варшаву Ольга Сергеевна посещает очень узкий круг друзей, среди которых Лермонтовы.

Для достоверного понимания отношений Лермонтовых и Ольги Сергеевны Павлищевой-Пушкиной привожу цитаты из ее писем.

21 марта 1831 года (стр. 15): «Я бываю почти только у родителей. Была лишь один раз у Волковых, у Лермонтовых, Талызиных и г-жи Кушелевой».

9 мая 1831 года (стр. 27): «...Проведя вечер у Лермонтовых. ...Из моих знакомых вижу чаще всего только Лермонтовых и Вишневских (имеется в виду брат Прасковьи Гавриловны Николай Гаврилович Вишневский и его жена Прасковья Федотовна. – *Прим. авт.*)».

18 мая 1831 года (стр. 25): «Лермонтовы, Вишневские, Мари и проч., все тебе кланяются».

3 июля 1831 года (стр. 39–40): «...Лермонтов [Александр Николаевич] написал, что видел вас в Пултуске...». Далее Ольга Сергеевна сетует: «Что касается Лермонтовых [В. Н. и П. Г.], то нет возможности их видеть: они заперты по Высочайшему Повелению и с ними нельзя иметь никакого сообщения». Здесь и далее Ольга Сергеевна часто упоминает в письмах Александра Николаевича Лермонтова, родного младшего брата Владимира Николаевича, прапорщика лейб-гвардии Егерского полка, служившего вместе с Павлищевым в Польше.

22 июня 1831 года на Сенной площади Петербурга произошел холерный бунт. Институт корпуса инженеров путей сообщения находился рядом с Сенной площадью. В институте был объявлен карантин. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге закончилась осенью 1831 года. По этому поводу летом Ольга Сергеевна пишет мужу с большим чувством юмора.

9 июля 1831 года (стр. 43–44): «Вы очень любезны, что выслали мне денег. Но Бог ведает, когда их получу. Лермонтовы [В. Н. и П. Г.] заперты, можно умереть со смеху, никто не осмеливается ни войти ни выйти, а записки, которые я им пишу, берутся щипцами».

4 августа 1831 года (стр. 47): «К Лермонтовым не пускают».

15 или 13 августа 1831 года (стр. 49): «Лермонтовы сказали бы мне, если бы уже их [деньги] получили, потому что я предупреждала их, впрочем, мы совсем не видимся, они по прежнему оцеплены, никто не осмеливается пойти к ним [в корпус],

и им не позволено посылать лакеев, за провизией ходят солдаты, и так может продлиться еще месяц».

22–23 августа 1831 года (стр. 52): «Я писала вам три дня назад, а этим посланием вы обязаны г. Александру Лермантову. Я получила деньги – 350; Владимир (имеет в виду Владимира Николаевича. – *Прим. авт.*) сказал о них первый. Поблагодарите его, прошу вас, по тому, что он пишет, я вижу, это любезность с его стороны; он принял деньги, хотя вовсе не был обязан это делать, и я, в свою очередь, благодарю вас за них».

25 августа 1831 года (стр. 54): «Я знаю от Лермантова [Александра Николаевича], который пишет от 8-го, что вы здоровы. Постарайтесь узнать, были ли посланы те деньги на имя Лермантовых, было бы странно, если бы они пропали».

4 сентября 1831 года (стр. 55): «Мой друг, последнее письмо... дошло через Лермантовых. Чтобы покончить с деньгами, скажу вам, что я не получала ни 600, ни 500, и только г-ну Александру Лермантову должна 350».

10 сентября 1831 года (стр. 58): «Война окончена (взятие Варшавы. – *Прим. авт.*). Не получила я также ни копейки из денег. Лермантов [В. Н.] трижды был в комиссариате, там предприняли тщательные поиски бумаги, о которой идет речь».

Конец сентября 1831 года (стр. 59): «Что касается денег, то их не больше, чем праведников на земле, как говорит Лермантов. Мне, право, совестно, что вы затруднили его этим».

6 октября 1831 года (стр. 60): «Начну с того, что деньги – 600 – прибыли, наконец, на имя Лермантова». Сетует на работу почты.

26 октября 1831 года (стр. 68) Ольга Сергеевна пишет, что по поводу того, как посылать письма, лучше справиться у Лермантовых.

17 ноября 1831 года (стр. 69) пишет о визите г-на Карастовцева и доставке письма от мужа: «Представьте себе, мой друг, когда он заходил в первый раз, я была у г-жи Лермантовой [П. Г.], следовательно, довольно близко от дома – он послал за мной, не желая ни отдавать письмо, ни объявлять свое имя горничной, и обещал зайти еще раз. Груша [горничная О. С.] прибежала, запыхавшись, рассказать мне все это, когда я уже прощалась с Лермонтовыми...» (от дома Ольги Сергеевны Павлищевой на Грязной ул. [теперь Марата, д. 25] до здания Института корпуса инженеров путей сообщения на Обуховском проспекте, д. 9 приблизительно три километра, если через Обуховский мост, и приблизительно столько же, если по Невскому – через Аничков мост. – *Прим. авт.*).

16 марта 1832 года (стр. 78): «Еще раз спасибо за бумагу; я в тот день передала ее Лермантову. Надеюсь, что теперь не замедлят выдать ему 500, в которых я так нуждаюсь (речь идет о документе, связанном с пересылкой денег на имя В. Н. Лермантова. – *Прим. авт.*)».

15 июля 1832 года (стр. 89), перед тем как Ольга Сергеевна покидает Санкт-Петербург, чтобы ехать к мужу: «Я стараюсь развлечься и думать, что, покидая родителей против их воли, как и моих друзей, места, где я провела прекрасные годы моей жизни, я обрету мужа. ...еду к Лермонтовым, которые ждут меня. Сегодня именины Лермонтова (15 июля – день памяти князя Владимира Равноапостольного. – *Прим. авт.*). Если бы вы любили меня так, как он любит свою жену, поверьте мне, я оставила бы все без сожаления!»

Далее о Лермонтовых речь идет в письмах Надежды Осиповны Пушкиной своей дочери.

28 мая 1833 года (стр. 157): «Сегодня мы едем к Вишневским на кошелевскую дачу; ...надо признаться, этим Вишневским выпадает испытание за испытанием: только что возвращен их сын (Федор Гаврилович Вишневский, декабрист. – *Прим. авт.*), как они накануне утраты дочери их Лермантовой – после плеврита у нее остротечная чахотка, и я не знаю, жива ли она еще в настоящий момент; они перевезли ее к себе на дачу в чаянии, что воздух принесет ей несколько пользы, но надежды нет более никакой. Я колебалась, сообщить ли тебе эту печальную новость, но если не от меня, ты узнала бы об этом от другой. Что делать?.. Я знаю, как тебя это огорчит. К счастью, она не оставляет детей».

27 сентября 1833 года в Михайловское (стр. 179): «Мне не хотелось первой сообщать тебе о смерти г-жи Лермантовой, я была уверена, что тебе будет очень ее жаль. Мы еще были в Петербурге, и, когда я писала тебе, что ей так плохо, она уже не существовала. Она умерла на даче Кушелевых, совсем рядом с дачей своих несчастных родителей, она скончалась на руках у Лиз (Елизавета Гавриловна Вишневская, сестра Прасковьи Гавриловны. – *Прим. авт.*). Муж ее неутешен, он хочет купить домик, где она кончила жизнь. У меня сердце обливается, как обливается слезами Софья Михайловна, все семейство в отчаянии от этой утраты, лишь то их утешает, что сын их Федор с ними. Не знаю, какой это Лермонтов умер, я о том не слыхала».

6 апреля 1835 года в Петербург (стр. 273): «В качестве новости я сообщу тебе, что Лермонтов вдовец, Владимир Николаевич, женился на фрейлине большого двора Дубенской, молоденькой восемнадцатилетней девушке, у которой 20 тыс. рублей дохода. Он говорит, что никогда не сможет любить ее как первую свою жену, зато и она, я уверена, не сумеет его обожать, как обожала Прасковья Гавриловна» (Елизавета Николаевна Дубенская (1812–1897) – дочь Николая Порфирьевича Дубенского, приятеля Сергея Львовича. – *Прим. авт.*).

В августе 1835 года Ольга Сергеевна с маленьким сыном Левой (родился в 1834 году. – *Прим. авт.*) отправилась в Санкт-Петербург, чтобы побыть с матерью Надеждой Осиповной, которая болела и хотела благословить внука. Она пишет мужу из Петербурга.

20 декабря 1835 года (стр. 136): «Кстати, Лермантов женился не по любви; но теперь очень любит жену, которая, говорят (увы!), совершенная глупышка – и нехороша собой. Его первая жена была лучше – этой всего 18 лет, у нее состояние, мать и отец, которые ее обожают, зато она не любит ничего на свете, кроме размазни; ни украшений, ни балов, только спит и молчит, все хозяйство на руках у Владимира Николаевича, он даже наливает ей чаю и подвязывает салфетку (в буквальном смысле); он кое-как вывозит ее на бал, она танцует без удовольствия, – вот, что мне о ней говорили».

История любви в первом браке Владимира Николаевича Лермонтова фактически описана в письмах Пушкиных. Даже потомки Владимира Николаевича не знали о первом браке их знаменитого деда больше, чем Пушкины. Из этих писем становится понятно, что Владимир Николаевич и Прасковья Гавриловна Лермонтовы были самыми близкими друзьями Ольги Сергеевны Павлищевой-Пушкиной в достаточно трудный для нее период в начале 1830-х годов. Более того, Владимир Николаевич был ее до-

веренным лицом. Именно через него Ольга Сергеевна получала деньги от мужа. Они жили по соседству, и не было вечера, чтобы Ольга Сергеевна не забегала к Лермонтовым обсудить свои проблемы, обменяться петербургскими новостями.

В феврале 1831 года Александр Сергеевич Пушкин женился на юной красавице Наталье Гончаровой. С кем как ни с близкими приятелями Лермонтовыми могла поделиться радостью или разделить тревогу по поводу этого брака Ольга Сергеевна.

В письмах Надежды Осиповны и Ольги Сергеевны Пушкиных написано, что Прасковья Гавриловна была прелестной женщиной, что Владимир Николаевич боготворил свою жену и она отвечала ему взаимностью. У них было трое детей, но все они умерли в раннем возрасте. Владимир Николаевич Лермонтов очень тяжело переживал смерть своей совсем молодой жены. Он признавался Надежде Осиповне Пушкиной, что уже никогда и никого не сможет полюбить так, как первую свою жену.

Потомки Владимира Николаевича от второго брака с большой симпатией и уважением относились к его первой любви. Они толком не знали о дружбе с Пушкиными, но внучка В. Н. Лермонтова Александра Владимировна Лермонтова (1892–1964) писала: «Отец мой говорил мне про одно очень старинное кресло в кабинете, что на этом кресле сиживал Пушкин, потому что оно принадлежало Прасковье Гавриловне. В семье до блокады Ленинграда хранились портреты Прасковьи Гавриловны, судя по которым она была очень красива. Портрет маслом пропал во время блокады, но сохранилась с него фотография. Даже если сделать скидку на романтику того времени, сохранившиеся до сих пор вещи говорят о многом. Во-первых, имеется записная книжка красного сафьяна. С одной стороны вделана миниатюра самой Прасковьи Гавриловны с надписью: «Le bonheur de ma vie» («Счастье моей жизни»), с другой стороны – миниатюра младенца с надписью: «Bonjour mon adorable papa. Nicolas Lermontoff a l'age de douze mois» («Здравствуй, мой обожаемый папа. Николай Лермонтов в возрасте двенадцати месяцев»). В самой книжке тоже по-французски нежные слова, адресованные «a mon cher Edouard» («моему дорогому Эдуарду»). Затем есть кольцо ее, в которое вделаны волосы и надпись: «Ils me sont chers» («Они мне дороги»). Все это, конечно, чистая романтика. Но в 1833 году Прасковья Гавриловна погибла. Смерть жены сильно потрясла Владимира Николаевича. Почему-то у него появилось желание непрерывно вспоминать роковую дату. Он заказал себе часы, на циферблате которых между цифрами написано: «Elle n'est plus» («Ее больше нет»), секундная стрелка смещена вправо, а слева в кружке написаны час и минуты смерти П Г [Прасковьи Гавриловны]. Между двумя кружками над цифрой VI – колонна, поставленная на могиле Прасковьи Гавриловны на Волковском кладбище. Эти часы Владимир Николаевич носил до самой своей смерти. Еще более странная идея – это надгробный памятник, который, по-видимому, стоял в комнате Владимира Николаевича вплоть до второй женитьбы. Отдельные части этого памятника существовали независимо друг от друга до самой войны

1941 года, то есть больше 100 лет. Это была мраморная колонна высотой 125–140 см, мраморная урна, покрытая черным флером, с золотой надписью опять-таки той же даты и последних слов умершей и стеклянный колпак, закрывавший урну. Рисунок этого монумента, сделанный акварелью, так же как и акварельный рисунок памятника Прасковье Гавриловне на Волковом кладбище, были найдены среди бумаг Владимира Николаевича.

Перед второй женитьбой Владимир Николаевич спрятал урну в специальный шкафчик красного дерева очень тонкой работы, запертый на ключ, этот шкафчик всегда стоял на его письменном столе. На колонну был поставлен вазон с цветами, а стеклянный колпак болтался без дела на книжном шкафу и, к удивлению, за сто лет не был разбит. «Колонну я хорошо помню, а урну, вернее, ее нижнюю часть я в первый раз увидел только в 1975 году, когда пришлось освобождать квартиру после смерти отца. Сверху эта часть урны плоская, со следами крепления верхней половины. В середине плоскости выдолблено круглое углубление, в котором оставались следы какого-то порошка, похожего на пепел из крематория. Вазон с цветами, вероятно тот самый, я помню. Это были прекрасно выполненные восковые розы. До войны вазон стоял под колпаком на столе у окна. Насколько я помню, колпак был таких размеров, что как раз подходил, чтобы покрыть урну»*. Есть еще кольцо с гербовой печаткой, которое Владимир Николаевич всегда носил. На этом кольце внутри выгравирована все та же дата» [230, с. 109–119; 326].

Романтическая история первой любви Владимира Николаевича Лермонтова никак не вяжется с образом офицера, каким он был на службе. Хотя именно романтически настроенный юноша Володя Лермонтов, подобно Пете Ростову из «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого, сбежал на фронт защищать Отечество в 1812 году. Вероятно, с годами Владимир Николаевич под маской сурового офицера скрывал страстность, нежность и романтичность своей натуры, раскрываясь только перед очень дорогими и близкими ему людьми, какой была для него Прасковья Гавриловна Вишневская. Было что-то особенно привлекательное в женщинах из рода Вишневских, если Екатерина Михайловна Долгорукова, племянница Прасковьи Гавриловны Лермонтовой, урожденной Вишневской, была сначала любовницей, а потом морганатической супругой императора Александра II [333].

О втором браке своего деда довольно откровенно написала его внучка Александра Владимировна Лермонтова: «Вторая женитьба дала ему некоторую независимость: жена получала хорошее приданое, да и отец ее был человек с положением, известный в свое время Николай Порфирьевич Дубенский, первый директор Лесного института. Вторую жену звали Елизавета Николаевна Дубенская (1812–1897). Это произошло в 1835 году. Но как говорил Владимир Николаевич: «Первая жена от Бога, а вторая – от людей». Теперь в семье больше не было романтики, взаимного обожания и красивых слов. Были немолодой уже, знающий себе цену муж и моло-

* Приведены слова Михаила Владимировича Фока, сына Александры Владимировны Лермонтовой.

денькая, робкая и кроткая жена, которая не смела и слова сказать наперекор. У них было много детей, но большинство из них умерли в раннем возрасте. Выросли только трое: дочери Елизавета (1837 г. рождения) и Мария (1840–1916) и сын Владимир (1845–1910). В семье перед ним все трепетали, дети говорили о нем «папенька, они...» [230, с. 115–119]. Это описание в целом совпадает с тем впечатлением, которое создалось у Надежды Осиповны и Ольги Сергеевны Пушкиных в 1835 году: «Владимир Николаевич женился на фрейлине большого двора Дубенской. ...Лермантов женился не по любви; но теперь очень любит жену».

О второй женитьбе Владимира Николаевича известно, что это был вполне успешный для того времени дворянский брак-сделка. Владимир Николаевич повел себя в соответствии с принципами, которых он придерживался всю жизнь. Он заботился о жене, любил детей и старался дать им хорошее образование, приумножал благосостояние семьи. О семейной жизни потомков этой ветви Лермонтовых можно прочитать в воспоминаниях Александры Владимировны Лермонтовой, которые почти полностью опубликованы в книге военного журналиста Владимира Ильича Загорулько (1926–2005) [230, с. 115–119].

Память о смелом, благородном и отчасти загадочном Владимире Николаевиче Лермонтове сохранилась и дошла до наших дней в нескольких вещественных свидетельствах.

Дом на канале Грибоедова

В 1856 году Владимир Николаевич купил дом на углу Екатерингофского проспекта и Малой Мастерской улицы, на канале Грибоедова. Теперь это дом 63/14 на углу проспекта Римского-Корсакова и Мастерской улицы. В этом доме Владимир Николаевич и его потомки прожили почти сто лет.

Александра Владимировна Лермонтова подробно описывает дом и апартаменты. Внешне дом практически не изменился: те же одиннадцать окон, выходящих на проспект, балкон на втором этаже, а под ним была парадная лестница и дверь, которая теперь заколочена. Апартаменты Лермонтовых располагались на втором этаже. Здесь, в кабинете, писал свои мемуары о войне 1812 года Владимир Николаевич Лермонтов, а потом его сын ученый-физик Владимир Владимирович Лермонтов развивал теорию фотографического процесса. В этом доме родилась Александра Владимировна Лермонтова (1892–1964), физик-спектроскопист, вышедшая замуж в 1926 году за Владимира Александровича Фока (1898–1972), выдающегося российского физика, и поселилась здесь вместе с дружной семьей Лермонтовых. Теперь кабинет с огромным письменным столом, украшенным львиными головами, занял Владимир Александрович Фок. За этим столом родились его первые идеи, развившиеся в квантовую теорию строения атомов, описанную в его последующих работах, которыми гордится научный мир России. Возможно, Владимир Александрович и часто

Дом на канале Грибоедова в Санкт-Петербурге

посещавшие его коллеги-физики Крутков, Тамм, Иваненко не раз сиживали в том самом кресле, принадлежавшем когда-то Прасковье Гавриловне Вишневской. Во время блокады Ленинграда в этой квартире погибли все оставшиеся в квартире родные Александры Владимировны: мать Екатерина Антоновна Лермонтова (1860–1942), брат Владимир Владимирович Лермонтов (1887–1941), сестра Екатерина Владимировна Лермонтова (1889–1942), известный палеонтолог.

В квартире поселились посторонние люди, а вещи, которые помнили А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, находившиеся в ней предметы – старинный русский фарфор, художественные изделия, картины и книги, – были разграблены или просто уничтожены [230, с. 115–119]. Случайно сохранился портрет Владимира Николаевича Лермонтова, о котором пойдет речь далее.

На доме, где сто лет жили несколько поколений Лермонтовых, где жил и работал всемирно известный физик академик В. А. Фок, где в блокаду погибли потомки Владимира Николаевича Лермонтова, героя Отечественной войны 1812 года, нет мемориальной доски. В путеводителе по Санкт-Петербургу дом числится как особняк Дангильштета, и это вся информация [334]. Кем был этот Дангильштет, мне выяснить не удалось.

Портрет Владимира Николаевича Лермонтова

История портрета Владимира Николаевича Лермонтова – это еще одна характеристика незаурядной личности. Во-первых, Владимир Никола-

евич очень сопротивлялся просьбам родных написать его портрет, а когда согласился, то пожелал, чтобы на портрете он был изображен суровым генералом, насмешливо заметив, дабы о нем никто не подумал как о добреньком старикашке. Таким он и взирает на потомков: строгий, немного надменный, красавец, в мундире с орденами. Среди наград есть голубой крест – это прусский орден за заслуги Pour le Mérite, который король Пруссии Фридрих-Вильгельм III снял со своей груди и вручил В. Н. Лермонтову за проявленную храбрость прямо на поле боя под Лейпцигом в 1813 году. Когда портрет был готов, Владимир Николаевич взял с жены слово, что сразу после его смерти портрет будет уничтожен. Гордость героя Отечественной войны не позволяла ему допустить мысль, чтобы со временем его портрет оказался на развалах антиквариата, – забытая и никому не нужная вещь. Однако ни жена, ни потомки не выполнили его волю. Более того, портрет Владимира Николаевича уцелел в блокадном Ленинграде среди немногочисленных сохранившихся вещей семьи Лермонтовых. Он, конечно, утратил свой первоначальный вид, так как усердная прислуга мыла портрет мылом.

*Памятник Владимиру Николаевичу Лермонтову (1796–1872) на Волковском кладбище. Фотография предоставлена энтузиастами изучения русской истории, 2009**

В 1975 году Михаил Владимирович Фок, сын Александры Владимировны Лермонтовой, подарил портрет Суворовскому музею в Санкт-Петербурге. Передавая портрет в музей, М. В. Фок не питал надежд на то, что картина будет в экспозиции, но по крайней мере портрет будет сохранен. Портрет не только сохранили, но и отреставрировали.

Памятник

Владимир Николаевич Лермонтов скончался 10 июня 1872 года. Он похоронен на Волковском кладбище Санкт-Петербурга вместе с П. Г. Лермонтовой [280, с. 653]. Памятник на его могиле – массивная четырехгранная пирамида – изготовлен по собственному рисунку Владимира Николаевича. Он считал, не без основания, что самый важный период его жизни – это время, когда он воевал с Наполеоном. Поэтому на памятнике выгравированы названия всех сражений, в которых он участвовал. Владимир Николаевич также хотел, чтобы в мрамор были врезаны все его награды. Его с трудом убедили, что золотые ордена немедленно будут украдены. Тогда он изготовил фарфоровую пластину с цветным изображением орденов, но ее случайно разбили. Фамилия на памятнике написана через «а» – Лермантов, и это еще один штрих к портрету Владимира Николаевича. Когда его шестиюродный брат поэт Михаил Юрьевич Лермонтов стал известен и, заинтересовавшись своей родословной, начал писать фамилию через «о» – Лермонтов, Владимир Николаевич говорил: «Мало ли, что выдумает этот мальчишка. Я воевал с этой фамилией, с ней буду жить и дальше» [230, с. 115–119]. Вероятно, он был по-своему прав. Лермонтов и Лермантов – они представители одного славного рода Лермонтовых.

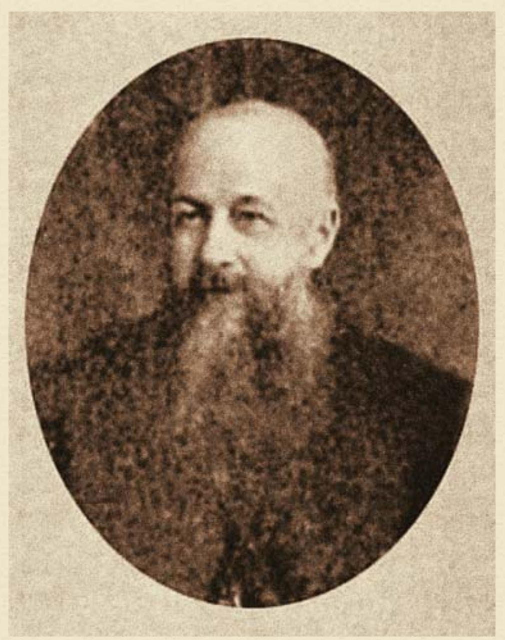
* www.funeral-spb.narod.ru.

Потомки Владимира Николаевича Лермонтова

Владимир Владимирович Лермонтов (1845–1919)

Вопреки желанию отца, который хотел видеть его офицером, Владимир Лермонтов окончил Петербургский университет, где всю жизнь работал ассистентом на кафедре физики, читал лекции и занимался наукой.

Научная биография Владимира Владимировича Лермонтова, опубликованная к 110-летию со дня его рождения, приводится полностью.


Портрет Владимира Владимировича Лермонтова

Из истории физики: Владимир Владимирович Лермантов [335]

Русскую физику конца XIX – начала XX века представляли такие выдающиеся физики-экспериментаторы, как М. П. Авенариус, А. Г. Столетов, П. Н. Лебедев. Среди физиков-педагогов видное место принадлежит одному из создателей физической лаборатории Петербургского университета Владимиру Владимировичу Лермантову.

Владимир Владимирович Лермантов родился 3 ноября 1845 года в Петербурге в семье героя Отечественной войны 1812 года. С 1863 по 1868 год он учился на физико-математическом факультете Петербургско-

го университета, который и окончил со степенью кандидата (с дипломом I степени). Вскоре после окончания университета В. В. Лермантов был избран на должность ассистента физической лаборатории. В этой должности В. В. Лермантов состоял до последних дней своей жизни. Скончался В. В. Лермантов в Петербурге 4 января 1919 года.

В 1865 году Ф. Ф. Петрушевским впервые в России (и ранее, чем где-либо за границей) была организована при Петербургском университете учебная физическая лаборатория. История развития физической лаборатории Петербургского университета неразрывно связана с именем В. В. Лермантова. Ему принадлежит выдающаяся роль в организации деятельности лаборатории в последней трети XIX и в первые годы XX века. Особое пристрастие к мастерству, обширные практические навыки в прикладных ремеслах, солидные университетские знания по физике и математике, энциклопедические сведения по вопросам физического эксперимента и конструирования приборов – все эти качества благоприятно сочетались у В. В. Лермантова. И он все свои знания, всю свою жизнь посвятил делу обучения студентов методам экспериментирования, делу распространения физических знаний в России.

В. В. Лермантов сконструировал более ста различных учебных и демонстрационных приборов, которые использовались в учебной лаборатории и для демонстраций на лекциях. Многие его приборы получили распространение в физических лабораториях других учебных заведений. Приборы В. В. Лермантова неоднократно экспонировались на выставках физических приборов, при научных съездах в России и за границей и были удостоены медалей. В создании приборов для учебных занятий, в организации самих занятий В. В. Лермантову пришлось идти самостоятельным путем. Образцов, которым можно было бы следовать, не было, учебные лаборатории только возникали.

В 1892 году В. В. Лермантов (совместно с Д. И. Дьяконовым) издал «Руководство к обработке стекла на паяльном столе». Эта книга представляет собой классическое практическое руководство. В России книга выдержала три издания (последнее в 1924 году). В 1895 году появился немецкий перевод книги, хотя в те времена Германия считалась ведущей страной в производстве и обработке стекла. Практическому применению различных ремесел и вопросам конструирования приборов посвящен ряд книг и многие статьи В. В. Лермантова. Лермантову принадлежит ряд важных наблюдений и теоретических высказываний. В 70-х годах В. В. Лермантов разработал теорию процесса фотографического проявления и химического действия света. Она была изложена в опубликованных статьях. Эта теория намного опередила свое время, была на время полузабыта, но в начале XX века получила должную оценку. Взгляды В. В. Лермантова были сформулированы за 15–20 лет до высказывания подобных взглядов зарубежными физико-химиками. Историческая справедливость требует считать В. В. Лермантова одним из видных предшественников современной теории фотографических процессов. Химическое действие света на

вещество В. В. Лермантов объяснял локальным нагреванием отдельных частиц поверхностного слоя вследствие передачи этим частицам энергии светового луча. Эти представления В. В. Лермантова явились ступенькой в историческом развитии научного объяснения воздействия света на вещество и были использованы его современниками. В середине 90-х годов В. В. Лермантов заинтересовался вопросами определения твердости тел. Опыты по закалке стальных инструментов привели В. В. Лермантова к открытию нового способа закалки стали, дававшего поразительные результаты. Новый метод передали на уральские заводы.

Преподавательская деятельность В. В. Лермантова проходила на физико-математическом факультете Петербургского университета; главным образом это было руководство практическими занятиями студентов в лаборатории. Начав свою деятельность ассистентом, В. В. Лермантов после 35 лет службы в 1904 году вышел из состава штата, но продолжал свои занятия со студентами до 1914 года. С 1894 года В. В. Лермантов читал лекции приват-доцентского курса «Введение к практическим занятиям по физике».

В. В. Лермантову принадлежит заслуга составления прекрасных руководств к физическому практикуму студентов. Основным его трудом в этом направлении является «Методика физики», изданная в 1907 году.

Общественно-научная деятельность В. В. Лермантова выражалась прежде всего в активном участии его в работе Физического общества (а затем физического отделения РФХО), организованного в 1872 году при Петербургском университете. В. В. Лермантов – один из организаторов Физического общества; его подпись стоит под проектом устава общества. Деятельное участие принимал В. В. Лермантов в многочисленных комиссиях физического отделения.

Выдающаяся роль принадлежит В. В. Лермантову в организации выставок физических приборов, устраивавшихся при физической лаборатории университета во время работы съездов русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге. Его перу принадлежит ряд научных статей и многочисленные рефераты иностранной научной литературы, помещенные в журнале РФХО. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, одном из лучших дореволюционных словарей подобного типа, В. В. Лермантов напечатал свыше пятидесяти крупных статей по вопросам физического оборудования и разным ремеслам. Во французском физическом журнале «Journal de Physique» В. В. Лермантов поместил много рефератов о работах русских физиков. Им опубликован ряд статей методического характера, рецензии на учебники физики, описания различных приборов, статьи по истории физики.

В. В. Лермантов имел обширный круг знакомых, пользовался заслуженным авторитетом и уважением в среде ученых, техников, инженеров и ремесленников. Среди его друзей встречаются имена знаменитых русских ученых: П. Л. Чебышева, Д. И. Менделеева, П. Н. Лебедева, Н. Г. Егорова и многих других. Всей своей глубоко патриотической деятельностью В. В. Лермантов внес большой вклад в развитие русской дореволюционной физики [335].

Мария Владимировна Лермонтова (1840–1916)

Родилась в Санкт-Петербурге, была крестницей последнего российского императора Николая II. Она получила отличное домашнее образование, увлекалась биологией. Собрала большую научную библиотеку, которую завещала Высшим женским Бестужевским курсам. Мария Владимировна и ее двоюродная сестра Юлия Всеволодовна Лермонтова были дружны с математиком Софьей Ковалевской. Мария Владимировна унаследовала властный характер отца. После неудачной первой любви замуж не вышла [230, с. 124–126].

Дети Владимира Владимировича Лермонтова

Дети пошли по стопам отца и работали в различных областях естественных и прикладных наук, за исключением Надежды Владимировны Лермонтовой (1887–1921). Она стала довольно известным художником, работала в стиле К. С. Петрова-Водкина, но имела собственную, характерную только для нее манеру [230, с. 119–124].

Дочери Владимира Владимировича Лермонтова и их мужья посвятили себя науке. Елизавета Владимировна Лермонтова (1883–1954) вышла замуж за известного металлурга Всеволода Ивановича Тыжнова. Александра Владимировна Лермонтова (1892–1964) была замужем за выдающимся физиком академиком Владимиром Александровичем Фоком (1898–1974). Имя В. А. Фока присвоено НИИ физики СПбГУ и конференц-залу НИИ физики СПбГУ. Их дети также занимаются научной деятельностью, работают в различных естественно-научных институтах. Все они, потомки интеллигентной петербургской семьи Лермонтовых, чтят память предков и гордятся своей фамилией.

Дмитрий Николаевич Лермонтов (1802–1854)

Дмитрий Николаевич Лермонтов родился 25 июня 1802 года в усадьбе Ивановское. Он был третьим сыном от второго брака Николая Петровича Лермонтова (1770–1827) и Марии Васильевны (1771–1828), урожденной Перфильевой. Детство его проходило в усадьбе Ивановское. Военная служба Дмитрия Николаевича началась в 12 лет, когда четверо его старших братьев уже успели поучаствовать в настоящих военных действиях. Послужной список Дмитрия Николаевича Лермонтова приводится полностью. Это успешная военная карьера еще одного из братьев Николаевичей [228, с. 414–415]:

· 1814 год – поступил в Морской корпус кадетом;
· 1815 год июня 10-е – произведен в гардемарины;
· 1817 год – на фрегате «Аргус» плавал от Кронштадта до Кале;
· 1818 год февраля 9-е – произведен в мичманы;
· 1818 и 1819 год – на кораблях «Всеволод» и «Борей» крейсировал в Финском заливе;

*Портрет капитан-лейтенанта Дмитрия Николаевича Лермонтова. Неизвестный художник. Из коллекции Государственного Эрмитажа**

· 1819 год июля 13-е – переведен в Гвардейский экипаж;
· 1820 год – на галете «Паллада» плавал между Петербургом и Петергофом;
· 1823 год марта 23-е – произведен в лейтенанты. На фрегате «Проворный» плавал от Кронштадта до острова Исландия (вместе с братом Михаилом Николаевичем Лермонтовым. – *Прим. авт.*);
· 1824 год – на фрегате «Проворный» плавал от Кронштадта до Бреста и Гибралтара;
· 1826–1827 годы – на корабле «Царь Константин» перешел от Кронштадта до Тулона и обратно;
· 1827 год – командуя галетом «Торнео», плавал между Петербургом и Кронштадтом;
· 1828 год – выступил с Гвардейским экипажем из Петербурга в Тульчино, откуда прибыл в действующую армию под крепость Варну и поступил на корабль «Пармен», участвовал в десантной высадке при осаде Варны, после чего берегом возвратился в Петербург;
· 1829 год – командуя галетом «Торнео», плавал между Петербургом и Кронштадтом;
· 1831 год – на пароходе «Ижора» ходил по портам Балтийского моря;
· 1832–1833 годы – на корпусных судах крейсировал в Финском заливе;
· 1834 год апреля 22-е – произведен в капитан-лейтенанты с назначением в 12-й флотский экипаж;
· 1836 год мая 18-е – назначен членом кораблестроительного и учетного комитета;
· 1841 год – награжден орденом Святого Станислава III степени;
· 1842 год декабря 6-е – произведен в капитаны второго ранга;
· 1844 год – за выслугу 25 лет в офицерских чинах награжден орденом Святого Георгия IV степени;
· 1846 год января 1-е – произведен в капитаны первого ранга;
· 1848 год – награжден орденом Святой Анны III степени;
· 1853 год июня 25-е – произведен в генерал-майоры, с увольнением со службы.

Как видно из приведенного послужного списка, участие Дмитрия Николаевича Лермонтова в декабрьском восстании на Сенатской площади

* Инвентарный № ЭРЖ-2637. Печатается с разрешения Эрмитажа от 17.04.2012.

в 1825 году не отражено. Последовательность декабрьских событий, ненамеренное участие Дмитрия Лермонтова в них и помощь старшего брата Михаила Николаевича Лермонтова подробно описаны в главе, посвященной адмиралу Лермонтову (см. с. 202, 203).

В начале 1830-х годов Дмитрий Николаевич женился на дочери купца первой гильдии Александре Ивановне Антроповой (1810–1887). В этом браке родились шестнадцать детей [2, с. 55, 74–76]. Двое сыновей внесли заметный вклад в развитие образования и оставили след в истории нашего государства.

Николай Дмитриевич Лермонтов (1834–1909)

Николай Дмитриевич окончил в 1856 году Императорское училище правоведения, которое считалось одним из наиболее престижных высших учебных заведений в дореволюционной России [336]. Основано указом Николая I от 9 мая 1835 года. Это было закрытое учебное заведение, имевшее статус «перворазрядного» и уравненное с Царскосельским лицеем. В 1860–1861 годах Николай Дмитриевич Лермонтов служил в Департаменте герольдии – органе Сената, ведавшем учетом дворян, находившихся на государственной службе, охраной их сословных привилегий, составлением родословных книг, гербов и т. п. [337, с. 207]. Его юношеские годы пришлись на время великих реформ императора Александра II Освободителя – отмены крепостного права в 1861 году. Профессиональный юрист, из семьи сочувствовавшего декабристам Дмитрия Николаевича Лермонтова, Николай Лермонтов увлекся вопросами образования. В основной массе крестьяне были неграмотными, поэтому вопросы образования в России стали самыми насущными еще в 1850-е годы. Они одинаково занимали общество и правительство. Острые публицистические статьи Дмитрия Ивановича Писарева, Льва Николаевича Толстого поражают глубоким пониманием нужд народного российского образования. Их мысли и идеи остаются актуальными до сих пор: «Если же нельзя браться кое-как, с налета за воспитание ребенка, то тем более нельзя с кой-какими теоретическими сведениями приступать к воспитанию народа. В первом случае мы рискуем приготовить обществу дурного гражданина, может быть, несчастную жертву порока; во втором – мы принимаем на себя тяжелую ответственность за свою нацию» [338].

В конце 1850-х годов Николай Дмитриевич вместе с братьями, Дмитрием и Владимиром, и при содействии родственников приобрел в Петербурге типографию на Караванной улице, д. 24, вероятно, у купца второй гильдии М. О. Вольфа [339]. На втором этаже этого здания он открыл книжный магазин. Весь бизнес назывался «Лермантовъ и К°». Типография Николая Дмитриевича Лермонтова печатала в основном литературу для так называемого народного чтения. Это была попытка откликнуться на трудную задачу, стоящую перед обществом, – образование народа. В своих изданиях Н. Д. Лермонтов пытался печатать, с одной стороны, качественные литературные произведения, а с другой – приближенные к задачам образования простого народа [340]. Д. И. Писарев в полемической статье «Народные книжки» называл издания Лермонтова пестрыми, признавая, что в них наравне с полезными произведениями много таких, которые далеки от понимания необразованной массой населения. Писарев с уверенностью писал, что литература еще не проникла пониманием внутренних сторон жизни простого человека, что ее произведения еще не могут быть непосредственно восприняты читателем из народа. Писарев, Чернышевский, Добролюбов ставили перед литературой задачу изображения важнейших сторон народной жизни в ее развитии, подчинения литературы общим целям демократического движения. Но это было лишь общее направление будущего развития литературы 1860-х годов. А издательство «Лермантовъ и К°» было тогда одним из немногих, решавших практические задачи того времени.

В 1859–1862 годах Николай Дмитриевич Лермонтов издает журнал «Народное чтение», редакторами которого были А. Оболенский и Г. Щербачев [341]. Журнал выходил раз в два месяца. Аннотацию на журнал, например, можно прочесть в фундаментальной электронной библиотеке (ФЭБ) «Русская литература и фольклор»: «Журнал предназначался для народного чтения. Помещались правительственные распоряжения, касающиеся крестьян, обзоры крестьянского законодательства, популярные статьи по русской истории, биографии исторических лиц – выходцев из народа, беллетристика, популярные естественно-научные статьи, практические советы по ведению крестьянского хозяйства и домашней медицине и т. д. С 1861 года значительное место занимали религиозные сюжеты, до этого вовсе отсутствовавшие. По отношению к правительству журнал занимал весьма благонамеренные позиции, прославлял Александра II как царя-реформатора, приветствовал крестьянскую реформу 1861 года»*. Мнение Писарева, Аксакова и других литераторов-народовольцев, находившихся в поиске новых подходов в русской литературе, не удивляет. Если судить по содержанию, то журнал был, безусловно, информативный и прогрессивный для своего времени [338].

В 1860 году издательство Николая Дмитриевича Лермонтова выпускает «Русскую азбуку для народных школ и для домашнего обучения по новейшей простейшей методе, с таблицами и прописями». Издание Лермантова и комп. 1860 год [342]. Азбука Лермонтова, как неофициально ее называли, наряду с азбукой В. Золотова стала популярной, ее рекомендовали в 1860-х годах во вновь открывающихся воскресных, сельских и других школах по всей России. Эти азбуки оказались полезными и при обучении чтению низших чинов в армии. Вот что писали об этом в «Военном сборнике» в 1861 году: «В разряде учебных книг, которые наиболее могут быть применимы к обучению солдат грамоте, бесспорно, первое место занимают «Русская азбука» В. Золотова и «Русская азбука для народных школ», изданная Лермантовым и К°» [343]. Д. И. Писарев дал азбуке Лермонтова довольно высокую оценку: «Требовать аналитической деятель-

* http://feb-web.ru.

ности от человека неграмотного и мало мыслившего нельзя; поэтому необходимо, чтобы учитель на наглядных примерах показал ему, как слова делятся на слоги, а слоги на буквы, и на этом основании методы, предлагаемые двумя названными мною азбуками, во многих отношениях облегчают первоначальное обучение, которое было так скучно и утомительно для учителя и для ученика. Сколько мне кажется, новая система лучше применена в издании Лермантова и комп.» [338].

В 1862 году Николай Дмитриевич Лермонтов издал «Каталог русским книгам библиотеки для чтения Лермантова и К°, СПб, в тип. Лермантова и К°, 1862, 51 с.» [344]. Список изданий свидетельствует о широте интересов самого Николая Дмитриевича. Судя по названиям книг, их действительно не могло бы читать малограмотное население России, крестьяне. Но для тех, кто научился читать, такая литература могла быть гораздо более познавательной и полезной, чем пошлые низкопробные книжки, предлагаемые в книжных лавках. Об этом писал и сам Николай Дмитриевич Лермонтов в журнале «Народное чтение» [341, кн. 1, с. 168–173].

Книги издательства «Лермантовъ и К°» в настоящее время антикварная редкость, и их стоимость превышает несколько тысяч рублей. Например: Толль Ф. Г. «Труд и капитал». Роман. Ч. 1–2. СПб.: Лермантов и К°, 1861. Кожаный переплет. Уменьшенный формат. Цена – 8500 руб. Феликс Толль (1823–1867) – писатель и педагог, активный участник кружка петрашевцев – сослан на каторжные работы в Томск. Это единственное издание автора. Богословский Н. Г. «Шумский. Листок из памятной книжки священника». СПб.: Лермантов и К°, 1861. 124 с. Твердый, кожаный корешок, переплет. Уменьшенный формат. Цена – 6000 руб*.

Впоследствии Николай Дмитриевич Лермонтов служил в чине статского советника товарищем председателя Варшавского окружного суда. С 1884 года титулярный советник Н. Д. Лермонтов – председатель Седлецкого окружного суда** [345]. В 1896 году Н. Д. Лермонтов произведен в действительные статские советники [346, 347]. Н. Д. Лермонтов был женат, имел двоих детей, Дмитрия и Ольгу [2, с. 75].

Муж Ольги Николаевны Лермонтовой – полковник Киселев Леонид Петрович (1859–1930). Киселев Леонид Петрович получил образование в Первой московской военной гимназии, потом окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище. В 1906–1912 годах был командиром Нежинского 18-го гусарского полка, дислоцированного в Ельце. Участник Первой мировой войны.

Боевые заслуги и награды:

· 1891 год – орден Святого Станислава III степени;

· повелением (ВП) от 19.07.1898 года – орден Святой Анны III степени;

* Антикварные интернет-магазины.

** Седлецкая губерния учреждена в 1867 году из четырех северных уездов бывшей Люблинской губернии (Седлецкого, Бельского, Радинского и Луковского) и части бывшего Станиславльского уезда Варшавской губернии, находится северо-западнее Волынской губернии; столица – город Седлецк (Седльце, Седлец, польск. Siedlce).

· ВП от 24.06.1907 года – орден Святой Анны II степени;

· ВП от 20.05.1915 года – пожаловано георгиевское оружие;

· ВП от 21.06.1915 года – орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени.

В 1915 году произведен в генерал-майоры. Остался в СССР, позже служил в РККА, в 1922–1924 годах преподавал в кавалерийской школе в Москве. Умер в 1930 году. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве*.

Дмитрий Дмитриевич Лермонтов (1839–1909)

В 1857 году закончил школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, как и поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. Дальнейшая карьера развивалась стремительно. В 1862 году он уже старший адъютант начальника Главного штаба военных учебных заведений, который в 1863 году был преобразован в Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ). ГУВУЗ ведало Пажеским корпусом и сухопутными кадетскими корпусами, военными гимназиями, военными училищами, а с 1864 года – юнкерскими. В 1873 году Дмитрий Дмитриевич произведен в чин полковника. В 1877 году заведует делами юнкерских училищ, а в 1878 году – начальник 3-го отделения ГУВУЗ; в 1884 году – начальник 1-го отделения ГУВУЗ, инспектировавшего личный состав; в 1889 году Лермонтов произведен в чин генерал-майора; в 1893 году – правитель канцелярии ГУВУЗ. С 1900 года при начальнике военно-учебных заведений великом князе Константине Константиновиче Д. Д. Лермонтов назначен генералом для особых поручений и правителем канцелярии ГУВУЗ. В 1909 году Дмитрий Дмитриевич Лермонтов ушел в отставку в чине генерала от инфантерии. Воинское звание генерала от инфантерии ниже фельдмаршала и выше генерал-лейтенанта. Таким образом, у Дмитрия Дмитриевича был такой же высокий воинский чин, как у адмирала Михаила Николаевича Лермонтова (1792–1866). Дмитрий Дмитриевич Лермонтов всю жизнь служил в управлении военного образования. Скончался в 1909 году, похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, рядом с женой Юлией Петровной, урожденной Молчановской. У них было пять дочерей [2, с. 75–76].

Владимир Дмитриевич Лермонтов (1845–1909)

Занимался литературным трудом, печатался под псевдонимом Озерков – у него была дача в Озерках под Санкт-Петербургом. Наиболее известное его произведение, написанное в соавторстве с Колосовым, – «Очерк истории ребуса» [2, с. 76; 348].

Скончался в Царском Селе, Конюшенная улица, д. 53**.

* Ассоциация потомков г. Ельца, личное сообщение.

** ИРЛИ РАН, Рукописный отдел, А43004.

Иван Николаевич Лермонтов (1810 – после 1882)

Иван Николаевич Лермонтов, сын от второго брака Николая Петровича Лермонтова (1770–1827) и Марии Васильевны (1771–1828), урожденной Перфильевой, один из десяти братьев – Николаевичей – Острожниковской линии рода Лермонтовых. Иван Николаевич – единственный, кто оставил автобиографию, хотя и очень короткую. Она была опубликована в книге основателя и издателя исторического журнала «Русская старина» Михаила Ивановича Семевского (1837–1892) [349]. В альбоме М. И. Семевского собраны биографические данные, занесенные в альбом рукою тех самых лиц, сведения о которых сообщаются. Далее приведена оригинальная статья Ивана Николаевича Лермонтова из альбома Семевского.

«Лермантов Иван Николаевич родился в 1810 году, в Костромской губернии, Чухломского уезда, в усадьбе Ивановское, воспитывался во 2-м кадетском корпусе, откуда произведен в прапорщики в 9-ю артиллерийскую бригаду в 1829 году. В 1824 году или около того в доме директора Павловского кадетского корпуса генерала Арсеньева встречал в детском возрасте поэта М. Ю. Лермонтова, но принимал его за Арсеньева. По неразвитости тогдашнего кадета не подружился, а впоследствии, когда я уже служил в образцовой нашей батарее, в 1834 году или в 1835 году, по производстве своем в офицеры корнет М. Ю. Лермонтов прислал ко мне просить гербовой нашей фамильной печати, что мною, конечно, было исполнено, и печать эта в том же виде, как она была послана Лермонтову, находится у меня и теперь в сохранности. Тем наше знакомство и сношения и ограничились, так как меня служба перекинула в Москву, а потом, в 1840 году, оставив военную службу, я по семейным своим обстоятельствам поселился в Воронежской губернии, где познакомился с архиепископом Антонием, который

Портреты Ивана Николаевича Лермонтова и Марии Николаевны Лермонтовой, урожденной Чириковой. Из альбома семьи Бартен. Предоставлены Л. Б. Сорокиной, племянницей А. А. Бартен

знал дружески отца поэта Лермонтова, в бытность свою ректором Киевской духовной академии. От него я получил тот лист с генеалогией рода Лермонтовых, о котором я заявлял в «Русской старине». Теперь же (1882) возбуждаю переписку о правильности графия фамилии Лермонтова: следует ли писать Лермантов или Лермонтов? Пока скажу, что в герольдии происхождение наше записано от фамилии Лермант.

В двадцатых годах домами был знаком я с семейством Александра Сергеевича Пушкина, лично знал отца его Сергея Львовича и матушку его Надежду Осиповну, сестру его Ольгу, которая была очень дружна с женою моего старшего брата Владимира Николаевича, Прасковьей Гавриловной, урожденной Вишневской.

Когда я служил в Москве старшим адъютантом 6-й артиллерийской дивизии, был лично принят у Алексея Петровича Ермолова, к которому по временам являлся в патриотическом чувстве и увлечении, будто бы испрашивать приказания как у старшего лица артиллерийской службы в Москве. Алексей Петрович, конечно, это понимал и принимал очень милостиво. «Ах ты, школьник этакой, – говаривал он, – может меня в караул нарядить, а сам приказаний испрашивает». И ласково меня сажая рядом, за письменный стол, обнимая меня как сына. Был посредником передачи мыслей и подарков между Алексеем Петровичем Ермоловым и Николаем Николаевичем Муравьевым (Карским), жившим от моего села в 10 верстах, в селе Скорнякове; был в доме его принят дружески; сохраняю его переписку, когда он был в Италии.

Находился в пятидесятых годах при открытии и прежде при освидетельствовании нетленности мощей святителя Тихона Задонского митрополитом Исидором, я же при том находился в качестве предводителя дворянства. В звании этом – посредника специального межевания, мирового посредника, почетного мирового судьи, председателя мирового съезда – прослужил по выборам более 25 лет, причем составил и утвердил все уставные грамоты помещикам и выдал владенные грамоты крестьянам. И, наконец, при оставлении службы в уезде удостоен такого почета, что совестно и описывать. Мне дали обед, бал и ужин от граждан и жителей города и, наконец, от отцов и матерей. Овации эти кончились в 9-м часу утра, когда подхватили меня на руки и понесли по городу с бокалами шампанского. Теперь коротаю время, – увы! В бездействии и мучительно скучаю. Но сознаю, что к общественной деятельности не способен. Иван Лермантов. 11-го ноября 1882 года. Примечание: И. Лермантов скончался».

Событие в Задонске, в котором принимал непосредственное участие Иван Николаевич Лермонтов, будучи в 1861 году мировым посредником, поистине историческое. 20 июня 1861 года указом Святейшего синода святитель Тихон был причислен к лику святых Русской православной церкви. Торжества по случаю канонизации и объявленного открытия мощей святого Тихона были назначены на 13 августа 1861 года, в день кончины святителя. Задонский Богородицкий мужской монастырь на это время стал центром духовной жизни России. Все лето шли грандиозные приготовления. Один задонский купец за свой счет построил временные бараки, где разместились 10 000 человек. В проведении торжеств участвовали 300 духовных лиц по назначению Святейшего синода. С 11 августа все дороги, ведущие к Задонску, были заполнены паломниками. В биографии поэта И. С. Ни-

китина, уроженца Задонского края, есть сведения об этом празднестве: «Топографически Задонск почти не существовал. Восемьдесят четыре версты, отделяющие этот городок от Воронежа превосходнейшим шоссе, представляли сплошную улицу, по которой стремились волны народа... Ни с чем нельзя было сравнить этой картины, единственной в своей роде!» Количество участников торжеств достигло 300 000 человек при населении города 7000 жителей. Празднование продолжалось в течение десяти дней. Со времени канонизации Тихона Задонского уездный город Задонск на долгие годы приобрел славу «русского Иерусалима» В период революционных событий Задонскую обитель ожидали тяжкие испытания. В 1919 году одними из первых в стране были вскрыты мощи святителя Тихона и начались гонения на монашествующих. В 1929 году после сфабрикованного судебного обвинения некоторые монахи были арестованы и сосланы в места заключений, а другие – изгнаны из стен обители. Задонский Богородицкий мужской монастырь был окончательно расформирован, а имущество конфисковано. Мощи святителя Тихона Задонского отправили первоначально в местный краеведческий музей, затем – в Елец и перед войной – в областной центр, город Орел. Восстановление обители началось в 1988 году. В августе 1991 года состоялось торжественное перенесение мощей святителя Тихона из Орла в Задонскую обитель [350].

Иван Николаевич был, вероятно, единственным из Лермонтовых не Измайловской ветви, кто лично общался с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Из его автобиографии понятно, что будущего поэта ему, видимо, не представили в 1824 году и Иван Николаевич принял его за Арсеньева, полагая, что Михаил Юрьевич – близкий родственник Никиты Васильевича Арсеньева, в доме которого они встречались. А ведь это верное наблюдение. По месту жительства, воспитанию и общению с родственниками Михаил Юрьевич был больше Арсеньев или Столыпин, чем Лермонтов. Но в то же время в автобиографии Ивана Николаевича строкою ниже находятся подтверждения того, что Михаил Юрьевич живо интересовался своим происхождением, лермонтовским родом и хотел иметь печатку с гербом рода Лермонтовых, образец которой просил ему прислать. Лермонтовы, по крайней мере достоверно известно, что братья Владимир Николаевич и Иван Николаевич из Острожниковской ветви Лермонтовых, а также Ростислав Матвеевич Лермонтов из Колотиловской ветви (см. с. 333), имели печатки с фамильным гербом Лермонтовых.

Что касается правописания фамилии – через «о» или через «а», то Иван Николаевич, конечно, заблуждался, утверждая, что род Лермонтовых ведет свое начало от испанского герцога Лерма [351]. Эта версия некоторое время бытовала в тех семьях Лермонтовых, кто либо не знал своей генеалогии, либо хотел возвысить свое происхождение, приписав испанскому герцогу роль основателя рода. Поэт также находился в этом заблуждении. Впоследствии Михаил Юрьевич, читая в подлиннике Вальтера Скотта, вероятно, познакомился и с балладой о Томасе Лермонте – шотландском легендарном стихотворце XIII века. Вальтер Скотт писал имя Томаса как

Learmont*, и читалось оно «Лермонт» [1]. В 1835 году у Михаила Юрьевича была на руках грамота о его дворянском происхождении, к которой прилагалась генеалогия рода [195, с. 4–10]. Сопоставив историю своего рода и фамилию с именем Томаса Лермонта, Михаил Юрьевич сделал вывод, кстати, совершенно верный и соответствующий современным представлениям о происхождении рода Лермонтовых: Томас Лермонт – ранний представитель рода, следовательно, фамилию надо писать через «о» – Лермонтов. Однако представители Острожниковской ветви Лермонтовых писали фамилию через «а» – Лермантов, вплоть до начала XX века.

Семья Ивана Николаевича Лермонтова

Иван Николаевич Лермонтов вышел в отставку 31 января 1840 года в чине капитана. За несколько лет до этого он женился на Марии Николаевне Чириковой, дочери статского советника Николая Александровича Чирикова. После отставки, получив свою долю наследства в Костромской губернии, Иван Николаевич приобрел у сестры своей жены, Екатерины Николаевны Миллер, в девичестве Чириковой, ее половину имения в селе Спасском Задонского уезда Воронежской губернии. Вторую половину этого имения он получил в приданое за женой.

В Воронежской губернии Иван Николаевич Лермонтов приобрел заслуженную известность как рачительный помещик и как деятель дворянского собрания. Иван Николаевич выстроил большую помещичью усадьбу, обустроил в ней липовый парк, сад, оранжереи, пруды. Иван Николаевич построил в Спасском крахмальный завод, успешно занимался разведением на собственном конном заводе орловских рысаков. Специалист в области коневодства В. А. Горин в 2001 году писал: «Во второй половине XIX века важным событием в истории орловской породы стала исключительно успешная заводская карьера матки Булатной. Прошло 137 лет со дня рождения Булатной (с 1864 года), однако результаты ее заводской деятельности настолько уникальны, что стали классическим примером формирования маточных семейств в породе. Булатная родилась в заводе Ивана Николаевича Лермонтова, основанном в 1839 году в его поместье Чириково в Задонском уезде Воронежской губернии. Многие лошади лермонтовского завода успешно бежали и выигрывали в Москве, Воронеже, Козлове и Туле» [352]. Традицию продолжал Алексей Иванович Лермонтов (1847–1917), сын Ивана Николаевича.

У Ивана Николаевича и Марии Николаевны Лермонтовых было четверо детей. Старшая дочь Мария родилась в 1838 году в Москве. Ее крестили в той же церкви Трех Святителей у Красных ворот, где и Михаила Юрьевича Лермонтова [353]. Сын Алексей родился 27 марта 1848 года, Надежда – 14 сентября 1849 года, Варвара – 3 декабря 1851 года.

* The lirics and ballards of Sir Walter Scott. – London: Andrew Lang, 1894. – P. 188.

Иван Николаевич и Мария Николаевна Лермонтовы похоронены на кладбище у стен Задонского монастыря*.

Потомки Ивана Николаевича проживают в России, у многих из них интересные биографии.

Алексей Иванович Лермонтов (1848–1917)

Окончил юридический факультет Московского университета и с 1885 года служил мировым судьей в Задонском уезде Воронежской губернии. С 1891 года занимал пост земского начальника Задонского уезда. В 1899 году был произведен в чин надворного советника [354].

В 1885 году женился на княжне Варваре Аполлоновне Волконской (1868–1936).

Варвара Аполлоновна была из воронежской – самой младшей – ветви княжеского рода Волконских, ведущих свое происхождение от Рюрика. Ее отец Аполлон Андреевич Волконский (1826–1903) был троюродным братом Андрея Ивановича Дельвига, оставившего свои воспоминания о Владимире Николаевиче Лермонтове, родном брате Ивана Николаевича Лермонтова. Аполлон Андреевич с детства приучал своих детей к труду. Девочки Волконские умели ткать, вышивать, шить, вязать и т. д. Сохранились фотографии, где они позируют в народных костюмах, сшитых своими руками**.

У Алексея Ивановича и Варвары Аполлоновны Лермонтовых было пятеро детей. Потомки Лермонтова – Волконской жили и живут до сих пор в основном в городе Липецке либо в Липецкой области [355].

Варвара Ивановна Лермонтова (1851 – после 1917) вышла замуж за Ивана Андреевича Ульриха. Их дочь Мария Ивановна (около 1880–1956) была замужем за геологом Александром Бартэном. А их сын Александр Александрович Бартэн (1908–1990) стал известным писателем. А. А. Бартэн работал в Музее циркового искусства в Ленинграде (в 1920-х годах), затем был режиссером Ленинградской эстрадно-цирковой экспериментальной мастерской Центрального управления государственными цирками. Александр Александрович Бартэн, правнук Ивана Николаевича Лермонтова, – автор популярных романов и статей о цирке [356].

Казалось бы, потомки Ивана Николаевича Лермонтова вписались в новую жизнь России после революции 1917 года. Но...

Прощание с некогда благоустроенной, созданной с любовью, усилиями и трудом Ивана Николаевича Лермонтова усадьбой в селе Спасском Задонского уезда было трагическим и безвозвратным. В 1917 году усадьбу разгромили, обворовали и в конце концов сожгли бесчинствующие крестьяне. Но были среди крестьян и те, кто спрятали всю семью помещика Алексея Ивановича Лермонтова и ночью, посадив в телегу, отправили

* Личное сообщение Николая Петровича Селезнева, март 2012 года.
** Личное сообщение Т. И. Бербаш, г. Липецк, 17 июля 2013.

Портреты Алексея Ивановича Лермонтова и Варвары Аполлоновны Волконской, в замужестве Лермонтовой, в национальном русском костюме, сшитом ею самой. Из коллекции Т. И. Бербаш, кандидата педагогических наук, члена Союза художников России

в Липецк, где жили родственники Варвары Аполлоновны Волконской. Ночью на дороге их телегу обстреляли, была тяжело ранена в грудь семнадцатилетняя дочь Евгения, которая потом долго болела и рано умерла (1940). Алексей Иванович Лермонтов не пережил трагедию крушения родового гнезда. Он скончался в 1917 году и был погребен у стен Евдокиевской церкви в Липецке. Варвара Аполлоновна Лермонтова, в девичестве Волконская, скончалась в 1936 году, похоронена рядом с мужем.

Единственное печальное напоминание о когда-то процветавшем имении Лермонтовых – полуразрушенная Богоявленская церковь, расположенная между селами Калинино и Ивово Ивовского сельского поселения Липецкого района Липецкой области. Храм стоит недалеко от бывшего села Спасское-Чириково. Церковь за это прозвали «полевой» [353].

Архивист Липецкой области Николай Петрович Селезнев, специально посетивший эти места, писал о своих впечатлениях: «Я долго петлял по оврагам и логам и, наконец, выезжаю на пригорок и останавливаюсь, очарованный открывшимся передо мной видом. Прямо передо мной во всей своей красе возникает церковь на фоне заходящего солнца. Эффект усиливается тем, что сзади меня небо закрывает огромная черная туча, а солнце высвечивает своими лучами церковь, ярко выделяя ее формы в контрастном свете. Зрелище невольно завораживает меня. Я любуюсь красотой открывшейся передо мной картины. Церковь, как одинокий корабль в море, стоит среди скошенных хлебов, и ничего не напоминает о когда-то богатой усадьбе помещиков, принадлежащих к знаменитой фамилии Лермонтовых» [353]. Богоявленская церковь в Спасском-Чирикове, церковь Успения Пресвятой Богородицы в Шипове – «полевые» церкви забытых лермонтовских мест.

Помнишь церковь, что легко взбежала на пригорок
И улеглась на нем свободно,
Отбросив руку с колокольней,
Как лежал бы человек, спокойно глядя в небо.
Евгений Клячкин, 1967

Всеволод Николаевич Лермонтов (1812–1877)

Всеволод Николаевич Лермонтов родился 7 октября 1812 года в усадьбе Ивановское Чухломского уезда Костромской губернии. Он был седьмым сыном от второго брака Николая Петровича Лермонтова (1770–1827) с Марией Васильевной (1771–1828), урожденной Перфильевой [2, с. 56]. Его детство прошло в усадьбе Ивановское. Когда родился Всеволод, то его два старших брата, Петр и Михаил, уже имели награды за доблесть, проявленную в Отечественной войне 1812 года. У Николая Петровича Лермонтова не было сомнений, что младший сын Всеволод должен получить достойное военное образование.

Портрет генерал-майора Всеволода Николаевича Лермонтова [357, с. 192]

Послужной список Всеволода Николаевича Лермонтова выразительно свидетельствует о его превосходной военной карьере:

· 1831 год – окончил курс во 2-м Петербургском кадетском корпусе и произведен в прапорщики в 1-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду;

· в начале 1832 года – переведен в лейб-гвардии Егерский полк;

· 1837 год – поступил в Военную академию Генерального штаба;

· 1839 год – по окончании курса в Военной академии Генерального штаба произведен за успехи в следующий чин, награжден малой серебряной медалью, имя его вписано на мраморной доске академии;

· 1840–1848 годы – служил старшим адъютантом в штабе Отдельного гвардейского корпуса, главнокомандующим которого был великий князь Михаил Павлович. С 1843 года штаб корпуса располагался на углу Дворцовой площади и улицы Миллионной (Дворцовая площадь, д. 4) [358, 359];

· 1848 год – произведен в полковники;

· 1848–1852 годы – командовал Бородинским полком цесаревича Александра Николаевича [360];

· 1852 год августа 22-е – получил высочайший приказ о назначении на должность исполняющего директора Полоцкого кадетского корпуса в город Полоцк;

· 1853 год декабря 6-е – произведен в генерал-майоры;

· 1854 год август – назначен директором 1-го Московского кадетского корпуса, одного из любимейших детищ императора Александра II. Занимал эту должность на протяжении десяти лет, вплоть до выхода в отставку;

· 1863 год – вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта [2, с. 56; 357, с. 193].

Однако если человек не оставил воспоминаний, не сохранилось его писем, то информацию о нем приходится собирать по крохам из разных источников. О человеческих качествах Всеволода Николаевича можно судить, например, по речи, с которой он обратился к воспитателям и кадетам при вступлении в должность исполняющего директора Полоцкого кадетского корпуса: «Высочайшим приказом, в 22-й день августа сего года состоявшимся, назначен я исправлять должность директора Полоцкого кадетского корпуса. Понимая всю важность и святость предстоящей мне обязанности и призвав наперед в храме Божием благословение Господне на труды мои, я прошу всех г. г. воспитателей быть столь же ревностными и деятельными сотрудниками, какими они были при достойнейшем предместнике моем генерал-лейтенанте Ореусе, к достижению цели, указанной нам общим отцом нашим, Его Императорским Высочеством государем наследником цесаревичем. Уверен, что все они, движимые одним и тем же чувством долга и добросовестности, поймут меня скоро. Воспитанников же корпуса, которых я люблю уже, как родных детей моих, заверяю, что им принес я в дар всю душу мою и сердце, что заботиться о них беспрестанно будет и единственным помышлением моим, что любить их самым нежным образом будет главнейшею потребностью всех дней моей жизни, а от них взамен этого прошу любви, послушания и откровенности ко мне и ко всем их воспитателям. Тогда всем нам будет легко сделаться достойными исполнителями Высочайшей воли. Будем же стремиться к сему все: и г. г. воспитатели, и воспитанники – и призовем благословение Всевышнего на святое дело наше» [357, с. 193–194].

Соблюдая этикет того времени, В. Н. Лермонтов несколько раз с почтением обращается к цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу, ставшему в 1855 году императором Александром II. В его обращении просматривается, с одной стороны, скромность характера, а с другой – глубокая ответственность за образование молодого поколения, которую он просит понять и разделить с ним всех воспитателей корпуса. Отношение к кадетам как к родным детям прошло через всю последующую служебную деятельность Всеволода Николаевича Лермонтова на посту директора 1-го Московского кадетского корпуса.

Директорство В. Н. Лермонтова в 1-м Московском кадетском корпусе проходило в сложное для России время. Поражение России в Крымской войне 1853–1856 годов продемонстрировало миру ее политическую, эконо-

мическую и военную слабость. Это было следствием кризиса всей общественно-политической системы государства и послужило своеобразным толчком к проведению в стране ряда преобразований, в том числе и в области военного дела. Существовавшая в России военная система и в период Крымской войны, и в первые послевоенные годы подвергалась достаточно суровой критике, причем как со стороны военных и некоторых государственных деятелей, так и со стороны общественности. Император понимал, что военные реформы необходимы. Главным проводником военных реформ был военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин, назначенный на этот пост в ноябре 1861 года. В воспоминаниях Д. А. Милютин писал по поводу организации образования и военной подготовки в кадетских корпусах: «Я выводил необходимость совершенного отделения общевоспитательных заведений от специально-военных, которые должны быть устроены для юношеского возраста с непременным условием строгого соблюдения всех действительных требований военной службы» [361].

Все отмеченные Дмитрием Алексеевичем Милютиным исторические особенности эпохи и недостатки военного образования в кадетских корпусах в целом испытал Всеволод Николаевич Лермонтов в 1854–1863 годах. Из его приказов по 1-му Московскому кадетскому корпусу явствует, что количество неуспевающих кадет доходило до одной трети состава заведения. Находясь на посту директора, В. Н. Лермонтов боролся за повышение успеваемости путем введения таких мер, как внеурочные учебные занятия в лагерное время с отстающими учениками; поручения отдельным офицерам следить за успехами воспитанников в классах: слабых – поддерживать, ленивых – принуждать и постоянно иметь в виду; предписание ротным командирам непременно перед каждым заседанием воспитательного комитета собирать господ офицеров на предварительные совещания с тем, чтобы мнения их и наблюдения были вносимы на усмотрения комитета, и т. п. [362]. Казалось бы, распоряжения директора корпуса генерал-майора В. Н. Лермонтова были вполне разумные. Но в условиях «заразы тогдашнего ложного либерализма, пренебрежения к военной службе, отрицания всяких авторитетов, а тем паче военной дисциплины», по выражению Дмитрия Алексеевича Милютина [361], меры, предпринимаемые Всеволодом Николаевичем Лермонтовым, были слишком осторожными и, можно сказать, излишне демократичными. Вероятно, сказался мягкий характер высокообразованного генерал-майора В. Н. Лермонтова, в отличие, например, от жесткого характера его старшего брата Владимира Николаевича Лермонтова, помощника директора Института корпуса путей сообщения (ИКИПС), который одним своим видом приводил кадет в трепет. Дисциплина в корпусе продолжала падать. Доклады по корпусу пестрели сообщениями о «неучтивых ответах», «неуместных и неприличных объяснениях», «неисполнении приказаний», «неоднократных ослушаниях», «строптивости и упрямстве», «возбуждении других к ослушанию», «грубости и дерзости», «самовольном уходе из заведения», «присвоении и продаже чужой собственности», «посещении трактиров», «грубой расправе со служителями» и т. п. В сложившей

ситуации Всеволоду Николаевичу Лермонтову приходилось прибегать к исключительно непопулярным мерам – к наказанию розгами и исключению некоторых кадет из учебного заведения. Это были не единоличные решения, а постановления воспитательного комитета корпуса.

В конце 1862 – начале 1863 года недовольство кадет уставными нормами поведения дошло до массовых неповиновений распоряжениям директора корпуса. В рождественские праздники, 6–7 января 1863 года, в 1-м Московском кадетском корпусе к бунтам кадет добавился беспрецедентный случай, взволновавший общественность Москвы и наделавший много шума по всей России. В это дело даже пришлось вмешаться митрополиту московскому Филарету. Кадет старшей роты Леонид Ашенбреннер ворвался в квартиру директора корпуса генерал-майора Всеволода Николаевича Лермонтова и нанес ему грубое оскорбление [363]. Гнев кадета Леонида Ашенбреннера по отношению к Всеволоду Николаевичу Лермонтову был связан с запретом на распространение нелегальных изданий в корпусе. Кадет Леонид Юльевич Ашенбреннер (1845 года рождения) был родным братом Михаила Юльевича Ашенбреннера (1842–1926), который в 1850–1860 годах был связан со студенческими и армейскими революционными кружками в Москве. Братья Ашенбреннеры участвовали в создании подпольных типографий и в распространении нелегальной литературы. Впоследствии Михаил Ашенбреннер стал активным участником революционной организации «Народная воля». В 1884 году М. Ю. Ашенбреннер был арестован, двадцать лет провел в Шлиссельбургской тюрьме.

В Рождество 1863 года первая рота кадетского корпуса на протяжении двух суток не давала арестовать Леонида Ашенбреннера. Кадеты вытолкали офицера, явившегося с командой низших чинов, забаррикадировали табуретками и шкафами ротную спальню и освистали дежурного офицера. Л. Ю. Ашенбреннер через день добровольно ушел под арест. Последовало серьезное разбирательство дела о бунте кадетов в 1-м Московском кадетском корпусе: из Петербурга был приглашен предшественник В. Н. Лермонтова генерал Владимир Петрович Желтухин, Леонид Ашенбреннер в январе 1863 года был отчислен из корпуса и отправлен рядовым на три года в Угличский пехотный полк [364].

Разнузданное поведение Леонида Юльевича Ашенбреннера стало последним событием, за которым последовала отставка Всеволода Николаевича Лермонтова от должности директора 1-го Московского кадетского корпуса. Он ушел в отставку в 1863 году в чине генерал-лейтенанта.

Награды Всеволода Николаевича Лермонтова:

- орден Святого Владимира III степени;
- орден Святой Анны I степени;
- орден Святого Станислава I степени;
- знак отличия «За 20 лет беспорочной службы» [365].

За десять лет директорства Всеволода Николаевича Лермонтова престиж 1-го Московского кадетского корпуса продолжал оставаться на должной высоте, несмотря на имевшиеся проблемы, которые, впрочем,

касались всей системы образования в кадетских корпусах. В 1855–1863 годах из корпуса было выпущено более 500 кадет. В корпусе учились дети князей Шаховских, Оболенских, Гагариных, Кропоткиных, Тархановых, Джоржадзе, Львовых и других сановных особ. 1-й Московский кадетский корпус окончили многие в будущем заслуженные военные:

· 1855 год – Иван Александрович Карасс (1838–1910), генерал от инфантерии;

· 1856 год – Илларион Михайлович Левачев (1837–1901), генерал от инфантерии;

· 1856 год – Павел Львович Лобко (1838–1905), генерал-адъютант, российский военный и государственный деятель, профессор Николаевской академии Генерального штаба;

· 1857 год – Леонид Матвеевич Дембовский (1838–1908), генерал от инфантерии;

· 1859 год – князь Александр Алексеевич Кропоткин (1841–1886), математик, популяризатор астрономии, брат теоретика анархизма Петра Алексеевича Кропоткина, именем которого названа улица в Москве;

· 1864 год – прославленный генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) и многие другие.

По воспоминаниям очевидцев, летом 1863 года под селом Коломенским проходил смотр трех московских корпусов: 1-го кадетского, 2-го кадетского и Александринского сиротского, последний раз в их прежнем статусе. Объезжая построения, государь Александр Николаевич вместо обычно отеческого пасмурным взором окинул кадет 1-го Московского корпуса, давая им понять, что гневается на них за недавние события. Однако смотр прошел успешно, и государь обрадовал юношей возгласом: «Славно, господа, молодецки учитесь, благодарю вас!» Кадет отпустили с поля, и они отправились во дворец под звуки марша и хора песельников 1-го корпуса, исполнявших песню, звучавшую в их устах несколько своеобразно:

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар нежданный
На батарею прилетел.

В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Живые с мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.

Вдруг батареи замолчали,
Вновь барабаны застучали,
Противник быстро отступил...

«Прекрасно они у тебя поют! – обратился государь к новому директору 1-го Московского кадетского корпуса генерал-майору Ждан-Пушкину. – Хорошо из лермонтовского произведения пропели, немного перемешали слова, но этим славный бородинский стих у них нисколько не испортился». И тут же государь спросил: «А, кстати, где бедный Лермонтов, куда он уехал после несчастья, которое под ним стряслось?» На что Ждан-Пушкин ответил, что бывший директор проживает в Москве, в собственном доме. «Я знаю его дом, на Арбатской улице?» – спросил государь и получил ответ: «Так точно!» «Жаль мне его, очень жаль, – вздохнул Александр Николаевич и продолжил: – 1-й Московский корпус всегда был славным заведением, хотя в последнее время он сильно отличился не в свою пользу; жаль мне и директора, и всегда прежде отменно радовавших меня кадет; Лермонтова я от души люблю и всегда ценил». Продолжая следовать за кадетами, государь беседовал с офицером Борисом Антоновичем Шванебахом, который в том же 1863 году был назначен на должность директора Александринского сиротского кадетского корпуса, а после упразднения этого корпуса – начальником Александровского военного училища. В этой должности он оставался до 1874 года. В беседе государь высказал мнение относительно случившегося. Александр II полагал неправильным, что корпусное начальство понимало свое дело так, что кадетам вкоренять дисциплину, а также воинское подчинение и чинопочитание надо исключительно строгостью и суровостью. Сам же государь хотел, чтобы в обращении с солдатами и кадетами такая строгость была отодвинута на задний план и чтобы сначала было доброе слово. По мнению государя, только один Лермонтов понимал и разделял такие же взгляды, еще когда командовал его Бородинским полком. С точки зрения государя, Лермонтов ясно понимал это и в корпусе, но, к сожалению, не сумел привлечь на свою сторону окружавших его офицеров-воспитателей. Они шли с ним вразлад и сводили на нет все усилия Лермонтова, а твердости у него недоставало, от чего он и пострадал. В отношении Леонида Ашенбреннера государь полагал, что Лермонтов заботился о нем, проявлял к нему свою самую большую доброту, оказавшуюся для кадета пагубной. Ашенбреннер нанес своему начальнику, генералу Лермонтову, оскорбление действием, чтобы якобы отомстить лично за себя. А вслед за этим, вместо того чтобы благородно отдать себя в руки начальству, спрятался за баррикады кадет и эгоистично втянул их в настоящий бунт [366, с. 157–170].

Приведенные цитаты из воспоминаний очевидцев свидетельствуют о глубоком уважении и теплых чувствах императора Александра II к Всеволоду Николаевичу Лермонтову. Александр II был лично знаком с Лермонтовым с 1849 года, когда Всеволод Николаевич был командиром 68-го Бородинского лейб-гвардии пехотного полка, а государь Александр Ни-

колаевич, будучи цесаревичем, был шефом этого полка. 1-й Московский кадетский корпус также всегда был одним из пристрастий императора. Александр II был настолько хорошо осведомлен о Лермонтове, что даже знал адрес его дома в Москве. В корпусе стало известно, что после посещения смотра в 1863 году и по возвращении в столицу государь послал В. Н. Лермонтову, как тогда говорили, «приветствие», и препроводил на его имя пакет с восемью тысячами рублей в виде пособия ему и его семье, состоявшей из жены и трех взрослых дочерей. Впоследствии В. Н. Лермонтов ежегодно ко дню годовщины государевой коронации, к 26 августа, удостаивался такой же поддержки от царя [366, с. 166].

Всеволод Николаевич Лермонтов представляется благородным, честным человеком, с высоким чувством долга. Прослужив десять лет (1854–1863) наставником солдат и кадет, Всеволод Николаевич руководствовался принципами убеждения и доброго слова в воспитании молодого поколения и старался, чтобы офицеры-воспитатели следовали тем же принципам. В сложной обстановке свободомыслия 1860-х годов Всеволоду Николаевичу Лермонтову недоставало решительности и жесткости в пресечении незрелых выступлений кадет против уставных правил кадетских корпусов. Судя по воспоминаниям современников, Лермонтова уважали и любили его сослуживцы, к нему был расположен император Александр II.

После отставки Всеволод Николаевич и Елизавета Андреевна Лермонтовы подолгу жили в своем тульском имении. Лермонтовы владели несколькими деревнями в Ефремовском уезде Тульской губернии, по крайней мере начиная с 1860 года. Их имение находилось фактически по соседству с имением Кропотово, принадлежавшим Юрию Петровичу Лермонтову, отцу поэта. За Елизаветой Андреевной вплоть до 1874 года были записаны село Богородское, или Туртень, деревня Красное, или Красиловка. За Всеволодом Николаевичем было записано село Александровское, или Замарайки [54, с. 30]. Все деревни находились по соседству, к востоку от города Ефремов. Таким образом, в сумме Лермонтовы владели 695 д. м. п. (душ мужского пола) и около 3000 десятин. Если учесть, что при имении был сахарный завод, то Лермонтовых можно рассматривать как зажиточных и рациональных хозяев. Вероятно, эти качества в полной мере передались по наследству и трем их дочерям. Наличие богадельни при имении говорит о том, что и в поместье Лермонтовы занимались благотворительностью. Всеволод Николаевич Лермонтов в 1868–1871 годах был церковным старостой Казанской церкви села Туртень Ефремовского уезда [367].

С Казанской церковью в селе Туртень связана красивая легенда. По преданию, на берегу речушки в селе Туртень девушка нашла икону Казанской Божьей Матери. Своего храма в Туртени не было, потому икону отправили в ближайшую церковь в деревню Круглое. Но икона не один раз возвращалась туда, где была найдена. А на том месте, где ее обрели, забил источник. После революции источник приказали засыпать землей, но местные жители не послушались большевиков и тайком заложили источник бревнами, а сверху присыпали землей. Несколько лет назад его восстановили. Считается, что целебная вода источника помогает избавиться от душевных и телесных недугов. К источнику ведут каменные дорожки. Из источника можно не только набрать святой воды, также животворная вода течет в выложенный камнем водоем для купания [368, 369]. Вероятно, мало кто знает и помнит, что имением в селе Туртень когда-то владели близкие родственники великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Всеволод Николаевич Лермонтов в 1876 году, находясь в Москве, тяжело заболел. Из писем Софьи Всеволодовны, младшей дочи Лермонтова, в Петербург сестре Юлии Всеволодовне [370, л. 17–27] известно, что Софья Всеволодовна с октября 1876 года по февраль 1877 года практически неотлучно находилась при отце. Всеволода Николаевича наблюдал профессор Александр Дмитриевич Булыгинский (1838–1907), доктор медицинских наук, биохимик, в 1863–1907 годах заведовал основанной им первой в России кафедрой медицинской (впоследствии биологической) химии и физики медицинского факультета Императорского Московского университета).

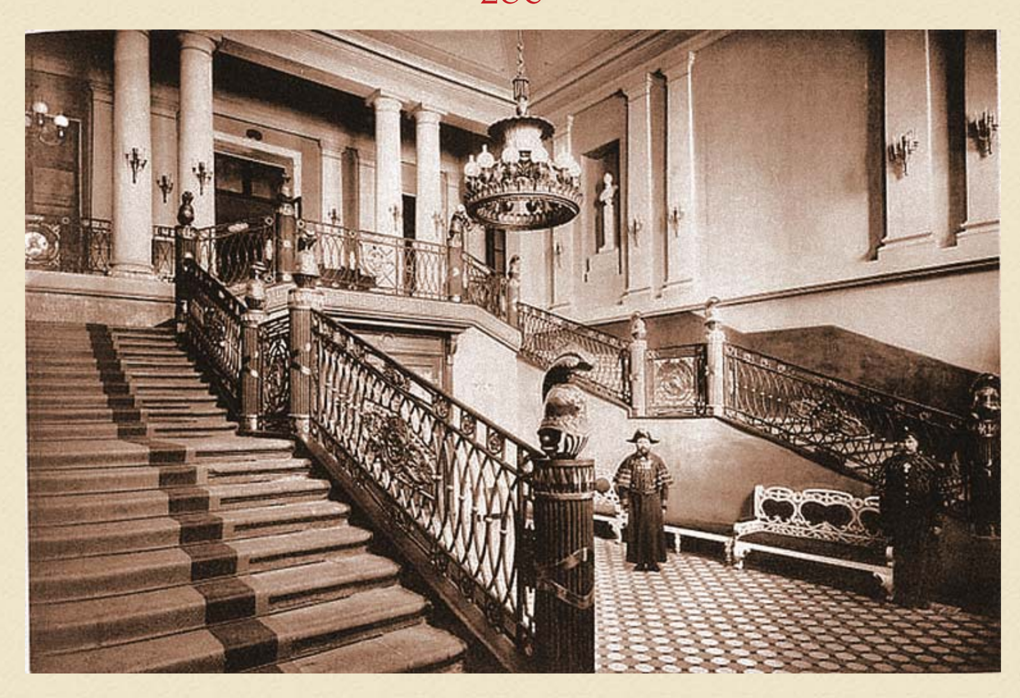
Всеволод Николаевич Лермонтов скончался 23 февраля 1877 года в возрасте 65 лет, похоронен на кладбище Алексеевского монастыря [371]. Кладбище было уничтожено в 1926 году.

Семья Всеволода Николаевича Лермонтова

Всеволод Николаевич Лермонтов и члены его семьи представляют интерес с исторической точки зрения. Всеволод Николаевич был женат на Елизавете Андреевне, урожденной Косиковской (1822–1874), дочери известного петербургского купца Андрея Ивановича Косиковского (1769–1838)*. В их семье было четверо детей. Старшая дочь Мария родилась в 1843 году; вышла замуж за известного изобретателя в области электротехники Николая Гавриловича Глухова (1831–1893), друга и коллегу Павла Николаевича Яблочкова (1847–1894); скончалась 12 февраля 1909 года. Юлия родилась 21 декабря 1846 года в Петербурге, стала выдающимся ученым-химиком – о ней будет более подробный рассказ. Софья родилась 9 апреля 1848 года в Петербурге, посвятила свою жизнь педагогической деятельности; умерла 18 мая 1885 года, похоронена в Москве, на кладбище Алексеевского монастыря, ныне не существующего. Сын Владимир родился 20 января 1855 года, скончался 15 июля 1856 года, похоронен в Москве, на кладбище Алексеевского монастыря [371, 372].

С 1854 года Лермонтовы живут в Москве. Когда Всеволод Николаевич занял пост директора 1-го Московского кадетского корпуса, учебное заведение находилось в великолепном Екатерининском (Головинском) дворце в Лефортове. Огромное трехэтажное здание было построено по планам

* Андрей Иванович Косиковский (1769–1838) – потомственный почетный граждан Санкт-Петербурга, откупщик, в 1807 года бургомистр Санкт-Петербургского магистрата, поставщик продовольствия в русскую армию в Отечественную войну 1812 года и во время заграничных походов, один из богатейших людей Санкт-Петербурга в начале XIX века.



Парадная лестница 1-го Московского кадетского корпуса, 1910 [126, т. 1, с. 226]

архитектора Джакомо Кваренги (1744–1817). Величественный дворец с серыми колоннами, перед входом – Анненгофская роща, а позади дворца большой парк с несколькими прудами. Парк простирался до реки Яузы, на которую был спущен знаменитый ботик Петра Великого. Вестибюль 1-го Московского кадетского корпуса, как и все остальные помещения, был просторный и выполнен в двух цветах. По обеим сторонам вестибюля на второй этаж вела широкая мраморная лестница, украшенная захваченными в 1812 году касками французских кирасир. Слева от верхней площадки вестибюля находилась квартира директора корпуса [126, т. 1, с. 213–230; 373].

Таким образом, Всеволод Николаевич Лермонтов и его семья в 1854–1863 годах жили в казенной квартире для директора корпуса в Екатерининском дворце в Лефортове. В 1864–1868 годах Лермонтовы жили как в собственном доме, так и на съемных квартирах в Гагаринском переулке, дом Оболенского; в Пречистенской части, дом Офросимова [374, 375]. В адресных книгах 1860-х годов Елизавета Андреевна Лермонтова числилась по списку «состоящие при высочайшем дворе фрейлины, кавалерственные дамы и дамы первых пяти классов».

Семья Лермонтовых была прогрессивной для своего времени. В доме была хорошая библиотека, как, впрочем, в домах всех десяти братьев Острожниковской ветви рода Лермонтовых. Их дочери – Мария, Юлия и Софья – получили прекрасное домашнее образование, преподавали им учителя из 1-го Московского кадетского корпуса.

Об отношениях в семье Лермонтовых можно судить, например, по тому, как родители отнеслись к желанию Юлии, которая с ранних лет стала увлекаться химией и доставала книги по интересующему ее предмету, изучать химию за границей. В конце 1860-х годов в России женщинам было запрещено учиться в университетах. И Юлия Лермонтова решила продолжить обучение за границей. Об этом узнала ее двоюродная сестра по линии матери Анна Михайловна Евреинова (1844–1919), дочь Ольги Андреевны, урожденной Косиковской, и Михаила Григорьевича Евреиновых. Евреиновы жили в Санкт-Петербурге. Михаил Григорьевич Евреинов (1805–1871), генерал-лейтенант, был управляющим петергофскими дворцами, а мать Ольга Андреевна (1811–1875) была богатой наследницей купца А. И. Косиковского. В детстве сестры не были знакомы лично.

Юлия Всеволодовна в воспоминаниях писала, что Анна Евреинова, узнав о том, что ее двоюродная сестра в Москве хочет, так же как и она, продолжить обучение наукам за границей, написала Юлии прочувствованное письмо. Через Анну Евреинову Юлия заочно, по переписке познакомилась с Софьей Васильевной Ковалевской (1850–1891). В том же 1869 году Юлия уговорила отца поехать в Петербург, чтобы познакомиться с Анной Евреиновой и Софьей Ковалевской. Знакомство состоялось – они дружили всю жизнь. Желание девушек получить образование было настолько сильно, что каждая из них рассматривала даже вариант фиктивного брака, чтобы освободиться от опеки родителей и уехать учиться за границу. В то время для женщин это был весьма распространенный вариант получить образование, особенно в дворянской среде. Софья Ковалевская, чтобы продолжить учение за границей, фиктивно вышла замуж в 1868 году в возрасте восемнадцати лет за палеонтолога Владимира Онуфриевича Ковалевского (1842–1883), но их брак со временем стал настоящим браком двух любящих людей. Юлия Лермонтова первое время скрывала от родителей свои намерения, опасаясь, что они будут категорически против. Поэтому энергичная Анна Евреинова настойчиво уговаривала Юлию вступить в фиктивный брак. У Анны к тому времени уже назрел конфликт с родителями, которые пытались выдать ее замуж за человека из великосветской среды, она же пригрозила родителям, что утопится, если они будут настаивать.

К счастью, Юлии Всеволодовне Лермонтовой не пришлось прибегать к такой радикальной мере, как фиктивный брак. Всеволод Николаевич и Елизавета Андреевна Лермонтовы оказались вполне лояльными родителями и людьми передовых взглядов. В марте 1869 года Софья Ковалевская, по предварительной договоренности с Юлией, посетила Москву и познакомилась с Лермонтовыми. Умение убеждать и шарм, присущие Софье Ковалевской, плюс настойчивость самой Юлии привели к желаемым результатам: Всеволод Николаевич и Елизавета Андреевна дали согласие на обучение дочери за границей. Более того, они всегда поддерживали ее материально, радовались ее успехам в учебе и последующим научным достижениям.

Анне Евреиновой, дочери родной сестры Елизаветы Андреевны Лермонтовой, родители категорически отказали в поддержке и не дали бла-

гословения. Анна тайком бежала из дома и с риском для жизни перешла русскую границу. Но со временем Евреиновы смирились с решением дочери и даже стали ей помогать, возможно, не без убеждений родственников Лермонтовых [376].

В результате обучения за границей в 1870–1874 годах трех близких подруг: Софьи Васильевны Ковалевской, Юлии Всеволодовны Лермонтовой и Анны Михайловны Евреиновой – Россия приобрела трех великолепных, всемирно известных женщин-ученых: математика Софью Ковалевскую, химика Юлию Лермонтову и юриста Анну Евреинову.

В 1870-х годах семья Всеволода Николаевича Лермонтова внесла еще один значимый вклад в образование женщин. В конце 1850-х годов в Западной Европе стали образовываться общества латинско-иезуитской и политической пропаганды с целью уничтожить влияние России среди славян. Особенно страдала Болгария, находившаяся под турецким игом. В начале 1858 года кружком московских славянофилов во главе с М. П. Погодиным был учрежден Славянский благотворительный комитет. В 1870 году при Славянском благотворительном комитете в Москве, одним из направлений деятельности которого являлось обучение в России южнославянской молодежи, было открыто дамское отделение [30, 377]. Активным членом дамского отделения Славянского благотворительного комитета была Елизавета Андреевна Лермонтова. На заседании комитета Елизавета Андреевна сказала, что готова оплатить обучение какой-либо девице в одной из московских гимназий [378]. Девицей южнославянского происхождения была Екатерина Каравелова (1860–1947). В 1870 году Екатерина была принята в доме генерал-лейтенанта Всеволода Николаевича и Елизаветы Андреевны Лермонтовых. Лермонтовы определили Катю во вновь открытую в 1870 году 4-ю женскую гимназию на Поварской улице [379]. Лермонтовы относились к Каравеловой почти как к родной дочери. Она не только получила отличное образование, но и была воспитана в лучших дворянских традициях. Об этом рассказывала болгарская писательница Цветана Кьосева на юбилее, посвященном 150-летию со дня рождения Екатерины Каравеловой: «Она [Каравелова] получила свое образование в России, но самым важным является то, что она была воспитана в московской аристократической семье, которая обеспечила ей нечто гораздо большее, чем образование, – она обучила ее манерам, грации и чувству такта, а также подарила невероятную опытность справляться с трудными ситуациями»*. Катя Каравелова очень подружилась с Юлией Лермонтовой, которой она писала в 1891 году, что Юлия самый близкий ей человек после Елизаветы Андреевны Лермонтовой [376, с. 49]. Екатерина Каравелова в 1878 году окончила гимназию с золотой медалью и вернулась в Болгарию. Впоследствии Каравелова стала всемирно известным борцом за права женщин**.

* Радио Болгарии. Опубликовано: среда, 27 октября 2010 года.

** Каравелова – учредитель Болгарского женского союза, председатель Болгарской секции Международной женской лиги за мир и свободу, одна из создателей Комитета защиты евреев, председатель Союза болгарских писателей, супруга болгарского государственного деятеля Петко Каравелова.

Она была удостоена многих почетных государственных и международных наград. Екатерина Каравелова умерла в 1947 году, погребена в Софии по личному распоряжению Георгия Димитрова. Имя Екатерины Каравеловой носят общества, улицы, училища, библиотеки в разных населенных пунктах Болгарии и в других странах, а также есть морской мыс Каравеловой в Антарктиде [380].

Елизавета Андреевна Лермонтова участвовала в работе нескольких общественных благотворительных комитетов. В 1874 году в политическом и литературном журнале «Гражданин» высоко оценивалась деятельность московского дамского попечительного о тюрьмах комитета [381], активным членом которого была Елизавета Андреевна Лермонтова. Вместе с ней в комитет входили: кн. Н. Б. Шаховская, кн. Н. В. Долгорукая, кн. О. А. Голицына, кн. А. И. Голицына, кн. А. Д. Оболенская.

Елизавета Андреевна вела переписку не только с дочерью, которая училась за границей, но и с Софьей Ковалевской – последняя относилась к Елизавете Андреевне с большим уважением. Осенью 1874 года Юлия Всеволодовна, блестяще сдав экзамены, получила степень доктора химических наук и возвратилась на родину.

Вскоре в семье Лермонтовых произошло горькое событие: 8 декабря 1874 года скоропостижно скончалась Елизавета Андреевна Лермонтова. Ее похоронили на кладбище Алексеевского монастыря [372].

Мария Всеволодовна Лермонтова-Глухова (1843–1909) и Павел Николаевич Яблочков (1847–1894)

Старшая дочь Мария Всеволодовна Лермонтова родилась 29 мая 1843 года в Вене [382]. В это время Всеволод Николаевич числился в отпуске по штату Отдельного гвардейского корпуса [383]. Марию крестили в православном Николаевском соборе в Вене, где священником был Михаил Раевский, впоследствии протоиерей собора и известный российский религиозный деятель [384]. Восприемниками на крестинах были: брат Всеволода Николаевича – генерал-майор Владимир Николаевич Лермонтов и двоюродная бабушка Марии – Прасковья Васильевна Головнина, жена предводителя дворянства Буйского уезда Костромской губернии Григория Ивановича Головнина [385]. Прасковья Васильевна Головнина, урожденная Перфильева, приходилась родной сестрой Марии Васильевне Лермонтовой – матери Всеволода и Владимира Николаевича Лермонтовых.

Мария Лермонтова получила прекрасное домашнее воспитание и образование. Вышла замуж за отставного штабс-капитана Николая Гавриловича Глухова (1832–1893). Венчание состоялось 26 января 1872 года в Богородице-Рождественской церкви (церковь Рождества Богородицы на Сенях), относящейся к придворному Верхоспасскому собору Московского Кремля [382]. В этой же церкви 23 сентября 1862 года венчался Лев Нико-

лаевич Толстой с Софьей Андреевной, урожденной Берс [386]. С этого времени Мария Всеволодовна – отчасти и вся семья Лермонтовых – посвятила свою жизнь интересам мужа, тесно связанного с передовыми кругами российского электротехнического сообщества.

«Глухов, Николай Гаврилович, электротехник-изобретатель, родился в 1831 году, умер 2 апреля 1893 года в Москве, погребен в Алексеевском монастыре. Получив образование в дворянском полку, служил в артиллерии и в 1858 году вышел в отставку в чине штабс-капитана, после чего посвятил себя электротехнике. Он был одним из первых русских электриков, содействовавших науке об электричестве, и достиг большого совершенства в гальванопластике. Его работы удостоены Императорским русским техническим обществом медалей за оригинальные принципы, положенные в основание их конструкции. Глухов был членом нескольких специальных ученых кружков и обществ и деятельным сотрудником электротехнических изданий. Ему рано изменило здоровье, и последние годы он работал только дома, в своей лаборатории» [387].

В 1871 году в Москву окончательно перебрался Павел Николаевич Яблочков (1847–1894), великий русский изобретатель, один из родоначальников русской электротехники. Знакомство Глухова с Яблочковым положило начало новому этапу в жизни этих ученых. Семьи Глуховых, Лермонтовых и Яблочкова были связаны тесной дружбой. Общие интересы Яблочкова и Глухова привели их к мысли о создании мастерской в собственном доме. Дом был приобретен на имя Марии Всеволодовны Глуховой, вероятно, на деньги, полученные в качестве приданого. Это был старый дом в Сущевской части Москвы, на 1-й Мещанской улице [теперь Проспект Мира, дом 59]. После ремонта в доме организовали мастерскую, записанную на имя П. Н. Яблочкова [388]. Совместно с другом и единомышленником Николаем Гавриловичем Глуховым Яблочков оборудовал универсальную электротехническую мастерскую. «Это был центр смелых и остроумных электротехнических мероприятий, блеставших новизной и опередивших на 20 лет течение времени», – вспоминал один из современников. Работа в мастерской сыграла исключительную роль в формировании П. Н. Яблочкова как изобретателя, во всей его дальнейшей жизни [389].

Лаборатория, к сожалению, разорилась. Благосостояние семьи Глуховых также пошатнулось. В конце 1876 года Николай Гаврилович занимал деньги у тяжелобольного Всеволода Николаевича Лермонтова, при этом Софья Всеволодовна Лермонтова, младшая дочь, сетовала, что деньги Н. Г. Глухов, вероятно, никогда не вернет [370, л. 17].

Судя по всему, сестры Мария, Юлия и Софья Лермонтовы всегда поддерживали очень теплые отношения. Сохранились письма 1896–1897 годов Марии Всеволодовны к Юлии Всеволодовне, полные родственной заботы и любви, интересов к хозяйственным делам Юлии в имении Семенково. Мария постоянно надеялась, что Юлия сможет присоединиться к ней для путешествия по Европе [390].

Мария Всеволодовна Лермонтова скончалась 12 февраля 1909 года. Как и все члены этой семьи, она была похоронена на ныне не существующем кладбище Алексеевского монастыря.

Софья Всеволодовна Лермонтова (1848–1885)

Софья, младшая дочь в семье Лермонтовых, родилась 9 апреля 1848 года в Петербурге. Как и ее сестры, получила прекрасное домашнее образование. Сонечка Лермонтова вплоть до 1880-х годов постоянно повышала свой интеллектуальный уровень – сдавала экзамены, хотя они ей давались не так легко, как сестре Юлии. Она не вышла замуж. Вероятно, после смерти матери в 1874 году в основном на плечи Софьи Всеволодовны легли хозяйственные заботы.

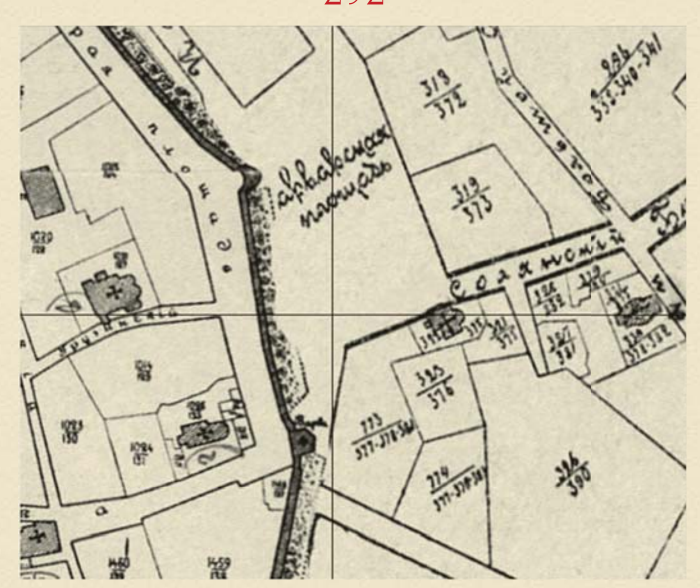
Особенно это касалось имения в селе Семенково Звенигородского уезда Московской губернии, что в 33 верстах от Москвы. В личных документах Юлии Всеволодовны Лермонтовой, хранящихся в архивах Российской академии наук, есть опись имения Семенково, сделанная в июне 1875 года. Опись сделана от лица ее сиятельства графини Софьи Васильевны Келлер [391]. Вероятно, в 1875 году Лермонтовы и прибрели имение Семенково. Начиная с октября 1876 года в письмах Софьи Всеволодовны к Юлии Всеволодовне, которая в это время находилась в Петербурге, очень много новостей о сельскохозяйственных работах в имении Семенково [370]. В некоторых письмах Сонечка сетует, что Юлия смеется над ее отношением к коровам: животные, если за ними ухаживать, платят добром.

Софья Васильевна Ковалевская, безусловно, была знакома с Соней Лермонтовой. Анна (Жанна) Евреинова любовно называла Соню «добрая толстая крестьянка» [392]. Заботы Софьи Всеволодовны об имении Семенково продолжались вплоть до ее смерти в 1885 году. Вероятнее всего, именно благодаря усердию и стараниям Софьи Всеволодовны и при участии Юлии Всеволодовны в то время, которое она могла выкроить от занятий химией, к 1885 году имение Семенково было оформлено как сельскохозяйственная ферма.

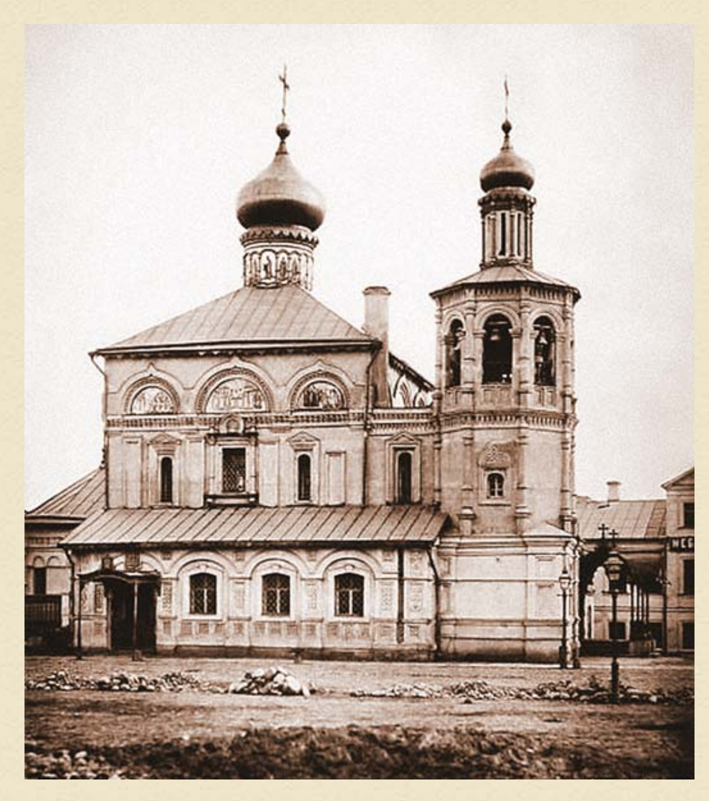
Софья Всеволодовна в 1870-х годах была озабочена продажей дома в Москве, на Садовой-Самотечной улице (дом № 5 – не сохранился) [393, 394]. Много хлопот у нее было и с доходным домом на Варварской площади, строение 323/376, принадлежавшим Лермонтовым [370, л. 40; 395, с. 51]. Дом на Варварской площади находился справа от церкви Всех Святых на Кулишках. Этот дом принадлежал Лермонтовым по крайней мере в 1876–1908 годах.

Можно полагать, что вывеска «Меблированные комнаты» находилась на доме, принадлежавшем тогда Софье и Юлии Лермонтовым.

Софья Всеволодовна Лермонтова занималась оформлением наследства после смерти Всеволода Николаевича Лермонтова в 1877 году. Она регулярно посылала деньги Юлии в Петербург. Без сомнения, она оказывала большую помощь в ведении хозяйственных дел Юлии Всеволодовне Лермонтовой, занимавшейся наукой. Софья Всеволодовна всегда была оптимистичным и очень



Дом Лермонтовых – строение 323/376. Варварская площадь (теперь Славянская), Москва, 1908



Варварская площадь, Москва, 1881. Храм Всех Святых на Кулишках. Справа – вывеска «Меблированные комнаты»

надежным человеком – олицетворением здоровья и любви к ближним. Софья Всеволодовна скоропостижно скончалась от тифа 29 апреля 1885 года в возрасте 36 лет. По словам Софьи Васильевны Ковалевской, Юлия Всеволодовна Лермонтова тяжело переживала смерть сестры и даже хотела продать имение Семенково и дом в Москве [392, с. 97]. Софья Всеволодовна Лермонтова, как и остальные члены семьи, похоронена на кладбище Алексеевского монастыря.

Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846–1918)

Юлия родилась в Санкт-Петербурге 21 декабря 1846 года. В 1854 году Лермонтовы переехали в Москву в связи с назначением Всеволода Николаевича директором 1-го Московского кадетского корпуса. Семья Лермонтовых жила в роскошной квартире в Екатерининском дворце в Лефортове, полагавшейся Всеволоду Николаевичу по должности.

Начальное образование Юлия получила дома. У Лермонтовых была отличная домашняя библиотека. У Всеволода Николаевича была возможность приглашать учителей не только из своего корпуса, но и из соседнего 2-го Московского кадетского корпуса. В корпусах преподавали профессора из Московского университета. Юлия училась очень охотно. Знала французский и немецкий языки. Юлия Всеволодовна была особенно увлечена изучением химии. Интерес к этому предмету у нее возник, вероятно, под влиянием учителей [396]. Химией Юлия увлеклась рано и изучала эту науку основательно.

В 1869 году она подает прошение о приеме в Петровскую земледельческую (ныне Тимирязевскую) академию, открытую в 1865 году. В те годы нельзя было представить себе «семинариста в желтой шали иль академика в чепце», поэтому Лермонтову в академию не приняли.

Юлия Всеволодовна Лермонтова, 1880-е. Из архивов Российской академии наук [397]

В это же время, в конце 1868 – начале 1869 года, Юлия начала вести переписку с Анной Евреиновой и Софьей Ковалевской из Петербурга. Юлия Всеволодовна вспоминала, что через свою двоюродную сестру Анну Евреинову она сначала по переписке, а потом и лично познакомилась в Петербурге с Софьей Васильевной Ковалевской [376, с. 26]*. Юлия Всеволодовна произвела на Софью Васильевну такое сильное и при-

* Далее материалы из этого источника будут приводиться без ссылок.

ятное впечатление, что Ковалевская с первого же дня знакомства полагала, что между ними установится крепкая и прочная дружба. В одном из первых писем С. В. Ковалевская, которая к тому времени уже состояла в браке с Владимиром Онуфриевичем Ковалевским, пишет Юлии Лермонтовой, что не может дождаться, когда уедет учиться за границу, и предлагает Юлии поехать вместе с ней. У Юлии Всеволодовны постепенно зрело решение о необходимости ехать учиться за границу, чтобы обстоятельно изучать химию, которую она давно и серьезно штудировала. Родители Юлии хоть и были людьми прогрессивными и тесно связанными с российским образованием, не сразу одобрили желание дочери учиться за границей. На помощь Юлии Всеволодовне пришла ее верная подруга Софья Васильевна Ковалевская. В начале 1869 года она приехала в Москву, чтобы познакомиться с родителями подруги и поговорить с ними о планах Юлии. Вероятно, положение замужней женщины, а также такт и обаяние Ковалевской убедили Лермонтовых в том, что их талантливой дочери надо дать родительское благословение и поддержку на продолжение учебы в Западной Европе. Софья Владимировна Ковалевская с мужем уехали через Вену в Гейдельберг весной 1869 года. Юлия Всеволодовна Лермонтова приехала в Гейдельберг осенью того же года.

Гейдельбергский университет был одним из крупных центров естественных наук в Германии. В университете преподавали профессора с мировыми именами: Кирхгоф, Бунзен, Копп. Юлии разрешили слушать некоторые курсы в университете и работать в химической лаборатории Бунзена (1811–1899), открывателя спектрального анализа, новых химических элементов, автора ряда крупных работ. Подруги посещали университет на правах вольнослушательниц в виде исключения. Гейдельбергские профессора были покорены необыкновенными способностями русских женщин, их трудолюбием и обаянием. В конце концов им было разрешено посещать все лекции. В дальнейших планах Лермонтовой и Ковалевской была организация в Гейдельберге целой колонии женщин – студенток из России. В Гейдельбергском университете Лермонтова по рекомендации Д. И. Менделеева выполнила первое научное исследование – сложное разделение редких металлов, спутников платины.

С 1871 года в жизни Юлии Всеволодовны начинается новый период: она и Ковалевская переезжают в Берлин. Но, несмотря на блестящие рекомендации гейдельбергских профессоров, им не разрешили посещать лекции в Берлинском университете, не брали на работу в лаборатории. Поэтому им пришлось обучаться частным образом. Лермонтова работала в лаборатории Гофмана и слушала его лекции.

В берлинский период Ю. В. Лермонтова написала одну из лучших своих работ – «О составе дифенина». Эта работа была представлена Гофманом на заседании Немецкого химического общества, а затем опубликована в немецком научном журнале «Berichte» в 1872 году. В научных кругах работа вызвала большой интерес. Ее оттиск Юлия Всеволодовна подарила Д. И. Менделееву.

РУССКОЕ ХИМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

УЧРЕЖДЕННОЕ ВЪ 1868 ГОДУ

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Симъ дипломомъ свидѣтельствуетъ,

что

Юлiя Всеволодовна

Лермантова

зачислена членомъ съ 6-го Марта 1875 года.

Президентъ Н. Зининъ.

Дѣлопроизводитель Н. Меншуткинъ

Юлия Всеволодовна Лермонтова, 1875. Первая женщина-химик, имя которой было занесено в списки членов Русского химического общества

Летом 1874 года закончила работу над докторской диссертацией «К изучению метиленовых соединений». Осенью 1874 года сдала экзамены в Геттингене на получение ученой степени. В своих воспоминаниях Юлия Всеволодовна писала: «Наконец, настал страшный день: экзаменовали меня все незнакомые профессора. Экзаменовалась я одна; экзамен продолжался два часа; по главному предмету – химия – экзаменовали очень продолжительно и строго... Как я вышла живая после этого экзамена, я не помню. Недели 2–3 я не могла прийти в себя, потеряла сон и аппетит». Однако все усилия оказались не напрасными: в 1874 году ей была присуждена «докторская степень с высшей похвалой». Двадцатисемилетний доктор химии Юлия Лермонтова в октябре 1874 года возвращается в Москву через Санкт-Петербург. В Петербурге в ее честь глава «химической дружины» Дмитрий Иванович Менделеев дал торжественный ужин у себя дома. Именно там Юлия Всеволодовна познакомилась с А. М. Бутлеровым, который впоследствии пригласил ее работать в свою лабораторию в Петербургском университете.

Вскоре по приезде Юлии в Москву 8 декабря 1874 года скоропостижно умирает Елизавета Андреевна. Кончина матери так потрясла Юлию Всеволодовну, что на некоторое время она забыла о занятиях наукой. Только 7 февраля 1875 года она смогла ответить Дмитрию Ивановичу Менделееву на сделанное еще в Петербурге в конце 1874 года предложение вступить в Русское химическое общество. Ю. В. Лермонтова была принята в Русское химическое общество 6 марта 1875 года. Это было чрезвычайное событие. Юлия Всеволодовна Лермонтова стала первой женщиной-химиком, имя которой есть в списке членов Русского химического общества.

В Москве Юлия Всеволодовна с конца 1874 и до начала 1876 года работала в университетской лаборатории профессора Владимира Васильевича Марковникова. Она выполнила ряд блестящих работ по синтезу новых органических соединений. Работы Ю. В. Лермонтовой были доложены на российском и международном съездах [398–400].

В 1876 году Юлия Всеволодовна перенесла тиф. Болезнь на несколько месяцев оторвала ее от научной работы. Но в конце 1876 года она уже докладывала о следующей работе на заседании химического общества [400]. В письмах Софьи Всеволодовны к сестре Юлии с октября 1876 года постоянно звучит забота о ее здоровье [370].

В 1876 году Ю. В. Лермонтова начинает работать в Петербургском университете, в лаборатории выдающегося русского химика Александра Михайловича Бутлерова (1828–1886). Она довольно быстро добилась успеха в синтезе органических соединений, например метилэтилуксусной кислоты. Однако смерть Всеволода Николаевича Лермонтова 23 февраля 1877 года вновь прерывает научную работу Юлии Всеволодовны. Она пишет А. М. Бутлерову из Москвы: «Внезапная кончина моего отца так поразила меня и производит такую перемену во всей нашей семейной обстановке, что я решительно не могу определить времени моего возвращения в Петербург... Ваша любезная обходительность и внимание к моим занятиям сделали мое пребывание в петербургской лаборатории до такой степени приятным, что меня очень бы огорчило, если бы Вы думали, что этот маленький перерыв мог изменить мои намерения касательно моих занятий». К осени 1877 года Юлия Всеволодовна вновь вернулась в Петербург к работе в лаборатории. По предложению Бутлерова она занялась исследованием каталитического алкилирования изобутилена. Новый подход вошел в историю химии как реакция Бутлерова – Лермонтовой – Эльтекова. Работа имела огромное значение в химии олефинов, так как при гидрировании изооктилен превращается в изооктан – высокооктановый углеводород, производимый в настоящее время в огромных количествах в качестве авиационного топлива с высокими антидетонационными показателями. Юлия Всеволодовна Лермонтова, работая в лаборатории А. М. Бутлерова в 1876–1880 годах, принимала активное участие во многих научных проектах: изучение структуры полимеров изобутилена; механизмов полимеризации изобутилена и других. Последним ее самостоятельным исследованием в лаборатории А. М. Бутлерова был синтез кротонилена в 1880 году. Исследования Ю. В. Лермонтовой положили начало работам А. Е. Фаворского и его учеников в области непредельных соединений и стали теоретической основой производства синтетического каучука.

Во время работы в Петербурге Юлия Всеволодовна постоянно общалась со своей ближайшей подругой Софьей Васильевной Ковалевской. 5 октября 1878 года у Ковалевской родилась дочь Софья. Приготовления к этому дню были грандиозными. Крестным отцом девочки был Иван Михайлович Сеченов, а крестной матерью – Юлия Всеволодовна Лермонтова. Несмотря на молодость, роды у С. В. Ковалевской были очень тяжелые. Юлия Всеволодовна постоянно была рядом, заботясь о новорожденной девочке и ее матери. Софья Всеволодовна в письмах к Юлии выражает беспокойство по поводу проблем с кормилицей: «...Жаль, что у вас такие проблемы с кормилицей» [370]. Обращение «у вас» красноречиво подтверждает вовлеченность Юлии Всеволодовны Лермонтовой в семейные проблемы Ковалевских.

В 1880 году Юлии Всеволодовне пришлось оставить научную работу в лаборатории А. М. Бутлерова в Петербургском университете якобы по семейным обстоятельствам – этими семейными обстоятельствами были большие материальные проблемы у Ковалевских. В конце 1879 года Ковалевские разорились после двух лет довольно удачного предпринимательства в Петербурге. Несколько тысяч рублей потеряла и Юлия Лермонтова, вовлеченная в дела своих друзей [401]. И если В. О. Ковалевский впал в депрессию, то Софья Васильевна с надеждой смотрела в будущее, думая вновь заняться математикой. Потеряв все, Ковалевские с ребенком отправились искать счастья в Москву. В это же время возвращается в Москву и Юлия Всеволодовна Лермонтова. Елизавета Федоровна Литвинова пишет: «В Москве Ковалевская с мужем поселилась в семействе той подруги, с которой она была неразлучна в Гейдельберге и в Берлине». Речь идет о доме Юлии Всеволодовны Лермонтовой, в котором она жила с сестрой Софьей Всеволодовной. «Подруга эта жила в своем доме вместе со своей сестрой, с которой Ковалевские были мало знакомы, между тем эта сестра заведовала хозяйством, и именно ей-то они доставили так много хлопот. Тем не менее сестра подруги, веселая, миловидная и несколько насмешливая, представляла собой консервативный лагерь: угощая с истинно русским хлебосольством своих незваных гостей, она добродушно подсмеивалась над ними и, не вмешиваясь в ученые разговоры, играла с маленькой дочкой Ковалевских. Девочка едва начинала говорить, но, подражая взрослым – отцу, матери и крестной маме, – брала кусочек бумажки и карандаш, проводила каракули и говорила: «Аппалят» (аппарат), видно, часто приходилось ей слышать это слово», – продолжает Литвинова [401].

В марте и апреле 1880 года Юлия Всеволодовна писала А. М. Бутлерову, хлопотавшему о привлечении Лермонтовой к работе на Высших женских курсах в Петербурге, что без постороннего заработка ей будет трудно устроиться в Петербурге. Но она надеялась, что к осени дела могут измениться, а сейчас она сильно увлечена сельским хозяйством – очень хлопочет поставить свое хозяйство на практическую основу. В конце концов Ю. В. Лермонтова отказывается от предложения работать в лаборатории Бестужевских курсов, опять ссылаясь на семейные обстоятельства и необходимость заниматься делами семьи и имением. Однако о причинах ее отказа Марковников писал А. М. Бутлерову: «Тут вся причина в Софочке Ковалевской». Марковников знал, что Ю. В. Лермонтова по доброй воле почти полностью подчинила себя интересам семьи Ковалевских, особенно после рождения у них дочери Софьи.

Но несмотря на все это, московский период научной деятельности Юлии Всеволодовны Лермонтовой ознаменовался интересными и практически важными работами в области химии нефти.

В 1880 году Д. И. Менделеев начинает проводить знаменитые исследования кавказской нефти. Ему удается привлечь к этой работе и Лермонтову. Для нее, занимавшейся химией углеводородов, переход к исследованию нефти с научной точки зрения был вполне логичен. Кроме того, Юлия Всеволодовна незадолго до этого перевела на французский язык статью Д. И. Менделеева о происхождении нефти. Окончательно обосновавшись в Москве, она вступает в Русское техническое общество, в химико-технической группе которого активно работает до 1888 года. В Русском физико-химическом обществе, членом которого Ю. В. Лермонтова была с 1875 года, вместе с ней активно работал ее двоюродный брат физик Владимир Владимирович Лермонтов.

В 1880-е годы Ю. В. Лермонтова была в зените своей славы: среди химиков и нефтяников ее имя называли рядом с именами крупных ученых и инженеров.

Еще в начале 1870-х годов Д. И. Менделеев ратовал за внедрение в нефтеперерабатывающую отрасль аппарата непрерывного действия взамен куба периодического действия. Лермонтова разработала и сконструировала новый и самый эффективный аппарат в 1882 году. Она первая смогла доказать преимущество перегонки нефти с применением пара. Об этом писали многие научные журналы и газеты.

Однако основной темой ее научной деятельности было глубокое разложение нефти. Юлия Всеволодовна Лермонтова и химик-технолог Александр Александрович Летний впервые в истории химической науки обратили внимание на то, что каменный уголь дает светильный газ, худший по качеству, чем газ нефтяного происхождения. Юлия Всеволодовна опытным путем сумела доказать, что нефть более пригодна для получения светильного газа, чем уголь.

К ее научным заслугам относятся работы, сыгравшие важную роль в технике катализа. Она первой из ученых-химиков определила наилучшие условия разложения нефти и нефтепродуктов для получения максимального выхода ароматических углеводородов. Исследования, проведенные Ю. В. Лермонтовой, способствовали появлению первых нефтегазовых заводов в России. Имя доктора химических наук Ю. В. Лермонтовой в те годы не сходило со страниц научных журналов [376, 402].

Начиная с 1880-х годов одновременно с исследованиями в области химии переработки нефти Юлия Всеволодовна все сильнее увлекается сельскохозяйственными работами в имении Семенково Звенигородского уезда. Ей всегда очень помогала сестра Софья Всеволодовна. Уже в 1881 году Юлия Всеволодовна Лермонтова достигла успехов в сыроварении. Впоследствии сыры Лермонтовой были очень популярны в Москве. Во всем виден ее серьезный научный подход и систематичность.

Деревня Семенково на карте Подмосковья. Имение Лермонтовых Семенково, конец 1890-х

В 1885 году от тифа скоропостижно скончалась Софья Всеволодовна Лермонтова. Со слов Софьи Ковалевской, Юлия Всеволодовна даже рассматривала возможность продать дом в Москве и имение Семенково, которые тогда оценивались в сумму около 40 000 рублей [392, с. 97]. Однако этого не случилось. Более того, Юлия Всеволодовна с 1886 года почти постоянно жила в имении Семенково.

На поприще сельскохозяйственных работ Лермонтова добивается удивительных результатов: с помощью новых агрономических приемов она интенсифицирует сельское хозяйство, не истощая землю. Она увлеченно и результативно занималась семеноводством, удобрениями, сыроварением, используя новинки, о которых узнала на Всемирной выставке в Париже в 1889 году. В имении Семенково у нее была лаборатория, небольшой завод по производству химических удобрений, семеноводческая станция, сыродельный завод, продукция которого славилась в Москве. Также она активно помогала хозяину соседнего Дарьина П. А. Столповскому в исследовании знаменитых дарьинских минеральных источников, на базе которых был открыт бальнеологический курорт, а вода доставлялась в аптеки Москвы.

В яркий, теплый июньский день в 1901 году в Семенково приехал московский городской голова князь Владимир Михайлович Голицын, чтобы побеседовать с Юлией Всеволодовной и посмотреть хозяйство. Голицын был принят в красивом усадебном доме. Ю. В. Лермонтова представляет ему свою ближайшую подругу и кузину Анну Михайловну Евреинову, первую русскую женщину – доктора юридических наук, а также юную Софью Владимировну Ковалевскую, которая училась в Петербурге на врача и приехала погостить. Князь Голицын был поражен уровнем и организацией хозяйства Юлии Всеволодовны.

Организаторские способности и характер Юлии Всеволодовны проявились и в другом важном благотворительном деле. В 1900-х годах Ю. В. Лермонтова состояла попечительницей в Братолюбивом обществе по снабжению квартирами неимущих. Лермонтова продолжала содержать дом на Варварской площади, а также меблированные комнаты на Дмитровке, дом № 51 [403].

С первого дня рождения своей крестницы Софьи Владимировны Ковалевской (1878–1952) Юлия Всеволодовна Лермонтова проявляла о ней постоянную заботу. В 1883 году отец Софьи Владимировны покончил жизнь самоубийством, а в 1891 году внезапно скончалась Софья Васильевна Ковалевская. В судьбе осиротевшей девочки принимали участие многие друзья Ковалевских, но Юлия Всеволодовна – мама Юля – оставалась самым близким человеком для Фуфы, как нежно называли Софью Владимировну в семье. Где бы ни жила Фуфа, она писала нежные письма своей крестной. Юлия Всеволодовна всегда отвечала ей любовью, давала советы и поддерживала ее материально. По воспоминаниям Софьи Владимировны Ковалевской, Ю. В. Лермонтова была маленькой, болезненной, но очень энергичной и жизнерадостной женщиной. Материнская привязанность стареющей Юлии Всеволодовны к Фуфе проявилась и в ее духовном завещании. Свое имение Семенково, со всей движимостью и недвижимостью, она завещала в полную и единственную собственность Софье Владимировне Ковалевской [376, с. 51–52].

Вероятно, завещание было написано до октябрьских событий 1917 года. И Юлия Всеволодовна Лермонтова еще не знала, что вся ее собственность и сельскохозяйственные достижения будут сметены с лица земли новой властью, как и ее могила на кладбище Алексеевского монастыря.

Юлия Всеволодовна Лермонтова дожила до революции 1917 года. В первые годы советской власти местные органы власти пытались выселить семидесятилетнюю Лермонтову из ее имения. Но в дело вмешался народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, и ее оставили в покое. В сентябре 1918 года у нее произошло кровоизлияние в мозг. Три месяца Юлия Всеволодовна Лермонтова боролась за жизнь. Скончалась 28 ноября 1918 года. Погребена на кладбище Алексеевского монастыря, уничтоженном в 1926 году [372].

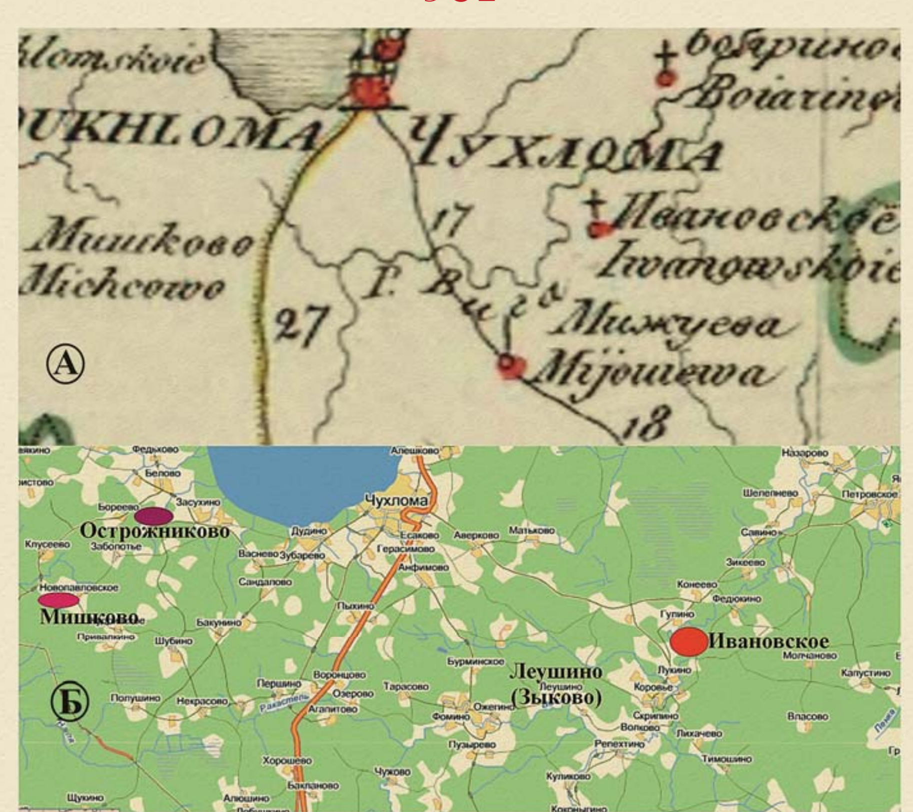
Юлия Всеволодовна Лермонтова – яркая представительница дворянского российского рода Лермонтовых – с уважением относилась к шотландскому происхождению. В документах она бережно хранила герб Лермонтовых с выпиской из Общего гербовника дворянских родов Российской империи [404, 405].

Значительную ценность представляет эпистолярное наследие доктора химии Ю. В. Лермонтовой, разносторонне образованной женщины: химик и агроном, семеновод и сыровар, писательница и художница. Она сотрудничала с великими русскими учеными и поборниками высшего образования для женщин. О таких личностях, как Юлия Всеволодовна Лермонтова, хочется сказать словами Гете: «Перед великим умом склоняю голову, перед великим сердцем – колени» [402].

Василий Николаевич Лермонтов (1801–1862)

Василий Николаевич Лермонтов – средний сын от второго брака Николая Петровича Лермонтова (1770–1827) и Марии Васильевны (1771–1828), урожденной Перфильевой. Родился 5 мая 1801 года в усадьбе Ивановское [2, с. 54]. Детство его прошло в семейной усадьбе, где уже подрастали трое старших братьев. Окончив кадетский корпус, Василий Николаевич Лермонтов становится профессиональным военным, как и все его братья. До 1823 года служил в лейб-гвардии Егерском полку [406]. В 1827–1828 годах он принимал участие в русско-турецкой войне вместе со своими братьями, Михаилом Николаевичем и Дмитрием Николаевичем Лермонтовыми. Василий Николаевич участвовал в освобождении болгарского города Созополя (в 36 км на юг от Бургаса). В дневниках флагмана «Пимен» в 1828 году есть запись о том, что лейтенант Василий Лермонтов проявил героическую стойкость в сражениях. В мае 1829 года вице-адмирал А. С. Грейг лично докладывал императору Николаю I о доблестях Василия Лермонтова в сражениях русских войск по освобождению юго-восточной Болгарии и Черноморья [407].

После войны Василий Николаевич ушел в отставку и серьезно занялся хозяйственными делами в своих имениях в Чухломском уезде Костром-



Усадьбы Лермонтовых Острожниковской ветви в Чухломском уезде:
А. На карте 1822 года: усадьба Ивановское, принадлежавшая Николаю Петровичу Лермонтову и перешедшая его сыну Василию Николаевичу в 1861 году;
Б. На современной карте, соответствующей части бывшего Чухломского уезда: Ивановское – Василия Николаевича Лермонтова, Мишково – Михаила Николаевича Лермонтова, Острожниково, принадлежавшее в 1862 году Павлу Петровичу Лермонтову, брату Николая Петровича Лермонтова

ской губернии. В 1827 году умер отец Николай Петрович Лермонтов – богатое имение Ивановское перешло по наследству Василию Николаевичу. В 1825-х годах Василий Николаевич женился на Вере Васильевне, дочери морского офицера Василия Павловича Слащова и Матрены Мартьяновны, урожденной Сипягиной. Таким образом, Василий Николаевич становится близким родственником прославленных костромичей вице-адмирала Мартьяна Яковлевича Сипягина (1737–1803) и генерал-адъютанта Николая Мартьяновича Сипягина (1784–1826), которым Вера Васильевна приходилась внучкой и племянницей соответственно. Василий Николаевич получил за женой хорошее приданое, судя по описи имений к 1862 году [54, с. 50]. Усадьба в селе Ивановском на реке Виге располагалась в 12 верстах от уездного города Чухлома, а не в 28 верстах, как указывает А. А. Григоров [45, с. 153]. Рядом находилась усадьба Нескучнево, также принадлежавшая В. Н. Лермонтову [408].

Усадьба Ивановское фактически являлась родовой усадьбой Лермонтовых, потомков Николая Петровича Лермонтова (1770–1827). Василий Николаевич и Вера Васильевна Лермонтовы были успешны на поприще винных откупов. Усадьбу Ивановское они содержали в образцовом порядке. Ландшафтные работы и внутреннее убранство дома отличались большим вкусом. В доме была кованая лестница, дубовый паркет, колонны с позолотой. Они собрали огромную библиотеку, которой могли позавидовать петербургские знакомые. В саду была устроена оранжерея, где выращивали даже персики, только роз было более ста кустов. Часть книг и картин, наверное, достались Вере Васильевне от дяди Николая Мартьяновича Сипягина, который был известным коллекционером и любителем искусства [2, с. 54; 45, с. 153].

Василий Николаевич продолжил дело отца и в плане развития образования в Чухломском уезде. Надворный советник В. Н. Лермонтов был почетным смотрителем чухломского уездного училища до ноября 1842 года [409].

По соседству с усадьбой Ивановское находился духовный центр в селе Коровье – когда-то на его месте был монастырский коровий двор. Село Коровье – бывшая территория мужского монастыря Верхняя Пустынь, основанного в XIV веке преподобным Авраамием Городецким [36, с. 489–490]. На протяжении нескольких десятилетий преподобный Авраамий последовательно основывает в галичско-чухломском крае четыре монастыря, посвященных Божией Матери. На кладбище, у стен собора Пресвятой Богородицы, был похоронен первый ребенок Василия Николаевича и Веры Васильевны Лермонтовых – младенец Николай, скончавшийся в 1828 году [2, с. 54]. Собор разрушен – на его месте сейчас огромные руины.

Имение В. Н. Лермонтова в Костромской губернии и винные откупа давали хорошие прибыли. В 1844 году В. Н. Лермонтов владел домом в Петербурге, на Грязной улице (теперь улица Марата), № 46 [410]. К 1862 году Василий Николаевич владел уже тремя домами: на Грязной улице и в Свечном переулке [411]. Эти дома в Санкт-Петербурге впоследствии перешли по наследству его сыну Геннадию Васильевичу Лермонтову.

Василий Николаевич Лермонтов скончался 8 октября 1862 года в Санкт-Петербурге, похоронен на Новодевичьем кладбище. Вера Васильевна Лермонтова скончалась 20 декабря 1884 года; похоронена рядом с мужем [280, с. 652–653].

Геннадий Васильевич Лермонтов (1830–1900)

Из детей Василия Николаевича и Веры Васильевны Лермонтовых выжил только один ребенок. Геннадий Васильевич Лермонтов родился 7 февраля 1830 года [412]. В 1850 году окончил Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей [413]. Поступил на службу в Государственную канцелярию в чине коллежского советника на должность

помощника экспедитора, прослужил в этой должности до 1861 года [337, с. 80; 414]. В 1867 году Геннадий Васильевич в чине надворного советника, а 1869 году в чине действительного статского советника избирался почетным мировым судьей Санкт-Петербурга [415, 416].

В России учреждение мировых судей было частью судебной реформы 1864 года. Мировые судьи появились в столицах в 1866 году. Мировые судьи избирались всеми сословиями и утверждались правительством. При исполнении должности судьи почетный мировой судья не получал за свой труд вознаграждения [417, 418]. Почетные мировые судьи участвовали в судебных и распорядительных заседаниях мирового съезда [419]. Г. В. Лермонтов оставался на посту почетного мирового судьи Санкт-Петербурга вплоть до 1898 года [420].

Геннадий Васильевич Лермонтов имел значительный вес в светских кругах Санкт-Петербурга. В 1867 году он вступил в Санкт-Петербургское английское собрание – Английский клуб [421]. С 1860-х годов Английский клуб постепенно превращался в сугубо аристократическое заведение. Вступить в Английский клуб было чрезвычайно сложно – это можно было сделать только по рекомендации членов клуба, число которых обычно не превышало 400 человек. Членство в клубе означало причастность к сильным мира сего. Многие личные и общественные вопросы решались в обстановке уюта и роскоши [422]. Членами петербургского Английского клуба были высшие сановники и многие деятели искусства: В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, А. И. Одоевский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Тургенев, Н. Некрасов [423].

С 1871 года Г. В. Лермонтов не числится среди лиц, состоящих на государственной службе [424]. Геннадий Васильевич безвозмездно отдается делу общественного управления столицей. Финансовые дела семьи позволяли ему целиком посвятить себя этому занятию, что подтверждает факт владения тремя доходными домами в Санкт-Петербурге [425]. С 1872 года и последующие двадцать лет он принимал активное участие в городском общественном управлении в качестве выбранного гласного думы Санкт-Петербурга [2, с. 73]. С 1870 года по указу императора гласных городской думы выбирали на городских избирательных собраниях каждые четыре года. Должностным лицам городского общественного управления не присваивалось прав государственных служащих, однако каждый гласный считал за честь служить в думе. Городская дума состояла из городского головы и гласных. В думе рассматривались дела, касающиеся городского населения и управления городом, требующие по закону общественного постановления или приговора [426].

По роду своей деятельности Геннадий Васильевич входил в различные комиссии и комитеты, которых было много во время реформ императора Александра II. В 1877 году Г. В. Лермонтов был избран Санкт-Петербургской городской думой в исполнительную комиссию по управлению начальными училищами Санкт-Петербурга. Служил в этой комиссии по крайней мере до 1882 года [427, 428]. В 1886 году Г. В. Лермонтов – председатель наблюдательного комитета Санкт-Петербургского кредитного общества [429].

В 1883 году, 29 и 30 января, в Санкт-Петербурге проходило празднование 100-летия великого русского поэта Василия Андреевича Жуковского. Сначала отслужили панихиду в Александро-Невской лавре, потом в зале Академии наук в присутствии императорской семьи прошло торжественно заседание. В составе депутации для участия в торжествах были: А. Краевский, М. И. Семевский, М. М. Стасюлевич, П. В. Жуковский (сын поэта), Г. В. Лермонтов и городской голова Санкт-Петербурга И. И. Глазунов [430, 431].

Геннадий Васильевич Лермонтов, будучи выпускником Александровского лицея, безусловно, придерживался прогрессивных взглядов. В результате службы и общественной деятельности он сблизился с представителями передовой части общества, литераторами и служителями Мельпомены. С 1862 года он состоял членом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, известного в истории как Литературный фонд (1859–1922) [2, с. 73]. Близкий друг Г. В. Лермонтова Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) – литературовед, этнограф, академик Петербургской академии наук (1898), вице-президент АН (1904), двоюродный брат Н. Г. Чернышевского (по линии матери) – был членом организационного комитета Литературного фонда [432, 433]. Материальная поддержка, которую оказывал Литературный фонд российским литераторам, во многом способствовала расцвету литературы в XIX – начале XX века в России. Вероятно, знакомство с А. Н. Пыпиным стало причиной того, что Г. В. Лермонтов в 1864 году в агентурной записке III Отделения характеризован как «один из приверженцев Чернышевского» [434]. Однако последующие наблюдения охранки показали, что «ничего предосудительного за ним замечено не было».

В семье Г. В. Лермонтова воспитывался Сергей Николаевич Сыромятников (1864–1937), будущий журналист, фельетонист, писатель и путешественник [2, с. 73]. Близким другом и соратником Г. В. Лермонтова был Алексей Михайлович Унковский. Унковский принадлежал к новой генерации хорошо образованного российского дворянства, что давало ему возможность трезво взглянуть на окружающую действительность, на свое место и предназначение в обществе [435, с. 530–609]. А. М. Унковский был другом выдающегося русского писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина [436]. Вероятно, через него Г. В. Лермонтов познакомился с М. Е. Салтыковым-Щедриным. Последний часто бывал в доме Геннадия Васильевича [435, с. 148; 437, с. 25; 438, с. 307]. Длительная дружба связывала Г. В. Лермонтова со знаменитым актером Иваном Федоровичем Горбуновым [439]. Иван Федорович Горбунов (1831–1896) – русский актер, писатель, основатель литературно-сценического жанра устного рассказа, лучший исполнитель ролей в пьесах А. Н. Островского, его последователь и друг. Из переписки И. Ф. Горбунова с друзьями, из его дневника известно, что в доме Геннадия Васильевича на Николаевской улице часто собиралось избранное общество [440]. Иван Федорович часто заезжал к Лермонтовым на семейные обеды, именинный пирог. Лермонтов в компании Горбунова и фабриканта Варгунина посещал Обуховский сталелитейный завод, писчебумажную фабрику братьев Варгуниных. В январе 1892 года

в доме Лермонтова Николай Карлович Шильдер (1842–1902), автор биографии Александра I в Русском биографическом словаре, читал письма Александра I к П. А. Аракчееву. Эти факты свидетельствуют о том, что дом Геннадия Васильевича Лермонтова был своего рода салоном, где собиралась творческая элита Санкт-Петербурга.

В 1852 году Геннадий Васильевич повенчался с двоюродной сестрой Марией Дмитриевной Лермонтовой (1832–1901), дочерью Дмитрия Николаевича Лермонтова (1802–1854). Брак между близкими родственниками не одобрялся церковью, поэтому невесту при венчании назвали дочерью капитана Леонтьева. В ноябре 1865 года у Лермонтовых родился сын Геннадий. Когда в 1886 году Геннадий избрал дипломатическую стезю, родители забеспокоились, что тайна их брака может открыться и стать препятствием в карьере сына. Лермонтовы подали прошение на имя императора с покаянием. Дело рассматривалось в Синоде под грифом «Секретно» и вскоре получило положительное решение [2, с. 73].

Родовое имение Ивановское в Чухломском уезде, доставшееся Геннадию Васильевичу от отца, с 1875 года было сдано в аренду латышам, а в 1890 году было приобретено Еленой Павловной Кривоноговой [441]. Так у Лермонтовых не осталось поместной собственности в Костромской губернии.

Геннадий Васильевич Лермонтов скончался на элитном швейцарском курорте Террите (Territet) [412], недалеко от известного города Монтре на берегу Женевского озера. Именно Монтре чаще всего называют столицей так называемой швейцарской Ривьеры, которую так любили посещать русские дворяне. На двадцатый день его кончины состоялась панихида в Исаакиевском соборе в Петербурге*. Мария Дмитриевна Лермонтова скончалась 8 февраля 1901 года, похоронена в Москве, на кладбище Донского монастыря, в фамильном склепе Лермонтовых.

Геннадий Геннадьевич Лермонтов (1865–1908)

Родился 5 ноября 1865 года. В 1888 году Геннадий Геннадьевич Лермонтов окончил юридический факультет Петербургского университета и получил престижный диплом кандидата права [2, с. 99].

В 1863 году начался новый период в истории Петербургского университета. Был принят очередной отвечавший требованиям времени и переменам устав университета. На двенадцати кафедрах работали светила российской юридической науки. Это было время взлета санкт-петербургской научной правовой школы, расцвета научно-образовательных возможностей и широкого признания университета как в России, так и за рубежом. Лица, окончившие курс с отличием, получали чин X класса [коллежского секретаря] с правом занимать невысокие руководящие должности [442].

* ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, рукописный отдел, № 8723.

Дипломатическая карьера Геннадия Геннадьевича складывалась вполне успешно. В 1894 году он служил вторым секретарем миссии в Афинах [443, 444]. В 1897 году Г. Г. Лермонтов короткое время служил вторым секретарь миссии в Тегеране. В декабре 1897 года его повысили в чине до надворного советника. С 1898 года Геннадий Геннадьевич Лермонтов зачислен в придворный штат Его Императорского Величества в звании камер-юнкера. Придворные чины камер-юнкера и камергера присваивались по усмотрению императора [445]. В том же 1898 году камер-юнкер Г. Г. Лермонтов вновь возвращен на работу вторым секретарем посольства в Афинах [446]. А 17 сентября его назначили вторым секретарем посольства в Константинополе [447].

Г. Г. Лермонтов был дружен с князем Григорием Николаевичем Трубецким, братом своей будущей жены Варвары Николаевны. Они подружились во время работы в посольстве в Константинополе. Геннадий Геннадьевич Лермонтов женился на княжне Варваре Николаевне Трубецкой 20 июня 1900 года. Венчание проходило в церкви подмосковной усадьбы Самариных Измалково, в нескольких километрах от станции Одинцово, на десятый день после похорон князя Николая Петровича Трубецкого. Со свадьбой торопились из-за скорого окончания отпуска Геннадия Геннадьевича, который тоже только что похоронил своего отца. По воспоминаниям Михаила Михайловича Осоргина, мужа княжны Елизаветы Николаевна Трубецкой, сестры Варвары Николаевны, Геннадий Геннадьевич был человеком молчаливым, но добрым и порядочным [448, с. 552]. Их первый сын Николай родился в 1901 году, Петр – в 1902 году, дочь Софья – в 1904 году.

В 1901 году Геннадий Геннадьевич Лермонтов получил повышение – стал надворным советником, продолжая службу в посольстве в Константинополе [449]. В 1902 году его направляют работать секретарем в дипломатическом агентстве в Болгарии. В 1905 году постоянно докладывал министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу о ситуации в македонской повстанческой организации [278, с. 207; 450–453]. В 1906 году камер-юнкер Высочайшего двора коллежский советник Г. Г. Лермонтов оставался в придворном штате на должности секретаря дипломатического агентства в Болгарии. В то же время по Министерству иностранных дел он был назначен первым секретарем посольства в Риме [452, 454, 455]. На этой должности он оставался до своей скоропостижной кончины 6 апреля 1908 года [456]. Сначала Г. Г. Лермонтова похоронили в Риме, на православном кладбище Тестаччо [457]. 2 октября 1908 года тело было перевезено в Москву и захоронено в фамильном склепе Лермонтовых на кладбище Донского монастыря.

Геннадий Геннадьевич Лермонтов был награжден орденом Святой Анны III степени; орденом Святого Станислава III степени; Кавалерским крестом – греческой наградой; черногорским орденом князя Даниила I; именной медалью в память императора Александра III, которую носили на ленте Александра Невского [278, с. 207; 450, с. 213].

Геннадий Геннадьевич Лермонтов воспитывался в интеллектуальной, высокообразованной петербургской семье. Получил блестящее образование. Г. Г. Лермонтов всегда был причастен к культурной жизни российских дипло-

Могилы Лермонтовых на кладбище Донского монастыря в Москве, 2000

матов за границей. С 1895 года он был членом Археологического общества в Константинополе, цель создания которого – изучение архитектуры, исторических памятников Константинополя, погребенных под новой застройкой. Члены общества, например, отыскивали древние книги в частных коллекциях и в многочисленных антикварных лавках, приводили их в порядок, формировали библиотеки. Директором института был Ф. И. Успенский. Членом общества был Николай Александрович Скрябин (1849–1914 (1915)) – русский дипломат, исследователь, друг Николая Михайловича Пржевальского (1839–1888) и отец гениального русского композитора Александра Николаевича Скрябина (1872–1915) [458].

В 1908 году Геннадий Геннадьевич Лермонтов, его жена Варвара Николаевна и группа российских дипломатов в Риме принимали активное участие в организации кружка поощрения молодых русских художников. Кружок оказывал материальную помощь молодым талантливым русским художникам, которые впоследствии могли бы стать гордостью отечественного изобразительного искусства. Председателем кружка была княгиня М. В. Барятинская [457, 459, 460]. К сожалению, после скоропостижной смерти Геннадия Геннадьевича Лермонтова Варвара Николаевна не участвовала в общественной жизни дипломатических кругов в Риме.

Варвара Николаевна Лермонтова (1870–1933)

Варвара Лермонтова – это имя и фамилия напоминают об истории любви поэта Михаила Юрьевича Лермонтова к Вареньке Лопухиной. Не правда ли?

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие…
М. Лермонтов, 1841 [461, с. 29]

Княжна Варвара Николаевна Трубецкая – двоюродная внучка Варвары Александровны Лопухиной, лермонтовской любви-мечты, – сочеталась браком с семиюродным племянником поэта.

Варвара Николаевна Трубецкая родилась в 1870 году в большой семье князя Николая Петровича Трубецкого (1828–1900).

Родство Лермонтовых с этой ветвью князей Трубецких привело к многочисленным родственным связям с известными фамилиями России. Эти связи продолжают развиваться и в настоящее время.

Князь Николай Петрович Трубецкой в 1870-е годы занимал солидное положение в московском обществе – тайный советник, почетный опекун Московского присутствия опекунского совета; председатель совета по управлению больницей Павла I в Москве; член совета Елизаветинского училища. В 1866 году князь Николай Петрович Трубецкой, страстный поклонник музыки, был соучредителем Московской консерватории вместе со своим другом Николаем Григорьевичем Рубинштейном (1835–1881). В 1876 году Н. П. Трубецкой вышел из состава дирекции, так как был назначен вице-губернатором Калуги. Был избран почетным членом московского отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО) как лицо, особенно содействовавшее успеху музыкального искусства в России. В этом звании он был утвержден председателем ИРМО великим князем Константином Николаевичем [462]. Князь Трубецкой владел знаменитым подмосковным имением Ахтырка (сейчас Сергиево-Посадский район, Московская область), доставшимся ему по наследству от отца [463, с. 44–96].

Николай Петрович был дважды женат. Первый раз на графине Любови Васильевне Орловой-Денисовой. От первого брака было трое детей: сын князь Петр Николаевич (1857–1911) и дочери княжна Софья Николаевна (1854–?), замужем за Владимиром Петровичем Глебовым, и княжна Мария Николаевна (1859–?), замужем за Григорием Ивановичем Кристи [464, с. 261, 300–302].

Вторая жена князя Николая Петровича – дочь Алексея Александровича Лопухина (1813–1872), самого близкого друга поэта Михаила Юрьевича Лермонтова [465]. Софья Алексеевна Лопухина была обвенчана с князем Н. П. Трубецким в 1861 году. О некоторых чертах характера матери пишет в воспоминаниях сын Евгений Трубецкой: «…Общая веселость и жизнерадостность лопухинского облика в ее душе совмещалась с тем горением духовным, которое у ее братьев и сестер давало только искры, а у нее разгорелось в пламя» [463, с. 52–69]. У Софьи Алексеевны и Николая Петровича Трубецкого было трое сыновей и шесть дочерей. Описать все потомство Трубецких просто невозможно – столько выдающихся личностей дала России эта семья [466].

Детство Вареньки Трубецкой, как и ее братьев и сестер, в основном прошло в имении Ахтырка. «Это была величественная барская усадьба Empire, один из архитектурных chefs d'oeuvres (шедевров) начала XIX столетия» [463, с. 52–69].

С острой наблюдательностью Евгений Трубецкой отмечает разницу между менталитетом и образом жизни семейства Трубецких и Лопухиных: «Чтобы

Семья Трубецких. Фотография из семейного альбома Глебовых

понять то новое, что внесла в Ахтырку собственно наша семейная жизнь, надо остановиться теперь на семье Лопухиных, из которых происходила моя мать. Это была также стародворянская типическая семья, но совершенно в другом стиле. В стиле этом не было княжеского «великолепия», не было той ширины барского размаха, как у дедушки Петра Ивановича, но зато было несравненно больше свободы. А главное, была недостающая старому поколению Трубецких душевная теплота, простота, естественность, жизнерадостность и та очаровательная стародворянская уютность жизни, которая нашла себе гениальное изображение в семействе Ростовых толстовского романа» [463, с. 52–69].

Варвара Александровна Лопухина, романтическая любовь поэта, была той же «лопухинской породы». По словам Акима Павловича Шан-

Имение Ахтырка

Гирея, «...он [Лермонтов] был страстно влюблен в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину, это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная. Как теперь помню ее ласковый взгляд и светлую улыбку, ей было лет пятнадцать-шестнадцать» [467].

Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.
М. Лермонтов, 1832 [461, с. 98–99]

Рассказ о семье Трубецких вообще и о характере Софьи Алексеевны Трубецкой, урожденной Лопухиной, в частности нужен для лучшего понимания судьбы ее дочери Варвары Николаевны, в замужестве Лермонтовой. Софья Алексеевна «вечно пропускала действительность сквозь фантазию, и в результате воображаемое сплошь да рядом оказывалось вовсе не похожим на действительное. Тут сказываются положительные

и опасные стороны этой «экзальтации», которая составляла существенную черту не только ее, но и всего лопухинского склада». Николай Петрович «был трезвее ее умом, поэтической экзальтации воображения, перерабатывающего жизнь в роман, в нем не было, но он тоже по-своему вечно уходил от жизни, всегда жил какой-то своей особой внутренней музыкой»; «его внутренняя сущность была также своеобразным уходом от окружающей действительности. Только уходил папа [Н. П. Трубецкой] не в воображаемый роман, не в поэтическую грезу, а в какое-нибудь дело, которое его поглощало и которым он в данную минуту жил. От этих его увлечений душа его обогащалась, но дела приходили в полное расстройство» [463, с. 52–69].

В 1870-е годы всепоглощающим интересом князя стало Императорское русское музыкальное общество в Москве. Оно было одухотворено гением Николая Рубинштейна (1835–1881) – его учредителя. Детство детей Трубецких прошло под впечатлением ухода Николая Петровича в музыку – в буквальном смысле слова. «Вспоминая переход от Ахтырки моего деда к Ахтырке моего отца, я испытываю впечатление, словно вся величественная архитектура ахтырской усадьбы ушла вовнутрь, превратилась в иную, магическую архитектуру звуков». Усадьбу Ахтырка посещали братья Рубинштейны: Антон Григорьевич (1829–1894), который в 1871 году написал оперу «Демон» по одноименной поэме Михаила Юрьевича Лермонтова, и Николай Григорьевич Рубинштейн, которого все дети Трубецких очень любили; виолончелисты Фитценгаген и Бернгард Коссман, а также «скрипач-титан» (по выражению П. И. Чайковского) Фердинанд Лауб. В 1867 году в Ахтырке гостил Петр Ильич Чайковский. Летом 1880 года на даче в Ахтырке жил художник Виктор Михайлович Васнецов. Здесь им были сделаны зарисовки усадьбы, местного пейзажа, которые затем легли в основу создания знаменитой картины “Аленушка”» [463, с. 52–69; 468, 469]. Все дети Трубецких обучались музыке и играли на рояле. Так что девять лет, проведенных Варварой Николаевной в имении Ахтырка, были наполнены изумительной музыкой в исполнении величайших мастеров того времени. В 1879 году Трубецкие продали имение Ахтырка. А с 1887 года их огромная семья проводила летние месяцы в имении Лопухиных Меньшово под Подольском, а зимой в Москве [395, с. 451; 470–473]. Николай Петрович Трубецкой вплоть до 1899 года оставался одним из шести директоров Управления московского отделения русского музыкального общества [474]. Безусловно, в формировании эстетического сознания младших Трубецких, и Варвары Николаевны в том числе, была огромная роль Николая Петровича Трубецкого, страстного любителя и знатока музыки. От матери Софьи Алексеевны Варвара Николаевна, вероятно, унаследовала возвышенный, склонный к экзальтации характер.

После смерти мужа Геннадия Геннадьевича Лермонтова в Риме Варвара Николаевна вернулась в Москву. С 1910 года В. Н. Лермонтова и ее сестра Мария Николаевна Трубецкая, в замужестве княгиня Гагарина (1877–1924), стали особенно близки к избранному кругу поклонников музыки Александра Николаевича Скрябина (1871–1915), гениального русского композитора. Воспитанная в музыкальной среде, Варвара Николаевна на подсознательном уровне увлеклась музыкой «мистического романтика», как называл Скрябина Леонид Сабанеев, музыкальный критик и близкий друг композитора [475, с. 6]. Александр Николаевич Скрябин и старший брат В. Н. Лермонтовой князь Сергей Николаевич Трубецкой, философ, профессор Московского университета, были дружны. Знакомство В. Н. Лермонтовой со Скрябиным было вполне понятно. В 1901 году С. Н. Трубецкой, увлеченный новизной и своеобразием музыки А. Н. Скрябина, написал статью, в которой рекомендовал публике талантливого молодого композитора. С. Н. Трубецкой охарактеризовал его как первого самобытного русского композитора. «В новом музыкальном миросозерцании, которое у него складывается, не все ясно и безмятежно, не все укладывается в привычные формулы, что оно носит отпечаток борьбы и тревоги? Не потому самому не является ли оно верным отголоском переживаемого настроения, переживаемой нами критической эпохи?» – писал С. Н. Трубецкой [476]. Период 1900–1917 годов действительно был тревожный. Сергей Николаевич Трубецкой 6 июня 1905 года в обращении к царю от имени главы земской городской депутации обрисовал ситуацию в России как надвигающуюся катастрофу: «Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся веками обид и утеснений, обостряемая нуждой и горем, бесправием и тяжкими экономическими условиями, подымается и растет, и она тем опаснее, что в начале облекается в патриотические формы, тем более она заразительна тем, что легче она зажигает массы» [477]. Русская общественная мысль реагировала на происходящие события идеей переосознания мира и преображения человека. Религиозно-мистическая философия [478] – явление чисто русское, – пытавшаяся соединить научные знания с духовным мистическим опытом религии, получила развитие не только в среде философов, но затронула и интеллигенцию. Самым ярким представителем религиозной философии того времени был Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), создавший единую теорию – «метафизику всеединства». По мнению В. С. Соловьева, постижение истины осуществимо в единстве эмпирического, рационального и мистического познания [479]. Идею всеединства исповедовал князь Сергей Николаевич Трубецкой, разработав учение о соборности сознания [480]. В таком направлении, как «новое религиозное сознание» – неохристианство, идеи преобразования принимали формы отрицания доктрин православной церкви, как не выполнившей миссию освобождения человека от насилия, и ожидания прихода Святого Духа и возникновения Третьего завета, миссией которого было преображение человека с учетом грядущего нового века. Лидер неохристианства Д. С. Мережковский говорил, что есть Великое знание, способное преобразить дух и плоть, доставить «ключ» к Апокалипсису» [481].

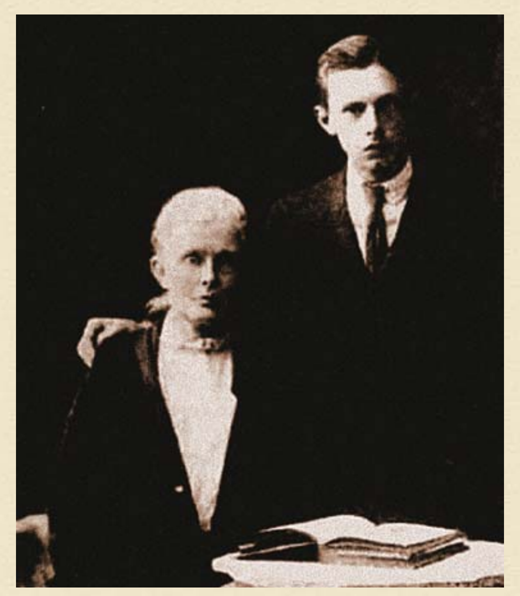
Близкий круг А. Н. Скрябина – Гагарины, Трубецкие, Лермонтова – посещали собрания религиозно-философского общества, спонсором которого была Маргарита Кирилловна Морозова, вдова текстильного магната Михаила Абрамовича Морозова [482, с. 66]. Морозова увлекалась музыкой

Портрет Александра Николаевича Скрябина

А. Н. Скрябина и оказывала ему материальную поддержку [482, с. 99]. Сабанеев называл Скрябина сыном своей эпохи и своей среды, идеологию которой он наиболее ярко отображал в произведениях, наполненных таинственной, сверхъестественной романтикой – мистикой [475, с. 6]. В 1910-х годах А. Н. Скрябин очень сблизился с семьями Гагариных, Трубецких и Лермонтовой. Дети А. Н. Скрябина иногда неделями гостили в особняке Гагариных на Новинском бульваре [475, с. 224]. В это время композитор работал над «Мистерией», увлекая все общество своими фантастическими, экстатическими картинами о храме с колоннами из фимиама, освещенными световой и музыкальной симфонией. В скрябиновской «Мистерии» должно было быть все: симфония музыкальная, симфония световая, и текучая архитектура, не грубо материальная, а прозрачная, и симфония ароматов, краски восхода и захода солнца – экстатический праздник самоуничтожения человечества, созданный страшной магией искусства, и перехода его в другой, Божественный мир. По глубокому убеждению А. Н. Скрябина, «Мистерия» должна быть соборным творчеством и соборным актом [475, с. 173–175].

По наблюдениям Леонида Сабанеева, Варвара Николаевна Лермонтова, каждодневная гостья дома Скрябиных, была совершенно под властью мистического очарования фантазий Скрябина [475, с. 224]. Александр Николаевич на частных концертах исполнял свои произведения несравненно более ярко и выразительно. Посещая концерты в доме Скрябина, Лермонтова вся превращалась во внимание, уходила в себя и, наклоняясь вперед, не сводила глаз с маленьких бледных рук композитора, которые могли извлекать такие потрясающие, божественные звуки [483]. В 1910-х годах Варвара Николаевна Лермонтова, сорока с небольшим лет, была важной, величественной, седой великосветской дамой [475, с. 60].

В первых числах апреля 1915 года Александр Николаевич Скрябин внезапно заболел – в результате стафилококковой инфекции у него на губе появился прыщ, что привело к общему заражению крови. Все семь дней мучений у постели больного Александра Николаевича неотлучно находилась Варвара Николаевна Лермонтова. В ее скорбной, застывшей фигуре были и немая надежда на чудесное выздоровление, и прощание с кумиром [475, с. 345–361]. В критический момент, перед кончиной гениального му-


Варвара Николаевна Лермонтова с сыном Николаем Геннадьевичем

зыканта, она помогла Александру Николаевичу выполнить последний долг перед его семьей – последней супругой (официально не зарегистрированный брак) Татьяной Федоровной Шлецер и детьми. Варвара Николаевна «взяла прошение об усыновлении детей от Татьяны Федоровны на Высочайшее имя и дала ему в руки перо, чтобы подписать... Сознание покидало его. Вид бумаги с прошением, видимо, ему как бы открыл глаза на истину. Он посмотрел на Варвару Николаевну многозначительно и подписал почти без сознания...» [475, с. 356].

Александр Николаевич Скрябин скончался 14 апреля 1915 года. Похоронили его на кладбище Новодевичьего монастыря. Организационными вопросами похорон заведовала В. Н. Лермонтова, сумевшая при огромном стечении народа все устроить наилучшим образом. Утопавший в цветах гроб как бы вознесся над толпой, светило яркое солнце, провожая величайшего певца солнца и радости [475, с. 361].

В 1915 году, вскоре после смерти А. Н. Скрябина, было создано Общество имени Александра Николаевича Скрябина, в совет которого вошла В. Н. Лермонтова. В 1916 году среди членов этого общества возник конфликт на почве восприятия творчества А. Н. Скрябина [484]. О личности А. Н. Скрябина Л. Л. Сабанеев писал: «Он, лучезарный мотылек, летел на огонь, сам не зная того в безумной жажде экстаза, – и сгорел... Но жизнь его была радостна» [475, с. 363]. После событий 1917 года музыку А. Н. Скрябина признали революционной.

К 1922 году Общество имени Александра Николаевича Скрябина распалось, многие члены «близкого круга» эмигрировали за границу. О пребывании Варвары Николаевны за границей немного написал Николай Геннадьевич Лермонтов. Последние сведения о ней были из Франции: «Одним из первых провинциальных приходов организовался приход в Лилле [в департаменте Нор, Франция]. В городе католический университет. Для группы русских студентов В. Н. Лермонтова (родная сестра братьев Сергея, Евгения и Григория Трубецких) основала общежитие, выпросив для этой цели помещение у о. о. иезуитов. На чердаке иезуитского дома она устроила церковку, а студенты общежития организовали благочестивое содружество с церковным укладом: общая молитва перед трапезой и после нее, посещение церковных служб. Содружество проявляло и повышенную

патриотическую настроенность – по окончании обеда, стоя лицом к портрету государя, студенты пели «Боже, царя храни!». Я осведомился: «Какого царя?» Мне объяснили: «Не царя, а идею монарха». Окормлял общежитие очередной разъездной священник, которого я посылал из Парижа (о. Иоанн Леончуков, о. Тимофеев, о. Фащевский...). Студенты составили хор, но постоянной организации не было» [485].

В. Н. Лермонтова скончалась 7 июня 1933 года. Она похоронена рядом со своими родственниками Трубецкими, Осоргиными и Лермонтовыми в предместье Парижа, на кладбище Кламар [486].

Николай Геннадьевич Лермонтов (1901–1965)

Николай Геннадьевич родился 9 июня 1901 года. В 1908 году скончался его отец. Варвара Николаевна Лермонтова осталась вдовой с тремя детьми на руках. До революции Лермонтовы жили в Москве, в Знаменском переулке, дом № 17, рядом с храмом Христа Спасителя. В этом районе Николай Лермонтов закончил гимназию. Московский дом – с картинами, музыкой, с частыми визитами многочисленной родни – запомнился Николаю на всю жизнь. Чувство прекрасного ему прививала с детства Варвара Николаевна, которая не раз путешествовала с детьми по Европе. «Меня еще с самого детства таскали по музеям. Говоря «таскали», надо понимать почти в буквальном смысле слова – тащили за руку в насильственном порядке, за что я благодарен матери по сей день. Так постепенно я научился ценить и наслаждаться красотой и мастерством искусства. Я помню – это было в Трианон (дворцовый комплекс в Версале) – мне было лет 9–10, мы с матерью стояли в парке, на берегу пруда, и смотрели на бесподобную, расположенную на островке беседку «Храм любви». Вдруг я получил от моей матери сильный подзатыльник. Я был поражен. Мать положила мне руку на плечо и сказала: «Хочу, чтобы ты запомнил на всю жизнь, какая это красота!» ...Уметь наслаждаться красотой природы и высоким мастерством – это большое утешение и помощь “...в минуту жизни трудную”» («Молитва» – стихотворение М. Ю. Лермонтова. – *Прим. авт.*) [487, с. 172–173].

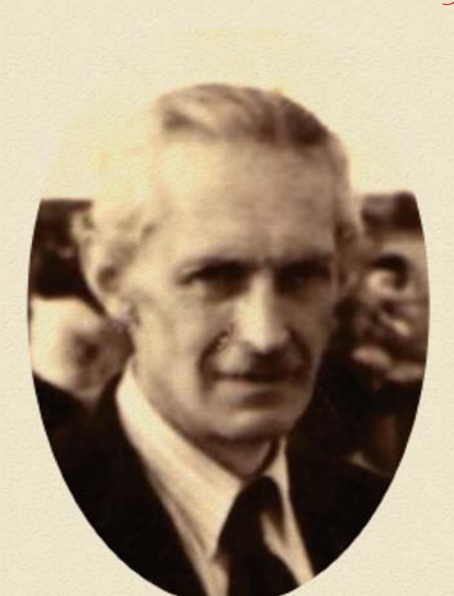
Николай Геннадьевич Лермонтов и его двоюродные братья Трубецкие, Владимир Сергеевич (1892–1937), Александр Евгеньевич (1892–1968), восприняли революцию 1917 года как разрушительную стихию. В Москве почти сразу же стали формироваться конспиративные офицерские организации всевозможных политических оттенков. Одна из них была чисто монархической, куда и вошел Николай Лермонтов вместе со своими родственниками – гвардейцами Трубецкими и Михаилом Сергеевичем Лопухиным (1889–1918), их двоюродным дядей [488]. В начале 1918 года они участвовали в одной из первых попыток освобождения царя и царской семьи. «Увы, результатов мы не достигли. И все-таки у всех осталось хорошее воспоминание о пережитом подъеме духа и сознание того, что мы на деле проявили готовность послужить своему государю и остались

верными данной ему присяге», – писал Александр Евгеньевич Трубецкой [489].

Николай Геннадьевич впоследствии служил в вооруженных силах юга России. В 1920 году он был зачислен корнетом в эскадрон лейб-гвардии конно-гренадерского полка, эмигрировал за границу. Высшее образование Н. Г. Лермонтов получил на русском юридическом факультете в Праге [448, с. 932]. Живя в Париже, путешествуя по Италии, Николай Геннадьевич часто встречался со своим двоюродным дядей, замечательным скульптором-самородком Павлом Петровичем Трубецким (1866–1938), известным в мире как Паоло Трубецкой. О Паоло много рассказывала Варвара Николаевна Лермонтова, двоюродная сестра Паоло, которая была родным и дорогим для него человеком за границей. В своих воспоминаниях Николай Лермонтов очень живо и с любовью описывает своего дядю [487, с. 169–185]. Паоло Трубецкой был самобытен не только в скульптуре, но и в характере, в образе жизни и восприятии мира. Воспоминания Николая Геннадьевича Лермонтова прекрасно дополняют статью Светланы Домогацкой о творчестве талантливого русского скульптора, посвященную 70-летию со дня его смерти [490]. Работы Трубецкого находятся в Русском музее (бронзовая фигура гр. С. Ю. Витте), в Третьяковской галерее в Москве (бюст Л. Н. Толстого), в Римской академии художеств, в Венецианской академии, в Берлинской национальной галерее, в Дрезденской галерее и т. д. Паоло Трубецкой – автор памятника Александру III в Санкт-Петербурге.

Интересным и замечательным фактом в судьбе Николая Геннадьевича Лермонтова является его возвращение из эмиграции в советскую Россию в 1947 году. Он пишет, что причиной возвращения на родину было его нежелание и невозможность сделаться французом из-за своей русской сущности [487, с. 171]. Н. Г. Лермонтов вернулся в Россию вместе со своим двоюродным братом Александром Евгеньевичем Трубецким.

Татьяна Александровна Аксакова-Сиверс, жившая в это время в Вятке, пишет: «В послевоенные годы советские представительства за границей открыли двери для возвращения эмигрантов на родину. Двери эти особенно широко открывались перед людьми, носящими громкие фамилии. Одновременно с Лермонтовым и Трубецким приехали Волконские, Завадовские, Старки и еще многие другие. Неожиданностью явилось то, что вопреки обещаниям в Москве никого не оставили». Далее она пишет, что, когда в 1947 году в Вятку прямо из Парижа приехали Николай Лермонтов и Александр Трубецкой, их жизнь очень оживилась: «Оба двоюродных брата вызвали в городе сначала интерес, а потом приобрели большую популярность среди кировчан. Проходя по улице, они выделялись не только прекрасным ростом, но и какой-то элегантной подтянутостью не военного, а штатского образца. Преждевременно поседевший Лермонтов был к тому же очень красив собою. До сих пор, встречаясь с ним, я жалею, что не вижу на нем рыцарских доспехов. Должна засвидетельствовать: несмотря на то что их жизнь в Кирове на первых порах отнюдь не была усыпана розами,


Николай Геннадьевич Лермонтов, Россия, 1950-е годы. Из семейного альбома Трубецких. Фотографию любезно предоставил Ф. А. Трубецкой

и Лермонтов и Трубецкой относились ко всем неполадкам весьма спокойно и постоянно выражали радость, что они на родине. Бывали случаи, когда Лермонтов даже перебарщивал в этом отношении. Так, однажды в моем присутствии у себя дома он принялся доказывать пришедшим к нему кировским литераторам, что в дореволюционной России никакого дворянского класса в идеологическом отношении не существовало, а что были только патриоты Отечества. Принимая во внимание прохождение курса во французских школах, признали за ними высшее образование и предложили им места экономистов – Лермонтову в управлении автотранспортом, а Трубецкому – в учреждении, именуемом Утильсырье, где они снискали любовь и уважение. Лермонтов, правда, частенько ссорился с начальством, но это было лишь на пользу делу и в ущерб самому себе» [491, с. 263–264]. В воспоминаниях Николай Лермонтов описывает свои ощущения первых лет пребывания на родине: «В случайных встречах, в некоторой части сослуживцев и в мелком начальстве, да и в прежних знакомых, мы вызывали любопытство и некий интерес, но одновременно и очень определенно являлись людьми какого-то потустороннего мира. Да, своего рода марсианами или белыми воронами. В то же время, чем ниже было занимаемое положение человека, тем легче было наладить с ним отношения, а рабочие гораздо смелее шли на сближение. Хотя мне и горько было слыть за иностранца, но, может быть, это была расплата за долгое отсутствие в России» [487, с. 171].

В 1948 году Николай Геннадьевич наконец-то посетил Москву. Он останавливался в семье Владимира Ильича Толстого, внука Льва Николаевича Толстого. Владимир Ильич и его брат с семьями вернулись на родину из Югославии на полтора года раньше Н. Г. Лермонтова. Толстые получили в Москве хорошие квартиры, сыновья ходили в старшие классы, они смогли адаптироваться и пустить корни. Николаю Геннадьевичу было очень приятно попасть в семейную обстановку после года, прожитого в далеком городе Кирове, поделиться мыслями и впечатлениями [487, с. 170].

Н. Г. Лермонтов, вернувшись в Россию, серьезно заинтересовался своим родством с великим русским поэтом Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Аксакова-Сиверс писала в своих воспоминаниях, что где-то в 1950-х

годах Николай Геннадьевич приезжал в Ленинград и консультировался по этому вопросу с ее отцом Александром Александровичем Сиверсом (1866–1954), специалистом в области генеалогии дворянских родов. Был сделан запрос и получена генеалогическая справка из архива Костромской области, подтвердившая родство. Эта справка стала основанием для получения Николаем Геннадьевичем персональной пенсии, как родственнику М. Ю. Лермонтова. В получении такой пенсии огромную помощь оказал знаменитый лермонтовед Ираклий Луарсабович Андроников, заинтересовавшийся в 1960-х годах необычной судьбой Н. Г. Лермонтова. Однако пенсию за «дядю Мишу», как называли ее родственники и друзья, Лермонтов получал всего пару лет. Он умер 2 октября 1965 года после продолжительной болезни легких [491, с. 329–330]. Н. Г. Лермонтов похоронен на кладбище Донского монастыря рядом со своим отцом и бабушкой.

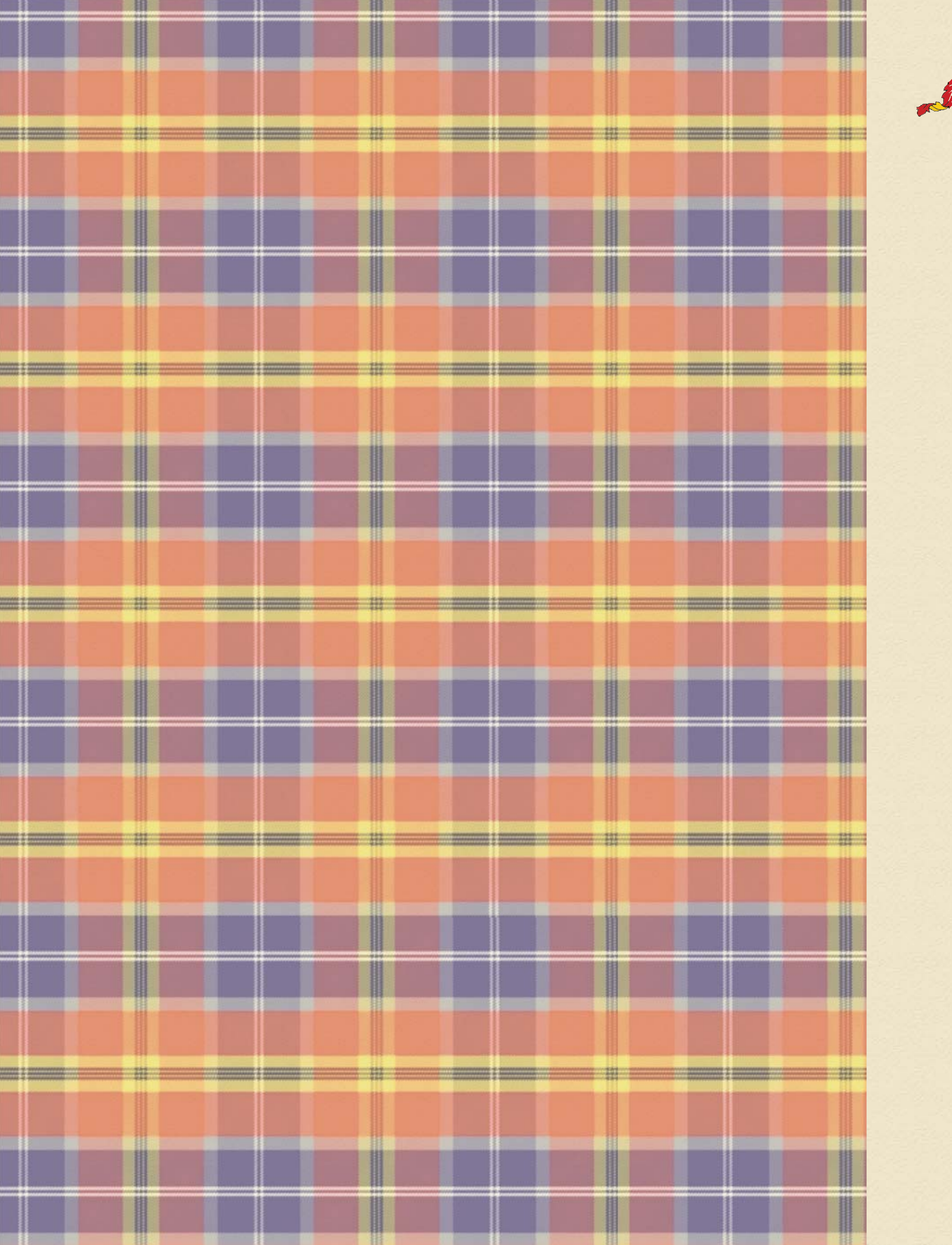
О семейной жизни Николая Геннадьевича сведений очень мало. Живя в Париже, он женился на Наталье Александровне Сабуровой, у них было трое детей.

Александр Николаевич Лермонтов (1927 г. р.)

Александр Николаевич Лермонтов с супругой Татьяной Львовной, урожденной Циглер-фон-Шафгаузен. Из семейного альбома Трубецких. Фотографию любезно предоставил Ф. А. Трубецкой

Младший сын Александр Николаевич Лермонтов родился в Париже. Всю жизнь посвятил преподавательской деятельности, опубликовал несколько книг. По роду деятельности работал в Америке, много путешествовал, но постоянным местом жительства был Париж. В 1991 году Александр Николаевич посетил Россию по приглашению ассоциации «Лермонтовское наследие». По возвращении в Париж возглавил французское отделение ассоциации.

Колотиловская ветвь
рода Лермонтовых
Spero
Learmonth



Об основателе Колотиловской ветви рода Лермонтовых было сказано в разделе «Становление дворянского рода Лермонтовых в России. Колотиловская ветвь Лермонтовых. Матвей Юрьевич Лермонтов».

Часть Колотиловской ветви

Включены наиболее знатные представители

Подробная родословная представлена в книге
И. В. Воронцова «Поколенная роспись рода Лермонтовых»

Георг Лермонт (1590-е - 1634)

▼
Петр / Питер Лермонт (... - 1679). Воевода в Саранске
▼
Петр Лермонт (... - 1707). Стольник
▼
Евтихий (Юрий) Лермонт (... - 1708). Стольник

атвей Юрьевич / Евтихиевич (... - 1760-е годы)
Основатель Колотиловской ветви
рода Лермонтовых
▼
Юрий Матвеевич (1730-1817)
Секунд-майор. Заседатель в суде
▼
Матвей Юрьевич (1771-1846)
Капитан 2-го ранга
Депутат Дворянского собрания

Владимир Матвеевич
(1807-1874)
Полковник
▼
Михаил Владимирович
(1849-1912)
Главное акцизное управление
Киевской губернии
▼
Владимир Михайлович (1874-1954)
Полковник
Герой Первой мировой войны
Основатель коннозаводства
в советской России
▼
Юрий Владимирович (1928-2009)
Подполковник

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1953 г. р.)
Доктор культурологии
Iрезидент ассоциации "Лермонтовское наследие"
Советник министра культуры РФ
Политический деятель

Марина Михайловна (1975 г. р.)
Директор Мемориального
Лермонтовского музея "Усадьба Середниково"

Сергей (1998 г. р.) Владимир (2006 г. р.)

Юрий Михайлович (1983 г. р.)
Экономист
▼
Елизавета (2004 г. р.)

Владимир Юрьевич Лермонтов
(1957 г. р.)
Писатель

Юрий Матвеевич
(1804-1889)
Прапорщик
▼
Николай Юрьевич
(1867-1949)
Заслуженный
архитектор

Петр Юрьевич (~ 1670 -172
Основатель Измайловско
ветви рода Лермонтовых
▼
Юрий Петрович (1722-1779)
Прадед ПОЭТА. Секунд-майо
▼
Петр Юрьевич (1752-1799)
Дед ПОЭТА
▼
Юрий Петрович
(1787-1831), отец ПОЭТА
Капитан
▼
МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ
(1814-1841)

Генеалогия Колотиловской ветви рода Лермонтовых

Юрий Матвеевич Лермонтов (1730–1817)

Юрий Матвеевич, младший сын Матвея Юрьевича Лермонтова, в 1756 году окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус [2, с. 21]. С 1758 года вместе со старшим братом Иваном Лермонтовым сражался на полях Семилетней войны – самого крупного военного конфликта XVIII века, в который Россия вступила в 1756 году в союзе с Францией, Австрией и Саксонией против Пруссии [492, с. VIII]. Иван Лермонтов, офицер пятого мушкетерского полка, погиб в 1758 году [493].

Юрий Матвеевич Лермонтов принял участие в самом крупном сражении Семилетней войны – под местечком Кунерсдорф, недалеко от Франкфурта, 1 августа 1759 года. Третий мушкетерский полк, в котором служил Ю. М. Лермонтов, входил в состав формированного корпуса, которым командовал генерал – поручик и кавалер князь А. М. Голицын. Этот корпус вел отвлекающий маневр по левому флангу с тем, чтобы основные силы под командованием П. А. Румянцева атаковали врага по центру. Сражение, длившееся семь часов, закончилось полным разгромом армии Фридриха II [492, с. 263]. Командующий армией граф Петр Семенович Салтыков в докладе императрице Елизавете Петровне писал о 2614 убитых и 10 863 раненых офицерах и солдат. Юрий Матвеевич получил тяжелое ранение в этой битве [494].

По окончании Семилетней войны, в 1763 году, в звании секунд-майора Юрий Матвеевич ушел в отставку и вернулся в усадьбу Колотилово. Он женился на дочери галичского помещика Кирилла Абрамовича Постникова Федосье Кирилловне и, по-видимому, в эти же годы построил в Колотилове господский дом, простоявший до 1844 года. Вскоре после постройки нового дома жизнь в Колотилове стала бить ключом. У Юрия Матвеевича было 12 детей (четыре сына и восемь дочерей): Варвара (1770–?), Ирина (1771–1818), Матвей (1772–1846), Мария (1773–1851), Николай (1774 – после 1799), Анастасия (1775–18?), Иван (1778–18?), Анна (1780–1802), Екатерина (1748–18?), Наталья (1785–18?), Александр (1786–18?), Елизавета (1786–18?) [50, с. 63–64].

Все дети воспитывались дома, поэтому приходилось держать учителей. Из сыновей Юрия Матвеевича двое после домашнего обучения поступили в Морской корпус, а для обучения младших из Петербурга была выписана только что окончившая открытый Смольный институт учительница Елизавета Максимовна Лагунова. В Колотилове образовался своего рода «интернат» для помещичьих детей: хозяйка Колотилова Федосья Кирилловна Лермонтова пригласила для совместного обучения со своими детьми также и детей родственников. В Колотилове в 1780–1791 годах учились некоторые из Купреяновых из усадьбы Патино Солигаличского уезда, родственники Постниковых из усадьбы Гремячево Галичского уезда [45, с. 172–179]. В 1773 году совместно с поручиком А. М. Шиповым Юрий Матвеевич Лермонтов построил каменную церковь Успения в селе Сенном Чухломского уезда [2, с. 21].

Юрий Матвеевич Лермонтов имел определенное положение в административной структуре Костромского наместничества [495]. В 1779–1781 годах секунд-майор Ю. М. Лермонтов исполнял должность дворянского заседателя в верхнем земском суде [496–498], а в 1788–1790 годах он был в должности заседателя в совестном суде Костромского наместничества [499–501].

В 1797 году император Павел I подписал указ о создании и издании свода гербов российских дворянских родов – Общего гербовника дворянских родов Российской империи. В апреле 1799 года Юрию Матвеевичу Лермонтову была выдана справка из разрядного архива, подтверждающая родословную Лермонтовых, представленную в разряд внуками Георга Лермонта в 1688 году (см. с. 56). Данная справка и герб служили основанием для подачи прошения о внесении дворян Лермонтовых в гербовник [47, т. 7, с. 547; 502]. В 1799 году герб рода Лермонтовых был занесен в четвертую часть Общего гербовника дворянских родов Российской империи под № 102.

Точная дата смерти Юрия Матвеевича Лермонтова не установлена. По разным источникам, он скончался в 1797 [2, с. 21] или 1817 году [50, с. 63–64].

Матвей Юрьевич Лермонтов (1771–1846)

Матвей Юрьевич Лермонтов, сын Юрия Матвеевича и Федосьи Кирилловны Лермонтовых, родился в 1771 году [47, т. 8, с. 811–812].

Матвей Лермонтов в 1788 году окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге [503]. В 1788 году 10 апреля (приказ № 1063) коллегия Адмиралтейства по высочайшей конфирмации Его Императорского Величества гардемарина Матвея Лермонтова произвела в мичманы [504]. В том же 1788 году семнадцатилетний Матвей Лермонтов участвовал в русско-шведской войне на Балтике. Судьба праправнука шотландца Георга Лермонта Матвея Юрьевича Лермонтова пересеклась с судьбой англичанина Джеймса Тревенина (1760–1790), участвовавшего в чине гардемарина в 1777 году в экспедиции знаменитого мореплавателя и покорителя Австралии Кука. Джеймс Тревенин был одним из немногих, кто выжил после труднейшей экспедиции Кука [505]. Тревенин в 1787 году поступил на службу в Русскую императорскую армию, а именно в Балтийский флот, командующим которого был англичанин на русской службе адмирал Грейг. Тревенин был близким другом адмирала Грейга, присутствовал при его кончине 15 октября 1788 года. В 1788 году исполняющим обязанности командующего Балтийским флотом был назначен контр-адмирал Тимофей Гаврилович Козлянинов – выходец из костромского дворянства, к которому относятся русские Лермонтовы.

Матвей Лермонтов в 1788–1790 годах служил под командованием капитана Тревенина [45, с. 180]. Матвей Юрьевич отмечен как участник боевых действий по уничтожению шведской флотилии при Борезунде (Барэзунде) (1788) и в Красногорском и Выборгском сражениях (1790) [506, 507].

В 1790 году Швецией был предпринят масштабный завоевательный поход на Россию с целью захвата Петербурга и лишения России всех завоеваний Петра I. В этой войне Джеймс Тревенин командовал военным кораблем «Не тронь меня» (Natron Menea – так называли его шведы). Основная битва развернулась 5–6 июля 1790 года. В корабль «Не тронь меня» угодило вражеское ядро, а капитан Тревенин получил смертельное ранение. В 1790 году российский флот одержал свою самую крупную победу на Балтике. Матвей Юрьевич выжил в пылу баталий этой войны. В 1790 году 12 марта (приказ № 1016 по коллегии Адмиралтейства) в возрасте девятнадцати лет он был произведен в лейтенанты [508]. В 1797 году М. Ю. Лермонтов произведен в капитан-лейтенанты, а в 1804 году увольняется со службы в чине капитана второго ранга [506].

По отставке с 1804 года М. Ю. Лермонтов был избран депутатом Солигаличского дворянства. В 1806 году по разделу имения родителей он получил усадьбу Алексино [45, с. 175]*.

В 1822–1824 годах М. Ю. Лермонтов – надзиратель питейных сборов в Галиче. Во время эпидемии холеры – попечитель по Солигаличскому уезду (1830). В Костроме имел собственный дом на Богоявленской улице [2, с. 25].

Дарья Ивановна Юшкова, жена Матвея Юрьевича Лермонтова, была дочерью коллежского советника и кавалера Ивана Осиповича Юшкова [2, с. 25; 47, т. 8, с. 810]. В воспоминаниях правнука Матвея Юрьевича Владимира Михайловича Лермонтова (1874–1954) написано, что его прадед был женат на тетке Льва Николаевича Толстого – Дарье Юшковой [509, вклейка, с. 11].

Их дети: Юрий (1804–1889), Владимир (1807–1874), Ростислав (1810–1877), Александра (1810–1854), Николай (1812 – после 1843), София (1813–18?), Юлия (1814–1874), Владислав (1815–1891), Екатерина (1834–1903) [50, с. 64].

Скончался Матвей Юрьевич Лермонтов в 1846 году.

Дворянский род Юшковых записан в родословные книги Казанской, Калужской, Пензенской губерний. В Общем гербовнике дворянских родов Российской империи записано происхождение рода от Юшки из татар, сына мурзы Зеуша. Тот покинул Золотую Орду в последней четверти XIII века для службы великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому, при крещении получил имя Стефаний. Юшковы, как сказано в родословных книгах, «служили российскому престолу боярами, наместниками, стольниками, комнатными, воеводами и в иных знатных чинах и жалованы были от государей поместьями».

Юшков Иван Иосифович (Осипович) (умер в 1811 году, похоронен в Казани), председатель казанского верхнего земского суда, был женат на Наталье Ипатовне, урожденной Полянской. В семье родились девять детей: пять сыновей (Николай (1777–1828), Александр (1780–1828?),[369] Иван (?), Иосиф (1788–1849), Владимир (1789–1869)) и четыре дочери (Екатерина, Мария, Надежда и имя еще одной дочери исследователям пока не известно) [510].

* Григоров полагает, что от него пошла Алексинская линия, которая в «Лермонтовской энциклопедии» не выделена и продолжается как Колотиловская.

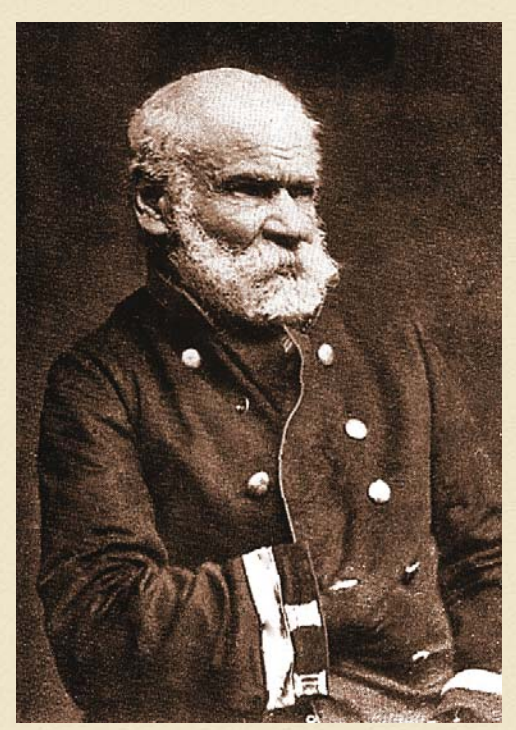
С другой стороны, вятский краевед Евгений Дмитриевич Петряев пишет, что Екатерина Ивановна Юшкова была замужем за Аполлоном Петровичем Болтиным (1807 – 05.1871), статским советником, вице-губернатором города Вятки в 06.03.1851–01.09.1853, затем во Владимире (1.09.1853 – 8.03.1859), владельцем имения Яново. Ее брат Владимир Иванович Юшков был женат на Пелагее Ильиничне Толстой (1797–1875), родной тетке Льва Николаевича Толстого. Сестра Екатерины Ивановны Дарья Ивановна Юшкова была замужем за Николаем Лермонтовым [511]. В родословной Лермонтовых есть только Матвей Юрьевич Лермонтов, женатый на Дарье Ивановне Юшковой. Вероятно, Е. Д. Петряев ошибся с именем Лермонтова.

Приведенные факты позволяют считать, что четвертой дочерью Натальи Ипатовны и Ивана Иосифовича Юшковых была Дарья Ивановна, вышедшая замуж приблизительно в 1803 году за Матвея Юрьевича Лермонтова. Тогда Дарья Ивановна Лермонтова приходится золовкой Пелагее Ильиничне Толстой, жене ее родного брата Владимира Ивановича Юшкова.

Племянница Дарьи Ивановны Елизавета Аполлоновна Болтина в 1856 году вышла замуж за знаменитого русского писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826–1889). Следовательно, Лермонтовы Колотиловской ветви по линии Юшковых и Болтиных находятся в дальнем родстве с двумя великими русскими писателями: Л. Н. Толстым и М. Е. Салтыковым-Щедриным.

Владимир Матвеевич Лермонтов (1807–1874)

Владимир Матвеевич Лермонтов, сын Матвея Юрьевича и Дарьи Ивановны Лермонтовых, родился в 1807 году [50, с. 64–65]. На военную службу вступил юнкером 8 января 1819 года в лейб-гвардии Финляндский полк (одновременно с братом Юрием). Затем Владимир Лермонтов воспитывался при 2-м кадетском корпусе. За успехи в науках он был представлен к производству в прапорщики 2 мая 1825 года и направлен служить во 2-ю конноартиллерийскую роту. По домашним обстоятельствам в феврале 1830 года В. М. Лермонтов уволился со службы. Однако во время польского восстания 1830–1831 годов вновь вступил на службу в 14-ю конноартиллерийскую роту 19 февраля 1831 года в чине прапорщика и принимал участие в сражении при взятии Варшавы в августе 1831 года. За проявленную отвагу получил польский знак отличия IV степени. В январе 1832 года он был прикомандирован к Генеральному штабу действующей армии, а в мае того же года назначен состоять при топографических съемках царства Польского. В апреле 1833 года его прикомандировали к комиссии военного суда над польскими злоумышленниками. Комиссия была учреждена при Главной квартире действующей армии в Варшаве. В январе 1834 года Владимир Матвеевич произведен в чин подпоручика, в мае 1834 года был переведен в конную легкую батарею № 6 и произведен в поручики. В но-



Владимир Матвеевич Лермонтов. Фотография из архива семьи Лермонтовых [509, вклейка, с. 64]

ябре 1834 года В. М. Лермонтов получил отпуск на четыре месяца по домашним обстоятельствам, а затем в ноябре 1835 года из-за болезни уволился со службы в чине штабс-капитана. Вновь на военную службу Владимир Матвеевич определился в феврале 1837 года в чине штабс-капитана в пехотный генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского полк, а в марте 1838 года был назначен адъютантом к Киевскому, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору генералу от инфантерии сенатору Дмитрию Гавриловичу Бибикову. 24 апреля 1840 года «за отлично усердную службу и полезные труды» пожалован орденом Святого Станислава III степени. Однако в ноябре 1840 года по болезни уволился со службы в чине майора.

Видимо, к периоду службы адъютантом у Д. Г. Бибикова относится встреча штабс-капитана Владимира Лермонтова с юной Анастасией Степановной Яницкой (1820 года рождения), которая в это время проживала в городе Житомире Волынской губернии и была замужем.

Судьба соединила этих людей до конца их дней, но законным браком они смогли сочетаться только в августе 1868 года – после смерти супруга Анастасии Степановны. К этому времени дети, родившиеся от их союза, считавшиеся незаконнорожденными и носившие фамилию Лерма, стали уже взрослыми.

В официальных документах упоминаются Николай Владимирович Лерма (в 1880 году уже был отставным подпоручиком; он записан как восприемник при крещении внучки своей тетки Екатерины Матвеевны Сазоновой, урожденной Лермонтовой); Александр Владимирович Лерма (в 1878–1888 годах был учителем истории и географии в Ленчицкой и Вымыслинской учительских семинариях Варшавского учебного округа Министерства народного просвещения) и, наконец, Михаил Владимирович Лерма (родился 9 сентября 1849 года, в 1908 году он добился высочайшего соизволения именоваться вместе со своими детьми и внуками потомственными дворянами Лермонтовыми).

Владимир Матвеевич после трех с лишним лет нахождения в отставке в январе 1844 года снова пошел служить. На этот раз ясельничим, с переименованием соответственно прежнему чину в титулярные советники, в команду придворной конюшни, принадлежавшей придворной конюшенной конторе. С этой службы он вновь уволился по болезни в прежнем чине майора.

В. М. Лермонтов был в отставке семь лет, до начала Крымской войны. Высочайшим приказом от 13 февраля 1854 года он был вновь определен на службу в Екатеринославский кирасирский Ее Императорского Величества великой княгини Марии Николаевны полк в чине ротмистра. Он командовал 3-м эскадроном до ноября 1856 года, пока не ушел в отпуск. А в декабре, сдав 3-й эскадрон, вступил в командование 2-м эскадроном.

Однако уже 10 января 1857 года опять увольняется в отпуск и продлевает его вплоть до назначения киевским старшим полицмейстером с зачислением по армейской кавалерии в чине майора. В новую должность Владимир Матвеевич вступил 13 июня 1857 года. В декабре он получил именное высочайшее благоволение за отличный порядок в городе во время пребывания Александра II в Киеве. Через год, 7 июня 1858 года, он был уволен в отпуск на один год, затем отчислен от должности, но был оставлен в запасе по армейской кавалерии. В июне 1859 года В. М. Лермонтов был причислен к Управлению государственного коннозаводства. Через год за отличия был произведен в подполковники, а 8 февраля 1862 года, согласно прошению, окончательно увольняется со службы по болезни в чине полковника, с мундиром и пенсией.

В 1868 году скончался муж Анастасии Степановны Яницкой. После многих лет совместной жизни Анастасия Степановна и Владимир Матвеевич в августе 1868 года обвенчались. Незадолго до смерти Владимир Матвеевич собирался подать прошение на высочайшее имя об усыновлении детей, рожденных до церковного брака, но попытка не увенчалась успехом. Законы, допускавшие узаконивание внебрачных детей после законного брака родителей и определяющие порядок действий, были приняты лишь в 1893 и 1902 годах.

Владимир Матвеевич Лермонтов скончался в 1874 году, похоронен в Киеве, на Щекавинском кладбище.

В этой семье Лермонтовых интересна история Юрия Матвеевича Лермонтова, старшего брата Владимира Матвеевича. Их судьбы чем-то похожи.

Юрий Матвеевич Лермонтов (1804–1889)

Юрий Лермонтов в возрасте 15 лет вступил на службу юнкером в лейб-гвардии Финляндский полк. Через четыре года его перевели в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1825 году в чине прапорщика он участвовал в подавлении декабрьского восстания, за что удостоился высочайшей признательности императора Николая Павловича. Она была занесена в дело об отставке от службы Юрия Лермонтова в 1829 году по болезни. После отставки Юрий Матвеевич поселился в родовой усадьбе Алексино Солигаличского уезда Костромской губернии. Как следует из последующих прошений на имя го-

сударя, Юрий Матвеевич Лермонтов с 1830-х годов тайно сожительствовал с мещанкой Евдокией Трофимовной Жеребцовой и имел от нее несколько детей. На склоне лет, в 1886 году, Юрий Матвеевич принял решение передать родовое имя своему единственному оставшемуся в живых незаконнорожденному сыну Николаю Юрьевичу Лермонтову, 1867 года рождения. После шести месяцев упорных ходатайств на имя императора Александра III его прошение об усыновлении Николая было удовлетворено [50, с. 64–65].

Николай Юрьевич Лермонтов (1867–1949)

Сын Юрия Матвеевича Лермонтова и Евдокии Трофимовны Жеребцовой по окончании Костромского реального училища, по рекомендации отца, в 1887 году поступил в Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров. Окончил его в 1892 году с серебряной медалью. Николай Лермонтов помимо инженерных способностей обладал талантом архитектора. Он сделал блестящую карьеру. Н. Ю. Лермонтов служил инженером-архитектором в Коломне, Калуге, Санкт-Петербурге. В начале XX века Н. Ю. Лермонтов жил и работал в Ярославле. В 1911 году в Ярославле Н. Ю. Лермонтов разработал проект перестройки фасада северного корпуса Гостиного двора, участвовал в комиссии по описи церквей Ярославской епархии (1909 год), руководил перестройкой Вознесенской церкви в Ярославле, разработал проект здания Рыбинского земства (1911 год) [512].

В 1910 году Николай Юрьевич Лермонтов, модный тогда в Ярославле архитектор, был приглашен богатым ярославским купцом Никитой Понизовкиным для разработки проекта и постройки дома в деревне Гузицыно (теперь поселок Красный Профинтерн Ярославской области). Дом был спроектирован в западноевропейском псевдороманском стиле. В 1912 году на берегу Волги был возведен настоящий замок – с башнями и мансардными крышами, чем-то похожий на крепость.

Дворец Понизовкиных – замок из средневековых баллад, идея которого могла прийти в голову только потомку шотландских рыцарей Николаю Юрьевичу Лермонтову. Особняк Н. Понизовкина в настоящее время включен в Список объектов культурного наследия регионального значения, расположенных на территории Ярославской области.

В 1914 году по проекту Н. Ю. Лермонтова строят 40-квартирный пятиэтажный дом для служащих, и тогда же – деревянное здание кинематографа (не сохранилось) [513].

В 1931 году Николай Юрьевич Лермонтов переезжает в Уфу. В своих воспоминаниях Николай Юрьевич пишет: «Я и моя семья после преобразования Ярославля в районный центр Ивановской области, а вследствие того сокращения строительства, приехали в Уфу – город с развивающейся промышленностью и растущими новостройками. Уфа полюбилась климатом, природой, охотой и дешевизной жизни. По приезде я поступил работать на должность главного инженера Башнаркомхоза (теперь Минис-

Замок Брумхолл (Broomhall Castle), графство Стерлинг, Шотландия

Дворец Понизовкиных, Ярославская область

терство жилищно-коммунального хозяйства. – *Прим. авт.*), где прослужил до 1932 года. Оттуда был переведен в трест Башпроект на такую же должность главного инженера. По совместительству работал в научно-исследовательском институте по новым строительным материалам. Занимался преподавательской деятельностью: читал лекции по истории архитектуры, строительному искусству в железнодорожном, строительном техникумах и художественном училище».

Николай Юрьевич скромно умолчал в своей биографии об активной общественной деятельности. Между тем архивные документы свидетельству-

ют о его участии в разработке и экспертизе многих проектных документов. Лаконичные, высокопрофессиональные заключения специалиста немало поспособствовали постройке многих зданий в 1930-е годы. Год за годом укреплялась за архитектором репутация крупного мастера. А все сооружения, в создании которых он участвовал непосредственно, по-своему уникальны, они украшают Уфу и придают городу самобытность и красоту.

Работы для архитекторов было много. В 1922 году после переноса столицы республики из Стерлитамака в Уфу главные правительственные учреждения разместили в здании бывшего Крестьянского поземельного банка (теперь Национальный музей). Очень скоро в двухэтажном здании стало тесно. Увеличивались масштабы хозяйственного и культурного строительства, а вслед за этим возрастала и численность управленческого аппарата.

Приступая к выполнению плана первой пятилетки, правительство республики объявляет конкурс на строительство административного здания Совета народных комиссаров. Николай Лермонтов за несколько месяцев разработал проект монументального сооружения. Он не был осуществлен: власти предпочли обратиться к услугам московских зодчих. Столичные архитекторы не отвергли, а, наоборот, использовали наработки Николая Юрьевича Лермонтова, прежде всего выбранную им композиционную и функциональную структуру здания. Огромный для своего времени пятиэтажный корпус построили на пересечении улиц Советской и Пушкина, утвердили и изначально предложенную Н. Ю. Лермонтовым концепцию поэтапного размещения органов государственного управления (БашЦИКа, Госплана и ряда наркоматов республики). К сожалению, отказались от идеи оформления входной группы в виде застекленного цилиндрического портала, через который дневной солнечный свет льется на лестничные марши.

Этот прием архитектор реализовал позже в построенном по его проекту здании треста Башспирт. В условиях острого дефицита жилья Николай Юрьевич Лермонтов предложил строить административное учреждение, объединив в нем управленческие службы и размещение сотрудников. Комплекс треста Башспирт должен был обеспечить гармоничное единое решение с дореволюционным особняком в стиле модерн купца Костерина, расположенным на перекрестке улиц Пушкина и Карла Маркса.

В 1932 году руководство Народного комиссариата финансов Башкирской АССР решило построить жилой дом со всеми коммунальными удобствами для своих сотрудников. Трехэтажное здание возвели на пересечении улиц Аксакова и Коммунистической. В доме было 12 четырехкомнатных квартир. Их планировка позволила отнести жилой дом к числу лучших гражданских сооружений довоенной Уфы.

Одно из лучших творений архитектора – жилой дом треста Востокнефть (улица Пушкина, д. 69). Архитектору вновь предстояло спроектировать здание с сектором общественного назначения и жильем. Н. Ю. Лермонтов предложил построить четырехэтажный кирпичный дом

с двух- и трехкомнатными квартирами на верхних этажах. На втором этаже отвели площади под гостиницу. А на первом – под столовую и кухню для сотрудников. Общественное назначение здания было подчеркнуто парадным вестибюлем, вместительным гардеробом и широкой лестницей, ведущей в номера гостиницы.

В середине 1930-х годов Н. Ю. Лермонтов приступил к проектированию одного из самых интересных объектов в Уфе – Дома старых большевиков (улица Коммунистическая, д. 75). Дом начали строить на месте снесенной Успенской церкви – вокруг была территория закрытого кладбища. Уже факт закладки на этом месте здания был кощунством. Приглушить такое восприятие могло в определенной степени интересное архитектурное решение, которое осуществил Н. Ю Лермонтов. Главный корпус обращен фасадом в южную сторону. К нему перпендикулярно примыкал второй корпус. Дом получил автономную котельную и ледник. Подъезд к нему оформили полукруглой асфальтированной дорожкой для автомобилей.

Последний реализованный проект – административное здание на пересечении улиц Пушкина и Аксакова, где до недавнего времени была паспортно-визовая служба. Парадный фасад здания тянется вдоль обеих улиц, уходя в перспективу, что придает строению характеристики композиционного центра территории.

Всего Николай Юрьевич Лермонтов выполнил 29 проектов общественных зданий, 54 проекта жилых домов, 16 – учебных заведений, 18 – больниц, 33 – сооружения промышленного назначения. В последние годы он преподавал в техникумах Уфы.

По заданию Башкирского республиканского отделения Союза архитекторов Лермонтов подготовил для издания в Москве книгу об архитектурных памятниках и истории застройки столицы БашАССР. И хотя спустя три десятка лет в Уфе, равно как и по всей стране, стали расти типовые многоэтажки, они не смогли потеснить индивидуальные и выразительные дома, созданные Н. Ю. Лермонтовым» [514].

Николай Юрьевич Лермонтов скончался в Уфе в 1949 году.

Ростислав Матвеевич Лермонтов (1810–1877)

Второй сын Матвея Юрьевича и Дарьи Ивановны Лермонтовых, окончил 1-й кадетский корпус в 1828 году и был выпущен в лейб-гвардии Финляндский полк прапорщиком. Любопытно, что в 1840 году он был прикомандирован ротным офицером к известной школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров – эту школу в 1834 году закончил поэт М. Ю. Лермонтов. В 1836–1837 годах Ростислав Матвеевич жил в Петербурге одновременно с М. Ю. Лермонтовым (см. приложение «Лермонтовы – современники поэта. Лермонтовский Петербург»). В 1848 году Ростислав Матвеевич в чине полковника был переведен в Минский пехотный полк. Он участвовал в Крымской войне 1853–1856 годов. В 1858 году Р. М. Лермонтов, чис-

П. А. Федотов. Портрет Ростислава Матвеевича Лермонтова. Конец 1830-х. Бумага, карандаш [515, с. 1109]

П. А. Федотов. Портрет Ростислава Матвеевича Лермонтова. 1837. Бумага, акварель. 19,7 х 15,6 см. [517]

лясь по армейской пехоте, был прикомандирован к штабу корпуса жандармов. Уже генерал-майором участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Ростислав Матвеевич Лермонтов скончался в 1877 году, вероятно, вследствие полученных на войне ран [2, с. 35].

В судьбе Ростислава Матвеевича Лермонтова была интереснейшая встреча, в какой-то степени историческая, когда он служил в лейб-гвардии Финляндском полку. У Ростислава Матвеевича был товарищ по полку Павел Андреевич Федотов (1815–1852) [515, с. 1102–1126], впоследствии ставший известнейшим русским художником [516]. Благодаря этой дружбе есть два портрета Ростислава Матвеевича Лермонтова, выполненные рукой великого мастера. По единогласному мнению современников, портреты Павла Федотова отличались удивительным сходством с моделью.

Генерал-майор Ростислав Матвеевич Лермонтов имел превосходную печать с гербом Лермонтовых. Эта печатка была выставлена на аукционе «Русская империя» («Romanov Russia & Russian Antique pre 1917»). Ее принадлежность Ростиславу Матвеевичу Лермонтову идентифицирована по монограмме. К тому времени, когда печать была обнаружена, ее уже продали. Фотография печатается с разрешения нового владельца*.

На печати щит имеет декоративную форму, похожую на щит герба Лермонтов Дарси и Балкоми [1, с. 57–59].

* http://www.romanovrussia.

Именная печать генерал-майора Ростислава Матвеевича Лермонтова*

Владислав Матвеевич Лермонтов (1818–1891)

Владислав Матвеевич – младший брат Юрия, Владимира и Ростислава Лермонтовых. С 1830 года он проходил службу в кондукторской роте Главного инженерного училища. В 1836 году был произведен в полевые инженер-прапорщики с оставлением при училище. В январе 1838 года В. М. Лермонтов поступил на действительную службу. С 1850 года – почти сорок один год – Владислав Матвеевич служил в Императорском училище правоведения классным воспитателем. Среди его воспитанников были композитор П. И. Чайковский, поэт П. А. Апухтин [2, с. 37].

Владислав Матвеевич Лермонтов. Фотография из архива семьи Лермонтовых [509, вклейка, с. 64]

В документах, посвященных биографии Петра Ильича Чайковского, написано: «Пребывание Петра Ильича в училище правоведения имеет характер эпизода... Петр Ильич всегда хранил воспоминание лишь о двух преподавателях: о Евгении Федоровиче Герцоге и Владиславе Матвеевиче Лермонтове. Первый из них был человек с большими странностями...

Владислав Матвеевич Лермонтов, с головой, напоминавшей изображения Пугачева, был любим всеми воспитанниками. Неразговорчивый, мрачный на вид, он решительно всех привязывал к себе необыкновенно простым и вместе с тем участливым отношением.

* Аукцион «Русская империя», 2004: http://www.romanovrussia.com/Seals2.html.

Как и Герцог, он обращался с молодыми людьми по-товарищески, охотно беседуя с ними в свободные часы» [518]. Любимец студентов, серьезный и талантливый преподаватель, В. М. Лермонтов был награжден орденами: Святой Анны III и II степени; Святого Станислава II степени; Святого Владимира III степени и командорским крестом Ольденбургского ордена «За заслуги»; также знаком отличия «За сорок лет беспорочной службы».

Скончался в 1891 году, похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге [2, с. 37].

Михаил Владимирович Лермонтов (1849–1912)

Сын Владимира Матвеевича Лермонтова и Анастасии Степановны Яницкой. Михаил Владимирович Лермонтов родился 10 сентября 1849 года в имении отца в Солигаличском уезде Костромской губернии. Восприемниками при его крещении были дядя Владислав Матвеевич и тетка Юлия Матвеевна Лермонтовы. Имя отца в метрической книге не было записано: на момент рождения Михаила его отец и мать не были обвенчаны [50, с. 29–32]. Новорожденному дали фамилию Лерма, вероятно, сокращенно от Лермантов, как тогда писали фамилию Лермонтовых. Но, возможно, и в память о легенде о происхождении рода Лермонтовых от испанского герцога Лерма.

Пятьдесят девять лет Михаил Владимирович прожил под фамилией Лерма, считаясь незаконнорожденным даже после венчания его родителей в августе 1868 года. Эту же фамилию носили его дети: Владимир (1874–1954), Наталия (1876–?), в замужестве Морозовская, Елена (1878–1941), в замужестве Вербицкая, Александр (1882–1944), Михаил (1890–1903) и Алла (1893–1924), в замужестве Чирко [50, с. 29–31, 67].

В 1902 году законы об усыновлении незаконнорожденных детей смягчили – «внебрачные дети узаконяются браком их родителей» [519]. В 1903–1904 годах Михаил Владимирович Лерма приготовил свой послужной список и приложил письменные свидетельства знакомых и родственников о том, что Владимир Матвеевич Лермонтов признавал его своим родным сыном. Собранные документы он сопроводил прошением в киевские судебные органы и в правительствующий Сенат о признании его законным сыном своего отца, Владимира Матвеевича Лермонтова. Однако его прошение было отклонено в связи с тем, что отсутствовали заявления его отца и матери: они оба к этому времени скончались [50, с. 29–31]. В 1907 году М. В. Лерма подает новое прошение – уже на высочайшее имя – с просьбой признать его законным сыном дворянина В. М. Лермонтова. В этом прошении он указывает: «Имея двух сыновей и трех дочерей (в возрасте от 14 до 33 лет) и заботу о благе их, добром имени их, остающихся без всяких имущественных прав, он с сыновьями своими всеподданнейше просит об узаконении его как сына дворянина Лермонтова на основании представленных и перечисленных выше документов» [520]. После этого дело сдвинулось с места. Потребовались свидетельства о дворянском достоинстве покойного родителя; прошения сыновей, замужних дочерей и младшей дочери о присоединении к просьбе отца. Государственная канцелярия, принимавшая прошения, также затребовала «сведения о положении в обществе, занятиях, поведении, образе жизни и политической благонадежности М. В. Лерма и мнения, заслуживает ли он по своим нравственным качествам оказания ему монаршей милости по семейному его делу» [520]. Аналогичные запросы были адресованы военному министру о сыновьях Владимире и Александре Лерма. В октябре – ноябре 1907 года были получены положительные ответы. 3 апреля 1908 года последовало высочайшее соизволение и указ императора Николая II о предоставлении Михаилу Лерма с нисходящим потомством именоваться по фамилии Лермонтовы и пользоваться правами потомственного дворянства [521].

Михаил Владимирович и Мария Антоновна Лермонтовы.
Фотография из архива семьи Лермонтовых [509, вклейка, с. 64]

В результате высоконравственного намерения Михаила Владимировича и его настойчивости в осуществлении поставленной цели была восстановлена справедливость. Михаил Владимирович и его потомки приобрели право носить родовую фамилию Лермонтовы. Все нынешние потомки с благодарностью хранят память о благородном предке.

Михаил Владимирович Лерма хотя и был ребенком, рожденным вне церковного брака, с раннего детства находился под опекой родного отца Владимира Матвеевича Лермонтова и получил хорошее домашнее образование. Дальнейший послужной список М. В. Лерма – Лермонтова можно проследить по документам, представленным в прошении 1907 года [520]. Чтобы поступить на службу в 1875 году, в возрасте двадцати шести лет,

ему пришлось сдать экзамен в педагогическом совете Черкасской мужской прогимназии для аттестации на первый гражданский классный чин. В это время Михаил Владимирович уже был женат на Марии Антоновне, урожденной Зубаревой, дочери надворного советника, 31 июля 1874 года у них родился сын Владимир.

Аттестация на классный чин была необходимым шагом для намерений Михаила Владимировича поступить на службу в Главное акцизное управление Киевской губернии. После 1862 года изменилась система обложения налогом потребляемых питейных напитков, которые в больших количествах производились в богатой и плодородной Киевской губернии. Акцизом законодательно облагалось как производство напитков, так и их продажа. Для заведования акцизным и патентным сбором были созданы специальные учреждения – акцизные управления. Губернские акцизные управления являлись непосредственным органом Министерства финансов и не были присутственным учреждением только одной губернии. Управляющий акцизными сборами и его непосредственные помощники назначались министром финансов. Губернское акцизное управление осуществляло надзор за подвластными ему округами и участками путем назначения окружных и участковых надзирателей. После 1862 года в ведении акцизных управлений был надзор не только за доходом от питейных напитков, но также контроль и надзор за уплатой налогов от производства табака и сахарного песка местного производства. Акцизная система была тесно связана с системами государственных монополий и таможенными пошлинами. В 1890 году в государственном бюджете Российской империи на долю косвенных налогов приходилось около 45 % всех доходов [522]. В Киевской губернии, производящей в больших количествах и напитки, и сахарный песок, работа надзирателем за акцизным сбором была очень ответственной и достаточно престижной.

Михаил Владимирович Лерма начал карьеру в Киевском акцизном управлении с должности младшего помощника надзирателя и постепенно поднимался по карьерной лестнице. В 1878 году он служил младшим помощником надзирателя по 5-му округу с центром в городе Умань [523]. В 1886 году он уже помощник надзирателя по 3-му округу Киевского акцизного управления в городе Белая Церковь, а именно надзиратель третьего участка [524]. В 1892–1895 годах М. В. Лерма служил старшим помощником надзирателя по 8-му округу, объединяющему Черкасский, Чигиринский и часть Каневского уезда, с центром в городе Черкассы. В 1892 году М. В. Лерма – надзиратель 2-го участка в местечке Городище. А в 1895 году он был надзирателем 5-го участка в городе Черкассы [525, 526]. В 1901 году Михаил Владимирович был повышен до чина коллежского секретаря и занимал должность помощника надзирателя 1-го округа Киевского акцизного управления с центром в Киеве, объединяющего Киевский и часть Каневского уездов. Он был ответственным за 6-й участок в городе Василькове. В том же 1901 году он награжден орденом Святого Станислава III степени [527]. В 1906 году М. В. Лерма – титулярный совет-

Места службы Михаила Владимировича Лермонтова в Киевском акцизном управлении в 1878–1912 годах

ник (что соответствует военному чину штабс-капитана), а в 1907 году – коллежский асессор. Чин коллежского асессора давал ему право подавать на личное дворянство. В эти годы он служит помощником надзирателя в городе Сквира, потом в городе Фастов [528, 529].

С 1909 года в Памятных книжках Киевской губернии Михаил Владимирович уже числится под фамилией Лермонтов. Он продолжал служить в Главном акцизном управлении Киевской губернии надзирателем в городе Фастов [530]. Последняя должность М. В. Лермонтова – инспектор по промысловому налогу в местечке Чернобыль Радомысльского уезда второго округа Киевского акцизного управления [531]. Да, этот тот самый Чернобыль, где в 1986 году произошла страшнейшая техногенная катастрофа XX века.

Михаил Владимирович Лермонтов проработал в Акцизном управлении Киевской губернии тридцать пять лет и был профессионалом в сфере акцизных сборов.

М. В. Лермонтов скончался в 1912 году в Курске. Мария Антоновна Лермонтова, урожденная Зубарева, умерла в 1924 году в Ростове.

Дети Михаила Владимировича и Марии Антоновны Лермонтовых: Владимир Михайлович Лермонтов (1874–1954); Наталья Михайловна Лермонтова (1876–?); Александр Михайлович Лермонтов (1882–1944), офицер гусарского Ахтырского полка, участник Первой мировой войны, полковник Добровольческой армии, эмигрировал за границу в 1920 году из Феодосии; Михаил Михайлович Лерма (1890–1903); Алла Михайловна Лерма (1893–1924), в замужестве Чирко, расстреляна ВЧК в Феодосии в 1924 году.

Владимир Михайлович Лермонтов (1874–1954)

Старший сын Михаила Владимировича и Марии Антоновны Лермонтовых, до 1908 года носивших фамилию Лерма (см. предыдущую главу). Владимир Михайлович Лермонтов родился 31 июля 1874 года. С десяти лет воспитывался во Владимирском Киевском кадетском корпусе [509]. В 1891 году по собственной инициативе и по ходатайству родственника Лермонтовых замкомандира Ахтырского полка по строевой части подполковника Юрия Павловича Назимова вступил вольноопределяющимся второго разряда в 36-й Ахтырский драгунский полк. Тогда полк дислоцировался в городке Литин, рядом с Винницей, Подольской губернии, недалеко от мест, где жила семья Лермонтовых (с. 13, 247). 36-й Ахтырский полк носил название драгунского в 1882–1907 годах. До этого и после он назывался 12-м гусарским Ахтырским полком по номеру дивизии, к которой относился. В 1905 году становится 36-м драгунским Ахтырским Ее Императорского Высочества великой княгини Ольги Александровны полком [532]. В 1912 году в связи с празднованием столетия Бородинского сражения 12-му гусарскому Ахтырскому полку присвоено имя Дениса Давыдова, который в 1812 году был полковником Ахтырского полка.

Владимир Михайлович Лермонтов, 1914 [509, вклейка, с. 64]

Владимир Михайлович Лермонтов, гусар Ахтырского полка.
Из семейного архива Лермонтовых

С юности Владимир Лермонтов увлекался лошадьми. В воспоминаниях он пишет о лошадях с восхищением и нежностью. Он знал о лошадях практически все (их породы, экстерьер, возможности на скачках), а также о взаимоотношениях наездник – скакун. Служение Отечеству в драгунском полку было сознательным выбором Владимира Лермонтова, связавшим его с кавалерией на всю жизнь.

Тогда, в 1891 году, семнадцатилетний Володя Лермонтов проучился зиму в учебной роте Ахтырского полка. Летом был направлен в 3-й эскадрон под командование ротмистра Петра Николаевича Фролова [509, с. 13; 533]. Осенью того же года Лермонтов поступил в Кавалерийское юнкерское училище, находившееся в Елисаветграде (теперь Кировоград) Херсонской губернии [509, с. 13, 247; 534]. А через два года, в 1894 году, уже юнкером вернулся в Ахтырский полк.

Полк, в котором служил Владимир Михайлович Лермонтов, – 36-й драгунский Ахтырский, входил в состав 12-й кавалерийской дивизии, штаб-квартира которой находилась в Виннице. В 1893–1896 годах этой дивизией командовал генерал-лейтенант Александр Михайлович Лермонтов (1838–1906), представитель Острожниковской ветви рода Лермонто-

Пенковая трубка поэта М. Ю. Лермонтова. Фотография из архива семьи Лермонтовых

вых (см. с. 222). Александр Михайлович Лермонтов в 1894–1896 годах совмещал эту должность с командованием лейб-гвардии Его Императорского Величества государыни императрицы, Его Императорского Величества государя императора, Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича великого князя Николая Александровича, Его Императорского Высочества государя великого князя Сергея Александровича кирасирским полком, дислоцировавшимся в Гатчине [535–537].

В мемуарах Владимир Михайлович Лермонтов [509, с. 15] называет командира дивизии своим дядей. На самом деле эти Лермонтовы приходились друг другу семиюродными братьями и имели общего предка Петра Юрьевича Лермонтова (?–1679), сына Георга (Юрья) Лермонта – основателя рода Лермонтовых. Довольно близкое общение Владимира Лермонтова со старшим (на тридцать шесть лет) заслуженным «кузеном», имевшим за плечами огромный опыт военной службы, – свидетельство родственного чувства, общих корней независимо от дальности родства. Это мнение подтверждается интереснейшим фактом, связывающим этих обоих представителей рода Лермонтовых с великим русским поэтом Михаилом Юрьевичем Лермонтовым не только их родством. Известно, что подлинных вещей, принадлежавших поэту, сохранилось совсем немного. Одна вещь – это курительная пенковая трубка поэта, в позолоченной оправе, с янтарным мундштуком, в футляре. Эта вещь сохранилась до наших дней. По воспоминаниям Владимира Михайловича Лермонтова [509, с. 407–499], трубка поэта сначала хранилась у адмирала флота Михаила Николаевича Лермонтова (1792–1866) (см. с. 185), отца Александра Михайловича

Лермонтова. Михаил Николаевич завещал семейную реликвию своему сыну. Александр Михайлович передал трубку поэта Владимиру Михайловичу Лермонтову, когда последний служил под его началом в 1890-х годах. Владимир Михайлович сохранил эту дорогую семейную реликвию. В 1946 году он передал ее в Лермонтовский музей в усадьбе Тарханы Пензенской области, где трубка экспонируется наряду с несколькими другими вещами, принадлежавшими поэту.

Служба Владимира Лермонтова в 36-м драгунском Ахтырском полку в конце 1890-х годов была наполнена ежедневными учениями, тренировками, ездой на лошадях, вольтижировкой (крутые повороты вправо или влево, выполняемые на лошади, двигающейся рысью или галопом, – вольтиж), рубкой, фехтованием. Он учился сам и учил младших товарищей из отряда разведчиков.

В 1896 году Ахтырский полк перевели из города Литин в местечко Межибужье (Меджибож, Межибок) Подольской губернии. С Меджибожем связана семейная история В. М. Лермонтова. Местечко Межибужье находится в Летичевском уезде (теперь Летичевский район, Хмельницкая область, Украина). Название получило от расположения – на слиянии рек Буга (Бога) и Бужка (Божка). Меджибож – одно из древнейших поселений Подолии, упоминается в русских летописях XII века. В 1331 году князья Кориатовичи построили в Меджибоже замок для защиты от татар. В 1672 году Подолия попала под власть турок. Жившие в Меджибоже турецкие паши расширили замок и украсили его в восточном вкусе. С переходом Подолии в польское владение замок в 1726 году достался знатному роду Синявского, дочь которого Софья получила замок в наследство, когда вышла замуж за князя Александра Чарторыйского. После этого закрепилось название замок Чарторыйского. Однако после присоединения Подолии к России замок Чарторыйского был конфискован. Но в 1795 году вновь возвращен Чарторыйским императрицей Екатериной II. После польского мятежа в 1830 году, в котором участвовал князь Адам Чарторыйский, его не только лишили замка в Меджибоже, но и княжеского титула. С тех пор местечко Меджибож стало военным поселением, а замок считался царским дворцом, который посещали российские императоры во время военных маневров [538]. Владимир Михайлович Лермонтов писал, что лагерь в Меджибоже был огромный, где летом размещались два корпуса пехоты и корпус кавалерии.

Мастерство и спортивная подготовка Владимира Лермонтова позволяли ему участвовать в скачках, проводимых в рамках военных учений. Владимир Михайлович всегда занимал призовые места. Именно на скачках в Меджибоже, где собиралось все местное светское общество, в 1896 году Лермонтов с первого взгляда влюбился в Александру Потоцкую, младшую дочь известной на Украине дворянской семьи Потоцких. Большинство Потоцких носили графский титул и владели огромными землями на Украине. Род, к которому принадлежала Александра Александровна Потоцкая (1880–1948), во времена польского мятежа 1830-х годов был

Крепость Меджибож:
1. Гравюра, XIII век. Неизвестный автор.
2. Фотография из газеты «Подолия» № 83 от 13.07.1914.
3. Вид крепости в наши дни

лишен титула за выступления на стороне Польши против России. Со времен мятежа эта ветвь дворянского рода Потоцких служила России, но графский титул не вернула [509, с. 127–128].

В 1897 году двадцатитрехлетний корнет Владимир Лермонтов и Александра Потоцкая обвенчались. Владимир Михайлович приобрел усадьбу в Меджибоже и, продолжая службу в полку, занялся разведением лошадей. Он покупал чистокровных и самых породистых скакунов. К 1910 году он уже был в чине штаб-ротмистра. К этому времени у Владимира Михайловича и Александры Александровны Лермонтовых родились дети: Михаил Владимирович (1898–1942), Владимир Владимирович (1899–1974), Алла Владимировна (1901–1986), Борис Владимирович (1902–1920) и Татьяна Владимировна (1906–2001). Семья в летнее время жила в Меджибоже, а зимой перебиралась в Санкт-Петербург. Все дети Лермонтовых, включая девочек, с детства обучались верховой езде. В 1908 году старшие сыновья, Михаил и Владимир, учились во 2-м кадетском Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича корпусе (Санкт-Петербург, Петроградский район, Ждановская ул., д. 13 – название дано в 1887 году по реке Ждановке). Семья Лермонтовых жила неподалеку, на Ждановке [509, с. 318].

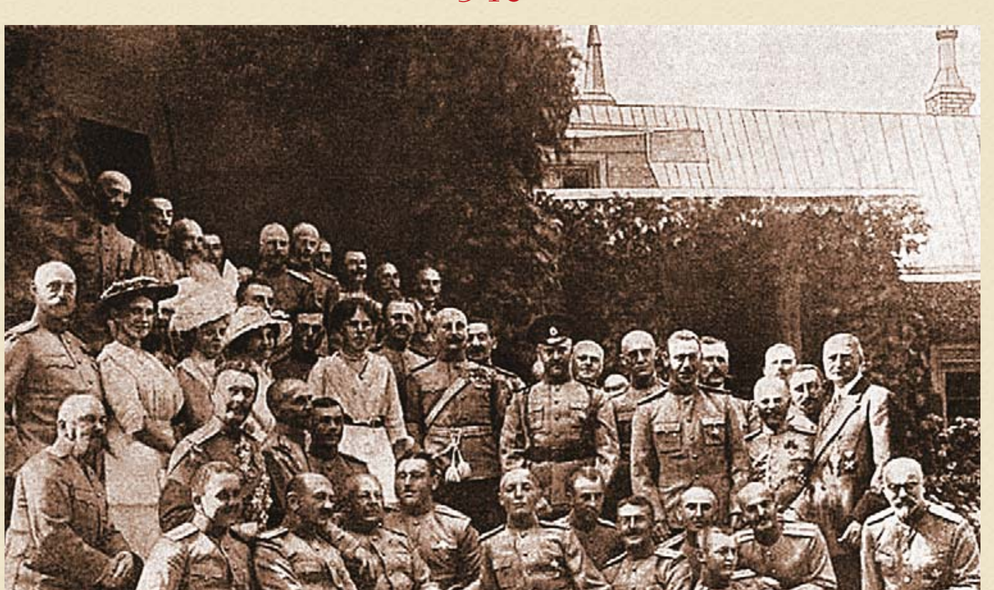
В 1910 году Владимир Михайлович Лермонтов по приказу инспектора кавалерии был направлен в Офицерскую кавалерийскую школу [509, с. 19]. Это было почетно: в школу принимали по одному человеку от кавалерийской дивизии с аттестацией «выдающийся». В 1908 году Офицерскую кавалерийскую школу окончил Григорий Михайлович Лермонтов (см. с. 231), племянник и воспитанник генерала от кавалерии Александра Михайловича Лермонтова. Только офицерам, окончившим Офицерскую кавалерийскую школу (Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 53), предоставлялось право командовать эскадроном из 128 лошадей, начальным подразделением полка кавалерии. В Офицерской кавалерийской школе готовили лучшие кадры российской конницы. В число теоретических предметов входили: верховая езда, тактика, история конницы, телеграфное дело, иппология (наука о лошадях, включающая анатомию, физиологию, биологию, размножение и породообразование) [509, с. 343]. Все эти дисциплины Владимир Михайлович изучил и успешно применял в своей службе. Практические занятия проходили в Красном Селе и в имении Поставы Виленской губернии. Часто проводились состязания и скачки, на которых Лермонтов всегда получал первые призы. В результате в 1912 году он окончил Офицерскую кавалерийскую школу первым офицером, его имя написано на мраморной доске лучших выпускников школы.

Осенью 1912 года Владимир Михайлович вернулся в родной Ахтырский полк в Меджибож. А 1 октября 1912 года принял командование 6-м эскадроном у офицера, который довел боевую готовность кавалеристов и состояние лошадей до недопустимого уровня, что отметил на смотре 1912 года командир 12-й кавалерийской дивизии генерал-майор Алексей Максимович Каледин. В 1913 году военный лагерь в Меджибоже с инспекторской проверкой посетил командующий 12-м армейским корпусом генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов. Шестой эскадрон 12-го гусарского Ахтырского полка, командиром которого был В. М. Лермонтов, заслужил высокую похвалу начальства, при этом была особо подчеркнута заслуга Лермонтова. В скачках на смотре Владимир Михайлович занял неизменное первое место. В то время, когда Владимир Лермонтов командовал 6-м эскадроном Ахтырского полка, в 3-м эскадроне штаб-ротмистром служил его родной брат Александр Михайлович Лермонтов.

Летом 1913 года в расположение полка пришла телеграмма, извещавшая о том, что оба брата Лермонтовы приглашены в Кострому на празднование 300-летия дома Романовых. Они были представителями костромского рода Лермонтовых, поступивших на службу Российского государства одновременно с восшествием на престол Романовых и получивших земли в Костромской губернии непосредственно по указу царя Михаила I Романова, восшедшего на престол из костромского Ипатьевского монастыря.

Последним мирным событием в истории 12-го Ахтырского полка был смотр и маневры в Красном Селе, летней воинской столице Российской империи, в начале июля 1914 года. Уже 28 июня 1914 года в Сараево был убит эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник австрийского императора, сербским экстремистом, но Россия еще не объявила всеобщую мобилизацию. Мобилизация была объявлена 30 июля, а 6 августа 1914 года Россия официально вступила в Первую мировую войну.

В конце июня 1914 года полк в полном составе, с амуницией, скарбом и лошадьми, прибыл в Красное Село, где был хорошо принят другими полками, явившимися на смотр. Второго июля 1914 года торжественно отмечали полковой праздник. Весь полк отправился в Петергоф, чтобы провести праздничные дни вместе с шефом полка великой княгиней Ольгой Александров-



12-й гусарский Ахтырский полк в гостях у своего августейшего шефа в Петергофе. В. М. Лермонтов – в центре, справа от великой княгини Ольги Александровны. Фото из газеты «Новое время», июль 1914

ной, сестрой государя императора. В честь полкового праздника был парад, совместные обеды с шефом полка, фотографирование на память.

А 12 июля 1914 года на общем военном смотре императора в Красном Селе Владимир Михайлович узнал о том, что его полк на следующий день выступает для участия в военных действиях на австрийской границе. На сборы времени практически не было. Но В. М. Лермонтов успел сделать основные распоряжения по поводу продажи своих скаковых лошадей. Все его личное серебро: выигранные на скачках призы во всех городах (Царское Село, Москва, Петербург, Варшава, Киев, Одесса, Вильно, Харьков, Подольск и др.), ценные подарки, жетоны с драгоценными камнями, – все это хранилось в именном сейфе Государственного банка, в ссудной казне в Петербурге, по адресу: улица Фонтанка, д. 74. Общий вес призов, полученных за нелегкий труд и мастерство наездника-кавалериста Владимира Михайловича Лермонтова, составил около 250 кг. При советской власти судьба немалого состояния Лермонтова осталась неизвестной даже его владельцу [509, с. 61, 446–458]. Кроме того, В. М. Лермонтов отправил в Рамонь, имение в Воронежской губернии шефа Ахтырского полка Ее Высочества великой княгини Ольги Александровны, большой ящик с семейным архивом Лермонтовых.

Среди многочисленных ценных вещей в архиве была картина, написанная рукой поэта. Архив канул в Лету вместе со всем имуществом Ахтырского полка, хранившимся в имении Ольги Александровны.

Ахтырский гусарский полк в составе 8-й армии под общим командованием генерала от кавалерии Алексея Алексеевича Брусилова вступил в Первую мировую войну еще до общей мобилизации и официального объявления о вступлении России в войну. Владимир Михайлович Лермонтов командовал 6-м эскадроном 12-го гусарского Ахтырского полка в составе 12-й кавалерийской дивизии под командованием генерал-лейтенанта Алексея Максимовича Каледина.

Сражение у Демниа 29 августа 1914 года

В конце июля А. А. Брусилов сосредоточил дивизии 8-й армии Юго-Западного фронта в 200 км от Львова с севера на юг, вдоль линии Печиск (теперь Печески) – Проскуров (теперь Хмельницкий) – Антоновцы – Ярмолинцы, имея против себя части австро-венгерской армии [539, с. 74]. Одновременно на Львов было нацелено наступление 3-й армии под командованием генерала Николая Владимировича Рузского (1854–1918). Наступательные действия обеих армий были скоординированны. К 5 августа армия А. А. Брусилова, ведя наступательные действия, пересекла российскую границу по реке Збруч и вошла на территорию врага. В конце августа армия Рузского оказалась в очень тяжелых условиях и вынуждена была остановить наступление на подступах ко Львову. Тогда на помощь пришла кавалерия Алексея Алексеевича Брусилова, наступавшая на Львов с юга. Решающую роль в захвате Львова сыграло сражение 29 августа 1914 года в горной местности под Демниа (теперь Демня). Особенно отличились в этом сражении Ахтырские гусары 12-й кавалерийской дивизии Алексея Максимовича Каледина (12 КД). Нападение врага было внезапным. Только благодаря молниеносным действиям гусар атака была отбита. Это сражение ярко описывает в своих воспоминаниях Владимир Михайлович Лермонтов, командир 6-го эскадрона Ахтырского полка [509, с. 57–59]. В. М. Лермонтов пишет, что в тот момент, когда «наша пехота стала отступать под натиском противника, Ахтырские гусары неожиданным броском вылетели из прикрытий рассыпным строем. Последовала команда командира полка Трингама «Шашки вон! Пики в руку!» – и началась штыковая атака. В это время подоспела артиллерия 8-й армии и вышла на открытое место для удобной атаки противника. В лощине на довольно большом пространстве усилиями трех родов войск: пехоты, кавалерии и артиллерии – наступление австро-венгров на Львов было остановлено. В сражении при Демниа Ахтырский полк потерял половину своего состава, был убит командир полка полковник Трингам. Но ахтырцы настолько отличились своими слаженными действиями, что их конную атаку под Демниа впоследствии рассматривали как классическую и преподавали в Австрийской академии Генерального штаба» [509, с. 56]. Следствием это-

го сражения стало взятие важного стратегического пункта – города Львова, о чем пишет в воспоминаниях Алексей Алексеевич Брусилов [539, с. 84]. За действия в сражении под Демниа Владимир Михайлович Лермонтов был награжден георгиевским оружием. К 100-летию учреждения ордена Святого Георгия, в 1869 году, все награжденные золотым оружием причислялись к георгиевским кавалерам [303, с. 73–74]. В сопроводительном приказе было подчеркнуто, что В. М. Лермонтов повел «вверенный ему эскадрон в числе прочих трех в атаку и личным примером довел его до удара холодным оружием, несмотря на встречные окопы и убийственный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противника» [509, с. 248]. Вскоре после этого сражения, 6 октября 1914 года, он был произведен в подполковники.

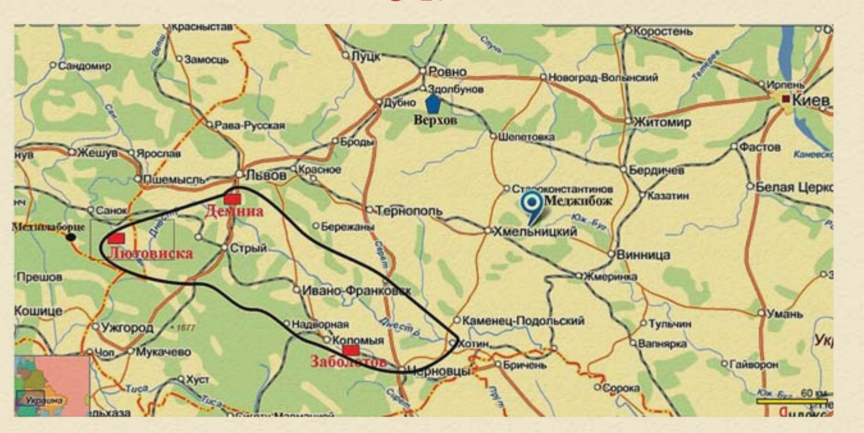
Следуя за В. М. Лермонтовым, мы пройдем по боевому пути 12-й кавалерийской дивизии в Первой мировой войне, так трагически закончившейся для России и офицеров и солдат, защищавших наше Отечество.

Карпаты

«Всю осень 1914 года на Юго-Западном фронте шли бои в горах Карпат. Русская армия теснила противника, приближаясь к Перемышлю [теперь Пшемысль в Польше] – еще одной важной стратегической позиции, – первоклассно укрепленной австро-венгерской крепости.

В это время 12 КД Алексея Максимовича Каледина с боями продвигалась в юго-западном направлении через Добромилов – Хыров – Старый Соль – Самбор – Лиско [теперь Леско]. В горах ахтырцы были непременными участниками разведывательных операций, об этом в своих воспоминаниях пишет В. М. Лермонтов. В начале сентября штаб дивизии на короткое время разместился в замке в местечке Ольшанцы, около Леско.

Австрийцы постоянно пытались зайти в тылы левого фланга Юго-Западного фронта. Дивизию Каледина направляли в такие горячие точки, где была нужна решительная помощь отважных кавалеристов в отражении атак врага. В связи с этим карта передвижений 12 КД в Карпатах выглядит весьма замысловато. От Ольшанцев дивизия под натиском противника отступила вновь к Хрынову, в местечко Максимовцы, где она стояла на временном отдыхе почти три недели. В конце сентября 1914 года была довольно длительная, почти 40 км, переброска в Нагуевицы, где Ахтырский полк успешно атаковал противника. Преследуя врага, 12 КД подошла к Бориславу. Конница в горах двигалась относительно медленно, вытягиваясь в кишку, и была постоянно под огнем противника, локализованного на склонах. Но тем не менее она почти всегда шла в арьергарде войска. Дальнейшее продвижение к селу Исаи по горным ущельям в непосредственном соприкосновении с противником было очень рискованным. В октябре под Исаи 12 КД вышла из-под огневой атаки превосходящих сил противника. Тактические приемы Каледина в ведении боя были таковы, что у противника создавалось впечатление о превосходстве русских сил.



Красными прямоугольниками на карте отмечены места ключевых сражений, в которых участвовал Владимир Михайлович Лермонтов. Черным контуром обведена область передвижений 12-й кавалерийской дивизии в 1914–1915 годах. Синий пятиугольник – локализация 12 КД и Ахтырского полка в апреле 1916 года перед Брусиловским прорывом

Карта военных передвижений в Карпатах в октябре 1914 – январе 1915 года 12-й кавалерийской дивизии, в составе которой сражался Ахтырский полк

После этого дивизия отошла на отдых в Подбуж, который продолжался не более нескольких дней.

В ноябре 12 КД с тяжелейшими боями в горных ущельях осуществила проход Ломна – Жукотин – Турка. Э. Г. фон-Валь, летописец 12 КД писал, что под Исаи и Ломна дивизия была послана на убой, но противник не сумел отрубить подставленную голову» [509, с. 37].

Этот участок продвижения войск памятен метелями в горах, лошади скользили по крутым подъемам дороги, пролегающей местами над обрывами. Проходилось спешиваться и идти пешком. Каледин, как и все участники экспедиции, шел в валенках, обмотанный башлыком, притоптывая ногами, чтобы не замерзнуть от ледяного ветра и двадцатиградусного мороза.

Сражение у Лутовиско 19 января 1915 года

В декабре дивизия дислоцировалась в горном местечке Лутовиско (в некоторых источниках Литовиско; теперь Лютовиско). В эти дни Алексей Максимович Каледин был назначен командиром сводного отряда, состоящего из 12 КД и только что образованного Кавказского туземного полка великого князя Михаила Александровича. У Литовиска и соседнего, расположенного севернее местечка Чарна, против 12 КД выступала вся 24-я венгерская дивизия [540, с. 41]. Алексей Максимович Каледин решил дать главный бой у Литовиска. Каледину, обладавшему потрясающей военной стратегией ведения ближних боев, удалось так спланировать операцию, что часть противника заманили на узкий перевал у Чарна, где русские обрушили на них артиллерийский огонь. На следующий день венгерцы начали массированное наступление в районе Литовиска и добились прорыва [540, с. 49]. Владимир Михайлович Лермонтов вспоминает, что тогда для отражения атаки эскадронам Ахтырского полка было приказано окопаться в снегу, которого в то время года было очень много, и выжидать удобного момента для атаки. Венгры применили обманный прием: они подняли руки, как бы сдаваясь, и встали в своем окопе. Но когда ахтырцы приподнялись, то противник тут же открыл сильнейший огонь. Тогда В. М. Лермонтов скомандовал своему эскадрону: «В атаку!» – и через несколько минут штыковой атаки с венгерскими стрелками было покончено.

Бой под Литовиско, состоявшийся 19 января 1915 года, был очень жестким. Наши войска потеряли много отличных офицеров и бравых солдат. В. М. Лермонтов вспоминал, что погибли командир 4-го эскадрона Лев Панаев и храбрый корнет Синельников [509, с. 66]. Лев Аркадьевич Панаев – один из братьев Панаевых – Борис, Гурий и Лев, – служивших в Ахтырском полку и героически погибших в первые месяцы войны. Все они посмертно были награждены Георгиевскими крестами [540, с. 49; 541]. В том же бою под Литовиско бок о бок с ахтырцами Владимира Михайловича Лермонтова сражались «железные стрелки» генерала Антона Ивановича Деникина. Деникин вспоминает: «Сильный мороз, снег по грудь; бой чрезвычайно тяжелый; уже идет в дело последний резерв Каледина – спешенная его кавалерийская бригада. Я никогда не забуду этого жуткого поля смерти, где весь путь, пройденный стрелками, обозначался торчащими из снега неподвижными фигурами с сжатыми в руках ружьями. Они застыли в тех позах, в каких застигла их вражеская пуля во время перебежки. А между ними, утопая в снегу, смешиваясь с мертвыми, прикрываясь их телами, пробирались живые навстречу смерти. Бригада растаяла. После тяжких боев взята была деревня Лутовиско (Лютовиско)» [542].

О геройстве русских войск, сражавшихся в тяжелейших условиях зимы в горах, командующий армией А. А. Брусилов пишет: «Объезжая войска на

Бои в Карпатах. Зима 1915 года [543]

горных позициях, я преклонялся перед этими героями, которые стойко переносили ужасающую тяжесть горной зимней войны при недостаточном вооружении, имея против себя втрое сильнейшего противника. Меня крайне удивляло, что эта блестящая работа войск не была достаточно оценена высшим начальством» [539, с. 131]. Так, офицер Владимир Михайлович Лермонтов за сражение под Лютовиско был представлен к Георгиевскому кресту IV степени, но так его и не получил.

Приднестровье

В начале февраля 1915 года 12 КД вместе с Кавказской туземной дивизией, вошедшей в состав конного корпуса Хана Нахичеванского, двинулась в район Приднестровья, в Калуш, для отражения атак противника на южных границах Юго-Западного фронта. Передвижение кавалерийской дивизии Алексея Максимовича Каледина на восток, в Калуш, имело те же цели – отражение наступления врага, заходящего в тылы русских левых флангов.

Войско Алексея Максимовича Каледина было радо выйти на открытую местность [540, с. 53]. Дорога шла через Устрижики-Дольне (теперь Устшики-Дольне) – Старый Самбор – Блажув (теперь Блажев) – Стрый – Соколов – Калуш.

14 февраля 12 КД А. М. Каледина прибыла в Калуш. 16 февраля состоялось сражение у местечка Беднарув, в 20 км к северо-западу от Ивано-Франковска, с участием ахтырских гусар. Сражение было трудным, противник вел стрелковую атаку разрывными пулями, артиллерийские атаки шли одна за другой, так что местечко превратилось в сущий ад [540, с. 58]. Как ни предупреждали Алексея Максимовича об опасности попасть под обстрел, он оставался верным себе. Находился на позиции, где мог обозревать поле боя и вовремя дать соответствующую команду. Во время очередного артобстрела А. М. Каледин был ранен в бедро. Пуля прошла до колена, но остановилась. Алексея Максимовича отправили в госпиталь во Львов. К счастью, ранение хоть и было тяжелым, но нога довольно быстро заживала, и через два месяца он вновь был в строю, но уже в качестве командующего 12-м армейским корпусом, а с весны 1916 года – командиром 8-й армии – героем знаменитого Брусиловского прорыва.

Впоследствии его действия как командира и военные заслуги 12-й кавалерийской дивизии, в которой сражался В. М. Лермонтов, военные историки оценили очень высоко. Хотя кавалерия уже не была «царицей полей сражений», но в составе 8-й армии Юго-Западного фронта конники А. М. Каледина всегда были активной боевой силой. В победных реляциях фронта в период Галицийской битвы 1914 года все чаще и чаще упоминалось имя начальника 12-й кавалерийской дивизии. Командующий 8-й армией генерал А. А. Брусилов, со временем убедившийся в боевых возможностях дивизии, стал направлять ее в самые горячие сражения. Всегда хладнокровный, спокойный и суровый, А. М. Каледин твердо держал управление дивизией в своих руках, его приказы выполнялись подчиненными быстро и энергично. В отличие от многих других военачальников он не посылал, а водил полки в бой. Неудачи на Юго-Западном фронте весной и летом 1915 года, когда А. М. Каледин принял командование 12-й армейским корпусом 8-й армии, кавалерию по-прежнему называли конницей Каледина. Она, так же как «железная дивизия» А. И. Деникина, часто перебрасывалась с одного жаркого участка на другой, заслужив название «пожарной команды» 8-й армии [540, с. 4–60; 544].

На смену Алексею Максимовичу Каледину исполняющим обязанности командира, а в июне 1915 года командиром 12 КД по приказу А. А. Брусилова был назначен генерал-майор барон Маннергейм. Он догнал вверенную ему дивизию 19 февраля 1915 года в местечке Лисец, недалеко от Станислава (теперь Ивано-Франковск).

В воспоминаниях Маннергейм писал: «Поблагодарив командующего за доверие, я попросил у него совета: ведь 12-я кавалерийская дивизия была мне не знакома и совсем недавно мы говорили с генералом о возможности совсем иного назначения. На это командующий ответил: “Двенадцатая кавалерийская дивизия – это такое соединение, что если его предлагают, то от него не отказываются”» [545]. Так высоко ценили дивизию, в которой сражался Владимир Михайлович Лермонтов.

Карл Густав Маннергейм (1867–1951) – фельдмаршал Маннергейм, личность историческая – обладал высоким ростом, стройным и мускулистым телом, благородной осанкой, уверенной манерой держаться и четкими чертами лица. Он принадлежал к тому типу как будто специально созданных для выполнения своей миссии великих исторических личностей, которыми так богаты были XVIII и XIX века, но в настоящее время вымершему практически полностью. Он был наделен личными чертами, свойственными всем жившим до него великим историческим персонажам. К тому же он был прекрасным наездником и стрелком, галантным кавалером, интересным собеседником и выдающимся знатоком кулинарного искусства и производил собой в салонах, равно как и на скачках, в клубах и на парадах, в одинаковой степени великолепное впечатление [546].

25 февраля 1915 года после авангардного боя противник остановил 12 КД у деревни Езержань, недалеко от деревни Олеша (теперь Украина, Ивано-Франковская область, Тлумачский район). 12 марта Маннергейм получил приказ немедленно сменить 1-ю Донскую дивизию на позиции у предместья Залещики, около 50 км от деревни Олеша.

Позиция у Залещиков оказалась мало укрепленной. Находилась на северном берегу Днестра, выходящим полукругом к противнику, и представляла собой огненный котел. Противник, овладев Залещиками, выходил в тыл наших войск. В Залещики можно было перейти только по доскам под бетонным мостом. Проход был осуществлен под обстрелом противника, находившегося в 600–800 шагах. У Залещиков несколько дней шли бои. В 4-м эскадроне Ахтырского полка было убито полвзвода, было много раненых офицеров. Через пять дней непрерывных боев 12 КД пришла сменить 37 пехотная дивизия (Царицынская). А 17 марта 12 КД была отведена к деревне Шупарка, к северо-востоку от предместья Залещики. Но уже 20 марта началась переправа через Днестр в районе деревни Баламутовка. Переправа происходила под огнем противника. После этого 12 КД вновь отошла к Шупарке до 23 апреля, выставив сторожевую охрану. 25 апреля Маннергейм был назначен командующим сводным кавалерийским корпусом в составе 12 КД и сводной кавказской дивизии в составе отдельной гвардейской кавалерийской бригады и бригады Заамурской пограничной стражи.

27 апреля сводный корпус форсировал Днестр и двинулся к местечку Городенка. Здесь произошло сражение: корпус встретил артиллерийский огонь противника, находящегося в хорошо укрытых окопах. Городенку взяли с большими потерями. Отступавшего к селу Коломыя противника преследовали, встречая его мощный отпор.

Сражение под Заболотовом 1 – 10 мая 1915 года

Селение Заболотово на берегу реки Прут являлось важным опорным пунктом в этом районе. Горный массив южного берега Прута был плотно оккупирован австрийцами, имевшими многочисленную артиллерию. Для взятия Заболотова необходимо было обезвредить эти артиллерийские орудия, переправившись через Прут. Все передовые части дивизии были остановлены на подступах к Заболотову. Непосредственно у переправы через реку Прут у Заболотова командир сводного корпуса с головным отрядом дивизии из двух эскадронов Ахтырского полка при двух пулеметах попал под губительный огонь [547, с. 15].

Владимир Михайлович Лермонтов – командир эскадрона Ахтырского полка, непосредственный участник этого боя – вспоминал: «...На рассвете мы выступили в направлении на переправу через реку Прут. С другого берега непрерывно стреляли немцы. Первый снаряд ударил в первый взвод первого эскадрона Ахтырского полка, который шел за мной, и сразу положил восемнадцать человек и лошадей. Снаряд убил лошадь моего адъютанта Ильяшенко, отрубив ей четыре ноги, а сам Ильяшенко был оглушен. Я двигался дальше тихим шагом, так как на рысях поднималась пыль и немцы стреляли по нашей колонне: то недолет, то перелет, то в центр колонны, где положат целую группу. Я свернул с дороги на зеленый луг и тронулся рысью. Уже подходил к берегу Прута, как началась немецкая канонада по моим эскадронам, на момент затихла, а затем двинулась опять, я почувствовал, что меня обдало огненной пылью, и свалился вместе со своим конем, и больше ничего не почувствовал. Конь встал и ускакал к полку, который начал собираться в резервную колонну, как мне потом рассказывали. Когда я упал, остался на земле, подняться не мог. Ночью ко мне подползли мой вестовой и трубач, положили на плащ и отнесли в санитарный пункт. Оказалось, что я был тяжело контужен в голову, с трещиной в височной кости и лопнувшей барабанной перепонкой и истечением крови через левое ухо. Меня перевязали и отправили в тыловой госпиталь, а потом в военный госпиталь в тыл» [509, с. 68]. О ранении штаб-ротмистра Ильяшенко в этом бою пишет также фон Валь. В результате проведенной разведки боем войска Маннергейма заняли Заболотово той же ночью и выставили сторожевое охранение на реке Прут [547, с. 15].

После тяжелейшей контузии под Заболотовом Владимир Михайлович Лермонтов находился на излечении. Только в январе 1916 года постоянная врачебная комиссия петроградского тылового распределительного эвакуационного пункта выдала ему свидетельство (№ 351) о том, что «Владимир Михайлович Лермонтов, 40 лет, в звании подполковника, части 12-го гусарского Ахтырского полка, поступил на учет 12 мая 1915 года в результате контузии 1 мая 1915 года у Заболотова. По освидетельствованию комиссии 7 января 1916 года: питание хорошее, со стороны внутренних органов, кроме некоторой болезненности в правом подреберье при пальпации, болезненных изменений не обнаруживается. Нервная система в пределах нормы. На левое ухо почти полная глухота. По заключению комиссии Лермонтов настолько оправился от контузии, что может нести службу в действующей армии» [509, с. 257].

К январю 1915 года 12-я кавалерийская дивизия в составе Юго-Западного фронта отступала на восток, в результате известного Горлицкого прорыва противника в апреле 1915 года война находилась в позиционном состоянии.

К февралю 1915 года войска Юго-Западного фронта стали стягивать на позиции в районе Ровно для подготовки прорыва, известного в истории как Брусиловский (Луцкий) прорыв.

Перед Брусиловским прорывом 12 КД и гусарский Ахтырский полк входили в 8-ю армию под командованием генерала А. М. Каледина, которой поручалось нанести главный атакующий внезапный удар на противника в направлении Луцка. Штаб 12 КД располагался в местечке Верхов, в 25 км к югу от Ровно (см. карту на с. 349) [547, с. 22–24]. Состав 12-й кавалерийской дивизии (12 КД):

· 12-й драгунский Стародубовский, 12-й уланский Белгородский, 12-й гусарский Ахтырский полки;
· 3-й Уфимско-Самарский оренбургского казачьего войска полк;
· 2-й Донской казачий артиллерийский дивизион (4-я и 5-я батареи);
· Туркестанская конно-горная батарея;
· пеший дивизион;
· конное радиотелеграфное отделение [548].

В. М. Лермонтов прибыл в расположение своего полка ранней весной 1916 года. Всю весну шла серьезная подготовка к наступательной операции. Время от времени ахтырцев посылали в разведку. Об одной из них Владимир Михайлович вспоминает так: «...Я был послан с эскадроном в разведку. Пройдя Здолбуново, Ровно, ряд деревень и сел, занятых нашими войсками, подошел к местам, занятым противником. Двинулся переменным аллюром и впереди увидел на расстоянии неприятельский эскадрон, который шагом спускался в лощину. Недолго думая, собрал своих офицеров, переговорив с ними, мы решили пропустить эскадрон через впереди лежащий мостик, а затем атаковать. Как только я увидел, что мостик ими пройден, скомандовал: «Шашки вон! Пики к бою!» Не дожидаясь ни одной лишней минуты, бросились с эскадроном на противника. Оказался неполный кирасирский эскадрон, взвода два или три. Лошади большие, люди с розовыми погонами. Атака наша была неожиданной и стремительной. Гусары рубили и кололи. Немцы не выдержали, начали поворачивать лошадей и уходить. Я их преследовал, и на ходу отстававших рубили. В плен было взято десять кирасир с их лошадьми» [509, с. 67].

По воспоминаниям Владимира Михайловича Лермонтова, это был последний описанный им бой Первой мировой войны с его участием. Он глубоко сожалел, что дневники, которые он вел с 12 июля 1914 года по 1917 год, бесследно исчезли в годы войны. А память в возрасте восьмидесяти лет, когда он писал воспоминания, не сохранила многих событий и деталей исторических походов российской армии.

Владимир Михайлович Лермонтов не участвовал в Брусиловском прорыве. В конце мая 1916 года полковник В. М. Лермонтов по распоряжению Управления государственного коннозаводства был направлен в Петроград для приема и отбора лошадей для армии.

Первую мировую войну Владимир Михайлович Лермонтов закончил в чине полковника Русской императорской армии, имел награды:

· георгиевское оружие – кавалер ордена Георгия Победоносца;
· орден Святого Владимира IV степени, с мечами и бантом;
· ордена Святого Станислава II и III степени;
· ордена Святой Анны II и III степени.

Служба Владимира Михайловича Лермонтова после Октябрьской революции 1917 года

С этого времени и до конца жизни Владимир Михайлович Лермонтов профессионально занимается коннозаводством и коневодством. Сначала это был отбор и доставка лошадей для армии, выведение новых пород, а потом отбор и содержание лошадей для гужевого транспорта.

Владимир Михайлович Лермонтов как бы принял эстафету коневодства по наследству от своего семиюродного брата, представителя Острожниковской ветви рода Лермонтовых – Ивана Николаевича Лермонтова (1810–1882), известного орловского коннозаводчика, родного дяди генерала от кавалерии Александра Михайловича Лермонтова (см. с. 275). Специалист в области коневодства В. А. Горин в 2001 году писал: «Во второй половине XIX века важным событием в истории орловской породы стала исключительно успешная заводская карьера матки Булатной. Прошло 137 лет со дня рождения Булатной (с 1864 года), однако результаты ее заводской деятельности настолько уникальны, что стали классическим примером формирования маточных семейств в породе. Булатная родилась в заводе И. Н. Лермонтова, основанном в 1839 году в его поместье Чириково в Задонском уезде Воронежской губернии. Многие лошади лермонтовского завода успешно бежали и выигрывали в Москве, Воронеже, Козлове и Туле» [352]. Традицию отца продолжил Алексей Иванович Лермонтов (1847–1917) (см. с. 276).

Владимир Михайлович вспоминал, как в 1923 году Семен Михайлович Буденный, большой любитель лошадей, показал ему старые коннозаводческие книги. В них Владимир Михайлович нашел лошадей своего родственника Алексея Ивановича Лермонтова, включая знаменитую кобылу

Гусыню – мать Булатной, положившей начало рысистой орловской породе. Буденный тогда отметил, что любовь к лошадям – это наследственная черта Лермонтовых [509, с. 85].

По приезде в Петроград в 1916 году Владимир Михайлович получил назначение в кавалерийскую ремонтную комиссию Тамбовской губернии, сначала он был в ее составе, а вскоре стал начальником [509, с. 69]. Тамбовская губерния была самой богатой по поголовью лошадей в европейской части России (по данным 1912 года – 593 048 голов). В задачи комиссии входил отбор лошадей из многочисленных в этом районе частных коневодческих хозяйств. Как опытный коневод, Владимир Михайлович был знаком со многими владельцами хозяйств, а также с любителями и знатоками лошадей. В. М. Лермонтов на память знал клички известных скакунов и рысаков. Штаб-квартира комиссии сначала находилась в Моршанске. С присущей ему энергичностью В. М. Лермонтов сам объезжал имения и коневодческие хозяйста всей Тамбовской, а также Пензенской губернии. Владимир Михайлович неоднократно посещал конные дворы фон дер Лауницев в имении Каргашино Елатомского уезда Тамбовской губернии, где принимал лошадей у Марии Александровны фон дер Лауниц, вдовы убитого террористами петербургского градоначальника Владимира Федоровича фон дер Лауница. Зимой 1917 года В. М. Лермонтов отправил в Москву для нужд фронта более 1000 лошадей.

В начале 1917 года штаб кавалерийской ремонтной комиссии Тамбовской губернии переместился в Сосновку. Вести из столицы доходили очень нерегулярно. Владимир Михайлович вспоминает, что весной по почте пришло известие об отречении от престола императора Николая II 2 марта 1917 года. А через несколько дней поступили телеграммы правительства о смене власти и распоряжения о продолжении поставки лошадей. Штаб комиссии В. М. Лермонтова переместился в город Сасово.

В 12 километрах от Сасово находилось имение фон дер Лауницев Каргашино, поражавшее готической архитектурой, обустройством хозяйства, конюшнями и породистыми лошадьми. С приходом к власти большевиков начались гонения на бывших владельцев усадеб. Многие из них были расстреляны без суда и следствия. Не избежали этой участи и фон дер Лауницы. Бывшая фрейлина императорского двора Мария Владимировна фон дер Лауниц, дочь Владимира Федоровича фон дер Лауница, была арестована. Благодаря усилиям крестьян из имения фон дер Лауницев и пребывавшего на службе в городе Сасово Владимира Михайловича Лермонтова удалось спасти Марию Владимировну от расправы новой власти. В 1918 году Владимир Михайлович Лермонтов развелся с первой женой А. А. Потоцкой, а в 1919 году обвенчался с Марией Владимировной, с которой был счастлив до последних дней жизни. Мать Марии Владимировны Мария Александровна, в девичестве княжна Трубецкая, погибла в харьковском централе в 1920-х годах, а брат Владимир был расстрелян в 1918 году. Остальные дети фон дер Лауницев эмигрировали из России в 1920 году.

С приходом большевиков к власти профессиональная деятельность Владимира Михайловича Лермонтова оказалась очень востребована. Он вошел в состав Особой центральной комиссии по обеспечению армии лошадьми, возглавив в 1918 году Симбирскую комиссию. В 1919 году В. М. Лермонтов занимался обеспечением Восточного фронта, которым командовал М. В. Фрунзе. В. М. Лермонтов неоднократно лично с ним общался.

В условиях гражданской войны частное коннозаводство было разрушено, табуны лошадей бесхозно бродили по степям. Конюшни и ветеринары – все было проблемой. Владимир Михайлович, отличный профессиональный наездник, буквально искал лошадей по районам и областям, известным ему по прошлой практике, – от саратовских хозяйств до Туркестанских степей. В. М. Лермонтов быстро входил в контакт с местными табунщиками и добивался нужных результатов. В начале 1920 года он отправил эшелон из 2000 лошадей на Юго-Восточный фронт в распоряжение командующего М. В. Фрунзе, за что получил от него личную благодарность.

Летом 1920 года В. М. Лермонтов был назначен начальником комиссии ремонтирования Кавказского фронта в Ростов, куда он выехал с двумя сыновьями от первого брака, Михаилом и Владимиром, и с женой Марией Владимировной. Ростовская комиссия охватывала большой район донских степей. В. М. Лермонтов быстро и четко справился с задачей, организовав даже конюшни для лошадей. После чего он организовал комиссии ремонтирования и коннозаводческие хозяйства в Пятигорске, Ессентуках, Карачае, Одессе – всего в 1920 году Владимир Михайлович организовал двадцать шесть конных хозяйств. В Одессе и Краснодаре комиссиями ремонтирования руководили его сыновья.

1 января 1921 года комиссии ремонтирования были расформированы и организовано Управления коннозаводства и коневодства на Дону и Северном Кавказе – Удонкавконь. Приказом по Народному комиссариату земледелия, согласованным с Революционным военным советом (РВС), Владимир Михайлович Лермонтов был назначен начальником управления. В 1921 году К. Е. Ворошилов, командующий войсками Северокавказского военного округа, прибыл в Ростов вместе с С. М. Буденным. По их распоряжению В. М. Лермонтова утвердили в должности начальника Управления коннозаводства и коневодства на Дону и Северном Кавказе.

Эту должность Владимир Михайлович занимал три года. Именно в это время восстанавливали коннозаводство и коневодство в новой советской России после нескольких лет революционной борьбы и гражданской войны. В. М. Лермонтов, имевший огромный опыт работы, с детства любивший лошадей и знавший толк в породах, на практике использовал свои знания, чтобы эта отрасль хозяйства была восстановлена. Благодаря его энергии и усилиям были не только организованы многочисленные конные заводы, но и сохранены лучшие породы российских лошадей, ставшие впоследствии достоянием страны.

Должность начальника Удонкавконь была очень уважаемой и престижной. Владимир Михайлович по роду службы лично встречался не только с военачальниками, но и с членами правительства и даже с главой государства И. В. Сталиным. С Семеном Михайловичем Буденным у В. М. Лермонтова были теплые и дружеские отношения.

Летом 1924 года С. М. Буденный пригласил В. М. Лермонтова в Москву и предложил ему должность начальника отдела ремонтирования конского состава Красной армии. Однако В. М. Лермонтов отказался от столь высокой должности, мотивируя это желанием заниматься практической деятельностью. С. М. Буденный вторично предлагал Лермонтову эту должность, но Владимир Михайлович снова отказался.

В конце 1924 года Владимиру Михайловичу предложили возглавить комиссию по закупке лошадей за границей. Поездка за границу не была для В. М. Лермонтова чем-то новым. До революции он участвовал в скачках в Компьене под Парижем, в Котонбруне под Веной, в нескольких городах Польши. После того как были оформлены документы на него с супругой, в Ростове, где В. М. Лермонтов постоянно проживал с семьей, жена его заместителя – комиссара – из зависти стала распускать слухи, что Лермонтовы из-за границы не вернутся. Атмосфера вокруг Лермонтовых стала сгущаться. Чтобы избежать возможных последствий, Владимир Михайлович отказался от поездки за рубеж.

Через некоторое время он снялся с военного учета по возрасту. Ему исполнилось пятьдесят лет.

Но на этом история с интригами не закончилась. Комиссар с женой продолжали плести свои сети, вынуждая Лермонтова уйти с должности начальника. Лермонтов, не склонный отвлекаться от любимой им профессии, подал в отставку, но был назначен заместителем этого самого комиссара, занявшего должность начальника управления. Однако комиссар брал взятки и принимал подарки – спустя некоторое время его сняли с должности и арестовали.

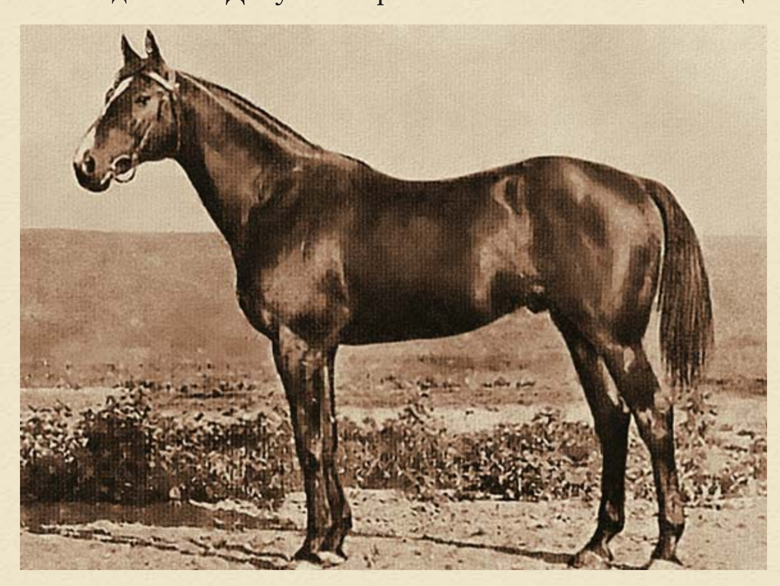
К тому времени В. М. Лермонтов уже работал специалистом по коневодству в Донском земельном управлении. Его всегда влекло к работе, где бы он мог непосредственно заниматься с лошадьми, узучать вопросы выведения новых пород.

В 1928 году по возрасту В. М. Лермонтов ушел в запас в чине комбрига, то есть в чине офицера высшего командного состава. Владимир Михайлович Лермонтов прослужил в общей сложности тридцать семь лет: двадцать семь лет в Русской императорской армии и десять лет – в Красной армии.

Последним местом работы Владимира Михайловича был знаменитый Стрелецкий конный завод (сейчас завод в селе Новострелецкое, Луганской области, Украина). Стрелецкий конный завод, открытый в 1805 году, – отчизна породы, составившей гордость российского коннозаводства XIX века. В стрелецкой лошади соединились качества лучших восточных и аборигенных пород: арабской, карабахской, туркменских, горских. Владимир Михайлович работал начальником конно-племенной части конезавода с 12 апреля 1929 года. Это была работа, которая доставляла ему

истинное удовольствие: «Вставал рано, ехал на круг, где тренировались лошади, потом манеж, где проводилась случка кобыл». Жеребят кормили так хорошо, что лермонтовских однолеток принимали за двухлеток. Осенью лошадей отправляли на скачки в Москву. Среди них были жеребцы Будынок (1926 г. р.), Бескарный (брат Будынка, 1925 г. р.) [509, с. 100]. Рыжий Будынок – уникальный российский жеребец. Он обладатель отечественной «тройной короны»: одержал победы в главных скачках сезона для каждого возраста. В два года (1928) он выиграл приз им. М. И. Калинина на 1600 м (аналог 2000 Guineas), в три года (1929) – Большой всесоюзный приз (Дерби) на 2400 м, в четыре года (1930) – приз им. СССР на 3200 м (аналог St. Lager) [549]. В 1929–1931 годах об этом жеребце непосредственно заботился, ухаживал за ним и тренировал его Владимир Михайлович Лермонтов.

Владимир Михайлович Лермонтов – организатор и практик, высококлассный специалист по коннозаводству и коневодству, боровшийся за сохранение ценнейших пород лошадей, которым угрожало полное уничтожение в результате варварских действий большевиков во время революций и гражданской войны. Его имя редко упоминалось в специальной литературе по коневодству и конному спорту советского периода по причине дворянского происхождения. Будучи блестящим профессиональным наездником, призером российских и международных состязаний, боевым кавалеристом, кавалером ордена Георгия Победоносца, награжденным за отвагу георгиевским оружием, Владимир Михайлович Лермонтов всем сердцем был предан любимому делу, и его вклад в восстановление и развитие коннозаводства и коневодства на Дону и Северном Кавказе поистине неоценим.



Жеребец Будынок, 1930-е.
Из семейного альбома Лермонтовых

Другие причины, по которым имя В. М. Лермонтова старались не вспоминать в советской литературе, будут понятны из дальнейших обстоятельств его жизни.

ГУЛАГ

В 1931 году Владимир Михайлович Лермонтов был арестован. Его судила так называемая «тройка». «Тройкам» были делегированы права рассмотрения дел о «контрреволюционных преступлениях», подсудных коллегии ОГПУ и его Особому совещанию. Защитник не допускался. Приговоры «троек» были окончательными и обжалованию не подлежали. Дочь Владимира Михайловича писала: «Во время бесконечных ночных допросов следователи издевались, истязали, нещадно избивали громадным тяжелым чернильным прибором, сажали в узкую камеру-одиночку и лили на голову то кипяток, то ледяную воду с потолка. Пытки были ужасными. Суда никакого не было» [509, с. 102]. В. М. Лермонтова приговорили к десяти годам заключения по статье УК № 58-7 «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собой высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества» (6 июня 1927 года (СУ № 49, ст. 330) [509, с. 250].

Значительно позже Владимир Михайлович рассказывал детям и внукам, «что свой арест он никогда не связывал с именем Сталина». В. М. Лермонтов знал конкретных доносителей, которые ненавидели его только за то, что он дворянин и царский офицер. Он видел свидетелей, которые из кожи вон лезли, чтобы помочь дознавателям выбить у него «признательные показания». Что руководило этими людьми? В первом случае – желание занять его должность, а во втором – выслужиться и получить новые привилегии. Ягода проводил в начале 1930-х годов избиение офицеров старой русской армии (операция «Весна») только в личных целях. Хотел поднять свой престиж, раскрывая несуществующие заговоры, и занять место больного Менжинского. При чем здесь Сталин? Разве он давал указания Ягоде на избиение офицерского корпуса? [509, с. 199–200] Такие взгляды имели многие советские люди, а некоторые так считают до сих пор. Такого же мнения придерживался и преданный Отечеству Владимир Михайлович Лермонтов.

В 1931 году В. М. Лермонтова отправили в Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ), организованный 16 ноября 1931 года на базе Соловецкого ИТЛ ОГПУ. Беломорско-Балтийский канал был первой «великой стройкой» ГУЛАГа. Основной задачей Белбалтлага было строительство и обслуживание Беломорско-Балтийского канала. Лагерь находился в Повенце, в 20 км от поселка Медвежья Гора (теперь Медвежьегорск), на северном берегу Онежского озера. Повенец – начальный пункт строительства Беломорско-Балтийского канала.

Владимир Михайлович не оставил воспоминаний о пребывании в ГУЛАГе. Это и понятно. Он писал свои воспоминания в 1950-х годах, когда даже думать о лагерях было опасно, не то что писать. О «нежизни» в лагерях стало известно значительно позже.

В своем произведении «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Исаевич Солженицын писал: «Канал должен быть построен в короткий срок и стоить дешево! – таково указание товарища Сталина!» (Кто жил тогда, тот помнит, что это значит – указание товарища Сталина.) Двадцать месяцев! Столько времени отпустил великий вождь преступникам на строительство канала и на перевоспитание: с сентября 1931 года по апрель 1933 года. Даже двух полных лет он дать им не мог – так торопился. Двести двадцать шесть километров. Скальный грунт. Загроможденность местности валунами. Болота. Семь шлюзов Повенецкой лестницы, двенадцать шлюзов на спуске к Белому морю. И – «это не Днепрострой, которому дали долгий срок и валюту. Беломорстрой поручен ОГПУ, и ни копейки валюты! Эшелоны зэков прибывают и прибывают на будущую трассу, а там еще нет ни бараков, ни снабжения, ни инструментов, ни точного плана, что же надо делать? Нет бараков – зато есть ранняя северная осень. Нет инструментов – зато идет первый месяц из двадцати» [550].

А. И. Солженицын скрупулезно исследовал пребывание в советских лагерях в 1918–1956 годах. Строительству Беломорско-Балтийского канала посвящено несколько глав его книги, написанной на основании документального материала и свидетельств очевидцев.

Пятидесятисемилетний полковник и комбриг, родственник великого русского поэта Владимир Михайлович Лермонтов прошел тяжкий путь строителя Беломорско-Балтийского канала, поглотившего почти 250 000 человеческих жизней. В лагере В. М. Лермонтов работал начальником транспортной части Онежского леспромхоза. По крайней мере, так говорится в характеристике, данной ему после освобождения из лагеря [509, с. 250]. Если перевести на понятный язык, то он работал на лесоповале и был ответственным за поддержание гужевой рабочей силы, то есть лошадей.

Что такое лошади на лесоповале? «Лошади были как лошади: заморенные лагерные клячи, скелеты на дрожащих ногах, обтянутые кожей в ссадинах, жующие пайковое государственное сено по норме» [551]. Комментарии здесь излишни: о свирепом голоде в лагерях теперь известно каждому школьнику.

Вероятно, опытных профессионалов, способных поддерживать хоть какое-то здоровье лошадей в условиях лагерной эксплуатации, среди заключенных на стройке Беломорско-Балтийского канала было немного, и их пытались сохранить для «великих дел» индустриализации страны, осуществляемой по замыслу вождя народов. Для этого у НКВД были свои приемы. Владимира Михайловича Лермонтова досрочно освободили из лагеря 13 июля 1936 года с характеристикой: «Несмотря на свой возраст, обладает большой трудоспособностью. Как руководитель и организатор гужтранспорта проявлял максимум энергии и инициативы в работе, благодаря исключительному вниманию и заботе о коне». Однако тогда судимость с него не сняли. Судимость была снята только через десять лет, в 1945 году [509, с. 250].

Выйдя из лагеря в шестьдесят два года, В. М. Лермонтов, наверное, прекрасно понимал или ему объяснили, что ни на какую работу, кроме как в ведомстве НКВД, он рассчитывать не может. А. И. Солженицын писал: «В сталинские годы лучшим освобождением было выйти за ворота лагеря и тут же остаться. Этих на производстве уже знали и брали работать. А энкаведешники, встретившись на улице, смотрели как на проверенного» [552].

Покорясь обстоятельствам, В. М. Лермонтов до выхода на пенсию в 1949 году хотя и работал по профессии – с лошадьми, но всегда под присмотром НКВД, а потом МВД. До 1941 года, до начала Великой Отечественной войны, он работал инспектором и начальником Гужтранспорта 2-го Онежского отделения ББК НКВД СССР на лесоповале (потом в пушном хозяйстве) с центром управления в Повенце. Сюда, в зону лагерей, в 1936 году приехала на поселение семья Владимира Михайловича: жена Мария Владимировна с двумя детьми, Ириной (1921 г. р.) и Юрием (1928 г. р.). Ирина Владимировна вспоминала: «Мы поселились в маленьком домишке (одна комната с русской печкой, двумя маленькими окошечками). Мама устроилась на работу преподавателем иностранных языков. Она же была классным руководителем выпускного десятого класса. Ученики ее обожали» [509, с. 104].

В 1941 году, спустя пять месяцев после начала войны, финские войска, которыми командовал фельдмаршал Маннергейм, бывший командир Владимира Михайловича Лермонтова в 1915–1916 годах, подступили к Медвежьегорску и Повенцу. 5 декабря частями финской армии был захвачен Медвежьегорск. А 6 декабря 1941 года советским командованием был реализован план вывода из эксплуатации гидросооружений Беломорско-Балтийского канала: взорван шлюз № 1, а затем, до 11 декабря, и остальные гидроузлы Повенецкой (Повенчанской) лестницы. Вода из водораздельного бьефа свободно ринулась в Онежское озеро через поселок Повенец, полностью его уничтожая. К этому времени часть людей и оборудования удалось эвакуировать.

В 1941 году В. М. Лермонтов с семьей успевает покинуть Повенец в последний момент перед оккупацией. Морозы стояли очень сильные. Владимиру Михайловичу удалось достать грузовик и прорваться через контрольный военный пост, используя безотказный пароль: «Военный груз!» Он был

Дом, где жили Лермонтовы в 1947–1954. Ново-Пятигорск, Курсовая улица, дом 135 [509, с. 465]

офицером, и отдавать команду «Вперед!» было его профессией. Лермонтовым удалось добраться до Пудожа, где Владимир Михайлович был назначен начальником гужбазы строительного управления Наркомата обороны. В феврале 1942 года Владимир Михайлович, лично сопровождая отправку собранных в округе лошадей, следующих в Пудож, попал под бомбежку. Он был трижды ранен в грудь, и пули застряли в легких. Его жизнь спасла любимая лошадь, запряженная в повозку. Будучи сама раненной, лошадь довезла хозяина до поселка. Ранение было тяжелым, но местные хирурги спасли Владимиру Михайловичу жизнь. Из-за этого ранения в 1944 году В. М. Лермонтов был комиссован как инвалид Отечественной войны.

В 1942–1945 годах Владимир Михайлович Лермонтов служил начальником гужтранспорта в различных отделениях (пунктах) Каргопольлага. Каргопольлаг – исправительно-трудовой лагерь, организованный в августе 1937 года, действовал по меньшей мере до 1960 года. Его управление первоначально базировалось в городе Каргополь, а с ноября 1940 года – на станции Ерцево. Число заключенных в нем достигало 30 100 человек, занятых преимущественно на лесозаготовках и деревообработке.

После войны семья Лермонтовых уехала «с милого севера в сторону южную» – сначала в Мелитополь, а потом, в 1947 году, в Пятигорск.

В 1946 году по ходатайству Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, д. и. н., директора Государственного литературного музея в Москве, перед заместителем председателя Совмина СССР В. М. Молотовым Владимиру Михайловичу Лермонтову была назначена персональная пенсия республиканского значения (300 рублей) и предоставлен дом для проживания в городе Пятигорске. Ходатайство В. Д. Бонч-Бруевича было осно-

Владимир Михайлович Лермонтов, 1949. Из семейного альбома Лермонтовых

вано на просьбе В. М. Лермонтова о назначении ему пенсии ввиду преклонного возраста и предоставлении жилья в Пятигорске – месте гибели его великого родственника М. Ю. Лермонтова.

В Пятигорске семья Лермонтовых поселилась в небольшом доме на Курсовой улице (теперь улица Ермолова в Ново-Пятигорске, пригороде Пятигорска), в одном из самых старых районов города. Совсем рядом, примерно в десяти километрах на северо-восток, место дуэли М. Ю. Лермонтова, а в 2–3 километрах на запад – ипподром на улице Ермолова, который любил посещать Владимир Михайлович. В Пятигорске Владимир Михайлович Лермонтов работал на разных должностях в ИТК № 5 управления МВД еще два года, до своего семидесятипятилетия. И здесь продолжали наблюдать за опальным комбригом.

В 1949 году персональная пенсия В. М. Лермонтова была повышена вдвое. Теперь В. М. Лермонтов становится почетным гражданином Пятигорска, приглашаемым на все торжества, связанные с памятью великого поэта.

Так опальный в советской стране доблестный офицер царской армии, кавалерист и полковник гусарского Ахтырского полка, кавалер золотого георгиевского оружия за храбрость в Первой мировой войне, коневод и организатор коннозаводства на юге России в 1920-е годы, заключенный одного из самых жестоких ИТЛ ОГПУ – ББК, инвалид Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, в те годы единственный выживший в советской России самый близкий родственник великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, – Владимир Михайлович Лермонтов в конце жизни восстановил поруганную честь. Получил от «благодарного» отечества персональную пенсию республиканского значения и небольшой домик в городе Пятигорске.

Потомки этого замечательного, заслуженного представителя рода Лермонтовых стали основателями ассоциации «Лермонтовское наследие».

Владимир Михайлович Лермонтов скончался 26 февраля 1954 года, похоронен на старом пятигорском кладбище, недалеко от того места, где была первая могила поэта.

Из более чем тридцати организованных В. М. Лермонтовым конных заводов до нашего времени сохранились по крайней мере восемь: конный завод имени Первой конной армии; конный завод имени С. М. Буденного; конный завод имени С. М. Кирова; Юловский конный завод; Степной кон-

Михаил Юрьевич Лермонтов с дочерью Мариной на могиле деда Владимира Михайловича Лермонтова.
Старое кладбище, Пятигорск, 2008

ный завод; конный завод «Восход»; Ставропольский конный завод; Терский конный завод. На всех этих заводах занимаются разведением чистокровных лошадей.

Лермонтовы и фон дер Лауницы. Мария Владимировна Лермонтова (1886–1959)

Мария Владимировна фон дер Лауниц – дочь Владимира Федоровича и Марии Александровны, урожденной княгини Трубецкой, фон дер Лауниц. Получила блестящее образование, закончив с отличием Харьковскую гимназию и Педагогическое училище с правом преподавания трех иностранных языков: французского, немецкого и английского. Вышла замуж за полковника Владимира Михайловича Лермонтова.

Судьба этой замечательной женщины, всем сердцем преданной мужу, семье, была и счастливой и страдальческой. Она пережила одну из самых трагичных эпох в истории нашего Отечества. Вместе с мужем Владимиром Михайловичем Лермонтовым прошла трудный путь восстановления конного хозяйства страны. Вместе с ним и двумя маленькими детьми жила на поселениях в ГУЛАГе. Похоронена на новом кладбище в Пятигорске.

Владимир Федорович фон дер Лауниц (1855–1906)*

На вопрос о понятии «святая Русь» академик Д. С. Лихачев отвечает: «Это, разумеется, не просто история нашей страны со всеми присущими ей соблазнами и грехами, но – религиозные ценности России: храмы, иконы, святые места, места поклонений и места, связанные с исторической памятью.

Святая Русь – это святыни нашей культуры: ее наука, ее тысячелетние культурные ценности, ее музеи, включающие ценности всего человечества, а не только народов России. Ибо хранящиеся в России памятники античности, произведения итальянцев, французов, немцев, азиатских народов также сыграли колоссальную роль в развитии российской культуры и являются российскими ценностями, поскольку, за редкими исключениями, они вошли в ткань отечественной культуры, стали составной частью ее развития.

* Глава основана на материалах книги В. Н. Соколова [553].

Мария Владимировна фон дер Лауниц, в замужестве Лермонтова.
Из семейного альбома Лермонтовых

Владимир Федорович фон дер Лауниц.
Из семейного альбома Лермонтовых

Святыни святой Руси не могут быть растеряны, проданы, поруганы, забыты, разбазарены: это смертный грех» [554].

От себя хочется добавить, что святая Русь – это память о тех людях, которые создавали, накапливали, сохраняли и защищали наше культурное наследие, подвергшееся в XX веке тяжкому испытанию.

Владимир Федорович фон дер Лауниц родился 10 августа 1855 года в селе Каргашино Елатомского уезда Тамбовской губернии (теперь село Каргашино Сасовского района Рязанской области) в семье Федора Федоровича (1811–1886) фон дер Лауница и Софии Николаевны (1829–1905) фон дер Лауниц, урожденной Карачинской.

Фон дер Лауницы происходят из древнего прибалтийского рода, представители которого известны в России с XV века. Один из основателей российской генеалогической ветви был в числе сопровождавших наследницу византийского императорского престола Софию Палеолог, будущую супругу великого князя московского Ивана III (1440–1505), которая прибыла в Россию в 1472 году. Представители рода фон дер Лауниц входили в служилое дворянство, отличались верностью и преданностью российскому Отечеству и престолу.

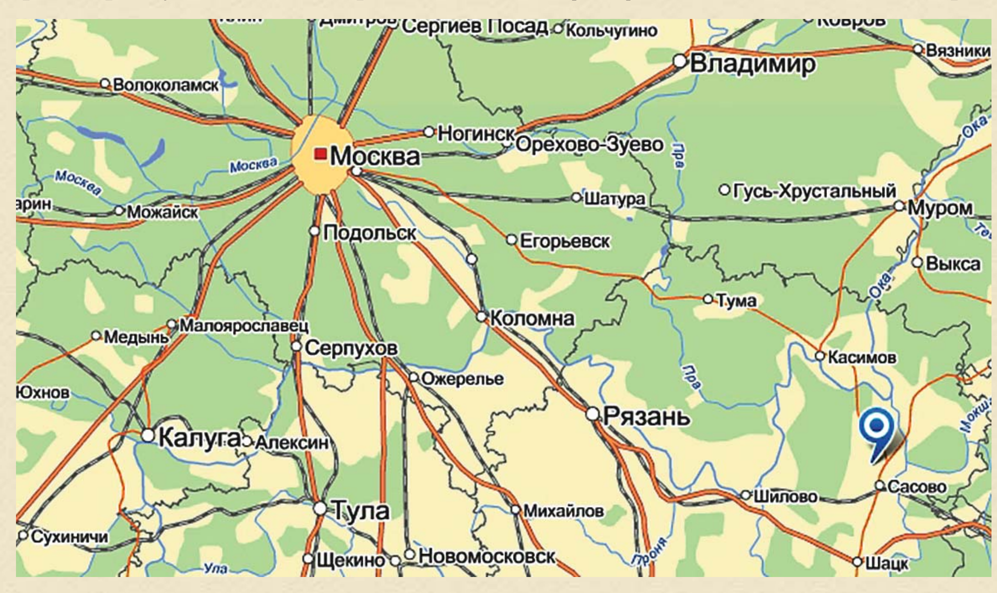
Усадьба Каргашино, где родился Владимир Федорович, в то время принадлежала его деду Николаю Ивановичу Карачинскому. Впоследствии усадьба приобрела историческое значение.

Каргашино

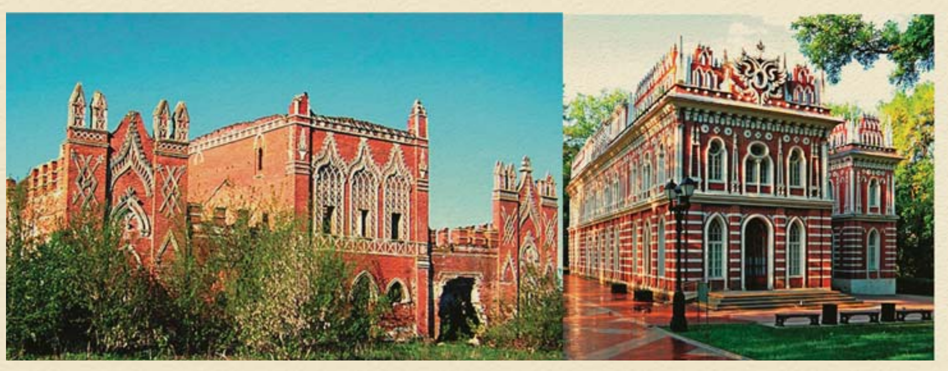
Название села Каргашино происходит от названия местности, ранее сильно заболоченной, с большим количеством журавлиных становищ (карга – журавль, шай – болото, трясина; буквально – «место обитания журавлей») [555].

В 1645 году Каргашино принадлежало Дмитрию Мамстрюковичу князю Черкасскому, боярину и воеводе, приближенному к престолу в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых. Черкасский вместе с Лыковым и Бутурлиным брали крепость Белую в 1613 году, откуда Георг Лермонт, основатель рода Лермонтовых, перешел на русскую сторону [1, с. 47]. В 1651 году после смерти Д. М. Черкасского Каргашино перешло его племяннику Григорию Сунчелеевичу Черкасскому.

В 1813 году часть села Каргашино принадлежала князю Ивану Алексеевичу Гагарину (1771–1832), шталмейстеру двора великой княгини Елены Павловны, меценату и выдающемуся масону своего времени. Другая часть села Каргашино принадлежала Карачинской [556]. Карачинские – древний дворянский род татарского происхождения, известный с конца XVI века, – владели землями в Елатомском уезде Тамбовской губернии. Карачинские уже в 1804 году занимались винными откупами и, следовательно, были богатыми помещиками [557]. В преддверии отмены крепостного права в 1861 году Карачинские были самыми крупными землевладельцами Елатомского уезда. Они владели более чем двадцатью пятью тысячами десятин земли [558]. В 1860-х годах Каргашино принадлежало Николаю Ивановичу Карачинскому, деду Владимира Федоровича фон дер Лауница по материнской линии [559]. Николай Иванович Кара-



Село Каргашино на карте Российской Федерации



Каргашино, 2006
Часть конного двора. Никогда не реставрировался. Дата постройки неизвестна

Царицыно. Средний дворец – одна из лучших построек Баженова. Дворец возводился в 1776–1778 годах, сохранился, реставрировался в 1988–1996 годах

Сравнение архитектурного стиля и декоративных элементов дворцового ансамбля Царицыно и конного двора усадьбы Каргашино

чинский был убит тремя крестьянами в оранжерее своей усадьбы Каргашино в декабре 1859 года [560].

Руины усадьбы Каргашино с конным двором или, может быть, заводом – один из самых замечательных памятников псевдоготической архитектуры не только в этом районе, но и во всей Рязанской области. Однако история постройки усадьбы до сих пор остается загадкой. По оставшимся частям строений трудно определить их размеры и количество входивших в комплекс зданий, занимавший, вероятно, несколько гектаров. То, что осталось от бывшей усадьбы, называют конным двором. Каргашинский конный двор по архитектуре и особенно по декоративной отделке построек, по мнению специалистов, безусловно, близок творениям великого русского архитектора Василия Ивановича Баженова (1737–1799) [561]. Усадьба Каргашино в бывшем Елатомском уезде Тамбовской губернии, можно полагать, была построена по проекту В. И. Баженова. Первый владелец усадьбы Николай Иванович Карачинский был племянником Василия Яковлевича Карачинского (1751–1793) [562, 563], близкого друга архитектора В. И. Баженова. Поскольку дата начала постройки усадьбы Каргашино точно не известна, то ее мог начать стро-

ить и отец Николая Ивановича Иван Яковлевич Карачинский – по проекту, предложенному самим Василием Ивановичем Баженовым, другом его брата. В декоративной отделке сохранивших построек в Каргашине много элементов, сходных с элементами баженовского декора построек в музее-заповеднике «Царицыно».

В связи с открывшимися фактами руины усадьбы Каргашино как одного из возможных проектов замечательного русского зодчего Василия Ивановича Баженова, безусловно, представляют огромный интерес для отечественных историков и архитекторов, не безразличных к российскому наследию.

Последним владельцем усадьбы Каргашино был убитый террористом градоначальник Санкт-Петербурга Владимир Федорович фон дер Лауниц, прадед Михаила Юрьевича Лермонтова (1953 г. р.), ближайшего из ныне живущих родственника великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Петербургский градоначальник Владимир Федорович фон дер Лауниц [553]

Отец Владимира Федоровича – Федор Федорович фон дер Лауниц, генерал-лейтенант русской армии, – участвовал в ряде военных кампаний. Мать Софья Николаевна, дочь богатого надворного советника, попечителя тамбовской гимназии, получила прекрасное образование. Семья фон дер Лауниц была православной и попечительствовала церкви Рождества Пресвятой Богородицы в своем селе Каргашино. В детстве Володя пережил большое горе: его деда убили прямо в родовой усадьбе Каргашино. Но мальчик не озлобился, а рос доброжелательным к окружающим его людям, прямодушным и очень честным. По свидетельству очевидцев, большую часть времени Володя проводил среди крестьян – дружил с пастухами, свинопасами, которых угощал принесенными из дома лакомствами. В возрасте восьми лет спас тонущего брата, который до конца дней повторял, что обязан ему жизнью. Владимира с раннего детства интересовала история России, православные храмы и монастыри, российские богатыри – защитники Отечества. Детство, проведенное в красивой усадьбе Каргашино, было светлым – воспоминания о нем остались на всю жизнь. В 1866–1877 годах Владимир фон дер Лауниц воспитывался в Пажеском Его Императорского Величества корпусе в Санкт-Петербурге, по окончании которого получил офицерский чин и уехал воевать. После окончания войны с Турцией (1877–1878) добровольно остался служить в освобожденной Болгарии, участвуя в восстановлении гражданского порядка во вновь возникшем княжестве. В 1880 году вернулся в Россию.

В 1883 году Владимир Федорович фон дер Лауниц женился на княжне Марии Александровне Трубецкой (1863–1922), дочери камергера, статского советника князя Александра Петровича Трубецкого (1830–1872), бывшего долгое время (1861–1870) харьковским губернским предводителем дворянства [564]. Мария Александровна Трубецкая была наследницей древних

Мария Александровна и Владимир Федорович фон дер Лауниц, 1890-е годы. Фотография из архива семьи Лермонтовых

русских родов, от Рюриковичей. Она принадлежала к одной из самых образованных и прославивших Россию в конце XIX – начале XX века ветви Трубецких.

С детства преклоняясь перед идеалами святой Руси, Владимир Федорович сумел и свою собственную семью создать и воспитать в традициях православной веры и служения Отечеству. У него было шесть детей, двое сыновей – Владимир и Александр – погибли за Отчизну: Александр – в самом начале Первой мировой войны, в августе 1914 года; Владимир – в 1918 году расстрелян большевиками в Москве «за фамилию», как сын своего отца.

После женитьбы, в 1885 году, Владимир Федорович в чине полковника ушел в отставку. Семья фон дер Лауниц жила в имениях Алексеевка и Рогозянка Харьковского уезда, доставшихся Марии Александровне от отца. Алексеевка стала позже частью города. Именно здесь отставной полковник впервые снискал славу неутомимого мецената и просветителя. В 1892–1900 годах Владимир Федорович неоднократно избирался харьковским уездным предводителем дворянства, мировым судьей, членом харьковской городской думы, председателем харьковского губернского земского собрания [565–568]. В. Ф. фон дер Лауниц оставался владельцем усадьбы в селе Каргашино Елатомского уезда, где жила его мать Софья Николаевна фон дер Лауниц [569].

Деятельность Владимира Федоровича фон дер Лауница в Харьковской губернии была поистине грандиозной. Он строил, в том числе и на собственные средства, храмы, часовни, церковно-приходские школы для крестьянских детей. Заботясь о народном просвещении, добился увеличения количества школ и их финансирования – на 200 000 рублей ежегодно. Именно в Харькове Владимир Федорович впервые лицом к лицу столкнулся с революционным движением, которое к этому времени распространяется. Владимир Федорович одним из первых земских деятелей выступил не против самих революционеров, а против их политики. В этом было понимание опасности разделения русского народа, которого добивались революционеры и которое привело спустя два десятилетия к гражданской войне.

В Харькове авторитет В. Ф. фон дер Лауница рос, сделанные им дела трудно перечислить полностью, слава о нем разнеслась далеко за пределы губернии. В 1901 году Владимир Федорович призывается на государственную службу – получает назначение на должность архангельского вице-

губернатора. Один год и семь месяцев продолжались его труды и заботы о людях, живших на Русском Севере – на Мурманском побережье, Печоре, в Кеми, на Новой Земле. Имея великую любовь к святыням и храмам Божиим, Владимир Федорович проявлял особое попечение о Соловецком монастыре, входившем в территорию его губернии, любил бывать там, уходя от «суеты мирской, званых обедов… Ему хотелось быть только с Богом, с природой…» [553].

В августе 1902 года Владимира Федоровича назначают губернатором Тамбова. Этот период был, несомненно, одним из самых ярких в его карьере. Владимир Федорович вел не только успешную административно-хозяйственную и организаторскую деятельность, но трудилась и его душа. Например, отец Константин Богоявленский в своей книге приводит немало случаев, когда Владимир Федорович оказывал бескорыстную помощь нуждающимся, помогал обездоленным, защищал нищих. Вот слова о нем одного из тамбовских бедняков: «Убили человека истинно православного, который жил по заповеди Господней: любил ближнего, как самого себя. В течение недолгого поста служения в г. Тамбове определил на должности по их прежней профессии около 85 человек». Во время пребывания в Тамбове он почти каждый праздник не оставлял своим вниманием бедных, приезжая лично, и поздравлял их, всегда советуя при этом провождать праздничные дни не гуляньем, а в христианском духе, как учит сему православная церковь. Занимая высокий пост, Владимир Федорович достойно проходил земное испытание властью, никогда не злоупотребляя ею, но обращая власть во благо для помощи обездоленным, слабым, защищая основы народной жизни и веры от разрушителей. Всегда старался относиться к делу не формально, не бюрократически, ограничиваясь предписаниями из канцелярии; он душу свою вкладывал в каждое дело, стараясь сам лично, чем возможно, помочь, облегчить и утешить.

В фондах Государственного архива Тамбовской области хранятся сотни документов, в которых описаны труды Владимира Федоровича по подготовке саровских торжеств. Поразительно, что многие подготовительные мероприятия он, видя нехватку средств, проводил за свой счет. Так, например, им были пошиты новые мундиры для служащих, участвовавших в торжествах. Предводитель шацкого дворянства князь В. М. Волконский вспоминает: «Чем ближе к монастырю, тем вереница идущих богомольцев становилась все гуще, а в окружающем монастырь и принадлежащем ему лесу были толпы их. Всюду были настроены бараки, устроены походные кухни, медицинские пункты; все, что было возможно сделать для такого наплыва народа, было сделано; и надо помянуть добрым словом покойного В. Ф. фон дер Лауница. Он был в то время тамбовским губернатором; вся административная часть и устроительная лежали на нем, всюду, где бы ни коснуться, была видна его добрая заботливость. Это был человек поразительно доброго сердца». Именно в Сарове народ и царь убедились, что они составляют единое духовное и церковно-государственное целое. Именно здесь, в Сарове, произошло духовное сближение Владимира Федоровича с царской семьей, открылось единство их идеалов. За усердие, проявленное при подготовке и проведении саровских торжеств, Владимир Федорович удостаивается благодарности Императора Николая II.

В 1904 году, когда началась Русско-японская война, Владимир Федорович обратился с просьбой о направлении его в действующую армию, но получил отказ. В губернии образцово и продуманно была организована мобилизация, проводился сбор пожертвований для солдат, причем первым и щедрым жертвователем был сам Владимир Федорович. Всего для воюющей армии было собрано 300 000 рублей наличными и огромное количество пожертвований вещами и продуктами. Целые вагоны снаряжались и уходили на фронт. Тамбовская губерния первой в России внесла пожертвования на восстановление расстрелянного в Порт-Артуре русского флота.

В губернии Владимир Федорович устраивал лазареты для раненых воинов. Один из них находился в его доме-усадьбе в селе Каргашино. Самым крупным был основанный Владимиром Федоровичем тамбовский госпиталь имени святого преподобного Серафима Саровского. Во всех этих трудах верным сотрудником и помощником Владимира Федоровича был епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий.

В годы революционных брожений в начале XX века Владимир Федорович не поддался либерально-нигилистическим настроениям прозападно ориентированной части русского общества, продолжая оставаться на позициях православной русской государственности и видя свой долг в защите устоев русской церкви и русского государства. Эта позиция, с одной стороны, вызывала насмешки и презрение в прогрессивных кругах общества, с другой – была близка идеалам, характерным мировоззрению императора Николая II, что послужило их духовному сближению.

Владимиру Федоровичу выпало противостоять тем разрушительным силам, которые стремились разжечь в России гражданскую войну. Революционные агитаторы организовывали в селах Тамбовской губернии беспорядки, совершали акты насилия, грабежа. В результате его решительных и продуманных действий, его увещеваний одураченных агитаторами крестьян беспорядки, грозившие большим кровопролитием и гибелью множества людей, были остановлены. Более того, виновные возвратили награбленное и принесли церковное покаяние. По свидетельству жительницы села Каргашино И. Лаптевой, родители которой работали в имении В. Ф. фон дер Лауница, «больше всего на свете Владимир Федорович любил, чтобы все было миром и ладом, а не любил больше всего, когда ругаются» (запись сделана в 1991 году президентом международной ассоциации «Лермонтовское наследие» Михаилом Юрьевичем Лермонтовым).

31 декабря 1905 года по именному указу Его Императорского Величества Владимир Федорович назначается градоначальником столицы Российской империи. В Санкт-Петербург его провожали со слезами всей губернией, в том числе нищая братия, которую он так любил. Бедняков

Церковь в селе Каргашино.
Фотография из экспозиции школьного музея в селе Каргашино

тамбовских к отправлению поезда собралось, по свидетельству очевидца, более шести сотен человек.

В 1908 году в «Книге русской скорби» о пребывании на посту градоначальника Санкт-Петербурга В. Ф. фон дер Лауница сделана запись: «В 1905 году высочайшим приказом В. Ф. фон дер Лауниц был назначен на пост санкт-петербургского градоначальника и зачислен в свиту Его Величества. Это было как раз в самый разгар революции. Петербург волновался и закипал, точно гигантский котел, поднимая грязь и сор со дна и выбрасывая их наверх вместе с мутной пеной. Должность градоначальника была в то время далеко не безопасной. Некоторые из друзей и доброжелателей Владимира Федоровича уговаривали его отказаться от этого поста, но он громко и категорически ответил: "Я нужен, значит, государю и иду!"».

Вступив в новую должность, Владимир Федорович энергично и умело начал работать над успокоением города. Им были приняты также самые широкие меры к улучшению хозяйственной стороны петербургской жизни и к реформированию столичной полиции. Прибыв в Петербург в разгар революции, Лауниц установил тишину и порядок в городе. Таким образом, он дал возможность государю императору въехать в столицу и открыть Государственную Думу. Первая крамольная Дума по необходимости была распущена. Не только столица, но и вся Россия обязана полным спокойствием только одному Владимиру Федоровичу фон дер Лауницу. Никто не дрогнул, не пошевельнулся, зная, что при Лаунице никто пошевельнуться не посмеет. Только благодаря фон дер Лауницу в 1906 году в России не произошла революция. (Кто знает, руководи он Петроградом в 1917 году, может быть, ее вообще бы не случилось?) Затих, замер на полгода Петербург, зажил нормальной жизнью, веселился. Нити порядка были в железной руке, и спокойствие Петербурга отразилось на всей стране, не подняв нигде смуты. Воля, ум, благородство, неумолимая энергия, русская во всех проявлениях душа и мысль ставили этого крупного человека на целую голову выше окружающих его.

Могли ли наши революционеры спокойно глядеть, как все их заговоры и крамольные затеи, точно мутная волна о скалистый берег, разбивались вдребезги о несокрушимую энергию и волю этого человека? Конечно, нет, и поэтому В. Ф. фон дер Лауниц был занесен в книгу намеченных жертв. В революционном списке приговоренных к смерти Лауниц стоял на третьем месте – после императора Николая II и П. А. Столыпина. За несколько лет он выдержал пятнадцать покушений! За месяц до смерти Владимира Федоровича один из его близких друзей, опасаясь за его жизнь, стал упрашивать Владимира Федоровича просить перевода куда-нибудь из Петербурга. И опять на эти уговоры последовал краткий ответ: "Останусь, пока нужен государю"» [291, с. 65–74].

21 декабря 1906 года в Петербурге было назначено освящение новой клиники Института экспериментальной медицины (Петроградская сторона). При большом стечении народа произошло «бесчеловечное, такое попрание всего святого, что есть в человеке, на что способен только озверелый человек, чей мозг безумен, чье сердце перестало биться для людей. Преступление совершено на ступеньках храма среди массы неповинных людей» – таковы впечатления очевидцев этого убийства [291, с. 65–74].

Владимир Федорович фон дер Лауниц был застрелен террористом Кудрявцевым сразу после молитвы на ступенях храма. Фон дер Лауниц погиб за верность своим идеалам и принципам «Православие, самодержавие, народность». Владимир Федорович говорил, что лично ему смерть не страшна – все мы в руках Божьих, но ему страшно, что каждая смерть – смерть от злодейской руки убийцы – не подействовала бы как ослабление веры – веры в святую Русь.

Семье Владимира Федоровича были направлены телеграммы Их Императорских Величеств, вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

С трогательными словами обратились к епископу Тамбовскому Иннокентию обитатели тамбовского ночлежного дома: «Мы, бедные города Тамбова, глубоко поражены злодейским убийством своего отца и благодетеля Владимира Федоровича. Уважаемый покойник Владимир Федорович вполне исполнял долг своего назначения, ибо не только водворил общественное благоустройство, но и охранял подчиненных и вообще ближних от пороков – этого требует Сам Господь; вероятно, небезызвестно было покойному мудрое изречение царя Соломона: «Муж мудрый мно-

Панихида на могиле В. Ф. фон дер Лауница в день его 150-летнего юбилея, совершаемая архиепископом Рязанским и Касимовским Павлом и епископом Шацким Иосифом 23 августа 2005 года

Освящение места строительства храма в селе Каргашино. Храм освящен двойным именем, как и прежний, – во имя Рождества Пресвятой Богородицы и во имя святого равноапостольного князя Владимира, 2008

Елена Владимировна и Михаил Юрьевич Лермонтовы в школьном музее в Каргашине, 1991

го терпит», почему он никогда не проявлял своего гнева, ограждая свое сердце терпением, за что и пользовался всеобщим уважением и любовью…».

Тело убиенного, согласно его завещанию, было отправлено на его родину, в село Каргашино. Владимир Федорович был погребен на церковном кладбище в родном селе. На могиле поставили памятник – гранитная скала, на вершине которой – высокий крест.

В 1921 году по решению органов советской власти могила Владимира Федоровича была осквернена. Крестьяне села Каргашино пытались этому воспротивиться, даже писали Ленину. Но акт вандализма свершился: могилу разграбили, тело выкопали и бросили рядом с разоренным храмом. Мундир и сапоги Владимира Федоровича забрал руководитель местной ЧК. По свидетельству сельских жителей, в этих сапогах он ходил почти до начала Отечественной войны. Гроб был отдан в колхоз и служил корытом для стирки белья.

Жуткая, варварская история…

Многие десятилетия упоминание фамилии Лауниц было под запретом. Но несмотря ни на что имя этого человека до наших дней осталось в народной памяти.

Гости и члены ассоциации «Лермонтовское наследие», приехавшие в село Каргашино в 1991 году со всего мира, побывали на могиле Владимира Федоровича фон дер Лауница. Среди них внучка Владимира Федоровича – Светлана Герасимовна Бугаевская, секретарь-референт по экономическим вопросам при ООН, прибывшая в Россию из Бельгии. После этого визита по инициативе президента ассоциации «Лермонтовское наследие» Михаила Лермонтова, правнука Владимира Федоровича фон дер Лауница, в селе Каргашино начались реставрационные работы памятника на могиле убитого градоначальника, расчистка полуразрушенных строений усадьбы и воссоздание храма рядом с гранитным крестом. Члены ассоциации были единодушны во мнении, что новый храм надо освятить двойным именем, как и прежний: во имя Рождества Пресвятой Богородицы и в память о прадеде во имя святого равноапостольного князя Владимира. Освящение места строительства храма состоялось в 2008 году. В настоящее время строительство продолжается.

Михаил Юрьевич Лермонтов и его супруга Елена Владимировна поддерживают связь со школой в селе Каргашино. В память о Лауницах они преподнесли школе фамильный герб рода фон дер Лауниц.

В школе организован музей, посвященный Владимиру Федоровичу фон дер Лауницу. Память о нем жива, подрастающее поколение изучает историю родного края и знает имена своих земляков, достойных сынов Отечества.

Дети Владимира Михайловича и Александры Александровны Лермонтовых

В. М. Лермонтов, А. А. Лермонтова, их дети – Михаил, Владимир, Алла, Борис, Татьяна. Из семейного альбома Лермонтовых

Владимир Михайлович Лермонтов был дважды женат. От первого брака с Александрой Александровной, урожденной Потоцкой (1880–1948), у него пятеро детей: Михаил, Владимир, Алла, Борис и Татьяна [509, с. 277–287].

Александра Александровна Лермонтова после развода с мужем в 1918 году жила в семьях своих дочерей, воспитывала внуков. Она пережила блокаду Ленинграда в 1942 году, была эвакуирована, но потом вернулась обратно. Скончалась в Ленинграде в 1948 году.

Михаил Владимирович Лермонтов (1898–1942)

Михаил Лермонтов получил прекрасное домашнее образование, был музыкален и художественно одарен. В 1908 году закончил 2-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Весной 1917 года окончил Николаевское кавалерийское училище и был выпущен корнетом в гусарский Ахтырский полк, в то время сражавшийся на южных границах в Румынии под командованием командира 6-го конного корпуса генерала Карла Густава Маннергейма. Уже летом 1917 года в армии начались революционные волнения. Маннергейм, получив ранение в ногу, отправился лечиться в Одессу. Перед этим он заявил: «Мне стало ясно, что командиру корпуса, который не может защитить даже своих офицеров от насилия со стороны рядовых, нечего делать в русской армии». Маннергейм после революции 1917 года покинул Россию и вернулся на родину в Финляндию.

Михаил Владимирович Лермонтов. Из семейного альбома Лермонтовых

Ахтырский полк перестал существовать в марте 1918 года. Михаил Лермонтов, оказавшись в Крыму, на территории, захваченной Красной армией, пробрался в Тамбовскую губернию, где в это время его отец занимался ремонтированием конного состава армии. Михаил Владимирович Лермонтов по поручению отца, возглавившего в 1921 году Удонкавконь, заведовал управлениями Удонкавконь в Феодосии и в Краснодаре, с 1924 года служил на Терском, бывшем Строгановском, конном заводе, расположенном в пригороде Пятигорска. Михаил Лермонтов помог всей семье Лермонтовых – первой жене В. М. Лермонтова и ее детям – в те годы собраться на Терском конном заводе.

Михаил Лермонтов женился на Елене Георгиевне, урожденной Диамандиди, вдове кавказского князя Султан-Гирея. Лермонтов воспитал своего пасынка Давлета Азаматовича Гиреева, впоследствии ставшего известным писателем Северной Осетии. В 1924 году у Елены и Михаила родилась дочь Кира. Потомки этой ветви Лермонтовых в настоящее время живут в Москве и в Санкт-Петербурге.

Михаил Владимирович был дважды арестован. Первый раз в конце Гражданской войны бандой «зеленых», и, как бывший офицер царской армии, он был приговорен к расстрелу. Однако механизм взяток, действовавший в России во все времена, спас ему жизнь. Александра Александровна Лермонтова выкупила сына за тяжелую золотую цепь, оставшуюся от прежней жизни. Но Михаил все же сидел три года в тюрьме.

В 1927 году за бывшего предводителя «зеленых» Николая Цугулиева вышла замуж младшая сестра Михаила Владимировича Татьяна Владимировна Лермонтова. Их брак оказался недолгим.

В 1930 году НКВД арестовал младшего брата Владимира, потом отца. В 1933 году был арестован и Михаил Владимирович Лермонтов. В 1933–1940 годах он работал на знаменитой стройке Беломорско-Балтийском канала в ГУЛАГе, в тех же местах, где отбывал срок его отец Владимир Михайлович Лермонтов. Как и отец, Михаил Лермонтов работал по обеспечению гужевого транспорта – сначала конюхом, потом ветеринаром. Когда его освободили, он жил на поселениях недалеко от места заключения. Когда началась Великая Отечественная война, Михаил Лермонтов записался добровольцем в армию. Его не отпустили на фронт, а оставили на севере, в районе Медвежьегорска, работать по ведомству Оборонстроя Наркомата обороны. 12 февраля 1942 года финские войска под общим командованием генерала Маннергейма прорвали фронт и ворвались в части не успевшей отступить Красной армии. Всех красноармейцев, включая тех, кто служил на гужевом транспорте, загнали в деревянный сарай и сожгли заживо. В похоронке, присланной родным Михаила Владимировича Лермонтова, сообщалось: «Ваш сын, красноармеец Лермонтов Михаил Владимирович, уроженец села Снитовка Летичевского района Каменец-Подольской области, в бою за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив геройство и мужество, был сожжен бандой фашистов при нападении 12 февраля 1942 года. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о получении пенсии».

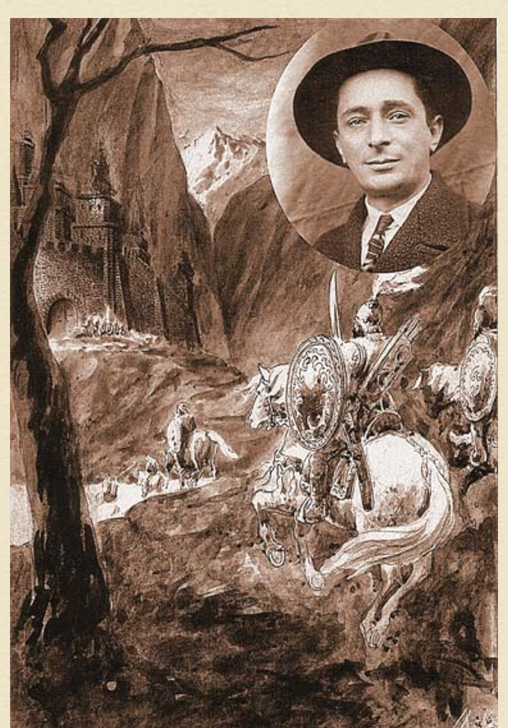
Брат и сестры Михаила Владимировича сохранили память о нем как о человеке исключительно честном, порядочном, добром, компанейском, одаренном талантом художника.

Владимир Владимирович Лермонтов (1899–1974)

Владимир Владимирович Лермонтов родился 28 июня 1899 года в имении Снитовка Летического уезда Подольской губернии. Его детство прошло в основном в Меджибоже – месте дислокации Ахтырского полка, в котором служил его отец. Как и его старший брат, он получил отличное домашнее воспитание с обучением французскому языку, музыке, рисованию. Более всего в детстве он увлекался ездой на лошадях, ухаживал за ними. В 1908–1914 годах прошел обучение во 2-м кадетском корпусе в Петербурге, по окончании которого был принят в привилегированный Пажеский Его Императорского Величества корпус. В 1916 году, окончив курс, Володя Лермонтов получил традиционный значок – белый эмалированный Мальтийский крест и кольцо с внутренней золотой поверхностью, на которой был выгравирован девиз: «Ты будешь тверд, как сталь, и чист, как золото». С этим девизом он и шел по жизни.

В 1917 году ушел на фронт – защищать Родину. Сначала служил в лейб-гвардии уланском Ее Величества полку, затем в 13-м Военного ордена драгунском генерала-фельдмаршала графа Миниха полку. Видя любовь к лошадям и профессиональные навыки молодого офицера, его командировали в управление по ремонтированию лошадей для армии на территории Одесской губернии.

После переворота 1917 года Владимира Лермонтова забрали в Красную армию и направили в Архангельск для укрепления новой власти на севере страны. Летом 1918 года в Архангельске высадились войска английского флота. При поддержке англичан и местных офицеров царской армии была создана Добровольческая армия Севера (Белая армия Севера), к которой присоединилось до 30 000 солдат и офицеров. Владимир Владимирович Лермонтов, прапорщик царской армии, добровольно вступил в Белую армию. Настоящих боевых действий в это время на севере практически не велось. Как английские моряки, так и русские офицеры в основном промышляли пушниной и торговлей лесом. В середине 1919 года английские войска были отозваны из Архангельска. При эвакуации по распоряжению высшего командования англичане уничтожили всю свою боевую технику, лишив военной поддержки Белую армию. Командующему войсками Добровольческой армии Миллеру удалось сдерживать наступление Красной армии до сентября 1920 года. После чего высший состав Белой армии с семьями и многочисленными знакомыми из высшего общества эвакуировались из Архангельска на единственном ледоколе «Минин». Офицеры и солдаты отступающей Белой армии были брошены на произвол судьбы. В марте в Архангельске появилась новая власть – ВЧК. И тогда население застонало под гнетом непомерных налогов, беззаконных поборов, бесчинств, издевательств и расстрелов. Владимиру Лермонтову удалось бежать из Архангельска. В марте 1920 года он прибыл к отцу, тогда занимавшемуся ремонтированием лошадей в Саратовской области. С этого времени и до 1927 года Владимир Владимирович Лермонтов занимал различные должности в Удонкавконь.



Владимир Владимирович Лермонтов. Из семейного альбома Лермонтовых

В 1927 году В. В. Лермонтов, всегда увлекавшийся рисунком и живописью, поступил в Одесский институт изобразительных искусств и успешно окончил его в 1929 году. Он поселился во Владикавказе с намерением заняться любимым делом – искусством. Но в 1930 году Владимира Владимировича Лермонтова арестовали, суди-

ли и отправили в лагерь в Забайкалье. В 1935 году по возвращении из ссылки во Владикавказ ему очень повезло. Он смог устроиться на работу художником-графиком в североосетинское издательство. С этого момента началась новая жизнь, которую описать очень просто: работа, работа и еще раз работа. В. В. Лермонтов иллюстрировал книги, буквари, учебники, произведения осетинских писателей, русских классиков. В 1939 году был образован Союза художников Северной Осетии. В. В. Лермонтов был среди первых членов этого союза. В 1940 году он закончил Академию художеств в Ленинграде. Встречался с известными лермонтоведами Борисом Эйхенбаумом и Ираклием Андрониковым, рекомендовавшими ему заняться иллюстрацией произведений Михаила Юрьевича Лермонтова. Все издания великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова на осетинском языке, выпущенные в 1936–1953 годах, были проиллюстрированы Владимиром Владимировичем Лермонтовым.

Владимир Владимирович Лермонтов так полюбил североосетинский фольклор, что стал знатоком традиций, декоративно-прикладного искусства, истории этого народа. В. В. Лермонтов прекрасно знал осетинский язык и даже по-русски стал разговаривать с акцентом. Его знание и тонкое понимание памятников древней культуры скифов, сарматов, аланов, нартского эпоса, этнографии, фольклора и осетинской орнаментики наиболее полно выразилось в иллюстрациях к книге осетинских нартских сказаний «Яблоко нартов», выпущенной в 1954 году в Орджоникидзе (теперь Владикавказ). Эта книга была переиздана в 2013 году. Современники высоко оценили талант Владимира Владимировича Лермонтова*.

Во время Великой Отечественной войны В. В. Лермонтов служил в 116-й Казачьей кавалерийской дивизии, потом в городском военкомате, награжден медалями «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд». Ушел в отставку в звании капитана кавалерии.

После войны создал цикл рисунков «Осетия в Великой Отечественной войне», являющихся исторической памятью народа Осетии.

За свою долгую жизнь Владимир Владимирович Лермонтов проиллюстрировал более 300 книг. Его рисунки были напечатаны в республиканских журналах и газетах. Прошло несколько персональных выставок. Выйдя на пенсию, Лермонтов в своей квартире в городе Орджоникидзе организовал детский кружок изобразительных искусств. Искренняя любовь к детям всегда взаимна. Дядя Володя – так ласково звали его дети. Он был чрезвычайно популярной в городе личностью. Много новых талантливых художников Осетии прошли школу замечательного человека и профессионального художника В. В. Лермонтова.

Владимир Владимирович был дважды женат. В семейной жизни он всегда черпал любовь и ощущал поддержку своего таланта.

В. В. Лермонтов скончался 29 мая 1974 года в Орджоникидзе, похоронен на местном кладбище. Местные и республиканские газеты опубликовали статьи, проникнутые скорбью, любовью и глубоким уважением к личности ушедшего художника Владимира Владимировича Лермонтова.

* Тезиева М. В Осетии издали нартские сказания с иллюстрациями Лермонтова. Осетинское радио и телевидение, 6 января 2013 года.

Борис Владимирович Лермонтов (1902–1920)

Судьба Бориса Лермонтова сложилась совсем иначе, чем у его старших братьев. Он родился в 1902 году в Санкт-Петербурге. Лето семья Лермонтовых проводила в собственной усадьбе в Меджибоже, где служил Владимир Михайлович. Увлечение конным спортом у Бориса началось с раннего детства – семейная черта. В усадьбе были устроены различные снаряды, турники, брусья, шведская стенка, где дети приобретали необходимые спортивные навыки. Борис рос атлетическим, ловким наездником. Непременные занятия иностранными языками, музыкой, чтение мировой и русской литературы, посещение музеев и театров в Петербурге не только способствовали образованию, но также давали ощущение наполненной, интересной жизни. В 1912 году Борис Лермонтов поступил в 2-й кадетский корпус, но закончить его не удалось. В конце 1917 года кадетские корпуса были упразднены большевиками. Борис Лермонтов вместе с товарищами-кадетами пробрался на юг России, в Новочеркасск, и вступил в Добровольческую армию. Он сражался в рядах корниловцев – сначала в корниловском ударном полку, а потом в корниловской дивизии. Храбрость корниловцев в Гражданской войне против большевиков хорошо известна из истории Белого движения. Здесь бок о бок сражались убеленный сединами генерал и юный кадет. В 1920 году Борис Лермонтов в Крыму встретил своего двоюродного брата Севу Вербицкого, ротмистра Ахтырского полка. Всеволод Николаевич Вербицкий (1876–1979) был сыном Елены Михайловны, урожденной Лермонтовой (1878–1941), дочери Михаила Владимировича Лермонтова и Марии Антоновны Зубаревой (см. с. 336), то есть сестры Владимира Михайловича Лермонтова (1874–1954). Сева Вербицкий уговорил Бориса Лермонтова перейти в Ахтырский полк, мотивируя предложение тем, что служить в гусарском Ахтырском полку – это лермонтовская традиция. Борис согласился и присоединился к войскам барона Врангеля, отстаивающим «остров Крым».

Борис Владимирович Лермонтов.
Из семейного альбома Лермонтовых

Борис Владимирович Лермонтов погиб 21 августа 1920 года в сражении с красногвардейцами под селом Макарьевка в Крыму в возрасте восемнадцати лет. Борис Лермонтов защищал последние рубежи Отечества, символом которого была святая Русь, православная вера, самодержавие.

Сестры Лермонтовы – Алла Владимировна (1901–1986) и Татьяна Владимировна (1906–2001)

Несмотря на разницу в возрасте, первую половину жизни сестры Лермонтовы, родившиеся в Санкт-Петербурге, были практически неразлучны. Обе сестры благодаря заботам матери получили прекрасное домашнее воспитание, а отец приучил их к спорту и верховой езде. Алла в 1911 году, а Татьяна в 1916 году поступила в Смольный институт благородных девиц.

Алла Лермонтова была, как говорится, девушкой с характером. Хотя она отлично училась, у нее случались конфликты с воспитателями. Татьяна была более спокойной и покладистой, проявляла способности к математике, очень хорошо вышивала.

Из-за революционной ситуации, сложившейся в Петрограде летом 1917 года, Смольный институт эвакуировали в Ростовскую область, в Новочеркасск. В это время в Ростове-на-Дону генерал Алексеев начал формировать Добровольческую армию. Алла Лермонтова, которой исполнилось шестнадцать лет, вместе с подругой тайком от родителей бежали в Ростов с целью записаться в Добровольческую армию. За беглянками пришлось отправиться классной даме – она вернула их домой.

В 1919 году, в условиях Гражданской войны, Александра Александровна Лермонтова была вынуждена забрать девочек из института. Татьяна проучилась всего лишь три года, но воспоминания о Смольном институте остались на всю жизнь.

Лермонтовы временно поселились в Курске, где стояли войска Добровольческой армии. Но уже в ноябре красные войска захватили город. Алла и Татьяна Лермонтовы с матерью Александрой Александровной последовали за войсками Добровольческой армии в Крым – сначала в Одессу, а потом в Феодосию. Эвакуация из Крыма армии Врангеля и гражданского населения – людей, желавших покинуть большевистскую Россию, – происходила в ноябре 1920 года. В их числе были Лермонтовы и их ближайшие родственники: Елена Михайловна Лермонтова, сестра Владимира Михайловича Лермонтова, в замужестве Вербицкая; ее муж Николай Васильевич Вербицкий, полковник царской армии; их сын Всеволод Вербицкий и две их дочери; брат Владимира Михайловича Лермонтова – Александр Михайлович Лермонтов (1882–1944), полковник гусарского Ахтырского полка; Григорий Михайлович Лермонтов, полковник стрелкового кавалерийского полка, семиюродный брат Владимира Михайловича Лермонтова (см. с. 236).

Александра Александровна Лермонтова с дочерьми осталась в Крыму. Они не могли покинуть Россию, зная, что другие члены семьи остаются здесь.

Сестры Алла Владимировна и Татьяна Владимировна Лермонтовы.
Из семейного альбома Лермонтовых

С приходом Красной армии в Крым Лермонтовы пережили свои самые страшные дни. Девятнадцатилетняя Алла и четырнадцатилетняя Татьяна Лермонтовы на всю жизнь запомнили страх, который они постоянно испытывали во время пребывания в «освобожденной» большевиками Феодосии. Они ежеминутно ожидали ареста. Весь город был охвачен паникой – люди исчезали в комитетах ВЧК, по ночам гремели выстрелы – расстреливали белых офицеров и «подозрительных» граждан. Только в Феодосии по распоряжению ВЧК было расстреляно более 8000 человек.

В 1924 году в Крыму расстреляли сестру Владимира Михайловича – Аллу Владимировну Лермонтову.

На помощь семье пришел Владимир Михайлович Лермонтов, который в это время, в 1920 году, находился в Ростове по делам ремонтирования армии, и его удалось известить о бедственном положении бывшей жены и детей. В это время из Крыма, по распоряжению Л. Д. Троцкого, не выпускали даже гражданское население: «В красном Крыму война будет продолжаться до тех пор, пока не останется ни одного белого офицера». Тем не менее Владимир Михайлович смог организовать отдельный железнодорожный вагон для эвакуации из Крыма бывшей жены с дочерьми. Сопровождение вагона он поручил своему сыну Михаилу. Не без проблем, но все Лермонтовы добрались сначала до Ростова, а потом Владимир Михайлович отправил их на Терский завод в Пятигорск. В 1923 году семья вновь переехала в Ростов-на-Дону. Алла и Татьяна окончили курсы машинописи, чтобы получить работу.

Судьбы сестер Лермонтовых сложились совсем по-разному.

Алла Владимировна Лермонтова

В 1926 году Алла Владимировна вышла замуж за Владимира Федоровича Гунгера. В 1927 году у них родился сын Владимир. До Великой Отечественной войны Алла Владимировна работала в различных госучреждениях. Война кардинально изменила судьбу Аллы Владимировны Лермонтовой-Гунгер. В 1942 году при отступлении немецких войск с территории Ростова-на-Дону много советских граждан немецкого происхождения было интернировано в Германию. Среди них оказалась и семья Гунгер. Лагеря для перемещенных лиц в военных условиях – это тяжелые работы, особенно для лиц из страны Советов. После окончания войны Алла Владимировна с семьей попала в лагерь для перемещенных лиц в английской зоне оккупации. Те, кто оказались в советской зоне оккупации, были возвращены в СССР и отправлены в лагеря.

В 1947 году семье Аллы Владимировны было разрешено остаться в Великобритании. Они прожили в этой стране до конца своих дней. Алла Владимировна занималась переводами, у них с сыном было небольшое переводческое бюро. В Англии Алла Владимировна сблизилась с великой княгиней Ксенией Александровной, родной сестрой расстрелянного российского императора Николая II.

Сестра Татьяна Владимировна много раз приезжала к ней в гости, наслаждаясь бесконечными воспоминаниями о прошлой жизни, много рассказывала о лермонтовской семье. Потомки этой ветви Лермонтовых живут в Великобритании. Так оказалась в эмиграции еще одна семья лермонтовского рода.

Татьяна Владимировна Лермонтова

Татьяна Владимировна в 1927 году вышла замуж за красноармейца Николая Васильевича Цугулиева, бывшего предводителя «зеленых», от которого в 1919 году пострадал ее брат Михаил Владимирович Лермонтов (см. с. 378). В 1931 году у них родился сын Вадим. Несколько раз семья Цугулиевых меняла место жительства и, наконец, в 1936 году поселилась в Ленинграде, на Гороховской улице. В 1937 году Татьяна развелась с мужем и вернула свою девичью фамилию Лермонтова. В Ленинград приехала ее мать, чтобы помочь в воспитании сына.

Николая Васильевича Цугулиева арестовали в 1938 году. Татьяна Владимировна Лермонтова начала было хлопотать за бывшего мужа, но ее остановил брат Владимир Владимирович, уже знавший законы ВЧК. В 1939 году Н. В. Цугулиева расстреляли в Москве.

Татьяна Владимировна пережила блокаду Ленинграда с 8 сентября 1941 года по август 1942 года. В сентябре 1941 года Татьяна Лермонтова пошла работать санитаркой в госпиталь. Она не любила рассказывать о том, как жила с матерью в годы блокады, это было трудно, тяжело и печально. Их эвакуировали из Ленинграда в состоянии дистрофии, у матери Татьяны Владимировны к тому же была дизентерия.

Их эвакуировали в Башкирию, они жили в деревне, в маленьком деревянном домике солдата, который ушел на фронт. Питались тем, что могли вырастить на огороде, или получали компенсацию на приработках.

В 1945 году Татьяна Владимировна вернулась в Ленинград. Бывшая смолянка устроилась на работу в Трест буфетов и ресторанов Октябрьской железной дороги и до выхода на пенсию работала директором вагона-ресторана, исколесила всю Россию. Второй ее брак с капитаном дальнего плавания Е. Ф. Ляховичем был недолгим – через три года у мужа случился инсульт.

Татьяна Владимировна, как сотрудник военного госпиталя в блокадном Ленинграде, имеет награды:

- медаль «За оборону Ленинграда»;
- орден Отечественной войны II степени;
- медаль Жукова;
- юбилейные медали в честь Победы в Отечественной войне.

Татьяна Владимировна Лермонтова, будучи старейшим представителем рода, была для всех родственников своего рода путеводной звездой, мамой и бабушкой, доброго сердца которой всегда хватало на всех: она могла утешить в трудную минуту, дать мудрый совет, основанный на жизненном опыте. Ее квартира в Петербурге, на улице Рубинштейна, всегда была открыта для своей любимой родни.

Т. В. Лермонтова прожила долгую жизнь. Порой в суете люди теряют основы, забывают о своих корнях и воспитании, но не такой была Татьяна Владимировна. Образование, полученное в Смольном институте благородных девиц, несомненно, было воспитанием на всю жизнь. Татьяна Владимировна опубликовала свое духовное завещание потомкам в 1995 году в приложении «Приорат» к газете «Гатчинская правда»: «Мне хотелось бы поделиться мыслями о путях возрождения отечественной культуры. Не все могут участвовать в реставрации материальных памятников, для этого нужно иметь силы и средства. Однако большинство людей способны содействовать нашему духовному возрождению. Но начинать надо с себя. Свою мысль я хочу пояснить на примере ассоциации «Лермонтовское наследие», которая была создана практически на энтузиазме двух представителей лермонтовского рода: Михаила Юрьевича Лермонтова, кандидата технических наук из Электростали, и Игоря Васильевича Воронцова, доктора медицинских наук из Москвы. Им удалось в 1991 году, в год 150-летия со дня кончины М. Ю. Лермонтова, собрать в Москве на учредительное собрание большинство российский и зарубежных представителей лермонтовского рода. В тот год мы посетили лермонтовские места Средней полосы России, а в следующем году состоялась поездка на Кавказ. Эти поездки сблизили нас, сделали по-настоящему родственниками. Наша молодежь сдружилась, и все мы почувствовали, что кроме понятия семья есть более весомое понятие – род. Можно сказать, что нашему роду повезло. Среди выдающихся де-

ятелей рода есть русский национальный поэт М. Ю. Лермонтов. Но ведь и другие российские роды имеют славную историю и достойных для подражания представителей. Нужно, чтобы люди не замыкались в кругу своей семьи, а поддерживали бы добрые отношения с близкими и дальними родственниками, берегли и передавали по наследству семейные архивы, собирали бы по крупицам сведения о своих предках, а крестьянство, кроме того, могло бы объединиться и по землячествам.

Родственные узы – это не партийные и не служебные связи, где все строится на временном интересе, родственные объединения – это вечное сообщество, которое создано на основе уважительной памяти к предкам с целью достойного воспитания потомков. Родственные объединения необходимы прежде всего нашим детям и внукам. Нужно дать им почувствовать, что они не одиноки в этой жизни, что у них есть множество родичей, с которыми можно разделить и радость и горе, которые придут на помощь им в трудную минуту. Наше молодое поколение должно осознать, что оно не перекати-поле, что у него есть глубокие корни в родной русской земле. Многие народы спасались от уничтожения только потому, что следовали вековым традициям, знали историю рода и Отечества, хранили веру предков. Ведь Россию разрушали и разрушают люди, не помнящие родства, не имеющие корней в русской почве. Семья – род – Родина – в такой последовательности я вижу духовное возрождение России».

Вадим Николаевич Цугулиев (1931 г. р.), сын Татьяны Владимировны, инженер, живет в Санкт-Петербурге, автор книги о деде Владимире Михайловиче и его потомках «Записки кавалериста». У него двое сыновей: Вадим Вадимович (1957 г. р.) и Владимир Вадимович (1959 г. р.) – бизнесмены.

Правнуки Татьяны Владимировны Лермонтовой – Андрей Владимирович Цугулиев (1981 г. р.), юрист, активный член ассоциации «Лермонтовское наследие», и Николай Владимирович Цугулиев (1990 г. р.), бизнесмен.

Дети Марии Владимировны (1886–1959) и Владимира Михайловича Лермонтовых (1874–1954)

Ирина Владимировна Лермонтова (1921–2012)

Ирина Владимировна родилась 6 марта 1921 года. В это время ее родители жили в Ростове-на-Дону. Владимир Михайлович занимал высокий пост начальника Удонкавконь. Когда Ирина Лермонтова была совсем ребенком, ее отца по ложному доносу арестовали и приговорили к 10 годам заключения в лагерь целевого назначения – на строительство Беломорско-Балтийского канала. Ирина Владимировна оставила подробные воспоминания, свои собственные, а также записанные со слов матери и отца, как проводилось следствие и как без суда, а по приговору известных «троек» ВЧК людей отправляли в лагеря. Свидетельства и записи

Юрий и Ирина Лермонтовы.
Из семейного альбома Лермонтовых

очевидцев – это большая редкость, поэтому здесь приводятся некоторые оригинальные отрывки*.

Сразу после отправки Владимира Михайловича в лагерь Марию Владимировну вместе с десятилетней Ирочкой и 2,5-летним Юрочкой выкинули из квартиры, все вещи конфисковали. Друзья и знакомые, кто совсем недавно восхищался добротой Марии Владимировны, в одночасье испарились. Мать с детьми приютила незнакомая женщина, более милосердная, чем все «друзья» по работе. Но долго жить так было невозможно и опасно для хозяйки. Мария Владимировна решила отвезти Ирину в Повенец (см. с. 362), где находился в заключении Владимир Михайлович. Ей, жене, не дали разрешения жить в Повенце, а Ирочку удалось пристроить у сердобольной местной жительницы. Так она и прожила в семье поморцев, которая стала ей как родная, до 1936 года. В 1936 году Владимира Михайловича досрочно освободили из лагеря, но он благоразумно остался работать на поселении в Повенце. Сразу после его освобождения в Повенец приехала Мария Владимировна с маленьким Юрой. Семья смогла воссоединиться, правда, на далеком севере, рядом с самым жестоким лагерем ГУЛАГа.

В 1939 году Ирина Лермонтова окончила местную среднюю школу. Летом того же года уехала в Ленинград поступать в институт. Она прошла по

* Из семейных архивов Лермонтовых.

В 1931 г. папу арестовали, обвинив „во вредительстве".
Не смотря на прекрасную работу, большие достижения,
сфабриковали „дело"!
Во время бесконечных ночных допросов следователи
издевались, истязали, нещадно избивали громадны
тяжеленными чернильными приборами, сажали
в узкую камеру-одиночку и лили на голову то
кипяток, то ледяную воду с потолка, пытки
были ужасными!!!
Каким-то чудом выдержал их, Господь сохранил
папу!!! Дал силы выстоять!
Суда никакого не было, а осужден был так
называемой „тройкой", которая в то время бы
так распространена, на срок 10 лет и выслали в
Карелию, в Медвежью Гору на строительство
Беломорканала.
В период следствия нас с мамой и Юриком (ем
было два с половиной годика) приводили на допра
когда допрашивали папу и грозили, что мы
немедленно будем все расстреляны на глазах
папы, но он и это „испытание" выстоял.
Господь спас, услышав его молитвы!!!

Рукописные воспоминания Ирины Владимировны Лермонтовой (из личных архивов Лермонтовых)

конкурсу 14 человек на место и поступила на филологический факультет Педагогического института имени А. И. Герцена. Ну разве могла дочь Марии Владимировны Лермонтовой фон дер Лауниц, знавшей в совершенстве русский, французский, немецкий и английский языки, не поступить на филологический факультет в 1939 году в советской России? По уровню подготовки, безусловно, могла, но по происхождению могла и не пройти «по конкурсу».

В 1941 году, сразу после начала Великой Отечественной войны, студентов отправили на оборонные работы – рыть окопы, противопожарные рвы. Одновременно Ирина училась в институте. Студентов мобилизовали – в госпитали ухаживать за ранеными; работать на бывшей мебельной фабрике, перепрофилированной для нужд фронта; тушить пожары и фугасные бомбы. Ирина пишет в воспоминаниях, что испытала все: бомбежки, артобстрелы, было ощущение, что «находишься на передовой линии». Так оно и было. Потом начался страшный ленинградский блокадный голод.

Ирина Владимировна выжила – помог лермонтовский характер. И самое удивительное, что весной 1942 года она, в послеблокадном состоянии, полностью изможденная, смогла проехать по северу России почти до Архангельска, чтобы найти своих родителей, которые из Повенца уже перебрались в Ерцево, о чем Ира, конечно, знать не могла. Но все-таки она нашла их. Когда Ирину Лермонтову, приехавшую из блокадного Ленинграда, встречали люди, раньше ее знавшие, то не узнавали, а незнакомые называли старушкой. Цвет лица у нее был темно-зеленым с желтыми пятнами, остались кожа да кости. Можно представить, что пережили мать и отец, увидев свою двадцатилетнюю дочь. На реабилитацию ушло не-

Три месяца подряд у меня крали хлебные и продук
карточки и я вынуждена была жить только н
горчице, которую вымачивала в течение 8 дн
и по 3 раза в день меняла воду, постепенн
горечь исчезала, получалась горьковатая му
из которой делала лепешки.
В то тяжелое время успела еще купить столя
клей, который раскалывала на маленькие кусоч
и варила до состояния киселя. Так и существов
Жила в студенческом общежитии. За эти
месяца изменилась до неузнаваемости.
В осажденном городе давали по 125 грамм
хлеба (по карточкам), а у меня и этого не был
~~Все это пережила и выжила! Все мои однокур~~
сни удивлялись, каким чудом я смогла выжит
Три месяца только на столярном клее и горч

Рукописные воспоминания Ирины Владимировны Лермонтовой (из личных архивов Лермонтовых).

сколько месяцев. А потом снова работа – в поле, на молотилке, на уборке овощей. Молодой организм стал набирать силы и жить заново (по материалам семейных архивов Лермонтовых). В 1942–1947 годах Ирина Владимировна жила с родителями и ездила с ними по стране. Все это время она работала на разных должностях, от инспектора до заведующего культурно-просветительской работой. В 1949 году семья Лермонтовых смогла поселиться в Пятигорске. Ирина Владимировна работала начальником отдела кадров на том же предприятии, где и ее отец, ИТК № 5 управления МВД.

В 1951 году Ирина Владимировна вышла замуж за Николая Алексеевича Соколова, прокурора краевой прокуратуры Ставропольской области, и переехала жить в Ставрополь. Там она наконец-то смогла получить работу, соответствующую ее образованию и интересам, – заведующая библиотекой краевого управления. Этой работе она отдала пятьдесят лет жизни. У Ирины Владимировны двое сыновей: Александр Николаевич Соколов (1951 г. р.) и Владимир Николаевич Соколов (1959 г. р.).

Ирина Владимировна Лермонтова скончалась на 92-м году жизни, в 2012 году [509, с. 331–332]. Образ этой замечательной, высокообразованной, энергичной и мужественной женщины наиболее полно освещен в обращении ассоциации «Лермонтовское наследие» к председателю Ставропольской городской думы Г. С. Колягину по поводу установления мемориальной доски на доме, где проживала Ирина Владимировна Лермонтова: «Без малого семьдесят лет отдала городу Ставрополю Ирина Владимировна Лермонтова (1921–2012) – старейшая из потомков М. Ю. Лермонтова, внучатая племянница поэта. Уникальность ее личности и пройденного ею

жизненного пути определялась не только тем, что ей было суждено стать наследницей лермонтовского рода. Одновременно с этим она по рождению принадлежала к тем родам, которые дали России выдающихся деятелей культуры, философов, военачальников, государственных мужей – словом, всех тех, чьи имена составляют сегодня славу России. Эта природная принадлежность к сонму воинов, подвижников, строителей Руси впоследствии позволила Ирине Владимировне и ее брату Юрию Владимировичу (1928–2009) пройти тяжелейшие жизненные испытания.

Ее жертвенное служение Отечеству было отмечено государственными и правительственными наградами. В общей сложности Ирина Владимировна отдала государственной службе почти пятьдесят лет своей жизни.

С послевоенного времени и до самых последних дней Ирина Владимировна вела широкую просветительскую, исследовательскую, общественную деятельность, сотрудничала с государственными архивами, библиотеками, музеями, другими учреждениями культуры, выступала на научных конференциях, днях поэзии, участвовала в официальных правительственных мероприятиях, связанных с памятью поэта, готовила материалы для научных изданий, посвященных М. Ю. Лермонтову. Ирина Владимировна вела огромную переписку. Среди ее корреспондентов – маршал Победы Г. К. Жуков и министр обороны СССР маршал А. А. Гречко, великие певцы XX столетия: И. Козловский, С. Лемешев и М. Биешу, поэт Расул Гамзатов и писатель Владимир Солоухин, композитор Арам Хачатурян и главный режиссер Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина народный артист СССР Игорь Горбачев, маршалы К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный, генерал А. А. Игнатьев, В. Д. Бонч-Бруевич, скульптор С. Д. Меркуров, автор гимна России С. В. Михалков, с которым лермонтовскую семью связывают особенно теплые отношения.

В формате лермонтовской темы Ирина Владимировна сотрудничала с крупнейшими учеными-лермонтоведами Москвы, Петербурга, других научных центров России. Среди них Ираклий Андроников, Виктор Мануйлов, Николай Пахомов, Сергей Недумов, Павел Селегей, Борис Удодов, Людмила Назарова, научные сотрудники Института русской литературы Академии наук, библиотеки Академии наук, Военно-исторического архива, Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), Государственного литературного музея, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, профессора и преподаватели Санкт-Петербургского университета.

Ирина Владимировна передала в дар научным и музейным учреждениям страны ценнейшие документы, связанные с лермонтовской темой.

С 1991 года Ирина Владимировна – член международной ассоциации «Лермонтовское наследие», активно участвовала в ее исследовательской и просветительской деятельности, в городе Ставрополе вела общественную работу в совете ветеранов войны Промышленного района, в совете микрорайона № 22, в лицее № 14.

К этому следует добавить, что Ирина Владимировна была человеком

Вход. № 1 от 26.04.13 г.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
Булкина ул., д. 17, г. Ставрополь, Ставропольский край, 355000
Тел. (8652) 26-15-16; факс: (8652) 26-16-60
E-mail: mksk@stv.runnet.ru
ОКПО 00073950 ОГРН1022601967740
ИНН/КПП 2636008697/263601001

от 01.04.2013 г. № 06-19/1731
на вх. № 8989 от13.03.2013 г.

Президенту Ассоциации «Лермонтовское наследие»

М.Ю. Лермонтову

141421, Московская обл., Солнечногорский р-н, п/о Фирсановка, Усадьба Середниково

Об установке мемориальной доски

Уважаемый Михаил Юрьевич!

Министерством культуры Ставропольского края рассмотрено Ваше обращение в адрес Губернатора Ставропольского края Зеренкова В.Г. об увековечении памяти жительницы города Ставрополя Лермонтовой Ирины Владимировны, внучатой племянницы поэта, путем установки мемориальной доски на доме по адресу: г. Ставрополь, ул. Морозова, 90, в котором она проживала.

В адрес Ставропольской городской Думы, рассматривающей данный вопрос, министерством культуры края было направлено ходатайство от 28.03.2013 г. № 06-17/1601 в поддержку Вашей инициативы.

В заседании, состоявшемся 29 марта 2013 года, размещение памятной доски в честь Лермонтовой Ирины Владимировны по вышеуказанному адресу было одобрено депутатами Ставропольской городской Думы.

Первый заместитель министра В.Г. Крихун

Решение Думы Ставропольского края об установлении мемориальной доски на доме в Ставрополе, где жила Ирина Владимировна Лермонтова

поразительно доброго и отзывчивого сердца. Ни один из обратившихся к ней людей не уходил от нее неутешенным. 14 мая 2012 года, когда она отошла от нас в мир иной, о ней скорбели в Ставрополе, Москве, Санкт-Петербурге, в других городах России и далеко за рубежом – в США, Англии, Франции, Бельгии, Германии, Австралии, Бразилии и других странах – без преувеличения тысячи людей. Ирина Владимировна была не просто хранительницей истории лермонтовского рода и истории России. Она сама была этой историей – живой, современной, связывающей богатством своей личности прошлое и будущее, лермонтовскую эпоху и XXI век, каждый день своей жизни посвящающей своему Отечеству и людям. Своей

подвижнической жизнью она показала, что достойно носит принадлежащую ей великую фамилию. Несомненно, она заслуживала бы многих почетных званий еще при жизни, но была от природы бесконечно скромным человеком и никогда не претендовала на них, с достоинством нося имя Лермонтовых».

По решению Ставропольской городской думы и ходатайству Министерства культуры Ставропольского края на доме, где в Ставрополе проживала Ирина Владимировна Лермонтова, установлена мемориальная доска.

Юрий Владимирович Лермонтов (1928–2009)

Юрий Владимирович Лермонтов родился 17 сентября 1928 года в Ростове-на-Дону. Будучи еще совсем маленьким, вместе с отцом Владимиром Михайловичем, матерью Марией Владимировной и сестрой Ириной прошел тяжкий путь лишений семьи, живущей на поселении около лагеря, где заключенные строили Беломорско-Балтийский канал. В дальнейшем Юра проживал в тех местах, куда направляли работать отца. В 1947 году семья переехала на постоянное место жительства в Пятигорск. Отец, кадровый военный, посоветовал Юре поступать в военное училище. В 1950 году Юрий Владимирович окончил Военно-автомобильное училище в городе Орджоникидзе. После окончания училища служил в Пятигорске, чтобы помогать престарелым родителям. Затем служил помощником командира полка по технической части в Ставропольском крае. В 1955–1960 годах командовал ротой курсантов в военном училище. У Юрия Владимировича были превосходные педагогические способности, и его рота всегда занимала первые места на смотрах. Живя в горах Кавказа, он занимался альпинизмом, стал альпинистом второго разряда. Отличный стрелок, шофер первого класса, Юрий Владимирович воодушевлял курсантов своим примером. В 1970-х годах Ю. В. Лермонтова направили на службу в войска химической защиты в Волгоградскую область. В 1977 году Юрия Владимировича по ходатайству известного писателя Сергея Владимировича Михалкова (см. с. 403), друга семьи Лермонтовых, перевели работать в Пятигорск, где он служил на различных руководящих должностях. В 1978 году он ушел в отставку в чине подполковника.

Юрий Владимирович принимал активное участие в сохранении и поддержании в Пятигорске памятных мест, связанных с его великим родственником – поэтом М. Ю. Лермонтовым. С 1991 года он – активный член ассоциации «Лермонтовское наследие», непременный участник торжеств, посвященных памяти поэта. В Пятигорске Юрий Владимирович возглавлял отделение ассоциации «Лермонтовское наследие». В возрасте восьмидесяти лет Юрий Владимирович был чрезвычайно активен, любил и задушевный разговор, и в вальсе пройтись, читал наизусть стихотворения М. Ю. Лермонтова. Юрий Владимирович – последний кадровый военный в роду Лермонтовых, давшем России так много храбрых защитников Отчизны.

Юрий Владимирович был дважды женат. В браке с Луизой Михайловной Мосиенко (1932–1979) у него родились двое сыновей: Михаил Юрьевич (1953) и Владимир Юрьевич (1957).

Юрий Владимирович Лермонтов скончался в 2009 году, похоронен в Пятигорске.

Печальные итоги

Итак, неутешительный итог – количество страданий и смертей, постигших представителей Колотиловской ветви рода Лермонтовых и их ближайших родственников в XX веке.

Владимир Федорович фон дер Лауниц (1855–1906), генерал-лейтенант, градоначальник Санкт-Петербурга (прадед Михаила Юрьевича Лермонтова, см. с. 367), – застрелен в 1906 году террористом. В 1920-е годы большевики совершили акт вандализма, вскрыв его могилу.

Мария Александровна фон дер Лауниц (1863–1922), урожденная княгиня Трубецкая (прабабушка Михаила Юрьевича Лермонтова, см. с. 357), – замучена в Харьковской тюрьме.

Владимир Владимирович фон дер Лауниц (1883–1919), юрист (брат бабушки Михаила Юрьевича Лермонтова, см. с. 357) – расстрелян большевиками в Москве.

Владимир Михайлович Лермонтов (1874–1954) (дед Михаила Юрьевича Лермонтова, см. с. 361) – полковник гусарского Ахтырского полка, герой Первой мировой войны, восстановитель коннозаводства в советской России, узник ГУЛАГа, одиннадцать лет прожил на поселениях в районах лагерей.

Мария Владимировна Лермонтова (1886–1959) (бабушка Михаила Юрьевича Лермонтова, см. с. 363), выпускница Императорского педагогического училища, фрейлина царского двора, – прожила с мужем одиннадцать лет на поселениях в районах лагерей.

Алла Михайловна Лермонтова (1893–1924), в замужестве Чирко (сестра Владимира Михайловича Лермонтова), – расстреляна под Феодосией.

Михаил Владимирович Лермонтов (1898–1942) (дядя Михаила Юрьевича Лермонтова, см. с. 378), – корнет гусарского Ахтырского полка, участник Первой мировой войны, восстанавливал коннозаводство в советской России, был дважды арестован, сидел в тюрьме, отбывал срок в лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала, сожжен заживо финскими солдатами.

Владимир Владимирович Лермонтов (1899–1974) (дядя Михаила Юрьевича Лермонтова, см. с. 380) – выпускник привилегированного Пажеского корпуса, состоял в Добровольческой армии, восстанавливал коннозаводство в советской России, заслуженный художник Северной Осетии, был

осужден, пять лет провел в лагерях Забайкалья.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1953 г. р.)

Генетика еще не установила причинно-следственных связей между наследованием определенной группы генов и интеллектуальными способностями человека. Однако социологические исследования свидетельствуют о том, что семья и родственные связи, то есть среда, в которой человек растет и воспитывается, влияют на его дальнейшую жизнь. Знание своих корней помогает человеку лучше понимать самого себя и развиваться, как это делали его наиболее выдающиеся предки и родственники. Для понимания личности и деятельности нашего современника Михаила Юрьевича Лермонтова необходимо знать его корни и родственные связи. Его прямые предки – это не только дворяне Лермонтовы: четырежды прадед – светлейший князь генерал-фельдмаршал Петр Христианович Витгенштейн – «спаситель Петрополя»; прадед – градоначальник Санкт-Петербурга Владимир Федорович фон дер Лауниц; князья Трубецкие, Голицыны, Черкасские (по женской линии), особенно проявившие себя как государственные деятели в Смутное время (1598–1613) и, безусловно, способствовавшие выходу нашего Отечества из кризиса власти и сохранению святой Руси.

Трубецкие – Лермонтовы. Прямое родство Лермонтовых с родами государственной значимости

Древний род Трубецких ведет начало от великого освободителя литовского могущества Гедимина (1315–1340). По мнению некоторых историков, Гедимин происходит от Владимира Мономаха, название род получил от одного из литовских наделов – Трубчевска (теперь город Трубчевск Трубчевского района Брянской области). История рода подробно описана Елизаветой Эсперовной Трубецкой в книге «Сказания о роде князей Трубецких», которая читается как роман [464, с. 9–10]. Более современный исследователь рода Трубецких из Трубчевска Геннадий Соболев внес уточнения в описание первых поколений рода [570].

Лермонтовы породнились с Трубецкими, когда Мария Александровна княгиня Трубецкая (1861–1922) вышла замуж за петербургского градоначальника Владимира Федоровича фон дер Лауница (1856–1906). Потомки Марии Александровны и Владимира фон дер Лауница, а именно Лермонтовы Колотиловской ветви рода, становятся прямыми потомками Гедимина, который, в свою очередь, потомок великого князя Владимира Мономаха (1053–1125). Взаимосвязь родов представлена на схемах. Они базируются на родословных, приведенных в книгах [464, 570].

В Смутное время, в 1610 году, Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, потомок Гедимина, был инициатором создания ополчения в Москве. Ополчение создало высший временный орган власти страны – Совет всей земли. Но только в 1612 году, после создания второго ополчения, было образовано единое правительство, выступавшее отныне от имени обоих воевод, князей Трубецко-

КНЯЗЬЯ ТРУБЕЦКИЕ

Гедимин, великий князь литовский
(1315-1340 - годы правления)
Потомок Владимира Мономаха и Рюриковичей
Жена Ольга - дочь смоленского князя Всеволода

Ольгерд (1345-1377 - годы правления)
Великий князь литовский. Христианин
Дочь Ольгерда была выдана за Владимира Иоанновича - брата Дмитрия Донского (1350-1389)

Дмитрий Ольгердович Старший (1327-1399)
Великий князь северский, трубчевский и брянский
Первый из князей Трубчевских, или Трубецких
Женат на Анне - дочери князя Ивана Друцкого
Герой Куликовской битвы в 1380 году

Михаил Дмитриевич князь Трубецкой
Хранитель Трубчевского удельного княжества

Семен Михайлович князь Трубецкой

Иван Семенович князь Трубецкой

Петр Юрьевич Трубецкой, жил в Польше (умер 1644)
Жена Елизавета Ивановна
(Эльжбета Гальшка) Друцкая-Соколинская

Юрий Петрович Трубецкой (умер 1679)
Вернулся в Россию около 1657 года. Перешел в православие в 1659 году
Владел Трубчевском по наследству от дяди
Алексея Никитича боярина Трубецкого

Генеалогия Михаила Юрьевича Лермонтова

го и Пожарского. 22 октября 1612 года Москва была освобождена от поляков. Отныне князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого стали величать «спаситель Отечества». В 1613 году, тотчас же после освобождения Москвы, правительство Трубецкого и Пожарского созвало в Москву на Земский собор выборных из всех городов и из всякого чина людей «для земского совета и для государс-

Генеалогия Лермонтовых - потомков князей Трубецких

Юрий Петрович
боярин Трубецкой
(умер в 1679). Женат на сестре
великого Василия Васильевича
боярина Голицына - кн. Ирине Васильевне
Голицыной (умерла в 1679)
Прямое родство Лермонтовых с Голицыными

Василий Васильевич
боярин Голицын (1643-1714)
Дипломат и государственный деятель
допетровской Руси. Фактический глава
русского правительства во время регентства
царевны Софьи (1682-1689)

▼

Юрий Юрьевич князь Трубецкой (1668-1739)
Генерал-поручик
Первым браком женат (с 1692) на одной из богатейших
в России наследниц - княжне Елене Григорьевне Черкасской

Елена кн. Черкасская
Единственная дочь
государственного деятеля князя
Григория Сунчалеевича Черкасского
(умер в 1672), владельца с. Каргашино
Елатомского уезда Тамбовской губернии,
и внучка князя Н. И. Одоевского,
который возглавлял правительство
царя Федора Алексеевича

▼

Иван Юрьевич кн. Трубецкой (1703-1744)
Государственный и придворный деятель, действительный камергер
Президент Юстиц-коллегии. Младший брат генерал-прокурора
кн. Никиты Юрьевича Трубецкого (1699-1767)
Женат на Марии Яковлевне Глебовой, дочери стольника Глебова

▼

Николай Иванович кн. Трубецкой (умер 1782)
Землевладелец Дмитровского уезда
Владелец усадьбы Ахтырка
Жена - Татьяна Алексеевна, урожденная Козловская

▼

Иван Николаевич кн. Трубецкой (1760-1843)
Землевладелец, предводитель дворянства
Дмитровского уезда (1810-1813)
Жена - Наталья Сергеевна кн. Мещерская (1776-1852)

▼

Петр Иванович кн. Трубецкой (1798-1871)
Генерал от кавалерии, смоленский и орловский губернатор
Сенатор, владелец усадьбы Ахтырка
Жена - Эмилия Петровна Виттенштейн (1801-1869),
дочь генерал-фельдмаршала П. Х. Витгенштейна

Петр Христианович Витгенштейн
(1769-1843)
Граф, светлейший князь
Генерал-фельдмаршал
Главнокомандующий русской армии в 1828 году
Жена - статс-дама Антуанетта
Станиславовна Снарская (1778 -1856)

▼

Александр Петрович кн. Трубецкой (1830-1872)
Камергер, действительный статский советник
Харьковский губернский предводитель дворянства
Жена - Надежда Михайловна, урожденная Веселовская

▼

Мария Александровна фон дер Лауниц
Урожденная кн. Трубецкая (1863-1922)
Муж - Владимир Федорович
фон дер Лауниц (1855-1906)

Владимир Федорович фон дер Лауниц
(1855-1906)
Владелец с. Каргашино
Елатомского уезда Тамбовской губернии
Генерал-майор, военный и
государственный деятель
Петербургский градоначальник
Убит террористом в 1906 году

▼

Мария Владимировна Лермонтова
Урожденная фон дер Лауниц (1886-1955)
Муж - Владимир Михайлович Лермонтов (1874-1954)

▼

Юрий Владимирович Лермонтов (1928-2009)
Жена - Луиза Михайловна Лермонтова (Мосиенко) (1932-1979)

▼

Михаил Юрьевич Лермонтов (1953 г. р.)
Жена - Елена Владимировна Лермонтова (Смирнова) (1953 г. р.)

▼

Марина Михайловна Лермонтова (1975 г. р.) | **Юрий Михайлович Лермонтов (1983 г. р.)**

Генеалогия Михаила Юрьевича Лермонтова (продолжение)

твенного избрания». В истории сословного представительства Земский собор 1613 года – самый представительный и многочисленный из всех, какие только собирались в XVI–XVII веках. На нем оказались выборные от дворянства, посада, белого духовенства и, по-видимому, черносошного крестьянства. «Венчал царя царским венцом Казанский митрополит Ефрем и все власти Московского государства. А в чинах были бояре: с короною князь Федор Ива-

нович Мстиславский, со скипетром князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, с шапкою Иван Никитич Романов». При восшествии на престол в феврале 1613 года Михаил Федорович дал обязательство не править без участия Земского собора и боярской думы. Однако самодержавная царская власть вошла в конфликт с этим обещанием, и оно не было реализовано [464, с. 97–117].

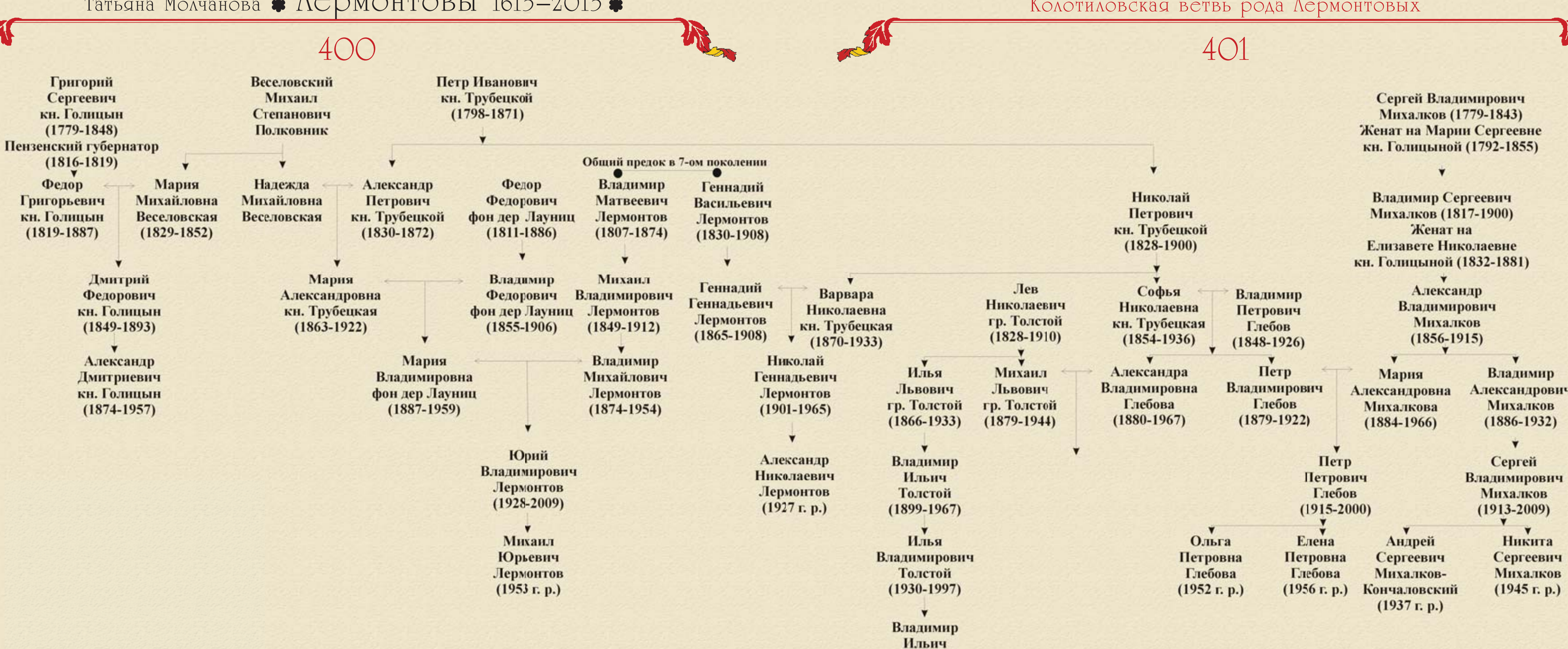
Может быть, теперь, в XXI веке, настало время исполнить волю народа четырехсотлетней давности и прибегнуть к участию в жизнеустроении государства Земского собора – самой представительной гражданской инициативы, способной взять на себя реализацию планов выхода страны из затянувшегося кризиса. Тем более что с инициативой созыва «совета всея Земли» и проведения «народного собрания России» выступает потомок Дмитрия Тимофеевича Трубецкого Михаил Юрьевич Лермонтов-младший, соединяющий шотландскую прагматичность своего предка Георга Лермонта и русскую соборность князя Трубецкого (см. с. 419).

Род Трубецких [570, с. 15–18] обогатил российскую государственность и культуру замечательными личностями, среди которых и многочисленные потомки Лермонтовых.

Князь Петр Иванович Трубецкой (1798–1871), сенатор и генерал-лейтенант, владелец усадьбы Ахтырка, был женат на Эмилии Петровне Витгенштейн, дочери генерал-фельдмаршала Петра Христиановича Витгенштейна (1769–1843), получившего за защиту Петербурга от войск Наполеона почетное звание «Витгенштейн – вождь-герой, Петрополя спаситель». Александр Сергеевич Пушкин говорил, что «хорошие стихи не так легко писать, как Витгенштейну французов побеждать». П. И. Трубецкой был отцом пятерых сыновей и четырех дочерей [464, с. 258, 261–262]. О его сыне, князе Николае Петровиче Трубецком (1828–1900), и внучке, Варваре Николаевне Лермонтовой, рассказано выше (см. с. 308).

Князь Александр Петрович Трубецкой (1830–1872), младший брат Николая Петровича Трубецкого, был женат на Надежде Михайловне Веселовской. Родная сестра Надежды Михайловны Мария Михайловна Веселовская (1829–1852) была первой женой князя Федора Григорьевича Голицына (1819–1887), харьковского предводителя дворянства, камергера, композитора-любителя. Князь Федор Григорьевич Голицын написал три романса на стихи Михаила Юрьевича Лермонтова: «Белеет парус одинокий», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Я не хочу, чтоб свет узнал». Последний романс остается популярным вплоть до настоящего времени [571, 572].

Княжна Мария Александровна Трубецкая (1861–1922), дочь князя Александра Петровича Трубецкого, вышла замуж за петербургского градоначальника Владимира Федоровича фон дер Лауница (1856–1906). О трагической судьбе последнего рассказано в этой книге. Мария Александровна Трубецкая приходилась двоюродной сестрой князю Дмитрию Федоровичу Голицыну (1849–1893); она была теткой известного государственного деятеля Александра Дмитриевича Голицына (1874–1957) [573]; теткой детей князя Николая Петровича Трубецкого, вклад которых в культуру России невозможно переоценить. Она прабабушка нашего современника Михаила Юрьевича Лермон-



Родственные связи семей Лермонтовых, Трубецких, Толстых, Глебовых и Михалковых

това. Мария Владимировна фон дер Лауниц, дочь Владимира Федоровича и Марии Александровны фон дер Лауниц, выйдя замуж за блестящего офицера Владимира Михайловича Лермонтова (1874–1954), породнила Лермонтовых со всеми Трубецкими, среди которых были известные государственные деятели, философы и деятели образования. С тех пор все потомки Владимира Михайловича и Марии Владимировны Лермонтовых имеют с Трубецкими общего предка – князя литовского Гедимина. Мария Владимировна Лермонтова, в девичестве фон дер Лауниц, – бабушка Михаила Юрьевича Лермонтова-младшего, президента ассоциации «Лермонтовское наследие».

Лермонтовы, Трубецкие, фон дер Лауниц, Глебовы, Михалковы, Толстые – культурное достояние России

В конце XIX века в результате родства просвещенных семейств Лермонтовых, Трубецких, фон дер Лауниц, Михалковых, Толстых, Глебовых российская культура приобрела плеяду талантливых личностей (см. общую схему родственных связей). Их потомки и в настоящее время оказывают мощное влияние на развитие культурных процессов в России.

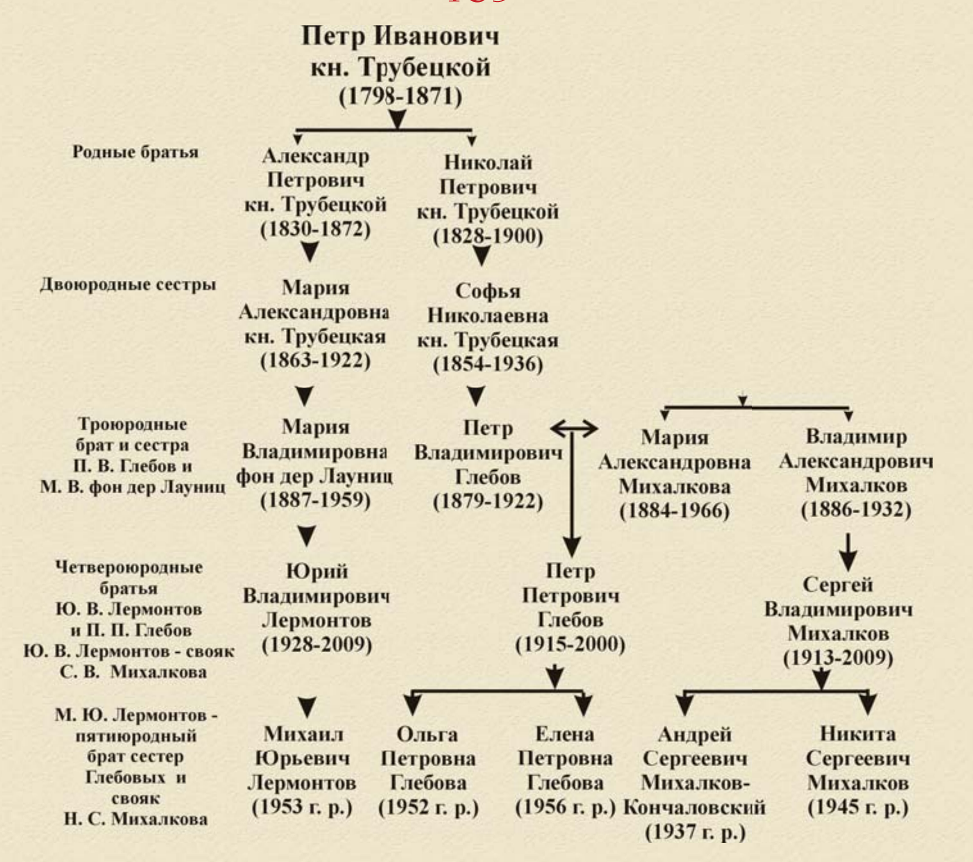
Княгиня Софья Николаевна Трубецкая (1854–1936) – старшая дочь князя Николая Петровича Трубецкого, родная сестра Варвары Николаевны Лермонтовой, урожденной Трубецкой, и двоюродная сестра Марии Александровны фон дер Лауниц, урожденной Трубецкой – вышла замуж за Владимира Петровича Глебова (1848–1926) в 1878 году. В. П. Глебов – действительный статский советник, промышленник, уездный предводитель дворянства Тульской губернии, член государственного совета, член Московской конторы Государственного банка, дальний родственник Михаила Павловича Глебова – близкого друга и секунданта поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Софья Николаевна Глебова была известна своей благотворительной деятельностью: попечительствовала приюту и школе для неимущих; возглавляла совет Московского дамского попечительства о бедных. Всю жизнь С. Н. Глебова вела переписку с зятем своей дочери Львом Николаевичем Толстым, ей принадлежат интересные мемуары о писателе [574]. Младший сын Льва Николаевича Толстого Михаил Львович Толстой

(1879–1944) был женат на Александре Владимировне Глебовой (1880–1967), старшей дочери Софьи Николаевны и Владимира Петровича Глебовых. В конце 1890-х – начале 1900-х годов у Глебовых был собственный дом в Москве, на Большой Молчановке [575, 576]. В семье Глебовых существует поверье, что в знаменитой сцене пляски Наташи Ростовой после охоты Л. Н. Толстой передал черты Софьи Глебовой, которая, как и ее муж, была страстной охотницей. Молодая чета Глебовых часто гостила в Ясной Поляне. В. П. и С. Н. Глебовы активно участвовали в работе тульского отдела Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, созданного в 1911 году. По инициативе Глебовых и М. Л. Толстого было организовано обследование памятников старины Тульской губернии [577, 578, с. 20–21]. Родственные отношения с потомками Льва Николаевича Толстого, в частности с праправнуком Владимиром Ильичом Толстым, советником президента России, семья Глебовых сохранила до настоящего времени.

Лермонтовы, потомки Марии Александровны фон дер Лауниц, урожденной княгини Трубецкой, и Глебовы имеют общего предка Петра Ивановича князя Трубецкого (1798–1871). Через Глебовых и Трубецких Лермонтовы находятся в родстве с потомками Льва Николаевича Толстого.

Петр Владимирович Глебов (1879–1922), старший сын Владимира Петровича и Софьи Николаевны Глебовых, окончил юридический факультет Московского университета. В 1903–1905 годах он служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе. В 1913 году П. В. Глебов страстно влюбился и женился на красавице Марии Александровне Михалковой (1884–1966). Глебов был вторым мужем Марии Михалковой. Ее первый брак и связанная с ним история могут быть темой отдельной книги [578, с. 22–30]. Известным и любимым народом стал младший сын Марии Александровны и Петра Владимировича Глебовых – народный артист СССР Петр Петрович Глебов (1915–2000) [578], создавший незабываемый образ Григория Мелехова в фильме С. А. Герасимова «Тихий Дон» по одноименному роману лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова. Внук писателя Александр Михайлович Шолохов – директор Государственного музея М. А. Шолохова и большой друг семьи Михаила Лермонтова-младшего. Петр Петрович Глебов, его очаровательная жена Марина Алексеевна, их дети и внуки дружили с нашей семьей Молчановых. От Глебова исходило очарование сильной и доброй личности. Он умел иронично пошутить, если чувствовал фальшь в отношениях, дать добрый совет в настоящей беде. В жизни, в общении он был необыкновенно притягательным, таким же, как на экране. Романсы, русские народные песни, казачьи напевы П. П. Глебов исполнял виртуозно и очень душевно. Петр Петрович увлекался охотой, любил жену и детей, был настоящим патриотом.

Родной брат Марии Александровны Глебовой, урожденной Михалковой, Владимир Александрович Михалков (1886–1932) вторично породнил род Михалковых с Трубецкими и Глебовыми. Он был женат на Ольге Михайловне Глебовой (1883–1943) – дочери Михаила Петровича Глебова (1847–1909), родного брата Владимира Петровича Глебова (1848–1926), женатого на Софье



Родство Лермонтовых, Трубецких, Глебовых и Михалковых

Николаевне, урожденной кн. Трубецкой (1854–1936). Современные Михалковы и Глебовы по женской линии – прямые потомки Евдокии Николаевны кн. Мещерской (1774–1837), урожденной Тютчевой, родной тетки поэта Федора Ивановича Тютчева (1803–1873). Михалковы и Глебовы имеют общего предка – Петра Михайловича Глебова (1813–1883) – внука Е. Н. кн. Мещерской. По линии Глебовых и Трубецких Михаил Лермонтов-младший является родственником Михалковых (см. генеалогию).

Сергей Владимирович Михалков (1913–2009), сын Владимира Александровича и Ольги Михайловны Михалковых, – знаменитый российский поэт и писатель, публицист, фронтовик, автор гимнов СССР и Российской Федерации. На его произведениях для детей воспитывались многие поколения россиян. В Москве, в сквере на Поварской улице, установлен памятник Сергею Владимировичу Михалкову, созданный народным художником России Александром Рукавишниковым. Церемония открытия памятника состоялась 28 мая 2014 года. Со вступительной речью выступил Президент России Владимир Владимирович Путин. На церемонии присутствовали сыновья Сергея Владимировича Михалкова, родственники, среди которых был Михаил Лермонтов-младший, мэр Москвы Сергей Семенович Собянин, пред-

*Церемония открытия памятника Сергею Владимировичу Михалкову.
Москва, 28 мая 2014 года*

ставители общественности.

Сергей Владимирович Михалков провел юношеские годы в Пятигорске и никогда не терял связи с городом своей юности. Когда он познакомился и подружился с семьей Лермонтовых, оказалось, что они жили в Пятигорске на соседних улицах, только в разное время. Дружба и родственные связи объединили семьи Лермонтовых и Михалковых на долгие годы.

Сергей Владимирович Михалков был женат на Наталье Петровне Кончаловской (1903–1988), дочери известного художника Петра Петровича Кончаловского (1876–1956) и внучке замечательного русского художника Василия Ивановича Сурикова (1848–1916). В 1937 году у них родился сын Андрей, а в 1945 году – Никита.

Андрей Сергеевич Михалков-Кончаловский и Никита Сергеевич Михалков не просто талантливые режиссеры и актеры, это личности с гражданской позицией и государственным мышлением. О каждом из них можно писать романы. Они сами уже написали о своем отношении к творчеству и о своих жизненных позициях [579, 580]. Мне, как зрителю, ближе фильмы Никиты Михалкова с их необыкновенной художественной палитрой, тонким, философским содержанием, с музыкой, написанной выдающимся композитором Эдуардом Артемьевым, ставшим близким другом Михаила Лермонтова-младшего и его семьи. Знакомство Лермонтовых с семьей Артемьевых произошло в подготовительной школе, в которой учились их внуки, и переросло в многолетнюю дружбу. Их объединяет любовь к русской истории, философии и искусству, они традиционно встречаются в усадьбе Середниково и в гостеприимном доме Никиты Сергеевича Михалкова.

Интересна история имени супруги Эдуарда Артемьева. Ее родители – большие поклонники творчества поэта – решили назвать дочку по первому женскому имени, которое встретится в томике М. Ю. Лермонтова. Этим именем оказалось Изольда – главная героиня всемирно известного произведения «Тристан и Изольда», автор которого – шотландский предок поэта Томас Лермонт. Михаил Лермонтов и Изольда Артемьева стали крестными родителями Даниила, внука Эдуарда и Изольды Артемьевых, объединив тем самым семьи духовным родством.

Истории было угодно связать родственными отношениями три всемирно известных российских рода: Лермонтовых, Толстых и Михалковых.

Михаил Юрьевич Лермонтов-младший, ученый и предприниматель

Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.
А. С. Пушкин

Полный тезка великого русского поэта, названный в его честь, Михаил Юрьевич Лермонтов родился в 1953 году в Пятигорске в семье Юрия Владимировича Лермонтова и Луизы Михайловны Мосиенко. Михаил Платонович Мосиенко, отец Луизы Михайловны, полковник, военком послевоенного Новороссийска, награжден многими боевыми орденами и медалями Великой Отечественной войны. Младший брат Михаила Юрьевича Владимир Юрьевич Лермонтов – известный писатель-эзотерик, у него трое детей: сын Родион и дочери Ольга и Мария.

Полное имя и место рождения Михаила Юрьевича Лермонтова-младшего глубоко символичны. В то же время это огромная ответственность перед всем родом Лермонтовых и перед Россией – с честью нести доставшееся ему имя и духовно-нравственное наследие предков. Михаил Юрьевич – представитель древнего рода, четырехсотлетняя история которого неразрывно связана с Россией, а с учетом шотландских корней – более 950-летняя.

Михаил Юрьевич Лермонтов-младший

Михаил Лермонтов-младший провел детские годы и окончил школу № 51 в городе Фролово Волгоградской области. Его увлекали точные науки, и в 1970-х годах он поступил в Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана (МВТУ). Получил фундаментальное образование на кафедре сварки, его первый учитель – ректор училища, выдающийся русский ученый академик Георгий Александрович Николаев. Михаил Юрьевич занимался разработками новых материалов в филиале Всесоюзного науч-

но-исследовательского института неорганических материалов им. академика А. А. Бочвара (ВНИИНМ) в городе Электросталь, заочно обучался в аспирантуре того же института. В то время еще был жив российский ученый-металловед Андрей Анатольевич Бочвар, имя которого впоследствии было присвоено институту. В 1949 году он возглавлял группу сотрудников института по созданию на комбинате «Маяк» ядерного заряда для первой отечественной атомной бомбы, успешное испытание которой положило конец монополии США в этой области.

Михаил Юрьевич Лермонтов в 1985 году под руководством известного ученого-металловеда Юрия Ивановича Казеннова защитил кандидатскую диссертацию по тематике, связанной со сваркой тепловыделяющих элементов для ядерных реакторов. Михаил Лермонтов хорошо понимает, какая огромная ответственность лежит на людях, работающих на обороноспособность страны.

Вместе с Михаилом Юрьевичем в институте работала его жена Елена Владимировна, урожденная Смирнова, с которой они познакомились и поженились, будучи еще студентами Бауманки. Их союз оказался счастливым и прочным. У них двое детей – дочь Марина (1975) и сын Юрий (1983) – и трое внуков: Сергей (1998), Елизавета (2004), Владимир (2006). В 2014 году они отметили 40-летие совместной жизни.

К началу 1990-х годов (время распада СССР и коренных преобразований в политической, социальной и духовной жизни общества) Михаил Лермонтов занимал ответственную должность начальника топливно-материаловедческого отдела Электростальского филиала ВНИИНМ. Его отдел занимался разработкой новых материалов для ядерных реакторов, среди коллег у него была репутация талантливого и высокопрофессионального специалиста.

Политические процессы в стране в начале 1990-х годов сопровождались глубоким экономическим кризисом. Немногие смогли выстоять в создавшейся ситуации. Михаилу Лермонтову всегда помогали присущая ему инициативность, творческая активность и чувство ответственности. В 1991–1994 годах Михаил Лермонтов руководил созданным им малым государственным предприятием «АТМА» Минатома РФ. Значительную помощь в этот период ему оказал Олег Александрович Столяров, который долгие годы был соратником и в бизнесе и, что особенно важно, в восстановлении усадьбы Середниково. В 1995–1998 годах Михаил Лермонтов работал заместителем директора внешнеторговой фирмы «Энергия» Минатома РФ. В 1998–2002 годах он сначала консультант, а затем директор по финансовому управлению и развитию ОАО «Машиностроительный завод» в городе Электросталь – крупнейшем в мире производителе тепловыделяющих элементов для атомных реакторов, возглавляемом известным организатором ядерной отрасли Валерием Алексеевичем Межуевым. Затем его назначили на должность генерального директора дочернего общества концерна «Росэнергоатом» ООО «Центратомснаб».

В начале 2000-х годов Михаил Лермонтов наряду с бизнесом все больше интересуется культурным наследием, историей России и современными тенденциями ее развития. В 2005 году становится советником Александра Сергеевича Соколова, министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, и на общественных началах занимается проблемами

государственной культурной политики. В 2006 году защитил диссертацию на степень доктора культурологии по теме «Управление культурой как макроконтентной системой в условиях информационной глобализации». В диссертации Михаил Юрьевич исследовал влияние электронных СМИ на развитие и изменение соотношений различных сфер знаний в современном обществе, на формирование новых интеллектуальных пространств как электронных техносоциальных матриц. Результаты глубокого, всестороннего анализа исторических и современных тенденций развития российской и мировой культуры с применением современных концептуальных подходов и методов описаны в его публикациях, он автор более тридцати научных работ.

Воссоединение семей Лермонтовых

Символы и знаки, начертанные в судьбе Михаила Лермонтова, не оставляли его пытливый философский ум даже в период занятий бизнесом. В 1989 году он приступает, как ему тогда казалось, к главному делу своей жизни – воссоединению лермонтовских семей, живущих по всему миру. Огромная предварительная работа – переписка, обсуждение проекта, – проводимая при активном содействии членов рода Лермонтовых: Игоря Васильевича Воронцова, его супруги Марины Константиновны Северцовой, Вадима Николаевича Цугулиева, Александра Николаевича и Владимира Николаевича Соколовых, Михаила Александровича Лермонтова из США, а также при активном участии Елены Владимировны Лермонтовой, жены Михаила Юрьевича, завершилась в 1991 году созданием общероссийского общественного объединения – ассоциации «Лермонтовское наследие». Президентом ассоциации выбрали Михаила Юрьевича Лермонтова-младшего.

Усадьба Середниково. «Усадьба судеб. Вас здесь ждут» (Т. Молчанова)

Середниково – жемчужина Подмосковья. «Национальный лермонтовский центр Середниково». Воспитание красотой

Продолжением идей ассоциации в 1992 году, по предложению заместителя министра культуры РСФСР Нины Борисовны Жуковой, стало решение о возрождении усадьбы и учреждении «Национального лермонтовского центра Середниково». В 1995 году с администрацией Московской области, при доброжелательном участии заместителя ее главы Власова Виктора Олеговича, был заключен договор аренды усадьбы Середниково на сорок девять лет.

В Середникове поэт провел четыре лета, в 1829–1832 годах, наполненных радостью и теплой атмосферой семьи Столыпиных, здесь он написал несколько вдохновенных стихотворений. В усадьбе Середниково прошли самые счастливые детские годы троюродного брата поэта – реформатора Петра Аркадьевича Столыпина.

В 1992 году усадьба Середниково находилась фактически в полуразрушенном состоянии. На территории усадьбы еще несколько лет находился противотуберкулезный санаторий «Мцыри». Обещанные государством на восстановление усадьбы деньги по программе «Наследие» канули в неизвестность после распада СССР. Но, видимо, планы Михаила Юрьевича Лермонтова – восстановить усадьбу своих предков – были благословлены свыше. Тем более что рядом был надежный соратник и друг Игорь Васильевич Воронцов, а первым исполнительным директором стала Ирина Антоновна Тыжнова, которая достойно приняла на себя все трудности и невзгоды по возрождению лермонтовского гнезда. Первые средства на восстановление усадьбы, как и на деятельность ассоциации, внесла ставшая членом большой лермонтовской семьи англичанка Джозефина Лермонт.

Великолепное решение ансамблей парадной и хозяйственных частей усадьбы и покрытые культурным слоем белокаменные колоннады и флигеля, облезлые и разрушающиеся бельведеры, испорченные росписи потолков и прогнившие крыши и полы – красота и разруха. Такой была усадьба в начале 1990-х годов, и Михаил Юрьевич взял на себя ответственность за ее восстановление, а ведь для этого нужно было заработать средства, решить проблемы с реставрацией, обеспечить безопасность усадьбы, отразить нападения рейдеров на охранные территории.

Михаил Лермонтов употребил все свои организаторские качества и личные финансовые возможности на то, чтобы восстановить усадьбу Середниково как мемориальный музей, как памятник архитектуры, как выдающийся образец исторического усадебного образа жизни.

Усадьба – судьба, это о нем

Теперь усадьба Середниково – это жемчужина Подмосковья, созданная творческим трудом большого коллектива под общим руководством Михаила Юрьевича и Елены Владимировны Лермонтовых, при самоотверженном участии в ее возрождении в качестве исполнительного директора и фактически главной управляющей усадьбы их дочери Марины и заместителя директора – сына Юрия.

В процессе реставрации усадьбы, когда она стала приобретать черты давно минувших дней, – Лермонтовы заботливо и тщательно восстанавливали именно черты XIX века – усадьба как бы стала разговаривать с ее нынешними обитателями. Стала влиять на их состояние и даже мировоззрение. В Середникове жили такие выдающиеся личности, как русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов и великий реформатор России Петр Аркадьевич Столыпин. Хотелось узнать и прочувствовать их мысли и чаяния, понять их взгляды на историю и судьбу России, быть достойными их великого наследия.

Сегодня в усадьбе на средства Михаила Юрьевича отреставрированы главный дом, парадный двор с колоннадой, манеж, пандусная лестница к пруду, основная часть огромного парка с аллеями, прудами и мостами. В главном доме создана мемориальная экспозиция, собрана библиотека с книгами о великих обитателях усадьбы, о роде Лермонтов – Лермонтовых. Впервые в России создана мемориальная комната П. А. Столыпина в содружестве с фондом, возглавляемым Павлом Анатольевичем Пожигайло, который стал инициатором и организатором сооружения памятника Петру Аркадьевичу Столыпину у Дома Правительства РФ.

В усадьбе проводятся концерты, народные праздники и гулянья, здесь снимают фильмы. «Национальный лермонтовский центр Середниково» вошел в проект программы сотрудничества ЕС – Россия «Сохранение памятников истории и культуры на основе государственно-частного партнерства», который успешно реализован в тесном сотрудничестве с заместителем министра культуры и массовых коммуникаций Дмитрием Михайловичем Амунцем, ставшим большим другом Михаила Юрьевича и его семьи. В реализации проекта принимал участие еще один член рода – Андрей Владимирович Цугулиев, внук Татьяны Владимировны Лермонтовой. Информация о перспективном развитии усадьбы Середниково есть в проекте программы [582]. В статье, посвященной усадьбе Середниково, в журнале «Дворцы и усадьбы» можно ознакомиться с ее историей [583].

В начале XXI века Михаил Юрьевич вместе с ректором Московского инженерно-физического института Борисом Николаевичем Оныкием основали в усадьбе Середниково «Лермонтовскую школу воспитания красотой». Изначально школу создавали для студентов МИФИ, которые проводили в усадьбе целый день, погружаясь в атмосферу живого исполнительского искусства, слушали лекции по философии и литературе, науке и технике, обучались правилам этикета и просто отдыхали – все это должно было стать питательной средой, воспитывающей у учащихся способность воспринимать красоту окружающего мира. Этот принцип стал основным, необходимым для достижения человеком наивысших результатов в творчестве, науке и всех видах жизнедеятельности как совершения красивых

Памятник П. А. Столыпину у Дома Правительства Российской Федерации на пересечении улиц Новый Арбат и Конюшковской. Открыт 27 декабря 2012 года к 150-летию со дня рождения Столыпина. Президент России В. В. Путин и председатель Правительства РФ Д. А. Медведев возлагают цветы к подножию памятника

поступков. Студенты, оканчивая вуз, пишут, что самым ярким впечатлением за время учебы были уроки в Середникове. И сейчас такие уроки продолжаются.

Середниковская среда, как ее называет Михаил Юрьевич, в свое время собрала известнейших ученых страны. В 2000 году в усадьбе Середниково проходила I Международная конференция «Время, Красота, Интернет», на которую приехал один из создателей Интернета Роберт Кайо из европейского Центра ядерных исследований (ЦЕРН). Участниками «середниковской среды» также стали директор Института философии РАН Вячеслав Семенович Степин, выдающийся ученый и просветитель Сергей Петрович Капица, директор Института прикладной математики РАН Сергей Павлович Курдюмов, профессор Владимир Иванович Аршинов, помощник генерального директора ЦЕРН Николас Кульберг и многие другие. Среди них доктор технических наук Владимир Николаевич Шкунденков, вместе с которым создавалась школа и начинались уроки воспитания красотой и который создал метод «Сжатия времени», позволивший существенно сократить сроки производства Большого андронного коллайдера в ЦЕРНе за счет применения последователями школы красивых решений при электронном документообороте в планировании и проведении работ.

Воспитание красотой – как сходны в своих устремлениях М. Ю. Лермонтов, В. И. Толстой и Н. С. Михалков, потомки родственных именитых семейств.

Интерактивное воспитание в музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

Ясная Поляна – особое место в истории российской педагогики. Именно здесь, в своем родовом имении, в 1849 году начал обучать грамоте крестьянских детей граф Лев Николаевич Толстой. Вернувшись с Крымской войны, он открыл в Ясной Поляне школу. Работа этого учебного заведения, которую писа-

М. Лермонтов, А. Шолохов, А. Пушкин, В. Толстой – «Ребята, не Москва ль за нами?»

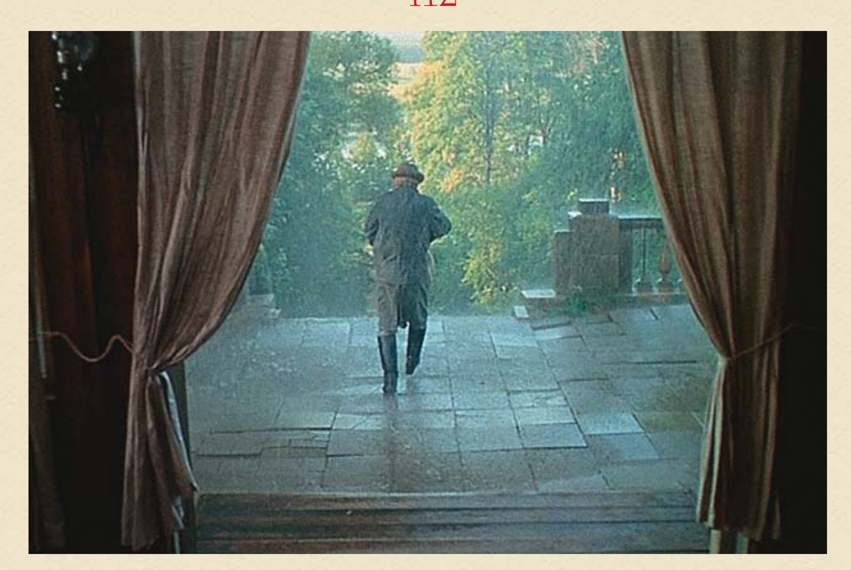
тель освещал в своем педагогическом журнале «Ясная Поляна», вызывала интерес в России и за рубежом и была примером для подражания. Лев Николаевич Толстой считал, что для нас, русских, исторически выработавшиеся школы не могут быть образцами, но что эти школы, с каждым шагом вперед, более и более отстают от общего уровня образования, и что потому принудительный характер их более и более становится незаконным, и, наконец, что в Европе самое образование, как просачивающаяся вода, избрало себе другой путь – обошло школы и разлилось в жизненных орудиях образования» [584].

Ненасилие стало основным жизненным принципом писателя и гуманиста, предвещавшего великие потрясения, если человечество «не одумается».

В музее-усадьбе «Ясная Поляна» начался новый период в 1994 году, когда директором стал праправнук писателя Владимир Ильич Толстой. Современный музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» – это центр литературно-философской дискуссии международного значения. С максимальной достоверностью восстанавливаются все виды деятельности, которые велись в усадьбе Ясная Поляна при жизни Л. Н. Толстого. В музее есть отдел музейной педагогики и детский сад «Муравейное братство». Отдел музейной педагогики ставит своей целью использовать педагогическое наследие Л. Н. Толстого и восстановить роль усадьбы в социальном развитии местного сообщества [585, 586].

Никита Сергеевич Михалков – выдающийся российский кинорежиссер, артист и общественный деятель

Художественная палитра тонких психологических фильмов, снятых Никитой Михалковым, с необыкновенной музыкой замечательного композитора Эдуарда Артемьева совершенна. Его фильмы – это соприкосновение



Кадр из фильма Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино»

с прекрасным. Усадьба в фильме «Неоконченная пьеса для механического пианино», дача в фильме «Утомленные солнцем» – это не просто дома, это уклад жизни, к сожалению, уходящий и во многом утерянный.

Они пробуждают ностальгию не только у героев фильма, но и у зрителей. Они напоминают о самобытности российского общества, о том, что усадьба-дача была центром культурной жизни, где зарождалось и созревало творческое начало нашей нации, наших великих литераторов, художников, мыслителей.

Сохранение культурного наследия – одна из тем творчества Никиты Сергеевича Михалкова. «Русские без России» – цикл документальных

Никита Сергеевич Михалков «в минуту жизни трудную»

фильмов, снятых Никитой Михалковым, трогает каждого русского человека, особенно тех, кого коснулась тема эмиграции. Сколько семей распалось и ушло в небытие, скольких разбросало по свету.

В 1987 году Никита Сергеевич Михалков и его единомышленники создали студию «ТРИТЭ» – творчество, товарищество, труд – творческо-производственное объединение, базирующееся на принципах независимости и самостоятельности. Независимость от государственных и общественно-политических структур. Самостоятельность в решении любых проблем «ТРИТЭ» и его партнеров. Символ «ТРИТЭ» – медведь, держащий в лапах три буквы Т, слитые воедино. Студия «ТРИТЭ» занимается не только кинематографом, она издает книги, посвященные российской истории, например исторический альманах «Российский архив» (14 томов) – продолжение просветительских традиций знаменитого журнала П. И. Бартенева; «Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина»; «Михаил Михайлович Осоргин. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни 1861–1920» и другие.

Три Кита

Творческая деятельность Никиты Сергеевича Михалкова, Владимира Ильича Толстого и Михаила Юрьевича Лермонтова – это огромный созидательный труд потомков великих родов на благо Отечества, направленный на сохранение и развитие нравственной самобытной российской культуры. Как деятели государственного масштаба в области культуры, они принимают участие в работе общественных советов, палат и комиссий и, конечно, имеют возможность и желание обмениваться мнениями по многим вопросам. Никита Сергеевич возглавляет Российский фонд культуры, Владимир Ильич – советник по культуре и искусству Президента РФ В. В. Путина, а Михаил Юрьевич – советник министра культуры и член Общественной палаты РФ. Таким образом, они творчески и предметно влияют на процесс возрождения нравственных традиций в российской культуре.

21 ноября 2013 года по инициативе потомков великих литераторов, среди которых Владимир Ильич и Михаил Юрьевич, проходит знаменательное Российское литературное собрание с участием Президента РФ В. В. Путина. Собрание открыто обсуждает проблемы соотношения в современном мире литературы и власти. Особенно актуальным становится поручение президента о разработке и широком обсуждении проекта Основ государственной культурной политики. Культура называется важнейшим приоритетом развития государства в новом веке и новом мире. Президент завершает собрание строкой поэта: «Сейчас Михаил Юрьевич Лермонтов вспоминал своего великого предка, нашего великого поэта, и вспоминал о том, что я уже обращался с его словами в ходе избирательной кампании. Сейчас, слава богу, никаких избирательных кампаний нет, но я хочу закончить нашу встречу тоже его словами. Помните, как он говорил в известном стихотворении:

Российское литературное собрание с участием Президента РФ В. В. Путина, 21 ноября 2013 года

«Люблю Отчизну я, но странною любовью»? Это почему? Потому что у каждого из нас своя Россия, но она у нас одна. Спасибо вам за служение России»!*

Михаил Лермонтов – культуролог и общественно-политический деятель

Михаил Юрьевич Лермонтов приобрел огромный опыт в процессе восстановления усадьбы Середниково. Этот опыт пригодился ему в государственной и общественной деятельности в области сохранения культурного наследия и развития культуры в России. Он занимает высокие общественные должности, позволяющие ему реализовывать свои разработки для формирования культурной политики России:

· 2005–2008 годы – советник министра культуры и массовых коммуникаций РФ на общественных началах, заместитель председателя экспертного совета по государственной политике при Министерстве культуры и массовых коммуникаций РФ;

· с 2007 год – член президиума Федерального научно-методического совета по культурному наследию;

· 2008–2013 годы – председатель Комиссии по культурной, информационной и градостроительной политике в Общественном совете города Москвы;

· с 2011 года – член ученого совета Российской международной академии туризма;

· с 2012 года – советник министра культуры РФ на общественных началах;

· с 2013 года – руководитель комиссии по культуре Общественной палаты города Москвы;

* http://www.kremlin.ru/news/19665.

Заседание Общественного совета города Москвы, 2008

· с 2014 года – член Общественного совета при Минкультуры РФ, член Общественной палаты РФ.

В 2008 году Михаил Лермонтов совместно с председателем Общественного совета города Москвы, бывшим кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, дважды Героем Социалистического Труда, почетным гражданином города Москвы Владимиром Ивановичем Долгих создает московский клуб «Ценности нации и национальные интересы России»*.

Московский клуб последовательно проводит идею утверждения в общественном и государственном жизнеустройстве ценностей и смыслов России как самобытной цивилизации. В речи на Валдае в сентябре 2013 года В. В. Путин в подтверждение правоты этих идей фактически объявляет новую государственную культурную политику, во многом основывающуюся на идеях московского клуба. К 2014 году московский клуб «Ценности нации и национальные интересы России» в партнерстве со Школой здравого смысла клуба товарищей Военного института иностранных языков (Андрей Петрович Девятов, Александр Гарунович Ибрагимов, Владимир Григорьевич Буданов, Руслан Александрович Макаров), а также с Александром Ивановичем Владимировым, автором фундаментального научного труда «Общая теория войны», создают Национальную академию концептуального управления развитием и становятся ведущей концептуальной площадкой в стране**.

Будучи советником на общественных началах Владимира Ростиславовича Мединского, министра культуры РФ, известного своими книгами, развенчивающими дурные мифы о России и русском народе, Михаил Лермонтов реализует теоретические изыскания. Он стал

* http://vm.ru/moscvichka/2009/08/02/matritsu-ne-slomit-1185.html.
** http://shzs.info/news/196-nebesnyi-plan-preobrazheniia-mira.html.

Заседание Московского клуба в партнерстве со Школой здравого смысла клуба товарищей Военного института иностранных языков, 2014

Торжественное открытие юбилейного года, посвященного 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, 21 марта 2014 года

Медаль Лермонтова, учрежденная ассоциацией «Лермонтовское наследие» к 200-летию со дня рождения поэта

соавтором политической части государственной программы «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы», ее основных положений.

В 2006 году по инициативе Михаила Лермонтова и Андрея Шацкова возрожден альманах «День поэзии». Во Всемирный день поэзии, 21 марта, в усадьбе Середниково каждый год проходит презентация нового альманаха «День поэзии». Вручают учрежденную ассоциацией «Лермонтовское наследие» международную премию «За красоту творчества и высокие принципы гражданской ответственности» начиная с 2006 года. Первым лауреатом премии посмертно стал вице-президент ассоциации Игорь Воронцов. Лауреаты премии – выдающиеся российские поэты: Андрей Шацков, Юрий Ряшенцев, Владимир Костров, Сергей Мнацаканян, Лариса Васильева, Андрей Дементьев, Дмитрий Мизгулин, Лев Аннинский, Владимир Исайчев, Наталья Гранцева, Марина Кудимова, Владимир Фирсов и большой друг семьи Лермонтовых Николай Зиновьев. За вклад в музыкальное искусство премии удостоены Любовь Черняева, Валерий Черняев, Елена Борзова, Елена Стрижевская, Наталья Павлова, Петр Глубокий.

21 марта 2014 года в Государственном музее А. С. Пушкина при активном участии его директора Евгения Анатольевича Богатырева состоялось организованное ассоциацией «Лермонтовское наследие» и Министерством культуры РФ торжественное открытие юбилейного года, посвященного 200-летию М. Ю. Лермонтова*.

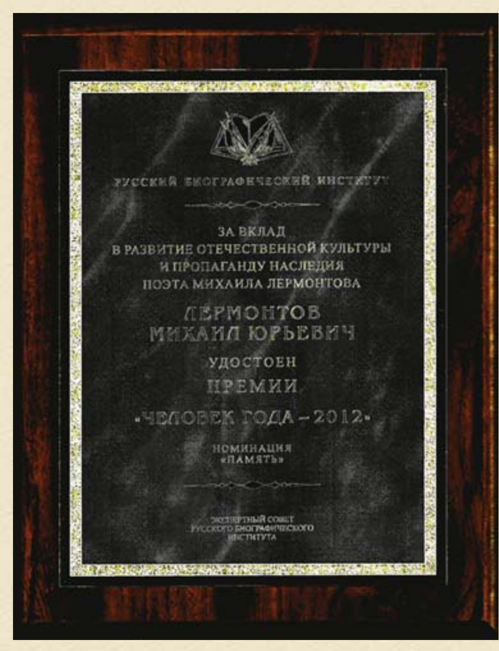
На церемонии были вручены памятные медали ассоциации, посвященные юбилею, а также медали лауреатов международной лермонтовской премии, изготовленные специально к этой дате.

В Доме Правительства РФ 5 февраля 2014 года прошла церемония награждения российских деятелей культуры и искусства премией Правительства РФ. Директор «Национального лермонтовского центра Середниково» Михаил Юрьевич Лермонтов с товарищами был удостоен премии за просветительский проект в области литературы – альманах «День поэзии – XXI век». Премию вручали премьер-министр правительства РФ Дмитрий Анатольевич Медведев и вице-премьер Ольга Юрьевна Голодец**.

* http://mkrf.ru/press-tsentr/novosti/ministerstvo/god-lermontova-v-rossii-otkrylsya-vo-vsemirnyy-den-poezii.

** http:///news_society/20140205/375410047.html.

Прием в Доме Правительства РФ, 5 февраля 2014 года



РУССКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ЗА ВКЛАД
В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
И ПРОПАГАНДУ НАСЛЕДИЯ
ПОЭТА МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА

ЛЕРМОНТОВ
МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ

УДОСТОЕН
ПРЕМИИ
«ЧЕЛОВЕК ГОДА – 2012»

НОМИНАЦИЯ
«ПАМЯТЬ»

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ
РУССКОГО БИОГРАФИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА

Диплом «Человек года – 2012»

Человек года – 2012

Русский биографический институт в 2012 году присвоил звание «Человек года – 2012» в номинации «Память» Михаилу Юрьевичу Лермонтову, основателю ассоциации «Лермонтовское наследие», за вклад в развитие отечественной культуры и пропаганду наследия поэта Михаила Лермонтова [589].

Гражданская позиция

Знание истории своего рода, конкретных дел своих предков на российской земле на благо Отечества и народа придает каждому следующему поколению непоколебимую уверенность в необходимости сохранять и приумножать достояния родины, а в случае опасности предупреждать о грядущих бедах, встать на защиту родных границ.

Михаил Юрьевич Лермонтов, великий поэт-пророк, предрекал:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон.
М. Ю. Лермонтов, 1830

Казалось бы, Россия пережила предсказания поэта. Остались в прошлом страшные годы сталинских лагерей, в которых погибли десятки миллионов прекрасных, талантливых людей, а судьбы их семей были исковерканы. Пустившись во все тяжкие: если наслаждение – с развратом; если свобода – с матом; если пьянство – вусмерть; если власть – до смерти, – Россия XXI века может утратить собственную национальную культуру, без которой легко стать безликим придатком развитых цивилизованных стран мира.

Михаил Юрьевич Лермонтов – потомок рода Трубецких, среди которых философы-мыслители Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905), Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920), сформулировавшие концепции национальной самобытности русской культуры как необходимой среды для развития, познания самого себя и свободного самовыражения личности русского человека. М. Ю. Лермонтов творчески развил теории предков и других выдающихся мыслителей России и создал основы национальной стратегии сохранения русской цивилизации в современном мире.

Позиция Михаила Юрьевича основана на сакральных принципах его миропонимания: человек создан «по Образу и Подобию», народ как если «двое трое во Имя Его, то Он среди них», государство как «Царство Божие на земле», самобытная русская цивилизация как «новое Небо и новая Земля, на которых обитает Правда». При этом русская цивилизация как священное духовно-религиозное, социально-культурное и государственно-политическое всеединство природы, человека, народа и государства основана на ценностях соборного жизнеустройства, бескорыстного служения и дружественного сосуществования ее народов, которые позволяли им вместе выживать в минуты смертельной опасности, а России – вновь возрождаться в качестве великой мировой державы.

Чтобы донести свои воззрения и способы их реализации до народа и вступить в диалог с выбранной властью в России, Михаил Юрьевич Лермонтов шаг за шагом организует общественные инициативы по реализации своих идей в России.

В 2010 году он избирается председателем организованного им Народного собрания России как гражданской инициативы, отделения которого образованы в 53 субъектах России. Его ближайшими соратниками в этом проекте становятся Александр Иванович Владимиров и Вячеслав Алексеевич Рудников, создатель известной электронной энциклопедии «Кирилл и Мефодий» и основатель интернет-портала КМ.РУ. Народное собрание России – это объединительное движение по восстановлению жизнеспособности страны, защите фундаментальных ценностей и реализации национальных интересов государства. Как идейный лидер, Михаил Лермонтов выразил взгляды Народного собрания России в публикациях «Манифест гражданской ответственности» [590], «М. Ю. Лермонтов: Проект “Наша Россия”»*.

«Народное собрание России формирует соборный строй, основанный на национальных ценностях, исторической преемственности, самобытности, суверенности, самодостаточности, для развития патриотической и нацио-

* http://news.km.ru/myulermontov_proekt_nasha_rossiy.

нальной идентификации граждан страны, а также на точном соблюдении прав и обязанностей личности, общества и государства при их взаимном уважении» (http://zasobor.org/index/proekt_quot_nasha_rossija_quot/0-60).

Партия «За нашу Родину»

5 июля 2012 года была зарегистрирована политическая партия «За нашу Родину», лидером которой был единогласно избран ее идейный вдохновитель Михаил Лермонтов. Этому предшествовала состоявшаяся 20 февраля 2012 года встреча Президента РФ Дмитрия Анатольевича Медведева с руководителями незарегистрированных политических партий. На этой встрече Михаил Лермонтов предложил перевести целенаправленно сдерживаемое властью до этих пор волеизъявление граждан о регистрации политических партий в удобную процедуру оказания государством услуги – без вмешательства бюрократии. Предложение было рассмотрено президентом, в короткие сроки принят соответствующий закон – в стране появилось большое число зарегистрированных политических партий. Это сыграло, с одной стороны, положительную роль, потому что каждый гражданин, собравший 500 единомышленников, мог зарегистрировать партию. С другой стороны, такое количество партий существенно затруднило представление о цели каждой из них, и был утрачен смысл политической борьбы на стороне какой-либо из партий. Регистрация партии «За нашу Родину», по решению Михаила Юрьевича, была аннулирована. Предстояли новые варианты и пути решения задач по преображению России в соответствии с ценностями нации и национальными интересами Отечества.

Программа партии «За нашу Родину» во многом перекликается с манифестом Никиты Сергеевича Михалкова «Право и правда» – манифест просвещенного консерватизма, опубликованный в октябре 2010 года. Проанализировав историю страны в XX веке, Н. С. Михалков пишет: «Но прежде всего мы

Встреча Президента РФ Д. А. Медведева с руководителями незарегистрированных политических партий

должны поверить в нашу Россию, укрепить дух нашей нации, восстановить позитивный образ нашей страны во всем мире. Россияне ждут сегодня от нас именно таких реформ и таких перемен. Не возврата к прошлому – этого в России не будет! А обращения к будущему – достойному будущему великой страны». Никита Сергеевич в интервью газете «Комсомольская правда» сказал: «Для меня этот манифест был не партийной программой. Это некая концентрация всех моих размышлений и ранее озвученных мыслей о происходящем в нашей стране в то или иное время, основанная на ощущении, возникшем в результате знакомства с трудами таких великих русских людей, как Столыпин, Ильин, Леонтьев, Бердяев. Я очень рад, что нашлись люди, которым пригодился мой манифест. Как я знаю, у истоков новой партии («За нашу Родину») стоят люди созидательного толка, истинные патриоты и государственники. Создание такого рода партий вне зависимости от численного состава – это явный знак движения к выздоровлению нашего общества. Когда исторические традиции и культурные ценности начинают вновь приобретать сакральный смысл» [591].

Заповеди правды и нормы права еще отчетливее прозвучали 12 декабря 2012 года в обращении Михаила Лермонтова «О грядущем преображении России в предреченное пророками “Царство Правды”». М. Ю. Лермонтов полагает, что это «политический программный манифест, предлагающий механизмы нравственного преображения России – Святой Руси – жесткими мерами декоммерциализации выборной системы, департизации государственной власти и очистке чиновничества от вируса стяжательства».

Близость гражданских позиций двух деятелей российской культуры, потомков родов, из которых вышли замечательные государственные деятели и мыслители; людей высокообразованных, знающих историю России и размышляющих о ней; патриотов, – все это свидетельство того, что мыслящие люди едины в оценке российской действительности. Их поддерживает народ.

Гражданские инициативы российского патриота и государственного деятеля Михаила Лермонтова нашли отклик и поддержку у российского правительства и президента страны. «Совпадение взглядов и оценок с позицией главы государства по вопросам мироустройства дает все основания утверждать, что в России на уровне государственной политики действительно складывается новая культурная реальность» (Михаил Лермонтов. «Валдайская Яса Путина», 9.12.2013, www.km.ru, спецпроекты).

25 марта 2014 года в зале церковных соборов в храме Христа Спасителя состоялось очередное организованное Михаилом Лермонтовым значимое для страны событие – московский общественный форум «Суверенитет культуры: время правды и справедливости». В материалах форума как итог предыдущих исследований Михаила Лермонтова изложены основные положения национальной стратегии концептуального управления развитием России через укрепление суверенитета культуры*.

* http://mkrf.ru/press-tsentr/novosti/ministerstvo/v-moskve-obsudili-osnovy-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki; http://shzs.info/all_news/news-events/209-forum-suverenitet-kultury-vremia-pravdy-i-spravedlivosti.html.

Оценка положения

Государственная политика в сфере культуры – это определение целей, четкое формулирование задач и закрепление функций органов власти:

· по сохранению высших ценностей России как самобытной цивилизации;

· по стратегическому планированию и применению мер защиты от вызовов и угроз ее жизнеспособности;

· по исполнению национальных интересов как основных направлений созидательного развития государства;

· по механизмам реализации национальных приоритетов как единой системы управления сферой культуры, искусства, образования, просветительства, информации и СМИ.

Поэтому в приоритете государственной культурной политики должен быть незыблемый фундамент суверенитета России как самобытной цивилизации.

Стратегия национального развития должна быть нацелена на сохранение жизнеспособности России как цивилизации и призывать к решительным

Московский общественный форум «Суверенитет культуры: время правды и справедливости», 25 марта 2014 года

действиям по уборке страны от духовного тлена и поразивших жизненный уклад страны пороков. Свод ценностей, смыслов, приоритетов и национальных интересов должен стать фундаментом для становления новой стратегии развития России и ценностной основы образа ее будущего.

Вызовы и угрозы

Наиболее серьезными опасностями для формирования единого культурного пространства являются:

· деформация системы массового информирования;

· разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды;

· распространение дезинформации;

· неспособность обеспечить формирование у подрастающего поколения и поддержание в обществе необходимых духовно-нравственных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу страны.

Главные из них можно определить как критические искажения духовно-нравственной природы человека, приведшие к катастрофическим событиям недавнего прошлого и деформации принципов настоящего государственного жизнеустройства, применительно к проблемам человека, народа, государства и цивилизации.

Разрушение личности – информационное вторжение, навязывание чуждых смыслов и вымышленной истории, открытая реклама пороков и, как следствие, криминализация, алкоголизация, наркотизация и дебилизация населения, вытеснение традиционных форм формирования внутреннего духовного мира, неэффективность государственной политики в использовании СМИ для сохранения культурно-нравственных ценностей и духовного единства нации.

«Демонтаж народа» – разделенность русского народа, разрушение братского союза народов и стран, потеря смысла жизни, утрата высших национальных духовных, культурных и материальных ценностей, распад собственной идентичности и утрата национальных исторических пространств, разжигание социальной, национальной и религиозной вражды, дискредитация и разрушение института семьи как основы общества.

Немощь власти – безмерность масштабов преступности, предательства и измены элит, смертельная зараза стяжательства, глобальная экономическая зависимость, неправедность правосудия, чиновничье беззаконие, казнокрадство, откаты и мздоимство, неверие в способность государства защитить своих граждан, девальвация таких понятий, как служение, долг, достоинство, честь, совесть, верность Отечеству и присяге.

Чужебесие лукавое – критические деформации культурного, образовательного и информационного пространства, подрывающие исторически сложившиеся цивилизационные смыслы и ценности русской цивилизации; информационная агрессия, разрушающая культурный код нации; утверждение культа эгоизма и насилия, потребительства и содомии.

Высшие ценности

Высшие ценности России как самобытной цивилизации определяют систему внутреннего устроения национального бытия, существо внутренних отношений власти и народа, формулу государственности и условия жизнеспособности России:

Человек (признающий себя созданным «по Образу Нашему и Подобию Нашему») – осознающий праведность и неизбежность собственного предназначения как служения Правде, Добру и Красоте; наделенный духовной свободой, достоинством личности, естественными правами, ответственностью гражданина, чувством патриотизма, честью, совестью, Верой, Надеждой и Любовью; разделяющий личную причастность к величию России и ее всемирной и великой миссии.

Народ (способный воспринять, что «…там, где двое или трое соберутся во Имя Мое, там и Я среди них») – как суверен и единственный источник власти, выражающий ее непосредственно в соборности и миролюбии; живущий в согласии с Небом, самим собой и всем миром; обладающий по праву Промысла Божьего огромными неделимыми пространствами и несметным национальным достоянием; способный к пониманию и уважению народов иных культур.

Государство (как «…Царствие Твое …яко на Небеси и на земле») – верховная власть как «хозяин земли русской», как гарант, способный сохранить духовно-нравственные ценности и справедливость, культурные традиции и государственный суверенитет; благоденствие нации и жизнь по правде как высшее целеполагание государственного управления; неразрывность нации и неделимость земли; народ доверяет власти – власть верит народу.

Цивилизация (как «Новое Небо и Новая Земля, на которых обитает Правда») – как духовно-нравственное и государственно-политическое всеединство природы, человека, народа и государства, укорененное в самобытном культурном коде и осуществляемое всей мощью государства планомерно, полномасштабно и независимо от конъюнктурных влияний внутренней или внешней среды.

Национальные интересы

Основные направления преображения должны лежать в плоскости преодоления широкомасштабного кризиса самоидентификации, то есть в сфере нового миропонимания народов России – беспорядок в головах, как известно, не способствует порядку в делах. Поэтому можно определить национальные интересы государственной культурной политики как достижение следующих основных целей.

Благонравный человек – самоуважение и честь, почитание родителей и святость семейных отношений, способность обеспечить себя и свою семью, служение во славу Родины с опорой на духовно-нравственные, культурные и исторические традиции, гордость за себя, страну и народ, любовь к Отечеству и ближнему.

Благоденствующий народ – жизнь по правде и справедливости, душевное и телесное здоровье, гражданское единство нации, межнациональное и межконфессиональное согласие, качество жизни на уровне высших социальных стандартов, обеспеченных всем национальным достоянием.

Процветающее государство – мудрость и самодержавность верховной власти, эффективность власти, трудолюбие гражданина, соборность народа, симфония духовного начала и государственного жизнеустройства, правопорядок и правосудие.

Жизнеспособная цивилизация – воспроизводимость культурного кода, стабильность и конкурентоспособность, рост народонаселения и его пассионарность, национальная безопасность и антикризисная устойчивость, мир во всем мире.

Национальные приоритеты

Культура – реализация стратегической роли культуры как ценностно-смыслового и духовно-нравственного основания развития личности, государства и единства российского общества; обеспечение культурной и информационной безопасности; гармонизация отношений личности и общества.

Народосбережение – воплощение идеала жизнеустройства как священной семьи братских стран и народов; преодоление причин сокращения численности населения, ликвидация бедности, первоочередное трудоустройство коренного населения, возрождение общественного просветительства и всеобщей диспансеризации.

Справедливость – жизнестойкость государства; жизнеустроение по законам справедливости, красоты и гармонии; ответственность за эффективность управления, служба вне стяжательства, проверка чиновников и депутатов на детекторе лжи, протекционизм для добросовестных тружеников.

Преображение – мобилизация воли народа и национального достояния для пробуждения Отечества к достижению духовно-политического идеала. Проявление героизма народа и силы духа человека, предопределяющие нашу победу в битве цивилизаций и в любых глобальных противостояниях, конфликтах и войнах.

Государственная культурная политика как национальная стратегия сохранения духовного и культурного суверенитета России должна стать сводом уложений жизнеустройства государства как самобытной цивилизации, воплотившей завещанную предками мудрость о Богохранимой Священной Державе, возведенной на фундаменте многовековых ценностей и традиций, при безусловном приоритете национальных интересов Отечества и в благоденствии всей нации как братского союза народов на все времена.

«Ищите и обрящете, толцыте и отверзется» («Ищите и найдете, стучите, и вам откроют»). Не к этим ли вечным истинам обращает гражданский голос Михаил Лермонтов, потомок великого русского поэта?

Я верю в силу разумного человеческого слова. …Его сила не в том, что его говорят многие, а в том, наоборот, что его могут сказать и очень немногие: в конце концов его услышат все.

Князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920), правовед

Уж постоим же головою за родину свою.
М. Ю. Лермонтов. «Бородино», 1837

Им нужны великие потрясения.
Нам нужна Великая Россия!
П. А. Столыпин

Михаил Юрьевич Лермонтов свято верит в заветы своих великих предков.

Ассоциация «Лермонтовское наследие»

Ассоциация «Лермонтовское наследие» – общественное объединение, возникшее в начале 1990-х годов в России, явление историческое и уникальное. «Осененные великим именем», по выразительному и точному определению актрисы Елены Борзовой, большого друга семьи Лермонтовых, ассоциация бережно хранит наследие великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова и объединяет всех родственников Лермонтовых, а с недавних пор и Лермонтов, в единый клан.

Целью ассоциации является возрождение и развитие отечественной культуры, пропаганда литературного и художественного наследия поэта М. Ю. Лермонтова и изучение истории рода. Ассоциация «Лермонтовское наследие» была зарегистрирована в 1991 году после первого съезда рода в июле – августе и событий, приведших к разрушению Советского Союза. Благодаря усилиям ассоциации впервые встретились близкие родственники рода Лермонтовых, которые были разлучены годами и границами. По понятным причинам изучение генеалогии дворянского рода Лермонтовых, его роли в культурном наследии страны и объединение в стране Советов лермонтовских родственников, многие из которых сразу после революции 1917 года эмигрировали за границу, было невозможно до начала перестройки в России. Инициаторы создания ассоциации:

Михаил Юрьевич Лермонтов с дочерью Мариной и сыном Юрием

· Михаил Юрьевич Лермонтов – прямой потомок Георга Лермонта, внук полковника гусарского Ахтырского полка В. М. Лермонтова и фрейлины императорского двора Марии Владимировны, урожденной фон дер Лауниц, правнучатый племянник поэта, кандидат технических наук;

· Игорь Васильевич Воронцов – по материнской линии потомок Георга Лермонта, генерал-майора Дмитрия Николаевича Лермонтова (1802–1854) из Острожниковской ветви рода Лермонтовых, праправнучатый племянник поэта, доктор медицинских наук, профессор;

· Михаил Александрович Лермонтов (США);

· Александр Николаевич Соколов – сын Ирины Владимировны Лермонтовой, полковник.

Первое учредительное собрание прошло в декабре 1990 года в Электростали. Президентом ассоциации был выбран Михаил Юрьевич Лермонтов.

Тогда, в 1990–1991 годах, Лермонтовы, несмотря на генеалогическое дерево, приведенное в «Лермонтовской энциклопедии», еще не знали точно свою родословную, которую изучал Игорь Васильевич Воронцов. Благодаря его упорному исследовательскому труду, инициативным наработкам, постоянной переписке с родственниками, которую вели энтузиасты ассоциации, удалось разыскать довольно много представителей рода Лермонтовых в России и за границей, которые собрались на свой первый съезд в июле 1991 года. Это был год 150-летия со дня убийства поэта на дуэли, и, как это было в другие круглые даты (1914 год – начало Первой мировой войны, 1941 год – начало Великой Отечественной войны), для России наступило очередное испытание жизнеспособности. По оценке В. В. Путина, «величайшая геополитическая катастрофа» – разрушение Советского Союза.

На эту встречу смогли приехать члены рода из-за рубежа: Александр Григорьевич Лермонтов из Бразилии, Михаил Александрович Лермонтов из США, Александр Николаевич и его супруга Татьяна Львовна Лермонтовы из Франции, Наталья Борисовна Чирко с дочерью Елизаветой и сыном Александром из Швейцарии, Светлана Ростиславовна Чирко с сыном Николой из Югославии, Джозефина Лермонт из Великобритании, ее брат Джеймс из Люксембурга.

Наталья Чирко осталась в Москве для участия в I съезде соотечественников, который начинался 19 августа 1991 года, как позже стало понятно, в день путча ГКЧП. Она вместе с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым ходила по улицам бунтующего города, окунулась в атмосферу, предварившую новую эпоху для России, да и всего мира. Впоследствии этот опыт пригодился ей, когда она переводила одну из первых книг о событиях августа 1991 года.

Удивительно, что телевизионные каналы в те дни показывали только балет «Лебединое озеро» и репортаж о визите ассоциации «Лермонтовское наследие» в Тарханы. Это событие стало полной неожиданностью и до сих пор, кроме как знамением свыше об особой судьбе рода, не поддается объяснению.

Усадьба Середниково – колыбель ассоциации «Лермонтовское наследие». С 1991 года она стала местом встреч представителей рода Лермонтовых, их родственников, друзей и гостей.

В 1991 году впервые встретились близкие родственники рода Лермонтовых, приехавшие со всего света. В газете «Правда», на первой полосе, была опубликована статья «Лермонтовы всех стран, соединяйтесь!», что сделало еще недавно невозможную встречу членов рода известным событием в стране и за рубежом.

Встреча двоюродных братьев

Одной из самых трогательных стала встреча двоюродных братьев Юрия Владимировича Лермонтова из Пятигорска и Михаила Александровича Лермонтова из города Лейквуд, штат Нью-Джерси, США, которые до этого никогда не встречались и практически ничего не знали друг о друге.

Отцу Юрия Владимировича Лермонтова Владимиру Михайловичу Лермонтову (1874–1954) посвящена глава в этой книге. А вот о его младшем родном брате Александре Михайловиче (1882–1944) известно было немного. Со слов Михаила Александровича, его брат родился в 1882 году и, так же как старший брат Владимир, поступил вольноопределяющимся в Ахтырский полк. Затем окончил Тверское кавалерийское училище, в апреле 1905 года получил чин корнета. Александр Михайлович был победителем многих конных соревнований, уступая только своему брату. Во время Первой мировой войны он сражался в рядах гусарского Ахтырского полка. После 1917 года присоединился к вооруженным силам юга России вместе с Ахтырским полком и сражался против большевиков в сводном полку 12-й кавалерийской дивизии в Крыму в чине полковника. В это же время в Крыму полковник Григорий Михайлович Лермонтов, его родственник, командовал сводным драгунским полком. Зимой 1920 года Александр Михайлович перенес тиф и лечился в новороссийском госпитале. В ноябре 1920 года эвакуировался из Новороссийска на корабле «Аю-Даг». 18 декабря 1920 года он прибыл в штаб 2-го кавалерийского полка в Галлиполе (Турция). Скончался в Югославии в 1944 году.

Михаил Александрович и Юрий Владимирович Лермонтовы. Разлученные двоюродные братья встретились. Усадьба Середниково, 2007

Михаил Александрович Лермонтов (1925–2008) – единственный сын Александра Михайловича – родился 26 января 1925 года в Скопле, Югославия (сейчас Македония). Закончив шесть классов сербской основной школы, поступил в 1-й класс сербской гимназии, и после смерти матери был отдан отцом во 2-й класс Первого русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви. Михаил всегда помнил, как отец говорил ему с детства: «Помни, кто ты! Лермонтов».

Из 4-го класса в сентябре 1941 года ушел добровольцем в Русский корпус в Югославии, в котором был произведен в чин подпоручика. После войны поступил в университет в Мюнхене (Германия) на архитектурный факультет. Не завершив обучения, женился на Стефаниде Климовне Свинаровой, в 1950 году они переехали в США. Обучался на заочных курсах. Получив диплом, работал по специальности. Начиная с 1957 года в течение сорока одного года Михаил Александрович был директором, инспектором и в последние годы преподавателем русской истории в русской церковно-приходской школе Святого благоверного князя Александра Невского в городе Лейквуде, США. Михаил Александрович – один из создателей русско-американского культурно-просветительного общества «Родина», основанного в 1954 году русской колонией в городе Ховелл, штат Нью-Джерси. За 25 лет работы секретарем общества «Родина» он участвовал в проекте строительства здания общества, в основании и учреждении при обществе исторического музея в 1958 году. Вел переговоры, а впоследствии передал экспонаты исторического музея общества «Родина» Центральному музею Вооруженных Сил в Москве.

Основал художественную студию для молодежи и на протяжении 17 лет преподавал основы классического русского искусства. Ежегодно устраивал художественные выставки в зале общества «Родина» для русских художников и обучающихся в художественной студии. Будучи сам художником-графиком, Михаил Александрович принимал участие в редакции и художественном оформлении юбилейных сборников общества «Родина», к 10- и 25-летию. Иллюстрировал изданные В. Н. Мантулиным две книги «Песенник российского воина». Состоял секретарем редакционной коллегии Княже-Константиновцев, составивших «Седьмую кадетскую памятку – юбилейную», художественно ее оформил. Также иллюстрировал книгу «Честь родного погона» А. Б. Иордана, под редакцией Е. П. Исакова, изданную Фондом содействия кадетским корпусам в 2003 году.

По проекту Михаила Александровича Лермонтова в США построены церковь Святого Георгия Победоносца в казачьем поселке Фривуд Акерс, часовня Иоанна Предтечи на Владимирском кладбище в Джаксон, штат Нью-Джерси.

М. А. Лермонтов был председателем Объединения кадет российских кадетских корпусов за рубежом в Нью-Йорке (2006–2008) и председателем кадетского президиума. Он председательствовал на XIX Общекадетском съезде в Москве, Екатеринбурге и Санкт-Петербурге в 2007 году, был членом I съезда кадет России. Судьба свела его с организатором этих мероприятий Александром Ивановичем Владимировым, отец которого по приказу Сталина в 1943 году был организатором суворовских и нахимовских училищ, а он как выпускник Московского кадетского училища стал во главе созданного им «Открытого Содружества суворовцев, нахимовцев и кадет России». После знакомства с Михаилом Лермонтовым у них завязались крепкие товарищеские отношения и творческое сотрудничество. Они стали соратниками в общественно-политических проектах - Народное собрание России, партия «За нашу Родину», Общественный форум культуры, Национальная академия концептуального управления развитием, в основании которой положен фундаментальный труд Александра Ивановича Владимирова – «Общая теория войны».

Статьи и воспоминания Михаила Александровича Лермонтова печатали во многих изданиях русского зарубежья и России.

Михаил Александрович также писал прекрасные, теплые и мудрые стихи. Последние годы жизни он посвятил написанию мемуаров, под заглавием «Почему я?» [592].

Встреча двоюродных братьев была очень теплой, вопросам не было конца. Юрий Владимирович в 1991 году уже был председателем отделения ассоциации в Пятигорске. Михаил Александрович Лермонтов, к которому все Лермонтовы сразу отнеслись очень нежно и стали называть «дядя Миша», тоже стал основателем и активным членом ассоциации. Михаил Александрович был абсолютно счастлив, что встреча с братом, Юрием Владимировичем, состоялась именно в России, как он и мечтал.

На I международном съезде Лермонтовых в 1991 году было много гостей из-за рубежа. Например, Александр Григорьевич Лермонтов приехал в Россию первый раз, после того как в 1923 году его семья эмигрировала, когда ему было пятнадцать лет. В 1991 году он прилетел из Бразилии, из Рио-де-Жанейро. По пути он навестил своего младшего брата Юрия Григорьевича Лермонтова в местечке Эдисон, Нью-Джерси, США. В это время я как раз была в гостях у Лермонтовых. Помню страшное возбуждение Александра Григорьевича по поводу предстоящей поездки. Он убеждал брата, что ехать в Россию просто необходимо и что, возможно, это последний подарок судьбы – увидеть родину, которую они оба, воспитанники кадетского корпуса, беззаветно любили. В то время братьям Лермонтовым, Шуше и Юше (см. с. 240, 241), был 83 и 81 год соответственно. После возвращения из Москвы Александр Григорьевич был в полном восхищении от приема, обилия милых родственников и от путешествия по лермонтовским местам в России, которую он вновь увидел и полюбил. Но больше всего его поразило то, что, гуляя ночью по Москве со своими родственниками, он мог свободно и громко петь старые кадетские песни со словами, прославляющими царя, при этом их никто не забирал в полицию. Он, следящий за событиями в советской стране, просто не мог поверить, до чего же дошла перестройка! «Правильным путем идете, господа», – думал убежденный монархист Александр Григорьевич Лермонтов.

Джозефина Лермонт

Джозефина – потомок древнего шотландского рода Лермонтов. С Джозефиной познакомился писатель Овидий Горчаков, когда путешествовал по Великобритании, собирая материал для романа о Лермонтах [593]. Горчаков познакомил Джозефину с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. В 1991 году Джозефина Лермонт присоединилась к ассоциации «Лермонтовское наследие» и стала ее активным участником. Джози, как называли ее Лермонтовы, начала учить русский язык. Она была очарована российской культурой, теплотой и самобытностью общения русских, их гостеприимством. Она могла неделями путешествовать по лермонтовским местам: Кострома и Чухлома, Пенза и Тарханы, Пятигорск и Санкт-Петербург, Тамань – она посетила эти места много раз. Романтическая и увлекающаяся натура, художница и талантливый фотограф, Джозефина Лермонт читала стихи М. Ю. Лермонтова на русском языке, она понимала их глубину, тоску по любви, звучащую почти во всех его произведениях. В Шотландии она изучила истоки рода Лермонтов. Совместно с представителями ассоциации «Лермонтовское наследие» – Л. Овчининской, В. Овчининским, Т. Королевой, И. Воронцовым, М. Березовской – Джозефина Лермонт была первым в России шотландским автором, который участвовал в публикации иллюстрированной книги о родстве шотландского поэта-пророка Томаса Лермонта с великим русским поэтом Михаилом Юрьевичем Лермонтовым и всем родом Лермонтовых [594].

Лермонтовы – костромские дворяне

Во время первой совместной поездки по России в 1991 году Лермонтовы в первую очередь посетили *колыбель лермонтовского рода – Костромскую область:* Кострому, Галич и, конечно, Чухлому. В Костроме возложили цветы на могилу замечательного исследователя многих костромских родов и рода Лермонтовых Александра Александровича Григорова. Под проливным дождем установили первый памятный знак – деревянный крест у дороги к тому месту, где была усадьба деда поэта, а недалеко находилась церковь, где крестили отца поэта Юрия Петровича Лермонтова в 1787 году. Позже галичские школьники во главе с благочинным протоиереем Александром перенесли крест в село Никольское, к разрушенному храму (см. с. 52).

Чухлома – исторически родной город Лермонтовых (см. раздел «Лермонты – Лермонтовы. Галичский уезд Чухломской осады»). В Чухломе в на-

стоящее время живет семья Евгения Лермонтова, вероятно, правнучатого племянника поэта в двенадцатом поколении. В Свято-Успенском храме города Чухломы Лермонтовых встретил отец Александр. На вездеходах, потому что на другом транспорте не добраться, Лермонтовы посетили места бывших владений рода Лермонтовых: Острожниково, Колотилово, Понизовье, а также Нероново и Клусеево. Теперь там либо развалины, либо заросшие бурьяном места. Больно было на это смотреть. Чухломская деревня, некогда богатая, едва выживает*. Только Нероново встретило прекрасно сохранившимся храмом и остатками былого величия барского дома.

В 1991 году представители рода Лермонтовых впервые посетили Авраамиево-Городецкий монастырь, который тогда лежал в руинах. Монастырь основан в XIV веке преподобным Авраамием Чухломским, учеником Сергия Радонежского (уже после того, как им же был основан Успенский монастырь на Галичском озере). В июне 1991 года только начинались восстановительные работы. На территории монастыря по некоторым данным был похоронен в 1634 году основатель рода Лермонтовых Георг Лермонт, там же были могилы многих его потомков. Члены ассоциации приняли решение поставить на этом месте часовню в память о почивших здесь и всех поминаемых Лермонтов и их сродников. Проект часовни разработал архитектор Михаил Александрович Лермонтов, прямой потомок Георга Лермонта. Часовня была воздвигнута на средства членов ассоциации и освящена в 1997 году настоятелем монастыря архимандритом Никандром, который на долгие годы стал духовным наставником ассоциации и некоторых Лермонтовых. Его молитвами, трудами и заботами встал из руин монастырь, засверкали его купола, так хорошо видные из окон дома чухломских Лермонтовых на другом берегу Чухломского озера.

Далее по маршруту путешествия по лермонтовским местам лежало село Каргашино в Рязанской области (см. с. 368) – имение Владимира Федоровича фон дер Лауница, тамбовского губернатора, а позднее градоначальника Санкт-Петербурга. Его дочь Мария вышла замуж за Владимира Михайловича Лермонтова. Владимир Федорович был убит террористами и похоронен по указу государя Николая II в своем имении в хрустальном гробу под громадным черным гранитным крестом, вырезанным в форме Голгофы. Лермонтовы впервые увидели в далеком российском селе величественные псевдоготические развалины усадьбы и огромный крест.

Пенза и особенно Тарханы

Святые места для каждого любящего историю своей страны гражданина. Родственники великого поэта, наверное первый раз в таком многочисленном составе, поклонились праху Михаила Юрьевича Лермонтова, его отца Юрия Петровича, матери Марии, бабушки Елизаветы Алексеевны и деда

* См. программу «В дымке времени былинной. Письма из провинции», ТК «Культура», 11 марта 2011 года.

Михаила Васильевича Арсеньевых. В Тарханах все наполнено памятью о поэте: комната, личные вещи поэта Лермонтова, лермонтовская аллея, пруд, мосток и деревня, куда ребенком любил убегать Мишель, чтобы поиграть с деревенскими ребятишками. Теплая дружба и деловые отношения навсегда завязались между ассоциацией «Лермонтовское наследие» и директором музея-усадьбы «Тарханы», кандидатом филологических наук Тамарой Михайловной Мельниковой и ее мужем, прекрасным художником Геннадием Сальковым, имеющим общие корни с родом Лермонтовых. Геннадий рисует пейзажи Тархан, которые любимы всеми почитателями поэта.

Во время первой ознакомительной поездки представители рода Лермонтовых побывали в Саранске, где в 1655–1659 годах служил воеводой Петр, сын Георга Лермонта; приложились к мощам преподобного Серафима Саровского в Дивееве; посетили Радонеж, Троице-Сергиеву лавру, Суздаль, Владимир, Санкт-Петербург.

Были хлебосольные русские застолья, совместные празднования дней рождений, домашние русские пироги и соленья и разговоры о жизни, о литературе, о политике, курьезные случаи и истории – словом, о том, о чем разговаривают, собравшись вместе, русские интеллигентные люди. Это было главное, что сблизило всех представителей рода Лермонтовых – членов ассоциации, многие из которых впервые увидели друг друга, но расставались уже настоящими близкими родственниками.

Неудивительно, что многие с радостью присоединились в 1992 году к путешествию по Кавказу. В Пятигорске, конечно, главное событие – посещение музея «Домик М. Ю. Лермонтова», фотография с музейщиками, яблоки в саду, интересный рассказ Дэвида Скотта о шотландских замках, о корнях Лермонтовых и Лермонтах. Посещение места дуэли поэта, старинного городского кладбища, где установлен памятник на месте первого захоронения М. Ю. Лермонтова, рядом могила его родственника Владимира Михайловича Лермонтова. После панихиды в Лазаревском храме ассоциация подарила храму распятие, изготовленное в мастерской Е. В. Лермонтовой.

Прогулки по парку, купание в Провале, бал для Лермонтовых в академической галерее, выставки, застолья, обмен впечатлениями и мнениями. Ассоциация «Лермонтовское наследие» выступила инициатором выставки работ художников из рода Лермонтовых в художественной галерее Пятигорска. Были представлены работы Дж. Лермонта, М. А. Лермонтова, В. В. Лермонтова, В. Д. Овчининского, Е. Д. Толмачевой и М. В. Ляшкевич. Так город Пятигорск – хранитель памяти о замечательных литературных творениях Михаила Юрьевича Лермонтова о Кавказе – узнал о новых талантах в роду Лермонтовых.

Тамань

Каждый российский школьник знает лермонтовскую «Тамань» – романтическую повесть о контрабандистах. Но не все знают о пребывании поэта в Тамани и не всем приходилось бывать в этой казачьей станице. В 1992 году Лермон-

товы посетили дом-музей М. Ю. Лермонтова, который находится в красивом центре станицы Тамань, на крутом берегу Таманского залива Черного моря. Директор музея Александра Афанасьева сохраняет память о поэте, музей поразительно уютный и ухоженный. Музей привлекает жителей станицы, повышает их интерес к судьбе и творчеству Михаила Юрьевича Лермонтова.

Рузские – Лермонтовы

В 1992 году поездка членов ассоциации в Пятигорск и посещение старинного городского кладбища привели к неожиданному открытию – могила Николая Владимировича Рузского (1854–1918), расположенная за оградой храма. Из исследований Игоря Владимировича Воронцова Лермонтовы уже знали, что Николай Владимирович Рузский принадлежит к их роду. Эти данные позднее удалось подтвердить И. В. Воронцову на основе документов, ставших доступными в наше время.

Родословная Рузских ведет свое начало от представителя Острожниковской ветви Алексея Михайловича Лермонтова (около 1750 – после 1812) (см. родословную). А. М. Лермонтов, капитан, в 1785–1812 годах служил военным комендантом в городе Рузе Московской губернии [595]. По данным А. А. Григорова, исследовавшего историю костромского дворянства, у Алексея Михайловича Лермонтова был незаконнорожденный сын, которому он дал имя Вит (или Витт), означающее «жизнь», а фамилию – Рузский – по названию города Рузы. От Вита Рузского начался род Рузских [2, с. 41]. О первых из рода Рузских нет точных данных, также нет документальных сведений, подтверждающих службу Вита Рузского и его возможного сына Вита Витовича Рузского. Что касается последнего, то его вообще могло и не быть, судя по датам службы Алексея Михайловича Лермонтова в Рузе. Его сын мог родиться в 1790–1800 годах и быть отцом всех последующих Рузских с отчеством Витович: Владимира, Алексея, Павла и Николая (см. генеалогию).

Рузские – дворяне, зарегистрированы в Киевской губернии, в том числе и генерал Николай Владимирович Рузский [596].

Наиболее яркие представители рода Рузских – Лермонтовых – профессор Дмитрий Павлович Рузский и его двоюродный брат генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский.

Дмитрий Павлович Рузский (1869–1937)

Дмитрий Павлович Рузский родился 6 января 1869 года в городе Ветлуге Костромской губернии в семье мелкого чиновника Павла Виттовича Рузского, который впоследствии дослужился до чина действительного статского советника, дающего право на потомственное дворянство.

В 1887 году Дмитрий Павлович окончил нижегородскую гимназию и поступил на физико-математический факультет университета в Киеве, где в это время жила его семья, но через год перешел на физико-математический факультет Московского университета, который окончил в 1891 году

по разряду математических наук с дипломом I степени, а в 1895 году – инженерно-механическое отделение Московского технического училища. В 1898 году он получил предложение от директора открывавшегося в Киеве Политехнического института (КПИ) В. Л. Кирпичева принять командировку для подготовки к профессорскому званию. Рекомендацию молодому инженеру дал его учитель – профессор Московского университета и тех-

Генеалогия Рузских – Лермонтовых

ического училища, выдающийся механик и основоположник гидроаэродинамики Н. Е. Жуковский. Дмитрий Павлович принял предложение и, переехав из Англии в Берлин, посещал лекции в Шарлоттенбургском политехникуме, специализируясь по прикладной кинематике и гидравлике.

В 1899 году он приехал в Киев и с 1 сентября начал читать лекции по прикладной механике в качестве и. о. экстраординарного профессора. 5 апреля 1901 года Д. П. Рузский успешно защитил диссертацию на звание адъюнкта на тему «Теория гребных винтов». Оппонентами на этой первой в институте защите были Н. Е. Жуковский и А. П. Котельников. В 1902 году Д. П. Рузский был утвержден в звании экстраординарного, а в 1903 году – ординарного профессора. 10 марта 1911 года Д. П. Рузский вместе с семью профессорами КПИ подал в отставку, поступил на службу в Киевскую городскую думу в качестве главного инженера по постройке канализации и исполнял эту обязанность в течение двух лет. В 1913 году Д. П. Рузский после приглашения на должность главного инженера по постройке канализации в Санкт-Петербурге переехал в столицу. В декабре 1918 года Д. П. Рузский был избран деканом инженерно-строительного факультета Санкт-Петербургского государственного технического университета (Политехнический институт). 3 сентября 1919 года ему было поручено заведование гидравлической лабораторией, а 5 ноября 1919 года профессор Д. П. Рузский был избран ректором Санкт-Петербургского государственного технического университета. В тяжелые годы становления советской власти, в 1919–1921 годы, Дмитрий Павлович Рузский и его ближайший помощник и соратник профессор-юрист Николай Сергеевич Тимашев организовали 24 новые кафедры, заведующими которых стали профессора А. А. Фридман, Н. Н. Павловский, А. А. Морозов, М. М. Карнаухов, Г. К. Ризенкампф; преподавателями – П. Л. Капица, Н. Н. Семенов, Д. В. Скобельцын, М. Д. Чертоусов и многие другие, которыми и поныне гордится Санкт-Петербургский государственный технический университет [597]. Но большевики, искоренявшие дворянство в России, в 1921 году уволили Д. П. Рузского, невзирая на его профессионализм и знания. В тот же год он эмигрировал за границу.

Генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский (1854–1918)

Судьба этого потомка рода Лермонтовых стала известна благодаря деятельности ассоциации «Лермонтовское наследие». Его судьба очень драматична, жизнь закончилась трагически.

Даже справка, написанная сухим канцелярским языком, констатирует факт выдающейся карьеры Николая Владимировича, сына мелкопоместного калужского дворянина Владимира Виттовича Рузского-Лермонтова.

Рузский Николай Владимирович (1854–1918), генерал-адъютант (с 1914), генерал от инфантерии (с 1909), член Военного (с 1909) и Государственного (с 1915) советов. Участник русско-турецкой 1877–1878 годов, русско-японской 1904–1905 годов и Первой мировой войн. На службе с 1872 года в лейб-гвардии гренадерском полку, в 1881 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба. С 1881 года – в штабе Казанского в. о., с 1882 года – подполковник, с 1885 года – полковник, с 1887 года – начальник штаба 11-й кавалерийской, с 1891 года – 32-й пехотной дивизии. С 1896 года – командир 151-го пехотного Пятигорского полка, с 1897 года – генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Киевского в. о., с 1902 года – начальник штаба Виленского в. о., с 1903 года – генерал-лейтенант. В 1904–1905 годах – начальник полевого штаба 2-й Маньчжурской армии. С 1906 года – командир 21-го армейского корпуса, с 1907 года – начальник войск киевского гарнизона, член Верховного военно-уголовного суда по делу о сдаче Порт-Артура. С 1909 года – генерал от инфантерии, с 1912 года – помощник командующего войсками Киевского в. о. С июля 1914 года – командующий 3-й армией Юго-Западного фронта, с сентября – главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с 1915 года – командующий 6-й армией, с 1916 года – главнокомандующий армиями Северного фронта.

Генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский

Зверски зарублен в 1918 году.

Жена Николая Владимировича Рузского принадлежала к польской дворянской фамилии – З. А. Бржозовская. У них было три дочери: Вера, Наталья и Ольга*.

Военные награды Владимира Николаевича Рузского:

· орден Святой Анны IV степени (1877);
· орден Святой Анны III степени, с мечами и бантом (1878);
· орден Святого Станислава II степени (1883);
· орден Святой Анны II степени (1888);
· орден Святого Владимира IV степени (1891);
· орден Святого Владимира III степени (1894);
· орден Святого Станислава I степени (1899);
· орден Святой Анны I степени, с мечами (1905);
· орден Святого Владимира II степени, с мечами (1905);
· орден Белого Орла (06.12.1911);
· орден Святого Александра Невского (06.12.1913);
· орден Святого Георгия IV степени (ВП 23.08.1914);
· орден Святого Георгия III степени (ВП 23.08.1914);
· орден Святого Георгия II степени (ВП 22.10.1914) [598].

* ГАРФ. «Историческая справка», Ф. 199. 1877–1915 годы, 40 ед. хр. Оп. 1.

Судя по военной карьере, с Николаем Владимировичем Рузским по службе должен был быть знаком генерал от кавалерии Александр Михайлович Лермонтов (1838–1906) (см. генеалогию), который особенно прославился в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, где также воевал Н. В. Рузский.

Летом 1914 года 3-я армия Юго-Западного фронта во главе с командующим Николаем Владимировичем Рузским бок о бок сражалась с 12-й кавалерийской дивизией под командованием генерал-майора А. М. Каледина, где в это время в гусарском Ахтырском полку сражались братья Лермонтовы: Владимир Михайлович и Александр Михайлович. Тогда, вероятно, ни Рузский, ни братья Лермонтовы не знали о своем общем предке Георге Лермонте.

Имя Николая Владимировича Рузского обычно связывают с отречением от престола императора Николая II. О роли Н. В. Рузского в истории России идет дискуссия вплоть до наших дней.

Мог ли в одиночку Николай Владимирович Рузский повлиять на решение царя отречься от престола? Естественно, нет. Генерал от инфантерии, военный, верный присяге, Н. В. Рузский давал обет царю и Отечеству, был монархистом, при этом он был человеком здравомыслящим. Царь Николай II прибыл в ставку во Пскове 1 марта 1917 года неожиданно для генерала Н. В. Рузского. В это время в Петрограде революционная ситуация развивалась очень быстро и достигла невиданного накала. Два дня и две ночи в ставке вели непрерывные переговоры Николай Владимирович Рузский и председатель Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко, после Н. В. Рузский делал доклады государю. М. В. Родзянко убеждал, что отречение государя необходимо во избежание насилия и начала гражданской войны и что ситуация в Петрограде критическая. Н. В. Рузский по сути был против отречения и со своей стороны всячески пытался убедить М. В. Родзянко в необходимости принять все меры, чтобы усмирить волнения в Петрограде, например с помощью манифеста о «даровании ответственного министерства», но без последнего акта – отречения. Детали последних бесед государя с Николаем Владимировичем Рузским достоверно не известны.

В течение суток, 2 марта 1917 года, Николай II подписал три акта: в два часа ночи – манифест о «даровании ответственного министерства», в три часа дня – отречение в пользу сына Алексея и, наконец, в десять часов вечера – «отречение в пользу Михаила Александровича». Николай Владимирович Рузский не присутствовал на встрече государя с эмиссарами, присланными в ставку во Пскове, чтобы получить документ – отречение Николая II от власти.

Враги Николая Владимировича Рузского говорят, что он должен был прервать разговор, указать М. В. Родзянко, что он изменник, и подавить бунт вооруженной силой. Это, как мы теперь знаем из истории, несомненно, удалось бы, ибо гарнизон Петрограда был не способен к сопротивлению, Советы были еще слабы, а войска с фронтов можно было взять достаточно. Все это верно, что впоследствии признавал и сам Н. В. Рузский, но в тот момент он старался избежать кровопролития – междоусобной, хотя бы и краткой, борьбы в тылу [599].

Боевой офицер Н. В. Рузский никогда не выступал с оружием в руках против собственного народа. В приходе к власти большевиков он видел лишь один великий разбой. В 1917 году 63-летний генерал Николай Владимирович Рузский уехал лечиться в Пятигорск.

После взятия города красными и в результате внутреннего конфликта в большевистской армии Н. В. Рузский оказался в числе пятидесяти восьми контрреволюционеров, по мнению большевиков, и его взяли в заложники. Среди заложников были двадцать пять генералов, два министра, князья и графы. Местный чекист Атарбеков на допросе предлагал генералам Н. В. Рузскому и Р. Д. Радко-Дмитриеву, болгарину на службе в русской армии, перейти на службу в Красную армию. Н. В. Рузский категорически отказался и предпочел принять мученическую смерть от рук палачей, громко заявив перед смертью, что власть большевиков он считает незаконной. Такое же достоинство и твердость духа проявил генерал Р. Д. Радко-Дмитриев, который на предложение перейти в Красную армию ответил: «Я оставил родину для службы великой России; но служить хаму не согласен и предпочитаю умереть».

Смерть пятидесяти восьми заложников была не просто мученической, это была зверская расправа. По свидетельствам очевидцев, в ночь на 18 октября 1918 года заложников вывели во двор и приказали снять верхнюю одежду. Потом их строем погнали на старое пятигорское кладбище, где предварительно уже вырыли яму. Там их раздели практически догола и по пятнадцать человек подгоняли к краю ямы ударами нагаек, где стояли пятнадцать красноармейцев, готовых выполнить приказ. По команде Атарбекова: «Рубить!» – рубили живых людей. Палачи наносили по четыре-шесть ударов шашкой и сбрасывали тело в яму. С генералом от инфантерии, трижды награжденным орденом Святого Георгия за защиту Отечества, Николаем Владимировичем Рузским, внучатым племянником великого русского по-

Могилы генералов В. Н. Рузского и Р. Д. Радко-Дмитриева на старом пятигорском кладбище

эта М. Ю. Лермонтова, Атарбеков расправился сам, чем впоследствии хвастался. Генерал Н. В. Рузский, согласно показанию свидетеля Васильева, скончался после пяти нанесенных ему ударов, не издав при этом ни единственного стона [600]. В 1919 году велось расследование убийства в Пятигорске в октябре 1918 года. Яма, в которую были сброшены порубленные тела – жертвы расправы, была разрыта, тела опознаны и захоронены.

Могилы Николая Владимировича Рузского и Радко Дмитриевича Радко-Дмитриева на старом пятигорском кладбище находятся рядом, недалеко от ограды Лазаревского храма.

Со старым пятигорским кладбищем связано много историй рода Лермонтовых.

В 1992 году потомки Лермонтовых почтили их память возложением цветов на их могилы, что происходит каждый раз, когда к Лазаревскому храму приходит кто-то из членов рода.

Гайдары – Лермонтовы

В результате изысканий, проводимых членами ассоциации, в генеалогии Лермонтовых появилась еще одна знаменитая российская фамилия – Гайдаров.

Советский детский писатель Аркадий Гайдар – настоящее имя Аркадий Петрович Голиков (1904–1941) – один из любимейших у школьников страны Советов. Образ Тимура, честного и справедливого вожака детской команды, из книги Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» стал нарицательным.

Аркадий Петрович Голиков является прапрапраправнуком Матвея Юрьевича Лермонтова (прибл. 1690 – прибл. 1760), внука Георга Лермонта. Матвей Юрьевич Лермонтов – основатель Колотиловской ветви рода Лермонтовых, вице-губернатор Архангелогородской губернии (1737–1742) (см. с. 64).

Первая поездка Михаила Юрьевича, Елены Владимировны Лермонтовых и Игоря Васильевича Воронцова в Арзамас, на родину Аркадия Гайдара, состоялась в 1997 году. А в 2004 году на празднование 100-летия со дня рождения Аркадия Гайдара члены ассоциации «Лермонтовское наследие» и внуки Аркадия Гайдара: Егор Тимурович Гайдар, российский государственный и политический деятель, экономист, доктор экономических наук, Петр Гайдар, Светлана Михайловна и Екатерина Караваевы – уже приехали в Арзамас как члены одной большой семьи, потомки двух знаменитых российских родов – Лермонтовых и Гайдаров.

В октябре 2010 года в древнем Арзамасе был вновь открыт отреставрированный музей Аркадия Гайдара, который называют литературным. Теперь там проходят выставки, посвященные творчеству знаменитых русских писателей и государственных деятелей, связанных дальним родством: Михаила Юрьевича Лермонтова, Аркадия Петровича Гайдара, Павла Бажова, Тимура Аркадиевича Гайдара, Аркадия Стругацкого и Егора Тимуровича Гайдара (1956–2009) [601].

Уфа, Башкортостан. Лермонтов. «Призвание – зодчий»

По инициативе ассоциации «Лермонтовское наследие» и ее активного участника Ирины Борисовны Лермонтовой в Уфе возрождена память о талантливом архитекторе Николае Юрьевиче Лермонтове (1867–1949), сыне Юрия Матвеевича Лермонтова (1804–1889) (см. с. 330). Ирина Борисовна, внучка Николая Юрьевича Лермонтова, проживает в Уфе, она организатор и непременный участник всех мероприятий, посвященных великому русскому поэту М. Ю. Лермонтову, замечательный высокообразованный человек, заслуженный деятель культуры Республики Башкортостан.

Николай Лермонтов переехал жить в Уфу в 1931 году. За свою жизнь Н. Ю. Лермонтов выполнил 29 проектов общественных зданий, 54 проекта жилых домов, 16 – учебных заведений, 18 – больниц, 33 – сооружений промышленного назначения. В последние годы он преподавал в техникумах Уфы. По заданию Башкирского республиканского отделения Союза архитекторов подготовил для издания в Москве книгу об архитектурных памятниках и истории застройки столицы БАССР [514].

В 2012 году лермонтовский центр в Уфе отмечал свое 20-летие совместно с Собором русских Республики Башкортостан. Президент ассоциации «Лермонтовское наследие» Михаил Юрьевич Лермонтов – инициатор создания комитета общероссийского собрания сторонников народного Собора России – тепло приветствовал всех энтузиастов лермонтовского центра.

Первые ознакомительные поездки по местам, где жили представители рода Лермонтовых, помогли установить новые культурные связи. В результате это стало регулярными традиционными маршрутами по стране с целью изучения истории рода Лермонтовых. За прошедшие двадцать с лишним лет были сделаны открытия, обогатившие культуру нашей страны. Поездки проводились под эгидой ассоциации «Лермонтовское наследие» и привлекали много энтузиастов лермонтовского рода. Каждая такая поездка – это не строка в туристическом путеводителе. Это соприкосновение с конкретным местом и жизнью близких людей, тепло дружеских рук и улыбки. Это установление контактов и общение, основанное на взаимопонимании. Это рассказ об истории фамилии, о лермонтовских корнях.

В традициях ассоциации «Лермонтовское наследие», которая в 2013 году праздновала двадцать два года с момента своего основания, приветствовать энтузиастов и чтить всех ее участников.

Те, кто начинали и уже не вернутся

Игорь Васильевич Воронцов (1930–2001), полковник медицинской службы, профессор и, что важно для нас, вице-президент ассоциации «Лермонтовское наследие», – душа большой лермонтовской семьи. Игорь Васильевич каждого одарил заботой, вниманием и любовью. Так трогательно было слышать от него: «Да, родной», «Конечно, родная».

Его уход из жизни стал для всех нас трагедией и невосполнимой потерей. Но у нас остались воспоминания: мы провели вместе одиннадцать лет, полных встреч, поездок, застолий и приключений и, конечно, стихов и песен Игоря Васильевича. Красивый, седовласый, с удивительно добрыми глазами, готовый оказать помощь любому нуждающемуся в этом, взяться за абсолютно безнадежное дело и сделать его. Он умел все: организовать, договориться, собрать дружный коллектив, объединить и примирить абсолютно разных людей. На все это он тратил свое сердце, и однажды оно остановилось.

Поколенная роспись рода Лермонтовых – это его огромный труд, который помогает каждому из нашего рода найти свое имя в списке семей. Ближайший помощник Игоря Васильевича в научных исследованиях – Игорь Павлович Белавкин, архивариус ассоциации, также участвовавший в создании поколенной росписи. Именно он нашел много неизвестных имен представителей рода, опубликовал очерки о Колотиловской ветви рода, как и почему появились Лерма, о Лермонтовых военных, провел многочисленные исследования, изучал архивы.

«Лермонтовский бал» и «Середниковский вальс» – гимны ассоциации и усадьбы Середниково, написанные Игорем Васильевичем, всегда звучат на сборах в исполнении любимых нами Любови и Валерия Черняевых, артистов театра на Таганке.

Марина Константиновна Северцова (1937–2007) – для всех нас Воронцова – ответственный секретарь ассоциации «Лермонтовское наследие». Только поддержание контактов между многочисленными членами ассоциации – а ведь Лермонтовы живут в Бразилии и США, во Франции и Швейцарии, в Монако и Великобритании, в Боснии и Герцеговине – оборачивается многочасовыми разговорами по телефону. Марина Константиновна приняла участие во всех поездках и мероприятиях ассоциации, иногда участвовала как организатор. Всегда честная и прямая, прекрасно владеющая русским языком, православная, обязательно выступала на встречах ассоциации со школьниками, студентами в Тамани и Арзамасе, в Уфе и Пскове. Встречи в Лермонтовской библиотеке в Москве, ежегодные возложения цветов к памятникам М. Ю. Лермонтову у Красных Ворот и на Малой Молчановке, в этом участвуют и ее внуки. Григоровские чтения – Марина Константиновна каждый год принимает в них участие. Так было при Игоре Васильевиче, так продолжается и без него.

Вместе с Н. Г. Павловой она организовала вечер в ЦДРИ, посвященный памяти И. В. Воронцова. На сцене стоял большой портрет Игоря Васильевича, цветы, звучал взволнованный рассказ Марины Константиновны о нем, о блокаде, об удивительной маме, о работе ученого, его стихи. Рассказ друга и любящей женщины.

Те, кто продолжают

Марина Михайловна Лермонтова – исполнительный директор «Национального лермонтовского центра Середниково». Марина и Юрий продолжают дело

отца – трудятся в Середникове, решают возникающие каждый день проблемы. Марина Михайловна научилась не только руководить сложнейшим усадебным хозяйством, но и вести административные дела, принимать гостей и организовывать чудесные праздники, такие как, например, большие сборы ассоциации в 2001, 2007 и 2013 годах, мероприятия. связанные с памятными лермонтовскими датами. Она находит общий язык со всеми: с властями, с сотрудниками, с пожарными, с журналистами и другими представителями СМИ, с работниками прокуратуры. Она пишет письма в инстанции, разбирается с нарушениями на территории охранных зон (незаконная вырубка лесов и застройка). Марина Михайловна Лермонтова награждена медалью за сохранение культурного наследия. Церемония награждения проходила в Кремле, в Патриаршем дворце, и транслировалась по Центральному телевидению. Марина Михайловна получила экономическое образование, она смогла организовать и проводит ряд коммерческих мероприятий в усадьбе, доходы от которых покрывают затраты на ее содержание. Марина Михайловна Лермонтова принимает участие в издательских проектах ассоциации, без которых изучение истории рода Лермонтовых не может быть продолжено. Она добилась получения гранта, на средства которого издается настоящая книга и организуется встреча родственников в июле 2014 года в усадьбе. На открытии юбилейного лермонтовского года 21 марта 2014 года министр культуры РФ поблагодарил Марину Михайловну за ее вклад в сохранение наследия поэта, подготовку и проведение торжественных мероприятий.

Юрий Михайлович Лермонтов – кандидат юридических наук, заместитель директора «Национального лермонтовского центра Середниково». В 2009 году Юрий Михайлович узнал, что на аукционе выставлены украденные из середниковского храма Митрополита Московского Алексия централь-

Михаил Лермонтов-младший, его супруга Елена, сын Юрий с дочерью Елизаветой, дочь Марина с сыновьями Сергеем (крайний слева) и Владимиром

ные иконы старинного иконостаса «Матерь Божия» и «Митрополит Московский Алексий». Он выкупил иконы, и в торжественной обстановке – при участии руководителей органов охраны памятников – иконы были возвращены в храм.

Юрий Михайлович с супругой передали в дар храму главный колокол, звон которого уже несколько лет раздается над окрестностями усадьбы и напоминает о вечном долге рода служить Отечеству.

К сожалению, невозможно перечислить имена всех, кто организовывал, сотрудничал, оказывал содействие уникальной в своем роде ассоциации «Лермонтовское наследие». Как автор книги и член ассоциации, я приношу извинения тем, кто не упомянут, но благодарю всех, кто участвовал.

Международная деятельность ассоциации «Лермонтовское наследие»

The time is out of joint; – O cursed spite,
That ever I was born to set it right!
Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить?
Уильям Шекспир. «Гамлет, принц датский»
Перевод Б. Пастернака

Международная деятельность ассоциации началась с момента ее создания, в 1991 году. И уже вскоре начинаются поездки членов большой семьи друг к другу. Елена, Юрий и Марина Лермонтовы – к Джозефине Лермонт в Лондон, а она много раз к ним в Россию. Михаил Лермонтов – к Александру Григорьевичу Лермонтову в Рио-де-Жанейро, а обратно уже целая делегация общества дружбы Бразилия – Россия, в которой Александр Григорьевич занимает почетный пост вице-президента.

1992–1996 годы

В Югославии идет братоубийственная война, многочисленная семья Ростислава Чирко из Сараева подвергается смертельной опасности. По предложению Натальи Чирко из Женевы, на фирменном бланке ассоциации, с гербом рода Лермонтовых, написали письмо с просьбой оказать содействие по эвакуации родных из Сараева и их переезду в Россию. И произошло чудо: заботами Натальи Чирко письмо стало своеобразной «волшебной палочкой», которая открывала все двери. Сначала семью перевозят на военный аэродром и отправляют на военном самолете в город Николаев, там письмо опять выручает: на поезде семья едет в Москву. С тех пор вся семья – Ростислав, его жена Эмина, сын Володя с женой и двумя сыновьями, а также дочь Светлана с сыном Николой – в течение нескольких лет жила в отремонтированном флигеле усадьбы Середниково. Ростислав вел активную жизнь, работал экскурсоводом и был хранителем семейных традиций. После окончания войны семья вернулась к себе домой, в Сараево.

Год 2007

Российский лермонтовский род шотландского происхождения познавал свои корни постепенно. Великий поэт лишь только предполагал в своих романтических мечтаниях, что его род ведет начало от шотландского легендарного поэта-пророка Томаса Лермонта (1220–1299). Документальное подтверждение его догадок впервые появилось в работах замечательного русского историка Василия Николаевича Сторожева (1866–1924). В российской литературе данные о шотландском роде Лермонтов и его связи с пророком Томасом Лермонтом были развиты в книге Л. Д. Овчининской, Джозефины Лермонт и соавторов в 1993 году, выпущенной при поддержке ассоциации «Лермонтовское наследие».

Но оказалось, что стихотворец Томас Лермонт, родившийся в 1220 году, лишь продолжатель рода Лермонтов в Шотландии. Совместные исследования Татьяны Молчановой, автора этой книги, и англичанина Рекса Лермонта, принадлежащего к древнему роду Лермонтов, установили, подтвердив имеющиеся догадки исследователей, что первое упоминание Лермонтов в Шотландии относится к 1057 году. Рыцарь Лермонт сражался в войске короля Малькома III против Макбета за Шотландскую корону в 1057 году. Мальком

Празднование 950-летия рода Лермонтовых в усадьбе Середниково 5 августа 2007 года (на фотографии не все участники события)
Слева направо: Татьяна Молчанова (исследователь, Острожниковская ветвь, Россия–США), Аня Ляховская (внучка Молчановой), Диана Лермонт Митчел (актриса и модель, на пенсии, США), Валерий Черняев (заслуженный артист России), Джилли Лермонт (дизайнер, Австралия), Любовь Чиркова (заслуженная артистка России), Луиза Лермонт (жена известного архитектора Джеймса Лермонта, Австралия), Михаил Лермонтов (доктор культурологии, президент ассоциации «Лермонтовское наследие», Колотиловская ветвь, Россия), Ольга Сидельникова-Вербицкая (писатель, жена Юрия Вербицкого, Франция), Александра (перед Ольгой Сидельниковой-Вербицкой, сестра Ани Ляховской), Елена Лермонтова (жена Михаила Юрьевича Лермонтова, Россия), Брайан Вилтон (директор офиса тартанов, Шотландия), Юрий Владимирович Лермонтов (отец Михаила Лермонтова, Россия), Михаил Александрович Лермонтов (архитектор, писатель, глава «Кадетской переклички», Колотиловская ветвь, США), Юрий Вербицкий (инженер, на пенсии, глава организации «Соколы», хранящей традиции православных воинов за рубежом, Франция), Никита Лермонтов (внук Михаила Александровича Лермонтова, США), Андрей Цугулиев (юрист, Колотиловская ветвь, Россия), Ольга и Елена Лермонтовы (дочери Михаила Александровича Лермонтова, Колотиловская ветвь, США), Михаил Лермонтов (внук Михаила Александровича Лермонтова, США), Анастасия Лермонтова (студентка, Колотиловская ветвь, Россия), Ирина Борисовна Лермонтова (лингвист, активист Музея Лермонтова в Уфе, Колотиловская ветвь, Россия)

победил Макбета, который «жить устал... жизнью этой сыт и зол на то, что свет еще стоит», как мы знаем из трагедии Шекспира «Макбет». За ратную службу Лермонт получил земли в Шотландии и титул, аналогичный нашему дворянскому званию. От этого Лермонта, как утверждают шотландские летописцы, и пошел род Лермонтов в Шотландии. По шотландским традициям люди, носившие одну и ту же фамилию, принадлежали к одному клану, что различно с русским понятием «род». В клане, носящем, например, фамилию Лермонт, могли быть линии, имеющие одного генетического предка. Но в том же клане могли формироваться линии с разными генетическими предками, но носящие ту же фамилию. Имя-фамилию определяли по владению землями в месте, где обосновался самый ранний владелец земли, как Лермонт, получивший землю от короля Малькома. В своих исследованиях нам удалось проследить, что Лермонтовы происходят от тех же Лермонтов, что и поэт-пророк Томас Лермонт. Томас Лермонт родом из мест, где получил земли рыцарь Лермонт, сражавшийся за Малькома в 1057 году. Поэтому годом основания рода Лермонтовых в ассоциации «Лермонтовское наследие» считается 1057-й [1, с. 80–92; 602].

В 2007 году лермонтовский род отмечал 950-летие своего рождения. Впервые в истории шотландского клана Лермонтов и происходящего из этого клана российского рода Лермонтовых Лермонты и Лермонтовы отмечали этот юбилей вместе на российской земле, в мемориальной лермонтовской усадьбе Середниково. На празднование 950-летнего юбилея приехали Лермонты из Великобритании, Австралии, Соединенных Штатов Америки. Были представители рода Лермонтовых из Франции, Башкортостана, Пятигорска, Чухломы, Тархан, Санкт-Петербурга и Москвы. В списке приглашенных также были многочисленные друзья и гости ассоциации «Лермонтовское наследие», в их числе представители из Министерства культуры РФ, директора музеев М. Ю. Лермонтова, заслуженные артисты, писатели, поэты, художники России.

Михаил Юрьевич и Елена Владимировна Лермонтовы – гостеприимные хозяева «Национального лермонтовского центра Середниково» – принимали в усадьбе от 50 до 100 гостей одновременно. Однако все были размещены и устроены с таким комфортом, приняты с такой теплотой и лаской, на которые способны истинно русские люди.

Событие освещалось российскими и иностранными СМИ и имело резонанс в прессе.

Культурная программа этого экстраординарного двухнедельного мероприятия подробно описана и проиллюстрирована в двух книгах, изданных при содействии ассоциации [1; 602, с. 248–255].

Одно из центральных событий юбилея – вручение Михаилу Юрьевичу Лермонтову, главе ассоциации, лермонтовского тартана, официально утвержденного шотландским офисом тартанов. Тартан эксклюзивного дизайна, искусно изготовленный в специальных мастерских в Шотландии, был вручен директором шотландского офиса тартанов Брайаном Вильтоном в торжественной обстановке в присутствии представителей семей Лермонтов и Лермонтовых, их друзей и гостей. Михаил Юрьевич Лермонтов получил полный комплект шотландского национального костюма: килт, спорран и шарф.

Mikhail Yurievich Lermontov

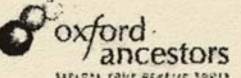
of the clan of

OISIN

19	388	390	391	392	393	389I	389II-I	425	426	385a	385b	437	439	438
14	12	24	11	13	13	10	16	12	12	11	14	15	12	12

Y 18519 N

Certification Bryan Sykes MA PhD DSc
Professor of Human Genetics, University of Oxford, England



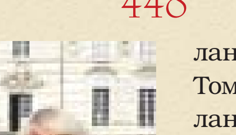
Копия сертификата, подписанного профессором Брайаном Сайксом, директором «Оксфорд ансестор» («Оксфордские предки») из Великобритании (фрагмент)

Михаил Юрьевич Лермонтов в шотландском костюме – лермонтовском тартане

Он выглядел как настоящий шотландец, которым, что и было подтверждено исследованием генетических маркеров, он является.

4 сентября 2009 года Михаилу Юрьевичу Лермонтову вручили сертификат, подписанный профессором Брайаном Сайксом, директором «Оксфорд ансестор» («Оксфордские предки») из Великобритании. Сертификат подтверждает, что ДНК-тестирование М. Ю. Лермонтова по четырнадцати маркерам установило его генетическую принадлежность к гаплогруппе R1b, или, по классификации Сайкса, к клану Oisin – клан Ойсина. В Шотландии к этому клану принадлежит около 80 % населения. Вскоре в компании профессора Сайкса установили, что другой пробанд Лермонтов, имеющий с М. Ю. Лермонтовым общего предка – Петра Лермонта, сына Георга Лермонта, также генетически принадлежит к клану Ойсин. Таким образом, было доказано, что генетически все Лермонтовы по мужской линии, включая поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, имеют одного общего предка генетической группы R1b, или клана Ойсин.

На юбилее в России была исполнена прелюдия к кантате «Томас Лермонт», написанной в память о шот-



Юрий Всеволодович Вербицкий, Ольга Ростиславовна Сидельникова-Вербицкая, Татьяна Молчанова и ее супруг Юрий Постников (во втором ряду), 2011

ландском барде и поэте-пророке Томасе Лермонте. Композитор – шотландец из рода Лермонтов Джордж Лермонт Драйздейл (1866–1909).

В рамках культурной программы Лермонты, Лермонтовы и их гости посетили лермонтовские места в Москве и Санкт-Петербурге. В Середниково проходили музыкальные вечера, презентации книг Татьяны Молчановой и Рекса Лермонта об истории родов «Лермонты – Лермонтовы 1057–2007»; Ольги Сидельниковой-Вербицкой «На что душа моя оглянется» – об истории большой любви и эмиграции. Ее супруг Юрий Вербицкий, внук Елены Михайловны Лермонтовой (1878–1941), уже в преклонном возрасте взял на себя заботы о восстановлении разрушенного храма в усадьбе предков Ровное Новоблагодатное Боровичского района Новгородской области. Почти каждый год приезжая в Россию, они с Ольгой сотворили чудо: сначала был восстановлен купол, а затем в храме начались

Лермонты и Лермонтовы в зале Лермонтова в Пушкинском Доме, Санкт-Петербург, 2007

регулярные службы. Сейчас это действующий храм. Еще одно свидетельство ответственности членов рода за судьбу своего Отечества.

Настоящие праздники организовали Пушкинский Дом и Библиотека имени М. Ю. Лермонтова в Санкт-Петербурге, где также прошла презентация книги Татьяны Молчановой и Рекса Лермонта о роде Лермонтов и Лермонтовых в Шотландии и в России.

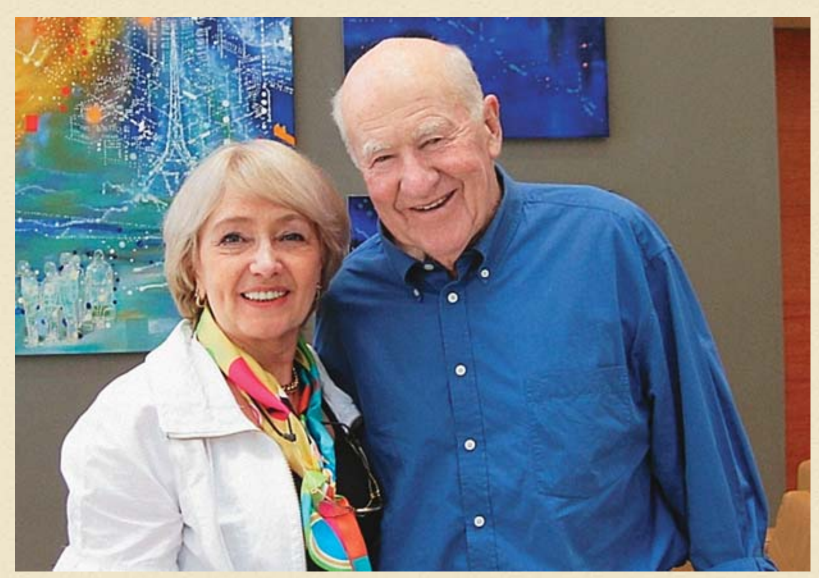
Празднование юбилея проходило торжественно. Повсюду звучала русская и английская речь, никогда не возникало затруднений в общении, царила атмосфера взаимопонимания. Дискуссии, обмен мнениями, смех, шутки, русские романсы и песни, шотландская джига – все это как нельзя лучше сплотило многонациональную компанию. Иностранные гости, сначала слегка настороженные, после двухнедельного пребывания в гостеприимной России почувствовали себя членами одной большой дружной семьи Лермонтов – Лермонтовых.

Год 2009

В феврале 2009 года семьи Лермонтов и Лермонтовых участвовали в совместном съезде семей в Австралии. Есть полное описание этой феерической и в то же время очень информативной поездки [602, с. 256–275].

Австралийские Лермонты – это известная фамилия в Австралии и за рубежом. С историей семей Лермонтов и их ролью в становлении и развитии Австралии можно познакомиться в книге Т. П. Молчановой [1, с. 79–88]. Австралию, открытую в 1606 году голландским мореплавателем Вильямом Янсуном, в 1793–1850 годах заселяли британские колонисты. Несколько семей Лермонтов были в числе первых поселенцев, в частности и близкие родствен-

Тамара Ваттерс, Луиза Лермонт, Михаил Лермонтов, Рекс Лермонт, Барри Ваттерс, Андрей Цугулиев, Елена Лермонтова в Королевском автомобильном клубе штата Виктория (Мельбурн).



Мистер Брайан Лермонт, президент ассоциации Лермонтов в Австралии, и Татьяна Молчанова

ники Рекса Лермонта. Лермонты успешно начали развивать текстильную промышленность, главным образом производство шерсти, – пригодился вековой опыт шотландцев по выращиванию овец породы меринос. Уже в 1860-х годах Лермонты заняли лидирующие посты (мэры, члены парламента) в нескольких областях центрального штата Виктория. Многие из них стали отличными финансистами и очень влиятельными бизнесменами. К началу XIX века Лермонты стали элитой австралийского общества. В числе их друзей были актеры Лоуренс Оливье и Питер Устинов, балерина русско-литовского происхождения Светлана Березова (1932–1998). Наиболее известные здания и комплексы в Мельбурне – фондовая биржа, Род Лейвер Арена (Rod Laver Arena) – построены по проекту архитектора Джеймса Лермонта (1935–2002). Несколько населенных пунктов, аэродром в Австралии названы в честь Лермонтов.

В 2009 году на съезде в Австралии российских Лермонтовых представляли:

· Михаил Юрьевич Лермонтов, президент ассоциации «Лермонтовское наследие»;

· Елена Владимировна Лермонтова, его супруга и исполнительный директор ассоциации;

· Андрей Владимирович Цугулиев, ответственный секретарь ассоциации;

· Татьяна Молчанова, вице-президент ассоциации по международным связям, представитель Острожниковской ветви рода Лермонтовых.

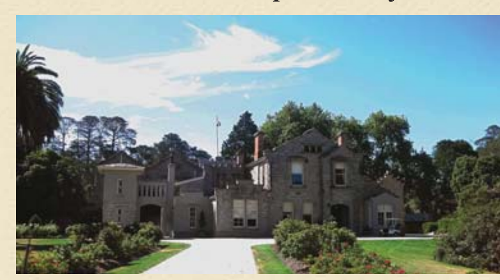
Устроители съезда и организаторы культурной программы в Австралии – мистер Брайан Лермонт, президент австралийской ассоциации Лермонтов, а также Тэм и Барри Ваттерс. Тэм Ваттерс, которую мы называли Тамарой после съезда в России в 2007 году, – урожденная Лермонт, из рода

В поместье Брайана Лермонта

первых Лермонтов, поселившихся в Австралии. Тамара Ваттерс серьезно изучила родословные семей Лермонтов из Австралии и Новой Зеландии и на съезде представила результаты проведенной работы. Приехавшие в штат Виктория представители семей Лермонтов – их собралось не менее 200 человек – могли, посмотрев свои родословные, найти родственников, которых они не видели много лет. Веками австралийские Лермонты и российские Лермонтовы используют одну и ту же геральдическую символику, а теперь разделяют с Лермонтовыми тартан – по единодушному решению членов ассоциации.

Инициатива российской ассоциации «Лермонтовское наследие» – собираться большой семьей клана Лермонтов – Лермонтовых – была подхвачена и реализована в Австралии.

Поездка по стране с целью ознакомления с лермонтовскими местами в Австралии была организована безукоризненно. Большой группой, ставшей постепенно веселой компанией, мы посетили овцеводческие фермы и эвкалиптовые плантации Лермонтов; усадьбы, где они не только живут, но и трудятся в собственном хозяйстве; мемориальные кладбища Лермонтов. Знакомясь со страной и семьями, мы проникались уважением и любовью к Лермонтам. Они сумели обустроить свои хозяйства и родную землю цивилизованно и с любовью.



Эрлстон, замок Лермонтов

Австралийцы – очень приветливый и теплый народ, неприхотливый в повседневной жизни, но уме-

Посадка березок Лермонтами и Лермонтовыми в парке бывшего поместья Лермонтов Эрлстон
Плита в ознаменование совместного пребывания в Эрлстоне потомков Скотов – Лермонтов и Лермонтовых из Австралии, России, Великобритании и США

ющий с большим вкусом обустроить и роскошные виллы, и шикарные гостиницы, и частные клубы. Они бережно относятся к своей культуре и британским корням.

В местечке Эрлстон в центре штата Виктория, названном его основателями Лермонтами в честь поселения, откуда родом прославленный Томас Лермонт, находится бывшее поместье Лермонтов, в котором они построили не дом, а настоящий шотландский замок.

Современные владельцы Эрлстона – семья Дэвер, они любезно показали нам достопримечательности замка. В саду роскошного поместья Эрлстон Лермонты и Лермонтовы посадили три березки в честь российско-авлалийско-британского съезда и посещения имения Лермонтами и Лермонтовыми.

В следующем, 2010 году мистер Брайан Лермонт и Тэм Ваттерс там же, в Эрлстоне, установили мемориальную гранитную плиту с выгравированной надписью: «Эти березки символизируют невероятную целеустремленность Скотов, особенно Лермонтов, кто мигрировал в дальние страны, включая Австралию, Россию и Америку. Семья заложила здесь пасторальное поселение Виктории и основала самую известную в Австралии овцеферму. Российские и австралийские члены этой семьи собрались здесь 2 марта 2009 года».

Съезд Лермонтов и Лермонтовых. Хамильтон

Невероятная целеустремленность – какая замечательная характеристика всех Лермонтовых и Лермонтов, потомков Скотов.

Центральным событием съезда стало празднование в городе Хамильтон, где прошла торжественная месса, собрание с презентациями и выступлениями, в том числе и речь мэра города. Глава российской делегации Михаил Юрьевич Лермонтов представил красочный исторический фильм об истории рода «Лермонты – Лермонтовы 1057–2007» с текстом на английском языке. Татьяна Молчанова демонстрировала собственный фильм «Святая скорбь» (Sacred dole), посвященный поэту М. Ю. Лермонтову, с романсами, отрывками из опер в исполнении знаменитых российских певцов. Торжества завершились шикарным банкетом, с тостами и признаниями. Царила атмосфера взаимопонимания, и, несмотря на разделяющие нас расстояния, дружба наша продолжится.

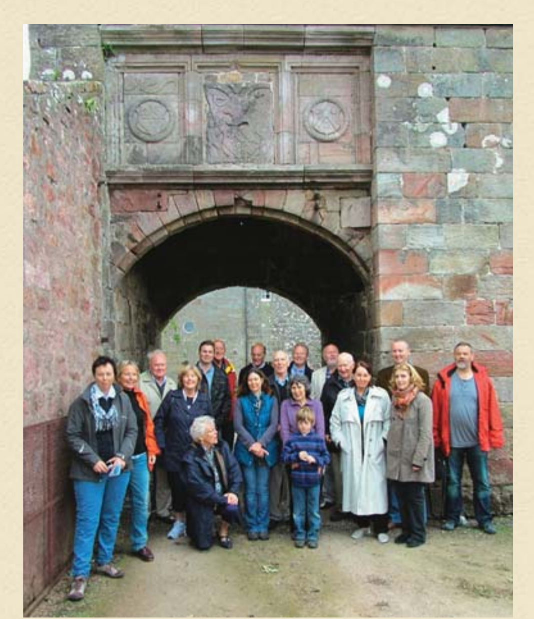
Австралию мы покидали с чувством глубокой благодарности Лермонтам.

Год 2011

В 2011 году международный съезд Лермонтов и Лермонтовых проходил на земле их шотландских предков – в Великобритании. К сожалению, обстоятельства сложились так, что ни один из представителей ассоциации «Лермонтовское наследие» не смог присоединиться к Лермонтам, съехавшимся на этот съезд из разных стран. Со слов друга и соавтора Рекса Лермонта, который вместе

Первое поселение Лермонтов в Шотландии. Западный Лермонт, Шотландия

* http://tatianamolchanova.com/Learmonth_Lermontov_Family_Reunions_2007_2009_2011.html.



Лермонты у ворот замка Бэлкоми, графство Файф, Шотландия. На арке ворот слева – герб Лермонтов

с братом Клайвом Лермонтом был организатором мероприятия, и по фотографиям, которые мне прислал Рекс, я знаю, что съезд прошел на высоком уровне. Фотографии можно посмотреть на моем сайте*.

Лермонты посетили все исторические места наших общих предков, начиная с местечка Лермонт в Равнинной части (Lowlands), откуда происходят все Лермонты.

Потом все участники собрались у знаменитого холма Эрсильдон Томаса Лермонта недалеко от Эрлстона. Они почтили память великого шотландского поэта и писателя Вальтера Скотта (1777–1832), одного из любимейших авторов поэта М. Ю. Лермонтова, взобравшись на холм Бэмэрсайд (Bemersyde Hill) недалеко от Эрлстона, откуда открывается любимый Вальтером Скоттом вид на равнинную Шотландию. Непременное посещение замков Лермонтов в Дарси и Бэлкоми – дань одной из самых знатных ветвей Лермонтов в Шотландии.

Могу себе представить, какое удовольствие получали все участники этого путешествия по Шотландии, каким вдохновением и гордостью за страну, созданную их предками, наполнялись их сердца.

Прием Лермонтов в мэрии Эдинбурга

В Эдинбурге, столице Шотландии, делегацию принимал мэр города мистер Джордж Грабб (George D. W. Grubb). В районе Эдинбурга Дин более десяти мест названо именем Лермонтов в память о династии Лермонтов, занимавших пост мэра в Сент-Эндрюсе непрерывно в течение 135 лет (1473–1608). А в 1831–1833 годах Джон Лермонт, потомок Лермонтов из Сент-Эндрюса, был мэром Эдинбурга. Прием в мэрии Эдинбурга прошел в теплой и дружественной обстановке. Расставаться, как всегда, было грустно, но осталось чувство удовлетворения, что традиции, которые так ценят шотландцы, будут поддерживаться.

Год 2013

Ассоциация «Лермонтовское наследие» готовится к празднованию 400-летия российского рода Лермонтовых. Это событие совпадает с 400-летием дома Романовых.

В 1613 году на российский престол взошел первый из рода Романовых – Михаил Романов. Он прибыл из Ипатьевского монастыря в Костроме. В 1613 году шотландский дворянин и воин Георг Лермонт перешел на сторону Московского государства, выбрал Россию и получил по указу первого царя из рода Романовых земли в Костромской губернии.

В 1913 году дед президента ассоциации Михаила Юрьевича Лермонтова Владимир Михайлович Лермонтов получил личное приглашение приехать в Кострому на празднование 300-летия дома Романовых.

В 2013 году Михаил Юрьевич Лермонтов одним из первых в России из рук главы императорского дома Романовых Марии Владимировны удостоился памятной медали «400 лет преодоления Смуты».

Времен связующая нить восстановилась.

Год 2014

Проявляйте добрую волю и соблюдайте справедливость по отношению ко всем государствам. Поддерживайте мир и согласие со всеми. Религия и мораль поощряют такое поведение...

Джордж Вашингтон, первый президент США

Президент ассоциации «Лермонтовское наследие» Михаил Лермонтов-младший торжественно открыл год празднования 200-летия со дня рождения великого поэта М. Ю. Лермонтова в России 21 марта 2014 года.

2014 год останется также в истории России как год жесточайшего политического кризиса на Украине – стране, имеющей общее историческое прошлое и тесные дружественные отношения с нашей страной. В связи с этим кризисом чрезвычайно обострились отношения между двумя великими державами – Россией и Соединенными Штатами Америки.

«Но как бы долго нынешняя конфронтация между США и Россией ни продолжалась, рано или поздно разумные люди положат ей конец», – выразил уверенность президент ассоциации «Лермонтовское наследие» Михаил Лермонтов-младший, приехавший в США на празднование юбилея русского поэта.

Празднование дня рождения М. Ю. Лермонтова в библиотеке конгресса США

24 апреля 2014 года в престижной библиотеке конгресса США в Вашингтоне состоялось торжественное празднование 200-летия со дня рождения поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Инициатор и организатор празднования – Американо-российский фонд культурного сотрудничества. На протяжении многих лет фонд возглавляет Джеймс Саймингтон, бывший американский конгрессмен (1968–1977), писатель и поэт, активный деятель в области развития культурных связей с Россией. За плодотворную деятельность в 2008 году Саймингтон был награжден орденом Дружбы, который ему вручил президент РФ В. В. Путин. Мероприятие было безупречно организовано благодаря таланту исполнительного директора фонда Александра Петровича Потемкина.

В праздновании приняла участие российская делегация, возглавляемая президентом ассоциации «Лермонтовское наследие», советником министра культура РФ доктором культурологии Михаилом Лермонтовым-младшим. В составе делегации были видные деятели российской культуры, лермонтоведы, художники, скульпторы: Елена Брониславовна Ленцова – директор Мемориального музея Лермонтова в Москве на Малой Молчановке; Елена Геннадьевна Красильникова, доктор культурологии, главный редактор журнала «Тарханский вестник»; Василий Игоревич Нестеренко, заслуженный художник РФ; Елена Владимировна Лермонтова, менеджер «Национального лермонтовского центра Середниково»; Татьяна Павловна Молчанова, вице-президент ассоциации «Лермонтовское наследие», исследователь истории рода Лермонтовых, биографии и творчества поэта, автор статей и книг; Наталья Евгеньевна Купцова, член Московского лермонтовского общества, исследователь биографии поэта; Виктор Сиротин, скульптор, автор книг о М. Ю. Лермонтове.

В зале, где проходили торжества, собрались гости из разных уголков Америки – почитатели и знатоки творчества великого русского поэта. В фойе была представлена коллекция произведений М. Ю. Лермонтова, хранящихся в библиотеке конгресса США. В зале висели портреты поэта и его произведения живописи. Гостей встречали девушки и молодые люди, одетые в старинные русские народные костюмы. Обстановка была дружеской, теплой и приподнятой. Многочисленные представители прессы особое внимание уделяли членам российской делегации.

Звучали стихотворения М. Ю. Лермонтова на двух языках, были исполнены отрывки из оперы «Демон» и романсы на стихи поэта в исполнении известного американского певца Терри Барбера. На большом экране показывали великолепные иллюстрации к произведениям М. Ю. Лермонтова и лермонтовские живописные работы из собраний музеев России. Организаторы мероприятия подготовили содержательный цветной буклет, посвященный биографии и творчеству Михаила Юрьевича Лермонтова.

С приветственной речью к собравшимся обратился директор библиотеки конгресса США профессор Джеймс Биллингтон. Джеймс Биллингтон, почетный член РАН, – профессионал в области российской культуры, написал несколько книг о российской истории и культуре. В 2008 году Биллингтон был удостоен ордена Дружбы, награду ему вручил Президент РФ В. В. Путин, также у него есть несколько почетных грамот от российского правительства. Биллингтон дал глубокий анализ творчеству М. Ю. Лермонтова и высоко оценил его вклад в мировую литературу, рассказал о любви американцев к литературе Михаила Юрьевича. «Я начал изучать не грамматику русского языка, а произведения русских поэтов, в том числе Михаила Юрьевича Лермонтова, – сказал Биллингтон. – Лермонтов – выдающийся, уникальный поэт. До сих пор люди задаются вопросом, каких бы еще вершин он мог достичь, если бы прожил дольше».

Во время празднования 200-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова в библиотеке конгресса США, 24 апреля 2014 года

Василий Нестеренко, Джеймс Биллингтон, Михаил Лермонтов, Джеймс Саймингтон, Сьюзан Лерман

Джеймс Биллингтон и Татьяна Молчанова

Посол России в Вашингтоне Сергей Кисляк обратил особое внимание на то, что культура способствует взаимодействию между людьми. По словам посла, вечер стал «глотком свежего воздуха» в нынешний период сложных двусторонних отношений России и США. «Неважно, какие бы подъемы и падения ни переживали наши двусторонние отношения… необходимо, чтобы культура по-прежнему оставалась инструментом диалога, инструментом, обогащающим людей». Он выразил надежду на то, что молодое поколение американцев и россиян будет больше знать о культуре и традициях друг друга, а значит, они смогут сделать больше, чем нынешнее поколение, для развития двусторонних отношений.

«Незнание русского языка не является препятствием к тому, чтобы ценить слова и мысли русского гения М. Ю. Лермонтова, – сказала, в свою очередь, главный спонсор и председатель празднования, организованно-

Сергей Кисляк, посол России в Вашингтоне

Памятную скульптурную медаль в честь 200-летия М. Ю. Лермонтова Сьюзан Лерман вручают Джеймс Саймингтон и Александр Потемкин

Художник Василий Нестеренко представляет свои новые картины

го Американо-российским фондом культурного сотрудничества Сьюзан Лерман. – Я выражу общее мнение присутствующих в этом зале: мы за открытый культурный обмен между нашими странами и за то, чтобы процесс был постоянным и плодотворным». По ее словам, творчество М. Ю. Лермонтова широко известно в США. Члену совета директоров фонда Сьюзан Лерман за вклад в развитие американо-российских культурных связей была вручена скульптурная медаль в честь 200-летия М. Ю. Лермонтова, созданная известным российским скульптором Александром Бургановым.

Глава фонда Джеймс Саймингтон также уверен, что кризис в отношениях России и США рано или поздно будет преодолен. «Мое же личное отношение к России после событий в Крыму нисколько не изменилось», – подчеркнул он.

Художник Василий Нестеренко представил свои новые полотна – портреты Михаила Лермонтова и Фенимора Купера, произведениями которого увлекался поэт. Недавно эти работы были выставлены в Москве, на съезде Военно-исторического общества России.

В обращении к собравшимся Михаил Лермонтов-младший, член Общественной палаты РФ, родственник и тезка поэта, выразил искреннее убеждение в том, что «сегодня мы видим, как и много веков назад, что человечество разделяет борьба за интересы и только ценности могут стать тем, что объединяет людей на Земле».

Выступление Михаила Лермонтова-младшего

Российские и американские гости перед Капитолием в Вашингтоне.

Михаил Лермонтов-младший с внуком Сергеем Лермонтовым

«Сегодня именно ценности могут стать тем смыслом и центром единения, которое хранится в творчестве русского поэта Михаила Лермонтова и американского писателя Фенимора Купера, в творчестве всех писателей, которые… несли и несут откровение людям», – подчеркнул Михаил Лермонтов-младший. Он вручил организаторам торжеств юбилейные медали ассоциации и, поблагодарив за мероприятие, призвал в отношениях двух великих народов руководствоваться приоритетом духовно-нравственных ценностей, сохраняемых в литературе и искусстве.

Русский поэт М. Ю. Лермонтов и культурные ценности двух великих держав, России и США, на этом праздновании объединили русских и американцев в их стремлении наслаждаться творениями гениев.

Усилия деятелей культуры двух стран направлены на сохранение и развитие мирных традиций между народами. Культурные ценности – это высшее и незыблемое достояние человечества, это созидательный путь развития цивилизаций, это наше прошлое и наше будущее, это путь сохранения мира для потомков.

Международный благотворительный фестиваль российско-итальянской культуры, посвященный юбилею М. Ю. Лермонтова

С 4 по 9 мая 2014 года в итальянском курортном городе Монтекатини Терме, где жил и работал великий Джузеппе Верди, прошел Международный благотворительный фестиваль российско-итальянской культуры, посвященный 200-летию поэта М. Ю. Лермонтова. Сопредседатели фестиваля – мэр города Джузеппе Беланди и Никита Михалков, снимавший в этом городе свой известный фильм «Очи черные»; председатель оргкомитета фестиваля – Михаил Лермонтов; ведущий фестиваля – Святослав Бэлза.

Дмитрий Амунц, Никита Михалков, Петр Шереметьев, Михаил Лермонтов-младший и мэр города Монтекатини Терме Джузеппе Беланди

Художественный руководитель фестиваля – ректор ГМПИ им. М. М. Ипполитова-Иванова, президент фонда «Русское исполнительское искусство», главный дирижер Московского молодежного камерного оркестра Валерий Ворона со своим коллективом – Сергеем Михеевым, Светланой Безотосной, Анастасией Тимошенко, Анастасией Лебедянцевой, Дмитрием Риберо и другими молодыми исполнителями – сделали каждый день незабываемым музыкальным событием.

Среди почетных гостей фестиваля – заместитель руководителя Федерального агентства по туризму РФ Дмитрий Амунц, его высочество Вильгельм-Карл принц фон Пройсен и его сиятельство председатель президиума Международного совета российских соотечественников граф Петр Шереметьев из Парижа, Александр Чирко – троюродный брат Михаила Лермонтова из Монако.

Организацией фестиваля занимался председатель совета попечителей Сергей Онищенко. Он стал близким другом и творческим партнером Михаила Лермонтова-младшего во время реализации проекта по вручению знатным людям наградной Библии с иллюстрациями русских художников.

Большой радостью стало участие в фестивале мецената и большого друга Михаила Лермонтова-младшего и Эдуарда Артемьева Виталия Маркелова с семьей. Его попечительство в записи новой оперы композитора «Преступление и наказание», организация грандиозного тура по городам Сибири и Дальнего Востока, в рамках которого исполняли выдающиеся произведения Эдуарда Артемьева, участие в популяризации его музыки стали заметными событиями в культурной жизни России и за рубежом.

В разнообразной программе фестиваля – выступления ведущих российских музыкантов, в том числе во Флоренции, в зале Аудиториум Санто-Стефано на Старом Мосту.

Афиша торжественных мероприятий, посвященных празднованию 200-летия поэта, – это множество интереснейших событий, вот только некоторые из них:

1. Юбилейный музыкальный спектакль в Государственном академическом Большом театре России – 14 октября.

2. Учреждение Министерством культуры РФ и вручение отличившимся при проведении юбилейных торжеств памятной медали к 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

3. Всероссийская лермонтовская выставка в Государственном музее А. С. Пушкина – сентябрь –декабрь. 4. Проведение юбилейной выставки

Кузены Михаил Лермонтов-младший, Никита Михалков, Александр Чирко в гранд-отеле «Ля Паче» в Монтекатини Терме, где 27 лет назад режиссер Никита Михалков снимал фильм «Очи черные»

Виталий Маркелов, Джузеппе Верди – в камне, Сергей Онищенко, Михаил Лермонтов-младший

Виталий Маркелов, жена Михаила Лермонтова Елена и Эдуард Артемьев

из собрания Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН)

5. Всемирный день поэзии, открытие года юбилейных торжеств – посвящение М. Ю. Лермонтову «Россия читает Лермонтова» в Государственном музее А. С. Пушкина – 21 марта.

6. Всероссийский лермонтовский праздник «Какие силы были у этого человека…» Л. Н. Толстой в Государственном лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы» – 5 июля.

7. Музыкально-поэтическая мистерия в усадьбе Середниково «И счастье я могу постигнуть на земле, И в небесах я вижу Бога» – 9 июля.

8. Съезд членов рода Лермонтовых в усадьбе Середниково – 7–14 июля.

9. Праздничные мероприятия в Тверской области: открытие памятника поэту в Твери и городе Белом, откуда на Руси пошел род Лермонтовых – 12 июля.

10. Вечер памяти поэта «Печально я гляжу на наше поколенье…» в день дуэли в усадьбах Середниково и музее-заповеднике «Тарханы», панихида в храмах Троице-Сергиевой лавры, Нового Иерусалима, Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Пятигорска, Ставрополя, Тамани – 27 июля.

11. Праздничный вечер «Лермонтовские мечты», посвященный юбилею поэта, в Королевском яхт-клубе в Монако – 29 августа.

12. Лермонтовский урок патриотизма и славы Отечества в школах по мотивам стихотворения «Бородино» в день генерального сражения русской армии под командованием М. И. Кутузова с французской армией у села Бородино (1812 год) – 7 сентября, День воинской славы – 8 сентября.

13. Праздник лермонтовской поэзии в музее Лермонтова в Тамани и установка памятного знака М. Ю. Лермонтову в городе Анапе.

14. Всероссийская научно-практическая конференция «Лермонтов и Кавказ» в Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова – начало сентября.

15. Международная научно-практическая конференция на базе Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) в Санкт-Петербурге – конец сентября.

16. Лермонтовский праздник поэзии в Государственном музее-заповеднике М. Ю. Лермонтова «Домик Лермонтова» в Пятигорске – 2–4 октября.

17. Торжественные мероприятия в Шотландии: открытие памятника поэту в городе Эрсельдун, музыкальный фестиваль в замке Маклаудов – октябрь.

18. Литературно-музыкальная композиция «Пророк» в исполнении Ярославского академического губернаторского симфонического оркестра в концертном зале им. Л. В. Собинова в Ярославле – 11 октября.

19. Всероссийский театральный фестиваль «Маскарад» на базе Пензенского областного драматического театра имени А. В. Луначарского – октябрь.

20. Постановка спектаклей «Маскарад» в Российском государственном академическом театре драмы имени А. С. Пушкина (Александринском театре), Государственном академическом Малом театре России и в Ставропольском академическом ордена «Знак Почета» театре драмы им М. Ю. Лермонтова – в течение 2014 года.

21. Всероссийский конкурс фотографии «По лермонтовским местам» с последующей выставкой в Московском доме фотографии (МДФ).

22. Издание сводного иллюстрированного каталога лермонтовской коллекции Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), включающего рукописные, изобразительные и мемориальные материалы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шотландские корни Лермонтовых

...Вопросы крови – самые сложные вопросы в мире. Я ничуть не погрешу, если, говоря об этом, упомяну о причудливо тасуемой колоде карт. Есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни даже границы между государствами.

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Вопрос о шотландских корнях великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова неоднократно обсуждался в прессе. Происходит это главным образом из-за того, что романтическая натура поэта в разное время создавала разные образы его предков: шотландский и испанский. Исследования генеалогии рода Лермонтовых, подтвержденные в последние годы данными генетического тестирования, позволяют ответить на этот вопрос.

Российские исторические документы свидетельствуют, что основатель рода Лермонтовых – Джордж Лермонт (George Leirmont) – был выходцем из Шотландии (см. раздел «Шотландские корни российского рода Лермонтовых»).

В сентябре 2007 года профессор Брайан Сайкс – британский генетик, известный по работам в области исследования и классификации популяций человека на основании тестирования маркеров на мужской Y-хромосоме, основатель биотехнологической компании «Оксфорд ансестор» («Оксфордские предки»), занимающейся установлением генетического родства индивидуумов, принадлежащих к определенной фамилии, – объявил, что начинает работу над проектом по установлению шотландских корней великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. В международной прессе прошла волна публикаций, последовали выступления на BBC и РТ-телевидении. Брайан Сайкс, Рекс Лермонт и глава ассоциации «Лермонтовское наследие» Михаил Лермонтов давали интервью. 3 октября 2007 года по каналу НТВ сообщили: «В Оксфордском университете начались исследования, результат которых может попасть в учебники по русской литературе: генетик Брайан Сайкс намерен доказать, что у Михаила Лермонтова были шотландские корни. Для этого профессор сравнит ДНК потомков М. Ю. Лермонтова и Лермонтов, живущих в Британии».

Наличие шотландских корней у рода Лермонтовых в России не подвергалось сомнению. Эта информация давно вошла в энциклопедии. Но для установления родства Лермонтов, проживающих в настоящее время в Великобритании, с российскими Лермонтовыми требовалась большая работа по сбору проб.

Если генеалогия Лермонтовых в России изучена очень детально с 1613 года и до наших дней, то генеалогия Лермонтов – это отдельные се-

мьи. Клан Лермонтов не является типичным: нет шефа клана, родословная которого известна с древних времен. Шеф клана, как правило, объединяет все ветви клана. На основании многолетних исследований нам удалось собрать много информации о Лермонтах и их возможном происхождении с Британских островов. В настоящее время семьи Лермонтов живут по всему миру. В некоторых семьях история предков прослеживается до 1700-х годов, как, например, в семье Рекса Лермонта. Очень немногие семьи Лермонтов осведомлены о своем родстве с другими Лермонтами. Располагая собственной базой данных и имея контакты с некоторыми Лермонтами в Великобритании, мы предложили профессору Сайксу шесть адресов Лермонтов для участия в его проекте, полагая, что остальных участников проекта подберут менеджеры компании профессора Сайкса.

Ассоциация «Лермонтовское наследие» предоставила профессору Сайксу родословную по мужской линии российских Лермонтовых и сопроводила ее адресами представителей рода, имеющих общего предка – Петра Лермонта (около 1614 – 1679), сына Георга Лермонта. Тестирование этих Лермонтовых, разделенных девятью поколениями, позволяло сделать вывод о наличии общего предка всех представителей рода Лермонтовых из России по мужской линии.

Российские генеалогические исследования и полученные британским профессором данные не оставляют сомнений: роду российских Лермонтовых четыреста лет и он идет от шотландца Георга Лермонта; генетическая принадлежность рода к гаплогруппе R1b, или, по классификации Сайкса, к клану Oisin – клан Ойсина.

Результаты ДНК-тестирования семи Лермонтов из Великобритании были резюмированы профессором Сайксом в начале января 2010 года. Четверо участников проекта принадлежат к генетической гаплогруппе E1b1b – клан Эшу (Eshu), другие трое Лермонтов – к R1a – клан Сигурд (Sigurd). Лермонты каждой гаплогруппы имеют общего предка, жившего приблизительно 700 лет назад, и не имеют генетического родства между собой. Частота распространения на Британских островах представителей клана Эшу – 1,5 %, клана Сигурд – 8,8 %. Таким образом, протестированные Лермонты относятся к двум минорным генетическим кланам и не имеют генетического родства с российскими Лермонтовыми, принадлежащими к самому распространенному в Шотландии генетическому клану.

Возникает вопрос: можно ли на основании полученных данных утверждать, что российские Лермонтовы с шотландскими корнями произошли не от шотландских Лермонтов? На данном этапе генетических исследований вероятный ответ такой: российские Лермонтовы шотландского происхождения произошли не от тех Лермонтов, потомки которых вошли в тестируемую группу Лермонтов из Великобритании.

Полученные результаты ДНК-тестирования только семи Лермонтов из Великобритании ясно свидетельствуют о генетической гетерогенности носителей фамилии и о наличии нескольких основателей фамилии Лермонт на Британских островах сотни лет тому назад. Такая точка зрения

по поводу происхождения британских фамилий широко распространена в настоящее время и поддерживается ведущими генетиками мира, изучающими принадлежность носителей фамилий к определенной гаплогруппе. По данным статистического анализа шотландских фамилий, все они, включая известные шотландские кланы, имеют несколько родоначальников фамилий. А что касается распространенности гаплогруппы клана Ойсин, то, например, тридцать три шотландских фамилии по результатам ДНК-тестирования их представителей имеют от 30 до 90 % носителей гаплогруппы R1b, или клана Ойсин. На этом основании можно полагать, что Лермонты – носители гаплогруппы клана Ойсин – просто не попали в группу Лермонтов, протестированных профессором Сайксом. Полученные результаты чрезвычайно важны и интересны сами по себе. Они указывают на необходимость более широких исследований фамилии Лермонт в Великобритании и за границей, чтобы установить истинную генетическую гетерогенность фамилии Лермонт. По данным переписи населения 1911 года, только в Шотландии проживало 485 мужчин с фамилией Лермонт. По данным статистических агентств Великобритании, полученным на основании списков голосования за последние пять лет, число Лермонтов мужского пола составляло около 400 человек, и, видимо, это далеко не полный список Лермонтов. Более двухсот Лермонтов мужского пола проживают в Австралии, около ста пятидесяти – в США.

Другой возможной причиной отсутствия генетического родства российских Лермонтовых и тестированных современных британских Лермонтов может быть происхождение Лермонтовых от ветви Лермонтов, которая прекратила существование в Великобритании. Согласно нашей гипотезе российскому роду Лермонтовых четыреста лет, они являются потомками влиятельной аристократической семьи Лермонтов из графства Файф. Это единственная семья Лермонтов, генеалогия которой изучалась еще в XIX веке. По мнению шотландского историка, исследователя шотландской нации Вильяма Андерсона [3] семейные ветви Лермонтов по мужской линии, владельцев замков Дарси и Бэлкоми и многих других земель, к началу XIX века прекратили существование, но фамилия Лермонт распространена в Шотландии и поныне. Так, может быть, российские Лермонтовы, носители генетического типа – клана Ойсин, являются потомками одной из ветвей семьи Лермонтов из шотландского графства Файф?

В интервью российскому телевидению «Россия-2» в октябре 2011 года британец Рекс Лермонт, активный член ассоциации «Лермонтовское наследие», дал исчерпывающее объяснение наличия нескольких основателей шотландской фамилии Лермонт. Согласно шотландским летописям, рыцарь, вероятно европейского происхождения, по имени Лермонт, в 1057 году выступил в войсках законно претендовавшего на шотландский трон Малькома III в его борьбе с Макбетом. После победы Малькома III последний щедро наградил своих сторонников. Лермонт получил земли на территории Нижних Земель Шотландии. Эти земли стали носить его имя – де Лермонт. Поскольку фамилии в те времена еще не были приняты,

то вассалы Лермонта, а их могло быть несколько, участвуя в походах или перемещаясь в другие места, называли себя по имени, прибавляя «де Лермонт», чтобы обозначить, из каких земель они пришли. Такая практика была широко распространена в Западной Европе. Приставка «де» со временем исчезла, и осталась фамилия Лермонт. Отвечая на вопрос корреспондента об отсутствии генетического родства протестированных Лермонтов и российских Лермонтовых, Рекс Лермонт пояснил, что эта новость немного разочаровывающая, но ожидаемая. Он сказал, что полностью уверен в шотландских корнях российских Лермонтовых, и добавил, что исследования необходимо продолжать.

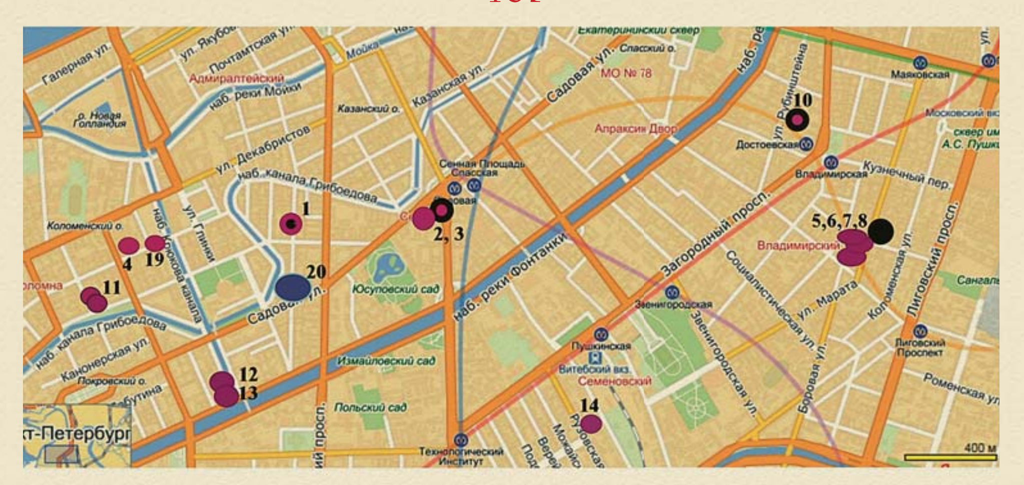
Нашей общей фамилии Лермонты – Лермонтовы уже много веков, традиции наших шотландских предков мы чтим и развиваем. Международные встречи в России (2007), в Австралии (2009), в Великобритании (2011) наполнены теплотой, интересом к истории семей и стран, желанием сохранить и упрочить наши интернациональные связи. Жизнь и творчество великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, как путеводная звезда, освещает нас. Лермонты будут нашими желанными гостями на праздновании 200-летного юбилея великого русского поэта в 2014 году.

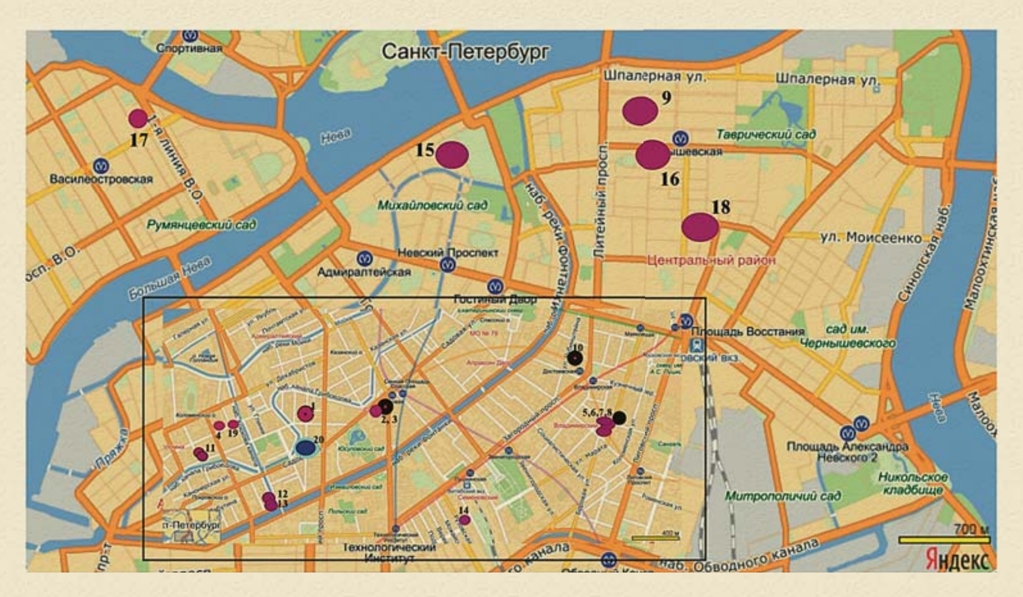
Лермонтовы – современники поэта. Лермонтовский Петербург

Здесь речь пойдет о представителях рода Лермонтовых – современниках великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, живших в Петербурге в те же годы, что и Михаил Юрьевич. В 1830-х годах многочисленные представители рода Лермонтовых стали перебираться в Москву и Санкт-Петербург, оставляя свои поместные хозяйства в Костромской губернии на попечение управляющих. В 1830–1840-х годах, когда Михаил Юрьевич Лермонтов учился в Школе гвардейских прапорщиков и юнкеров, служил в лейб-гвардии гусарском полку, представители разных ветвей рода Лермонтовых, особенно представители состоятельной Острожниковской ветви, приобретали в столице собственные дома. С семьями они жили в них и/или использовали их в качестве доходных домов, сдавая жилье внаем.

Зимой 1837 года дворянскую и интеллектуальную среду Санкт-Петербурга потрясло стихотворение двадцатитрехлетнего юнкера Михаила Юрьевича Лермонтова «Смерть поэта». Столица заговорила о появлении преемника великого А. С. Пушкина.

Карл Нистрем в «Книге адресов Санкт-Петербурга на 1837 год» [603] опубликовал официальный адрес, по которому (справочник составлен по данным до мая 1837 года. – *Прим. авт.*) жил Михаил Юрьевич Лермонтов: «Лермантовъ Мих. Юрьев., Корнетъ л. гв. гусар. полка, по Больш. Садовой, № 64 – 3 ч. 4 кв. № 307». Ответ на вопрос о «3 ч. 4 кв. № 307» можно найти в справочнике Аллера С. [604], где дом княгини Шаховской числится в 3-й Адмиралтейской части, на Большой Садовой улице, № 64. Чтобы определить, где



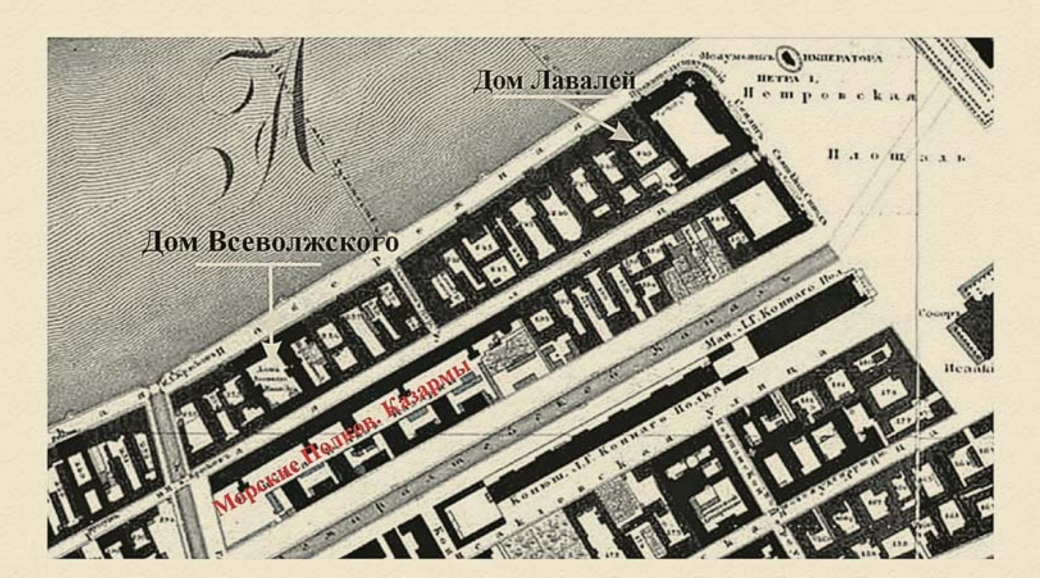


Современная карта Санкт-Петербурга с нанесенными домовладениями Лермонтовых в 1836–1913 годах. Дом, в котором жил поэт Михаил Юрьевич Лермонтов в 1837 году, отмечен номером 20

находился этот дом, следует воспользоваться картами Федора Федоровича Шуберта (Friedrich Theodor Schubert, 1789–1865) 1828 года [605]. Дом № 64 княгини Шаховской на этой карте находится на Большой Садовой улице, между Большой Подъяческой улицей и Воскресенским проспектом.

Рядом, на углу с Большой Подъяческой, находился дом № 298 коллежского регистратора Петрова, а дальше, на пересечении улиц, собор Николая Чудотворца. Если идти к центру по Воскресенскому проспекту, то у Синего моста (теперь Воскресенского) находилась Школа гвардейских прапорщиков и юнкеров, в которой Михаил Юрьевич Лермонтов обучал-

Дом княгини Шаховской в 3-й Адмиралтейской части на Большой Садовой № 307 на карте 1828 года (в 1837 году – Большая Садовая № 64), в котором жил Михаил Юрьевич Лермонтов в 1837 году и написал стихотворение «Смерть поэта». Здание и его номер маркированы розовым цветом. На углу Большой Садовой и Обуховского проспекта (выделено желтым цветом) был дом Владимира Николаевича Лермонтова (1796–1872), шестиюродного брата поэта



Часть Английской набережной на карте 1828 года. Во Флотских полковничьих казармах в 1837 году жил Михаил Николаевич Лермонтов (1792–1866), шестиюродный брат поэта

ся в 1831–1833 годах. Уже в 1844 году владелицей дома № 64 на Большой Садовой улице стала Попова. В 1862 году дом № 61 (поменялись четная и нечетная стороны улиц) на Большой Садовой принадлежал Ивановой. В 1898–1913 годах – купцу Ивану Осиповичу Чугрееву. Интересно, что в 1905 году столичный купец И. О. Чугреев пожертвовал деньги на церковь при приюте для обездоленных детей Е. И. В. великой княгини Марии Николаевны. Сейчас, в наше время, дом № 61 на Большой Садовой улице находится в плохом состоянии. Хотя когда-то он был совсем другим. По воспоминаниям очевидцев дом был уютным: «Между этажами стояли диванчики, ведь лифта нет. При входе – красивый камин, который топился дровами, куда он делся 20 лет назад – не известно. В конце 60-х – начале 70-х годов был тут дворник, он открывал ворота, которые давно снесли».

Мемориальная гранитная доска архитектора М. Ф. Егорова и скульптора Н. В. Дыдыкина с надписью: «В этом доме жил Михаил Юрьевич Лермонтов в 1836–1837 гг. Здесь он написал стихотворение "Смерть поэта"», была установлена в 1939 году [606]. По другим данным, мемориальная доска была установлена в 1962 году. В 2006 году во время реконструкции здания ее демонтировали: нет мемориальной доски – нет проблем, вероятно, так думают «надменные потомки» – современная власть Северной столицы.

В 1837 году в Санкт-Петербурге проживали в собственных домах, на частных квартирах и в казармах престижных полков многие Лермонтовы – родственники Михаила Юрьевича Лермонтова. Некоторые из Лермонтовых и их близкие родственники были влиятельными людьми, занимали высокие посты. На приведенной карте Санкт-Петербурга обозначены дома Лермонтовых – некоторые из них жили в непосредственной близости от дома № 61 на Большой Садовой улице. Свидетельств о том, что они встречались с поэтом в 1831–1841 годах в Санкт-Петербурге, не сохранилось, за исключением встречи с юным Мишелем Лермонтовым Ивана Николаевича Лермонтова (1810 – после 1882) в 1824 году. Нет вины Лермонтовых – родственников поэта, что Михаилу Юрьевичу было не дозволено или не желательно встречаться с ними. Однако это не означает, что они не знали или не интересовались поэтической славой Михаила Юрьевича Лермонтова. По рассказам потомков этих Лермонтовых, в личных семейных библиотеках всегда хранились издания произведений Лермонтова. Ниже представлен список тех Лермонтовых, которые жили в Петербурге в 1837 году, в одно время с поэтом.

Михаил Николаевич Лермонтов (1792–1866)

Герой Отечественной войны 1812 года. В 1837 году капитан первого ранга Михаил Николаевич занимал пост вице-директора Гвардейского экипажа и также служил в инспекторском ведомстве Морского министерства. Михаил Николаевич Лермонтов в 1837 году жил в казарме флотских полковников на Галерной улице, дом № 20, или, в соответствии со старой нумерацией домов в 1822 году, – на улице 1-я Адмиралтейская, часть 4, дом 1. Казармы были как раз напротив тыльной стороны дома Никиты Всеволж-

ского на Английской набережной и недалеко от дома Лавалей. В 1844 году Михаил Николаевич жил на Английской набережной, дом № 14–15 (в настоящее время Английская набережная, д. 30). Этот дом в 1830–1856 годах принадлежал Морскому министерству. В 1834–1854 годах он служил в Морском ведомстве, в Главном морском штабе, и, вероятно, после 1837 года имел квартиру в доме Морского министерства и Военной академии на Английской набережной, дом № 15–16, рядом с домом Всеволжского. На Английской набережной часто бывал Александр Сергеевич Пушкин. Он гостил у Лавалей в доме № 2, у Остермана-Толстого, Никиты Всеволожского в доме № 14 (теперь дом № 28). В доме Лавалей 16 февраля 1840 года на балу состоялся знаменитый разговор между Михаилом Юрьевичем Лермонтовым и сыном французского посла Эрнестом де Барантом. Здесь де Барант вызвал поэта на дуэль, из-за которой Лермонтов был выслан из Петербурга на Кавказ [607]. Михаил Николаевич Лермонтов тоже писал стихи и не мог не знать о стихотворении Михаила Юрьевича «Смерть поэта». К сожалению, в семейных архивах записей об этом не сохранилось.

Владимир Николаевич Лермонтов (1796–1872)

Генерал-майор, в 1837 году служил помощником директора Института корпуса инженеров путей сообщения. Жил в Санкт-Петербурге, в собственном доме по адресу: Торговая улица, дом № 7, а также имел дом на Сенной площади, на углу Большой Садовой улицы и Обуховского проспекта. В 1830–1833 годах был близким другом Ольги Александровны Павлищевой, урожденной Пушкиной, родной и любимой сестры Александра Сергеевича, с которым неоднократно встречался и общался.

Дмитрий Николаевич Лермонтов (1802–1854)

В 1837 году капитан-лейтенант флота, служил в кораблестроительном и учетном комитете строительного департамента Морского министерства. Проживал в Санкт-Петербурге, в собственном доме № 3 на Торговой улице, с супругой Александрой Ивановной, урожденной Антроповой.

Всеволод Николаевич Лермонтов (1812–1877)

В 1837 году служил в чине подпоручика в лейб-гвардии Егерском полку. «Петербургские квартиры» Егерского гвардейского полка в течение ста лет находились у Семеновского плаца. В столице Егерский полк сначала занимал семеновские казармы на Звенигородской улице (позже названные староегерскими), затем переехал в специально построенные для него казармы на улице Рузовской, дома №№ 14, 16, 18. В 1837 году В. Н. Лермонтов проживал в Санкт-Петербурге, на набережной реки Фонтанки, дом № 9.

Лермонтов Григорий Николаевич (1814-1872)

Подпоручик, вместе с братом Всеволодом Николаевичем Лермонтовым в 1837 году служил в лейб-гвардии Егерском полку. В 1837 году проживал в Санкт-Петербурге, на набережной реки Фонтанки, дом № 9.

Ростислав Матвеевич Лермонтов (1810–1877)

Служил в чине поручика в Финляндском полку. Полк квартировался на Косой линии Васильевского острова, а на Большом проспекте Васильевского острова была полковая церковь и полковой госпиталь. В 1837 году проживал в Санкт-Петербурге, по адресу: Васильевский остров, 18-я линия, дом № 4.

Владислав Матвеевич Лермонтов (1818–1891)

В 1836–1838 годах учился в Санкт-Петербургском инженерном училище. По инициативе великого князя Николая Павловича 24 ноября 1819 года высочайшим повелением преобразовано в Главное инженерное училище. Для размещения училища выделена одна из царских резиденций – Михайловский замок, этим же повелением переименованный в Инженерный замок.

Александр Андреевич Катенин (1803–1860)

Сын Ирины Юрьевны Лермонтовой (1771–1818) и Андрея Федоровича Катенина из усадьбы Клусеево Чухломского уезда. Александр Андреевич Катенин в 1837 году служил в чине капитана в лейб-гвардии Преображенском полку, состоял при Его Величестве князе Михаиле Павловиче.

Сергей Павлович Шипов (1790–1876)

Дальний родственник Лермонтовых, прапраправнук Андрея Федосьевича Шипова и Прасковьи Петровны Лермонтовой, родной сестры прадеда Михаила Юрьевича Лермонтова, сын солигаличского помещика. Сергей Павлович Шипов в 1837 году был в чине генерал-лейтенанта. С. П. Шипов помогал Михаилу Николаевичу Лермонтову спасать его брата Дмитрия Николаевича в декабре 1825 года.

Литература

Аллер С. Руководство к отысканию жилищ по Санкт-Петербургу. – СПб.: тип. Народного просвещения, 1822.

Нумерация домов в Санкт-Петербурге с алфавитными списками. – СПб.: Канцелярия Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора, 1836.

Нистрем К. Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год. – СПб.: тип. III отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1837.

Шуберт Ф. Ф. Подробный план Санкт-Петербурга 1828 года. – СПб.: изд-во «Военно-топографическое депо», 1828.

Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1837 год (составлено в декабре 1836 года). – СПб.: Императорская академия наук, 1837.

Нистрем К. Адрес-календарь санкт-петербургских жителей. – СПб.: тип. Собственной ЕИВ канцелярии, 1844.

Путеводитель 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Петергофа, Царского Села, Гатчины и проч. – СПб.: тип. К. Вингебера, 1853.

Цылов Н. Описание улиц Санкт-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году. – СПб.: т-во «Общественная польза», 1862.

Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. – СПб.: изд. Гоппе и Корнфельда, 1867–1868.

Весь Петербург. Адресная и справочная книга на 1895 год. Ч III. Алфавитный указатель жителей города Санкт-Петербурга. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1895.

Весь Петербург. Адресная и справочная книга на 1898 год. Ч. III. Алфавитный указатель жителей города Санкт-Петербурга. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1898.

Весь Петербург. Адресно-справочная книга на 1909 год. Ч. III. Алфавитный указатель жителей города Санкт-Петербурга. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1909.

Весь Петербург. Адресно-справочная книга на 1913 год. Ч. III. Алфавитный указатель жителей города Санкт-Петербурга. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1913.

Список литературы

1. Молчанова Т., Лермонт Р. Лермонты – Лермонтовы 1057–2007. – М.: Логос, 2008.
2. Воронцов И. В. Поколенная роспись Лермонтовых. – М.: Новости, 2004.
3. Anderson W. The Scottish Nations. Vol. 2. – London: F. Fullarton & Co, 1867. – P. 640–641.
4. Молчанова Т. Шотландские корни Лермонтовых. Приложение в этой книге «Лермонтовы 1613–2013», 2014.
5. Campbell A. A History of Clan Campbell: From Origins to Flodden / Edinburgh University. – Edinburgh, 2000. – P. 261.
6. Stewart D. C. Setts of the Scottish Tartans. – NY: Van Nostrand Reinhold, 1974. – P. 37.
7. Морозова Л. Е. Михаил Федорович // Вопросы истории. – 1992. – №1. – С. 32–47.
8. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – СПб.: т-во «Общественная польза», 1896.
9. Скобелкин О. В. Ирландская рота на русской службе в последние годы смуты // Журнал ирландских исследований (Воронеж). – 1997. – № 1.
10. Скобелкин О. В. Шотландцы на русской службе в середине 10-х годов XVII века / Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. – Воронеж, 1997. – Вып. 2.
11. Сторожев В. Н. Георг Лермонт – родоначальник русской ветви рода Лермонтовых. – М.: тип. И. Д. Сытина, 1894.
12. Gomulicki W. T. Opowiadania o Starej Warszawie. – Warszawa, 1908. – P. 86.
13. Wierzbicki A. Piotr I Wielki: w świetle biografów angielskich XVIII i XIX wieku. – 1983. – P. 299.
14. Молчанова Т. П. Лермонтов против Лермонта (1616–1618) // Лермонтовские чтения 2010. – СПб.: Лики России, 2011. – С. 210–219.
15. Веремеев Ю. Возникновение системы воинских званий в России в XV–XVII веках. Анатомия армии, 2000.
16. Материалы для истории города Чухломы и рода костромичей Юдиных (1613–1895) / Собрал и издал Г. В. Юдин. – Красноярск: тип. М. Я. Кохановской, 1902.
17. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 9. – М.: Соцэкгиз, 1959.
18. Белов Л., Зубова В., Касторский В. и др. Галич. – Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1983.
19. Самарянов В. А. Следы поселений мери, чуди, черемисы, уми и других инородцев в пределах Костромской губернии. Древности // Тр. Моск. археол. о-ва. – 1875. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 47–67.
20. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М.: Наука, 1984. 21. Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVII веке. – Л.: Наука, 1985.
22. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб., 1861–1885.
23. Дозорная книга по Чухломе, 1615. // Материалы для истории города Чухломы и рода костромичей Юдиных (1613–1895) / Собрал и издал Г. В. Юдин. – Красноярск: тип. М. Я. Кохановской, 1902.
24. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. – М.: Моск. ун-т, 1961.
25. От Костромы до Соль-Галича, 1857 // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый историком академиком Н. В. Калачовым. – СПб.,1862.
26. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 12. Я. Крживоблоцкий, Костромская губерния. – СПб., 1861. – С. 223.
27. Тиц А. А. На земле древнего Галича. – М.: Искусство, 1971. – С. 64.
28. Красовский М. В. Энциклопедия русской архитектуры. Деревянное зодчество. Обозрение Юрия Крупнова. – СПб.: САТИСЪ, 2002.
29. Скобелкин О. В. Письма служилых иноземцев эпохи Смуты. Источниковедение: поиски и находки // Сб. науч. тр. – Воронеж, 2000 – Вып.1.
30. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1890–1907.
31. Волков В. А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII века). – М.: Эксмо, 2004.
32. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. – М.: Воениздат, 1954.
33. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М.: Голос; Колокол-Пресс, 1993–1998.
34. Черненко Д. А. Структура служилого землевладения в Нижегородском уезде по писцовой книге 1621–1623 гг. (Березопольский стан) // Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 2004.
35. Царствование царя Алексея Михайловича / Изд. И. Сленин. – СПб.: Х. Гинце, 1831. – С. 45.
36. Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города Костромского края: материалы для истории. – Кострома: Костромской общественный фонд культуры, Костромской региональный центр новых информационных технологий «Эврика-М», 2000.
37. Лаппо-Данилевский А. С. Иноземцы в царствование Михаила Федоровича // Журнал Министерства народного просвещения, СПб. – 1885. – Т. 241. – № 9. – С. 66–106.

38. Рожков Н. Происхождение самодержавия в России. – М.: тип. А. И. Мамонтова, 1906.
39. Чернова Е. А. История села Парфеньево // Курсовая работа. – Кострома, 2003. – С. 8–14.
40. Воронин И. Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. – Мордовское книжное изд-во, 1976. – С. 232.
41. Исторические и юридические акты XVII и XVIII столетий, собранные Михаилом Семевским / Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3. – М.: Университетская тип., 1869.
42. Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. – СПб.: Главное управление уделов, 1895. – С. 84–85.
43. Грушко Е., Медведев Ю. Энциклопедия знаменитых россиян до 1917 года. – М.: Диадема-Пресс, 2000. – С. 427.
44. Григоров А. А. «...Родина наша для меня священна». Письма 1958–1989 годов / Сост., подгот. текста, примечания и комментарии А. В. Соловьевой; вступит. ст. Н. А. Зонтикова. – Кострома: Инфопресс, 2011. – С. 193.
45. Григоров А. А. Из истории костромского дворянства. – Кострома: ИПП «Кострома», 1993.
46. Архангельская Н. В. // Тарханский вестник. – 2009. – № 22. – С. 20.
47. Никольский В. В. Предки М. Ю. Лермонтова // Русская старина. – СПб.: тип. В. С. Балашева. – 1873. – Т. 7, 8.
48. Лермонтовская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1981.
49. Воронцов И. Лермонтов и его потомки // Дон. – 1999. – № 3–6. – С. 6–10.
50. Белавкин И. П. Из истории рода Лермонтовых. Архивные находки. – СПб.: Борей-Арт, 2006.
51. Крюков А. Н. Измайлово – родовая вотчина Лермонтовых // Седьмые областные краеведческие чтения по истории культуры Костромского края «Земля Чухломская: древняя и молодая». – Чухлома, 2001.
52. РГАДА, фонд 1354, Москва.
53. ГАКО, ф. 200, оп. 13, ед. хр. 422 (архивная справка 952 / 529 от 27/06/2011).
54. Сведения о помещичьих имениях. Т. 4. Костромская губерния. – СПб.: тип. В. Безобразова, 1860.
55. Архангельская Н. В. Родословие Михаила Юрьевича Лермонтова. Исследования и находки // Тарханский вестник. – 2010. – № 23. – С. 20.
56. Богданов А. П. Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. – М.: ТЕРРА , 1999. – С. 297–303.
57. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. IV. Утвержден 7 декабря 1799 года. – СПб.: Сенатская тип. – № 102.
58. Менгден С. Отрывки семейной хроники // Русская старина. – Т. 134. – С. 97–116.
59. Волков С. В. Русский офицерский корпус. – М.: Воениздат, 1993. – С. 25.
60. Голубев Е. Интервью с Олегом Валерьевичем Соколовым: Русская гвардия возрождается в Петербурге // Конкуренция и рынок (СПб.). – 2004. – № 23.
61. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
62. Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных… / Материал подготовлен Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, http://encyclopedia.mil.ru.
63. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. – Л.: Наука, 1991.
64. Тархов С. А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. – 2001. – № 15. – С. 21.
65. Шумилов Н. А. Лермонтовы на Севере // Пресса Архангельской области. – Архангельск, 11 октября 2003.
66. Шумилов Н. А. Лермонтовы. Архангельский родословец. – Архангельск: Правда Севера, 2009.
67. Государственный архив Архангельской области: ф. 1, оп. 1, д. 2180, 2190, 2246/а, 2257, 3264.
68. Баскаковы – древний российский род: Российская родословная книга. Т. 4. Петр Долгоруков (князь). – 1857. – С. 263.
69. Описание столичного города Санкт-Петербурга. Ч. 2. – СПб., 1794. – С. 354–357.
70. Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. – СПб.: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 1998. – С. 20–30.
71. Данилевский Г. Прадед Лермонтова / Русский архив, издаваемый при Чертковской библиотеке Петром Бартеневым. – Изд. 9–12. – 1875.
72. Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. 1, кн. 1. – М., 1889. – С. 27.
73. Сборник Императорского русского исторического общества. Т.14. – СПб., 1875. – С. 37, 483, 491, 541.
74. Поленов Д. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового уложения. – СПб.: Императорская академия наук, 1869.
75. Васильев А. В. Законодательство и правовая система дореволюционной России / Под ред. С. А. Комарова. – СПб.: Питер Принт, 2004. – С. 106–108.
76. Бильбасов В. А. Архив графов Мордвиновых. Т. 5. – СПб.: тип. Н. Н. Скороходова, 1902. – С. 236.
77. Отчет о пятнадцатом присуждении наград графа Уварова, 1872 год. – СПб.: Императорская академия наук, 1874. – С. 138.

78. Старк В. П. Пушкины в «Истории Петра» и «Истории Пугачева». – СПб.: Пушкинский дом, 1998.
79. Коршунов М., Терехова В. Мальчишник. Я люблю Пушкина. – М.: Терра, 1999. – С. 360–362.
80. Голлербах Э. Ф., Мануйлов В. А. М. Ю. Лермонтов в портретах и иллюстрациях. – Л.: Наркомпрос РСФСР, 1941.
81. Русский биографический словарь / Под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 29. – СПб., 1916. – С. 584.
82. Бухерт В. Г. // Советские архивы. – 1989. – №5. – С. 62–65.
83. Изонов В. В. Из истории русской артиллерии второй половины XVIII в. // Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи; секция «История оружия и военной техники». – СПб.: ВИМАИВиВС, 2003. – С. 30–33.
84. Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1698–1801. – М.: АСТ, 1995. – С. 104.
85. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. – СПб.: Министерство внутренних дел, 1870.
86. Сморгунов В. В. Усть-Сысольское уездное казначейство в 1782–1789 годы // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2012. – № 1 (17).
87. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской академии художеств за 100 лет ее существования / Под ред. Н. Н. Петрова. – СПб.: тип. Гогенфельдена и Ко., 1864. – С. 247.
88. Пушкарев А. М. Просвещенный абсолютизм. Екатерина II. Конспекты по истории России / Сост. А. М. Пушкарев. – М., 2000.
89. Балдин М. А. Баковская старина. Очерки по истории земли баковской с XVII века по век XX. – Красные Баки, 1997.
90. Бахтиярова О. Н., Алексеев Д. А. Рыкачевы – Лермонтовы (новое в родословии) // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2009.
91. Кусов В. С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Волоколамский уезд, № 61. – М., 2004. – С. 125.
92. Указатель Москвы. – М.: Университетская тип. В. Окорокова, 1793.
93. Нахапетов Б. О предках М. Ю. Лермонтова // Генеалогический вестник (Санкт-Петербург). – С. 45–49.
94. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 62. – СПб.: тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1889. – С. 229.
95. ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, № 87, л. 85. Метрическая книга Никитского сорока, ц. Спиридона Чудотворца, что за Никитскими воротами (на Козьем болоте) за 1793 г.
96. ЦИАМ, ф. 203, оп. 747, д. 22, л. 70 (архивная справка, составленная С. Котельниковым, 2011).
97. Переписные книги города Москвы 1738–1745 гг. Т. 7. – М.: Московская городская тип., 1891. – С. 179.
98. Мартынов А. Названия московских улиц и переулков. – М.: тип. Т. Рис, 1881. – С. 86.
99. ЦИАМ, ф. 203, оп. 747, д. 221, л. 311об. (архивная справка, составленная Сергеем Котельниковым, 2011).
100. Атлас столичного города Москвы / Сост. А. Хотев. – М., 1852–1853; Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы / Сост. А. Хотев. – М., 1852–1855.
101. Киприн В. А. О трех главных московских адресах А. В. Суворова / Русская народная линия – информационно-аналитическая служба, 23 июня, 2004.
102. Старая Москва глазами современников (Москва перед Отечественной войной 1812 года) / Сост. Н. Н. Скорнякова. – М.: Изобразительное искусство, 1996.
103. Максимович Л. М. Путеводитель к древностям и достопамятностям московским. Ч. IV. Земляной город. – М.: Университетская тип. В. Окорокова, 1793. – С. 76–79.
104. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Письмо 133 (октября 27, 1805 г.). – М.: Терра, 1993.
105. Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя // Вестник Европы. – 1803. – Т. 7. – № 4. – С. 278.
106. Пыляев М. И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. – СПб.: тип. А. С. Суворин, 1891. – С. 513.
107. Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского. – М.: тип. С. Селивановского, 1831. – С. 337–346.
108. Молева Н. М. Москва – столица. – М.: Олма Медиа Групп, 2003. – С. 339–340.
109. Старикова Л. Театральная жизнь старинной Москвы: эпоха, быт, нравы. – М.: Искусство, 1988. – С. 279–299.
110. Адарюков В. Я., Сидоров А. А. Русская книга. Т. 1, ч. 1–2. – М.: Госиздат, 1925. – С. 299.
111. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1786. – СПб.: Императорская академия наук, 1786. – С. 171.
112. Висковатый П. А. Дворянская грамота, выданная Юрию Петровичу Лермантову, отцу поэта // Русская старина. – 1882. – Т. 33.
113. Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. – Кострома: Губернская тип., 1862. – С. 167.
114. Лукьянов А. А., Алексеев Д. А. К вопросу о продаже М. Ю. Лермонтовым имения Кропотово // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2008. – Вып. 3.

115. РГАЛИ, ф. 276, оп. 1, д. 105, л. 2.
116. Подъем (Воронеж). – 1989. – № 9 –12. – С. 192.
117. Экономические примечания, ф. 1355, оп. 1, д. 505, л. 188об. № 2031 (архивная справка, составленная С. Котельниковым), 2011.
118. Архивы России, ф. 1975, III кат., 641 ед. хр., 1777–1797 гг.
119. Афремов И. Историческое обозрение Тульской губернии. Дополнения. – М.: тип. В. Готье, 1850. – С. 9.
120. Рыкачев А. П. Год Наваринской кампании, 1827 и 1828 годы: из записок лейтенанта Александра Петровича Рыкачева. – Тип. «Кронштадтского вестника», 1877. – С. III.
121. Пайпс Р. Россия при старом режиме. Гл. 7. Дворянство. – Массачусетс, Кембридж, 1981.
122. Вырыпаев П. А. Лермонтов. Новые материалы к биографии. – Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1976.
123. Алексеев Д. А. Новое о П. Ю. Лермонтове и его семье // Тарханский вестник. – 2009. – Вып. 22. – С. 24.
124. Алексеев Д. А. Новые материалы о пребывании Ю. П. Лермонтова в Кадетском корпусе и Тульском ополчении 1812 г. // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2008.
125. Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений 1700–1880. – СПб.: Главное управление учебных заведений, 1880.
126. Гурковский В. А. Кадетские корпуса Российской империи. В 2 т. – М.: Белый берег, 2005.
127. Висковатов А. В. Краткая история 1-го кадетского корпуса. – СПб.: Главный штаб, 1832.
128. Устав Императорского шляхетского кадетского корпуса. Гл. 5. – СПб., 1766.
129. Шахов А. Гёте и его время. – СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1891. – С. 32.
130. Гаврюшин Н. К. Два пути «разумной веры» // Вопросы философии. – 2003. – № 8.
131. Шереметьев С. Д. Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1812–1819. – СПб.: тип. М. М. Стасюдевича, 1899. – С. 494.
132. Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторыжского и его переписка с императором Александром I / Пер. с фр. А. Дмитриевой; редакция и вступительная статья А. Кизеветтера. В 2 т. Гл. IX. 1801–1802 гг. – М.: книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1912–1913.
133. Розанов М. Н. Поэт периода «Бурных стремлений. Якоб Ленц» // Ученые записки Императорского московского университета. – 1901. – Вып. 29. – С. 578.
134. Лагутина И. Н. Образ России в романе Ф. М. Клингера «Фауст» / Матер. «круглого стола»: Россия и русские в художественном творчестве зарубежных писателей XVII – начала XX веков // Новые российские гуманитарные исследования, ИМЛИ РАН, 06.07.2007, http://www.nrgumis.ru/articles.
135. Зейдлиц К. Развитие поэтической деятельности В. А. Жуковского // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб.: тип. В. Головина. – 1869. – Ч. 143. – С. 63–64.
136. Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. – М.: Госархив, 1895. – С. 190–191.
137. Столетие Военного министерства, 1802–1902, Vol. 8, Part 1 / Сост. П. В. Петров. – Военное министерство, тип. М. О. Вольфа, 1902. – С. 72–73.
138. Записки В. М. Жемчужникова. Из посмертных бумаг. Кн. 2 // Вестник Европы. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича. – 1899. – С. 634–665.
139. Розен А. Е., барон. Записки декабриста. – СПб.: т-во «Общественная польза», 1907. – С. 11–12.
140. Выдержки из записок Н. А. Титова. Т. 1. – 2-е изд. // Русская старина. – СПб.: тип. В. Н. Головина, 1870. – С. 215–221.
141. Аурова Н. Н. Ф. Е. Ангальт и Ф.-М. Клингер: проблемы воспитания в Первом кадетском корпусе в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Тр. Государственного Эрмитажа. – 2007. – С. 36.
142. Ридер Г. Р. Библиотека Первого кадетского корпуса: история и создание машиночитаемых записей / Междунар. науч.-практ. семинар по машиночитаемой каталогизации старопечатной книги, РГБ. – Москва, 2003.
143. Булгарин Ф. Воспоминания. – М.: Захаров, 2000. – С. 150–160.
144. Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. – 1995. – № 3.
145. РГВИА, ф. 314, оп. 1, № 8080, л. 337–338.
146. Семченко А. Д., Фролов П. А. Мгновения и вечность: К истокам творчества М. Ю. Лермонтова. – Саратов, 1983. – С. 47–63.
147. Арсеньев В. С. Род дворян Арсеньевых 1389–1901 гг. – Тула, 1903.
148. Рыбкин Н. Материалы к биографии Белинского и Лермонтова // Исторический вестник. – СПб.: тип. А. С. Суворина. – 1884, октябрь. – С. 376.
149. Кольян Т. Н. Наследство М. Ю. Лермонтова в Тарханах, или Еще раз об автобиографической основе драмы «Menschen und Leidenschaften» // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2007. – С. 4–23.
150. Алексеев Д. А. Метрическое свидетельство о рождении М. М. Лермонтовой // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2008. – С. 136–142.
151. Сандомирская В. Б. Альбом с рисунками Лермонтова (Лермонтов и М. А. Шан-Гирей). В кн.: М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. – Л., 1979. – С. 122–138.

152. Ухмылова Т. К. Краткий отчет за 1914–1938 гг: со вступительным историческим очерком. – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, 1940. – С. 131.
153. Мельникова Т. М. Альбом уездной барышни // Тарханский вестник. – 2005. – Вып. 18. – С. 3–13.
154. Покровский В. Михаил Юрьевич Лермонтов. – М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. – С. 99.
155. Музей-заповедник «Тарханы». Инв. № ЛОМ-23, КП-6773. – С. 21–34.
156. Алексеев Д. А. Легенда о самоубийстве М. В. Арсеньева (Генезис мифа) // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2008. – С. 31.
157. Кольян Т. Н. М. Ю. Лермонтов и Е. А. Арсеньева в свете церковных ведомостей села Тарханы // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2009.
158. Кольян Т. Н. Арсеньевы и Лермонтов в Чембаре // Тарханский вестник. – 2006. – Вып. 19. – С. 25.
159. Алексеев Д. А. Тарханские крестьяне в Пензенском ополчении 1812 г. // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2008. – С. 210.
160. Богданович М., генерал-майор. История войны 1812 года, по достоверным источникам. – СПб.: тип. торгового дома С. Струговщикова, 1859. – С. 43-47.
161. Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война. Описание 1812–1815. – СПб.: А. А. Каспри, 1899. – С. 137–318.
162. Сборник исторических материалов, извлеченных их архива собственной Е. И. В. канцелярии / Ред. Н. Дубровина. 1898. – Вып. 10. – С. 58, 149, 230.
163. Альтшуллер Р. Е., Бескровный Л. Г. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сборник документов. – М.: Академия наук СССР, 1962. – С. 226.
164. Волконский Д. М. Дневник. 1812–1814 гг. ОР ГПВ, ф. 775, № 4860.
165. Архив АН СССР, ф. 646, оп. 1, д. 348.
166. Скалон Д. А., Квадры В. В. Столетие Военного министерства, 1802–1902. Т. 8, ч. 1. – СПб.: Военное министерство, 1902. – С. 160.
167. Бартошевич В. В. Наградная медаль участника Отечественной войны 1812 года как памятник эпохи // Вопросы истории. – 1979. – № 3.
168. Алексеев Д. А. Новые материалы к летописи жизни и биографии Лермонтова // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2009.
169. Лермонтовский заповедник «Тарханы». Документы и материалы 1701–1924 / Сост. П. А. Фролов. – Пенза, 2001. – С. 86–87.
170. Литературное наследство. Т. 45–46. – М.: Академия наук СССР, 1948.
171. Сытин П. В. Пожар Москвы в 1812 году и строительство города в течение 50 лет. – М.: Московский рабочий, 1972.
172. Семевский М. Дело и слово 1700–1725. –1884. – С. 111.
173. Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). – СПб., 1882.
174. Барсуков А. Российское благородное собрание в Москве. – М., 1886.
175. Сергей Котельников: Выписка из метрических книг церквей Сретенского сорока за 1814 г. – ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, д. 195.
176. ЦИАМ, ф. 104, оп. 9, д. 732.
177. ЦИАМ, ф.105, оп.9, д. 1094.
178. Мурзакевич Н. Н. 29 ноября 1812 года // Русская старина. –1873. – Т. 8. – С. 993–994.
179. ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, д. 190.
180. Николаев Е. В. Классическая Москва. – М.: Стройиздат, 1975.
181. ЦИАМ, ф.105, оп. 7, д. 7595.
182. ЦИАМ, ф. 203, оп. 747, д. 861.
183. ЦИАМ, ф. 203, оп.747, д. 861, л. 238, № 4.
184. ЦИАМ, ф. 203, оп. 747, д. 900, л. 240, №7.
185. ЦИАМ, ф. 4, оп. 11, д. 340.
186. Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы домам и землям, ровно казенным зданиям, с показанием в котором квартале и на какой улице или переулке состоят. – М.: тип. С. Селиванского, 1818.
187. Семевский М. Русская родословная книга // Русская старина. – 1873. – Т. 1. – С. 299.
188. Шереметев С., граф. Отголоски XVIII века: Останкино в 1797 году. Т 4. – 1897. – С. 70.
189. Записки Андрея Тимофеевича Болотова // Русская старина. Приложение «Ежемесячное историческое издание». – 1871–1873.
190. Записки Андрея Тимофеевича Болотова // Русская Старина. Приложение «Ежемесячное историческое издание». – 1873. – Т. 4, ч. XXII–XXIX.
191. Оршанский И. Г. О приданом. В кн. «Исследования по русскому праву семейному и наследственному». – СПб.: тип. В. Безобразова, 1877. – С. 199–261.
192. Победоносцев К. Курс гражданского права. Ч. 2. – СПб.: Министерство путей сообщения, 1875. – С. 424.
193. Мануйлов В. Бумаги Е. А. Арсеньевой в Пензенском Государственном архиве // Литературное наследство. Т. 45–46. – М.: Академия наук, 1948.
194. Азаревич Д. Семейные имущественные отношения по русскому праву // Журнал гражданского и уголовного права. – СПб.: тип. Правительствующего сената. – 1883. – Вып. 13, кн. 3. – С. 118.

195. Арсеньев В. С. К столетию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. 1814. – 2 октября – 1914. Документы к родословной Лермонтовых и родственных им семейств Виолевых и Арсеньевых. – Тула: тип. губенского правления, 1914.
196. Гр. Ламберт. К вопросу о месте смерти М. М. Лермонтовой // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2006. – С. 6.
197. Цехановский В. М. К биографии М. Ю. Лермонтова // Исторический вестник. – СПб.: тип. А. С. Суворина. – 1898. – Т. 74. – № 10.
198. ИРЛИ, ф. 524, оп. 4, №32, л. 70, 71, 71 об.
199. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текстов и коммент. М. Гиллельсона и О. Миллер. – М.: Художественная литература, 1989.
200. Алексеев Д. А. К вопросу о месте жительства Е. А. Арсеньевой и Лермонтова в Москве в 1827–1829 гг. // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2008.
201. Дудышкин С. С. Ученические тетради Лермонтова // Отечественные записки. – СПб.: тип. И. И. Глазунова. – 1859. – Т. 125. – № 7. – С. 15.
202. Горлов В. П. Бунин и Кропотово – Лермонтово // Звезда. – 1984. – № 12.
203. Петров В. М. Звон бубенца // Подъем (Воронеж). – 1989. – № 10–11.
204. Марасинова Е. Н., Каждан Т. П. Культура русской усадьбы. Очерки русской культуры XIX века. – М.: МГУ, 1998. – С. 265–375.
205. Жаплова Т. М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX в. / Диссертация на соискание доктора филологических наук. – М., 2008.
206. Федоров А. К. и др. Лермонтов в Ефремовской деревне // Тульский край. – 1927. – № 1 (янв.). – С. 55–58.
207. Висковатов П. А., Мануйлов В. А., Назарова Л. Н. Михаил Юрьевич Лермонтов. Приложение к факсимильному изданию. – М.: Книга, 1989. – С. 45–50.
208. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. – М.: Согласие, 2000. – С. 216–219.
209. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Наука, 1979–1981. – С. 357–359.
210. Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – М.: Русская панорама, 2003.
211. Висковатов П. А. Прибавление 1 // Русская мысль. – М.: тип. И. Н. Кушнерева. – 1881. – № 11. – С. 166–168.
212. Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. – Л.: ГИХЛ, 1941. – С. 233–234.
213. Лермонтов М. Ю. В 6 т. Т. 6. – М.: АН СССР, 1954.
214. Лермонтов М. Ю. В 6 т. Т. 1. – М.: АН СССР, 1954.
215. Лермонтов М. Ю. В 6 т. – М.: АН СССР, 1954–1957.
216. Nabokov V. Eugene Onegin: Commentary on preliminaries and chapters one to five. Part 2. – Bollingen Foundation, 1964, – P. 356.
217. Лермонтов М. Ю. В 6 т. Т. 2. – М.: АН СССР, 1954.
218. Заболоцкий Н. Собрание сочинений. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 325.
219. Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов. Биография. Т. I. 1814–1832 гг. – М., 1945.
220. Ровенский Г. Лермонтов у Поливановых в Петрищеве. – Фрязино, 2006. – С. 20.
221. Moore T. Letters and Journals of Lord Byron: With Notices of His Life. – Francfort: L. Bronner, 1830. – P. 151.
222. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 1. Утвержден 1 января 1798 года. – СПб.: Сенатская тип. – № 47.
223. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 1. Утвержден 1 января 1798 года. – СПб.: Сенатская тип. – № 83.
224. Романюк С. К. Москва за Садовым кольцом. – М.: АстраМедиа, 2007. – С. 104.
225. Роспись чиновным особам в губерниях обретающихся. Ч. 2. – СПб: Императорская академия наук, 1805. – С. 75.
226. Месяцелов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи. Ч. 2. – СПб: Императорская академия наук, 1811. – С. 105.
227. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. – М.: тип. И. Н. Кушнерева, 1914.
228. Общий морской список. Т. 7. – СПб.: тип. Морского министерства, 1893.
229. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1835 год. Ч. 2. – СПб.: Императорская академия наук, 1835. – С. 85.
230. Загорулько В. И. Лермонтовы. – СПб.: Просвещение, 1998.
231. Морской сборник. – СПб.: тип. Морского министерства. – 1870. – № 7. – С. 42.
232. РГАВМФ, ф. 935, оп. 2, д. 166.
233. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и в 1809 годах. – СПб.: тип. Штаба отдельного корпуса, 1841. – С. 312–315.
234. Виноградский И. Участие Гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 года». – СПб.: Главный морской штаб, 1899.
235. Ляпишев Г. В., Тихонов И. С. Кого считать авторами памятника лейб-егерям на Бородинском поле? // Материалы XIV Всерос. науч. конф. (Бородино, 4–6 сентября 2006 г.). – М.: Полиграф сервис, 2007. – 366 с.
236. Виноградский И. Действия морского Гвардейского экипажа в войну 1813 года // Морской сборник. – СПб.: тип. Морского министерства. – 1903. – № 4–5.
237. Беляев А. П. Воспоминания декабриста: о пережитом и перечувствованном, 1805–1850. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1882. – С. 71–114.

238. Лопарев А., Лопарев Д. Военно-морской исторический справочник (http://interpretive.ru/dictionary/376/symbol/194).
239. Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия 1656–1856. – СПб.: тип. Императорской академии наук, 1871. – С. 12.
240. Обзор царствования императора Александра II. – СПб.: тип. Кокушкина, 1871. – С. 27.
241. Попов Ю. Портрет Михаила Лермонтова // Нева. – 1983. – № 9. – С. 205. 242. Тимофеев Л. В. Кто же на портрете? // Нева. – 1987. № 5. – С. 204–205.
243. Молчанова Т. Р. История одного портрета / Лермонтовские чтения 2012. – СПб.: Лики России, 2013. – С. 59–66.
244. Кн. Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 3. – СПб.: тип. Э. Веймара, 1856. – С. 332.
245. Самохвалова Н. Белая кость, Белая гвардия // Газета недели в Саратове. – 2012. – №17 (196), 15 мая.
246. Кант И. Собрание сочинений. В 8 т. Том 8. – М.: Чоро, 1994. – С. 12–28.
247. Исторический вестник. – СПб.: тип. А. С. Суворина. – 1902. – Т. 88 (апрель, май, июнь). – С. 811.
248. Rahden A. Stammtafel der Famillie Kant // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik 1899. – Mitau: Kurländische Gesellschaft für Literatur und Kunst, 1902. – P. 180.
249. Stammtafel der Famillie Kant // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik 1901. – Mitau: Kurl ndische Gesellschaft f r Literatur und Kunst, 1902. – P. 208.
250. Kant's Briefwechsel: Anhang. 1795–1803. V. 3 // Kant's gesammelte Schriften. – Berlin: G. Reimer. – 1902. – V. 20. – P. 343–344.
251. Paulsen F. Immanuel Kant, his life and doctrine. – New York: Charles Scribner's Sons, 1902. – P. 26–29.
252. Саитов В. Петербургский некрополь. Т. 4 – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1913.
253. Marinescu F. Genealogical Study of the Mourousis Family. – Athens: Centre de Recherches Néohelléniques, 1987. – P. 91, 173.
254. Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи: Опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. – СПб.: т-во «Общественная польза», 1910. – С. 36.
255. Барановский Г. В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Иститута гражданских инженеров 1842–1892. – СПб.: Институт гражданских инженеров, 1893. – С. 309–310.
256. Кобак А., Лурье Л. Дом Мурузи. – СПб.: Папирус, 1996. – С. 47.
257. Список воспитанниц Императорского воспитательного общества благородных девиц: вып. 1776-1914 гг. – СПб.: Государственная тип., 1915. – С. 563.
258. Фрейман О. Р., ф. Пажи за 185 лет: биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. – Фридрихсгамн : тип. Акц. о-ва, 1894.
259. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1867 год. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1867. – С. 194.
260. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1869 год. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1869. – С. 226.
261. Исторический очерк российских орденов / Издание по поручению канцлера российских императорских и царских орденов графа И. И. Воронцова-Дашкова. – СПб., 1891. – С. 16.
262. Арсеньев К. К. и Петрушевский Ф. Ф. Энциклопедический словарь (начатый И. Е. Андреевским). Т. 4. – СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон, 1892. – С. 833.
263. Струков Д. П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович. – СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1908. – С. 308.
264. Русские герои войны 1877 года. – М.: книжный магазин Б. Пост, 1878. – С. 1–10.
265. Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове.– СПб.: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1898. – Вып. 5.
266. Описание Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полустрове. Т. 2. – СПб.: тип. Главного штаба, 1901.
267. Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове.– СПб.: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1903. – Вып. 34.
268. Описание Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полустрове. Т. 3, ч. 1. – СПб.: тип. Главного штаба, 1904. – С. 197–198.
269. Генов Ц. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: София Пресс, 1979.
270. Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове.– СПб.: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1902. – Вып. 36.
271. Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове.– СПб.: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1911. – Вып. 91, ч. 1.
272. Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове.– СПб.: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1908. – Вып. 56, ч. 2.
273. Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове.– СПб.: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1906. – Вып. 54.

274. Морозов П. И. Гуманные требования войны // Университетские известия (Киев: тип. Императорского ун-та Св. Владимира). – 1890. – Вып. 13. – № 1. – С. 12.
275. Луков Г. Род Лермонтовых. Святые морские фамилии // Море (Бургас). – 1994, февраль.
276. Список генералам по старшинству. – СПб.: Главный штаб, 1900. – С.110.
277. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1896 год. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1896. – С. 287.
278. Придворный календарь на 1903 год. – СПб.: тип. Двора Его Величества, 1903.
279. Список генералам по старшинству. – СПб.: Главный штаб, 1903. – С. 99.
280. Саитов В. Петербургский некрополь. Т. 2. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1912.
281. Лемзенко К. Г. К 130-летию победы России в Русско-турецкой войне и освобождения Болгарии от османского ига // Году России и Болгарии посвящается: 130-летие окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии / Под общ. ред. В. А. Потатурова, В. Э. Кемница. – М.: МИЭМП, 2008. – С. 26–32.
282. Весь Петербург на 1909 год. Ч. III. Алфавитный указатель жителей города Санкт-Петербурга. – СПБ.: тип. А. С. Суворина, 1909. – С. 455.
283. Лакиер А. Б. Русская геральдика. Кн. 2, ч. 4. – СПб.: тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1855.
284. Лермонтов М. Сторожевая и разведывательная служба конницы для унтер-офицеров и разведчиков. – СПб.: тип. Д. И. Шеметкина, 1883.
285. Список генералам по старшинству. – СПб.: Главный штаб, 1914. – С. 404.
286. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1889 год. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1889. – С.198.
287. Логунова Е. П. Санкт-Петербургское общество «Возрождение Петергофа», http://win-petergof.narod.ru.
288. Бобровский П. О. История лейб-гвардии уланского Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны полка. Т. 1. Экспедиция заготовления государственных бумаг. – СПб., 1903. – С. 36, 38.
289. Иванова Т. К., Логунова Е. П. Николай II и его семья в Петергофе. – Петергоф, 1997.
290. Бобровский П. О. Празднование юбилея лейб-гвардии уланского Ея Величества государыни императрицы Александры Федоровны полка. – СПб.: тип. В. С. Балашева,1903 (Архив артиллерийского музея. Инв. № 19).
291. Книга русской скорби. – СПб.: Россия, 1908. – Вып. 1.
292. Павлова Т. Ф., Перегудова З. И., Шацилло К. Ф., Козлов В. П. Дневники императора Николая II (ЦГАОР СССР). – М.: Орбита, 1991. – С. 267.
293. Измайлов М. Путеводитель по Петергофу. – СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909.
294. Трубановская М. В. Путеводитель по Петергофу Михаила Измайлова // История Петербурга. – 2010. – № 1 (53). – С. 54–55.
295. Весь Петербург на 1916. Ч. 2. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1916. – С. 398.
296. Придворный календарь. – СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. – С. 390.
297. Гущин В. А. История Петергофа и его жителей. Кн. 1. – СПб.: Нестор-История, 2001. – С. 358–386.
298. Армия. Главный штаб. – СПб.: Военная тип., 1902. – С. 930.
299. Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. Составлен по 1 января 1910 года. – СПб.: Военная тип., 1910. – С. 567.
300. Список подполковникам по старшинству. Составлен на 15 мая 1913 г. Ч. 1–3, СПб.: Военная тип., 1913. – С. 1586.
301. Список полковникам по старшинству. – СПб.: Военная тип., 1916. – С. 271.
302. Шабанов В. М. Военный орден святого великомученика и победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. – М.: Русский мир, 2004. – С. 608.
303. Степанов В. С., Григорович Н. И. В память столетнего юбилея императорского военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия (1769–1869). – СПб.: тип. В. Д. Скарятина, 1869.
304. Беловолов В. Н. Сборник статей и очерков по истории станицы Уманской. – Ст. Ленинградская, 2002.
305. Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2004. – С. 311.
306. Рубцов И. И. Петроградские уланы в Гражданской войне // Первопоходник. – 1972. – № 6. – С. 29–37.
307. Рубцов И. И. Петроградские уланы в Гражданской войне на Юге России // Первопоходник. – 1972. – № 7. – С. 23–35.
308. Слащев-Крымский Я. А., генерал. Требую суда общества и гласности (оборона и сдача Крыма). – Константинополь: М. Шульман, 1921.
309. Крутова Н., Молчанова Т. Евгений Петрович Михаэлис, Хотимские, Лермонтовы. Исследование темы в рамках истории восточного Казахстана / Материалы науч.-практич. конф., посвященной 70-летию со дня рождения С. Е. Черных. – Усть-Каменогорск, 2005. – С. 62–88.
310. Касацкая И. Ф. Художник-маринист Алексей Ганзен. Потомки И. К. Айвазовского: жизнь, воспоминания, род. – Брянск, 2005.
311. ГАРФ, ф. 6792, д. 165–166.

312. Гурковский В. А. Крымский кадетский корпус // Кадетская перекличка. – 2009. – № 9.
313. ГАРФ, ф. 6792, оп. 2, д. 165.
314. Hfgue A. The Allied Convoy System, 1939–1945: Its Organization, Defence, and Operation (Морские конвои союзников во Второй мировой войне). – Annapolis: Naval Institute, 2000.
315. Мостовский М. С. История храма Христа Спасителя в Москве. – М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1891. – С. 277–278.
316. Житков С. М. Институт инженеров путей сообщения императора Александра I. – СПб.: тип. Министерства путей сообщения, 1899.
317. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на 1829. Ч. 1. – СПб.: Императорская академия наук. – С. 796.
318. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1833 год. Ч. 1. – СПб.: Императорская академия наук. – С. 683.
319. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1834 год. Ч. 1. – СПб.: Императорская академия наук. – С. 737.
320. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1837 год. Ч. 1. – СПб.: Императорская академия наук. – С. 848.
321. Воронина М., Коренев Л. И., Островский А. Лермантов из рода Лермонтовых // Октябрьская магистраль. – 2004, 25 ноября. – С. 4.
322. Дельвиг А. И. Мои воспоминания 1813–1842. Т. 1. – СПб.: Румянцевский музей, 1912. – С. 79–89.
323. Записки Богуславского. Граф П. А. Клейнмихель // Русская старина. – СПб.: тип. В. С. Балашева. – 1879. – Т. 26. – С. 545–549.
324. Селифонтов Н. Н. Институт путей сообщения в 1843–1848 гг. Воспоминания А. К. Бошняка // Русская старина. – СПб.: тип. В. С. Балашева. – 1880. – Т. 28. – С. 651–666.
325. Алексеев Д. А. От редакции // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. – 2008. – С. 101.
326. Владимир Николаевич Лермантов. Мемуарная записка одной из представительниц рода Лермонтовых // Московский журнал. – 2010. – № 8 (236).
327. Извлечения из описания помещичьих имений. Т. 1. – СПб.: тип. В. Безобразова, 1860. – С. 152.
328. Русский инвалид. – 1871. – № 67.
329. Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 1. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1880. – С. 334.
330. Фролова С. Поддержать состояние и дать образование детям… (Учебные заведения Вишневских) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2010. – № 1–2.
331. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой 1828–1835. – СПб.: Пушкинский фонд, 1993.
332. Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и к отцу 1831–1837. – СПб.: Пушкинский фонд, 1994.
333. Федорченко В. И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: энциклопедия биографий. – М.: Олма-Пресс, 2003. – С. 598.
334. Беляева Г. И. Старая Коломна: Путеводитель. – СПб., 2004.
335. Малахов Я. С. // Успехи фазических наук (АН СССР). – 1956. – Т. 58. – Вып. 3. – С. 556–564.
336. Пашенный Н. Императорское училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и Смуты. – Мадрид: Комитет правоведской кассы, 1967. – С. 121.
337. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1860–1861 гг. Ч. 1. – СПб.: Императорская академия наук, 1862.
338. Писарев Д. И. Сочинения. В 4 т. Т. 1. Народные книжки. – М.: Художественная литература, 1955. – С. 36–54.
339. Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга: исторический справочник. – М.: Логос, 2000. – С. 116.
340. Драффен К. К. Книжник и художник К. Д. Данилов // Книга. – М.: Книжная палата, 1992. – С. 87.
341. Народное чтение. – СПб.: Лермантов и К°, 1861.
342. Журнал Министерства народного просвещения. – 1862. – Т. 116. – № 10–12. – С. 99.
343. Военный сборник. Т. 18. – СПб.: Штаб отдельного корпуса внутренней стражи, 1861. – С. 217.
344. Русская историческая библиография. Т. 10. – СПб.: Императорская академия наук, 1862. – С. 203.
345. Памятная книжка Седлецкой губернии на 1884 год. – Седлецк: Седлецкая губернская тип., 1884. – С. 122.
346. Памятная книжка Седлецкой губернии на 1903 год. – Седлецк: Седлецкая губернская тип., 1903. – С. 62.
347. Памятная книжка Седлецкой губернии на 1906 год. – Седлецк: Седлецкая губернская тип., 1906. – С. 83.
348. Русский вестник. – М.: Университетская тип. (М. Катков). – 1884. – Т. 174. – С. 726.
349. Знакомые. Альбом М. И. Семевского // Русская старина. – СПб.: тип. В. С. Балашева. – 1888. – С. 104.

350. Кубецкая Л. Святыни Задонска // Наше наследие. – 2004. – № 72. – С. 128–139.
351. Лермантов И. Н. Как писать фамилию Лермонтов? // Русская старина. – СПб.: тип. В. С. Балашева. – 1873. – т. 7. – С. 392–393.
352. Горин В. А. Булатная – ценнейшая орловская матка XIX века // Коневодство и конный спорт. – 2001. – № 4. – С. 6–8.
353. Селезнев Н. П. Полевая церковь, или Забытые Лермонтовы // Липецкая газета. – 2005, 2 февраля.
354. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и разных должностных лиц в Российский империи на 1901 г. Ч. 2. – СПб.: Сенатская тип., 1901. – С. 59.
355. Данилов В., Селезнев Н. О воронежско-липецких ветвях Лермонтовых, Халютиных и князей Волконских // Генеалогический вестник. – 2005. – Вып. 21. – С. 24–28.
356. ЦГАЛИ СПб., ф. 541, 636 ед. хр., 1899–1990 гг.
357. Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. – Полоцк: тип. Х. В. Клячко, 1910.
358. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1842 год. Ч. 1. – СПб.: Императорская академия наук, 1842. – С. 138.
359. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1848 год. Ч. 1. – СПб.: Императорская академия наук, 1848. – С. 68.
360. Известия из Владимира // Современник. – СПб.: тип. Э. Праца. – 1851. – Т. 30. – С. 29.
361. Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860–1862. – М.: Студия «ТРИТЭ», РИО «Российский Архив», 1999. – С. 318.
362. Лалаев М. С. Исторический очерк образования и развития Первого московского кадетского корпуса, что ныне Первая московская военная гимназия 1778–1878. – СПб.: тип. М. Стасюкевича, 1878. – С. 109–120.
363. Андреевский Е. К. Михаил Иванович Драгомиров и военно-учебные заведения (из воспоминаний) // Русская старина. – СПб.: тип. «Надежда». – 1908. – Т. 136. – С. 33–54.
364. Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. – М.: Наука, 1967. – С. 22–23.
365. Список генералам по старшинству. – СПб.: Военная тип., 1863. – С. 474.
366. Андреевский Е. К. Инженер-генерал Борис Антонович Шванебах (из его воспоминаний и из воспоминаний о нем) // Русская старина. – СПб.: тип. П. Усова. – Т. 157.
367. Шекшуева-Георгиевская Т. В. Ефремовский уезд (1605–2012). Персоналии из базы данных книги «Ефремовский уезд» (в печати).
368. Малеванов Н. А., Сафронов Е. Д. Ефремов. Город на Красивой Мече. – Тула: Пересвет, 2001.
369. Шепелев Д. С. Святые источники земли ефремовской. Средняя общеобразовательная школа № 3 имени О. А. Морозова. – Ефремов, 2013.
370. Письма Лермонтовой Софьи Всеволодовны Лермонтовой Юлии Всеволодовне: 1876–1879. АРАН, ф. 603, оп. 3, д. 11.
371. Московский некрополь. Т.2. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – С. 168.
372. Красносельский синодик (захороненные на кладбище Алексеевской обители), изданный при содействии храма Всех Святых, что в Красном Селе. – М.: Русская православная церковь, http://www.hram-ks.ru.
373. Веденяпин Н. Московский Екатерины II кадетский корпус 1778–1978 // Кадетская перекличка. – 1979. – № 22. – С. 75–91.
374. Книга адресов жителей Москвы, составленная по официальным документам. Ч. 2. Лица неслужащие. – М.: тип. Зотова и Никифоровой, 1865. – С. 26;
375. Московская памятная книжка, или Адрес-календарь жителей Москвы на 1868 год. Ч. 1–2. – С. 349.
376. Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова. – М.: Наука, 1967.
377. Морозова Н. Воспитательница игумений // Журнал Московской патриархии. – 2011. – № 6.
378. Московские университетские известия. – 1871. – № 6–9. – С. 155–156.
379. 1875. Адрес-календарь Москвы: Краткий справочник Москвы. – СПб.: Г. Гоппе, 1875. – С. 65.
380. Филипова В., Кунчева Е. Спомяните на Екатерина Каравелова. – София: Отечествения Фронт, 1984.
381. Гражданин. – 1874. – № 12 (март).
382. АРАН, ф. 603, оп. 3, д. 1.
383. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1844 год. Ч. 1. – СПб.: Императорская академия наук. – С. 80.
384. Архимандрит Тихон (Затекин). Протоиерей Михаил Раевский // Нижегородская Старина. Вып. 27–28. – Новгород: Ридо, 2011. – С. 78–84.
385. Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1843–1845 годы. – СПб.: Императорская академия наук, 1845.
386. Попов П. Формулярный список Л. Н. Толстого. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор», http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/l2c/l2c2185-.htm.
387. Русский биографический словарь / Под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 6. – СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1896–1918. – С. 335–336.

388. Сорокин В. Здесь работал П. Н. Яблочков // Юный техник. – 1959 – № 10. – С. 26–31.
389. Бакарджиева С. Сначала был «Русский свет»! // Умное производство. – 2012. – Вып. 18; www.umpro.ru.
390. Письма Глуховой Марии Всеволодовны Лермонтовой Юлии Всеволодовне 1896–1897, АРАН, ф. 603, оп. 3, д. 9, л. 1–30.
391. Инвентарная опись усадьбы в селе Семенково (из документов Ю. В. Лермонтовой). Автограф, 1875, АРАН, ф. 603, оп. 3, д. 2, л. 3.
392. Переписка С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера / Сост. П. Я. Кочина, Е. П. Ожигова; отв. ред. А. П. Юшкевич. – Наука, 1984.
393. Журнал Русского физико-химического общества. – 1882. – Т. 14, отдел 1. – С. XIII.
394. Журнал Русского физико-химического общества. – 1883. – Т. 15, отдел 1. – С. XIII.
395. Вся Москва 1901 года. Табель домов города Москвы. – М., 1901.
396. Гурковский В. А. История кадетских корпусов // Образование и общество. – 2002. – № 1, 2.
397. АРАН, ф. 603, оп. 3, д. 19, л. 2.
398. Журнал русского химического общества и физического общества. – СПб.: тип. В. Демакова. – Т. 8. – Вып. 6, отдел 1. – С. 193, 233, 241, 254.
399. Извлечение из протоколов отделения химии // Журнал русского химического общества и физического общества. – СПб.: тип. В. Демакова. – Т. 8. – Вып. 7, отдел 2. – С. 336, 344.
400. Журнал русского химического общества и физического общества. – СПб.: тип. В. Демакова. – Т. 8. – Вып. 8, отдел 1. – С. 281–283.
401. Литвинова Е. Ф. Софья Ковалевская. Женщина – математик. Ее жизнь и ученая деятельность. – СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1894. – С. 49–65.
402. Чаурина Р. А. Лермонтова Юлия Всеволодовна // Химия. – 2000. – № 40.
403. Вся Москва. Адресная справочная книга на 1901 год. Ч. 4. Алфавит жителей города Москва. – М.: тип. А. Суворина, 1901. – С. 252.
404. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. IV. Утвержден 7 декабря 1799 года. – СПб.: Сенатская тип. – № 102. – С. 102.
405. АРАН, ф. 603, оп. 3, д. 2, л. 1.
406. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на 1823 год. Ч. 2 (прибавления к первой и второй частям). – СПб.: Императорская академия наук. – С. 19.
407. Луков Г. Род Лермонтовых // Море (Бургас). – 1994. – С. 14–19.
408. Списки населенных мест Российской империи. XVIII. Костромская губерния. СПб.: Министерство внутренних дел, 1897. – С. 341.
409. Журнал Министерства народного просвещения. – 1843. – Ч. 37. – С. 23.
410. Нистрем К. Адрес-календарь санкт-петербургских жителей, составленный по официальным документам. Т. 1. Указатель города Санкт-Петербурга. – СПб.: тип. III отд. собственной Е. И. В. канцелярии, 1844. – С. 129.
411. Список улиц Санкт-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году / Сост. Н. Цылов. – СПб.: т-во «Общественная польза», 1862. – С. 267, 377.
412. Чернопятов В. И. Русский некрополь за границей. Вып. 1. – М.: Императорский московский ун-т, 1908. – С. 34.
413. Памятная книжка лицеистов // Собрание курсовых представителей Императорского Александровского лицея. – СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1907. – С. 41.
414. Адрес-календарь. Роспись всех чиновных особ в государстве. 1857. Ч. 1. – СПб.: Императорская академия наук, 1857. – С. 40.
415. Адрес-календарь. Особое прибавление к адрес-календарю на 1866–1867 годы. Личный состав новых судебных установлений. – СПб.: Императорская академия наук, 1867. – С. 48.
416. Адрес-календарь. Особое прибавление к адрес-календарю на 1869 год. Личный состав новых судебных установлений (сведения извлечены из списка чинам Правительствующего сената, Министерства юстиции, и судебных мест. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1869. – С. 512.
417. Брун М. Мировой суд по судебным уставам императора Александра II // Выборный мировой суд. – СПб.: тип. А. А. Пороховщикова, 1898. – С. 1–10.
418. Судебные уставы императора Александра Второго. – СПб., 1883. – С. 2–10.
419. Санкт-Петербургские столичные мировые установления и адресный дом в 1884 году. – СПб.: тип. Шредера, 1885. – С. 13, 74, 99.
420. Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1898–1899 учебный год. – СПб.: Военная тип., 1899. – С. 192.
421. Список господ членов С.-Петербургского английского собрания в 1886 году. – СПб., 1886. – С. 24, 51.
422. Кружнов Ю. Н. Английский клуб. Энциклопедия Санкт-Петербурга, http://www.encspb.ru.
423. Комиссаренко С. С. Клуб как петербургское явление в русской культуре // История Петербурга. – 2007. – № 6 (40). – С. 93.
424. Алфавитные указатели лиц, включенных в общероссийские адрес-календари на 1868–1875 годы. – СПб., 1868–1875 и позднее.
425. Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. Табель домов г. Петербурга. – СПб.: изд. Гоппе и Корнфельда, 1867–1868. – С. 46.

426. Городовое положение. – СПб.: тип. В. Грацианского, 1873. – С. 11, 45, 68, 69.
427. Ильин А. Начальные училища г. С.-Петербурга // Журнал Министерства народного просвещения, новая серия. – 1906. – Ч. 2. – С. 45
428. Вопрос в С.-Петербургской думе о начальных училищах // Русская старина. – СПб.: тип. В. С. Балашова. – 1882. – Т. 34. – С. 545–547.
429. Стенографический отчет по делу Г. Шаумана, обвинявшего Н. Скроботова, Н. Григорьева и А. Лапшина по делу оскорбления в печати. – СПб.: тип. П. И. Шмидта, 1889. – С. 101.
430. Русская старина. – СПб.: тип. В. С. Балашова. – 1883. – Т. 37. – С. 489–492.
431. Грот Я. К. Очерки из истории русской литературы. – СПб.: тип. Министерства путей сообщения, 1901. – С. 186.
432. Озерянский А. Ближе, чем родной / Памятники Отечества: сердце Поволжья. – М.: Памятники Отечества, 1998.
433. 25 лет – 1859–1884 / Сборник общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. – СПб.: тип. газеты «Новое время» (А. С. Суворина), 1884. – С. 43.
434. Макашин С. А. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 2. – М.: Художественная литератера, 1975. – С. 409.
435. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. Т. 20. – М.: Художественная литература, 1977.
436. Быченкова Л. Г. Алексей Михайлович Унковский – выдающийся реформатор и общественный деятель // Книги. Библиотеки. История: Статьи. Публикации. Сообщения. – Тверь: Тверской государственный ун-т, 2005. – С. 60–66.
437. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. Т. 18. – М.: Художественная литература, 1977.
438. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. Т. 19. – М.: Художественная литература, 1977.
439. Сочинения И. Ф. Горбунова. Т. 3. – СПб., 1907. – С. 96, 463, 464, 468, 469, 477, 480, 482, 484, 488, 489, 493.
440. Сочинения И. Ф. Горбунова. Дневник И. Ф. Горбунова 1862–1895. Т. 3. – СПб., 1907. – С. 405–508.
441. Описание отдельных русских хозяйств. Вып. XI. Костромская губерния. – СПб.: тип. СПб. градоначальства, 1898. – С. 20.
442. Мацнева Н. Г., Яцук Е. А., Анисимов О. В. Знаменитые студенты Санкт-Петербургского университета. Юридический факультет. СПб.: СПбГУ, 2012. – С. 16.
443. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1894 год. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1894. – С. 404.
444. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1895 год. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1895. – С. 417.
445. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. – М.: Флинта, 1999. – С. 105.
446. Ежегодник Министерства иностранных дел 1898 год. – СПб.: тип. Ф. Фрюсно, 1898. – С. 118, 341, 386.
447. Ежегодник Министерства иностранных дел 1899 год. – СПб.: тип. Ф. Фрюсно, 1899. – С. 96, 420, 471.
448. Самарина У. С. Воспоминания Михаила Михайловича Осоргина, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920 / Отв. ред. А. Л. Налепин. – М.: студия «ТРИТЭ», 2009.
449. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1901 год. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1901. – С. 35.
450. Придворный календарь на 1904 год. – СПб.: тип. Двора Его Величества, 1904. – С. 213.
451. Ежегодник Министерства иностранных дел 1904 год. – СПб.: тип. Ф. Фрюсно, 1904. – С. 73.
452. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи на 1906 год. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1906. – С. 37, 713.
453. ЦИАМ, ф. 1328, оп. 1.
454. Ежегодник Министерства иностранных дел 1907 год. – СПб.: тип. Ф. Фрюсно, 1907. – С. 47.
455. Ежегодник Министерства иностранных дел 1908 год. – СПб.: тип. Ф. Фрюсно, 1908. – С. 48.
456. Ежегодник Министерства иностранных дел 1909 год. – СПб.: тип. Ф. Фрюсно, 1909. – С. 189.
457. Гасперович В., Катин-Ярцев М., Талалай М., Шумков А. Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений // Российский некрополь. Вып. 6. – СПб.: ВИРД, 2000.
458. Успенский Ф. И. Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1895 год // Известия Императорской академии наук. – 1896. – Т. 5. – № 3. – С. 179–207.
459. Ikonnikov N. La Noblesse de Russie. T. I. – Paris, 1959. – P. 148, 150, 151.

460. ГАРФ, ф. 813, оп. 1, д. 31.
461. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. – 4-е изд. – М.–Л.: Государственное изд-во, 1930.
462. Павлинова В. П. Николай Григорьевич Рубинштейн и Николай Петрович Трубецкой; Николай Рубинштейн и его время / Сборник статей. – М.: науч.-издат. центр «Московская консерватория», 2012. – С. 82–95.
463. Трубецкой Е. Н. Из прошлого: воспоминания. Из путевых заметок беженца. – Томск: Водолей, 2000.
464. Трубецкая Е. Э. Сказания о роде князей Трубецких. – М.: Университетская тип., 1891.
465. Скабичевский А. М. М. Ю. Лермонтов. – СПб.: тип. «Общественная польза», 1891. – С. 44.
466. Князь Сергей Николаевич Трубецкой / Собрал Энпэ. – СПб.: тип. М. Фроловой, 1905.
467. А. П. Шан-Гирей – М. Ю. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников // Сост., подгот. текстов и коммент. М. Гиллельсона и О. Миллер. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 37–38.
468. Низовский А. Ю. Усадьбы России: подмосковные. От Петербурга до Саратова. – М.: Вече, 2005. – С. 16–17.
469. Нащокина М. В. Дворянские гнезда России: история, культура, архитектура: очерки. Три века русского искусства. – М.: Жираф, 2000. – С. 44.
470. Некрасов М. История деревни Меньшово // Подольский рабочий. – 2009. – Вып. 77. – С. 5.
471. Некрасов М. История деревни Меньшово // Подольский рабочий. – 2009. – Вып. 78. – С. 12.
472. Трубецкая О. Н. Князь С. Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. – Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1953.
473. Табель домов города Москвы. – СПб.: изд. Гоппе и Корнфельда, 1867. – С. 75.
474. Императорское русское музыкальное общество, Московское отд.. – М.: тип. А. А. Левенсона, 1899. – С. II.
475. Сабанеев Л. Л. Воспоминания о Скрябине. – М.: Классика-XXI, 2000.
476. Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. Публицистические статьи. – М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. – С. 383–388.
477. Попов Н. Е. (псевдоним Энпе). Князь Сергей Николаевич Трубецкой – первый борец за правду и свободу русского народа. – СПб.: тип. М. Фроловой, 1905. – С. 7–8.
478. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. – М.: Канон, 1998. – С. 69–70.
479. Соловьев В. С. В 2 т. – М.: Мысль, 1988. – С. 655.
480. О природе человеческого сознания / Трубецкой С. Н. Сочинения. – М.: Мысль, 1994. – С. 533.
481. Сарычев Я. В. Пророчество и провокация: «неохристианская догматика и символическое «жизнетворчество» // Вестник ВГУ (серия «Гуманитарные науки»). – 2005. – № 1. – С. 222–237.
482. Думова Н. Г. Московские меценаты. – М.: Молодая гвардия, 1992.
483. Томпакова О. М. А. Н. Скрябин. Человек, художник, мыслитель // Гос. мемориальный музей А. Н. Скрябина. – М., 1994. – С. 55.
484. Сабанеев Л. Скрябин. – М.: Скорпион, 1916.
485. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. – М.: Московский рабочий, 1994. – С. 458.
486. Ferrand J. Les familles princières de l'ancien empire de Russie: en émigration en 1978. – Montreuil: published by J. Ferrand, 1979. – P. 161.
487. Лермонтов Н. Г. Воспоминания о детстве и о скульпторе Паоло Трубецком // Герценка. Вятские записки. Вып. 17. – Киров, 2010.
488. Трубецкой В. С. Записки кирасира: мемуары. – М.: Россия, 1991. – С. 2.
489. Краевский Б. П., Голицын А. К. Лопухины в истории Отечества. – М. Центрполиграф, 2001. – С. 466–478.
490. Домогацкая С. Паоло Трубецкой и Россия // Третьяковская галерея. – 2009. – № 2. – С. 31–41.
491. Аксакова Т. А. Семейная хроника. Кн. 2. – Париж: Atheneum, 1988.
492. П. А. Румянцев. Т. 1. 1756–1763 // Русские полководцы / Под общей ред. В. Д. Стырова и А. В. Сухомлина. – М.: Военное изд-во Военного министерства, 1953.
493. Журнал военных действий Российской императорской армии, собранных из Санкт-Петербургских ведомостей. Ч. 2. 1757–1758 годы. – СПб.: издано при Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, 1761. – С. 215.
494. Журнал военных действий Российской императорской армии, собранных из Санкт-Петербургских ведомостей. Ч. 1. 1759–1760 годы. – СПб.: издано при Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, 1763. – С. 70, 75, 83.
495. Степанов В. П. Русское служивое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). – СПб.: Русский гуманитарный научный фонд, 2003. – С. 357.
496. Месяцеслов с росписью чиновных особ. – СПб.: Императорская академия наук, 1779. – С. 279.
497. Месяцеслов с росписью чиновных особ. – СПб.: Императорская академия наук, 1780. – С. 281.

498. Месяцеслов с росписью чиновных особ. – СПб.: Императорская академия наук, 1781. – С. 213.
499. Месяцеслов с росписью чиновных особ. – СПб.: Императорская академия наук, 1788. – С. 164.
500. Месяцеслов с росписью чиновных особ. – СПб.: Императорская академия наук, 1789. – С. 157.
501. Месяцеслов с росписью чиновных особ. – СПб.: Императорская академия наук, 1790. – С. 173.
502. Лукомский В. К. и барон Типольт Н. А. Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов. – Петроград: Императорское общество поощрения художеств, 1915. – С. 9–10.
503. Веселый Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. – СПб.: тип. Морского кадетского корпуса, 1852. – С. 29.
504. Материалы для истории русского флота / Под ред. С. И. Елагина. Ч. XIII. – СПб.: Морское министерство, 1890. – С. 436.
505. Морской сборник. – СПб.: Морское министерство. – 1858. – Т 38. – № 12. – С. 43–48.
506. Общий морской список. Ч. IV. Царствование Екатерины II. – СПб., 1872. – С. 239.
507. Шишков А. С., Чичагов П. В. Военные действия российского флота против шведского в 1788, 1789, 1790 годах. – СПб.: тип. Российской академии, 1826.
508. Материалы для истории русского флота. / Под ред. С. И. Елагина. Ч. XIV. – СПб.: Морское министерство. – 1893. – С. 287.
509. Лермонтов В. М. Записки кавалериста / Сост. В. Н. Цугулиев. – М.: Общество сохранения литературного наследия, 2011.
510. Елдашев А. М. Казанский некрополь (XVI – начало XX в.). – Казань: Центр инновационных технологий, 2008. – С. 142–150.
511. Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. – Киров: Волго-Вятское книжное изд-во, Кировское отд., 1986. – С. 62.
512. Белова М. Ю. Николай Юрьевич Лермонтов – ярославский архитектор // Материалы чтений «Лермонтовский свет на Ярославской земле». – Ярославль, 2010. – С. 39–41.
513. Пенкин А. Г. Никиты Понизовкина сыновья. Из истории рода / Под ред. Н. В. Обнорской. – Ярославль: Эколлайн, 2010. – С. 143–152.
514. Янгиров Р., Ишниязова Р. Призвание – зодчий // Уфимские ведомости. – 2013. – № 31 (637), 25 апреля.
515. Жерве В. В. К биографии П. А. Федотова // Исторический вестник. – СПб.: тип. А. С. Суворина. – 1901. – Т. 83.
516. Булгаков Ф. И. Павел Андреевич Федотов и его произведения художественные и литературные. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1893.
517. Шумова М. Н. Павел Федотов. Каталог. К 175-летию со дня рождения. – СПб.: Седа-С, 1993. – С. 116.
518. Жизнь Петра Ильича Чайковского: по документам, хранившимся в архиве в Клину. Т. 1 (из собраний Пушкинского Дома). – М.: Алгоритм, 1997. – С. 81–85.
519. Тютрюмов И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов. Кн. 1. Отд. IV. О детях узаконенных. – М.: Статут, 2004. – С. 100–120.
520. РГИА, ф. 1412, оп. 11, д. 433.
521. РГИА, ф. 1243, оп. 36, ч. 1, № 13998–13999.
522. Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 9. Начала русского государственного права. Ч. 3. Органы местного управления. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1904. – С. 303–306.
523. Адрес-календарь личного состава правительственных и общественных учреждений Киевской губернии на 1878 год. – Киев.: Киевский губернский статистический комитет, 1878. – С. 7а.
524. Адрес-календарь личного состава правительственных и общественных учреждений Киевской губернии на 1886 год. – Киев.: Киевский губернский статистический комитет, 1886. – С. 54.
525. Памятная книжка Киевской губернии на 1892 год. – Киев: Киевский губернский статистический комитет, 1892. – С. 26.
526. Памятная книжка Киевской губернии на 1895 год. – Киев: Киевский губернский статистический комитет, 1895. – С. 24.
527. Памятная книжка Киевской губернии на 1902 год. – Киев: Киевский губернский статистический комитет, 1901. – С. 298.
528. Памятная книжка Киевской губернии на 1907 год. – Киев: Киевский губернский статистический комитет, 1906. – С. 144.
529. Памятная книжка Киевской губернии на 1908 год. Ч. 2. – Киев: лито-типография Губернского правления, 1908. – С. 183.
530. Памятная книжка Киевской губернии на 1909 год. Ч. 2. – Киев: лито-типография Губернского правления, 1909. – С. 162.
531. Памятная книжка Киевской губернии на 1911 год. Ч. 2. – Киев: лито-типография Губернского правления, 1911. – С. 165.
532. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц на 1905 год. Ч. 1. – СПб.: Инспекторский отдел собственной Е. И. В. канцелярии, 1905. – С. 908.

533. Гульдман В. К. Подольский адрес-календарь. – Каменец-Подольский: Подольский губернский статистический комитет, 1895. – С. 40.
534. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц на 1892 год. Ч. 1. – СПб.: Инспекторский отдел собственной Е. И. В. канцелярии, 1892. – С. 133.
535. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц. Ч. 1. – СПб.: Инспекторский отдел собственной Е. И. В. канцелярии, 1893. – С. 272.
536. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц. Ч. 1. – СПб.: Инспекторский отдел собственной Е. И. В. канцелярии, 1894. – С. 218, 281.
537. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц. Ч. 1. – СПб.: Инспекторский отдел собственной Е. И. В. канцелярии, 1895. – С. 222, 287.
538. Батюшков П. Н. Подолия. Историческое описание. Объяснения к рисункам. – СПб.: Министерство внутренних дел, 1891. – С. 69–70.
539. Брусилов А. А. Мои воспоминания. – 4-е изд. – М.: Народный комиссариат Вооруженных сил Союза ССР, 1946.
540. Валь Э. Г., ф. Кавалерийские обходы генерала Каледина. – Таллин, изд. авт., 1933.
541. Михаленко А. П. И жили дружною семьею солдат, корнет и генерал. – М.: Рейтар, 2001. – С. 51, 54.
542. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. – Париж: Дж. Полоцкий и К°, 1922. – С. 162.
543. Кресновский А. А. История русской армии. Т. 3. 1881–1915 гг. – М.: Голос, 1994. – С. 223.
544. Ковалевский Н. Ф. История государства Российского: Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX в. – М.: Книжная палата, 1997. – С. 155–160.
545. Маннергейм К. Г. Мемуары. – М.: Вагриус, 2000. – С. 23–27.
546. Wipert von Blücher. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. – Wiesbaden, 1951. – S. 231.
547. Валь Э. Г., ф. Действия 12-й кавалерийской дивизии в период командования ею свиты Его Величества генерал-майора барона Маннергейма. – Таллин, изд. авт., 1936.
548. Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. – М.: Воениздат, 1940. – С. 146.
549. Косаренко И. Г. Лимарьевка // Коневодство и конный спорт. – 1968. – № 3. – С. 9–12.
550. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 2. – М.: Новый мир, 1990. – С. 45–80.
551. Марголин Ю. Б. Путешествие в страну Зе-Ка. – Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1952. – С. 28.
552. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956. Ч. V–VIII. – М.: Время. – С. 395.
553. Соколов В. Н. Борец-мученик за святую Русь Владимир Федорович фон дер Лауниц. – Ставрополь: Лермонтовское наследие, 2000.
554. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. – 1994. – № 8.
555. Голубчик Е. М., Маркова С. С. Все о Мордовии: энциклопедический справочник. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2005. – С. 229.
556. Известия Тамбовской губернской архивной комиссии. – Тамбов: тип. Губернского правления. – 1893. – Вып. 34. – С. 52–53.
557. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 28. 1804–1805. – СПб.: тип. II отдельной собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – С. 98.
558. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. – СПб.: А. Ф. Девриен, 1902. – С. 335–337.
559. Сведения о помещичьих имениях. В 6 т. Т. 3. Тамбовская губерния. – СПб.: тип. В. Безобразова, 1860. – С. 20.
560. Кудрявцева З. И. Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 года // Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. – С. 254.
561. Вагнер Г. К., Чугунов С. В. Рязанские достопримечательности. – М.: Искусство, 1989. – С. 70-73.
562. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 8. – М.: тип. М. Н. Кушнера, 1891. – С. 124.
563. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1785 года. – СПб.: изд-во собственной Е. И. В. канцелярии, 1885. – С. 334.
564. Илляшевич Л. В. Краткий очерк истории Харьковского дворянства. Приложения. – Харьков: тип. М. Зильберберга, 1885. – С. 2.
565. Харьковский календарь. – Харьков: Харьковский губернский статистический комитет, 1896. – С.93.
566. Харьковский календарь. – Харьков: Харьковский губернский статистический комитет, 1898. – С. 95, 98, 99, 117.
567. Харьковский календарь. – Харьков: Харьковский губернский статистический комитет, 1899. – С. 17.
568. Харьковский календарь. – Харьков: Харьковский губернский статистический комитет, 1900. – С. 87, 92, 93.
569. 1892 год в сельскохозяйственном отношении. По ответам, полученным от хозяев. – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1892. – С. 71.

570. Соболев Г. Девять Трубчевских колен династии Трубецких. – Трубчевск, 2010.
571. Русский биографический словарь / Под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 7. – СПб.: тип. Главного управления уделов, 1897. – С. 200.
572. Духовская В. Ф. Из моих воспоминаний. – СПб.: тип. Р. Голике, 1900. – С. 10.
573. Голицын А. Д. Воспоминания. – М.: Русский путь, 2009.
574. Глебова С. Поездка в Ясную Поляну // Яснополянский сборник. – Тула: Тульское книжное изд-во, 1981. – С. 211–220.
575. Адрес-календарь города Москвы на 1890 год. – М.: Московская городская управа, 1890. – С. 389.
576. Адрес-календарь города Москвы на 1893 год. Алфавитный указатель адресов. – М.: Московская городская управа, 1893. – С. 37.
577. Мнухин Л., Авриль М., Лосская В. Российское зарубежье во Франции 1919–2000. – М.: Наука, 2008. – С. 302
578. Папоров Ю. Петр Глебов. – М.: Олма-Пресс, 2003.
579. Кончаловский А. Возвышающий обман. – М.: Совершенно секретно, 2002.
580. Михалков Н. Прямая речь. – Сибирский цирюльник, 2011.
581. Михаил Лермонтов: Воспитание красотой // Элита общества. – 2004. – № 12.
582. Лермонтов М. Ю., Лермонтова М. М., Цугулиев А. В. Национальный Лермонтовский центр в Середниково / Европейский твиннинг «Сохранение памятников истории и культуры на основе государственно-частного партнерства». Кн. 2 (русское изд.). – М.: Дипак, 2008. – С. 168–202.
583. Дворцы и усадьбы (Тверь). – 2011. – № 44.
584. Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 22 т. Т. 16. О народном образовании. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 25–26.
585. Абанкина Т. В., Гнедовский В. М. Веймар – Ясная Поляна – Стратфорд: сравнительная характеристика трех культурно-туристических регионов // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2010. – № 8.
586. Екатерина Александровна Толстая: Семейные ценности // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2012. – № 10.
587. Вестник Кавказа. – 2012, 26 ноября.
588. Щербаков О. Место встречи в День поэзии // Независимое военное обозрение. – 2013, 28 марта.
589. Российская газета. – 2012, 8 ноября.
590. Партполитпросвет. – 2003. – № 17 (5922), 30 апреля – 6 мая.
591. Сокирко В. Никита Михалков о партии «За нашу Родину»: Рад, что нашлись люди, которым пригодился мой манифест // Комсомольская правда. – 2012, 13 июля.
592. Отрывки из книги воспоминаний М. А. Лермонтова «Почему я?» // Кадетская перекличка. – 2009. – № 80. – С. 127–240.
593. Горчаков О. Если бы мы не любили так нежно. – М.: Терра, 1994.
594. Овчининская Л., Королева Т., Воронцов И., Татаринова О., Дж. Лермонт. О Томасе Лермонте – шотландском предке русского поэта // Лермонтовское наследие. – М.: Детская литература, 1993.
595. Месяцеслов, или Общий штат Российской империи. – СПб.: Императорская академия наук: 1785, с. 133; 1786, с. 119; 1787, с. 127; 1788, с. 118; 1789, с. 112; 1790, с. 122; 1796, с. 247; 1803, с. 398; 1805, с. 19; 1811, с. 25; 1812, с. 26.
596. Список дворян Киевской губернии. – Киев: Киевское дворянское собрание, 1906. – С. 229.
597. Моторина Л. А. Ректор института Дмитрий Павлович Рузский 06.11.19 – 11.07. 21 // Научно-технические ведомости СПбГТУ. – 1999. – № 2.
598. Варшавско-Ивангородская операция // Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917). – М.: Народный комиссариат обороны Союза ССР, 1938.
599. Щеголев П. Е. Ген. Н. В. Рузский. Беседа с журналистом В. Самойловым. В кн. «Отречение Николая II: воспоминания очевидцев, документы». – М.: Советский писатель, 1927. – С. 142–247.
600. Акт расследования по делу об аресте и убийстве заложников в Пятигорске в октябре 1918 г. – Ростов-на-Дону, 1919. – С. 1–25.
601. Вестник Европы. – 2010. – Т. 36 (октябрь).
602. Molchanova T., Learmonth R. Learmonth-Lermontov. A history of the name and families. – UK, 2011.
603. Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год. – СПб.: тип. III отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1837. – С. 859.
604. Аллер С. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга с планом на 1823 год. – СПб.: тип. Департамента народного просвещения, 1822. – С. 28.
605. Шуберт Ф. Ф. Подробный план Санкт-Петербурга 1828 года. – СПб.: Военно-топографическое депо, 1828.
606. Лермонтовские места в Ленинграде // Ленинградская правда. – 1939, 10 октября.
607. Соловьева Т. А. Английская набережная. – СПб.: Бельведер, 2004. – С. 133–137.

УДК 929
ББК 83.3(0)5
М75

Молчанова Татьяна Павловна

Лермонтовы
1613–2013
Российский род
шотландского происхождения

✽

Издатель Антон Жигульский
Главный редактор Ирина Леонтьева
Дизайнер Юлия Верповская
Редактор Анна Соснина
Корректор Наталья Лемешева

Подписано в печать 5.06.2014
ООО «Издательство «Волант»
Тел. (495) 989-1008

ISBN 978-5-904799-34-2